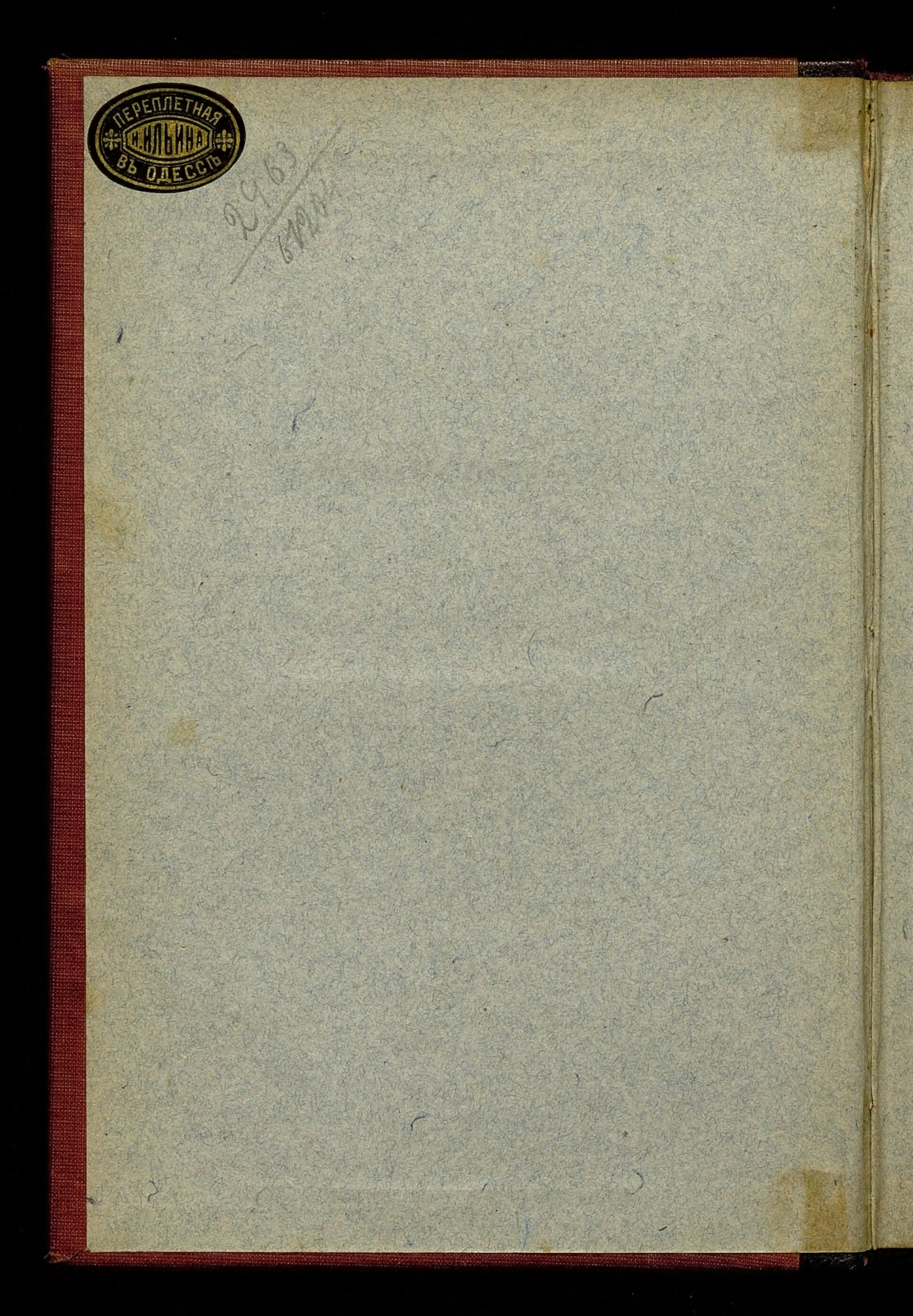

Сочиненія
В. Бѣлинскаго
1
И. И.

ПЕРЕПЛЕТНАЯ
И. ИЛЬИНА
ВЪ ОДЕССѢ
2963

СОЧИНЕНІЯ

В. БѢЛИНСКАГО.

СОЧИНЕНІЯ

В. БѢЛИНСКАГО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Цѣна 1 р. 25 к.

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5.
1881.

1834.

МОЛВА *).

*) „Молва“ выходила въ этомъ году при „Телескопѣ въ одномъ съ нимъ форматѣ.

I.

КРИТИКА.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ МЕЧТАНІЯ *).

(ЭЛЕГІЯ ВЪ ПРОЗѢ).

Я правду о тебѣ поразскажу такую,
Что хуже всякой лжи. Вотъ, братъ, рекомендую:
Какъ этакихъ людей учтивѣе зовутъ?..

Горе отъ ума.

Есть ли у васъ хорошія книги?—Нѣтъ, но у насъ есть великіе писатели.—Такъ, по крайней мѣрѣ, у васъ есть Словесность?—Напротивъ, у насъ есть только книжная торговля.

Баронъ Брамбеусъ.

Помните ли вы то блаженное время, когда въ нашей литературѣ пробудилось было какое-то дыханіе жизни, когда появлялся талантъ за талантомъ, поэма за поэмою, романъ за романомъ, журналъ за журналомъ, альманахъ за альманахомъ; то прекрасное время, когда мы такъ гордились настоящимъ, такъ лелѣяли себя будущимъ, и, гордые нашею дѣйствительностію, а еще болѣе сладостными надеждами, твердо были увѣрены, что имѣемъ своихъ Байроновъ, Шекспировъ, Шиллеровъ, Вальтеръ-Скоттовъ? Увы! гдѣ ты, о bon vieux temps, гдѣ вы мечты отрадныя, гдѣ ты надежда-обольститель! какъ все перемѣнилось въ столь короткое

*) Статья эта первая изъ извѣстныхъ, за исключеніемъ довольно плохаго стихотворенія въ „Листкѣ" 27 мая 1831 года.—Начало этой статьи, которою Бѣлинскій серьезно выступилъ на литературное поприще, появилось 21 сентября 1834 года.

время! Какое ужасное, раздирающее душу разочарованіе, послѣ столь сильнаго, столь сладкаго обольщенія! Подломились ходульки нашихъ литературныхъ атлетовъ, рухнули соломенные подмостки, на кои, бывало, карабкалась золотая посредственность, а вмѣстѣ съ тѣмъ умолкли, заснули, исчезли и тѣ немногія и небольшія дарованія, которыми мы такъ обольщались во время оно. Мы спали, и видѣли себя Крезами, а проснулись Ирами! Увы! какъ хорошо идутъ къ каждому изъ нашихъ геніевъ и полугеніевъ сіи трогательныя слова поэта:

Не разцвѣлъ и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней!

Да—*прежде и нынѣ, тогда и теперь!* Великій Боже!... Пушкинъ, поэтъ русскій по преимуществу, Пушкинъ, въ сильныхъ и мощныхъ пѣсняхъ котораго впервые пахнуло вѣяніе жизни русской, игривый и разнообразный талантъ котораго такъ любила и лелѣяла Русь, къ гармоническимъ звукамъ котораго она такъ жадно прислушивалась и на кои отозвалась съ такою любовью, Пушкинъ, авторъ Полтавы и Годунова—и Пушкинъ, авторъ Анжело и другихъ мертвыхъ, безжизненныхъ сказокъ!... Козловъ, задумчивый пѣвецъ страданій Чернеца, стоившихъ столькихъ слезъ прекраснымъ читательницамъ, этотъ слѣпецъ, такъ гармонически передававшій намъ, бывало, свои роскошныя видѣнія, и Козловъ—авторъ балладъ и другихъ стихотвореній, длинныхъ и короткихъ, напечатанныхъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» и о коихъ только и можно сказать, что въ нихъ все обстоитъ благополучно, какъ уже было замѣчено въ Москвѣ!... какая разница!... Много бы, очень много, могли мы прибрать здѣсь такихъ печальныхъ сравненій, такихъ горестныхъ контрастовъ, но... словомъ, какъ говоритъ Ламартинъ:

Les dieux étaient tombés, les trônes étaient vides!

Какіе же новые боги заступили вакантныя мѣста старыхъ? Увы, они смѣнили ихъ, не замѣнивъ! Прежде наши аристархи, заносившіеся юными надеждами, всѣхъ обольщавшими въ то время, восклицали въ чаду дѣтскаго, простодушнаго упоенія: «Пушкинъ—сѣверный Байронъ, представитель современнаго человѣчества!» Нынѣ, на нашихъ литературныхъ рынкахъ, наши неутомимые герольды вопіютъ громко: «Кукольникъ, великій Кукольникъ, Кукольникъ—Байронъ, Кукольникъ отважный соперникъ Шекспира! на колѣна передъ Кукольникомъ» *). Теперь Баратынскихъ, Подолинскихъ, Языковыхъ, Туманскихъ, Ознобишиныхъ смѣнили гг. Тимофеевы, Ершовы; на поприщѣ ихъ замолкнувшей славы величаются гг. Брамбеусы, Булгарины, Гречи, Калашниковы, по пословицѣ, на безлюдьи и Ѳома дворянинъ. Первые или подчуютъ насъ изрѣдка старыми погудками на старый же ладъ, или хранятъ скромное молчаніе; послѣдніе размѣниваются комплиментами, называютъ другъ друга геніями и кричатъ во всеуслышаніе, чтобы поскорѣе раскупали ихъ книги. Мы всегда были слишкомъ неумѣренны въ раздачѣ лавровыхъ вѣнковъ генія, въ похвалахъ корифеямъ нашей поэзіи: это нашъ давнишній порокъ; по крайней мѣрѣ, прежде причиною этого было невинное обольщеніе, происходившее изъ благороднаго источника—любви къ родному; нынѣ же рѣшительно все основано на корыстныхъ разсчетахъ; сверхъ того, прежде еще и было чѣмъ похвастаться; нынѣ же.... Отнюдь не думая обижать прекрасный талантъ г-на Кукольника, мы, все-таки, не запинаясь можемъ сказать утвердительно, что между Пушкинымъ и имъ, г-номъ Кукольниковымъ, пространство неизмѣримое, что ему, г-ну Кукольнику, до Пушкина.

Какъ до звѣзды небесной далеко!

*) «Библіотека для чтенія» и «Инвалидныя Прибавленія къ Литературѣ».

Да—Крыловъ и г. Зиловъ, «Юрій Милославскій» Загоскина и «Черная Женщина» г-на Греча, «Послѣдній Новикъ» Лажечникова и «Стрѣльцы» г-на Масальскаго и «Мазепа» г-на Булгарина, повѣсти Одоевскаго, Марлинскаго, Гоголя—и повѣсти, съ позволенія сказать, г-на Брамбеуса!!!... Что̀ все это означаетъ! Какія причины такой пустоты въ нашей литературѣ? Или и въ самомъ дѣлѣ—у насъ нѣтъ литературы?...

Pas de grâce!
Hugo, Marion de Lorme.

Да — у насъ нѣтъ литературы!

«Вотъ прекрасно! вотъ новость!» слышу я тысячу голосовъ, въ отвѣтъ на мою дерзкую выходку. «А наши журналы, неусыпно подвизающіеся за насъ на ловитвѣ европейскаго просвѣщенія, а наши альманахи, наполненные геніальными отрывками изъ недоконченныхъ поэмъ, драмъ, фантазій, а наши библіотеки, биткомъ набитыя многими тысячами книгъ россійскаго сочиненія, а наши Гомеры, Шекспиры, Гёте, Вальтеръ-Скотты, Байроны, Шиллеры, Бальзаки, Корнели, Мольеры, Аристофаны? Развѣ мы не имѣемъ Ломоносова, Хераскова, Державина, Богдановича, Петрова, Дмитріева, Карамзина, Крылова, Батюшкова, Жуковскаго, Пушкина, Баратынскаго и пр. и пр. А! что̀ вы на это скажете?»

А вотъ что̀, милостивые государи: хотя я не имѣю чести быть барономъ, но у меня есть своя фантазія, вслѣдствіе которой я упорно держусь той роковой мысли, что, несмотря на то, что нашъ Сумароковъ далеко оставилъ за собою въ трагедіяхъ господина Корнеля и господина Расина, а въ притчахъ господина Лафонтена; что нашъ Херасковъ, въ прославленіи на лирѣ громкой славы Россовъ, сравнялся съ

Гомеромъ и Виргиліемъ, и подъ щитомъ Владиміра и Іоанна по добру и здорову пробрался во храмъ безсмертія *); что нашъ Пушкинъ въ самое короткое время успѣлъ стать на ряду съ Байрономъ и сдѣлался представителемъ человѣчества; несмотря на то, что нашъ неистощимый Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ, истинный бичъ и гонитель злыхъ пороковъ, уже десять лѣтъ доказываетъ въ своихъ сочиненіяхъ, что не годится плутовать и мошенничать человѣку comme il faut, что пьянство и воровство суть грѣхи непростительные, и который своими право-описательными и нравственно-сатирическими (не правильнѣе ли полицейскими) романами и народно-юмористическими статейками на цѣлыя столѣтія двинулъ впередъ наше гостепріимное отечество по части нравоисправленія; несмотря на то, что нашъ юный левъ поэзіи, нашъ могущественный Кукольникъ съ перваго прыжка догналъ всеобъемлющаго исполина Гёте, и только со втораго поотсталъ не много отъ Крюковскаго; несмотря на то, что нашъ достопочтенный Николай Ивановичъ Гречъ (вкупѣ и въ любѣ съ Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ) разанатомировалъ, разнялъ по суставамъ нашъ языкъ и представилъ его законы въ своей тройственной грамматикѣ—этой истинной скиніи завѣта, куда, кромѣ его, Николая Ивановича Греча, и друга его, Ѳаддея Венедиктовича, еще доселѣ не ступала нога ни одного профана; тотъ Николай Ивановичъ Гречъ, который во всю жизнь свою не дѣлалъ грамматическихъ ошибокъ и только въ своемъ дивномъ поэтическомъ созданіи—«Черная женщина»—еще въ первый разъ, по уликѣ чувствительнаго князя Шаликова, поссорился съ грамматикою, видно увлекшись слишкомъ разыгравшеюся фантазіею; несмотря на то, что нашъ г. Калашниковъ заткнулъ за поясъ Купера въ роскошныхъ описаніяхъ безбрежныхъ пустынь русской Америки—Сибири,

---

*) То есть во Всеобщую Исторію г. Кайданова.

и въ изображеніи ея дикихъ красотъ; несмотря на то, что нашъ геніальный Баронъ Брамбеусъ своею толстою фантастическою книгою на смерть пришлепнулъ Шампольона и Кювье, двухъ величайшихъ шарлатановъ и надувателей, которыхъ невѣжественная Европа имѣла глупость почитать доселѣ великими учеными, а въ ѣдкомъ остроуміи смялъ подъ ноги Вольтера, перваго въ мірѣ остроумца и балагура; несмотря, говорю я, на убѣдительное и краснорѣчивое опроверженіе нелѣпой мысли, будто у насъ нѣтъ литературы, опроверженіе такъ умно и сильно провозглашенное въ «Библіотекѣ для Чтенія» глубокомысленнымъ азіятскимъ критикомъ Тютюнджи-Оглу;—несмотря на все на это, повторяю: у насъ нѣтъ литературы!... Уфъ! усталъ! Дайте перевести духъ—совсѣмъ задохнулся!... Право, отъ такого длиннаго періода поперхнется въ горлѣ даже и у Барона Брамбеуса, который и самъ мастакъ на великіе періоды...

Что̀ такое литература?

Одни говорятъ, что подъ литературою какого-либо народа должно разумѣть весь кругъ его умственной дѣятельности, проявившейся въ письменности. Вслѣдствіе сего нашу, напримѣръ, литературу составятъ: Исторія Карамзина и Исторія гг. Эмина и С. Н. Глинки, историческія розысканія Шлецера, Эверса, Каченовскаго и статья г. Сенковскаго объ Исландскихъ Сагахъ, Физики Велланскаго и Павлова и «Разрушеніе Коперниковой Системы» съ брошюркою о клопахъ и тараканахъ; Борисъ Годуновъ Пушкина и нѣкоторыя сцены изъ историческихъ драмъ со штями и анисовкою, оды Державина и Александроида г. Свѣчина и пр. Если такъ, то у насъ есть литература, и литература богатая громкими именами и не менѣе того громкими сочиненіями.

Другіе подъ словомъ литература понимаютъ собраніе извѣстнаго числа изящныхъ произведеній, т. е., какъ говорятъ французы, chef-d'oeuvres de littérature. И въ этомъ смыслѣ у насъ есть литература, ибо мы можемъ похвалиться

большимъ или меньшимъ числомъ сочиненій Ломоносова, Державина, Хемницера, Крылова, Грибоѣдова, Батюшкова, Жуковскаго, Пушкина, Озерова, Загоскина, Лажечникова, Марлинскаго, кн. Одоевскаго, и еще нѣкоторыхъ другихъ. Но есть ли хотя одинъ языкъ на свѣтѣ, на коемъ бы не было сколькихъ-нибудь образцовыхъ художественныхъ произведеній, хотя народныхъ пѣсенъ? Удивительно ли, что въ Россіи, которая обширностью своею превосходитъ всю Европу, а народонаселеніемъ каждое европейское государство, отдѣльно взятое, удивительно ли, что въ этой новой Римской Имперіи явилось людей съ талантами болѣе, нежели, напримѣръ, въ какой-нибудь Сербіи, Швеціи, Даніи и другихъ крохотныхъ земелькахъ? Все это въ порядкѣ вещей, и изъ всего этого еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы у насъ была литература.

Но есть еще третье мнѣніе, не похожее ни на одно изъ обоихъ предъидущихъ, мнѣніе, вслѣдствіе котораго литературою называется собраніе такого рода художественно-словесныхъ произведеній, которыя суть плодъ свободнаго вдохновенія и дружныхъ (хотя и неусловленныхъ) усилій людей, созданныхъ для искусства, дышущихъ для одного его и уничтожающихся внѣ его, вполнѣ выражающихъ и воспроизводящихъ въ своихъ изящныхъ созданіяхъ духъ того народа, среди котораго они рождены и воспитаны, жизнію котораго они живутъ и духомъ котораго дышатъ, выражающихъ въ своихъ творческихъ произведеніяхъ его внутреннюю жизнь до сокровеннѣйшихъ глубинъ и біеній. Въ исторіи такой литературы нѣтъ и не можетъ быть скачковъ; напротивъ, въ ней все послѣдовательно, все естественно, нѣтъ никакихъ насильственныхъ или принужденныхъ переломовъ, происшедшихъ отъ какого-нибудь чуждаго вліянія. Такая литература не можетъ въ одно и то же время быть и французскою и нѣмецкою и англійскою и италіянскою. Это мысль не новая: она давно была высказана тысячу

разъ. Казалось бы, не для чего и повторять ее. Но, увы! какъ много есть пошлыхъ истинъ, которыя у насъ должно твердить и повторять каждый день во всеуслышаніе! У насъ, у которыхъ такъ зыбки, такъ шатки литературныя мнѣнія, такъ темны и загадочны литературные вопросы; у насъ, у которыхъ одинъ недоволенъ второю частію Фауста, а другой въ восторгѣ отъ Черной Женщины, одинъ бранитъ кровавые ужасы Лукреціи Борджіа, а тысячи услаждаютъ себя романами гг. Булгарина и Орлова, у насъ, у которыхъ публика есть настоящее изображеніе людей послѣ вавилонскаго столпотворенія, гдѣ

Одинъ кричитъ арбуза,
А тотъ соленыхъ огурцовъ;

наконецъ, у насъ, у которыхъ такъ дешево продаются и покупаются лавровые вѣнки генія, у которыхъ всякая смышленность, вспомоществуемая дерзостію и безстыдствомъ, пріобрѣтаетъ себѣ громкую извѣстность, нагло ругаясь надъ всѣмъ святымъ и великимъ человѣчества подъ какою-нибудь баронскою маскою; у насъ, у которыхъ купчая крѣпость на цѣлую литературу и всѣхъ ея геніевъ доставляетъ тысячи подписчиковъ на иной торговый журналъ; у насъ, у которыхъ нелѣпыя бредни, воскрешающія собою позабытую ученость Тредьяковскихъ и Эминыхъ, грамогласно объявляются всемірными статьями, долженствующими произвести рѣшительный переворотъ въ русской исторіи?... Нѣтъ: пиши, говори, кричи всякій, у кого есть хоть сколько-нибудь безкорыстной любви къ отечеству, къ добру и истинѣ; не говорю познаній, ибо многіе печальные опыты доказали намъ, что, въ дѣлѣ истины, познанія и глубокая ученость совсѣмъ не одно и то же съ безпристрастіемъ и справедливостію...

Итакъ, оправдываетъ ли наша словесность послѣднее опредѣленіе литературы, приведенное мною? Чтобы рѣшить

этотъ вопросъ, бросимъ бѣглый взглядъ на ходъ нашей литературы отъ Ломоносова, перваго ея генія, до г-на Кукольника, послѣдняго ея генія.

La verité! la verité! rien plus que la verité!

— «Какъ, что такое? Неужели обозрѣніе?» спрашиваютъ меня испуганные читатели.

Да, милостивые государи, оно хоть и не совсѣмъ обозрѣніе, а похоже на то. Итакъ—silence!—Но что я вижу? Вы морщитесь, пожимаете плечами, вы хоромъ кричите мнѣ: «Нѣтъ, братъ, стара шутка—не надуешь.... мы еще не забыли и прежнихъ обозрѣній, отъ которыхъ намъ жутко приходилось! Мы, пожалуй, напередъ прочтемъ тебѣ наизустъ все то, о чемъ ты намъ будешь проповѣдывать. Все это мы и сами знаемъ не хуже тебя. Вѣдь нынѣ не то, что прежде; тогда хорошо было вашей братьи, не призваннымъ обозрѣвателямъ, морочить насъ, бѣдныхъ читателей, а теперь всякій обзавелся своимъ умишкомъ, и въ состояніи толковать вкось и вкривь о томъ и о семъ»...

Что мнѣ отвѣчать вамъ на это неизбѣжимое привѣтствіе?... Право, ума не приложу.... Однакожъ.... прочтите, хоть такъ, отъ скуки—вѣдь нынѣ, знаете, нечего читать, такъ оно и кстати.... Можетъ быть (вѣдь чѣмъ чортъ не шутитъ!), можетъ-быть, вы найдете въ моемъ краткомъ (слышите-ли краткомъ!) обзорѣ, если не слишкомъ хитрыя вещи, то и не слишкомъ нелѣпыя, если не слишкомъ новыя, то и не слишкомъ истертыя.... Притомъ же, вѣдь чего нибудь да стоятъ правда, безпристрастіе, благонамѣренность.... Что, не вѣрите?—Отворачиваетесь отъ меня, качаете головой, машете руками, затыкаете уши?... Ну, Богъ съ вами: божиться не стану, хотите читайте, хотите нѣтъ;

вѣдь и то сказать, вольному воля!... А впрочемъ, что же я расторговался съ вами? Нѣтъ — прошу не погнѣваться: рады или не рады, а прочесть должны; за чѣмъ же грамотѣ учились? Итакъ, благословясь, къ дѣлу!

Вы, почтенные читатели, можетъ-быть ожидаете, что я, по похвальному обычаю нашихъ многоученыхъ и досужихъ аристарховъ, начну мое обозрѣніе съ началъ всѣхъ началъ—съ яицъ Леды—дабы показать вамъ, какое вліяніе имѣли на русскую литературу созданіе міра, грѣхопаденіе перваго человѣка, потомъ Греція, Римъ, великое переселеніе народовъ, Атилла, рыцарство, крестовые походы, изобрѣтеніе компаса, пороха, книгопечатанія, отрытіе Америки, реформація, тридцатилѣтняя война и пр. пр.? Вы, можетъ статься, уже и не на шутку струхнули, ожидая, что я безъ всякой вѣжливости, схвачу васъ за воротъ, потащу на пароходъ Джонъ-Буль, и на немъ, какъ на волшебномъ коврѣ-самолетѣ, полечу прямо въ Индію, въ эту дивную родину человѣчества, въ эту чудную страну Гималаевъ, слоновъ, тигровъ, львовъ, удавовъ, обезьянъ, золота, каменьевъ и холеры; вы, можетъ-быть, думаете, что я изложу вамъ содержаніе Рамайяны и Махабгарты, разберу неподражаемыя красоты Саконталы, обнаружу передъ вами все богатство этой многосложной и роскошной миѳологіи жрецовъ Магадевы и Шивы и распространюсь кстати о поразительномъ сходствѣ санскритскаго языка съ славянскимъ? Нѣтъ, милостивые государи, не обманывайте себя столь лестною надеждою: она не сбудется, и, кажется, на вашу же радость; ибо — признаюсь вамъ откровенно — священныя письмена Ведъ для меня сущая тарабарская грамота, а поэмъ и драмъ индійскихъ я не видывалъ даже и въ переводахъ. Не ожидайте также, чтобы съ береговъ священнаго Гангеса я повелъ васъ на цвѣтущіе берега Тигра и Евфрата, гдѣ младенецъ-человѣкъ разбилъ идоловъ и поклонился огню; не ждите, чтобы дерзкою рукою сталъ я срывать дѣвст-

венный покровъ съ таинствъ древнихъ Маговъ и жрецовъ Озириса и Изиды на берегахъ многоводнаго Нила; не думайте, чтобы я завелъ васъ мимоходомъ въ пустыни аравійскія, чтобы на песчаномъ океанѣ, у журчащаго источника, подъ сѣнію широколиственной пальмы, объяснять вамъ седьмъ славныхъ Моаллакатъ. Правда, дорога въ эти страны мнѣ извѣстна не меньше всѣхъ нашихъ обозрѣвателей; но боюсь пускаться съ вами въ такую даль: жалко васъ—не равно устанете, или собьетесь съ пути. Не болѣе того услышите отъ меня о Греціи и ея изящной и богатой литературѣ; равнымъ образомъ пройду роковымъ молчаніемъ и вѣчный Римъ. Нѣтъ—не бойтесь! Не хочу — подражая нашимъ прошедшимъ, настоящимъ, а можетъ статься, и будущимъ обозрѣвателямъ, которые всегда начинаютъ на одинъ ладъ, съ яицъ Леды, и оканчиваютъ ровно ничѣмъ, которые, наскучивъ своимъ долговременнымъ и скромнымъ молчаніемъ, приnатуживъ свои умственныя способности, однимъ разомъ высыпаютъ изъ своихъ головъ весь неистощимый запасъ своихъ огромныхъ и разнообразныхъ свѣдѣній и умѣщаютъ его на нѣсколькихъ страничкахъ пріятельскаго журнала или альманаха,—не хочу ворошить костями Гомеровъ и Виргиліевъ, Демосѳеновъ и Цицероновъ; и безъ меня довольно достается имъ бѣдненькимъ. Не только не стану наводить справокъ, съ какихъ родовъ начали писать или пѣть первобытные поэты, съ гимновъ или молитвъ; но даже не разыграю вамъ никакой прелюдіи о литературѣ среднихъ и новыхъ вѣковъ, а начну прямо съ русской. Это мало: не буду толковать даже и о блаженной памяти классицизмѣ и романтизмѣ: вѣчная имъ память!

Ну, рѣшите сами, любезные читатели! не чудакъ ли я, да и только? Какъ, принять на себя важную должность обозрѣвателя и не воспользоваться такимъ прекраснымъ случаемъ выказать свою глубокую ученость, взятую на прокатъ изъ русскихъ журналовъ, высказать множество свѣтлыхъ.

рѣзкихъ, хотя уже и давно всѣмъ извѣстныхъ, и, какъ горькая рѣдька, надоѣвшихъ истинъ, одобрить всю эту микстуру, весь этотъ винегретъ, намеками на то и на сё, разукрасить его каламбурами и пестрымъ калейдоскопическимъ слогомъ, хотя бы наперекоръ здравому смыслу!... Что, милостивые государи, вы удивляетесь? То-то же, вѣдь говорилъ вамъ: прочтите, авось не будете каяться.... Подумайте хорошенько, а между тѣмъ еще разъ повторю вамъ, что, къ крайнему вашему огорченію, ничего этого не будетъ, а почему, о томъ читайте ниже и дивитесь.

Во-первыхъ: потому, что не хочу мучить васъ зѣвотою, отъ которой и самъ довольно страдаю.

Во-вторыхъ: потому, что не хочу шарлатанить, то-есть говорить свысока о томъ, чего не знаю, а если и знаю, то очень сбивчиво и неопредѣленно.

Въ третьихъ: потому, что все это прекрасно на своемъ мѣстѣ, но къ русской литературѣ, предмету моего обозрѣнія, ни мало не относится: надѣюсь открыть ларчикъ гораздо проще.

Въ четвертыхъ: потому, что твердо помню премудрое правило бывшаго нашего критика, блаженной памяти Никодима Аристарховича Надоумка, что глупо, для переѣзда черезъ лужу на челнокѣ, раскладывать передъ собою морскую карту. Воля ваша, а я готовъ побожиться, что покойникъ говорилъ правду. Было время, когда всѣ затыкали уши отъ его невѣжливыхъ выходокъ противъ тогдашнихъ геніевъ, а теперь всѣ жалѣютъ, что уже не кому припугнуть хорошенько нынѣшнихъ: изволь тутъ угодить на весь свѣтъ! Впрочемъ, я это сказалъ такъ, à propos — спѣшу къ началу.

Французы называютъ литературу выраженіемъ общества; это опредѣленіе не ново: оно давно намъ знакомо. Но справедливо ли оно? Это другой вопросъ. Если подъ словомъ общество должно разумѣть избранный кругъ образованнѣй-

шихъ людей, или, короче сказать, большой свѣтъ, beau monde, тогда это опредѣленіе будетъ имѣть свое значеніе, свой смыслъ, и смыслъ глубокій, но только у однихъ Французовъ. Каждый народъ, сообразно съ своимъ характеромъ, происходящимъ отъ мѣстности, отъ единства или разнообразія элементовъ, изъ коихъ образовалась его жизнь, и историческихъ обстоятельствъ, при коихъ она развилась, играетъ въ великомъ семействѣ человѣческаго рода свою особенную, назначенную ему провидѣніемъ роль, и вноситъ въ общую сокровищницу его успѣховъ на поприщѣ самосовершенствованія свою долю, свой вкладъ; другими словами: каждый народъ выражаетъ собою одну какую-нибудь сторону жизни человѣчества. Такимъ образомъ, Нѣмцы завладѣли безпредѣльною областью умозрѣнія и анализа, Англичане отличаются практическою дѣятельностью, Италіянцы художественнымъ направленіемъ. Нѣмецъ все подводитъ подъ общій взглядъ, все выводитъ изъ одного начала; Англичанинъ переплываетъ моря, прокладываетъ дороги, проводитъ каналы, торгуетъ со всѣмъ свѣтомъ, заводитъ колоніи и во всемъ опирается на опытѣ, на разсчетѣ; жизнь Италіянца прежнихъ временъ была любовь и творчество, творчество и любовь. Направленіе Французовъ есть жизнь, жизнь практическая, кипучая, безпокойная, вѣчно движущаяся. Нѣмецъ творитъ мысль, открываетъ новую истину; Французъ ею пользуется, проживаетъ, издерживаетъ ее, такъ сказать. Нѣмцы обогащаютъ человѣчество идеями, Англичане изобрѣтеніями, служащими къ удобствамъ жизни; Французы даютъ намъ законы моды, предписываютъ правила обхожденія, вѣжливости, хорошаго тона. Словомъ: жизнь Француза есть жизнь общественная, паркетная; паркетъ есть еще поприще, на которомъ онъ блистаетъ блескомъ своего ума, познаній, талантовъ, остроумія, образованности. Для Французовъ балъ, собраніе—то же, что для Грековъ была площадь или игры Олимпійскія; это битва, турниръ,

гдѣ, вмѣсто оружія, сражаются умомъ, остротою, образованностію, просвѣщеніемъ, гдѣ честолюбіе отражается честолюбіемъ, гдѣ много ломается копій, много выигрывается и проигрывается побѣдъ. Вотъ отъ чего ни одинъ народъ не можетъ сравняться съ Французами въ этой обходительности, въ этой изящной ловкости и любезности, для выраженія которыхъ словами, опять таки, способенъ только одинъ французскій языкъ; вотъ отъ чего всѣ усилія европейскихъ народовъ сравняться въ семъ отношеніи съ Французами всегда оставались тщетными; вотъ отъ чего всѣ другія общества всегда были, суть и будутъ смѣшными карикатурами, жалкими пародіями, злыми эпиграммами на французское общество; вотъ почему, говорю я, это опредѣленіе словесности, вслѣдствіе котораго она должна быть выраженіемъ общества, такъ глубоко и вѣрно у Французовъ. Ихъ литература всегда была вѣрнымъ отраженіемъ, зеркаломъ общества, всегда шла съ нимъ рука объ руку, забывая о массѣ народа, ибо ихъ общество есть высочайшее проявленіе ихъ народнаго духа, ихъ народной жизни. Для писателей французскихъ общество есть школа, въ которой они учатся языку, заимствуютъ образъ мыслей и которое они изображаютъ въ своихъ твореніяхъ. Совсѣмъ не такъ у другихъ народовъ. Въ Германіи, напримѣръ, не тотъ ученъ, кто богатъ или вхожъ въ лучшіе дома и блистательнѣйшія общества; напротивъ, геній Германіи любитъ чердаки бѣдняковъ, скромные углы студентовъ, убогія жилища пасторовъ. Тамъ все пишетъ или читаетъ, тамъ публика считается милліонами, а писатели тысячами; словомъ: тамъ литература есть выраженіе не общества, но народа. Такимъ же образомъ, хотя и не вслѣдствіе такихъ же причинъ, литературы и другихъ народовъ не суть выраженіе общества, но выраженіе духа народнаго; ибо нѣтъ ни одного народа, жизнь котораго преимущественно проявлялась бы въ обществѣ, и можно сказать утвердительно, что Франція составляетъ въ

семъ случаѣ единственное исключеніе. Итакъ, литература непремѣнно должна быть выраженіемъ—символомъ внутренней жизни народа. Впрочемъ, это совсѣмъ не есть ея опредѣленіе, но одна изъ необходимѣйшихъ ея принадлежностей и условій. Прежде, нежели я буду говорить о Россіи въ семъ отношеніи, почитаю необходимымъ изложить здѣсь мои понятія объ искусствѣ вообще. Я хочу, чтобы читатели видѣли, съ какой точки зрѣнія смотрю я на предметъ, о которомъ вызвался судить, и вслѣдствіе какихъ причинъ я понимаю то или другое такъ, а не этакъ.

Весь безпредѣльный, прекрасный Божій міръ есть не что иное какъ дыханіе единой, вѣчной идеи (мысли единаго, вѣчнаго Бога), проявляющейся въ безчисленныхъ формахъ, какъ великое зрѣлище абсолютнаго единства въ безконечномъ разнообразіи. Только пламенное чувство смертнаго можетъ постигать, въ свои свѣтлыя мгновенія, какъ велико тѣло этой души вселенной, сердце котораго составляютъ громадныя солнца, жилы—пути млечные, а кровь—чистый эѳиръ. Для этой идеи нѣтъ покоя: она живетъ безпрестанно, то есть безпрестанно творитъ, чтобы разрушать и разрушаетъ, чтобы творить. Она воплощается въ блестящее солнце, въ великолѣпную планету, въ блудящую комету; она живетъ и дышитъ—и въ бурныхъ приливахъ и отливахъ морей, и въ свирѣпомъ ураганѣ пустынь, и въ шелестѣ листьевъ и въ журчаньи ручья, и въ рыканіи льва, и въ слезѣ младенца, и въ улыбкѣ красоты, и въ волѣ человѣка, и въ стройныхъ созданіяхъ генія... Кружится колесо времени съ быстротою непостижимою, въ безбрежныхъ равнинахъ неба потухаютъ свѣтила, какъ истощившіеся волканы, и зажигаются новыя; на землѣ проходятъ роды и поколѣнія и замѣняются новыми, смерть истребляетъ жизнь, жизнь уничтожаетъ смерть; силы природы борются, враждуютъ и умиротворяются силами посредствующими, и гармонія царствуетъ въ этомъ вѣчномъ броженіи,

въ этой борьбѣ началъ и веществъ. Такъ—идея живетъ: мы ясно видимъ это нашими слабыми глазами. Она мудра, ибо все предвидитъ, все держитъ въ равновѣсіи; за наводненіемъ и за лавою ниспосылаетъ плодородіе, за опустошительною грозою чистоту и свѣжесть воздуха, въ пустыняхъ песчаной Аравіи и Африки поселила верблюда и страуса, въ пустыняхъ ледяпаго Сѣвера поселила оленя. Вотъ ея мудрость, вотъ ея жизнь физическая: гдѣ же ея любовь? Богъ создалъ человѣка и далъ ему умъ и чувство, да постигаетъ сію идею своимъ умомъ и знаніемъ, да пріобщается къ ея жизни въ живомъ и горячемъ сочувствіи, да раздѣляетъ ея жизнь въ чувствѣ безконечной зиждущей любви! Итакъ, она не только мудра, но и любяща! Гордись, гордись человѣкъ своимъ высокимъ назначеніемъ; но не забывай, что божественная идея, тебя родившая, справедлива и правосудна, что она дала тебѣ умъ и волю, которые ставятъ тебя выше всего творенія, что она въ тебѣ живетъ, а жизнь есть дѣйствованіе, а дѣйствованіе есть борьба; не забывай, что твое безконечное, высочайшее блаженство состоитъ въ уничтоженіи твоего *я* въ чувствѣ любви. Итакъ, вотъ тебѣ двѣ дороги, два неизбѣжные пути: отрекись отъ себя, подави свой эгоизмъ, попри ногами твое своекорыстное *я*, дыши для счастія другихъ, жертвуй всѣмъ для блага ближняго, родины, для пользы человѣчества, люби истину и благо не для награды, но для истины и блага, и тяжкимъ крестомъ выстрадай твое соединеніе съ Богомъ, твое безсмертіе, которое должно состоять въ уничтоженіи твоего *я*, въ чувствѣ безпредѣльнаго блаженства!... Что? Ты не рѣшаешься? Этотъ подвигъ тебя страшитъ, кажется не по силамъ?... Ну, такъ вотъ тебѣ другой путь, онъ шире, спокойнѣе, легче: люби самого себя больше всего на свѣтѣ; плачь, дѣлай добро лишь изъ выгоды, не бойся зла, когда оно приноситъ тебѣ пользу. Помни это правило: съ нимъ тебѣ вездѣ будетъ тепло! Если ты рожденъ сильнымъ

земли, гни твой хребетъ, ползи змѣею между тиграми бросайся тигромъ между овцами, губи, угнетай, пей кровь и слезы, чело обремени лавровыми вѣнцами; рамена согни подъ грузомъ незаслуженныхъ почестей и титлъ. Весела и блестяща будетъ жизнь твоя; ты не узнаешь, чтò такое холодъ или голодъ, чтò такое угнетеніе или оскорбленіе, все будетъ трепетать тебя, вездѣ покорность и услужливость, отвсюду лесть и хваленія, и поэтъ напишетъ тебѣ посланіе и оду, гдѣ сравнитъ тебя съ полубогами, и журналистъ прокричитъ во всеуслышаніе, что ты покровитель слабыхъ и сирыхъ, столпъ и опора отечества, правая рука государя! Какая тебѣ нужда, что въ душѣ твоей каждую минуту будетъ разыгрываться ужасная, кровавая драма, что ты будешь въ безпрестанномъ раздорѣ съ самимъ собою, что въ душѣ твоей будетъ слишкомъ жарко, а въ сердцѣ слишкомъ холодно, что вопли угнетенныхъ тобою будутъ преслѣдовать тебя и на свѣтломъ пиру и на мягкомъ ложѣ сна, что тѣни погубленныхъ тобою окружатъ твой болѣзненный одръ, составятъ около него адскую пляску и съ яростнымъ хохотомъ будутъ веселиться твоими послѣдними, предсмертными страданіями, что передъ твоими взорами откроется ужасная картина нравственнаго уничтоженія за гробомъ, мукъ вѣчныхъ!.. Э, любезный мой, ты правъ: жизнь сонъ, и не увидишь, какъ пройдетъ. За то весело поживешь, сладко поѣшь, мягко поспишь, повластвуешь надъ своими ближними, а вѣдь это чего нибудь да стóитъ!— Если же, при твоемъ рожденіи, природа возложила на твое чело печать генія, дала тебѣ вѣщія уста пророка и сладкій голосъ поэта, если міродержавныя судьбы обрекли тебя быть двигателемъ человѣчества, апостоломъ истины и знанія, вотъ опять передъ тобою два неизбѣжные пути. Сочувствуй природѣ, люби и изучай ее, твори безкорыстно, трудись безвозмездно, отверзай души ближнихъ для впечатлѣній благаго и истиннаго, изобличай порокъ и невѣ-

лество, терпи гоненія злыхъ, ѣшь хлѣбъ смоченный слезами, и не своди задумчиваго взора съ прекраснаго, роднаго тебѣ неба. Трудно? тяжко?... Ну такъ торгуй твоимъ божественнымъ даромъ, положи цѣну на каждое вѣщее слово, которое ниспосылаетъ тебѣ Богъ въ святыя минуты вдохновенія: покупщики найдутся, будутъ платить тебѣ щедро, а ты лишь умѣй кадить кадиломъ лести, умѣй склонять во прахъ твое вѣнчанное чело, забудь о славѣ, о безсмертіи, о потомствѣ, довольствуйся тѣмъ, если услужливая рука торгаша-журналиста провозгласитъ о тебѣ, что ты великій поэтъ, геній, Байронъ, Гёте!...

Вотъ нравственная жизнь вѣчной идеи. Проявленіе ея— борьба между добромъ и зломъ, любовію и эгоизмомъ, какъ въ жизни физической противоборство силы сжимательной и расширительной. Безъ борьбы нѣтъ заслуги, безъ заслуги нѣтъ награды, а безъ дѣйствованія нѣтъ жизни! Чтó представляютъ собою индивидуумы, тоже представляетъ человѣчество: оно борется ежеминутно и ежеминутно улучшается. Потомки варваровъ, нахлынувшихъ изъ Азіи въ Европу, вмѣсто того чтобы подавить жизнь, воскресили ее, обновили дряхлѣющій міръ; изъ гнилаго трупа Римской Имперіи возникли мощные народы, сдѣлавшіеся сосудомъ благодати... Чтó означаютъ походы Александровъ, безпокойная дѣятельность Цезарей, Карловъ? Движеніе вѣчной идеи, которой жизнь состоитъ въ безпрерывной дѣятельности....

Какое же назначеніе и какая цѣль искусства?... Изображать, воспроизводить въ словѣ, звукѣ, въ чертахъ и краскахъ идею всеобщей жизни природы: вотъ единая и вѣчная тема искусства! Поэтическое одушевленіе есть отблескъ творящей силы природы. Посему поэтъ болѣе, нежели кто-либо другой, долженъ изучать природу физическую и духовную, любить ее и сочувствовать ей; болѣе нежели кто-либо другой долженъ быть чистъ и дѣвственъ душою, ибо въ ея святилище можно входить только съ ногами обнаженными,

съ руками омовенными, съ умомъ мужа и сердцемъ младенца; ибо только сіи наслѣдятъ царствіе небесное, ибо только въ гармоніи ума и чувства заключается высочайшее совершенство человѣка!... Чѣмъ выше геній поэта, тѣмъ глубже и обширнѣе обнимаетъ онъ природу и тѣмъ съ бо́льшимъ успѣхомъ представляетъ намъ ее въ ея высшей связи и жизни. Если Байронъ взвѣсилъ ужасъ и страданье, если онъ постигъ и выразилъ только муки сердца, адъ души, это значитъ, что онъ постигъ только одну сторону бытія вселенной, что онъ вырвалъ и показалъ намъ только одну страницу онаго. Шиллеръ передалъ намъ тайны неба, показалъ одно прекрасное жизни, такъ какъ онъ понималъ его самъ, пропѣлъ намъ только свои завѣтныя думы и мечтанія; злое жизни у него или невѣрно или искажено преувеличеніемъ: Шиллеръ въ семъ отношеніи равенъ Байрону. Но Шекспиръ, божественный, великій, недостижимый Шекспиръ постигъ и адъ и землю и небо: царь природы, онъ взялъ равную дань и съ добра и съ зла; и подсмотрѣлъ въ своемъ вдохновенномъ ясновидѣніи біеніи пульса вселенной! Каждая его драма есть міръ въ миніатюрѣ: у него нѣтъ, какъ у Шиллера, любимыхъ идей, любимыхъ героевъ. Посмотрите, какъ безчеловѣчно смѣется онъ надъ этимъ бѣднымъ Гамлетомъ, съ замысломъ гиганта и волею ребенка, который на каждомъ шагу падаетъ подъ тяжестію подвига предпринятаго не по силамъ! Спросите у Шекспира, спросите у этаго царя чародѣевъ: для чего онъ сдѣлалъ изъ Лира слабаго, полуумнаго старичишку, а не идеалъ нѣжнаго отца, какъ Дюсисъ или Гнѣдичъ; для чего онъ представилъ въ Макбетѣ человѣка, сдѣлавшагося злодѣемъ по слабости характера, а не по влеченію ко злу, а въ леди Макбетъ злодѣйку по чувству, для чего онъ сдѣлалъ изъ Корделіи нѣжную, любящую дочь, съ мягкимъ женскимъ сердцемъ, а на ея сестеръ наслалъ фурій зависти, честолюбія и неблагодарности? Онъ сказалъ бы

вамъ въ отвѣтъ, что такъ бываетъ въ мірѣ, что иначе быть не можетъ!—Да, это безпристрастіе, эта холодность поэта, который какъ будто говоритъ вамъ: такъ было, а впрочемъ, мнѣ какое дѣло! есть высочайшій зенитъ художественнаго совершенства, есть истинное творчество, есть удѣлъ не многихъ избранныхъ, о коихъ говорятъ:

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье,
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ вы можете назвать то или другое явленіе прекраснымъ, а это безобразнымъ безъ отношеній?... Развѣ не одинъ и тотъ же духъ Божій создалъ кроткаго агнца и кровожаднаго тигра, статную лошадь и безобразнаго кита, красавицу-Черкешенку и урода Негра? Развѣ онъ больше любитъ голубя, чѣмъ ястреба, соловья, чѣмъ лягушку, газель, чѣмъ удава? Для чего же поэтъ долженъ изображать вамъ одно прекрасное, одно умиляющее душу и сердце? Если Ганъ Исландецъ можетъ существовать въ природѣ, то я право не понимаю, чѣмъ онъ хуже какого-нибудь Карла Моора, или даже маркиза Позы? Я люблю Карла Моора, какъ человѣка, обожаю Позу, какъ героя, и ненавижу Гана Исландца, какъ чудовище; но какъ созданія фантазіи, какъ частныя явленія общей жизни, для меня всѣ равно прекрасны. Если поэтъ изображаетъ вамъ, подобно какому-нибудь Сю, одно ужасное, одно злое природы, это доказываетъ, что кругозоръ его ума тѣсенъ, что его творческій геній ограниченъ, а ничуть не обнаруживаетъ въ немъ дурнаго, безнравственнаго человѣка. Вотъ когда онъ своими сочиненіями старается заставить васъ смотрѣть на жизнь съ его точки зрѣнія, въ такомъ случаѣ онъ уже и не поэтъ, а мыслитель, и мыслитель дурной, злонамѣ-

ренный, достойный проклятія, ибо поэзія не имѣетъ цѣли внѣ себя. Доколѣ поэтъ слѣдуетъ безотчетно мгновенной вспышкѣ своего воображенія, дотолѣ онъ нравственъ, дотолѣ онъ и поэтъ; но какъ скоро онъ предположилъ себѣ цѣль, задалъ тему, онъ уже философъ, мыслитель, моралистъ, онъ теряетъ надо мной свою чародѣйскую власть, разрушаетъ очарованіе и заставляетъ меня сожалѣть о себѣ, если, при истинномъ талантѣ, имѣетъ похвальную цѣль, и презирать себя, если силится опутать мою душу тенетами вредныхъ мыслей. Вамъ нравится ода «Богъ» Державина? Но этотъ же Державинъ написалъ «Мельника». Вы осуждаете Пушкина за многія вольности въ «Русланѣ и Людмилѣ»? Но этотъ же Пушкинъ создалъ вамъ «Бориса Годунова». Отчего же такія противорѣчія въ ихъ художественномъ направленіи? Оттого, что они хорошо помнятъ правило:

Теперь гонись за жизнью дивной,
И каждый мигъ въ ней воскрешай,
На каждый звукъ ея призывный
Отзывной пѣснью отвѣчай!

Да—искуство есть выраженіе великой идеи вселенной въ ея безконечно-разнообразныхъ явленіяхъ! Прекрасно было гдѣ то сказано, что повѣсть есть краткій эпизодъ изъ безконечной поэмы судебъ человѣческихъ! Подъ это опредѣленіе повѣсти подходятъ всѣ роды художественныхъ созданій. Все искусство поэта должно состоять въ томъ, чтобы поставить читателя на такую точку зрѣнія, съ которой бы ему видна была вся природа въ сокращеніи, въ миніатюрѣ, какъ земной шаръ на ландкартѣ, чтобы дать ему почувствовать вѣяніе, дыханіе этой жизни, которая одушевляетъ вселенную, сообщить его душѣ этотъ огонь, который согрѣваетъ ее. Наслажденіе же изящнымъ должно состоять въ минутномъ забвеніи нашего *я*, въ живомъ сочувствіи съ общею жизнію природы; и поэтъ всегда достигнетъ этой

прекрасной цѣли, если его произведеніе есть плодъ возвышеннаго ума и горячаго чувства, если оно свободно и безотчетно вылилось изъ его души....

Ахъ! если рождены мы все перенимать,
Хоть у Китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!
Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья модъ.
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ
Хотя по языку насъ не считалъ за Нѣмцевъ.

Горе отъ ума.

Итакъ, теперь должно рѣшить слѣдующій вопросъ: что такое наша литература: выраженіе общества, или выраженіе духа народа? Рѣшеніе этого вопроса будетъ исторіею нашей литературы и вмѣстѣ исторіею постепеннаго хода нашего общества со временъ Петра Великаго. Вѣрный моему слову, я не буду говорить, съ чего начинались литературы всѣхъ народовъ и какъ онѣ развивались, ибо это должно быть общимъ мѣстомъ для всякаго читающаго человѣка.

Каждый народъ, вслѣдствіе непреложнаго закона провидѣнія, долженъ выражать своею жизнію одну какую-нибудь сторону жизни цѣлаго человѣчества; въ противномъ случаѣ, этотъ народъ не живетъ, а только прозябаетъ, и его существованіе ни къ чему не служитъ. Односторонность вредна для всякаго человѣка въ частности, вредна для всего человѣчества. Когда весь міръ сдѣлался Римомъ, когда всѣ народы начали мыслить и чувствовать по-Римски, тогда прервался ходъ человѣческаго ума, ибо для него уже не стало болѣе цѣли, ибо ему казалось, что онъ уже дошелъ до геркулесовскихъ столбовъ своего поприща. Утомленный властелинъ міра опочилъ на своихъ лаврахъ; жизнь его

кончилась, ибо кончилась его дѣятельность, стремленіе къ которой появлялось у него только въ однихъ безпутныхъ оргіяхъ. Онъ сдѣлалъ ужасную ошибку, думая, что внѣ Рима, наслѣдовавшаго, по праву завоеванія; сокровища греческаго образованія, нѣтъ міра, нѣтъ свѣта, нѣтъ просвѣщенія! Бѣдственное заблужденіе! Оно было одною изъ важнѣйшихъ причинъ нравственной смерти сего великаго колосса. Для обновленія человѣчества надобно было, чтобы этотъ хаосъ смерти и тлѣнія огласился благодатнымъ словомъ Сына человѣческаго: *„Пріидите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и азъ упокою вы!“* Надобно было, чтобы толпы варваровъ разрушили это колоссальное могущество, размежевали его своимъ мечемъ на множество могуществъ, приняли Слово и пошли каждый своимъ особеннымъ путемъ къ единой цѣли.

Да—только идя по разнымъ дорогамъ, человѣчество можетъ достигнуть своей единой цѣли; только живя самобытною жизнію, можетъ каждый народъ принесть свою долю въ общую сокровищницу. Въ чемъ же состоитъ эта самобытность каждаго народа? Въ особенномъ, одному ему принадлежащемъ образѣ мыслей и взглядѣ на предметы; въ религіи, языкѣ, и болѣе всего въ обычаяхъ. Всѣ эти обстоятельства чрезвычайно важны, тѣсно соединены между собою и условливаютъ другъ друга, и всѣ проистекаютъ изъ одного общаго источника—причины всѣхъ причинъ—климата и мѣстности. Между сими отличіями каждаго народа обычаи играютъ едва ли не самую важную роль, составляютъ едва ли не самую характеристическую черту оныхъ. Невозможно представить себѣ народа безъ религіозныхъ понятій, облеченныхъ въ формы богослуженія; невозможно представить себѣ народа, не имѣющаго одного, общаго для всѣхъ сословій языка; но еще менѣе возможно представить себѣ народъ, не имѣющій особенныхъ, одному ему свойственныхъ обычаевъ. Эти обычаи состоятъ въ

образѣ одежды, прототипъ которой находится въ климатѣ страны, въ формахъ домашней и общественной жизни, причина коихъ скрывается въ вѣрованіяхъ, повѣрьяхъ и понятіяхъ народа; въ формахъ обращенія между недѣлимыми государства, оттѣнки которыхъ проистекаютъ отъ гражданскихъ постановленій и различія сословій. Всѣ эти обычаи укрѣпляются давностію, освящаются временемъ и переходятъ изъ рода въ родъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ наслѣдіе потомковъ отъ предковъ. Они составляютъ физіономію народа, и безъ нихъ народъ есть образъ безъ лица, мечта небывалая и несбыточная. Чѣмъ младенчественнѣе народъ, тѣмъ рѣзче и цвѣтнѣе его обычаи, тѣмъ большую полагаетъ онъ въ нихъ важность; время и просвѣщеніе подводятъ ихъ подъ общій уровень; но и могутъ измѣняться не иначе, какъ тихо, незамѣтно, и притомъ одинъ по одному. Надобно, чтобы самъ народъ добровольно отказывался отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и принималъ новые; но и тутъ своя борьба, свои битвы на смерть, свои староверы и раскольники, классики и романтики. Народъ крѣпко дорожитъ обычаями, какъ своимъ священнѣйшимъ достояніемъ, и посягательство на внезапную и рѣшительную реформу оныхъ безъ своего согласія почитаетъ посягательствомъ на свое бытіе. Посмотрите на Китай: тамъ масса народа исповѣдуетъ нѣсколько различныхъ вѣръ; высшее сословіе, мандарины, не знаютъ никакой, и только изъ приличія исполняютъ религіозные обряды; но какое у нихъ единство и общность обычаевъ, какая самостоятельность и характерность! какъ упорно они ихъ держатся! Да, обычаи—дѣло святое, неприкосновенное и неподлежащее никакой власти, кромѣ силы обстоятельствъ и успѣховъ въ просвѣщеніи! Человѣкъ самый развратный, закоренѣлый въ порокахъ, смѣющійся надъ всѣмъ святымъ, покоряется обычаямъ, даже внутренно смѣясь надъ ними. Разрушьте ихъ внезапно, не замѣнивъ тотчасъ же новыми, и вы разрушите всѣ опо-

ры,-разорвете всѣ связи общества, словомъ, уничтожите народъ. По чему это такъ? По тому же самому, по чему рыбѣ привольно въ водѣ, птицѣ въ воздухѣ, звѣрю на землѣ, гадинѣ подъ землею. Народъ, насильственно введенный въ чуждую ему сферу, похожъ на связаннаго человѣка, котораго бичемъ понуждаютъ къ бѣгу. Всякой народъ можетъ перенимать у другаго, но онъ необходимо налагаетъ печать собственнаго генія на эти займы, которые у него принимаютъ характеръ подражаній. Въ этомъ-то стремленіи къ самостоятельности и оригинальности, проявляющемся въ любви къ роднымъ обычаямъ, заключается причина взаимной ненависти у народовъ младенчествующихъ. Вслѣдствіе сей-то причины Русскій называлъ бывало Нѣмца нехристью, а Турокъ еще и теперь почитаетъ поганымъ всякаго франка и не хочетъ ѣсть съ нимъ изъ однаго блюда: религія въ семъ случаѣ играетъ не исключительно главную роль.

На востокѣ Европы, на рубежѣ двухъ частей міра, провидѣніе поселило народъ рѣзко отличающійся отъ своихъ западныхъ сосѣдей. Его колыбелью былъ свѣтлый Югъ; мечъ Азіятца-Русса далъ ему имя; издыхающая Византія завѣщала ему благодатное Слово спасенія: оковы татарина связали крѣпкими узами его разъединенныя части, рука Хановъ спаяла ихъ его же кровью; Іоаннъ III научилъ его бояться, любить и слушаться своего царя, заставилъ его смотрѣть на царя, какъ на провидѣніе, какъ на верховную судьбу, карающую, и милующую по единой своей волѣ и признающую надъ собою единую Божію волю. И этотъ народъ сталъ хладенъ и спокоенъ, какъ снѣга его родины, когда мирно жилъ въ своей хижинѣ; быстръ и грозенъ, какъ небесный громъ его краткаго, но палящаго лѣта, когда рука царя показывала ему врага; удалъ и разгуленъ, какъ вьюги и непогоды его зимы, когда пировалъ на своей волѣ; неповоротливъ и лѣнивъ, какъ медвѣдь его непроходимыхъ

дебрей, когда у него было много хлѣба и браги; смышленъ, смѣтливъ и лукавъ, какъ кошка, его домашній пенатъ, когда нужда учила его ѣсть калачи. Крѣпко стоялъ онъ за церковь Божію, за вѣру праотцевъ, непоколебимо былъ вѣренъ батюшкѣ царю православному; его любимая поговорка была: «мы всѣ Божіи да царевы»; Богъ и царь, воля Божія и воля царева, слились въ его понятіи во едино. Свято хранилъ онъ простые и грубые нравы прадѣдовъ, и отъ чистаго сердца почиталъ иноземные обычаи дьявольскимъ навожденіемъ. Но этимъ не ограничивалась вся поэзія его жизни, ибо умъ его былъ погруженъ въ тихую дремоту и никогда не выступалъ изъ своихъ завѣтныхъ рубежей; ибо онъ не преклонялъ колѣнъ передъ женщиною, и его гордая и дикая сила требовала отъ нея рабской покорности, а не сладкой взаимности; ибо бытъ его былъ однообразенъ, ибо только буйныя игры и удалая охота оцвѣтляли этотъ бытъ; ибо только одна война возбуждала всю мощь его хладной, желѣзной души, ибо только на кровавомъ раздольѣ битвъ она бушевала и веселилась на всей своей волѣ. Это была жизнь самобытная и характерная, но односторонняя и изолированная. Въ то время, когда дѣятельная, кипучая жизнь старѣйшихъ представителей человѣческаго рода двигалась впередъ съ пестротою неимовѣрною, они ни однимъ колесомъ не зацѣплялись за пружины ея хода. Итакъ, этому народу надобно было пріобщиться къ общей жизни человѣчества, составить часть великаго семейства человѣческаго рода. И вотъ, у этого народа явился царь мудрый и великій, кроткій безъ слабости, грозный безъ тиранства; онъ первый замѣтилъ, что нѣмецкіе люди не басурманы, что у нихъ есть много такого, что̀ пригодилось бы и его подданнымъ, есть много такого, что̀ имъ совершенно ни къ чему негодится. И вотъ онъ началъ ласкать людей нѣмецкихъ и прикармливать ихъ своимъ хлѣбомъ-солью; указалъ своимъ людямъ перенимать у нихъ ихъ хитрыя ху-

дожества. Онъ построилъ ботикъ и хотѣлъ пуститься въ море, доселѣ для его народа страшное и невѣдомое; онъ приказалъ заморскимъ камедіантамъ тѣшить свое царское величество, крѣпко на крѣпко заказавъ между тѣмъ православному русскому человѣку, подъ опасеніемъ лишенія носа, нюхать табакъ, траву поганую и проклятую. Можно сказать, что въ его время Русь впервые почуяла у себя заморскій духъ, котораго дотолѣ было видомъ не видать, слыхомъ не слыхать. И вотъ умеръ этотъ добрый царь, а на престолъ взошелъ юный сынъ его, который, подобно богатырямъ Владиміровыхъ временъ, еще въ дѣтствѣ бросалъ за облака стопудовыя палицы, гнулъ ихъ руками, ломалъ ихъ о колѣнки. Это была олицетворенная мощь, олицетворенный идеалъ русскаго народа въ дѣятельныя мгновенія его жизни; это былъ одинъ изъ тѣхъ исполиновъ, которые поднимали на рамена свои шаръ земной. Для его желѣзной воли, не знавшей препонъ, была только одна цѣль—благо народа. Задумалъ онъ думу крѣпкую, а задумать для него значило—исполнить. Увидѣлъ чудеса и дива заморскія, и захотѣлъ пересадить ихъ на родную почву, не думая о томъ, что эта почва была слишкомъ еще жестка для иноземныхъ растеній, что не по нихъ была и зима русская; увидѣлъ онъ вѣковые плоды просвѣщенія, и захотѣлъ въ одну минуту присвоить ихъ своему народу.

Подумано—сказано, сказано,—сдѣлано: Русскій не любитъ ждать. Ну—русскій человѣкъ, снаряжайся «по царскому наказу, боярскому приказу, по нѣмецкому маниру».... Прочь достопочтенныя окладистыя бороды! прости и ты, простая и благородная стрижка волосъ въ кружало, ты, которая такъ хорошо шла къ этимъ почтеннымъ бородамъ! Тебя замѣнили огромные парики, осыпанные мукою! Простите долгополые охабни нашихъ бояръ, выложенные, обшитые серебромъ и золотомъ! Васъ замѣнили кафтаны и камзолы со штанами и ботфортами! Прости и ты, прекрас-

ный поэтическій сарафанъ нашихъ барынь и боярышень, и ты, кисейная рубашка съ пышными рукавами, и ты высокій, унизанный жемчугомъ повойникъ—простой чародѣйскій нарядъ, который такъ хорошо шелъ къ высокимъ грудямъ и яркому румянцу нашихъ бѣлоликихъ и голубоокихъ красавицъ! Тебя замѣнили робы съ фижмами, реброндами и длинными, предлинными хвостами! Бѣлила и румяна, потѣснитесь немножко, дайте мѣсто чернымъ мушкамъ! Простите и вы, заунывныя русскія пѣсни, и ты, благородная и граціозная пляска; не ворковать ужъ нашимъ красавицамъ голубкамъ, не заливаться соловьемъ, не плавать по полу павами! Нѣтъ! Пошли аріи и романсы съ выводомъ верхнихъ нотокъ:

...Богъ мой!
Приди въ чертогъ ко мнѣ златой!

пошла живописная ломка въ минуэтахъ, сладострастное круженье въ вальсахъ...

И все завертѣлось, все закружилось, все помчалось стремглавъ. Казалось, что Русь въ тридцать лѣтъ хотѣла вознаградить себя за цѣлыя столѣтія неподвижности. Будто по мановенію волшебнаго жезла, маленькій ботикъ царя Алексѣя превратился въ грозный флотъ императора Петра, непокорныя дружины стрѣльцовъ—въ стройные полки. На стѣнахъ Азова была брошена перчатка Портѣ: горе тебѣ, луна двурогая! На поляхъ Лѣснаго и берегахъ Ворсклы былъ жестоко отомщенъ позоръ нарвской битвы: спасибо Меншикову, спасибо Данилычу! Каналы и дороги начали прорѣзывать дѣвственную почву земли русской: зашевелилась торговля; застучали молоты, захлопали станы; зашевелилась промышленность!

Да—много было сдѣлано великаго, полезнаго и славнаго! Петръ былъ совершенно правъ; ему некогда было ждать. Онъ зналъ, что ему не два вѣка жить, и потому спѣшилъ

жить, а жить для него значило творить. Но народъ смотрѣлъ иначе. Долго онъ спалъ, и вдругъ могучая рука прервала его богатырскій сонъ: съ трудомъ раскрылъ онъ свои отяжелѣвшія вѣжды и съ удивленіемъ увидѣлъ, что къ нему ворвались чужеземные обычаи, какъ незванные гости, не снявши сапогъ, не помолясь святымъ иконамъ, не поклонившись хозяину; что они вцѣпились ему въ бороду, которая была для него дороже головы, и вырвали ее; сорвали съ него величественную одежду и надѣли шутовскую, исказили и испестрили его дѣвственный языкъ, и нагло наругались надъ святыми обычаями его праотцевъ, надъ его задушевными вѣрованіями и привычками; увидѣлъ—и ужаснулся... Неловко, непривычно и неподручно было русскому человѣку ходить, заложа руки въ карманы: онъ спотыкался, подходя къ ручкамъ дамъ, падалъ, стараясь хорошенько расшаркнуться. Занявъ формы европеизма, онъ сдѣлался только пародіею Европейца. Просвѣщеніе, подобно завѣтному слову искупленія, должно приниматься съ благоразумною постепенностью, по сердечному убѣжденію, безъ оскорбленія святыхъ праотеческихъ нравовъ: таковъ законъ провидѣнія!... Повѣрьте, что русскій народъ никогда не былъ заклятымъ врагомъ просвѣщенія, онъ всегда готовъ былъ учиться; только ему нужно было начать свое ученіе съ азбуки, а не съ философіи, съ училища, а не съ академіи. Борода не мѣшаетъ считать звѣзды: это извѣстно въ Курскѣ!

Какое же слѣдствіе вышло изъ всего этого? Масса народа упорно осталась тѣмъ, что̀ и была; но общество пошло по пути, на который ринула его мощная рука генія. Что-жъ это за общество! Я не хочу вамъ много говорить объ немъ: прочтите Недоросля, Горе отъ ума, Евгенія Онѣгина, Дворянскіе Выборы и новый романъ Лажечникова, когда онъ выйдетъ; прочтите, и вы узнаете его сами лучше меня...

Такъ, по крайней мѣрѣ, давайте-же намъ ваше обозрѣніе русской литературы, которые вы сулите въ каждомъ ну-

мерѣ «Молвы» и котораго мы еще по сію пору не видали! Судя по такимъ огромнымъ приступамъ, мы страхъ боимся, чтобы оно не было длиннѣе и скучнѣе «Фантастическаго Путешествія» Барона Брамбеуса.

Я и самъ не знаю, любезные читатели, какъ оно будетъ длинно. Можетъ-быть изъ него выйдетъ и преуморительный уродецъ: избушка на курьихъ ножкахъ, царь съ ноготокъ, борода съ локотокъ, а голова съ пивной котелъ. Что дѣлать: не я первый, не я послѣдній; у насъ это такъ въ модѣ. Впрочемъ, если мои приступы не отбили у васъ охоты увидѣть заключеніе, если вы имѣете столько терпѣнія читать, сколько я писать, то увидите начало, а можетъ-быть и конецъ моего обозрѣнія.

Впередъ, впередъ, моя исторія!

Пушкинъ.

Итакъ, народъ или, лучше сказать, масса народа и общество пошли у насъ врозь. Первый остался при своей прежней грубой и полудикой жизни и при своихъ заунывныхъ пѣсняхъ, въ какихъ изливалась его душа въ горѣ и въ радости; второе же видимо измѣнялось, если не улучшалось, забыло все русское, забыло даже *Русскій языкъ*, забыло поэтическіе преданія и вымыслы своей родины, эти прекрасныя пѣсни, полныя глубокой грусти, сладкой тоски и разгулья молодецкаго, и создало себѣ литературу, которая была вѣрнымъ его зеркаломъ. Надобно замѣтить, что какъ масса народа, такъ и общество подраздѣлились, особливо послѣднее, на множество видовъ, на множество степеней. Первая показала нѣкоторые признаки жизни и движенія въ сословіяхъ, находившихся въ непосредственныхъ

сношеніяхъ съ обществомъ, въ сословіяхъ людей городскихъ, ремесленниковъ, мелкихъ торговцевъ и промышленниковъ. Нужда и соперничество иноземцевъ, поселившихся въ Россіи, сдѣлали ихъ дѣятельными и оборотливыми, когда дѣло шло о выгодѣ: заставили ихъ покинуть старинную лѣнь и заветную недвижимость, и пробудили стремленіе къ улучшеніямъ и нововведеніямъ дотолѣ для нихъ столь ненавистнымъ; ихъ фантастическая ненависть къ Нѣмецкимъ людямъ ослабѣвала со дня на день, и, наконецъ, теперь совсѣмъ исчезла; они кое-какъ понаучались даже грамотѣ, и крѣпче прежняго уцѣпились обѣими руками за мудрое правило, завѣщанное имъ отъ праотцевъ: ученье свѣтъ, а неученье тьма. Это обѣщаетъ много хорошаго въ будущемъ, тѣмъ болѣе, что сіи сословія ни на волосъ не утратили своей народной физіономіи. Что касается до нижняго слоя общества, т. е. *средняго состоянія*, оно раздѣлилось въ свою очередь на множество родовъ и видовъ, между коими по своему большинству занимаютъ самое видное мѣсто, такъ называемые, разночинцы. Это сословіе наиболѣе обмануло надежды Петра Великаго: грамотѣ оно всегда училось на мѣдные гроши, свою русскую смышленность и смѣтливость обратило на предосудительное ремесло толковать указы; выучившись кланяться и подходить къ ручкѣ дамъ, не разучилось своими благородными руками исполнять неблагородныя экзекуціи. Высшее же сословіе общества изъ всѣхъ силъ ударилось въ подражаніе или, лучше сказать, передразниванье иностранцевъ...

Но не о томъ дѣло. Говорятъ, что Музы любятъ тишину и боятся грома оружія: мысль совершенно ложная! Однак. какъ бы то ни было, а царствованіе Петра оглашалось одпѣми проповѣдями, которыя остались только въ памяти ученыхъ, а не народа; ибо это пестрое мозаическое краснорѣчіе или, скорѣе, разнорѣчіе, было не что иное, какъ дурной прививокъ отъ гнилаго дерева католическаго схо-

ластицизма западнаго духовенства, а не живой убѣдительный голосъ святыхъ истинъ религіи. Оно у насъ еще не было разсмотрѣно и оцѣнено настоящимъ образомъ. Если вѣрить возгласамъ нашихъ литературныхъ учителей, то въ духовномъ краснорѣчіи мы едва ли не превосходимъ всѣхъ европейскихъ народовъ. Не берусь рѣшать этого вопроса, ибо говорю о немъ мимоходомъ, á propos, какъ о дѣлѣ не прямо относящемся къ предмету моего обзора, да и сверхъ того, я мало знакомъ съ памятниками нашего духовнаго краснорѣчія, которое, конечно, не безъ удачныхъ опытовъ.

Не стану также распространяться о Кантемирѣ: скажу только, что я очень сомнѣваюсь въ его поэтическомъ призваніи. Мнѣ кажется, что его прославленныя сатиры были скорѣе плодомъ ума и холодной наблюдательности, чѣмъ живаго и горячаго чувства. И диво ли, что онъ началъ съ сатиръ—плода осенняго, а не съ одъ—плода весенняго? Онъ былъ иностранецъ, слѣдовательно не могъ сочувствовать народу и раздѣлять его надеждъ и опасеній; ему было съ пола-горя смѣяться. Что онъ былъ не поэтъ, этому доказательствомъ служитъ то, что онъ забытъ. Старинный слогъ!—пустое! Шекспира сами англичане читаютъ съ комментаріями.

Тредьяковскій не имѣлъ ни ума, ни чувства, ни таланта. Этотъ человѣкъ былъ рожденъ для плуга или для топора; но судьба, какъ бы въ насмѣшку, нарядила его во фракъ: удивительно-ли, что онъ былъ такъ смѣшонъ и уродливъ?

Да—первыя попытки были слишкомъ слабы и неудачны. Но вдругъ, по прекрасному выраженію одного нашего соотечественника, на берегахъ Ледовитаго моря, подобно сѣверному сіянію, блеснулъ Ломоносовъ. Ослѣпительно и прекрасно было это явленіе! Оно доказало собой, что человѣкъ есть человѣкъ во всякомъ состояніи и во всякомъ климатѣ, что геній умѣетъ торжествовать надъ всѣми препятствіями, какія ни противопоставляетъ ему враждебная судьба, что, наконецъ,

Русскій способенъ ко всему великому и прекрасному ни менѣе всякаго Европейца; по вмѣстѣ съ тѣмъ, говорю, это утѣшительное явленіе подтвердило, къ нашему несчастію, и ту неопровержимую истину, что ученикъ никогда не превзойдетъ учителя, если видитъ въ немъ образецъ, а не соперника, что геній народа всегда робокъ и связанъ, когда дѣйствуетъ не своеобразно, не самостоятельно, что его произведенія, въ такомъ случаѣ, всегда будутъ походить на поддѣльные цвѣты: ярки, красивы, роскошны, но не душисты, не ароматны, бездушны. Съ Ломоносова начинается наша литература; онъ былъ ея отцемъ и пѣстуномъ; онъ былъ ея Петромъ Великимъ. Нужно ли говорить, что это былъ человѣкъ великій и ознаменованный печатію генія? Все эта истина несомнѣнная. Нужно ли доказывать, что онъ далъ направленіе, хотя и временное, нашему языку и нашей литературѣ? Это еще несомнѣннѣе. Но какое направленіе? Это другой вопросъ. Я не скажу ничего новаго о семъ предметѣ, и только, можетъ быть, повторю болѣе или менѣе извѣстныя мысли.

Но прежде всего почитаю нужнымъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. У насъ, какъ я уже и говорилъ, еще и по сію пору царствуетъ въ литературѣ какое-то жалкое, дѣтское благоговѣніе къ авторамъ; мы въ литературѣ высоко чтимъ табель о рангахъ и боимся говорить въ слухъ правду о высокихъ персонахъ. Говоря о знаменитомъ писателѣ, мы всегда ограничиваемся одними пустыми возгласами и надутыми похвалами; сказать о немъ рѣзкую правду, у насъ святотатство. И добро бы еще это было вслѣдствіе убѣжденія! Нѣтъ, это просто изъ нелѣпаго и вреднаго приличія, или изъ боязни прослыть выскочкою, романтикомъ. Посмотрите, какъ поступаютъ въ семъ случаѣ иностранцы: у нихъ каждому писателю воздается по дѣламъ его: они не довольствуются сказать, что въ драмахъ г. NN есть много прекрасныхъ мѣстъ, хотя есть стишки негладкіе и нѣкоторыя погрѣш-

ности, что оды г. NN превосходны, но элегіи слабы. Нѣтъ, у нихъ разсматривается весь кругъ дѣятельности того или другаго писателя, опредѣляется степень его вліянія на современниковъ и потомство, разбирается духъ его твореній вообще, а не частныя красоты или недостатки, берутся въ соображеніе обстоятельства его жизни, дабы узнать, могъ ли онъ сдѣлать больше того, что̀ сдѣлалъ и объяснить почему онъ дѣлалъ такъ, а не этакъ; и уже, по соображеніи всего этого, рѣшаютъ, какое мѣсто онъ долженъ занимать въ литературѣ, какою славою долженъ пользоваться. Читателямъ «Телескопа» должны быть знакомы многія подобныя критическія біографіи знаменитыхъ писателей. Гдѣ же онѣ у насъ? Увы!... Сколько разъ, напримѣръ, слышали мы, что «Вечернее» и «Утреннее Размышленіе о Величествѣ Божіемъ» Ломоносова прекрасны, что строфы его одъ звучны и величественны, что періоды его прозы полны, круглы и живописны; но опредѣлена ли мѣра его заслугъ, показаны ли вмѣстѣ съ свѣтлыми его сторонами и темныя пятна? Нѣтъ—какъ можно! грѣшно, дерзко, неблагодарно!... Гдѣ же критика, имѣющая предметомъ образованіе вкуса, гдѣ истина, долженствующая быть дороже всѣхъ на свѣтѣ авторитетовъ!...

Много свѣдѣній, опытности, труда и времени нужно для достойной оцѣнки такого человѣка, каковъ былъ Ломоносовъ. Недостатокъ времени и мѣста, а можетъ быть и силъ, не позволяютъ входить мнѣ въ слишкомъ подробныя изслѣдованія: ограничусь однимъ общимъ взглядомъ. Ломоносовъ—это Петръ нашей литературы: вотъ, кажется мнѣ, самый вѣрный взглядъ на него. Въ самомъ дѣлѣ, не замѣчаете ли вы поразительнаго сходства въ образѣ дѣйствованія сихъ великихъ людей, равно какъ и въ слѣдствіяхъ сего образа дѣйствованія? На берегахъ Сѣвернаго океана, въ царствѣ зимы и смерти, родился у бѣднаго рыбака сынъ. Ребенка мучитъ какой-то невѣдомый демонъ, не даетъ ему

покоя ни днемъ, ни ночью, шепчетъ ему на ухо какія-то дивныя рѣчи, отъ которыхъ сильнѣе трепещетъ его сердце, жарче кипитъ его кровь; на что̀ ни взглянетъ этотъ ребенокъ, ему хочется знать: откуда это, почему и какъ; безконечные вопросы давятъ и тяготятъ его юную душу—и нѣтъ отвѣтовъ! Онъ выучивается кое-какъ грамотѣ, тайныя внушенія его докучнаго демона раздаются въ его душѣ, какъ обольстительные звуки Вадимова колокольчика, и манятъ его въ туманную даль... И вотъ онъ оставляетъ отца своего и бѣжитъ въ Москву бѣлокаменную. Бѣги, бѣги юноша! Тамъ узнаешь ты все, тамъ утолишь въ источникѣ знанія свою мучительную жажду! Но, увы! надежда обманула тебя: жажда твоя еще сильнѣе—ты только пуще раздражилъ ее. Дальше, дальше, смѣлый юноша! Туда, въ ученую Германію, тамъ сады райскіе, а въ тѣхъ садахъ древо жизни, древо познанія, древо добра и зла.... Сладки плоды его—спѣши вкусить ихъ.... И онъ бѣжитъ, онъ вступаетъ въ очаровательные сады, и видитъ искусительное древо, и жадно пожираетъ плоды его. Сколько чудесъ, сколько очарованій! Какъ жалѣетъ онъ, что не можетъ разомъ всего захватить съ собою и перенести въ другое отечество, въ святую родину!... Однакожъ... нельзя ли какъ попытаться?... Вѣдь онъ русскій, стало быть, ему все подъ силу, все возможно; вѣдь его ожидаетъ Шуваловъ: стало быть ему нечего страшиться предразсудковъ, враговъ и завистниковъ!... И вотъ Русь оглашается одами, смотритъ на трагедіи, восхищается эпопеею, смѣется надъ побасенками, слушаетъ Цицерона и Демосѳена, и важно разсуждаетъ объ электричествѣ и громовыхъ отводахъ: чего же медлить? Не правда ли, что и самъ Петръ воскликнулъ бы съ удовольствіемъ: это по нашему! Но и съ Ломоносовымъ сбылось тоже, что̀ съ Петромъ. Прельщенный блескомъ иноземнаго просвѣщенія, онъ закрылъ глаза для роднаго. Правда, онъ выучилъ въ дѣтствѣ наизусть варварскіе вирши Симеона

Полоцкаго, но оставилъ безъ вниманія народныя пѣсни и сказки. Онъ какъ будто и не слыхалъ объ нихъ. Замѣчаете ли вы въ его сочиненіяхъ хотя слабые слѣды вліянія лѣтописей и вообще народныхъ преданій земли Русской? Нѣтъ — ничего этого не бывало. Говорятъ, что онъ глубоко постигъ свойства языка русскаго! Не спорю—его грамматика дивное, великое дѣло. Но для чего же онъ пялилъ и корчилъ русскій языкъ на образецъ латинскаго и нѣмецкаго? Почему каждый періодъ его рѣчей набитъ безъ всякой нужды такимъ множествомъ вставочныхъ предложеній и завостренъ на концѣ глаголомъ? Развѣ этого требовалъ геній языка русскаго, разгаданный симъ великимъ человѣкомъ? Создать языкъ невозможно, ибо его творитъ народъ; филологи только открываютъ его законы и приводятъ ихъ въ систему, а писатели только творятъ на немъ сообразно съ сими законами. И въ семъ послѣднемъ случаѣ нельзя довольно надивиться генію Ломоносова: у него есть строфы и цѣлыя стихотворенія, которыя по чистотѣ и правильности языка весьма приближаются къ нынѣшнему времени. Слѣдовательно, его погубила слѣпая подражательность; слѣдовательно, она одна виною, что его никто не читаетъ, что онъ не признанъ и забытъ народомъ, и что о немъ помнятъ одни записные литераторы.

Нѣкоторые говорятъ, что онъ былъ великій ученый и великій ораторъ, но совсѣмъ не поэтъ: напротивъ, онъ былъ больше поэтъ, чѣмъ ораторъ; скажу больше: онъ былъ великій поэтъ и плохой ораторъ. Ибо что такое его похвальныя слова? Наборъ громкихъ словъ и общихъ мѣстъ, частію взятыхъ на прокатъ изъ древнихъ витій, частію принадлежащихъ ему, плоды заказной работы, гдѣ одна только шумиха и возгласы, а отнюдь не выраженіе горячаго, живаго и неподдѣльнаго чувства, которое одно бываетъ источникомъ истиннаго краснорѣчія. Нѣкоторыя мѣста, прекрасныя по слогу, ничего не доказываютъ: дѣло

въ томъ, каково цѣлое. И удивительно ли, что такъ случилось: мы и теперь очень мало нуждаемся въ краснорѣчіи, а тѣмъ меньше тогда нуждались въ немъ; слѣдовательно, оно родилось безъ всякой нужды, изъ одной подражательности, и потому не могло быть удачнымъ. Но стихотворенія Ломоносова носятъ на себѣ отпечатокъ генія. Правда, у него и въ нихъ умъ преобладаетъ надъ чувствомъ, но это происходило не отъ чего инаго, какъ отъ того, что жажда къ знанію поглощала все существо его, была его господствующею страстью. Онъ всегда держалъ свою энергическую фантазію въ крѣпкой уздѣ холоднаго ума и не давалъ ей слишкомъ разыгрываться. Вольтеръ сказалъ, помнится о Корнелѣ, что онъ въ сочиненіи своихъ трагедій похожъ на великаго Конде, который хладнокровно обдумывалъ планы сраженій и горячо сражался: вотъ Ломоносовъ! Отъ этого-то его стихотворенія имѣютъ характеръ ораторскій, отъ этого-то сквозь призму ихъ радужныхъ цвѣтовъ часто видѣнъ сухой остовъ силлогизма. Это происходило отъ системы, а отнюдь не отъ недостатка поэтическаго генія. Система и рабская подражательность заставили его написать прозаическое «Письмо о Пользѣ Стекла», двѣ холодныя и надутыя трагедіи, и, наконецъ, эту неуклюжую «Петріаду», которая была самымъ жалкимъ заблужденіемъ его мощнаго генія. Онъ былъ рожденъ лирикомъ, и звуки его лиры, тамъ, гдѣ онъ не стѣснялъ себя системою, были стройны, высоки и величественны...

Что̀ сказать о его соперникѣ, Сумароковѣ? Онъ писалъ во всѣхъ родахъ, въ стихахъ и прозѣ и думалъ быть русскимъ Вольтеромъ. Но при рабской подражательности Ломоносову, онъ не имѣлъ ни искры его таланта. Вся его художническая дѣятельность была не что иное, какъ жалкая и смѣшная натяжка. Онъ не только не былъ поэтъ, но даже не имѣлъ никакой идеи, никакого понятія объ искусствѣ, и всего лучше опровергъ собой странную мысль

Бюффона, что будто геній есть терпѣніе въ высшей степени. А между тѣмъ этотъ жалкій писака пользовался такою народностію! Наши словесники не знаютъ какъ и благодарить его за то, что онъ былъ отцемъ россійскаго театра. Почему-же они отказываютъ въ благодарности Тредьяковскому за то, что онъ былъ отцемъ россійской эпопеи? Право, одно отъ другаго не далеко ушло. Мы не должны слишкомъ нападать на Сумарокова за то, что онъ былъ хвастунъ: онъ обманывался въ себѣ такъ же, какъ обманывались въ немъ его современники; на безрыбьи и ракъ рыба, слѣдовательно это извинительно, тѣмъ болѣе, что онъ былъ не художникъ. Вотъ другое дѣло нынѣ... Конечно смѣшно и жалко видѣть, какъ иные мальчики заставляютъ въ плохихъ драмахъ пророчествовать великихъ поэтовъ о своемъ пришествіи въ міръ...

— —

Была пора: Екатеринивъ вѣкъ,
Въ немъ ожила всей древней Руси слава.
Тѣ дни, когда громилъ Царь-градъ Олегъ,
И вылъ Дунай подъ лодкой Святослава;
Рымникъ, Чесма, Кагулскій бой,
Орлы во градѣ Леонида;
Возобновленная Таврида,
День Измаила роковой,
И въ Прагѣ, кровью залитой,
Москвы отмщенная обида!

Жуковскій.

Воцарилась Екатерина вторая, и для русскаго народа наступила эра новой, лучшей жизни. Ея царствованіе—это эпопея, эпопея гигантская и дерзская по замыслу, величественная и смѣлая по созданію, обширная и полная по плану, блестящая и великолѣпная по изложенію, эпопея

достойная Гомера или Тасса! Ея царствованіе—это драма, драма многосложная и запутанная по завязкѣ, живая и быстрая по ходу дѣйствія, пестрая и яркая по разнообразію характеровъ, греческая трагедія по царственному величію и исполинской силѣ героевъ, созданіе Шекспира по оригинальности и самоцвѣтности персонажей, по разнообразности картинъ и ихъ калейдоскопической подвижности, наконецъ драма, зрѣлище которой исторгнетъ у насъ невольно крики восторга и радости! Съ удивленіемъ и даже съ какою-то недовѣрчивостію смотримъ мы на это время, которое такъ близко къ намъ, что еще живы нѣкоторые изъ его представителей; которое такъ далеко отъ насъ, что мы не можемъ видѣть его ясно, безъ помощи телескопа исторіи; которое такъ чудно и дивно въ лѣтописяхъ міра, что мы готовы почесть его какимъ-то баснословнымъ вѣкомъ. Тогда въ первый еще разъ послѣ царя Алексѣя проявился духъ Русскій во всей своей богатырской силѣ, во всемъ своемъ удаломъ разгульѣ, и, какъ говорится, пошелъ писать. Тогда-то народъ Русскій, наконецъ освоившійся кое-какъ съ тѣсными и несвойственными ему формами новой жизни, притерпѣвшійся къ нимъ и почти помирившійся съ ними, какъ бы покорясь приговору судьбы неизбѣжной и непреоборимой—волѣ Петра, въ первый разъ вздохнулъ свободно, улыбнулся весело, взглянулъ гордо— ибо его уже не гнали къ великой цѣли, а вели съ его спросу и согласія, ибо умолкло грозное «слово и дѣло», и вмѣсто него раздается съ трона голосъ, говорившій: «лучше прощу десять виновныхъ, нежели накажу одного невиннаго; мы думаемъ, и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы живемъ для нашего народа; сохрани Боже, чтобы какой нибудь народъ былъ счастливѣе россійскаго» ибо съ Уставомъ о Рангахъ и Дворянскою Грамотою соединилась неприкосновенность правъ благородства; ибо, наконецъ, слухъ Руси лелѣется безпрестанными громами побѣдъ и завое-

ваній. Тогда-то проснулся русскій умъ, и вотъ заводятся школы, издаются всѣ необходимыя для первоначальнаго обученія книги, переводится все хорошее со всѣхъ европейскихъ языковъ; разыгрался русскій мечъ, и вотъ потрясаются монархіи въ своемъ основаніи, сокрушаются царства и сливаются съ Русью!...

Знаете ли вы въ чемъ состоялъ отличительный характеръ вѣка Екатерины II, этой великой эпохи, этого свѣтлаго момента жизни русскаго народа? Мнѣ кажется, въ народности. Да—въ народности, ибо тогда Русь, стараясь попрежнему поддѣлываться подъ чужой ладъ, какъ будто на зло самой себѣ, оставалась Русью. Вспомните этихъ важныхъ радушныхъ бояръ, домы которыхъ походили на всемірныя гостинницы, куда приходитъ званый и незваный, и, не кланяясь хлѣбосольному хозяину, садится за столы дубовые, за скатерти браныя, за явства сахарныя, за питья медовыя; этихъ величавыхъ и гордыхъ вельможъ, которые любили жить на распашку, жилища которыхъ походили на царскія палаты русскихъ сказокъ, которые имѣли свой штатъ царедворцевъ, поклонниковъ и ласкателей, которые сожигали фейерверки изъ облигацій правительства; которые умѣли попировать и повеселиться по старинному дѣдовскому обычаю, отъ всей русской души, но умѣли и постоять за свою Матушку и мечемъ и перомъ: не скажете ли вы, что эта была жизнь самостоятельная, общество оригинальное? Вспомните этого Суворова, который не зналъ войны, но котораго война знала; Потемкина, который грызъ ногти на пирахъ и, между шутокъ, рѣшалъ въ умѣ судьбы народовъ; этого Безбородко, который, говорятъ, съ похмѣлья читалъ Матушкѣ на бѣлыхъ листахъ дипломатическія бумаги своего сочиненія; этого Державина, который въ самыхъ отчаянныхъ своихъ подражаніяхъ Горацію, противъ воли, оставался Державинымъ, и столько же походилъ на Августова поэта, сколько походитъ могучая русская зима на

роскошное лѣто Италіи; не скажете ли вы, что каждаго изъ нихъ природа отлила въ особенную форму и, отливши, разбила въ дребезги эту форму?... А можно ли быть оригинальнымъ и самостоятельнымъ, не будучи народнымъ?... Отчего же это было такъ? Оттого, повторяю, что уму русскому былъ данъ просторъ, оттого, что геній русскій началъ ходить съ развязанными руками, оттого, что великая жена умѣла сродниться съ духомъ своего народа, что она высоко уважала народное достоинство, дорожила всѣмъ русскимъ до того, что сама писала разныя сочиненія на русскомъ языкѣ, дирижировала журналомъ, и за презрѣніе къ родному языку казнила подданныхъ ужасною казнію—Телемахидою!... Да—чудно, дивно было это время, но еще чуднѣе и дивнѣе было это общество! Какая смѣсь, пестрота, разнообразіе! Сколько элементовъ разнородныхъ, но связанныхъ, но одушевленныхъ единымъ духомъ! Безбожіе и изувѣрство, грубость и утонченность, матеріализмъ и набожность, страсть къ новизнѣ и упорный фанатизмъ къ старинѣ, пиры и побѣды, роскошь и довольство, забавы и геркулесовскіе подвиги, великіе умы, великіе характеры всѣхъ цвѣтовъ и образовъ и, между ними, Недоросли, Простаковы, Тарасы Скотинины и Бригадиры; дворянство, удивляющее французскій дворъ своею свѣтскою образованностію, и дворянство, выходившее съ холопями на разбой!...

И это общество отразилось въ литературѣ; два поэта, впрочемъ весьма неравные геніемъ, преимущественно были выраженіемъ онаго; громозвучныя пѣсни Державина были символомъ могущества, славы и счастія Руси; ѣдкія и остроумныя каррикатуры Фонъ-Визина были органомъ понятій и образа мыслей образованнѣйшаго класса людей тогдашняго времени.

Державинъ—какое имя!... Да—онъ былъ правъ: только Навинъ могло быть ему подъ риѳму! Какъ идетъ къ нему этотъ полу-русскій и полу-татарскій нарядъ, въ которомъ

изображаютъ его на портретахъ: дайте ему въ руки лилейный скипетръ Оберона; придайте къ этой собольей шубѣ и бобровой шапкѣ длинную сѣдую бороду: и вотъ вамъ русскій чародѣй, отъ дыханія котораго таютъ снѣга и ледяные покровы рѣкъ, и разцвѣтаютъ розы, чуднымъ словамъ котораго повинуется послушная природа и принимаетъ всѣ виды и образы, какихъ ни пожелаетъ онъ! Дивное явленіе! Бѣдный дворянинъ, почти безграмотный, дитя по своимъ понятіямъ; неразгаданная загадка для самого себя; откуда получилъ онъ этотъ вѣщій пророческій глаголъ, потрясающій сердца и восторгающій души, этотъ глубокій и обширный взглядъ, обхватывающій природу во всей ея безконечности, какъ обхватываетъ молодой орелъ мощными когтями трепещущую добычу? Или и въ самомъ дѣлѣ онъ повстрѣчалъ на перепутьи какого нибудь «шестикрылаго херувима»? Или и въ самъ дѣлѣ «огненное чувство» ставитъ въ иныя минуты смертнаго, безъ всякихъ со стороны его усилій, наравнѣ съ природою, и, послушная, она открываетъ ему свои таинственныя нѣдра, даетъ ему подсмотрѣть біеніе своего сердца и почерпать въ лонѣ источника жизни эту живую воду, которая влагаетъ дыханіе жизни и въ металлъ и въ мраморъ? Или и въ самомъ дѣлѣ огненное чувство даетъ смертному всезрящія очи и уничтожаетъ его въ природѣ, а природу уничтожаетъ въ немъ, и, ея всемощный властелинъ, онъ повелѣваетъ ею самовластно, и, вмѣстѣ съ нею, раскидывается, по своей волѣ, подобно Протею, на тысячи прекрасныхъ явленій, воплощается въ тысячи волшебныхъ образовъ, и тѣ образы называетъ потомъ своими созданіями? Державинъ—это полное выраженіе, живая лѣтопись, торжественный гимнъ, пламенный диѳирамбъ вѣка Екатерины, съ его лирическимъ одушевленіемъ, съ его гордостію настоящимъ и надеждами на будущее, его просвѣщеніемъ и невѣжествомъ, его эпикуреизмомъ и жаждою великихъ дѣлъ, его

пиршественною праздностію и неистощимою практическою дѣятельностью! Не ищите въ звукахъ его пѣсенъ, то смѣлыхъ и торжественныхъ, какъ громъ побѣды, то веселыхъ и шутливыхъ, какъ застольный говоръ нашихъ прадѣдовъ, то нѣжныхъ и сладостныхъ какъ голосъ русскихъ дѣвъ—не ищите въ нихъ тонкаго анализа человѣка со всѣми изгибами его души и сердца, какъ у Шекспира, или сладкой тоски по небу и возвышенныхъ мечтаній о святомъ и великомъ жизни, какъ у Шиллера, или бѣшеныхъ воплей души пресыщенной и все еще не сытой, какъ у Байрона: нѣтъ—намъ тогда некогда было анатомировать природу человѣческую, некогда было углубляться въ тайны неба и жизни, ибо мы тогда были оглушены громомъ побѣдъ, ослѣплены блескомъ славы, заняты новыми постановленіями и преобразованіями; ибо тогда намъ еще некогда было пресытиться жизнію, мы еще только начинали жить и потому любили жизнь; итакъ, не ищите ничего этого у Державина! Поищите лучше у него поэтической вѣсти о томъ, какъ велика была несравненная, «богоподобная Фелица киргизъ-кайсайцкія орды», какъ этотъ «ангелъ во плоти» разливалъ и сѣялъ повсюду жизнь и счастіе, и, подобно Богу, творилъ все изъ ничего; какъ были мудры ея слуги вѣрные, ея совѣтники усердные; какъ герой полуночи, «чудо-богатырь», бросалъ за облака башни, какъ бѣжала тьма отъ его чела и пыль отъ его молодецкаго посвисту, какъ подъ его ногами трещали горы и кипѣли бездны, какъ предъ нимъ падали города и рушились царства, какъ онъ, при громахъ и молніяхъ, при ужасной борьбѣ разъяренныхъ стихій сокрушилъ твердыни Измаила, или перешелъ чрезъ пропасти Сентъ Готара; какъ жили и были вельможи русскіе съ своимъ неистощимымъ хлѣбомъ-солью, съ своимъ русскимъ сибаритствомъ и русскимъ умомъ; какъ русскія дѣвы своими пламенными взорами и соболиными бровями разятъ души львовъ и сердца орловъ, какъ бле-

стятъ ихъ бѣлыя чела златыми лентами, какъ дышатъ ихъ нѣжныя груди подъ драгими жемчугами, какъ сквозь ихъ голубыя жилки переливается розовая кровь, а на ланитахъ любовь врѣзала огневыя ямки!

Невозможно исчислить неизчислимыхъ красотъ созданій Державина. Онѣ разнообразны, какъ русская природа, но всѣ отличаются однимъ общимъ колоритомъ; во всѣхъ нихъ воображеніе преобладаетъ надъ чувствомъ и все представляетъ въ преувеличенныхъ, гиперболическихъ размѣрахъ. Онъ не взволнуетъ вашей груди сильнымъ чувствомъ, не выдавитъ слезы изъ вашихъ глазъ, но, какъ орелъ добычу, схватываетъ васъ внезапно и неожиданно, и, на крылахъ своихъ могучихъ строфъ, мчитъ прямо къ солнцу, и, не давая вамъ опомниться, носитъ по безпредѣльнымъ равнинамъ неба; земля исчезаетъ у васъ изъ виду, сердце сжимаетъ отъ какого-то пріятнаго изумленія, смѣшаннаго со страхомъ, и вы видите себя какъ бы ринутыми порывомъ урагана въ неизмѣримый океанъ; волна то увлекаетъ васъ въ бездны, то выбрасываетъ къ небу, и душѣ вашей отрадно и привольно въ этой безбрежности. Какъ громка и величественна его пѣснь Богу! Какъ глубоко подсмотрѣлъ онъ внѣшнее благолѣпіе природы, и какъ вѣрно воспроизвелъ его въ своемъ дивномъ созданіи! И однакожъ, онъ прославилъ въ немъ одну мудрость и могущество Божіе и только намекнулъ о любви Божіей, о той любви, которая воззвала къ человѣкамъ: «пріидите ко мнѣ вси труждающіи и обремененніи, и азъ упокою вы!» о той любви, которая съ позорнаго креста мученія взывала къ отцу: «Отче отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что̀ творятъ!» Но не осуждайте его за это; тогда было не то время, что̀ нынѣ, тогда былъ осьмнадцатый вѣкъ. Притомъ же не забудьте, что умъ Державина былъ умъ русскій, положительный, чуждый мистицизма и таинственности, что его стихіею и торжествомъ была природа внѣшняя, а господствующимъ чувствомъ па-

тріотизмъ, что въ семъ случаѣ онъ былъ только вѣренъ своему безсознательному направленію, и слѣдовательно былъ истиненъ. Какъ страшна его ода на смерть Мещерскаго: кровь стынетъ въ жилахъ, волосы, по выраженію Шекспира, встають на головѣ встревоженною ратью, когда въ ушахъ вашихъ раздается вѣщій бой «глагола временъ»; когда въ глазахъ мерещится ужасный остовъ смерти съ косою въ рукахъ! Какою энергическою и дикою красотою дышетъ его «Водопадъ»; это пѣснь угрюмаго сѣвера, пропѣтая сребровласымъ скальдомъ въ глубинѣ священнаго лѣса, среди мрачной ночи, у пылающаго дуба, зажженнаго молніею, при оглушающемъ ревѣ водопада! Его посланія и сатиры представляютъ совсѣмъ другой міръ, не менѣе прекрасный и очаровательный. Въ нихъ видна практическая философія ума русскаго: посему главное, отличительное ихъ свойство есть народность, народность, состоящая не въ подборѣ мужицкихъ словъ или насильственной поддѣлкѣ подъ ладъ пѣсенъ и сказокъ, но въ сгибѣ ума русскаго, въ русскомъ образѣ взгляда на вещи. Въ семъ отношеніи Державинъ народенъ въ высочайшей степени. Какъ смѣшны тѣ, которые величаютъ его русскимъ Пиндаромъ, Гораціемъ, Анакреономъ; ибо самая эта тройственность показываетъ, что онъ былъ ни то, ни другое, ни третье, но все это вмѣстѣ взятое, и слѣдовательно выше всего этого, отдѣльно взятаго! Не такъ же ли нелѣпо было бы назвать Пиндара или Анакреона греческимъ или Горація латинскимъ Державинымъ, ибо если онъ самъ не былъ ни для кого образцомъ, то и для себя не имѣлъ никого образцомъ? Вообще надобно замѣтить, что его невѣжество было причиною его народности, которой впрочемъ онъ не зналъ цѣны; оно спасло его отъ подражательности, и онъ былъ оригиналенъ и народенъ, самъ не зная того. Обладай онъ всеобъемлющею ученостью Ломоносова—и тогда прости поэтъ! Ибо, чего добраго? онъ пустился бы, пожалуй, въ трагедіи и, всего вѣрнѣе, въ эпо-

пею: его неудачные опыты въ драмѣ доказываютъ справедливость такого предположенія. Но судьба спасла его—и мы имѣемъ въ Державинѣ великаго, геніальнаго русскаго поэта, который былъ вѣрнымъ эхомъ жизни русскаго народа, вѣрнымъ отголоскомъ вѣка Екатерины II.

Фонъ-Визинъ былъ человѣкъ съ необыкновеннымъ умомъ и дарованіемъ; но былъ ли онъ рожденъ комикомъ—на это трудно отвѣчать утвердительно. Въ самомъ дѣлѣ, видите ли вы въ его драматическихъ созданіяхъ присутствіе идеи вѣчной жизни? Вѣдь смѣшной анекдотъ, переложенный на разговоры, гдѣ участвуетъ извѣстное число скотовъ—еще не комедія. Предметъ комедіи не есть исправленіе нравовъ или осмѣяніе какихъ-нибудь пороковъ общества; нѣтъ: комедія должна живописать несообразность жизни съ цѣлью, должна быть плодомъ горькаго негодованія, возбуждаемаго униженіемъ человѣческаго достоинства, должна быть сарказмомъ, а не эпиграммою, судорожнымъ хохотомъ, а не веселою усмѣшкою, должна быть писана желчью, а не разведенною солью, словомъ, должна обнимать жизнь въ ея высшемъ значеніи, то-есть, въ ея вѣчной борьбѣ между добромъ и зломъ, любовью и эгоизмомъ. Такъ ли у Фонъ-Визина? Его дураки очень смѣшны и отвратительны, но это потому, что они не созданія фантазіи, а слишкомъ вѣрные списки съ натуры; его умные суть не иное что, какъ выпускныя куклы, говорящія заученыя правила благонравія; и все это потому, что авторъ хотѣлъ учить и исправлять. Этотъ человѣкъ былъ очень смѣшливъ отъ природы: онъ чуть не задохнулся отъ смѣху, слыша въ театрѣ звуки польскаго языка; онъ былъ во Франціи и Германіи, и нашелъ въ нихъ одно смѣшное: вотъ вамъ и комизмъ его. Да—его комедіи суть не больше, какъ плодъ добродушной веселости, надъ всѣмъ издѣвавшейся; плодъ остроумія, но не созданія фантазіи и горячаго чувства. Онѣ явились въ пору, и потому имѣли необыкновенный успѣхъ; были выраженіемъ господ-

ствующаго образа мыслей образованныхъ людей, и потому нравились. Впрочемъ, не будучи художественными созданіями въ полномъ смыслѣ этого слова, онѣ все-таки несравненно выше всего, что ни написано у насъ по сію пору въ семъ родѣ, кромѣ «Горе отъ ума», о которомъ рѣчь впереди. Одно уже это доказываетъ дарованіе сего писателя. Прочія его сочиненія имѣютъ цѣну еще, можетъ-быть, бо́льшую, но и въ нихъ онъ является умнымъ наблюдателемъ и остроумнымъ писателемъ, а не художникомъ. Насмѣшка и шутливость составляютъ ихъ отличительный характеръ. Кромѣ неподдѣльнаго дарованія, они замѣчательны еще и по слогу, который очень близко подходитъ къ Карамзинскому, особенно же дрогоцѣнны они тѣмъ, что заключаютъ въ себѣ многія рѣзкія черты духа того любопытнаго времени.

Какъ забыть о Богдановичѣ? Какою славою пользовался онъ при жизни, какъ восхищались имъ современники, и какъ еще восхищаются имъ и теперь нѣкоторые читатели? Какая причина этого успѣха? Представьте себѣ, что вы оглушены громомъ, трескотнею пышныхъ словъ и фразъ, что всѣ окружающіе васъ говорятъ монологами о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ, и вы вдругъ встрѣчаете человѣка съ простою и умною рѣчью: не правда ли, что вы бы очень восхитились этимъ человѣкомъ? Подражатели Ломоносова, Державина и Хераскова оглушили всѣхъ громкимъ одопѣніемъ; уже начали думать, что русскій языкъ неспособенъ къ такъ называемой легкой поэзіи, которая такъ цвѣла у Французовъ, и вотъ въ это-то время является человѣкъ съ сказкою, написанною языкомъ простымъ, естественнымъ и шутливымъ, слогомъ, по тогдашнему времени, удивительно легкимъ и плавнымъ: всѣ были изумлены и обрадованы. Вотъ причина необыкновеннаго успѣха «Душеньки», которая, впрочемъ, не безъ достоинствъ, не безъ таланта. Скромный Хемницеръ былъ не понятъ современниками; имъ по справедливости гордится теперь потомство и ставитъ

его наравнѣ съ Дмитріевымъ. Херасковъ былъ человѣкъ добрый, умный, благонамѣренный и, по своему времени, отличный версификаторъ, но рѣшительно не поэтъ. Его дюжинныя: «Россіяда» и «Владиміръ» долго составляли предметъ удивленія для современниковъ и потомковъ, которые величали его русскимъ Гомеромъ и Виргиліемъ, и проводили во храмъ безсмертія подъ щитомъ его длинныхъ и скучныхъ поэмъ; предъ нимъ благоговѣлъ самъ Державинъ; но, увы! ни что ни спасло его отъ всепоглощающихъ волнъ Леты! Петровъ недостатокъ истиннаго чувства замѣнялъ напыщенностью и совершенно докопалъ себя своимъ варварскимъ языкомъ. Княжнинъ былъ трудолюбивый писатель и, въ отношеніи къ языку и формѣ, не безъ таланта, который особенно замѣтенъ въ комедіяхъ. Хотя онъ цѣликомъ бралъ изъ французскихъ писателей, но ему и то уже дѣлаетъ большую честь, что онъ умѣлъ изъ этихъ похищеній составлять нѣчто цѣлое, и далеко превзошелъ своего родича Сумарокова. Костровъ и Бобровъ были въ свое время хорошіе версификаторы.

Вотъ всѣ геніи Екатерины Великой; всѣ они пользовались громкой славой, и всѣ, за исключеніемъ Державина, Фонъ-Визина и Хемницера, забыты. Но всѣ они замѣчательны, какъ первые дѣйствователи на поприщѣ русской словесности; судя по времени и средствамъ, ихъ успѣхи были важны, и преимущественно происходили отъ вниманія и одобренія монархини, которая всюду искала талантовъ и всюду умѣла находить ихъ. Но между ними только одинъ Державинъ былъ такимъ поэтомъ, имя котораго мы съ гордостію можемъ поставить подлѣ великихъ именъ поэтовъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, ибо онъ одинъ былъ свободнымъ и торжественнымъ выраженіемъ своего великаго народа и своего дивнаго времени.

Amicus Plato, sed magis amica veritas.

Первые дѣйствователи на поприщѣ литературы никогда не забываются; ибо, талантливые или бездарные, они въ обоихъ случаяхъ лица историческія. Не въ одной исторіи французской литературы имена Ронсаровъ, Гарнье и Гарди всегда предшествуютъ именамъ Корнелей и Расиновъ. Счастливые люди! какъ дешево достается имъ безсмертіе! Въ предшествовавшей статьѣ моей я впалъ въ непроститель-ную ошибку, ибо, говоря о поэтахъ и писателяхъ вѣка Екатерины II, забылъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Посему теперь почитаю непремѣннымъ долгомъ исправить мою ошибку, и упомянуть о Поповскомъ, порядочномъ стихотворцѣ и прозаикѣ своего времени;—Майковѣ, который своими созданіями, относившимися во времена оны во всѣхъ піитикахъ къ какому-то роду комическихъ поэмъ, не мало способствовалъ къ распространенію въ Россіи дурнаго вкуса, и заставилъ знаменитаго нашего драматурга, кн. Шаховскаго, написать довольно невысокое стихотвореніе подъ названіемъ: «Расхищенныя Шубы»;—Аблесимовѣ, который какъ будто нарочно, или по ошибкѣ, между многими плохими драмами, написалъ прекрасный народный водевиль: «Мельникъ», произведеніе столь любимое нашими добрыми дѣдами и еще и теперь не потерявшее своего достоинства;—Рубанѣ, которому, по милости и добротѣ нашихъ литературныхъ судей былыхъ временъ, безсмертіе досталось за самую дешевую цѣну;—Нелединскомъ, въ пѣсняхъ котораго сквозь румяны сантиментальности проглядывало иногда чувство и блестки таланта;—Ефимьевѣ и Плавильщиковѣ, нѣкогда почитавшихся хорошими драматургами, но теперь, увы! совершенно забытыхъ, несмотря на то, что и самъ почтенный Николай Ивановичъ Гречь не отказывалъ имъ въ нѣкоторыхъ будто-

бы достоинствахъ. Кромѣ сего, царствованіе Екатерины II было ознаменовано такимъ дивнымъ и рѣдкимъ у насъ явленіемъ, котораго, кажется, еще долго не дождаться намъ грѣшнымъ. Кому не извѣстно, хотя по наслышкѣ, имя Новикова? Какъ жаль, что мы такъ мало имѣемъ свѣдѣній объ этомъ необыкновенномъ и, смѣю сказать, великомъ человѣкѣ! У насъ всегда такъ: кричатъ безъ умолку о какомъ нибудь Сумароковѣ, бездарномъ писателѣ, и забываютъ о благодѣтельныхъ подвигахъ человѣка, котораго вся жизнь, вся дѣятельность была направлена къ общей пользѣ...

Вѣкъ Александра Благословеннаго, какъ и вѣкъ Екатерины Великой, принадлежитъ къ свѣтлымъ мгновеніямъ жизни русскаго народа, и, въ нѣкоторомъ отношеніи, былъ его продолженіемъ. Это была жизнь безпечная и веселая, гордая настоящимъ, полная надеждъ на будущее. Мудрыя узаконенія и нововведенія Екатерины укоренились и, такъ сказать, окрѣпли; новыя благодѣтельныя учрежденія царя юнаго и кроткаго упрочивали благосостояніе Руси и быстро двигали ее впередъ на поприщѣ преуспѣянія. Въ самомъ дѣлѣ, сколько было сдѣлано для просвѣщенія! Сколько основано университетовъ, лицеевъ, гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ! И образованіе начало разливаться по всѣмъ классамъ народа, ибо оно сдѣлалось болѣе или менѣе доступнымъ для всѣхъ классовъ народа. Покровительство просвѣщеннаго и образованнаго монарха, достойнаго внука Екатерины, отыскивало повсюду людей съ талантами и давало имъ дорогу и средства дѣйствовать на избранномъ ими поприщѣ. Въ это время еще впервые появилась мысль о необходимости имѣть свою литературу. Въ царствованіе Екатерины литература существовала только при дворѣ; ею занимались потому, что государыня занималась ею. Плохо пришлось бы Державину, еслибы ей не понравилось его «Посланіе къ Фелицѣ» и «Вельможа»; плохо бы пришлось Фонъ-Визину, еслибы она не смѣялась до слезъ надъ его

«Бригадиромъ» и «Недорослемъ»; мало бы оказывалось уваженія къ пѣвцу «Бога» и «Водопада», еслибы онъ не былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и разныхъ орденовъ кавалеромъ. При Александрѣ всѣ начали заниматься литературою, и титулъ сталъ отдѣляться отъ таланта. Явилось явленіе новое и доселѣ неслыханное: писатели сдѣлались двигателями, руководителями и образователями общества; явились попытки создать языкъ и литературу. Но увы! не было прочности и основательности въ этихъ попыткахъ; ибо попытка всегда предполагаетъ разсчетъ, а разсчетъ предполагаетъ волю, а воля часто идетъ наперекоръ обстоятельствамъ и разногласитъ съ законами здраваго смысла. Много было талантовъ и ни одного генія, и всѣ литературныя явленія раждались не вслѣдствіе необходимости, непроизвольно и безсознательно, не вытекали изъ событій и духа народнаго. Не спрашивали: что и какъ намъ должно было дѣлать? Говорили: дѣлайте такъ, какъ дѣлаютъ иностранцы, и вы будете хорошо дѣлать. Удивительно ли послѣ того, что, несмотря на всѣ усилія создать языкъ и литературу, у насъ не только тогда не было ни того ни другаго, но даже нѣтъ и теперь! Удивительно ли, что при самомъ началѣ литературнаго движенія у насъ было такъ много литературныхъ школъ и не было ни одной истинной и основательной; что всѣ онѣ раждались, какъ грибы послѣ дождя, и исчезали, подобно мыльнымъ пузырямъ, и что мы, еще не имѣя никакой литературы, въ полномъ смыслѣ сего слова, уже успѣли быть и классиками и романтиками, и Греками и Римлянами, и Французами и Италіянцами, и Нѣмцами и Англичанами?...

Два писателя встрѣтили вѣкъ Александра и справедливо почитались лучшимъ украшеніемъ начала онаго: Карамзинъ и Дмитріевъ. Карамзинъ—вотъ актеръ нашей литературы, который еще при первомъ своемъ дебютѣ, при первомъ своемъ появленіи на сцену, былъ встрѣченъ и громкими

рукоплесканіями и громкимъ свистомъ! Вотъ имя, за которое было дано столько кровавыхъ битвъ, произошло столько отчаянныхъ схватокъ, переломлено столько копій! И давно ли еще умолкли эти бранные вопли, этотъ звукъ оружія, давно ли враждующія партіи вложили мечи въ ножны и теперь силятся объяснить себѣ, изъ чего онѣ воевали? Кто изъ читающихъ строки сіи не былъ свидѣтелемъ этихъ литературныхъ побоищъ, не слышалъ этого оглушающаго рева похвалъ преувеличенныхъ и безсмысленныхъ, этихъ порицаній, частію справедливыхъ, частію нелѣпыхъ? И теперь, на могилѣ незабвеннаго мужа, развѣ уже рѣшена побѣда, развѣ восторжествовала та или другая сторона? Увы! еще нѣтъ! Съ одной стороны насъ, «какъ вѣрныхъ сыновъ отчизны», призываютъ «молиться на могилѣ Карамзина» и «шептать его святое имя»; а съ другой—слушаютъ это воззваніе съ недовѣрчивой и насмѣшливой улыбкой. Любопытное зрѣлище! Борьба двухъ поколѣній, не понимающихъ одно другаго! И въ самомъ дѣлѣ, не смѣшно ли думать, что побѣда останется на сторонѣ гг. Иванчиныхъ-Писаревыхъ, Сомовыхъ и т. п.? Еще нелѣпѣе воображать, что ее упрочитъ за собою г. Арцыбышевъ съ братіею.

Карамзинъ... *mais je reviens toujours à mes moutons*... Знаете ли, что̀ наиболѣе вредило, вредитъ и, какъ кажется, еще долго будетъ вредить распространенію на Руси основательныхъ понятій о литературѣ и усовершенствованіи вкуса? Литературное идолопоклонство! Дѣти, мы еще все молимся и поклоняемся многочисленнымъ богамъ нашего многолюднаго Олимпа, и ни мало не заботимся о томъ, чтобы справляться почаще съ метриками, дабы узнать, точно ли небеснаго происхожденія предметы нашего обожанія. Что̀ дѣлать! Слѣпой фанатизмъ всегда бываетъ удѣломъ младенчествующихъ обществъ. Помните ли вы, чего стоили Мерзлякову его критическіе отзывы о Херасковѣ? Помните ли, какъ пришлись Каченовскому его замѣчанія на «Исто-

рію Государства Россійскаго», эти замѣчанія старца, въ коихъ было высказано почти все, что̀ говорили потомъ объ исторіи Карамзина юноши? Да—много, слишкомъ много нужно у насъ безкорыстной любви къ истинѣ и силы характера, чтобы посягнуть даже на какой-нибудь авторитетикъ, не только что авторитетъ: развѣ пріятно вамъ будетъ, когда васъ во всеуслышаніе ославятъ ненавистникомъ отечества, завистникомъ таланта, бездушнымъ зоиломъ, «желтякомъ»? И кто же? Люди, почти безграмотные, невѣжды, ожесточенные противъ успѣховъ ума, упрямо держащіеся за свою раковинную скорлупку, когда все вокругъ нихъ идетъ, бѣжитъ, летитъ! И не правы ли они въ семъ случаѣ? Чего остается ожидать для себя, наприм., г. Иванчину-Писареву, г. Воейкову или кн. Шаликову, когда они слышатъ, что Карамзинъ не художникъ, не геній и другія подобныя безбожныя мнѣнія?—они, которые питались крохами, падавшими съ трапезы этого человѣка, и на нихъ основывали зданіе своего безсмертія? Является г. Арцыбышевъ съ критическими статейками, въ коихъ доказываетъ, что Карамзинъ часто и притомъ безъ всякой нужды отступалъ отъ лѣтописей, служившихъ ему источниками, часто по своей волѣ или прихоти искажалъ ихъ смыслъ; и что̀ же?—Вы думаете, поклонники Карамзина тотчасъ принялись за сличку и изобличили Арцыбышева въ клеветѣ? Ничего не бывало. Странные люди! Къ чему вамъ толковать о зависти и зоилахъ, о каменьщикахъ и скульпторахъ, къ чему вамъ бросаться на пустыя ничтожныя фразы въ сноскахъ, сражаться съ тѣнью и шумѣть изъ ничего? Пусть г. Арцыбышевъ и завидуетъ славѣ Карамзина: повѣрьте, ему не убить этимъ Карамзина, если онъ пользуется заслуженною славой; пусть онъ съ важностію доказываетъ, что слогъ Карамзина «неподобозвученъ»—Богъ съ нимъ, это только смѣшно, а ничуть не досадно. Не лучше ли вамъ взять въ руки лѣтописи и доказать, что или г. Арцыбышевъ клеве-

щетъ, или промахи историка незначительны и ничтожны; а не то совсѣмъ ничего не говорить? Но, бѣдные, вамъ не подъ силу этотъ трудъ; вы и въ глаза не видывали лѣтописей, вы плохо знаете исторію:

Такъ изъ чего же вы бѣснуетеся столько?

Однакоже, что̀ ни говори, а такихъ людей, къ несчастію, много,

И вотъ общественное мнѣнье!
И вотъ на чемъ вертится свѣтъ!

Карамзинъ отмѣтилъ своимъ именемъ эпоху въ нашей словесности; его вліяніе на современниковъ было такъ велико и сильно, что цѣлый періодъ нашей литературы отъ девяностыхъ до двадцатыхъ годовъ по справедливости называется періодомъ Карамзинскимъ. Одно уже это достаточно доказываетъ, что Карамзинъ, по своему образованію, цѣлою головой превышалъ своихъ современниковъ. За нимъ еще и по сію пору, хотя не твердо и неопредѣленно, кромѣ имени историка, остаются имена писателя, поэта, художника, стихотворца. Разсмотримъ его права на эти титла. Для Карамзина еще не наступило потомство. Кто изъ насъ не утѣшался въ дѣтствѣ его повѣстями, не мечталъ и не плакалъ съ его сочиненіями? А вѣдь воспоминанія дѣтства такъ сладостны, такъ обольстительны: можно ли тутъ быть безпристрастнымъ? Однакожъ попытаемся.

Представте себѣ общество разнохарактерное, разнородное, можно сказать, разноплеменное; одна часть его читала, говорила, мыслила и молилась Богу на французскомъ языкѣ, другая знала наизусть Державина и ставила его наравнѣ не только съ Ломоносовымъ, но и съ Петровымъ, Сумароковымъ и Херасковымъ; первая очень плохо знала русскій языкъ, вторая была пріучена къ напыщенному, схоластическому языку автора «Россіяды» и «Кадма и Гармоніи»; общій же характеръ обѣихъ состоялъ изъ полудикости и полуобразованности;—словомъ, общество съ охотою къ чте-

нію, но безъ всякихъ свѣтлыхъ идей объ литературѣ. И вотъ является юноша, душа котораго была отверзта для всего благаго и прекраснаго, но который, при счастливыхъ дарованіяхъ и большомъ умѣ, былъ обдѣленъ просвѣщеніемъ и ученою образованностію, какъ увидимъ ниже. Не ставши наравнѣ съ своимъ вѣкомъ, онъ былъ несравненно выше своего общества. Этотъ юноша смотрѣлъ на жизнь, какъ на подвигъ, и, полный силъ юности, алкалъ славы авторства, алкалъ чести быть споспѣшествователемъ успѣховъ отечества на пути къ просвѣщенію, и вся его жизнь была этимъ святымъ и прекраснымъ подвижничествомъ. Не правда ли, что Карамзинъ былъ человѣкъ необыкновенный, что онъ достоинъ высокаго уваженія, если не благоговѣнія? Но не забывайте, что не должно смѣшивать человѣка съ писателемъ и художникомъ. Будь сказано, впрочемъ, безъ всякаго примѣненія къ Карамзину, этакъ, чего добраго, и Ролленъ попадетъ во святые. Намѣреніе и исполненіе двѣ вещи различныя. Теперь посмотримъ, какъ выполнилъ Карамзинъ свою высокую миссію.

Онъ видѣлъ, какъ мало было у насъ сдѣлано, какъ дурно понимали его собратія по ремеслу, что̀ должно было дѣлать; видѣлъ, что высшее сословіе имѣло причину презирать роднымъ языкомъ, ибо языкъ письменный былъ въ раздорѣ съ языкомъ разговорнымъ. Тогда былъ вѣкъ фразеологіи, гнались за словами, и мысли подбирали къ словамъ только для смысла. Карамзинъ былъ одаренъ отъ природы вѣрнымъ музыкальнымъ ухомъ для языка и способностію объясняться плавно и красно, слѣдовательно ему не трудно было преобразовать языкъ. Говорятъ, что онъ сдѣлалъ нашъ языкъ сколкомъ съ французскаго, какъ Ломоносовъ сдѣлалъ его сколкомъ съ латинскаго: это справедливо только отчасти. Вѣроятно, Карамзинъ старался писать, какъ говорится. Погрѣшность его въ семъ случаѣ та, что онъ презрѣлъ идіомами русскаго языка, не при-

слушивался къ языку простолюдиновъ и не изучалъ вообще родныхъ источниковъ. Но онъ исправилъ эту ошибку въ своей исторіи. Карамзинъ предложилъ себѣ цѣлію—пріучить, пріохотить русскую публику къ чтенію. Спрашиваю васъ: можетъ ли призваніе художника согласиться съ какою-нибудь заранѣе предложенною цѣлію, какъ бы ни была прекрасна эта цѣль? Этого мало: можетъ ли художникъ унизиться, нагнуться, такъ сказать, къ публикѣ, которая была бы ему по колѣна, и потому не могла бы его понимать! Положимъ, что и можетъ; тогда другой вопросъ: можетъ ли онъ въ такомъ случаѣ остаться художникомъ въ своихъ созданіяхъ? Безъ всякаго сомнѣнія, нѣтъ. Кто объясняется съ ребенкомъ, тотъ самъ дѣлается на это время ребенкомъ. Карамзинъ писалъ для дѣтей и писалъ по-дѣтски: удивительно ли, что эти дѣти, сдѣлавшись взрослыми, забыли его и, въ свою очередь, передали его сочиненія своимъ дѣтямъ? Это въ порядкѣ вещей: дитя съ довѣрчивостію и съ горячею вѣрою слушало разсказы своей старой няни, водившей его на помочахъ, о мертвецахъ и привидѣніяхъ, а выросши, смѣется надъ ея разсказами. Вамъ порученъ ребенокъ: помните же, что этотъ ребенокъ будетъ отрокомъ, потомъ юношей, а тамъ и мужемъ, и потому слѣдите за развитіемъ его дарованій и, сообразно съ нимъ, перемѣните методу вашего ученья; будьте всегда выше его; иначе вамъ худо будетъ: этотъ ребенокъ станетъ въ глаза смѣяться надъ вами. Уча его, еще больше учитесь сами, а не то онъ перегонитъ васъ: дѣти ростутъ быстро. Теперь скажите, по совѣсти, sine ira et studio, какъ говорятъ наши записные ученые: кто виноватъ, что какъ прежде плакали надъ «Бѣдною Лизою», такъ нынѣ смѣются надъ нею? Воля ваша, гг. поклонники Карамзина, а я скорѣе соглашусь читать повѣсти Барона Брамбеуса, чѣмъ «Бѣдную Лизу» или «Наталью Боярскую Дочь»! Другія времена, другіе нравы! Повѣсти Карамзина пріучили публику къ чтенію,

многіе выучились по нимъ читать, будемъ же благодарны ихъ автору, но оставимъ ихъ въ покоѣ; даже вырвемъ ихъ изъ рукъ нашихъ дѣтей, ибо они надѣлаютъ имъ много вреда: растлятъ ихъ чувство—приторною чувствительностію.

Кромѣ сего, сочиненія Карамзина теряютъ въ наше время много достоинства еще и оттого, что онъ рѣдко былъ въ нихъ искрененъ и естественъ. Вѣкъ фразеологіи для насъ проходитъ; по нашимъ понятіямъ, фраза должна прибираться для выраженія мысли или чувства; прежде мысль и чувство пріискивались для звонкой фразы. Знаю, что мы еще и теперь не безгрѣшны въ этомъ отношеніи; по крайней мѣрѣ, теперь, если легко выставить мишуру за золото, ходули ума и потуги чувства за игру ума и пламень чувства, то не надолго, и чѣмъ живѣе обольщеніе, тѣмъ бываетъ мстительнѣе разочарованіе, чѣмъ больше благоговѣнія къ ложному божеству, тѣмъ жесточайшее поношеніе наказываетъ самозванца. Вообще нынѣ какъ-то стали откровеннѣе; всякій истинно образованный человѣкъ скорѣе сознается, что онъ не понимаетъ той или другой красоты автора, но не станетъ обнаруживать насильственнаго восхищенія. Посему нынѣ едва ли найдется такой добренькій простачекъ, который бы повѣрилъ, что обильные потоки слезъ Карамзина изливались отъ души и сердца, а не были любимымъ кокетствомъ его таланта, привычными ходульками его авторства. Подобная ложность и натянутость чувства тѣмъ жалостнѣе, когда авторъ человѣкъ съ дарованіемъ. Никто не подумаетъ осуждать за подобный недостатокъ, напримѣръ, чувствительнаго кн. Шаликова, потому что никто не подумаетъ читать его чувствительныхъ твореній. Итакъ, здѣсь авторитетъ не только не оправданіе, но еще двойная вина. Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли видѣть взрослаго человѣка, хотя бы этотъ человѣкъ былъ самъ Карамзинъ,—не странно ли видѣть взрослаго человѣка, который проливаетъ обильные источники слезъ и при взглядѣ на кривой глазъ «Ве-

ликаго Мужа Грамматики», и при видѣ необозримыхъ песковъ, окружающихъ Кале, и надъ травками и надъ муравками, и надъ букашками и таракашками?... Вѣдь и то сказать:

Не все намъ рѣки слезныя
Лить о бѣдствіяхъ существенныхъ!

Эта слезливость, или, лучше сказать, плаксивость нерѣдко портитъ лучшія страницы его исторіи. Скажутъ: тогда былъ такой вѣкъ. Неправда: характеръ осьмнадцатаго столѣтія отнюдь не состоитъ въ одной плаксивости; притомъ же здравый смыслъ старше всѣхъ столѣтій, а онъ запрещаетъ плакать, когда хочется смѣяться, и смѣяться, когда хочется плакать. Это просто было дѣтство смѣшное и жалкое, манія странная и неизъяснимая.

Теперь другой вопросъ: столько ли онъ сдѣлалъ, сколько могъ, или меньше? Отвѣчаю утвердительно: *меньше*. Онъ отправился путешествовать: какой прекрасный случай предстоялъ ему развернуть передъ глазами своихъ соотечественниковъ великую и обольстительную картину вѣковыхъ плодовъ просвѣщенія, успѣховъ цивилизаціи и общественнаго образованія благородныхъ представителей человѣческаго рода!... Ему такъ легко было это сдѣлать! Его перо было такъ краснорѣчиво! Его кредитъ у современниковъ былъ такъ великъ! И что-же онъ сдѣлалъ вмѣсто всего этого! Чѣмъ наполнены его «Письма Русскаго Путешественника»? Мы узнаемъ изъ нихъ, по большой части, гдѣ онъ обѣдалъ, гдѣ ужиналъ, какое кушанье подавали ему, и сколько взялъ съ него трактирщикъ; узнаемъ какъ г. Б*** волочился за г-жею N, и какъ бѣлка оцарапала ему носъ; какъ восходило солнце надъ какою-нибудь швейцарскою деревушкою, изъ которой шла пастушка съ букетомъ розъ на груди и гнала передъ собою корову... Стóило ли изъ этого ѣздить такъ далеко?... Сравните въ семъ отношеніи «Письма Русскаго Путешественника» съ «Письмами къ Вельможѣ» Фонъ-

Визина, письмами написанными прежде: какая разница! Карамзинъ видѣлся со многими знаменитыми людьми Германіи, и что же онъ узналъ изъ разговоровъ съ ними? То, что всѣ они люди добрые, наслаждающіеся спокойствіемъ совѣсти и ясностію духа. И какъ скромны, какъ обыкновенны его разговоры съ ними! Во Франціи онъ былъ счастливѣе въ семъ случаѣ, по извѣстной причинѣ: вспомните свиданіе русскаго Скиѳа съ французскимъ Платономъ. Отъ чего же это произошло? Оттого, что онъ не приготовился надлежащимъ образомъ къ путешествію, что не былъ ученъ основательно. Но, несмотря на это, ничтожность его «Писемъ Русскаго Путешественника» происходитъ больше отъ его личнаго характера, чѣмъ отъ недостатка въ свѣдѣніяхъ. Онъ не совсѣмъ хорошо зналъ нужды Россіи въ умственномъ отношеніи. О стихахъ его нечего много говорить: это тѣ же фразы, только съ риѳмами. Въ нихъ Карамзинъ, какъ и вездѣ, является преобразователемъ языка, а отнюдь не поэтомъ.

Вотъ недостатки сочиненій Карамзина, вотъ причина, что онъ такъ скоро былъ забытъ, что онъ едва не пережилъ своей славы. Справедливость требуетъ замѣтить, что его сочиненія тамъ, гдѣ онъ не увлекается сентиментальностью и говоритъ отъ души, дышатъ какою-то сердечною теплотою; это особенно замѣтно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ говоритъ о Россіи. Да, онъ любилъ добро, любилъ отечество, служилъ ему сколько могъ; имя его безсмертно, но сочиненія его, исключая «Исторіи», умерли, и не воскреснуть имъ, несмотря на всѣ возгласы людей, подобныхъ гг. Иванчину-Писареву и Оресту Сомову!...

«Исторія Государства Россійскаго» есть важнѣйшій подвигъ Карамзина; онъ отразился въ ней весь, со всѣми своими недостатками и достоинствами. Не берусь судить о семъ произведеніи ученымъ образомъ, ибо, признаюсь откровенно, этотъ трудъ былъ бы далеко не подъ силу мнѣ.

Мое мнѣніе (весьма не новое) будетъ мнѣніемъ любителя, а не знатока. Сообразивъ все, что было сдѣлано для систематической исторіи до Карамзина, нельзя не признать его труда подвигомъ исполинскимъ. Главный недостатокъ онаго состоитъ въ его взглядѣ на вещи и событія, часто дѣтскомъ и всегда, по крайней мѣрѣ, не мужескомъ; въ ораторской шумихѣ и неумѣстномъ желаніи быть наставительнымъ, поучать тамъ, гдѣ сами факты говорятъ за себя; въ пристрастіи къ героямъ повѣствованія, дѣлающимъ честь сердцу автора, но не его уму. Главное достоинство его состоитъ въ занимательности разсказа и искусномъ изложеніи событій, нерѣдко въ художественной обрисовкѣ характеровъ, а болѣе всего въ слогѣ, въ которомъ Карамзинъ рѣшительно торжествуетъ здѣсь. Въ семъ послѣднемъ отношеніи у насъ и по сію пору не написано еще ничего подобнаго. Въ «Исторіи Г. Р.» слогъ Карамзина есть слогъ русскій по преимуществу; ему можно поставить параллель только въ стихахъ «Бориса Годунова» Пушкина. Это совсѣмъ не то, что слогъ его мелкихъ сочиненій; ибо здѣсь авторъ черпалъ изъ родныхъ источниковъ, упитанъ духомъ историческихъ памятниковъ; здѣсь его слогъ, за исключеніемъ первыхъ четырехъ томовъ, гдѣ по большей части одна риторическая шумиха, но гдѣ все-таки языкъ удивительно обработанъ, имѣетъ характеръ важности, величавости и энергіи, и часто переходитъ въ истинное краснорѣчіе. Словомъ, по выраженію одного нашего критика, въ «Исторіи Г. Р.» языку нашему воздвигнутъ такой памятникъ, о который время изломаетъ свою косу. Повторяю: имя Карамзина безсмертно, но сочиненія его, исключая «Исторіи», уже умерли и никогда не воскреснутъ!

Почти въ одно время съ Карамзинымъ выступилъ на литературное поприще и Дмитріевъ (И. И.). Онъ былъ въ нѣкоторомъ отношеніи преобразователь стихотворнаго языка, и его сочиненія, до Жуковскаго и Батюшкова, спра-

ведливо почитались образцовыми. Впрочемъ, его поэтическое дарованіе не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію. Главный элементъ его таланта есть остроуміе, посему «Чужой Толкъ» есть лучшее его произведеніе. Басни его прекрасны, имъ не достаетъ только народности, чтобъ быть совершенными. Въ сказкахъ же Дмитріевъ не имѣлъ себѣ соперника. Кромѣ сего, его талантъ возвышался иногда до лиризма, что доказывается прекраснымъ его произведеніемъ: «Ермакъ», и особенно переводомъ, подражаніемъ или передѣлкою (назовите какъ угодно) пьесы Гёте, которая извѣстна подъ именемъ «Размышленія по случаю грома».

Крыловъ возвелъ у насъ басню до nec plus ultra совершенства. Нужно ли доказывать, что это геніальный поэтъ русскій, что онъ неизмѣримо возвышается надъ всѣми своими соперниками? Кажется, въ этомъ никто не сомнѣвается. Замѣчу только, впрочемъ не я первый, что басня оттого имѣла на Руси такой чрезвычайный успѣхъ, что родилась не случайно, а вслѣдствіе нашего народнаго духа, который страхъ какъ любитъ побасенки и примѣненія. Вотъ самое убѣдительнѣйшее доказательство того, что литература непремѣнно должна быть народною, если хочетъ быть прочною и вѣчною! Вспомните, сколько было у иностранцевъ неудачныхъ попытокъ перевести Крылова. Слѣдовательно тѣ жестоко ошибаются, которые думаютъ, что только рабскимъ подражаніемъ иностранцамъ можно обратить на себя ихъ вниманіе.

Озерова у насъ почитаютъ и преобразователемъ и творцемъ русскаго театра. Разумѣется, онъ ни то, ни другое; ибо русскій театръ есть мечта разгоряченнаго воображенія нашихъ добрыхъ патріотовъ. Справедливо, что Озеровъ былъ у насъ первымъ драматическимъ писателемъ съ истиннымъ, хотя и не огромнымъ талантомъ; онъ не создалъ театра, а ввелъ къ намъ французскій театръ, т. е. пер-

вый заговорилъ истиннымъ языкомъ французской Мельпомены. Впрочемъ, онъ не былъ драматикомъ въ полномъ смыслѣ сего слова: онъ не зналъ человѣка. Приведите на представленіе Шекспировой или Шиллеровой драмы зрителя безъ всякихъ познаній, безъ всякаго образованія, но съ природнымъ умомъ и способностію принимать впечатлѣнія изящнаго: онъ, не зная исторіи, хорошо пойметъ, въ чемъ дѣло, непонявши историческихъ лицъ, прекрасно пойметъ человѣческія лица; но когда онъ будетъ смотрѣть на трагедію Озерова, то рѣшительно ничего не уразумѣетъ. Можетъ быть это общій недостатокъ такъ-называемой классической трагедіи. Но Озеровъ имѣетъ и другіе недостатки, которые происходили отъ его личнаго характера. Одаренный душою нѣжною, но не глубокою, раздражительною, но не энергическою, онъ былъ не способенъ къ живописи сильныхъ страстей. Вотъ отчего его женщины интереснѣе мужчинъ; вотъ отчего его злодѣи ни больше, ни меньше, какъ олицетворенія общихъ родовыхъ пороковъ; вотъ отчего онъ изъ Фингала сдѣлалъ аркадскаго пастушка и заставилъ его объясняться съ Моиною мадригалами, скорѣе приличными какому-нибудь Эрасту Чертополохову, чѣмъ грозному поклоннику Одина. Лучшая его пьеса, безъ сомнѣнія, есть «Эдипъ», а худшая «Димитрій Донской», эта надутая ораторская рѣчь, переложенная въ разговоры. Теперь никто не станетъ отрицать поэтическаго таланта Озерова, но вмѣстѣ съ тѣмъ и едва ли кто станетъ читать его, а тѣмъ болѣе восхищаться имъ.

Появленіе Жуковскаго изумило Россію, и не безъ причины. Онъ былъ Колумбомъ нашего отечества: указалъ ему на нѣмецкую и англійскую литературы, которыхъ существованія оно даже и не подозрѣвало. Кромѣ сего, онъ совершенно преобразовалъ стихотворный языкъ, а въ прозѣ шагнулъ далѣе Карамзина *): вотъ главныя его заслуги.

*) Я разумѣю здѣсь мелкія сочиненія Карамзина.

Собственныхъ его сочиненій не много; труды его—или переводы, или передѣлки, или подражанія иностраннымъ. Языкъ смѣлый, энергическій, хотя и не всегда согласный съ чувствомъ, односторонняя мечтательность, бывшая, какъ говорятъ, слѣдствіемъ обстоятельствъ его жизни—вотъ характеристика сочиненій Жуковскаго. Ошибаются тѣ, которые почитаютъ его подражателемъ Нѣмцевъ и Англичанъ: онъ не сталъ бы иначе писать и тогда, когда-бъ былъ не знакомъ съ ними, еслибъ только захотѣлъ быть вѣрнымъ самому себѣ. Онъ не былъ сыномъ XIX вѣка, но былъ, такъ-сказать, прозелитомъ; присовокупите къ сему еще то, что его творенія, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ проистекали изъ обстоятельствъ его жизни, и вы поймете, отчего въ нихъ нѣтъ идей міровыхъ, идей человѣчества, отчего у него часто подъ самыми роскошными формами скрываются какъ будто Карамзинскія идеи (напр., «Мой другъ, хранитель ангелъ мой!» и т. п.), отчего въ самыхъ лучшихъ его созданіяхъ (какъ, напр., въ «Пѣвцѣ въ станѣ русскихъ воиновъ») встрѣчаются мѣста совершенно риторическія. Онъ былъ заключенъ въ себѣ; и вотъ причина его односторонности, которая въ немъ есть оригинальность въ высочайшей степени. По множеству своихъ переводовъ, Жуковскій относится къ нашей литературѣ, какъ Фоссъ или Авг. Шлегель къ нѣмецкой литературѣ. Знатоки утверждаютъ, что онъ не переводилъ, а усвоивалъ русской словесности созданія Шиллеровъ, Байроновъ и проч.; въ этомъ, кажется, нѣтъ причины сомнѣваться. Словомъ, Жуковскій есть поэтъ съ необыкновеннымъ энергическимъ талантомъ, поэтъ, оказавшій русской литературѣ неоцѣненныя услуги, поэтъ, который никогда не забудется, котораго никогда не перестанутъ читать; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и не такой поэтъ, котораго бы можно было назвать поэтомъ собственно русскимъ, имя котораго можно бы было провозгласить на европейскомъ турнирѣ, гдѣ соперничествуютъ народными славами.

Много изъ сказаннаго о Жуковскомъ можно сказать и о Батюшковѣ. Сей послѣдній рѣшительно стоялъ на рубежѣ двухъ вѣковъ, поочередно плѣнялся и гнушался прошедшимъ, не призналъ и не былъ признанъ наступившимъ. Это былъ человѣкъ не геніальный, но съ большимъ талантомъ. Какъ жаль, что онъ не зналъ нѣмецкой литературы: ему немногаго не доставало для совершеннаго литературнаго образованія. Прочтите его статью «о морали, основанной на религіи», и вы поймете эту тоску души и ея порывы къ безконечному послѣ упоенія сладострастіемъ, которыми дышатъ его гармоническія созданія. Онъ писалъ «о жизни и впечатлѣніяхъ поэта», гдѣ, между дѣтскими мыслями, проискриваются мысли какъ будто нашего времени и тогда же писалъ о какой-то «Легкой Поэзіи», какъ будто бы была поэзія тяжелая. Не правда ли, что онъ не принадлежалъ вполнѣ ни тому, ни другому вѣку?... Батюшковъ, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, былъ преобразователемъ стихотворнаго языка, т. е. писалъ чистымъ, гармоническимъ языкомъ; проза его тоже лучше прозы мелкихъ сочиненій Карамзина. По таланту Батюшковъ принадлежитъ къ нашимъ второклассньмъ писателямъ и, по моему мнѣнію, ниже Жуковскаго; о равенствѣ же его съ Пушкинымъ смѣшно и думать. Тріумвирату, составленному нашими словесниками изъ Жуковскаго, Батюшкова и Пушкина, могли вѣрить только въ двадцатыхъ годахъ.

Мнѣ остается теперь упомянуть еще о Мерзляковѣ, и я окончу весь карамзинскій періодъ нашей словесности, окончу перечень всѣхъ его знаменитостей, всей его аристократіи: останутся плебеи, о которыхъ нечего и говорить много, развѣ только для доказательства зыбкости нашихъ прославленныхъ авторитетовъ. Мерзляковъ былъ человѣкъ съ необыкновеннымъ поэтическимъ дарованіемъ и представляетъ собою одну изъ умилительнѣйшихъ жертвъ духа времени. Онъ преподавалъ теорію изящнаго, и между тѣмъ

эта теорія оставалась для него неразгаданною загадкою во все продолженіе его жизни; онъ считался у насъ оракуломъ критики, и не зналъ, на чемъ основывается критика; онъ во всю жизнь свою заблуждался насчетъ своего таланта, ибо, написавши нѣсколько безсмертныхъ пѣсенъ, въ то же время написалъ множество одъ, въ коихъ гдѣ-гдѣ блистаютъ искры могучаго таланта, котораго не могла убить схоластика, и въ коихъ все остальное голая риторика. Несмотря на то, повторяю, это былъ талантъ мощный, энергическій: какое глубокое чувство, какая неизмѣримая тоска въ его пѣсняхъ! какъ живо сочувствовалъ онъ въ нихъ русскому народу и какъ вѣрно выразилъ въ ихъ поэтическихъ звукахъ лирическую сторону его жизни! Это не пѣсенки Дельвига, это не поддѣлки подъ народный тактъ—нѣтъ: это живое, естественное изліяніе чувства, гдѣ все безыскусственно и естественно! Не правда ли, что, по прочтеніи, или по выслушаніи любой изъ его пѣсенъ, вы невольно готовы воскликнуть:

Ахъ! та пѣсня была завѣтная;
Рвала бѣлу грудь тоской,
А все слушать бы хотѣлося,
Не разстался бы ввѣкъ съ ней!

И этотъ человѣкъ, который былъ знакомъ съ нѣмецкимъ языкомъ, и литературою, этотъ человѣкъ, съ душою поэтическою, съ чувствомъ глубокимъ—писалъ торжественныя оды, перевелъ Тасса, говорилъ съ каѳедры, что «только чудотворный геній Нѣмцевъ любилъ выставлять на сценѣ висѣлицы», находилъ геній въ Сумароковѣ и былъ увлеченъ, очарованъ поддѣльною и нарумяненною поэзію Французовъ, въ то время какъ читалъ Гёте и Шиллера!... Онъ рожденъ былъ практикомъ поэзіи, а судьба сдѣлала его теоретикомъ; пламенное чувство влекло его къ пѣснямъ, а система заставила писать оды и переводить Тасса!...

Теперь вотъ прочіе замѣчательные по таланту или по авторитету литераторы карамзинскаго періода.

Капнистъ принадлежитъ къ тремъ царствованіямъ. Нѣкогда онъ слылъ за поэта съ необыкновеннымъ дарованіемъ. Г. Плетневъ даже утверждалъ гдѣ-то и когда-то, что у Капниста есть что-то такое, чего будто бы недостаетъ Ламартину! le bon vieux temps! Теперь Капнистъ совершенно забытъ, вѣроятно потому, что плакалъ въ своихъ стихахъ по правиламъ «порядочной хріи», а болѣе всего потому, что едва замѣтныя блестки таланта еще не могутъ спасти писателя отъ всепоглощающихъ волнъ Леты. Онъ надѣлалъ много шуму своею «Ябедою»; но эта прославленная «Ябеда» ни больше, ни меньше, какъ фарсъ, написанный языкомъ варварскимъ даже и по своему времени.

Гнѣдичъ и Милоновъ были истинные поэты; если ихъ теперь мало почитаютъ, то это потому, что они слишкомъ рано родились.

Г. Воейковъ (Александръ Өедоровичъ, какъ значится въ литературномъ адресъ-календарѣ г. Греча, извѣстномъ подъ именемъ «Исторіи Русской Литературы») игралъ нѣкогда въ нашей словесности роль *знаменитаго*. Онъ перевелъ Делиля (котораго почиталъ не только поэтомъ, но и большимъ поэтомъ); онъ самъ собирался написать дидактическую поэму (въ то время всѣ вѣрили безусловно возможности дидактической поэзіи); онъ переводилъ (какъ умѣлъ) древнихъ; потомъ занялся изданіемъ разныхъ журналовъ, въ коихъ съ неутомимою ревностію выводилъ на свѣжую воду знаменитыхъ друзей гг. Греча и Булгарина (нечего сказать—высокая миссія!); теперь, на старости лѣтъ, поочередно или, лучше сказать, понумерно, бранитъ Барона Брамбеуса и преклоняетъ передъ нимъ колѣна, а пуще всего восхваляетъ Александра Филипповича Смирдина за то, что онъ дорого платитъ авторамъ; перепечатываетъ въ своемъ журналѣ старые стихи и статьи изъ «Молвы» за

1831 годъ. Что́ же дѣлать? Отъ великаго до смѣшнаго только шагъ, сказалъ Наполеонъ!..

Князь Вяземскій, русскій Карлъ Нодье, писалъ стихами и прозою про все и обо всемъ. Его критическія статьи (т. е. предисловія къ разнымъ изданіямъ) были необыкновеннымъ явленіемъ въ свое время. Между его безчисленными стихотвореніями, многія отличаются блескомъ остроумія неподдѣльнаго и оригинальнаго, иныя даже чувствомъ; многія и натянуты, какъ, напр., «Какъ бы не такъ»! и пр. Но вообще сказать, князь Вяземскій принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ нашихъ поэтовъ и литераторовъ.

Было время!..

Народная поговорка.

Въ прошедшей статьѣ я обозрѣлъ карамзинскій періодъ нашей словесности, періодъ, продолжавшійся цѣлую четверть столѣтія. Цѣлый періодъ словесности, цѣлая четверть вѣка ознаменованы вліяніемъ одного таланта, одного человѣка, а вѣдь четверть вѣка много, слишкомъ много значитъ для такой литературы, которая не дожила еще пяти лѣтъ до своего втораго столѣтія *). И что̀ же произвелъ великаго

*) Литература наша, безъ всякаго сомнѣнія, началась въ 1739 году, когда Ломоносовъ прислалъ изъ-за границы свою первую оду на взятіе Хотина. Нужно ли повторять, что не съ Кантемира и не съ Тредьяковскаго, а тѣмъ болѣе не съ Семеона Полоцкаго, началась наша литература? Нужно ли доказывать, что „Слово о Полку Игоревомъ", „Сказаніе о Донскомъ Побоищѣ", краснорѣчивое „Посланіе Вассіана къ Іоанну III" и другіе историческіе памятники, народныя пѣсни и схоластическое духовное краснорѣчіе, имѣютъ точно такое же отношеніе къ нашей словесности, какъ и памятники допотопной литературы, если бы они были открыты, въ санскрит-

и прочнаго этотъ періодъ? Гдѣ теперь геніи, которыми онъ бывало такъ красовался и величался? Изо всѣхъ нихъ одинъ только великъ и безсмертенъ безъ всякихъ отношеній, и этотъ одинъ не заплатилъ дани Карамзину, который бралъ свою обычную дань даже и съ такихъ людей, кои были выше его и по таланту и по образованію: говорю о Крыловѣ. Повторяю: что̀ сдѣлано въ этотъ періодъ для безсмертія? Одинъ познакомилъ насъ нѣсколько, и при томъ одностороннимъ образомъ, съ нѣмецкою и англійскою литературой, другой съ французскимъ театромъ, третій съ французскою критикою XVII столѣтія, четвертый.... Но гдѣ же литература? Не ищите ея: напрасенъ будетъ вашъ трудъ; пересаженные цвѣты недолговѣчны, это истина неоспоримая. Я сказалъ, что въ началѣ этого періода впервые родилась у насъ мысль о литературѣ: вслѣдствіе того появились у насъ и журналы. Но что̀ такое были эти журналы? Невинное препровожденіе времени, дѣло отъ бездѣлья, а иногда и средство нажить денежку. Ни одинъ изъ нихъ не слѣдилъ за ходомъ просвѣщенія, ни одинъ не передавалъ своимъ соотечественникамъ успѣховъ человѣчества на поприщѣ самосовершенствованія. Помню, что въ какомъ-то чувствительномъ журналѣ, кажется въ 1813 году, было напечатано, что въ Англіи явился новый поэтъ, Биронъ, который пишетъ въ какомъ-то романическомъ родѣ и особенно прославился своею поэмою «Шильдъ Гарольдъ»: вотъ вамъ и все тутъ. Конечно, тогда не только въ Россіи, но отчасти и въ Европѣ смотрѣли на литературу не сквозь чистое стекло разума, а сквозь тусклый пузырь французскаго классицизма; но движеніе тамъ уже было начато, и сами Французы, умиротворенные реставраціей, много поумнѣли противъ прежняго и даже совершенно переродились.

ской, греческой или латинской литературѣ? Такія истины надобно доказывать только гг. Гречу и Плаксину, съ коими я не намѣренъ вступать въ ученыя состязанія.

Между тѣмъ наши литературные наблюдатели дремали, и только тогда проснулись, когда непріятель ворвался въ ихъ домы и началъ въ нихъ своевольно хозяйничать; только тогда завопили они гласомъ великимъ: караулъ! рѣжутъ! разбой! романтизмъ!...

За карамзинскимъ періодомъ нашей словесности послѣдовалъ періодъ пушкинскій, продолжавшійся почти ровно десять лѣтъ. Говорю пушкинскій, ибо кто не согласится, что Пушкинъ былъ главою этого десятилѣтія, что все тогда шло отъ него и къ нему? Впрочемъ, я не то здѣсь думаю, чтобы Пушкинъ былъ для своего времени совершенно то же, что̀ Карамзинъ для своего. Однако ужъ то, что его дѣятельность была безсознательною дѣятельностію художника, а не практическою и преднамѣренною дѣятельностію писателя, полагаетъ большую разницу между имъ и Карамзинымъ. Пушкинъ владычествовалъ единственно силою своего таланта и тѣмъ, что онъ былъ сыномъ своего вѣка; владычество же Карамзина въ послѣднее время основывалось на слѣпомъ уваженіи къ его авторитету. Пушкинъ не говорилъ, что поэзія есть то или то, а наука есть это или это; нѣтъ: онъ своими созданіями далъ мѣрило для первой и до нѣкоторой степени показалъ современное значеніе другой. Въ то время, то есть въ двадцатыхъ годахъ (1814 — 1824), у насъ глухо отдалось эхо умственнаго переворота, совершившагося въ Европѣ; тогда, хотя еще робко и неопредѣленно, начали поговаривать, что будто бы пьяный дикарь Шекспиръ неизмѣримо выше накрахмаленнаго Расина, что Шлегель будто бы знаетъ объ искусствѣ побольше Лагарпа, что нѣмецкая литература не только не ниже французской, но даже несравненно выше; что почтенные гг. Буало, Баттё, Лагарпъ и Мармонтель безбожно оклеветали искусство, ибо сами мало смыслили въ немъ толку. Конечно, теперь въ этомъ никто не сомнѣвается, и доказывать подобныя истины значило бы на-

влечь на себя всеобщее посмѣяніе; но тогда, право, было не до смѣху: ибо тогда даже и въ Европѣ за подобныя безбожныя мысли угрожало инквизиторское аутодафе; на что же рѣшались въ Россіи люди, которые дерзали утверждать, что Сумароковъ не поэтъ, что Херасковъ тяжеловатъ, и пр.? Изъ сего ясно, что чрезмѣрное вліяніе Пушкина происходило отъ того, что, въ отношеніи къ Россіи, онъ былъ сыномъ своего времени въ полномъ смыслѣ сего слова, что онъ шелъ наравнѣ съ своимъ отечествомъ, былъ представителемъ развитія его умственной жизни: слѣдовательно его владычество было законное. Карамзинъ, напротивъ, какъ мы видѣли выше, въ девятнадцатомъ вѣкѣ былъ сыномъ осьмнадцатаго, и даже, въ нѣкоторомъ смыслѣ, не вполнѣ его выразилъ, ибо, по своимъ идеямъ, не возносился даже и до него, слѣдовательно его вліяніе было законно только развѣ до появленія Жуковскаго и Батюшкова, начиная съ коихъ его могущественное вліяніе только задерживало успѣхи нашей словесности. Появленіе Пушкина было зрѣлищемъ умилительнымъ; поэтъ-юноша, благословенный помазаннымъ старцемъ Державинымъ, стоявшимъ на краю гроба и готовившимся склонить въ него свою лавровѣнчанную главу; поэтъ-мужъ, подающій ему руку чрезъ неизмѣримую пропасть цѣлаго столѣтія, раздѣлявшаго, въ нравственномъ смыслѣ, два поколѣнія; наконецъ, ставшій подлѣ него, и вмѣстѣ съ нимъ образующій двойственное лучезарное созвѣздіе на пустынномъ небосклонѣ нашей литературы!...

Классицизмъ и романтизмъ—вотъ два слова, коими огласился пушкинскій періодъ нашей словесности; вотъ два слова, на кои были написаны книги, разсужденія, журнальныя статьи и даже стихотворенія, съ коими мы засыпали и просыпались, за кои дрались на смерть, о коихъ спорили до слезъ, и въ классахъ и въ гостиныхъ, и на площадяхъ и на улицахъ! Теперь эти два слова сдѣлались какъ-то

пошлыми и смѣшными; какъ-то странно и дико встрѣтить ихъ въ печатной книгѣ или услышать въ разговорѣ. А давно ли кончилось это «тогда» и началось это «теперь»? Какъ же послѣ сего не скажешь, что все летитъ впередъ на крыльяхъ вѣтра? Только развѣ въ какомъ-нибудь «Дагестанѣ» можно еще съ важностію разсуждать объ этихъ почившихъ страдальцахъ — классицизмѣ и романтизмѣ, и выдавать намъ за новость, что Расинъ немножко приторенъ, что энциклопедисты немножко врали, что Шекспиръ, Гёте и Шиллеръ велики, а Шлегель говорилъ правду, и пр. И это нисколько не удивительно: вѣдь Дагестанъ въ Азіи!...

Въ Европѣ классицизмъ былъ литературнымъ католицизмомъ. Въ папы онаго былъ выбранъ, безъ его вѣдома и согласія, покойникъ Аристотель, какимъ-то непризнаннымъ конклавомъ; инквизиціею этого католицизма была французская критика; великими инквизиторами: Буало, Баттё и Лагарпъ съ братіею; предметами обожанія: Корнель, Расинъ, Волтеръ и другіе. Волею или неволею, гг. инквизиторы завербовали въ свой календарь и древнихъ, а въ числѣ ихъ и вѣчнаго старца Гомера (вмѣстѣ съ Виргиліемъ), Тасса, Аріоста, Мильтона, кои (за исключеніемъ, можетъ-быть, вставочнаго) не виноваты въ классицизмѣ ни душою, ни тѣломъ, ибо были естественны въ своихъ твореніяхъ. Такъ дѣла шли до XVIII столѣтія. Наконецъ все перевернулось: бѣлое стало чернымъ, а черное бѣлымъ. Лицемѣрный, развратный, приторный осьмнадцатый вѣкъ испустилъ свое послѣднее дыханіе, и съ девятнадцатымъ столѣтіемъ умъ и вкусъ возродились для новой, лучшей жизни. Подобно страшному метеору, въ началѣ его, возникъ сынъ судьбы, облеченный всею ея ужасающею мощію или, лучше сказать, сама судьба явилась въ образѣ Наполеона, того Наполеона, который сдѣлался «властителемъ нашихъ думъ», говоря о которомъ и самая посредственность возвышалась до поэзіи. Вѣкъ принялъ гигантскіе размѣры и облекся въ

исполинское величіе; Франція устыдилась самой себя, и съ ругательнымъ смѣхомъ начала указывать пальцемъ на жалкія развалины минувшаго времени, которыя, какъ бы не замѣчая великихъ переворотовъ, совершившихся передъ ихъ глазами, даже при роковомъ переходѣ черезъ Березину, взмостившись на сукъ дерева, окостенѣлою рукою завивали свои букли и посыпали ихъ завѣтною пудрою, тогда какъ вокругъ нихъ бушевала зимняя вьюга мстительнаго сѣвера, и люди падали тысячами, оцѣпененные страхомъ и холодомъ. Итакъ, Французы, слишкомъ пораженные этими великими событіями, сдѣлались постепеннѣе и посолиднѣе, перестали прыгать на одной ножкѣ; это было первымъ шагомъ къ ихъ обращенію къ истинѣ. Потомъ они узнали, что у ихъ сосѣдей, у неповоротливыхъ Нѣмцевъ, коихъ они всегда выставляли за образецъ эстетическаго безвкусія, есть литература, литература достойная глубокаго и основательнаго изученія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, узнали, что ихъ препрославленные поэты и философы совсѣмъ не поставили Геркулесовскихъ столбовъ генію человѣческому. Всѣмъ извѣстно, какъ все это сдѣлалось, и потому не хочу распространяться о томъ, что Шатобріанъ былъ крестнымъ отцомъ, а г-жа Сталь повивальною бабкою юнаго романтизма во Фррнціи. Скажу только, что этотъ романтизмъ былъ не иное что, какъ возвращеніе къ естественности, и, слѣдовательно, самобытности и народности въ искусствѣ, предпочтеніе, оказанное идеѣ надъ формою, и сверженіе чуждыхъ и тѣсныхъ формъ древности, которыя къ произведеніямъ новѣйшаго искусства шли точно такъ же, какъ идетъ къ напудренному парику, шитому камзолу и выбритой бородѣ, греческій хитонъ или римская тога. Отсюда слѣдуетъ, что этотъ, такъ называемый романтизмъ, былъ очень старая новость, а отнюдь не чадо XIX вѣка; былъ, такъ сказать, народностью новаго христіанскаго міра Европы. Германія была искони вѣковъ романтическою стра-

ною по преимуществу, какъ по феодальнымъ формамъ своего правленія, такъ и по идеальному направленію своей умственной дѣятельности. Реформація убила въ ней католицизмъ, а вмѣстѣ съ нимъ и классицизмъ. Эта же самая реформація, хотя нѣсколько въ другомъ видѣ, развязала руки и Англіи: Шекспиръ былъ романтикъ. Очевидно, что романтизмъ былъ новостію только для одной Франціи и еще для тѣхъ государствъ, гдѣ совсѣмъ не было литературъ, т. е. Швеціи, Даніи и т. п. И Франція бросилась на эту старую новинку со всею своею живостію и увлекла за собою безлитературныя государства. Юная словесность есть не иное что̀, какъ реакція старой; и какъ во Франціи общественная жизнь и литература идутъ объ руку, то и ни мало не удивительно, что нынѣшняя ихъ литература отличается излишествомъ: реакціи никогда не бываютъ умѣренны. Теперь во Франціи изъ одной моды всякій хочетъ быть глубокимъ и энергическимъ подобно какому-нибудь Феррагусу, такъ какъ прежде всякій изъ моды не хотѣлъ быть вѣтренымъ, безпечнымъ, легковѣрнымъ и ничтожнымъ.

И однакожъ, странное дѣло! никогда не проявлялось въ Европѣ такого дружнаго и сильнаго стремленія сбросить съ себя оковы классицизма, схоластизма, педантизма или глупицизма (это все одно и то же). Байронъ, другой «властитель нашихъ думъ», и Вальтеръ-Скоттъ раздавили своими твореніями школу Попа и Блера, и возвратили Англіи романтизмъ. Во Франціи явился Викторъ Гюго съ толпою другихъ мощныхъ талантовъ, въ Польшѣ Мицкевичъ, въ Италіи Манцони, въ Даніи Эленшлегеръ, въ Швеціи Тегнеръ. Неужели только Россіи суждено было остаться безъ своего литературнаго Лютера?

Въ Европѣ классицизмъ былъ не что̀ иное, какъ литературный католицизмъ; что̀ же такое былъ онъ въ Россіи? Не трудно отвѣчать на этотъ вопросъ: въ Россіи классицизмъ былъ ни больше, ни меньше какъ слабый отголо-

сокъ европейскаго эха, для объясненія коего совсѣмъ не нужно ѣздить въ Индію на параходѣ «Джонъ-Буль». Пушкинъ не натягивался, былъ всегда истиненъ и искрененъ въ своихъ чувствахъ, творилъ для своихъ идей свои формы: вотъ его романтизмъ. Въ этомъ отношеніи и Державинъ былъ почти такой же романтикъ, какъ и Пушкинъ; причина этому, повторяю, скрывается въ его невѣжествѣ. Будь этотъ человѣкъ ученъ — и у насъ было бы два Хераскова, коихъ было бы трудно отличить другъ отъ друга.

Итакъ, третіе десятилѣтіе XIX вѣка было ознаменовано вліяніемъ Пушкина. Что̀ могу сказать я новаго объ этомъ человѣкѣ? Признаюсь, еще въ первый разъ поставилъ я себя въ затруднительное положеніе, взявшись судить о русской литературѣ; еще въ первый разъ я жалѣю о томъ, что природа не дала мнѣ поэтическаго таланта, ибо въ природѣ есть такіе предметы, о коихъ грѣшно говорить смиренною прозою!

Какъ медленно и нерѣшительно шелъ или, лучше сказать, хромалъ карамзинскій періодъ, такъ быстро и скоро шелъ періодъ пушкинскій. Можно сказать утвердительно, что только въ прошлое десятилѣтіе проявилась въ нашей литературѣ жизнь, и какая жизнь! — тревожная, кипучая, дѣятельная! Жизнь есть дѣйствованіе, дѣйствованіе есть борьба, а тогда боролись и дрались не на животъ, а на смерть. У насъ нападаютъ иногда на полемику, въ особенности журнальную. Это очень естественно. Люди, хладнокровные къ умственной жизни, могутъ ли понять, какъ можно предпочитать истину приличіямъ и изъ любви къ ней навлекать на себя ненависть и гоненіе? О! имъ никогда не постичь, что̀ за блаженство, что̀ за сладострастіе души, сказать какому нибудь генію въ отставкѣ безъ мундира, что онъ смѣшонъ и жалокъ своими дѣтскими претензіями на великость, растолковать ему, что онъ не себѣ, а крикуну журналисту обязанъ своею литературною значитель-

постію; сказать какому-нибудь ветерану, что онъ пользуется своимъ авторитетомъ на кредитъ, по старымъ воспоминаніямъ или по старой привычкѣ; доказать какому-нибудь литературному учителю, что онъ близорукъ, что онъ отсталъ отъ вѣка и что ему надо переучиваться съ азбуки; сказать какому-нибудь выходцу Богъ вѣсть откуда, какому-нибудь пройдохѣ и Видоку, какому-нибудь литературному торгашу, что онъ оскорбляетъ собою и эту словесность, которою занимается, и этихъ добрыхъ людей, кредитомъ коихъ пользуется, что онъ наругался и надъ святостію истины и надъ святостію знанія, заклеймить его имя позоромъ отверженія, сорвать съ него маску, хотя бы она была и баронская, и показать его свѣту во всей его наготѣ!... Говорю вамъ, во всемъ этомъ есть блаженство неизъяснимое, сладострастіе безграничное! Конечно, въ литературныхъ сшибкахъ иногда нарушаются законы приличія и общежительности, но умный и образованный читатель пропуститъ безъ вниманія пошлые намеки о желтякахъ, объ утиныхъ носахъ, семинаристахъ, гарѣ, полугарѣ, купцахъ и аршинникахъ; онъ всегда съумѣетъ отличить истину отъ лжи, человѣка отъ слабости, талантъ отъ заблужденія; читатели же невѣжды не сдѣлаются отъ того ни глупѣе, ни умнѣе. Будь все тихо и чинно, будь вездѣ комплименты и вѣжливости,—тогда какой просторъ для безсовѣстности, шарлатанства, невѣжества: некому обличить, некому изречь грозное слово правды!...

Итакъ, періодъ пушкинскій былъ ознаменованъ движеніемъ жизни въ высочайшей степени. Въ это десятилѣтіе мы перечувствовали, перемыслили и пережили всю умственную жизнь Европы, эхо которой отдалось къ намъ черезъ Балтійское море. Мы обо всемъ пересудили, обо всемъ переспорили, все усвоили себѣ, ничего не взростивши, не взлелѣявши, не создавши сами. За насъ трудились другіе, а мы только брали готовое и пользовались имъ: въ этомъ-то и заключается тайна неимовѣрной быстроты нашихъ успѣ-

ховъ и причина ихъ неимовѣрной непрочности. Этимъ же, кажется мнѣ, можно объяснить и то, что отъ этого десятилѣтія, столь живаго и дѣятельнаго, столь обильнаго талантами и геніями, уцѣлѣлъ едва одинъ Пушкинъ, и, осиротѣлый, теперь съ грустію видитъ, какъ имена, вмѣстѣ съ нимъ взошедшія на горизонтъ нашей словесности, исчезаютъ одно за другимъ въ пучинѣ забвенія, какъ исчезаетъ въ воздухѣ недосказанное слово.... Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же теперь эти юныя надежды, которыми мы такъ гордились? Гдѣ эти имена, о коихъ бывало только и слышно? Почему они всѣ такъ внезапно смолкнули? Воля ваша, а мнѣ сдается, тутъ что-нибудь да есть! Или, въ самомъ дѣлѣ время есть самый строгій, самый правдивый Аристархъ?.. Увы!.. Развѣ талантъ Озерова или Батюшкова былъ ниже таланта, напримѣръ, г. Баратынскаго и г. Подолинскаго? Явись Капнистъ, В. и А. Измайловы, В. Пушкинъ, явись эти люди вмѣстѣ съ Пушкинымъ во цвѣтѣ юности, и они право не были бы смѣшны и при тѣхъ скудныхъ дарованіяхъ, которыми наградила ихъ природа. Отчего же такъ? Оттого, что подобные таланты могутъ быть и не быть, смотря по обстоятельствамъ.

Подобно Карамзину, Пушкинъ былъ встрѣченъ громкими рукоплесканіями и свистомъ, которые только недавно перестали его преслѣдовать. Ни одинъ поэтъ на Руси не пользовался такою народностію, такою славою при жизни, и ни одинъ не былъ такъ жестоко оскорбляемъ. И кѣмъ же?— людьми, которые сперва пресмыкались предъ нимъ во прахѣ, а потомъ кричали *chûte complète!*— людьми, которые велегласно объявляли о себѣ, что у нихъ въ мизинцахъ больше ума, чѣмъ въ головахъ всѣхъ нашихъ литераторовъ! Дивные мизинчики, любопытно бы взглянуть на нихъ. Но не о томъ дѣло. Вспомните состояніе нашей литературы до двадцатыхъ годовъ. Жуковскій уже совершилъ тогда бо́льшую часть своего поприща; Батюшковъ умолкъ навсегда;

Державинымъ восхищались вмѣстѣ съ Сумароковымъ и Херасковымъ по лекціямъ Мерзлякова. Не было жизни, не было ничего новаго; все тащилось по старой колеѣ; какъ вдругъ появились «Русланъ и Людмила», созданіе, рѣшительно не имѣвшее себѣ образца ни по гармоніи стиха, ни по формѣ, ни по содержанію. Люди безъ претензій на ученость, люди, вѣрившіе своему чувству, а не піитикамъ, или сколько-нибудь знакомые съ современною Европою, были очарованы этимъ явленіемъ. Литературные судіи, державшіе въ рукахъ жезлъ критики, съ важностію развернули «Лицей» (въ переводѣ г. Мартынова «Ликей») Лагарпа и «Словарь Древнія и Новыя Поэзіи» г. Остолопова и, увидя, что новое произведеніе не подходило ни подъ одну изъ извѣстныхъ категорій, и что на греческомъ и латинскомъ языкѣ не было образца оному, торжественно объявили, что оно было незаконное чадо поэзіи, непростительное заблужденіе таланта. Не всѣ, конечно, тому и повѣрили. Вотъ и пошла потѣха. Классицизмъ и романтизмъ вцѣпились другъ другу въ волосы. Но оставимъ ихъ въ покоѣ, и поговоримъ о Пушкинѣ.

Пушкинъ былъ совершеннымъ выраженіемъ своего времени. Одаренный высокимъ поэтическимъ чувствомъ и удивительною способностію принимать и отражать всѣ возможныя ощущенія, онъ перепробовалъ всѣ тоны, всѣ лады, всѣ аккорды своего вѣка; онъ заплатилъ дань всѣмъ великимъ современнымъ событіямъ, явленіямъ и мыслямъ, всему, что̀ только могла чувствовать тогда Россія, переставшая вѣрить въ несомнѣнность «вѣковыхъ правилъ самою мудростію извлеченныхъ изъ писаній великихъ геніевъ», и съ удивленіемъ узнавшая о другихъ правилахъ, о другихъ мірахъ мыслей и понятій, и новыхъ, неизвѣстныхъ ей дотолѣ, взглядахъ на давно извѣстныя ей дѣла и событія. Несправедливо говорятъ, будто онъ подражалъ Шенье, Байрону и другимъ: Байронъ владѣлъ имъ не какъ образецъ,

но какъ явленіе, какъ властитель думъ вѣка, а я сказалъ, что Пушкинъ заплатилъ свою дань каждому великому явленію. Да, Пушкинъ былъ выраженіемъ современнаго ему міра, представителемъ современнаго ему человѣчества,—но міра русскаго, но человѣчества русскаго. Что̀ дѣлать? Мы всѣ геніи самоучки; мы все знаемъ, ничему не учившись, все пріобрѣли, не проливши ни капли крови, а веселясь и играя; словомъ:

Мы всѣ учились понемногу
Чему-нибудь и какъ-нибудь.

Пушкинъ отъ шумныхъ оргій разгульной юности переходилъ къ суровому труду,

Чтобы въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ,

отъ труда опять къ младымъ пирамъ, сладкому бездѣлью и легкокрылому похмѣлью. Ему недоставало только нѣмецко-художественнаго воспитанія. Баловень природы, онъ, шаля и играя, похищалъ у ней плѣнительные образы и формы, и, снисходительная къ своему любимцу, она роскошно одѣляла его тѣми цвѣтами и звуками, за которые другіе жертвуютъ ей наслажденіями юности, которые покупаютъ у ней цѣною отреченія отъ жизни.... Какъ чародѣй, онъ въ одно и то же время исторгалъ у насъ и смѣхъ и слезы, игралъ по волѣ нашими чувствами.... Онъ пѣлъ, и какъ изумлена была Русь звуками его пѣсенъ: и не диво, она еще никогда не слыхала подобныхъ; какъ жадно прислушивалась она къ нимъ: и не диво, въ нихъ трепетали всѣ нервы ея жизни! Я помню это время, счастливое время, когда въ глуши провинціи, въ глуши уѣзднаго городка, въ лѣтніе дни, изъ растворенныхъ оконъ, носились по воздуху эти звуки, «подобные шуму волнъ» или «журчанію ручья»....

Невозможно обозрѣть всѣхъ его созданій и опредѣлить характеръ каждаго: это значило бы перечесть и описать

всѣ деревья и цвѣты Армидина сада. У Пушкина мало, очень мало мелкихъ стихотвореній; у него по большей части все поэмы: его поэтическія тризны надъ урнами великихъ, то-есть его «Андрей Шенье», его могучая бесѣда съ моремъ, его вѣщая дума о Наполеонѣ — поэмы. Но самые драгоцѣнные алмазы его поэтическаго вѣнка, безъ сомнѣнія, суть «Евгеній Онѣгинъ» и «Борисъ Годуновъ». Я никогда не кончилъ бы, еслибы началъ говорить о сихъ произведеніяхъ.

Пушкинъ царствовалъ десять лѣтъ: «Борисъ Годуновъ» былъ послѣднимъ великимъ его подвигомъ; въ третьей части полнаго собранія его стихотвореній замерли звуки его гармонической лиры. Теперь мы не узнаемъ Пушкина; онъ умеръ или можетъ быть только обмеръ на время. Можетъ быть, его уже нѣтъ, а можетъ-быть онъ и воскреснетъ; этотъ вопросъ, это Гамлетовское «быть или не быть» скрывается во мглѣ будущаго. По крайней мѣрѣ, судя по его сказкамъ, по его поэмѣ «Анжело» и по другимъ произведеніямъ, обрѣтающимся въ «Новосельѣ» и «Библіотекѣ для Чтенія», мы должны оплакивать горькую, невозвратную потерю. Гдѣ теперь эти звуки, въ коихъ слышалось, бывало, то удалое разгулье, то сердечная тоска, гдѣ эти вспышки пламеннаго и глубокаго чувства, потрясавшаго сердца, сжимавшаго и волновавшаго груди, эти вспышки остроумія тонкаго и язвительнаго, этой ироніи, вмѣстѣ злой и тоскливой, которыя поражали умъ своею игрой; гдѣ теперь эти картины жизни и природы, передъ которыми была блѣдна жизнь и природа?.. Увы! вмѣсто ихъ мы читаемъ теперь стихи съ правильною цензурою, съ богатыми и полубогатыми риѳмами, съ піитическими вольностями, о коихъ такъ пространно, такъ удовлетворительно и такъ глубокомысленно разсуждали архимандритъ Аполлосъ и г. Остолоповъ!.. Странная вещь, непонятная вещь! Неужели Пушкина, котораго не могли убить ни изступленныя похвалы энтузіастовъ, ни хвалебные гимны торгашей, ни

сильныя, нерѣдко справедливыя нападки и порицанія его антагонистовъ, неужели, говорю я, этого Пушкина убило «Новоселье» г. Смирдина? И однакожъ не будемъ слишкомъ поспѣшны и опрометчивы въ нашихъ заключеніяхъ; предоставимъ времени рѣшить этотъ запутанный вопросъ. О Пушкинѣ судить не легко. Вы вѣрно читали его «Элегію» въ октябрской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія»? Вы вѣрно были потрясены глубокимъ чувствомъ, которымъ дышетъ это созданіе? Упомянутая «Элегія», кромѣ утѣшительныхъ надеждъ, подаваемыхъ ею о Пушкинѣ, еще замѣчательна и въ томъ отношеніи, что заключаетъ въ себѣ самую вѣрную характеристику Пушкина, какъ художника:

Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь.

Да, я свято вѣрю, что онъ вполнѣ раздѣлялъ безотрадную муку отверженной любви черноокой Черкешенки, или своей плѣнительной Татьяны, этого лучшаго и любимѣйшаго идеала его фантазіи; что онъ, вмѣстѣ съ своимъ мрачнымъ Гиреемъ, томился этою тоскою души, пресыщенной наслажденіями и все еще не вѣдавшей наслажденія; что онъ горѣлъ неистовымъ огнемъ ревности, вмѣстѣ съ Заремою и Алеко, и упивался дикою любовію Земфиры; что онъ скорбѣлъ и радовался за свои идеалы, что журчаніе его стиховъ согласовалось съ его рыданіями и смѣхомъ.... Пусть скажутъ, что это пристрастіе, идолопоклонство, дѣтство, глупость, но я лучше хочу вѣрить тому, что Пушкинъ мистифируетъ «Библіотеку для Чтенія», чѣмъ тому, что его талантъ погасъ. Я вѣрю, думаю, и мнѣ отрадно вѣрить и думать, что Пушкинъ подарилъ насъ новыми созданіями, которыя будутъ выше прежнихъ....

Вмѣстѣ съ Пушкинымъ появилось множество талантовъ, теперь большею частію забытыхъ, или готовящихся быть забытыми, но нѣкогда имѣвшихъ алтари и поклонниковъ; теперь изъ нихъ

Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Сади нѣкогда сказалъ!

Г. Баратынскаго ставили на одну доску съ Пушкинымъ; ихъ имена всегда были неразлучны, даже однажды два сочиненія сихъ поэтовъ явились въ одной книжкѣ, подъ однимъ переплетомъ. Говоря о Пушкинѣ, я забылъ замѣтить, что только нынѣ его начинаютъ цѣнить по достоинству, ибо уже реакція кончилась, партіи поохолодѣли. Итакъ, теперь даже и въ шутку никто не поставитъ имени Баратынскаго подлѣ имени Пушкина. Это значило бы жестоко, издѣваться надъ первымъ и не знать цѣны второму. Поэтическое дарованіе г. Баратынскаго не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію. Правда, онъ написалъ плохую поэму «Пиры», плохую поэму «Эдда» (Бѣдную Лизу въ стихахъ), плохую поэму «Наложницу», но вмѣстѣ написалъ и нѣсколько прекрасныхъ элегій, дышащихъ неподдѣльнымъ чувствомъ, изъ коихъ «На смерть Гёте» можетъ назваться образцовою,—нѣсколько посланій, отличающихся остроуміемъ. Прежде его возвышали не по заслугамъ; теперь, кажется, унижаютъ неосновательно. Замѣчу еще, что г. Баратынскій обнаруживалъ во времена оны претензіи на критическій талантъ; теперь, я думаю, онъ и самъ разувѣрился въ немъ

Козловъ принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ талантамъ пушкинскаго періода. По формѣ своихъ сочиненій онъ всегда былъ подражателемъ Пушкина, по господствующему же чувству оныхъ, кажется, находился подъ вліяніемъ Жуковскаго. Всѣмъ извѣстно, что несчастіе пробудило поэтическій талантъ Козлова: посему какое-то грустное чувство, покорность волѣ провидѣнія и упованіе на мздовоздаяніе за гробомъ составляютъ отличительный характеръ его созданій. Его «Чернецъ», надъ коимъ пролито столько слезъ прекрасными читательницами и который былъ сколкомъ съ Байронова «Джяура», особенно отличается этимъ односто-

роннимъ характеромъ; послѣдовавшія за нимъ поэмы были постепенно слабѣе. Мелкія сочиненія Козлова отличаются неподдѣльнымъ чувствомъ, роскошною живописностью картинъ, звучнымъ и гармоническимъ языкомъ. Какъ жаль, что онъ писалъ баллады! Баллада безъ народности есть родъ ложный и не можетъ возбуждать участія. Притомъ же онъ силился создать какую-то славянскую балладу. Славяне жили давно и мало извѣстны намъ; такъ для чего же выводить на сцену онѣмеченныхъ Всемилъ и Остановъ? Козловъ много повредилъ своей художнической знаменитости еще и тѣмъ, что иногда писалъ какъ будто отъ скуки: это въ особенности можно сказать о его нынѣшнихъ произведеніяхъ.

Языковъ и Давыдовъ (Д. В.) имѣютъ много общаго. Оба они—замѣчательныя явленія въ нашей литературѣ. Одинъ—поэтъ-студентъ, безпечный и кипящій избыткомъ юнаго чувства, воспѣваетъ потѣхи юности, пирующей на праздникѣ жизни, пурпуровыя уста, черныя очи, лилейныя перси и дивныя брови красавицъ, огненныя ночи и незабвенные края,

Гдѣ пролетѣла шумно, шумно,
Лихая молодость его.

Другой — поэтъ-воинъ, со всею военною откровенностію, со всѣмъ жаромъ неохлажденнаго годами и трудами чувства, въ удалыхъ стихахъ разсказываетъ намъ о проказахъ молодости, объ ухорскихъ забавахъ, о лихихъ наѣздахъ, о гусарскихъ пирушкахъ, о своей любви къ какой-то гордой красавицѣ. Какъ тотъ, такъ и другой нерѣдко срываютъ съ своихъ лиръ звуки сильные, громкіе и торжественные; нерѣдко трогаютъ выраженіемъ чувства живаго и пламеннаго. Ихъ односторонность въ нихъ есть оригинальность, безъ которой нѣтъ истиннаго таланта.

Подолинскій подалъ о себѣ самыя лестныя надежды, и къ несчастію не выполнилъ ихъ. Онъ владѣлъ поэтическимъ

языкомъ и не былъ лишенъ поэтическаго чувства. Мнѣ кажется, что причина его неуспѣха заключается въ томъ, что онъ не созналъ своего назначенія и шелъ не по своей дорогѣ.

Ѳ. Н. Глинка.... но что̀ я скажу объ немъ? Вы знаете какъ благоуханны цвѣты его поэзіи, какъ нравственно и свято его художественное направленіе: это хоть кого такъ обезоружитъ. Но вполнѣ сознавая его поэтическое дарованіе, нельзя въ то же время не сознаться, что оно ужъ черезчуръ односторонно; нравственность нравственностію, а вѣдь одно и то же прискучитъ. Ѳ. Н. Глинка писалъ много, и потому, между многими прекрасными пьесками, у него чрезвычайно много пьесъ рѣшительно посредственныхъ. Причиною этого, кажется, то, что онъ смотритъ на творчество какъ на занятіе, какъ на невинное препровожденіе времени, а не какъ на призваніе свыше, и вообще какъ-то низменно смотритъ на многіе предметы. Лучшими своими стихами онъ обязанъ религіознымъ вдохновеніемъ. Его поэма «Карелія» заключаетъ въ себѣ много красотъ, можетъ-быть еще больше недостатковъ.

Дельвигъ.... Но Дельвигу Языковъ написалъ прелестную поэтическую панихиду, по Дельвига Пушкинъ почитаетъ человѣкомъ съ необыкновеннымъ дарованіемъ; куда же мнѣ спорить съ такими авторитетами? Дельвига почитали нѣкогда огречившимся Нѣмцемъ: правда ли это? *De mortuis aut bene, aut nihil*, и потому я не хочу обнаруживать моего собственнаго мнѣнія о семъ поэтѣ. Вотъ что̀ нѣкогда было напечатано въ «Московскомъ Вѣстникѣ» о его стихотвореніяхъ: «ихъ можно прочитать съ легкимъ удовольствіемъ, но не болѣе». Такихъ поэтовъ много было въ прошлое десятилѣтіе.

Берегъ! Берегъ!...

Истертое выраженіе.

Пушкинскій періодъ отличается необыкновеннымъ множествомъ стихотворцевъ-поэтовъ: это рѣшительно періодъ стихотворства, превратившагося въ совершенную манію. Не говоря уже о стихотворцахъ бездарныхъ, авторахъ «киргизскихъ», «московскихъ» и другихъ «плѣнниковъ», авторахъ «Бѣльскихъ» и другихъ «Евгеніевъ», подъ разными именами, сколько людей, если не съ талантомъ, то съ удивительною способностію, если не къ поэзіи, то къ стихотворству! Стихами и отрывками изъ поэмъ было наводнено многочисленное поколѣніе журналовъ и альманаховъ; опытами въ стихахъ, собраніями стиховъ и поэмами, были наводнены книжныя лавки. И во всемъ этомъ былъ виноватъ одинъ Пушкинъ: вотъ едва ли не единственный, хотя и неумышленный грѣхъ его въ отношеніи къ русской литературѣ! Итакъ, о бездарныхъ писакахъ много говорить нечего; бранить ихъ тоже нечего: мстительная Лета давно уже наказала ихъ. Поговорю лучше о людяхъ, отличающихся нѣкоторою степенью таланта, или по крайней мѣрѣ способности. Отчего они такъ скоро утратили свою знаменитость? Или они выписались? Ничуть не бывало! Многіе изъ нихъ и теперь пишутъ еще, или по крайней мѣрѣ и теперь еще могутъ писать такъ же хорошо, какъ и прежде; но, увы! уже не могутъ возбуждать своими сочиненіями бывалаго энтузіазма въ читателяхъ. Отчего же? Оттого, повторяю, что они могли быть и не быть, что пылкость юности принимали за тревогу вдохновенія, способность принимать впечатлѣнія изящнаго за способность поражать другихъ впечатлѣніями изящнаго, способность «описывать всякую данную матерію съ нѣкоторымъ подражательнымъ

вымысломъ» *), гармоническими стихами за способность воспроизводить въ словѣ явленія всеобщей жизни природы. Они заняли у Пушкина этотъ стихъ гармоническій и звучный, отчасти и эту поэтическую прелесть выраженія, которыя составляютъ только внѣшнюю сторону его созданій; но не заняли у него этого чувства глубокаго и страдательнаго, которымъ они дышатъ, и которое одно есть источникъ жизни художественныхъ произведеній. Посему-то они какъ будто скользятъ по явленіямъ природы и жизни, какъ скользитъ по предметамъ блѣдный лучъ зимняго солнца, а не проникаютъ въ нихъ всею жизнію своею; посему-то они какъ будто только описываютъ предметы, или разсуждаютъ о нихъ, а не чувствуютъ ихъ. И потому-то вы прочтете ихъ стихи, иногда съ удовольствіемъ, если не съ наслажденіемъ; но они никогда не оставятъ въ душѣ вашей рѣзкаго впечатлѣнія, никогда не заронятся въ вашу память. Присовокупите къ этому еще односторонность ихъ направленія и однообразіе ихъ завѣтныхъ мечтаній и думъ, и вотъ вамъ причина, отчего нимало не шевелятъ вашего сердца эти стихи, нѣкогда столь плѣнявшіе васъ. Нынѣ не то время, что прежде: нынѣ только стихами ознаменованными печатію высокаго таланта, если не генія, можно заставить читать себя. Нынѣ требуютъ стиховъ выстраданныхъ, стиховъ, въ коихъ слышались бы вопли души, исторгаемые неземными муками; словомъ, нынѣ

Плачъ неестественный досаденъ,
Смѣшно жеманное вытье...

Одинъ изъ молодыхъ замѣчательнѣйшихъ литераторовъ нашихъ, г. Шевыревъ, съ раннихъ лѣтъ своей жизни предавшійся наукѣ и искусству, съ раннихъ лѣтъ выступившій на благородное поприще дѣйствованія въ пользу общую, слишкомъ хорошо понялъ и почувствовалъ этотъ недоста-

*) См. „Піитическія Правила“ Аполлоса.

токъ, столь общій почти всѣмъ его сверстникамъ и товарищамъ по ремеслу. Одаренный поэтическимъ талантомъ, что особенно доказываютъ его переводы изъ Шиллера, изъ коихъ многіе самъ Жуковскій не постыдился бы назвать своими; обогащенный познаніями, коротко знакомый со все общею исторіею литературъ, что доказывается многими его критическими трудами и, особенно, отлично исполняемою имъ должностію профессора при Московскомъ университетѣ,— онъ, какъ видно изъ оригинальныхъ произведеній, рѣшился произвести реакцію всеобщему направленію литературы тогдашняго времени. Въ основаніи каждаго его стихотворенія лежитъ мысль глубокая и поэтическая, видны претензіи на Шиллеровскую обширность взгляда и глубокость чувства и, надо сказать правду, его стихъ всегда отличался энергическою краткостію, крѣпостію и выразительностію. Но цѣль вредитъ поэзіи; притомъ же, назначивъ себѣ такую высокую цѣль, надо обладать и великими средствами, чтобы ее достойно выполнить. Посему бо̀льшая часть оригинальныхъ произведеній г. Шевырева, за исключеніемъ весьма не многихъ обнаруживающихъ неподдѣльное чувство, при всѣхъ ихъ достоинствахъ, часто обнаруживаютъ болѣе усилія ума, чѣмъ изліяніе горячаго вдохновенія. Одинъ только Виневитиновъ могъ согласить мысль съ чувствомъ, идею съ формою, ибо, изо всѣхъ молодыхъ поэтовъ пушкинскаго періода, онъ одинъ обнималъ природу не холоднымъ умомъ, а пламеннымъ сочувствіемъ, и силою любви могъ проникать въ ея святилище, могъ

Въ ея таинственную грудь,
Какъ въ сердце друга, заглянуть,

и потомъ передавать въ своихъ созданіяхъ высокія тайны, подсмотрѣнныя имъ на этомъ недоступномъ алтарѣ. Веневитиновъ есть единственный у насъ поэтъ, который даже современниками былъ понятъ и оцѣненъ по достоинству.

Это была прекрасная утренняя заря, предрекавшая прекрасный день: въ этомъ согласились всѣ партіи. Долгъ справедливости заставляетъ меня упомянуть еще о Полежаевѣ, талантѣ, правда, одностороннемъ, но тѣмъ не менѣе и замѣчательномъ. Кому не извѣстно, что этотъ человѣкъ есть жалкая жертва заблужденій своей юности, несчастная жертва духа того времени, когда талантливая молодежь на почтовыхъ мчалась по дорогѣ жизни, стремилась упиваться жизнію, а не изучать ее, смотрѣла на жизнь, какъ на бурную оргію, а не какъ на тяжкій подвигъ? Не читайте его переводовъ (исключая Ламартиновой пьесы: l'Homme à Lord Byron), которые какъ-то нейдутъ въ душу, не читайте его шутливыхъ стихотвореній, которыя отзываются слишкомъ трактирнымъ разгуломъ, не читайте его заказныхъ стиховъ, но прочтите тѣ изъ его произведеній, которыя имѣютъ большее или меньшее отношеніе къ его жизни; прочтите «Думу на берегу моря», его «Вечернюю Зорю», его «Провидѣніе» — и вы сознаете въ Полежаевѣ талантъ, увидите чувство!...

Теперь мнѣ остается сказать объ одномъ поэтѣ, не похожемъ ни на одного изъ всѣхъ упомянутыхъ мною, поэтѣ оригинальномъ и самобытномъ, не признавшемъ надъ собою вліянія Пушкина, и едва ли не равномъ ему: говорю о Грибоѣдовѣ. Этотъ человѣкъ слишкомъ много надеждъ унесъ съ собою въ гробъ. Онъ былъ назначенъ быть творцемъ русской комедіи, творцемъ русскаго театра.

Театра!... Любите ли вы театръ такъ, какъ я люблю его, то-есть всѣми силами души вашей, со всѣмъ энтузіазмомъ, со всѣмъ изступленіемъ, къ которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлѣній изящнаго? Или, лучше сказать, можете ли вы не любить театра больше всего на свѣтѣ, кромѣ блага и истины? И въ самомъ дѣлѣ не сосредоточиваются ли въ немъ всѣ чары, всѣ обаянія, всѣ обольщенія изящныхъ искусствъ? Не есть

ли онъ исключительно самовластный властелинъ нашихъ чувствъ, готовый во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ возбуждать и волновать ихъ, какъ воздымаетъ ураганъ песчаныя метели въ безбрежныхъ степяхъ Аравіи?.. Какое изъ всѣхъ искусствъ владѣетъ такими могущественными средствами поражать душу впечатлѣніями и играть ею самовластно.... Лиризмъ, эпопея, драма—отдаете ли вы чему-нибудь изъ нихъ рѣшительное предпочтеніе, или все это любите одинаково? Трудный выборъ, не правда ли? Вѣдь въ мощныхъ стихахъ богатыря Державина и въ разнообразныхъ напѣвахъ протея Пушкина предображается та же природа, что́ и въ поэмахъ Байрона или романахъ Вальтеръ Скотта; а въ сихъ послѣднихъ та же самая, что̀ и въ драмахъ Шекспира и Шиллера? И однакоже я люблю драму предпочтительно, и, кажется, это общій вкусъ. Лиризмъ выражаетъ природу неопредѣленно и, такъ сказать, музыкально; его предметъ — вся природа во всей ея безконечности; предметъ же драмы есть исключительно человѣкъ и его жизнь, въ которой проявляется высшая, духовная сторона всеобщей жизни вселенной. Между искусствами драма есть то же, что́ исторія между науками. Человѣкъ всегда былъ и будетъ самымъ любопытнѣйшимъ явленіемъ для человѣка, а драма представляетъ этого человѣка въ его вѣчной борьбѣ съ своимъ *я* и съ своимъ назначеніемъ, въ его вѣчной дѣятельности, источникъ которой есть стремленіе къ какому-то темному идеалу блаженства, рѣдко имъ постигаемаго и еще рѣже достигаемаго. Сама эпопея отъ драмы занимаетъ свое достоинство: романъ безъ драматизма вялъ и скученъ. Въ нѣкоторомъ смыслѣ эпопея есть только особенная форма драмы. Итакъ положимъ, что драма есть, если не лучшій, то ближайшій къ намъ родъ поэзіи. Что̀ же такое театръ, гдѣ эта могущественная драма облекается съ головы до ногъ въ новое могущество, гдѣ она вступаетъ въ союзъ со всѣми искусствами, призываетъ ихъ на свою

помощь и беретъ у нихъ всѣ средства, всѣ оружія, изъ коихъ каждое, отдѣльно взятое, слишкомъ сильно для того, чтобы вырвать васъ изъ тѣснаго міра суетъ и ринуть въ безбрежный міръ высокаго и прекраснаго? Что́ же такое, спрашиваю васъ, этотъ театръ?... О, это истинный храмъ искусства, при входѣ въ который вы мгновенно отдѣляетесь отъ земли, освобождаетесь отъ житейскихъ отношеній? Эти звуки настраиваемыхъ въ оркестрѣ инструментовъ томятъ вашу душу ожиданіемъ чего-то чудеснаго, сжимаютъ ваше сердце предчувствіемъ какого-то неизъяснимо-сладостнаго блаженства; этотъ народъ, наполняющій огромный амфитеатръ, раздѣляетъ ваше нетерпѣливое ожиданіе, вы сливаетесь съ нимъ въ одномъ чувствѣ; этотъ роскошный и великолѣпный занавѣсъ, это море огней намекаетъ вамъ о чудесахъ и дивахъ, разсѣянныхъ по прекрасному Божію творенію и сосредоточенныхъ на тѣсномъ пространствѣ сцены! И вотъ грянулъ оркестръ—и душа ваша предощущаетъ въ его звукахъ тѣ впечатлѣнія, которыя готовятся поразить ее; и вотъ поднялся занавѣсъ —и передъ взорами вашими разливается безконечный міръ страстей и судебъ человѣческихъ! Вотъ умоляющіе вопли кроткой и любящей Дездемоны мѣшаются съ бѣшеными воплями ревниваго Отелло; вотъ, среди глубокой полночи, появляется леди Макбетъ, съ обнаженною грудью, съ растрепанными волосами, и тщетно старается стереть съ своей руки кровавыя пятна, которыя мерещатся ей въ мукахъ мстительной совѣсти; вотъ выходитъ бѣдный Гамлетъ съ его завѣтнымъ вопросомъ: «быть или не быть»; вотъ проходятъ передъ вами и божественный мечтатель Поза и два райскіе цвѣтка — Максъ и Текла, съ ихъ небесною любовію, словомъ, весь роскошный и безграничный міръ, созданный плодотворною фантазіею Шекспировъ, Шиллеровъ, Гёте, Вернеровъ.... Вы здѣсь живете не своею жизнію, страдаете не своими скорбями, радуетесь не своимъ блаженствомъ,

трепещете не за свою опасность; здѣсь ваше холодное *я* исчезаетъ въ пламенномъ эѳирѣ любви. Если васъ мучитъ тягостная мысль о трудномъ подвигѣ вашей жизни и слабости вашихъ силъ, вы здѣсь забудете ее; если душа ваша алкала когда-нибудь любви и упоенія, если въ вашемъ воображеніи мелькалъ когда-нибудь подобно легкому видѣнію ночи, какой-то плѣнительный образъ, давно вами забытый, какъ мечта несбыточная — здѣсь эта жажда вспыхнетъ въ васъ съ новою, неукротимою силою, здѣсь этотъ образъ снова явится вамъ, и вы увидите его очи, устремленныя на васъ съ тоскою и любовію, упьетесь его обаятельнымъ дыханіемъ, содрогнетесь отъ огненнаго прикосновенія его руки.... Но возможно ли описать всѣ очарованія театра, всю его магическую силу надъ душею человѣческою?... О, какъ было бы хорошо, еслибы у насъ былъ свой, народный, русскій театръ.... Въ самомъ дѣлѣ, видѣть на сценѣ всю Русь, съ ея добромъ и зломъ, съ ея высокимъ и смѣшнымъ, слышать говорящими ея доблестныхъ героевъ, вызванныхъ изъ гроба могуществомъ фантазіи, видѣть біеніе пульса ея могучей жизни.... О, ступайте, ступайте въ театръ, живите и умрите въ немъ, если можете!...

Но, увы! все это поэзія, а не проза, мечты, а не существенность! Тамъ, то-есть въ томъ большомъ домѣ, который называютъ русскимъ театромъ, тамъ, говорю я, вы увидите пародіи на Шекспира и Шиллера, пародіи смѣшныя и безобразныя; тамъ выдаютъ вамъ за трагедію корчи воображенія; тамъ насъ подчуютъ жизнію, вывороченною на изнанку; словомъ тамъ

... Мельпомены бурной
Протяжно раздается вой,
Тамъ машетъ мантіей мишурной
Она предъ хладною толпой!

Говорю вамъ, не ходите туда; это очень скучная забава!... Но не будемъ слишкомъ строги къ театру: не его вина,

что онъ такъ плохъ. Гдѣ у насъ драматическая литература, гдѣ драматическіе таланты? Гдѣ наши трагики, наши комики? Ихъ много, очень много; ибо имена всѣмъ извѣстны, и потому не хочу перебирать ихъ, ибо мои похвалы ничего не прибавятъ къ той громкой славѣ, которою они по справедливости пользуются. Итакъ, обращаюсь къ Грибоѣдову.

Грибоѣдова комедія или драма (я не совсѣмъ хорошо понимаю различіе между этими двумя словами; значенія же слова трагедія совсѣмъ не понимаю) давно ходила въ рукописи. О Грибоѣдовѣ, какъ и о всѣхъ примѣчательныхъ людяхъ, было много толковъ и споровъ; ему завидовали нѣкоторые наши геніи, въ то же время удивлявшіеся «Ябедѣ» Капниста; ему не хотѣли отдавать справедливости тѣ люди, кои удивлялись гг. AB. CD. EF. и пр. Но публика разсудила иначе: еще до печати и представленія рукописная комедія Грибоѣдова разлилась по Россіи бурнымъ потокомъ.

Комедія, по моему мнѣнію, есть такая же драма, какъ и то, что обыкновенно называется трагедіей; ея предметъ есть представленіе жизни въ противорѣчіи съ идеей жизни; ея элементъ есть не то невинное остроуміе, которое добродушно издѣвается надъ всѣмъ изъ одного желанія позубоскалить; нѣтъ, ея элементъ есть этотъ желчный юморъ, это грозное негодованіе, которое не улыбается шутливо, а хохочетъ яростно, которое преслѣдуетъ ничтожество и эгоизмъ не эпиграммами, а сарказмами.

Комедія Грибоѣдова есть истинная *divina comedia!* Это совсѣмъ не смѣшной анекдотецъ, переложенный на разговоры, не такая комедія, гдѣ дѣйствующія лица нарицаются Добряковыми, Плутоватиными, Обираловыми и пр.; ея персонажи давно были вамъ извѣстны въ натурѣ, вы видѣли, знали ихъ еще до прочтенія «Горя отъ ума», и, однакожъ, вы удивляетесь имъ, какъ явленіямъ совершенно новымъ для васъ: вотъ высочайшая истина поэтическаго вымысла! Лица, созданныя Грибоѣдовымъ, не выдуманы, а сняты съ

натуры во весь ростъ, почерпнуты со дна дѣйствительной жизни; у нихъ не написано на лбахъ ихъ добродѣтелей и пороковъ, но они заклеймены печатію своего ничтожества, заклеймены мстительною рукою палача-художника. Каждый стихъ Грибоѣдова есть сарказмъ, вырвавшійся изъ души художника въ пылу негодованія; его слогъ есть par excellence разговорный. Недавно одинъ изъ нашихъ примѣчательнѣйшихъ писателей, слишкомъ хорошо знающій общество, замѣтилъ, что только одинъ Грибоѣдовъ умѣлъ переложить на стихи разговоръ нашего общества; безъ всякаго сомнѣнія, это не стоило ему ни малѣйшаго труда, но, тѣмъ не менѣе, это все-таки великая заслуга съ его стороны, ибо разговорный языкъ нашихъ комиковъ... Но я уже обѣщался не говорить о нашихъ комикахъ... Конечно это произведеніе не безъ недостатковъ въ отношеніи къ своей цѣлости, но оно было первымъ опытомъ таланта Грибоѣдова, первою русскою комедіей; да и сверхъ того, каковы бы то ни были эти недостатки, они не помѣшаютъ ему быть образцовымъ, геніальнымъ произведеніемъ и не въ русской литературѣ, которая въ Грибоѣдовѣ лишилась Шекспира комедіи...

Довольно о поэтахъ-стихотворцахъ, поговоримъ о поэтахъ-прозаикахъ. Знаете ли, чье имя стоитъ между ними первымъ въ пушкинскомъ періодѣ словесности? Имя г. Булгарина, милостивые государи. Это и не удивительно. Г. Булгаринъ былъ начинщикомъ, а начинщики, какъ я уже имѣлъ честь докладывать вамъ, всегда безсмертны, и потому беру смѣлость увѣрить васъ, что имя г. Булгарина такъ же безсмертно въ области русскаго романа, какъ имя московскаго жителя Матвѣя Комарова *). Имя петербургскаго Вальтеръ-Скотта, Ѳаддея Венедиктовича Булгарина, вмѣстѣ съ име-

*) Автора „Полиціона“, „Англійскаго Милорда“ и другихъ подобныхъ знаменитыхъ произведеній

немъ московскаго Вальтеръ-Скотта, Александра Анфимовича Орлова, всегда будетъ составлять лучезарное созвѣздіе на горизонтѣ нашей литературы. Остроумный Косичкинъ уже оцѣнилъ, какъ слѣдуетъ, обоихъ сихъ знаменитыхъ писателей, показавъ намъ сравнительно ихъ достоинства, и потому, не желая повторять Косичкина, я выскажу о г. Булгаринѣ мнѣніе, теперь для всѣхъ общее, но еще нигдѣ не высказанное печатно. Неужели и въ самомъ дѣлѣ г. Булгаринъ совершенно равенъ г. Орлову? Говорю утвердительно, что нѣтъ; ибо, какъ писатель вообще, онъ несравненно выше его, но какъ художникъ собственно, онъ немного пониже его. Хотите ли знать, въ чемъ состоитъ главная разница между сими свѣтилами нашей словесности? Одинъ изъ нихъ много видѣлъ, много слышалъ, много читалъ, былъ и бываетъ вездѣ; другой, бѣдный! не только не былъ въ Испаніи, но даже и не выѣзжалъ за русскую границу, при знаніи латинскаго языка (знаніи, впрочемъ, не доказанномъ никакимъ изданіемъ Горація, ни съ своими, ни съ чужими примѣчаніями), не совсѣмъ твердо владѣетъ и своимъ отечественнымъ, да и не мудрено: онъ не имѣлъ случая «прислушиваться къ языку хорошей компаніи». Итакъ, все дѣло въ томъ, что сочиненія одного выглажены и вылощены, какъ полъ гостиной, а сочиненія другаго отзываются толкучимъ рынкомъ. Впрочемъ, — удивительное дѣло! — несмотря на то, что оба они писали для разныхъ классовъ читателей, они нашли въ одномъ и томъ же классѣ свою публику. И надо думать, что эта публика будетъ благосклоннѣе къ Александру Анфимовичу, ибо онъ больше поэтъ, тогда какъ Ѳаддей Венедиктовичъ болѣе философъ, а поэзія доступнѣе философіи для всѣхъ классовъ.

Почти вмѣстѣ съ Пушкинымъ вышелъ на литературное поприще и г. Марлинскій. Это одинъ изъ самыхъ примѣчательнѣйшихъ нашихъ литераторовъ. Онъ теперь безусловно пользуется самымъ огромнымъ авторитетомъ: теперь

передъ нимъ все на колѣнахъ: если еще не всѣ въ одинъ голосъ называютъ его русскимъ Бальзакомъ, то потому только, что боятся унизить его этимъ и ожидаютъ, чтобы Французы назвали Бальзака французскимъ Марлинскимъ. Въ ожиданіи, пока совершится это чудо, мы похладнокровнѣе разсмотримъ его права на такой громадный авторитетъ. Конечно, страшно выходить на бой съ общественнымъ мнѣніемъ и возставать явно противъ его идоловъ; но я рѣшаюсь на это не столько по смѣлости, сколько по безкорыстной любви къ истинѣ. Впрочемъ, меня ободряетъ въ семъ случаѣ и то, что это страшное общественное мнѣніе начинаетъ мало-по-малу приходить въ память отъ оглушительнаго удара, произведеннаго на него полнымъ изданіемъ «Русскихъ Повѣстей и Разсказовъ» г. Марлинскаго; начинаютъ ходить темные толки о какихъ-то натяжкахъ, о скучномъ однообразіи, и тому подобномъ. Итакъ, я рѣшаюсь быть органомъ новаго общественнаго мнѣнія. Знаю, что это новое мнѣніе найдетъ еще слишкомъ много противниковъ, но какъ бы то ни было, а истина дороже всѣхъ на свѣтѣ авторитетовъ.

На безлюдьи истинныхъ талантовъ въ нашей литературѣ, талантъ г. Марлинскаго, конечно, явленіе очень примѣчательное. Онъ одаренъ остроуміемъ неподдѣльнымъ, владѣетъ способностію разсказа, нерѣдко живаго и увлекательнаго, умѣетъ иногда снимать съ природы картинки-заглядѣнье. Но вмѣстѣ съ этимъ нельзя не сознаться, что его талантъ чрезвычайно одностороненъ, что его претензіи на пламень чувства весьма подозрительны, что въ его созданіяхъ нѣтъ никакой глубины, никакой философіи, никакого драматизма; что, вслѣдствіе этого, всѣ герои его повѣстей сбиты на одну колодку и отличаются другъ отъ друга только именами, что онъ повторяетъ себя въ каждомъ новомъ произведеніи; что у него болѣе фразъ, чѣмъ мыслей, болѣе риторическихъ возгласовъ, чѣмъ выраженій чувства. У насъ мало писателей, которые бы писали столько, какъ г. Мар-

линскій, но это обиліе происходитъ не отъ огромности дарованія, не отъ избытка творческой дѣятельности, а отъ навыка, отъ привычки писать. Если вы имѣете хотя нѣсколько дарованія, если образовали себя чтеніемъ, если запаслись извѣстнымъ числомъ идей и сообщили имъ нѣкоторый отпечатокъ своего характера, своей личности, то берите и смѣло пишите съ утра до ночи. Вы дойдете наконецъ до искусства, во всякую пору, во всякомъ расположеніи духа, писать о чемъ вамъ угодно; если у васъ придумано нѣсколько пышныхъ монологовъ, то вамъ не трудно будетъ придѣлать къ нимъ романъ, драму, повѣсть; только позаботьтесь о формѣ и слогѣ: они должны быть оригинальные.

Вещи всего лучше познаются сравненіемъ. Если два писателя пишутъ въ одномъ родѣ и имѣютъ между собою какое-нибудь сходство, то ихъ не иначе можно оцѣнить въ отношеніи другъ къ другу, какъ выставивъ параллельныя мѣста; это самый лучшій пробный камень. Посмотрите на Бальзака: какъ много написалъ этотъ человѣкъ и, несмотря на то, есть ли въ его повѣстяхъ хотя одинъ характеръ, хотя одно лице, которое бы сколько нибудь походило на другое? О, какое непостижимое искусство обрисовывать характеры со всѣми оттѣнками ихъ индивидуальности! Не преслѣдовалъ ли васъ этотъ грозный и холодный обликъ Феррагуса, не мерещился ли онъ вамъ и во снѣ и на-яву, не бродилъ ли за вами неотступно тѣнью? О, вы узнали бы его между тысячами, и между тѣмъ въ повѣсти Бальзака онъ стоитъ въ тѣни, обрисованъ слегка, мимоходомъ, и заслоновленъ лицами, на коихъ сосредоточивается главный интересъ поэмы. Отчего же это лице возбуждаетъ въ читателѣ столько участія и такъ глубоко врѣзывается въ его воображеніе? Оттого, что Бальзакъ не выдумалъ, а создалъ его, оттого, что онъ мерещился ему прежде, нежели была написана первая строка повѣсти, что онъ мучилъ худож-

ника до тѣхъ поръ, пока онъ не извелъ его изъ міра души своей въ явленіе, для всѣхъ доступное. Вотъ мы видимъ теперь на сценѣ и «Другаго изъ Тринадцати»: Феррагусъ и Монриво видимо одного покроя, люди съ душою глубокою, какъ морское дно, съ силою воли непреодолимою, какъ воля судьбы; и однакожъ, спрашиваю васъ, похожи ли они хотя сколько-нибудь друга на друга, есть ли между ними что-нибудь общее? Сколько женскихъ портретовъ вышло изъ подъ плодотворной кисти Бальзака, и между тѣмъ повторилъ ли онъ себя хотя въ одномъ изъ нихъ?... Таковы ли въ семъ отношеніи созданія г. Марлинскаго? Его Амаллатъ-Бекъ, его полковникъ В***, его герой «Страшнаго Гаданья», его капитанъ Правинъ, всѣ они родные братцы, которыхъ различить трудно самому ихъ родителю. Только развѣ первый изъ нихъ немного отличается отъ прочихъ своимъ азіятскимъ колоритомъ. Гдѣ же творчество? Притомъ, сколько натяжекъ! Можно сказать, что натяжка у г. Марлинскаго такой конекъ, съ котораго онъ рѣдко слѣзаетъ. Ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ его повѣстей не скажетъ ни слова просто, но вѣчно съ ужимкой, вѣчно съ эпиграммою или съ каламбуромъ или съ подобіемъ, словомъ, у г. Марлинскаго каждая копейка ребромъ, каждое слово завиткомъ. Надо сказать правду: природа съ избыткомъ наградила его этимъ остроуміемъ, веселымъ и добродушнымъ, которое колетъ, но не язвитъ, щекочетъ, но не кусаетъ; но и здѣсь онъ часто пересаливаетъ. У него есть цѣлыя огромныя повѣсти, какъ напр. «Наѣзды», которыя суть не иное что, какъ огромныя натяжки. У него есть талантъ, но талантъ не огромный, талантъ, обезсиленный вѣчнымъ принужденіемъ, избившійся и растрясшійся о пни и колоды выисканнаго остроумія.

Мнѣ кажется, что романъ не его дѣло, ибо у него нѣтъ никакого знанія человѣческаго сердца, никакого драматическаго такта. Для чего, напримѣръ, заставилъ онъ князя, для котораго всѣ радости земли и неба заключались въ

устрицахъ, для котораго вкусный столъ всегда былъ дороже жены и ея чести, для чего заставилъ онъ его проговорить патетическій монологъ осквернителю его брачнаго ложа, монологъ, который сдѣлалъ бы честь и самому Правину? Это просто натяжечка, закулисная подставочка; автору хотѣлось быть нравственнымъ на маперъ г. Булгарина. Вообще онъ не мастеръ скрывать закулисныя машины, на коихъ вертится зданіе его повѣстей; онѣ у него всегда на виду. Впрочемъ, въ его повѣстяхъ встрѣчаются иногда мѣста истинно прекрасныя, очерки истинно мастерскіе; таково, напримѣръ, описаніе русскаго простонароднаго Мефистофеля и вообще всѣ сцены деревенскаго быта въ «Страшномъ Гаданіи»; таковы многія картины, снятыя съ природы, исключая, впрочемъ, кавказскихъ очерковъ, которые натянуты до тошноты, до nec plus ultra. По мнѣ, лучшія его повѣсти суть «Испытаніе» и «Лейтенантъ Бѣлозоръ»: въ нихъ можно отъ души полюбоваться его талантомъ, ибо онъ въ нихъ въ своей тарелкѣ. Онъ смѣется надъ своимъ стихотворствомъ, но мнѣ переводъ его пѣсенъ горцевъ въ «Амаллатъ-Бекѣ» кажется лучше всей повѣсти; въ нихъ такъ много чувства, такъ много оригинальности, что и Пушкинъ не постыдился бы назвать ихъ своими. Равнымъ образомъ и въ его «Андреѣ Переяславскомъ», особенно во второй главѣ, встрѣчаются мѣста истинно поэтическія, хотя цѣлое произведеніе слишкомъ отзывается дѣтствомъ. Всего страннѣе въ г. Марлинскомъ, что онъ съ удивительною скромностію недавно сознался въ такомъ грѣхѣ, въ которомъ онъ не виноватъ ни душою, ни тѣломъ, — въ томъ, что будто онъ своими повѣстями отворилъ двери для народности въ русскую литературу: вотъ что̀, такъ ужъ неправда! Эти повѣсти принадлежатъ къ числу самыхъ неудачныхъ его попытокъ; въ нихъ онъ народенъ не больше Карамзина, ибо его Русь жестоко отзывается его завѣтною, его любимою Ливоніею. Время и мѣсто не позволяютъ мнѣ подкрѣпить выписками

изъ сочиненій г. Марлинскаго мое мнѣніе о его талантѣ; впрочемъ это очень легко сдѣлать.

О слогѣ его не говорю. Нынѣ слово «слогъ» начало терять прежнее свое обширное значеніе, ибо его перестаютъ уже отдѣлять отъ мысли. Словомъ, г. Марлинскій — писатель не безъ таланта, и былъ бы гораздо выше, еслибъ былъ естественнѣе и менѣе натягивался.

Пушкинскій періодъ былъ самымъ цвѣтущимъ временемъ нашей словесности. Его надобно-бъ было обозрѣть исторически и въ хронологическомъ порядкѣ; я не сдѣлалъ этого, потому что не то имѣлъ цѣлію. Можно сказать утвердительно, что тогда мы имѣли если не литературу, то, по крайней мѣрѣ, призракъ литературы; ибо тогда было въ ней движеніе, жизнь и даже какая-то постепенность въ развитіи. Сколько новыхъ явленій, сколько талантовъ, сколько попытокъ на то и другое! Мы было уже и въ самомъ дѣлѣ отъ души стали вѣрить, что имѣемъ литературу, имѣемъ своихъ Байроновъ, Шиллеровъ, Гёте, Вальтеръ-Скотовъ, Томасовъ-Муровъ; мы были веселы и горды, какъ дѣти праздничными обновами. И кто же былъ нашимъ разочарователемъ, нашимъ Мефистофелемъ? Кто явился сильною, грозною реакціей и гораздо поохладилъ наши восторги? Помните ли вы Никодима Аристарховича Надоумку; помните ли какъ, выступивъ на сцену на своихъ скудельныхъ ножкахъ, онъ разсѣялъ наши сладкія мечты своимъ добродушно-лукавымъ: хе! хе! хе! Помните ли, какъ мы всѣ уцѣпились за наши авторитеты и авторитетики, и руками и ногами отстаивали ихъ отъ нападеній грознаго аристарха? Не знаю, какъ вы, а я очень хорошо помню, какъ всѣ сердились на него; помню какъ я самъ сердился на него. И что же? Ужъ сбылась бо́льшая часть его зловѣщихъ предсказаній и теперь уже никто не сердится на покойника!... Да! Никодимъ Аристарховичъ былъ замѣчательное лице въ нашей литературѣ; сколько надѣлалъ онъ тревоги,

сколько произвелъ кровопролитныхъ войнъ, какъ храбро сражался, какъ жестоко поражалъ своихъ противниковъ, и этимъ слогомъ, иногда оригинальнымъ до тривіальности, но всегда рѣзкимъ и мѣткимъ, и этимъ твердымъ силлогизмомъ, и этою насмѣшкою, простодушною и убійственною вмѣстѣ...

И гдѣ же твой, о витязь, прахъ?
Какою взятъ могилой?

Чтό скажу я о журналахъ тогдашняго времени? Неужели умолчу о нихъ? Они въ то время получили такую важность въ глазахъ публики, возбуждали къ себѣ такое живое участіе, играли такую важную роль!... Скажу, что почти всѣ они, волею и неволею, умышленно и неумышленно, способствовали къ распространенію у насъ новыхъ понятій и взглядовъ; мы по нимъ учились и по нимъ выучились. Всѣ они сдѣлали все, чтò могъ каждый по своимъ силамъ. Кто же больше? На это не могу отвѣчать утвердительно; ибо, по особеннымъ обстоятельствамъ, впрочемъ важнымъ только для одного меня, не могу говорить всего, чтò думаю. Я твердо помню благоразумное правило Монтаня, многія истины крѣпко держу въ кулакѣ. Главное, я слишкомъ еще неопытенъ въ хамелеонистикѣ, и имѣю глупость дорожить своими мнѣніями, не какъ литератора и писателя (тѣмъ болѣе, что я покуда ни то, ни другое), а какъ мнѣніями честнаго и добросовѣстнаго человѣка, и мнѣ какъ-то совѣстно написать панегирикъ одному журналу, не отдавая справедливости другому... Чтό дѣлать, я еще по моимъ понятіямъ принадлежу къ Аркадіи!... Итакъ, ни слова о журналахъ! Теперь смотрю я на мой огромный столъ, на которомъ лежатъ эти покойники кучами и кипами, лежатъ на немъ какъ во гробѣ, примиренные другъ съ другомъ моею лѣностію и безпорядкомъ моей комнаты, въ смѣси, другъ на другѣ,—гляжу на нихъ съ грустною улыбкою и говорю:

И все то благо, все добро!

Еще одно, послѣднее сказанье.
И лѣтопись окончена моя!

Пушкинъ.

Тридцатый, холерный годъ былъ для нашей литературы истиннымъ чернымъ годомъ, истинно роковою эпохою, съ коей начался совершенно новый періодъ ея существованія, въ самомъ началѣ своемъ рѣзко отличившійся отъ предъидущаго. Но не было никакого перехода между этими двумя періодами: вмѣсто его былъ какой-то насильственный перерывъ. Подобные противоестественные скачки, по моему мнѣнію, всего лучше доказываютъ, что у насъ нѣтъ литературы, слѣдовательно нѣтъ и исторіи литературы; ибо ни одно явленіе въ ней не было слѣдствіемъ другаго явленія, ни одно событіе не вытекло изъ другаго событія. Исторія нашей словесности есть ни больше, ни меньше, какъ исторія неудачныхъ попытокъ, посредствомъ слѣпаго подражанія иностраннымъ литературамъ, создать свою литературу. Но литературу не создаютъ; она создается такъ, какъ создаются, безъ воли и вѣдома народа, языкъ и обычаи. Итакъ, тридцатымъ годомъ кончился, или, лучше сказать, внезапно оборвался періодъ пушкинскій, такъ какъ кончился и самъ Пушкинъ, а вмѣстѣ съ нимъ и его вліяніе; съ тѣхъ поръ почти ни одного бывалаго звука не сорвалось съ его лиры. Его сотрудники, его товарищи по художественной дѣятельности допѣвали свои старыя пѣсенки, свои обычныя мечты, но уже никто не слушалъ ихъ. Старинка пріѣлась и набила оскомину, а новаго отъ нихъ нечего было услышать ибо они остались на той же самой чертѣ, на которой стали при первомъ своемъ появленіи, и не хотѣли сдвинуться съ ней. Журналы всѣ умерли, какъ будто бы отъ какого-нибудь апоплексическаго удара или дѣйствитель-

но отъ холеры-морбусъ. Причина этой внезапной смерти или этого мору заключалась въ томъ же, въ чемъ заключается причина того, что у насъ нѣтъ литературы. Они почти всѣ родились безъ всякой нужды, а такъ, отъ бездѣлья или отъ желанія пошумѣть, и потому не имѣли ни характера, ни самостоятельности, ни силы, ни вліянія на общество, и не оплаканные сошли въ безвременную могилу. Только для двухъ изъ нихъ можно сдѣлать исключеніе; только два изъ нихъ представляютъ любопытный, поучительный и богатый результатъ для наблюдателя. Одинъ—старецъ, водившій, бывало, на помочахъ наше юное общество, издавна пользовавшійся огромнымъ авторитетомъ и деспотически управлявшій литературными мнѣніями; другой—юноша съ пламенною душою, съ благороднымъ рвеніемъ къ общей пользѣ, со всѣми средствами достичь своей прекрасной цѣли, и между тѣмъ не достигшій ея. «Вѣстникъ Европы» пережилъ нѣсколько поколѣній, воспиталъ нѣсколько поколѣній, изъ коихъ послѣднее, взлелѣянное имъ, возстало съ ожесточеніемъ на него же; но онъ всегда оставался однимъ и тѣмъ же, не измѣнялся и бился до послѣднихъ силъ: это была борьба благородная и достойная всякаго уваженія, борьба не изъ личныхъ мелочныхъ выгодъ, но изъ мнѣній и вѣрованій, задушевныхъ и кровныхъ. Его убило время, а не противники; и потому его смерть была естественная, а не насильственная *). «Мо-

*) Любопытная вещь: г. Каченовскій, который возстановилъ противъ себя пушкинское поколѣніе и сдѣлался предметомъ самыхъ жесточайшихъ его преслѣдованій и нападковъ, какъ литературный дѣятель и судья, въ слѣдующемъ поколѣніи нашелъ себѣ ревностныхъ послѣдователей и защитниковъ, какъ ученый, какъ изслѣдователь отечественной исторіи. Впрочемъ это ничуть не удивительно: одинъ человѣкъ не можетъ вмѣстить въ себѣ всего: всеобъемлемость ума и многосторонность таланта дается немногимъ избраннымъ. Потому у г. Гоголя читайте его прекрасныя сказки, а у г. Каченовскаго, его, или написанныя подъ его вліяніемъ и руко-

сковскій Вѣстникъ» имѣлъ большія достоинства, много ума, много таланта, много пылкости, но мало, чрезвычайно мало, смѣтливости и догадливости, и потому самъ былъ причиною своей преждевременной кончины. Въ эпоху жизни, въ эпоху борьбы столкновенія мыслей и мнѣній онъ вздумалъ соблюдать духъ какой-то умѣренности и отчужденія отъ рѣзкости въ сужденіяхъ, и полный дѣльными и учеными статьями, былъ тощъ рецензіями и полемикою, кои составляютъ жизнь журнала, былъ бѣденъ повѣстями, безъ коихъ нѣтъ успѣха русскому журналу, и, что всего ужаснѣе, не велъ подробной отчетливой лѣтописи модъ и не прилагалъ модныхъ картинокъ, безъ которыхъ плохая надежда на подписчиковъ русскому журналисту. Что-жъ дѣлать? Безъ маленькихъ и повидимому пустыхъ уступокъ, нельзя заключить выгоднаго мира. «Московскій Вѣстникъ» былъ лишенъ современности, и теперь его можно читать какъ хорошую книгу, никогда не теряющую своей цѣны, но журналомъ,

водствомъ, статьи о русской исторіи, и помните латинскую поговорку: *suum cuique*, а болѣе всего мудрое правило нашего великаго баснописца:

Бѣда коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги точать пирожникъ.

Я не ученый, и въ исторіи смыслю весьма не много; сужу не какъ знатокъ, но какъ любитель: но вѣдь не изъ любителей ли состоитъ и публика? Поэтому, всякое добросовѣстное мнѣніе любителя должно заслуживать нѣкоторое вниманіе, тѣмъ болѣе, если оно есть отголосокъ общаго, т. е. господствующаго мнѣнія. Теперь у насъ двѣ историческія школы: Шлецера и г. Каченовскаго. Одна опирается на давности, привычкѣ, уваженіи къ авторитету ея основателя; другая, сколько я понимаю, на здравомъ смыслѣ и глубокой ученности. Будучи совершенно невиненъ въ послѣдней, я имѣю нѣкоторыя притязанія на первый, вслѣдствіе чего мнѣ кажется очень естественнымъ, что настоящее поколѣніе, чуждое воспоминаній старины и предубѣжденій авторитетовъ, горячо приняло историческія мнѣнія г. Каченовскаго. Впрочемъ ученая литература не мое дѣло; я сказалъ это такъ мимоходомъ, à propos.

въ полномъ смыслѣ сего слова, онъ никогда не былъ. Журналисты, какъ и поэты, родятся и бываютъ ими по призванію. Я не хотѣлъ говорить о журналахъ и какъ-то противъ своей воли увлекся; посему, говоря о покойникахъ, скажу слова два объ одномъ живомъ, не упоминая впрочемъ его имени, которое весьма не трудно угадать. Онъ уже существуетъ давно: былъ единичнымъ, двойственнымъ и наконецъ сдѣлался тройственнымъ, и всегда отличался отъ своей собратіи какого-то рода особенною безличностію. Въ то время, когда «Вѣстникъ Европы» отстаивалъ святую старину и до послѣдняго вздоха бился съ ненавистною новизною, въ то время, когда юное поколѣніе новыхъ журналовъ сражалось, въ свою очередь, не на животъ, а на смерть, съ скучною, опостылѣвшею стариною, и съ благороднымъ самоотверженіемъ силилось водрузить хоругвь вѣка,—журналъ, о коемъ я говорю, составилъ себѣ новую эстетику, вслѣдствіе которой то твореніе было высоко и изящно, которое печаталось во множествѣ экземпляровъ и хорошо раскупалось, новую политику, вслѣдствіе коей писатель нынѣ былъ выше Байрона, а завтра претерпѣвалъ *chute complète*. Вслѣдствіе сей-то благоразумной политики нѣкоторые изъ нашихъ Вальтеръ-Скотовъ писали повѣсти о Никандрахъ Свистушкиныхъ, авторахъ поэмъ: «Жиды и Воры» и пр. и пр. Словомъ, этотъ журналъ былъ единственнымъ и безпримѣрнымъ явленіемъ въ нашей литературѣ.

Итакъ, настал новый періодъ словесности. Кто же явился главою этого новаго, этого четвертаго періода нашей недорослой словесности? Кто, подобно Ломоносову, Карамзину и Пушкину, овладѣлъ общественнымъ вниманіемъ и мнѣніемъ, самодержавно правилъ послѣднимъ, положилъ печать своего генія на произведенія своего времени, сообщилъ ему жизнь и далъ направленіе современнымъ талантамъ? Кто, говорю я, явился солнцемъ этой новой міровой системы? Увы! никто, хотя и многіе претендовали на это

высокое титло. Еще въ первый разъ литература явилась безъ верховной главы, и изъ огромной монархіи распалась на множество мелкихъ, независимыхъ одно отъ другаго государствъ, завистливыхъ и враждебныхъ одно другому. Головъ было много, но онѣ такъ же скоро падали, какъ скоро возвышались: словомъ, этотъ періодъ есть періодъ нашей литературной исторіи въ темную годину междуцарствія и самозванцевъ.

Какъ противоположенъ былъ пушкинскій періодъ карамзинскому, такъ настоящій періодъ противоположенъ пушкинскому. Дѣятельность и жизнь кончились; громы оружія затихли, и утомленные бойцы вложили мечи въ ножны на лаврахъ, каждый приписывая себѣ побѣду и ни одинъ не выигравъ ея въ полномъ смыслѣ сего слова. Правда, въ началѣ, особенно первыхъ двухъ лѣтъ, еще бились отчаянно, но это была уже не новая война, а окончаніе старой: это была тридцатилѣтняя война послѣ смерти Густава Адольфа и погибели Валленштейна. Теперь кончилась и эта кровопролитная война, но безъ вестфальскаго мира, безъ удовлетворительныхъ результатовъ для литературы. Періодъ пушкинскій отличался какою-то бѣшеною маніей къ стихотворству; періодъ новый, еще въ самомъ своемъ началѣ, оказалъ рѣшительную наклонность къ прозѣ. Но увы! это былъ не шагъ впередъ, не обновленіе, а оскудѣніе, истощеніе творческой дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, дошло до того, что теперь уже утвердительно говорятъ, будто въ наше время самые превосходные стихи не могутъ имѣть никакого успѣха. Нелѣпое мнѣніе! Очевидно, что оно, какъ и все, принадлежитъ не намъ, а есть вольное подражаніе мнѣніямъ нашихъ европейскихъ сосѣдей. У нихъ часто повторяли, что въ нашъ вѣкъ эпопея не можетъ существовать, а теперь, кажется, сбиваются на то, что въ наше время и драма кончилась. Подобныя мнѣнія весьма странны и неосновательны. Поэзія у всѣхъ народовъ и во всѣ вре-

мена была одно и то же въ своемъ существѣ: перемѣнялись только формы, сообразно съ духомъ, направленіемъ и успѣхомъ, какъ всего человѣчества вообще, такъ и каждаго народа въ частности. Раздѣленіе поэзіи на роды не есть произвольное; причина и необходимость онаго скрываются въ самой сущности искусства. Родовъ поэзіи только три и больше быть не можетъ. Всякое произведеніе, въ какомъ бы то ни было родѣ, хорошо во всѣ вѣка и въ каждую минуту, когда оно, по своему духу и формѣ, носитъ на себѣ печать своего времени и удовлетворяетъ всѣ его требованія. Гдѣ-то было сказано, что «Фаустъ» Гете есть Иліада нашего времени: вотъ мнѣніе, съ которымъ нельзя не согласиться! И въ самомъ дѣлѣ, развѣ Вальтеръ-Скоттъ также не есть нашъ Гомеръ, въ смыслѣ эпика, если не выразителя полнаго духа времени? Такъ и у насъ теперь: явись новый Пушкинъ, но не Пушкинъ 1834, а Пушкинъ 1829 года, и Россія снова начала бы твердить стихи; но кто, кромѣ несчастныхъ читателей ex officio, даже подумаетъ и взглянуть на издѣлія новыхъ нашихъ стиходѣевъ— гг. Ершовыхъ, Струговщиковыхъ, Марковыхъ, Снегиревыхъ, и пр?...

Романтизмъ—вотъ первое слово, огласившее пушкинскій періодъ; народность — вотъ альфа и омега новаго періода. Какъ тогда всякій бумагомаратель изъ кожи лѣзъ, чтобы прослыть романтикомъ, такъ теперь всякій литературный шутъ претендуетъ на титло народнаго писателя. Народность—чудесное слово! Что̀ передъ нимъ вашъ романтизмъ! Въ самомъ дѣлѣ, это стремленіе къ народности — весьма замѣчательное явленіе. Не говоря уже о нашихъ романистахъ и вообще новыхъ писателяхъ, взгляните, что̀ дѣлаютъ заслуженные корифеи нашей словесности. Жуковскій, этотъ поэтъ, геній котораго всегда былъ прикованъ къ туманному Альбіону и фантастической Германіи, вдругъ забылъ своихъ паладиновъ, съ ногъ до головы закованныхъ въ

сталь, своихъ прекрасныхъ и вѣрныхъ принцессъ, своихъ колдуновъ и свои очарованные зaмки, и пустился писать русскія сказки.... Нужно ли доказывать, что эти русскія сказки такъ же не въ ладу съ русскимъ духомъ, котораго въ нихъ слыхомъ не слыхать и видомъ не видать, какъ не въ ладу съ русскими сказками греческій или нѣмецкій гекзаметръ?... Но не будемъ слишкомъ строги къ этому заблужденію могущественнаго таланта, увлекшагося духомъ времени; Жуковскій вполнѣ совершилъ свое поприще и подвигъ,—мы больше не въ правѣ ничего ожидать отъ него. Вотъ другое дѣло Пушкинъ: странно видѣть, какъ этотъ необыкновенный человѣкъ, которому ничего не стоило быть народнымъ, когда онъ не старался быть народнымъ, теперь такъ мало народенъ, когда рѣшительно хочетъ быть народнымъ; странно видѣть, что онъ теперь выдаетъ намъ за нѣчто важное то, что прежде бросалъ мимоходомъ, какъ избытокъ или роскошь. Мнѣ кажется, что это стремленіе къ народности произошло оттого, что всѣ живо почувствовали непрочность нашей подражательной литературы и хотѣли создать народную, какъ прежде силились создать подражательную. Итакъ, опять цѣль, опять усилія, опять старая погудка на новый ладъ? Но развѣ Крыловъ потому народенъ въ высочайшей степени, что старался быть народнымъ? Нѣтъ; онъ объ этомъ нимало не думалъ; онъ былъ народенъ, потому что не могъ не быть народнымъ; былъ народенъ безсознательно, и едва ли зналъ цѣну этой народности, которую усвоилъ созданіямъ своимъ безъ всякаго труда и усилія. По крайней мѣрѣ, его современники мало умѣли цѣнить въ немъ это достоинство: они часто упрекали его за «низкую природу» и ставили на одну съ нимъ доску прочихъ баснописцевъ, которые были несравненно ниже его. Слѣдовательно, наши литераторы, съ такою ревностію заботящіеся о народности, хлопочутъ по-пустому. И въ самомъ дѣлѣ, какое понятіе имѣютъ у насъ вообще

о народности? Всѣ, рѣшительно всѣ, смѣшиваютъ ее съ простонародностію и отчасти съ тривіальностію. Но это заблужденіе имѣетъ свою причину, свое основаніе, и на него отнюдь не должно нападать съ ожесточеніемъ. Скажу болѣе: въ отношеніи къ русской литературѣ нельзя иначе понимать народности. Что̀ такое народность въ литературѣ? — отпечатокъ народной физіономіи, типъ народнаго духа и народной жизни. Но имѣемъ ли мы свою народную физіономію?—вотъ вопросъ, трудный для рѣшенія. Наша національная физіономія всего больше сохранилась въ низшихъ слояхъ народа; посему наши писатели, разумѣется владѣющіе талантомъ, бываютъ народны, когда изображаютъ, въ романѣ, или драмѣ, нравы, обычаи, понятія и чувствованія черни. Но развѣ одна чернь составляетъ народъ? Ничуть не бывало. Какъ голова есть важнѣйшая часть человѣческаго тѣла, такъ среднее и высшее сословіе составляютъ народъ по преимуществу. Знаю, что человѣкъ во всякомъ состояніи есть человѣкъ, что простолюдинъ имѣетъ такія же страсти, умъ и чувство, какъ и вельможа, и посему такъ же какъ и онъ достоинъ поэтическаго анализа; но высшая жизнь народа преимущественно выражается въ его высшихъ слояхъ, или, вѣрнѣе всего, въ цѣлой идеѣ народа. Посему, избравъ предметомъ своихъ вдохновеній одну часть онаго, вы непремѣнно впадаете въ односторонность. Равнымъ образомъ, вы не избѣжите этой крайности и отмежевавъ для своей творческой дѣятельности нашу исторію до Петра Великаго. Высшіе же слои народа у насъ еще не получили опредѣленнаго образа и характера; ихъ жизнь мало представляетъ для поэзіи. Не правда ли, что прекрасная повѣсть Безгласнаго «Княжна Мими» немножко мелка и вяла? Помните ли вы ея эпиграфъ?—«Краски мои блѣдны, сказалъ живописецъ; что-жъ дѣлать? въ нашемъ городѣ нѣтъ лучшихъ!»—Вотъ вамъ самое лучшее оправданіе со стороны поэта, и вмѣстѣ самое лучшее доказательство,

что въ сей повѣсти онъ народенъ въ высочайшей степени. Такъ неужели наша народность въ литературѣ есть мечта? Почти такъ, хотя и несовсѣмъ. Какой главный элементъ нашихъ произведеній, отличающихся народностію? Очерки изъ древне-русской жизни (до Петра Великаго) или простонародной жизни, и отсюда неизбѣжныя поддѣлки подъ тонъ лѣтописей и народныхъ пѣсенъ, или подъ ладъ языка нашихъ простолюдиновъ. Но вѣдь въ этихъ лѣтописяхъ, въ этой жизни давно прошедшей, вѣетъ дыханіе общей человѣческой жизни, являющейся подъ одной изъ тысячи ея формъ; умѣйте же уловить его вашимъ умомъ и чувствомъ, и воспроизвести вашею фантазіею въ своемъ художественномъ созданіи. Въ этомъ вся сила и важность. Но вамъ надо быть геніемъ, чтобы въ вашихъ твореніяхъ трепетала идея русской жизни: это путь самый скользкій. Мы такъ отдѣлены, или, такъ сказать, оторваны эрою Петра Великаго отъ быта нашихъ праотцевъ, что вашему произведенію непремѣнно должно предшествовать глубокое изученіе этого быта. Итакъ, соразмѣряйте ваши силы съ цѣлію и неслишкомъ самонадѣянно пишите: «Русскіе въ такомъ-то» или «въ такомъ-то году». Притомъ, еще надо замѣтить и то, что русская жизнь до Петра Великаго была слишкомъ спокойна и одностороння или, лучше сказать, она проявлялась своимъ, оригинальнымъ образомъ: вамъ легко будетъ оклеветать ее, придерживаясь Вальтеръ-Скотта. Писатель, который на любви оснуетъ планъ своего романа и цѣлію усилій героя поставитъ руку и сердце вѣрной красавицы, покажетъ ясно, что онъ не понимаетъ Руси. Я знаю, что наши бояре лазили чрезъ тыны къ своимъ прелестницамъ, но это было оскорбленіе и искаженіе величавой, чинной и степенной русской жизни, а не проявленіе оной; такихъ рыцарей ночи наказывали ревнивцы плетьми и кольями, а не раздѣлывались съ ними на благородномъ поединкѣ; такія красавицы почитались безпутными бабами, а не жертвами

страсти, достойными состраданія и участія. Наши дѣды занимались любовію съ законнаго дозволенія или мимоходомъ, изъ шалости, и не сердце клали къ ногамъ своихъ очаровательницъ, а показывали имъ заранѣе шелковую плетку и неуклонно слѣдовали мудрому правилу: «люби жену какъ душу, а тряси ее какъ грушу», или «бей ее какъ шубу». Вообще сказать, мы еще и теперь любимъ не совсѣмъ по-рыцарски, а исключенія ничего не доказываютъ.

Что же касается до живаго и сходнаго съ натурою изображенія сценъ простонародной жизни, то неслишкомъ обольщайтесь ими. Мнѣ очень нравится въ «Рославлевѣ» сцена на постояломъ дворѣ, но это потому, что въ ней удачно обрисованъ характеръ одного изъ классовъ нашего народа, характеръ, проявляющійся въ рѣшительную минуту для отечества; пословицы, поговорки и ломаный языкъ, сами по себѣ, не имѣютъ ничего занимательнаго. Изъ всего сказаннаго мною выходитъ, что наша народность покуда состоитъ въ вѣрности изображенія картинъ русской жизни, но не въ особенномъ духѣ и направленіи русской дѣятельности, которые бы проявлялись равно во всѣхъ твореніяхъ, независимо отъ предмета и содержанія оныхъ. Всѣмъ извѣстно, что французскіе классики офранцуживали въ своихъ трагедіяхъ греческихъ и римскихъ героевъ: вотъ истинная народность, всегда вѣрная самой себѣ и въ искаженіи творчества! Она состоитъ въ образѣ мыслей и чувствованій, свойственныхъ тому или другому народу. Я свято вѣрю въ геніальность Гёте, хотя, по незнанію нѣмецкаго языка, чрезвычайно мало знакомъ съ нимъ, но, признаюсь, плохо вѣрю эллинизму его «Ифигеніи»: чѣмъ выше геній, тѣмъ болѣе онъ сынъ своего вѣка и гражданинъ своего міра, и подобныя попытки съ его стороны выразить совершенно чуждую ему народность всегда предполагаютъ поддѣлку болѣе или менѣе неудачную. Итакъ, есть ли у насъ народность литературы въ этомъ смыслѣ? Нѣтъ, да покуда, при

всѣхъ благородныхъ желаніяхъ просвѣщенныхъ патріотовъ, и быть не можетъ. Наше общество еще слишкомъ юно, еще не остановилось, еще не освободилось отъ европейской опеки; его физіономія еще не выяснилась и не выформировалась, «Кавказскаго Плѣнника», «Бахчисарайскій Фонтанъ», «Цыганъ», могъ писать всякій европейскій поэтъ, но «Евгенія Онѣгина» и «Бориса Годунова» могъ написать только поэтъ русскій. Безотносительная народность доступна только для людей, свободныхъ отъ чуждыхъ, иноземныхъ вліяній, и вотъ почему народенъ Державинъ. Итакъ, наша народность состоитъ въ вѣрности изображенія картинъ русской жизни. Посмотримъ, какъ успѣли въ этомъ поэты новаго періода нашей словесности.

Начало этого народнаго направленія въ литературѣ было сдѣлано еще въ пушкинскомъ періодѣ; только тогда оно не такъ рѣзко высказалось. Зачинщикомъ былъ г. Булгаринъ. Но такъ какъ онъ не художникъ, въ чемъ теперь никто уже не сомнѣвается, кромѣ друзей его, то онъ принесъ своими романами пользу не литературѣ, а обществу, то есть каждымъ изъ нихъ доказалъ какую-нибудь практическую житейскую истину, а именно:

I. «Иваномъ Выжигинымъ»: вредъ, причиняемый Россіи заморскими выходцами и пройдохами, предлагающими имъ свои продажныя услуги въ качествѣ гувернеровъ, управителей, а иногда и писателей;

II. «Дмитріемъ Самозванцемъ»: кто мастеръ изображать мелкихъ плутовъ и мошенниковъ, тотъ не берись за изображеніе крупныхъ злодѣевъ;

III. «Петромъ Выжигинымъ»: спустя лѣто, въ лѣсъ по малину не ходятъ; другими словами: куй желѣзо, пока горячо.

Повторяю: Ѳаддей Венедиктовичъ не поэтъ, а философъ практическій, философъ жизни дѣйствительной. Поэтическая сторона его созданій проявляется только въ живомъ

и вѣрномъ изображеніи мошенничествъ и плутней. Долгъ справедливости требуетъ замѣтить, что онъ необыкновеннымъ успѣхомъ своихъ романовъ, то есть ихъ необыкновенно удачнымъ сбытомъ, способствовалъ много къ оживленію нашей литературной дѣятельности и произвелъ безконечное поколѣніе романовъ. Ему же обязана россійская публика и появленіемъ на литературное поприще Александра Анфимовича Орлова.

Народному направленію много способствовалъ г. Погодинъ. Въ 1826 году появилась его маленькая повѣсть «Нищій», а 1829 — «Черная Немочь». Обѣ онѣ замѣчательны по вѣрному изображенію русскихъ простонародныхъ нравовъ, по теплотѣ чувства, по мастерскому разсказу, а послѣдняя и по прекрасной, поэтической идеѣ, лежащей въ основаніи. Еслибъ г. Погодинъ прогрессивно возвышался въ своихъ повѣстяхъ, то русская литература имѣла бы въ немъ такого писателя, которымъ по справедливости могла бы гордиться. Впрочемъ, не одному ему принадлежитъ честь начала народности въ повѣстяхъ: ее раздѣляли съ нимъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, и другіе замѣчательные таланты.

«Юрій Милославскій» былъ первымъ хорошимъ русскимъ романомъ. Не имѣя художественной полноты и цѣлости, онъ отличается необыкновеннымъ искусствомъ въ изображеніи быта нашихъ предковъ, когда этотъ былъ сходенъ съ нынѣшнимъ, и проникнутъ необыкновенною теплотою чувства. Присовокупите къ этому увлекательность разсказа, новость избраннаго поприща, на которомъ онъ не имѣлъ себѣ ни образца, ни предшественника, и вы поймете причину его необычайнаго успѣха. «Рославлевъ» отличается тѣми же красотами и тѣми же недостатками: отсутствіемъ полноты и цѣлости и живыми картинами простонароднаго быта.

«Киргизъ Кайсакъ» г. Ушакова былъ явленіемъ удиви-

тельнымъ и неожиданнымъ: онъ отличался глубокимъ чувствомъ и другими достоинствами истинно-художественнаго произведенія, и между тѣмъ принадлежитъ автору «Кота Бурмосѣка» и длинныхъ и скучныхъ статей о театрѣ, о польской литературѣ, о томъ и о семъ, отличающихся беззубымъ остроуміемъ и забавными претензіями на критическій талантъ и ученость. Что́ же дѣлать? «Киргизъ-Кайсакъ», въ семъ отношеніи, есть не единственное явленіе въ нашей литературѣ; развѣ Аблесимовъ не написалъ, можно сказать, ненарочно, «Мельника», а г. Воейковъ — «Дома сумасшедшихъ»?

Послѣдній періодъ былъ ознаменованъ появленіемъ двухъ новыхъ замѣчательныхъ талантовъ: гг. Вельтмана и Лажечникова.

Г. Вельтманъ пишетъ въ стихахъ и въ прозѣ, и въ обоихъ случаяхъ обнаруживаетъ въ себѣ истинный талантъ. Его поэмы: «Бѣглецъ» и «Муромскіе Лѣса», были анахронизмомъ и потому не имѣли успѣха. Впрочемъ, послѣдняя изъ нихъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, отличается яркими красотами; кто не знаетъ на память пѣсни разбойника: «Что отуманилась зоренька ясная»? «Странникъ», за исключеніемъ излишнихъ претензій, отличается остроуміемъ, которое составляетъ преобладающій элементъ таланта г. Вельтмана. Впрочемъ онъ возвышается у него и до высокаго: «Искендеръ» есть одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ алмазовъ нашей литературы. Самое лучшее произведеніе г. Вельтмана есть «Кощей Безсмертный»: изъ него видно, что онъ глубоко изучилъ старинную Русь въ лѣтописяхъ и сказкахъ, и, какъ поэтъ, понялъ ее своимъ чувствомъ. Это рядъ очаровательныхъ картинъ, на которыя нельзя довольно налюбоваться. Вообще, о г. Вельтманѣ должно сказать, что онъ ужъ черезчуръ много и долго играетъ своимъ талантомъ, въ которомъ никто, кромѣ «Библіотеки для Чтенія», не сомнѣвается. Пора бы ему наиграться, пора подарить

публику такимъ произведеніемъ, какого она въ правѣ ожидать отъ него: у г. Вельтмана такъ много таланта, такъ много остроумія и чувства, такъ много оригинальности и самобытности!

Г. Лажечниковъ не изъ новыхъ писателей: онъ давно уже былъ извѣстенъ своими «Походными записками офицера». Это произведеніе доставило ему литературную извѣстность: но какъ оно было написано подъ карамзинскимъ вліяніемъ, то, несмотря на нѣкоторыя свои достоинства, теперь забыто, да и самъ авторъ называетъ его грѣхомъ своей юности *). Но какъ бы то ни было, а г. Лажечниковъ пользовался по немъ славою литератора, и потому всѣ ожидали его «Новика». Г. Лажечниковъ не только не обманулъ сихъ надеждъ, но даже превзошелъ общее ожиданіе и по справедливости признанъ первымъ русскимъ романистомъ. Въ самомъ дѣлѣ, «Новикъ» есть произведеніе необыкновенное, ознаменованное печатію высокаго таланта. Г. Лажечниковъ обладаетъ всѣми средствами романиста: талантомъ, образованностію, пламеннымъ чувствомъ и опытомъ лѣтъ и жизни. Главный недостатокъ его «Новика» состоитъ въ томъ, что онъ былъ первымъ, въ своемъ родѣ, произведеніемъ автора: отсюда двойственность интереса, мѣстами излишняя говорливость, и слишкомъ замѣтная зависимость отъ вліянія иностранныхъ образцовъ. За то, какое смѣлое и обильное воображеніе, какая вѣрная живопись лицъ и характеровъ, какое разнообразіе картинъ, какая жизнь и движеніе въ разсказѣ! Эпоха, избранная авторомъ, есть самый романическій и драматическій эпизодъ нашей исторіи, и представляетъ самую богатую жатву для поэта. Но,

*) При семъ прошу у почтеннаго автора «Новика» извиненія въ неумышленной винѣ противъ него. Я очень хорошо зналъ, что прекрасная пѣсня «Сладко пѣлъ душа-соловушко!» принадлежитъ ему, ибо имѣлъ честь узнать это отъ самого него; вся вина моя въ томъ, что я не совсѣмъ обстоятельно выразился.

отдавая полную справедливость поэтическому таланту г. Лажечникова, должно замѣтить, что онъ не вполнѣ умѣлъ воспользоваться избранною имъ эпохою, что̀ произошло, кажется, отъ его не совсѣмъ вѣрнаго на нее взгляда. Это особенно доказывается главнымъ лицомъ его романа, которое, по моему мнѣнію, есть самое худшее лицо во всемъ романѣ. Скажите, что̀ въ немъ русскаго, или, по крайней мѣрѣ, индивидуальнаго? Это просто образъ безъ лица, и скорѣе человѣкъ нашего времени, чѣмъ XVII вѣка. Вообще въ «Новикѣ» много героевъ и нѣтъ ни одного главнаго. Виднѣе и занимательнѣе прочихъ Паткуль: онъ нарисованъ во весь ростъ и нарисованъ кистью мастерскою. Но самое интересное, самое любимѣйшее чадо его фантазіи есть, кажется, Швейцарка Роза; это одно изъ такихъ созданій, которымъ позавидовалъ бы и самъ Бальзакъ. Не имѣя ни времени, ни мѣста, я не войду въ полный разборъ «Новика», хотя и много могъ бы сказать о немъ! Заключаю: онъ обнаруживаетъ въ авторѣ высокій талантъ, удерживаетъ за нимъ почетное мѣсто перваго русскаго романиста; его недостатки происходятъ частію оттого, что, какъ мнѣ кажется, авторъ смотрѣлъ не совсѣмъ съ прямой точки на эпоху Петра Великаго, а главное отъ того, что «Новикъ» былъ первымъ его произведеніемъ. Судя по отрывкамъ изъ его новаго романа, можно надѣяться, что онъ будетъ гораздо выше перваго и вполнѣ оправдаетъ ту довѣренность, которую оказываетъ публика къ его таланту.

Теперь мнѣ остается сказать еще объ одномъ весьма примѣчательномъ лицѣ нашей литературы; это авторъ, подписывающійся *Безгласнымъ* и *ъ. ъ. й.* Говорятъ, что это.... Но какое намъ дѣло до имени автора, тѣмъ болѣе, когда онъ самъ не хочетъ выставлять его на показъ? Такъ какъ онъ недавно самъ объявилъ себѣ, что онъ ни А, ни В, ни С, то назову его хотя О. Этотъ О. пишетъ уже давно, но въ послѣднее время его художественная дѣятельность об-

наружилась въ бо̀льшей силѣ. Этотъ писатель еще не оцѣненъ у насъ по достоинству и требуетъ особеннаго разсмотрѣнія, которымъ заняться теперь не позволяютъ мнѣ ни мѣсто, ни время. Во всѣхъ его созданіяхъ видѣнъ талантъ могущественный и энергическій, чувство глубокое и страдательное, оригинальность совершенная, знаніе человѣческаго сердца, знаніе общества, высокое образованіе и наблюдательный умъ. Я сказалъ: знаніе общества, прибавлю еще — въ особенности высшаго, и сдается мнѣ, въ этомъ случаѣ онъ предатель... О, это страшный и мстительный художникъ! Какъ глубоко и вѣрно измѣрилъ онъ неизмѣримую пустоту и ничтожество того класса людей, который преслѣдуетъ съ такимъ ожесточеніемъ и такимъ неослабнымъ постоянствомъ! Онъ ругается ихъ ничтожествомъ; онъ клеймитъ ихъ печатію позора; онъ бичуетъ ихъ, какъ Немезида; онъ казнитъ ихъ за то, что они потеряли образъ и подобіе Божіе, за то, что промѣняли святыя сокровища души своей на позлащенную грязь, за то, что отреклись отъ Бога живаго и поклонились идолу суетъ, за то, что умъ, чувства, совѣсть, честь замѣнили условными приличіями! Онъ... но что̀ вамъ много говорить о немъ? Если вы поймете мое энтузіастическое къ нему удивленіе, то лучше поймете и оцѣните художника; въ противномъ же случаѣ, не хочу терять словъ понапрасну... Вѣдь вы вѣрно читали его «Балъ», его «Бригадира», его «Насмѣшку Мертваго», его «Какъ опасно дѣвушкамъ ходить по Невскому Проспекту»?...

Г. Гоголь, такъ мило прикинувшійся пасичникомъ, принадлежитъ къ числу необыкновенныхъ талантовъ. Кому неизвѣстны его «Вечера на хуторѣ близь Диканьки»? Сколько въ нихъ остроумія, веселости, поэзіи и народности! Дай Богъ, чтобы онъ вполнѣ оправдалъ поданныя имъ о себѣ надежды!...

Говорить ли мнѣ о прочихъ нашихъ романистахъ и ска-

зочникахъ: гг. Масальскомъ, Калашниковѣ, Гречѣ, и др.? Всѣ они считаются у насъ почти геніями! и куда тягаться съ ними г. О., о которомъ я только что говорилъ выше! Благоговѣю, дивлюсь и умолкаю, ибо чувствую, что не въ силахъ достойно восхвалить ихъ.

Итакъ, я насчиталъ четыре періода нашей словесности: ломоносовскій, карамзинскій, пушкинскій и прозаическо-народный; остается упомянуть еще о пятомъ, который начался съ появленія на свѣтъ первой части «Новоселья» и который можно и должно назвать смирдинскимъ. Да, милостивые государи, я совсѣмъ не шучу, и повторяю, что этотъ періодъ словесности непремѣнно должно назвать смирдинскимъ: ибо А. Ф. Смирдинъ является главою и распорядителемъ сего періода. Все отъ него и все къ нему: онъ одобряетъ и ободряетъ юные и дряхлые таланты очаровательнымъ звономъ ходячей монеты; онъ даетъ направленіе и указываетъ путь этимъ геніямъ и полу-геніямъ, не даетъ имъ лѣниться, словомъ производитъ въ нашей литературѣ жизнь и дѣятельность. Вы помните, какъ почтеннѣйшій А. Ф. Смирдинъ, движимый чувствомъ общаго блага, со всею откровенностью благороднаго сердца, объявилъ, что наши журналисты потому не имѣли успѣха, что надѣялись на свои познанія, таланты и дѣятельность, а не на живой капиталъ, который есть душа литературы: вы помните, какъ онъ кликнулъ кличъ по нашимъ геніямъ, кликнулъ да денежкой брякнулъ, и объявилъ таксу на всѣ роды литературнаго производства; и какъ вербовались наши производители толпами въ его компаніи; вы помните, какъ великодушно и усердно взялъ онъ на откупъ всю нашу словесность и всю литературную дѣятельность ея представителей! Вспомоществуемый геніями гг. Греча, Сенковскаго, Булгарина, Барона Брамбеуса и прочихъ членовъ знаменитой компаніи, онъ сосредоточилъ всю нашу литературу въ своемъ массивномъ журналѣ. И что же вышло изъ этого великаго патріотическо-торговаго пред-

пріятія? Есть люди, которые утверждаютъ, что будто г. Смирдинъ убилъ нашу литературу, соблазнивъ барышами ея талантливыхъ представителей. Нужно ли доказывать, что эти люди злопамѣренные и враждебные всякому безкорыстному предпріятію, имѣющему цѣлію оживленіе какой бы то ни было вѣтви народной промышленности? Я не принадлежу къ такимъ людямъ, и отъ души радуюсь, напр. «Энциклопедическому Лексикону», хотя и знаю, что въ составленіи онаго участвуютъ гг. Гречъ, Булгаринъ и др., хотя и читалъ послужной списокъ Ломоносова, выдаваемый за біографію сего великаго мужа. Я имѣю удивительную способность видѣть во всемъ одну хорошую сторону, не замѣчая дурныхъ, и на что бы ни смотрѣлъ, всегда повторяю мой любимый стихъ:

И все то благо, все добро!

ибо я убѣжденъ сердечно и душевно, вѣрю свято и непоколебимо вопреки г. профессору Сенковскому, что родъ человѣческій, по волѣ бдящей надъ нимъ любви Божіей, идетъ къ своему совершенству, и что не остановить его на семъ пути ни фанатизму, ни невѣжеству, ни злобѣ, ни Барону Брамбеусу; ибо таковые остановители добра суть истинные его двигатели. Уничтожьте зло, вы уничтожите и добро, ибо безъ борьбы нѣтъ заслуги. Итакъ, я смотрю на «Библіотеку для Чтенія» совсѣмъ съ другой точки зрѣнія: она ни на волосъ не возвысила нашей литературы, но и не уронила ея ни на волосъ. Творить все изъ ничего можетъ одинъ только Богъ, а не «Библіотека для Чтенія»; оживлять можно умирающаго, а не несуществующаго. Нельзя создать деньгами таланта, и нельзя убить его ими. Гдѣ бы ни написали, въ какомъ бы журналѣ ни помѣщали своихъ издѣлій, и сколько бы ни получали за нихъ гг. Гречъ, Булгаринъ, Масальскій, Калашниковъ, Воейковъ, они всегда и вездѣ останутся тѣми же; но г. О. не измѣнитъ себѣ ни въ «Ново-

сельѣ», ни въ «Библіотекѣ для Чтенія». Итакъ, по моему мнѣнію, «Библіотека для Чтенія» показала практически, a po teriori, и слѣдовательно несомнѣнно, что у насъ нѣтъ литературы: ибо, имѣя всѣ средства, она ни въ чемъ не успѣла. Это не ея вина, ибо

Какъ можно, чтобы мерзлый паръ
Среди зимы раждалъ пожаръ?

Горе тому художнику, который пишетъ изъ денегъ, а не изъ безотчетной потребности писать! Но когда онъ вывелъ изъ міра души своей этотъ безплотный идеалъ, который томилъ и мучилъ его, когда вдоволь налюбовался и насладился своимъ твореніемъ, то почему не продать ему его?

Не продается сочиненье,
Но можно рукопись продать.

Другое дѣло картина: продавши ее, художникъ разстается съ своимъ созданіемъ, лишается любимаго чада своей фантазіи; но словесное произведеніе, благодаря остроумному изобрѣтенію Гуттенберга, всегда при немъ: почему же дарами природы не вознаградить несправедливости фортуны? Развѣ не деньгами англійскіе и французскіе журналы достигли той высокой степени совершенства, на которой мы теперь видимъ ихъ? Итакъ, «Библіотека для Чтенія» виновата не въ томъ, что дорого платитъ россійскимъ авторамъ, а въ томъ, что надѣялась, разумѣется для благосостоянія собственнаго своего кармана, надѣлать талантовъ посредствомъ денегъ. Одна изъ главныхъ обязанностей русскаго журнала есть знакомить русскую публику съ европейскимъ просвѣщеніемъ. Какъ же знакомитъ съ нимъ насъ «Библіотека для Чтенія»? Она укорачиваетъ, обрубаетъ, вытягиваетъ и передѣлываетъ на свой манеръ переводимыя ею изъ иностранныхъ журналовъ статьи, и еще хвалится тѣмъ, что сообщаетъ имъ особеннаго рода, ей собственно принадлежащую, занимательность. Ей и на умъ не приходитъ, что

публика хочетъ знать, какъ думаютъ о томъ или другомъ въ Европѣ, а отнюдь не то, какъ думаетъ о томъ или другомъ «Библіотека для Чтенія». И потому переводныя статьи въ «Библіотекѣ для Чтенія» не имѣютъ никакой цѣны. Какія, напримѣръ, повѣсти переводитъ она? Издѣлія г-жъ Мидфордъ и другихъ, пишущихъ въ родѣ покойника Дюкре-дю-Мениля и Августа Лафонтена съ братіею. Теперь, какова ея критика? Вамъ вѣрно извѣстны ея отзывы о сочиненіяхъ гг. Булгарина, Греча, Калашникова, и гг. Хомякова, Вельтмана, Теплякова и др. При разборѣ «Черной Женщины», критикъ «Библіотеки» изложилъ всю систему анатоміи, физіологіи, электричества и магнетизма, о коихъ и помину нѣтъ въ упомянутомъ романѣ: признаюсь — чудесная критика!

Какіе же геніи смирдинскаго періода словесности? Это гг. Баронъ Брамбеусъ, Гречъ, Кукольникъ, Воейковъ, Калашниковъ, Масальскій, Ершовъ и мн. др. Что сказать о нихъ? Удивляюсь, благоговѣю — и безмолвствую! Замѣчу о первомъ только то, что послѣ извѣстной статьи въ «Телескопѣ»: «Здравый смыслъ и Баронъ Брамбеусъ», почтенный баронъ сначала пріумолкъ, а потомъ пустился въ нравственность на манеръ г. Булгарина, и изъ подражателя «Юной Словесности» учинился подражателемъ автора «Выжигиныхъ». Баронъ Брамбеусъ есть мизантропъ, сирѣчь, человѣконенавистникъ: смѣсь Руссо съ Поль-де-Кокомъ и г. Булгаринымъ; онъ смѣется и издѣвается надъ всѣмъ, и гонитъ особенно просвѣщеніе. Человѣконенавистники бываютъ двухъ родовъ: одни ненавидятъ человѣчество, потому что слишкомъ любятъ его; другіе потому, что, чувствуя свое ничтожество, какъ бы въ отмщеніе за себя изливаютъ свою желчь на все, что сколько-нибудь выше ихъ... Безъ всякаго сомнѣнія, Баронъ Брамбеусъ принадлежитъ къ первому роду человѣконенавистниковъ.

Послѣдній, то-есть **1834** годъ былъ ознаменованъ только появленіемъ двухъ романовъ г. Вельтмана и «Дмитріемъ Са-

мозванцемъ» г. Хомякова: все остальное не стоитъ и упоминовенія. Г. Хомяковъ принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ талантовъ пушкинскаго періода. Впрочемъ его драма есть замѣчательный шагъ впередъ для автора, а не для русской литературы. Отличаясь многими лирическими красотами высокаго достоинства, она очень мало имѣетъ драматизма.

Итакъ, вотъ я разсказалъ вамъ всю исторію нашей литературы, перечелъ всѣ ея знаменитости, отъ Ломоносова, перваго ея генія, до г. Кукольника, послѣдняго ея генія. Я началъ мою статью съ того, что у насъ нѣтъ литературы: не знаю убѣдило ли васъ въ этой истинѣ мое обозрѣніе; только знаю, что если нѣтъ, то въ томъ виновато мое неумѣнье, а отнюдь не то, чтобы доказываемое мною положеніе было ложно. Въ самомъ дѣлѣ, Державинъ, Пушкинъ, Крыловъ и Грибоѣдовъ — вотъ всѣ ея представители; другихъ покуда нѣтъ и не ищите ихъ. Но могутъ ли составить цѣлую литературу четыре человѣка, являвшіеся не въ одно время? И притомъ, развѣ они были не случайными явленіями? Посмотрите на исторію иностранныхъ литературъ. Во Франціи вскорѣ послѣ Корнеля явились Расинъ, Мольеръ, Лафонтенъ и многіе другіе; потомъ, въ эпоху Вольтера сколько было знаменитостей литературныхъ! Теперь: Гюго, Ламартинъ, Делавинъ, Барбье, Бальзакъ, Дюма, Жанень, Евгеній-Сю, Жакобъ-Библіофилъ, и столько другихъ. Въ Германіи: Лессингъ, Клопштокъ, Гердеръ, Шиллеръ, Гёте, были современниками. Въ Англіи, въ послѣднее время, Байронъ, Вальтеръ-Скоттъ, Томасъ-Муръ, Кольриджъ, Сутей, Вордствортъ, и столько другихъ, явились почти въ одно время. Такъ ли у насъ? Увы!.. «Библіотека для Чтенія» доказала великую и плачевную истину. Кромѣ двухъ или трехъ статей г. О., что̀ вы прочли въ ней заслуживающаго

хотя какое-нибудь вниманіе? Ровно ничего. Итакъ, соединенные труды всѣхъ нашихъ литераторовъ не произвели ничего выше золотой посредственности! Гдѣ же, спрашиваю васъ, литература? У насъ было много талантовъ и талантиковъ, но мало, слишкомъ мало, художниковъ по призванію, то есть такихъ людей, для которыхъ писать и жить, жить и писать, одно и тоже, которые уничтожаются внѣ искусства, которымъ не нужно протекцій, не нужно меценатовъ, или, лучше сказать, которые гибнутъ отъ меценатовъ, которыхъ не убиваютъ ни деньги, ни отличія, ни несправедливости, которые до послѣдняго вздоха остаются вѣрными своему святому призванію. У насъ была эпоха схоластицизма, была эпоха плаксивости, была эпоха стихотворства, эпоха романовъ и повѣстей, наступила эпоха драмы; но еще не было эпохи искусства, эпохи литературы. Стихотворство наше кончилось; мода на романы видимо проходитъ; теперь терзаемъ драму. И все это безъ причины, все это изъ подражательности; когда же наступитъ у насъ истинная эпоха искусства?

Она наступитъ, будьте въ томъ увѣрены! Но для этого надо сперва, чтобы у насъ образовалось общество, въ которомъ бы выразилась физіономія могучаго русскаго народа, надобно, чтобы у насъ было просвѣщеніе, созданное нашими трудами, возращенное на родной почвѣ. У насъ нѣтъ литературы: я повторяю это съ восторгомъ, съ наслажденіемъ, ибо въ сей истинѣ вижу залогъ нашихъ будущихъ успѣховъ. Присмотритесь хорошенько къ ходу нашего общества, и вы согласитесь, что я правъ. Посмотрите, какъ новое поколѣніе, разочаровавшись въ геніяльности и безсмертіи нашихъ литературныхъ произведеній, вмѣсто того, чтобы выдавать въ свѣтъ недозрѣлыя творенія, съ жадностію предается изученію наукъ и черпаетъ живую воду просвѣщенія въ самомъ источникѣ. Вѣкъ ребячества проходитъ видимо. И дай Богъ, чтобы онъ прошелъ скорѣе! Но

еще болѣе, дай Богъ, чтобы поскорѣе всѣ разувѣрились въ нашемъ литературномъ богатствѣ! Благородная нищета лучше мечтательнаго богатства! Придетъ время — просвѣщеніе разольется въ Россіи широкимъ потокомъ, умственная физіономія народа выяснится, и тогда наши художники и писатели будутъ на всѣ свои произведенія налагать печать русскаго духа. Но теперь намъ нужно ученье! ученье! ученье! Скажите, Бога ради, можетъ ли въ наше время обратить на себя вниманіе какой-нибудь недоучившійся мальчикъ, хотя бы онъ былъ надѣленъ отъ природы и умомъ, и чувствомъ и талантомъ? Этотъ вѣчный старецъ Гомеръ, если онъ точно существовалъ на свѣтѣ, конечно не учился ни въ Академіи, ни въ Портикѣ; но это потому, что тогда ихъ и не было; это потому, что тогда учились изъ великой книги природы и жизни; а Гомеръ, если вѣрить преданіямъ, ревностно изучалъ природу и жизнь, обошелъ почти весь извѣстный тогда свѣтъ, и сосредоточилъ въ лицѣ своемъ всю современную мудрость. Гёте, вотъ Гомеръ, вотъ прототипъ поэта нынѣшняго времени!

Итакъ намъ нужна не литература, которая безъ всякихъ съ нашей стороны усилій явится въ свое время, а просвѣщеніе! И это просвѣщеніе не закоснитъ, благодаря неусыпнымъ попеченіямъ мудраго правительства. Русскій народъ смышленъ и понятливъ, усерденъ и горячъ ко всему благому и прекрасному, когда рука царя-отца указываетъ ему на цѣль, когда его державный голосъ призываетъ его къ ней? И намъ ли не достигнуть этой цѣли, когда правительство являетъ собою такой единственный, такой безпримѣрный образецъ попечительности о распространеніи просвѣщенія, когда оно издерживаетъ такія громадныя суммы на содержаніе учебныхъ заведеній, ободряетъ блестящими наградами труды учащихъ и учащихся, открывая образованному уму и таланту путь къ достиженію всѣхъ отличій и выгодъ? Проходитъ ли хотя одинъ годъ безъ того, чтобы

со стороны неусыпнаго правительства не было совершено новыхъ подвиговъ во благо просвѣщенія, или новыхъ благодѣяній, новыхъ щедротъ въ пользу ученаго сословія? Одно учрежденіе сословія домашнихъ наставниковъ и учителей должно повлечь за собой неисчислимыя блага для Россіи, ибо избавляетъ ее отъ вредныхъ слѣдствій иноземнаго воспитанія. Да! у насъ скоро будетъ свое русское, народное просвѣщеніе; мы скоро докажемъ, что не имѣемъ нужды въ чуждой умственной опекѣ. Намъ легко это сдѣлать, когда знаменитые сановники, сподвижники царя на трудномъ поприщѣ народоправленія, являются посреди любознательнаго юношества въ центральномъ храмѣ русскаго просвѣщенія возвѣщать ему священную волю монарха, указывать путь къ просвѣщенію въ духѣ «православія, самодержавія и народности»...

Наше общество также близко къ своему окончательному образованію. Благородное дворянство наконецъ вполнѣ увѣрилось въ необходимости давать своимъ дѣтямъ образованіе прочное, основательное, въ духѣ вѣры, вѣрности и національности. Наши молодчики, наши денди, не имѣющіе никакихъ познаній, кромѣ навыка легко болтать всякой вздоръ по-французски, становятся смѣшными и жалкими анахронизмами. Съ другой стороны, не видите ли вы, какъ, въ свою очередь, быстро образуется купеческое сословіе и сближается въ семъ отношеніи съ высшимъ? О, повѣрьте, не напрасно держались они такъ крѣпко за свои почтенныя, окладистыя бороды, за свои долгополые кафтаны и за обычаи праотцевъ! Въ нихъ наиболѣе сохранилась русская физіономія, и, принявши просвѣщеніе, они не утратятъ ея, сдѣлаются типомъ народности. Равно взгляните, какое дѣятельное участіе начинаетъ принимать въ святомъ дѣлѣ отечественнаго просвѣщенія и наше духовенство... Да, въ настоящемъ времени зрѣютъ сѣмена для будущаго! И они взойдутъ и разцвѣтутъ, разцвѣтутъ пышно и великолѣпно,

по гласу чадолюбивыхъ монарховъ! И тогда будемъ мы имѣть свою литературу, явимся не подражателями, а соперниками Европейцевъ....

И вотъ я не только у берега, а уже на самомъ берегѣ, и стоя на немъ, съ гордостію и удовольствіемъ, озираю пройденное мною пространство. Нечего сказать, не близкій путь! За то ужъ какъ и усталъ, какъ утомился! Дѣло непривычное, а дорога трудная. Но, любезный читатель, прежде, нежели я совсѣмъ раскланяюсь съ вами, хочу сказать вамъ еще словечка два. Кто берется судить о другихъ, тотъ подвергаетъ и самого себя еще строжайшему суду. Къ тому же авторское самолюбіе щекотливѣе и мстительнѣе всѣхъ другихъ родовъ самолюбія. Начавъ писать эту статью, я имѣлъ въ предметѣ позубоскалить надъ современною нашею литературою, и самъ не знаю, какъ зашелъ въ такую даль. Началъ за здравіе, а свелъ за упокой. Это нерѣдко случается въ дѣлахъ жизни. Итакъ, признаюсь откровенно, не ищите въ моей «Элегіи въ прозѣ» строгаго логическаго порядка. Элегисты никогда не отличались большою правильностью мышленія. Я имѣлъ цѣлію высказать нѣсколько истинъ частію уже сказанныхъ, частію мною самимъ замѣченныхъ; но не имѣлъ времени хорошенько обдумать и обработать свою статью; у меня есть любовь къ истинѣ и желаніе общаго блага, но, можетъ-быть, нѣтъ основательныхъ познаній. Что-жъ дѣлать? Эти два качества рѣдко сходятся въ одномъ лицѣ. Впрочемъ, я не говорилъ ни слова о томъ, что было выше моего понятія, и поэтому не коснулся до нашей ученой литературы. Думаю и вѣрю, что для споспѣшествованія успѣхамъ наукъ и словесности всякій можетъ смѣло и откровенно высказать свои мнѣнія, тѣмъ болѣе, если онѣ, справедливыя или ложныя, суть слѣдствіе его убѣжденія, а не какихъ-нибудь корыстныхъ видовъ. Итакъ,

если найдете, что я ошибался, то выскажите печатно ваше мнѣніе! и уличите меня въ ложномъ взглядѣ на вещи; я прошу этого, какъ доказательства вашей любви къ истинѣ, и уваженія лично ко мнѣ, какъ къ человѣку; но не сердитесь на меня, если думаете не такъ. За симъ, любезный читатель, поздравляю васъ съ новымъ годомъ и съ новымъ счастіемъ... Простите?

Чембаръ.
1834, декабря 12 дня.

II

БИБЛІОГРАФІЯ.

НОЧЬ НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО. *Русская повѣсть девятнадцатаго столѣтія (?!!). Соч. Актера Императорскихъ Московскихъ Театровъ К. Баранова. Москва, 1834.*

Еще новый романъ, и въ добавокъ романъ девятнадцатаго столѣтія! Еще новый романистъ, новый рыцарь, выѣзжающій на литературное поприще съ бѣлымъ щитомъ. Soyez bien venu beau chevalier! Ну, какъ не скажешь съ остроумнымъ Марлинскимъ, что «по сочинителей у насъ не кличъ кликать: стоитъ крякнуть да денежкой брякнуть, такъ налетитъ ихъ полторы тьмы съ потемками»? Каковъ же этотъ романъ, что̀ пріобрѣла въ немъ наша литература? спросятъ насъ читатели, еще не успѣвшіе насладиться симъ новымъ произведеніемъ, не трудно отвѣчать на вопросъ: двухъ словъ было бы слишкомъ достаточно для этого. Но мы хотимъ сказать кое-что побольше, сколько потому, что появленіе этого романа, прочитаннаго нами по обязанности, пробудило въ насъ съ новою силою давно уснувшія мысли и чувствованія, столько и потому, что мы часто слышимъ жалобы читателей на бѣдность библіографическаго отдѣленія въ «Молвѣ».

Сколько говорили уже, что въ литературномъ отношеніи нашъ вѣкъ есть вѣкъ романа, ибо-де всѣ пишутъ романы и всѣ читаютъ романы. Это однако, по зрѣломъ размышленіи, оказывается справедливымъ только отчасти. Правда,

нынѣ гораздо болѣе пишется романовъ, чѣмъ прежде; но это отнюдь не мѣшаетъ процвѣтать драмѣ и даже лирѣ. Посмотрите, напримѣръ, на французскую литературу: Гюго—романъ, драма и лира; Дюма—романъ и драма; Делавинь—драма и лира; Альфредъ де-Виньи—романъ и лира; Ламартинъ и Барбье—лира, и пр. и пр. Отчего же у насъ, за исключеніемъ нашего Шекспира—Байрона—Кукольника, все романъ да романъ?

Что такое подражаніе? Геній создаетъ оригинально, самобытно, т.-е. воспроизводитъ явленія жизни въ образахъ новыхъ, никому недоступныхъ и никѣмъ не подозрѣваемыхъ: талантъ читаетъ его произведенія, упояется, проникается ими, живетъ въ нихъ; эти образы преслѣдуютъ его, не даютъ ему покоя, и вотъ онъ берется за перо, и вотъ его твореніе болѣе или менѣе дѣлается отголоскомъ творенія генія, носитъ на себѣ явные слѣды его вліянія, хотя и не лишено собственныхъ красотъ. Но въ семъ случаѣ талантъ не хотѣлъ и не думалъ подражать, онъ только заплатилъ невольную дань удивленія и восторга генію, онъ только былъ увлеченъ тяготѣніемъ его силы, какъ увлекается спутникъ тяготѣніемъ планетъ. Сколько твореній, прекрасныхъ и плохихъ, произвели на свѣтъ «Разбойники» Шиллера, между тѣмъ какъ самъ великій ихъ творецъ признавалъ надъ собою могущество другаго болѣе великаго творца! Сколько поэмъ родили поэмы Байрона! Подражатели такого рода по бо̀льшей части бываютъ вмѣстѣ и творцами и, въ свою очередь, увлекаютъ за собою таланты, которые ниже ихъ. Но есть еще особеннаго рода подражатели. Эти берутъ за образецъ какое-нибудь сочиненіе, хорошее или дурное, напримѣръ, хоть какой-нибудь забытый романъ въ родѣ «Бѣднаго Егора», и, не сводя съ него глазъ, слѣдя за нимъ шагъ за шагомъ, силятся слѣпить что нибудь подобное. Прямые литературные горе-богатыри, безталанные, не понимающіе значенія великаго слова искусство! Ихъ по-

бужденіемъ иногда бываетъ несчастная манія къ авторству, дѣтское честолюбіе—въ такомъ случаѣ они только смѣшны и жалки; но чаще всего корысть—въ такомъ случаѣ они достойны презрѣнія, ибо унижаютъ искусство, унижаютъ достоинство человѣка. Не имѣя ни чувства, ни ума, ни познаній, ни образованности, ни воображенія, ни таланта, они доказываютъ въ своемъ романѣ, что должно любить ближняго, уповать на Бога и быть благочестивымъ, что воровство, пьянство, лихоимство, невѣжество не похвальны—это для нравственности; выводятъ, сколько возможно, въ смѣшномъ и преувеличенномъ видѣ сутягу-подъячаго, вора-управителя, пьяницу-квартальнаго, дурака-помѣщика—это для сатиры; намараютъ грязною мазилкой своей дубовой фантазіи нѣсколько лубочныхъ картинокъ мѣщанскаго, купеческаго, дворянскаго быта—это для правоописанія; ввернутъ въ свое твореніе нѣсколько мужицкихъ словъ, лакейскихъ поговорокъ, мѣщанскихъ остротъ—это для народности... и вотъ вамъ нравственно-сатирическій и народный романъ девятнадцатаго вѣка!.. Чего же вамъ больше? Вы говорите, что эти лица «образы безъ лицъ»? Не правда: ихъ характеры написаны у нихъ на лбу: Зарѣзины, Ворователины, Ножовы, Обдуваловы, Живодеровы, Скупаловы, Пьянюгины, Правдолюбины, Кривдины, Влюблинскіе, Добродѣевы, Свѣтинскіе, Бурлиловы—не правда ли, что все очень ясно?

Не говорите о Вальтеръ Скоттѣ, Куперѣ и проч., не толкуйте о классицизмѣ и романтизмѣ, о восьмнадцатомъ и девятнадцатомъ вѣкѣ: скажите, что «Иванъ Выжигинъ» раскупился, и вы будете знать, почему у насъ такъ много пишутъ романовъ.

Не смѣемъ утверждать, чтобы авторъ «Ночи на Рождество Христово» принадлежалъ къ числу подражателей послѣдняго рода: намъ пріятнѣе думать, что это человѣкъ просто обманывающійся насчетъ своего призванія. Это тѣмъ естественнѣе, что найдется еще много читателей, которые

поддержать его въ подобномъ заблужденіи. Въ такомъ случаѣ, намъ кажется страннымъ, какъ можно не понимать того, что творчество есть удѣлъ не многихъ избранныхъ, а не всякаго, кто только умѣетъ читать и писать; что тотъ еще не поэтъ, кто съумѣетъ слѣпить кое-какую сказку съ аллегорическими лицами, представляющими порокъ и добродѣтель; какъ можно не знать, что во времена оны много безталанныхъ людей подлаживали подъ тонъ Державина и пѣли оды, въ которыхъ было пропасть трескотни и шуму, но ни капли поэзіи; что въ наше время едва ли найдется такой человѣкъ, который, совершенно не бывши поэтомъ, не могъ бы написать стишковъ, по гладкости и гармоніи языка не уступающихъ стихамъ Пушкина; не понимаемъ, какъ можно такъ смѣло и безбоязненно отдавать свое имя на позоръ, тѣмъ болѣе, если то имя есть имя честнаго артиста, честнаго чиновника, или честнаго гражданина; не понимаемъ, какъ можно... Но мы предоставляемъ самимъ читателямъ докончить наши нескромные вопросы...

ГРАММАТИКА ЯЗЫКА РУССКАГО. *Часть I. Познаніе словъ. Сочиненіе Калайдовича (Ивана Θедоровича). Москва. 1834.*

— Слышали вы новость; говорятъ, грамматика Калайдовича поступила въ печать и скоро выйдетъ въ свѣтъ?— «Въ самомъ дѣлѣ?»—Право!—«Знаете ли вы новость: вѣдь грамматика Калайдовича уже вышла!»—Нѣтъ?—«Я сейчасъ видѣлъ ее своими глазами».—Ну что же, какова?—«Да еще не знаю, я только мелькомъ заглянулъ кой куда».—Надобно думать, что очень хороша: отъ Калайдовича больше чѣмъ отъ кого-нибудь другаго можно ожидать дѣльной грамматики; кому не извѣстны его глубокія и обширныя позна-

нія по этой части?—«Да, правда ваша, надо поскорѣе прочесть: вѣдь это любопытно».

Вотъ что̀, или почти вотъ что̀ еще недавно слышно было въ Москвѣ со всѣхъ сторонъ. Судя по такимъ возгласамъ, можно подумать, что въ нашей ученой литературѣ воспослѣдовало событіе, долженствующее отмѣтить собою новую эру оной. Въ добрый часъ молвить, въ худой помолчать—дай Богъ не разочароваться. Но отчего же съ такимъ нетерпѣніемъ всѣ ожидали, всѣ надѣялись отъ него?—вотъ вопросъ, котораго рѣшеніе было бы очень любопытно. Или и въ самомъ дѣлѣ это давно обѣщанное сочиненіе г. Калайдовича должно разсѣчь всѣ Гордіевы узлы нашей мудреной грамматики, должно рѣшить всѣ темные вопросы нашего упрямаго и еще не установившагося языка, должно, наконецъ, разсѣять всѣ недоумѣнія и сомнѣнія нашихъ записныхъ грамотѣевъ?.. Гдѣ труды г. Калайдовича, которые могли бы подать такія лестныя надежды и обезпечить исполненіе столь высокой миссіи, возложенной на него общественнымъ мнѣніемъ?.. Какіе его подвиги и заслуги на избранномъ имъ поприщѣ, которые бы оправдывали подобную довѣренность публики къ его силамъ?.. Неужели его критическіе разборы пріятельскихъ грамматикъ, разборы, правда, не безъ достоинства, но всетаки и не Богъ знаетъ что̀ такое?.. Вотъ вопросы, которые вырвались у меня тотчасъ по прочтеніи сего новаго творенія и которые прежде сего не приходили мнѣ въ голову, ибо, признаюсь, я самъ принадлежалъ доселѣ къ числу людей, много, слишкомъ много ожидавшихъ отъ г. Калайдовича. Странное дѣло!...

Теперь мнѣ предстоитъ прекрасный случай распространиться о средствахъ, коими въ нашей литературѣ пріобрѣгаются иногда самые дорогіе авторитеты за самые дешевыя заслуги. Хотите ли знать это? Не хотите ли сами составить себѣ литературную извѣстность самымъ легкимъ способомъ? Извольте, я со всею охотою поучу васъ. Вотъ видите

ли: если вы хотите прослыть, напримѣръ, за великаго писателя, подобно Барону Брамбеусу, то попросите кого-нибудь изъ вашихъ пріятелей написать письмо въ Лондонъ или Берлинъ о русской литературѣ и назвать васъ геніемъ первой величины; потомъ помѣстите это письмо въ журналѣ, котораго вы издатель или редакторъ, или который вамъ съ руки: это пойдетъ какъ нельзя лучше, только не лѣнитесь писать какъ можно смѣлѣе, рѣзче, бойче и нелѣпѣе. Если же вы хотите купить себѣ въ долгъ славу ученаго, напримѣръ великаго филолога и знатока отечественнаго слова, то всего лучше поступить вотъ какимъ образомъ: выходитъ грамматика г. NN, вы напишите на нее нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній, скажите, что г. NN напрасно помѣстилъ средній родъ выше женскаго, ибо-де это означаетъ неуваженіе къ прекрасному полу, потомъ скажите въ заключеніи, что вамъ бы очень было пріятно еслибы г. NN разобралъ вашу грамматику, которую вы составляете уже нѣсколько лѣтъ,— съ такимъ же безпристрастіемъ, съ какимъ вы разобрали грамматику его, г. NN. Поступайте точно такимъ же образомъ при выходѣ всѣхъ книгъ, относящихся къ сему предмету, и вашъ успѣхъ несомнителенъ. Люди странныя созданія: они всегда вѣрятъ тѣмъ, кои сами себя называютъ геніями, ибо подобную Бюфоновскую откровенность считаютъ благороднымъ сознаніемъ истиннаго таланта. Только, смотрите, не слишкомъ торопитесь изданіемъ вашей грамматики, если вы уже не шутя вздумаете написать ее; а всего лучше совсѣмъ не издавайте: въ такомъ случаѣ авторитетъ вашъ вѣрнѣе и надежнѣе... Но я заговорился... извините. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему распространяться о такомъ предметѣ, который, во-первыхъ, не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ г. Калайдовичу и его «Грамматикѣ», а во-вторыхъ, можетъ показаться щекотливымъ для самолюбія многихъ нашихъ доморощенныхъ геніевъ, любящихъ дѣлать примѣненія? Скажу только, что на этотъ предметъ можно

бы написать прекурьёзную и презанимательную журнальную статейку съ эпиграфомъ: «не родись ни уменъ, ни пригожъ— родись счастливъ».

Признаюсь, не безъ трепета приступаю къ разбору «Грамматики» г. Калайдовича. Она еще до своего появленія и даже, можетъ быть, до своего рожденія, успѣла пріобрѣсти себѣ такую громкую славу; общій голосъ ставитъ ея автора въ числѣ литераторовъ ученыхъ, опытныхъ и коротко знающихъ свое дѣло, я же не больше, какъ безвѣстный юноша, еще ничѣмъ не пріобрѣтшій права голоса на литературномъ сеймѣ, еще не сочинившій ни одной афиши, не издавшій ни одной программы, не объявившій ни одной подписки и даже не обѣщавшій ни одною строчкою никакого творенія: очевидное неравенство! Прибавьте къ сему, что у насъ еще и по сію пору такъ сильно вліяніе авторитетовъ, еще такъ могущественно очарованіе именъ; что у насъ еще весьма не многіе осмѣливаются произнести свое сужденіе о стихотвореніи, журнальной статьѣ или книгѣ, не посмотрѣвши сперва на подпись, или не справившись въ «Сѣверной Пчелѣ»—этомъ литературномъ аукціонѣ—каково «сходитъ съ рукъ» то или другое сочиненіе, т. е. сколько экземпляровъ онаго разошлось въ продолженіе того или другаго времени; сообразите все это—и вы признаетесь, что тутъ хоть у кого такъ опустятся руки. Но какъ бы то ни было, а я рѣшаюсь на этотъ отчаянный подвигъ и, прикрываясь мудрымъ правиломъ нашихъ предковъ: «страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ», приступаю къ дѣлу.

Учебныя книги бываютъ двухъ родовъ. Однѣ изъ нихъ пишутся для первоначальнаго обученія; главное ихъ достоинство должно состоять въ простомъ и ясномъ изложеніи предмета и искусномъ приноровленіи онаго къ дѣтскимъ понятіямъ. Другія же пишутся для людей взрослыхъ, мыслящихъ и, кромѣ ясности въ изложеніи, требуютъ новаго взгляда или на цѣлый предметъ, или хотя на нѣкоторыя

части онаго, или по крайней мѣрѣ, представленія онаго въ его современномъ состояніи.

Къ которому изъ сихъ двухъ родовъ относится «Грамматика» г. Калайдовича?

По запутанности и сбивчивости ея изложенія, по отсутствію новыхъ взглядовъ, худо прикрытому мелочными нововведеніями въ терминологіи, ни къ одному; по своей незначительности и неважности—къ первому; по претензіямъ же автора—ко второму.

Теперь у насъ четыре знаменитыя грамматики: Ломоносова, Россійской Академіи, г. Греча и г. Востокова. Ихъ достоинство, исключая, можетъ быть, второй, находится въ прямомъ содержаніи ко времени ихъ появленія. Безъ всякаго сомнѣнія, пятая грамматика, чтобъ заслужить вниманіе, дожна быть лучше всѣхъ сихъ четырехъ, ибо авторъ оной, кромѣ своихъ собственныхъ открытій, можетъ воспользоваться открытіями своихъ предшественниковъ и смѣло взять у каждаго изъ нихъ все лучшее. Такъ ли поступилъ г. Калайдовичъ? Посмотримъ. Спачала я брошу общій взглядъ на его сочиненіе, потомъ буду преслѣдовать его шагъ за шагомъ сколько будетъ то возможно.

Всѣмъ и каждому извѣстно, что способъ изложенія всякой науки бываетъ аналитическій и синтетическій, и что, вслѣдствіе сего, всякая наука раздѣляется на общую и частную, на теорію и приложеніе. Грамматикъ (наукъ) можетъ быть столько сколько языковъ и нарѣчій на земномъ шарѣ; но есть одна общая имъ всѣмъ грамматика, есть грамматика слова человѣческаго, грамматика всеобщая или философская. Грамматики языковъ суть грамматики частныя, относящіяся къ ней, какъ виды къ роду, и повѣряющіяся ею. Г. Калайдовичъ какъ будто даже и не слыхалъ объ этомъ. Онъ не говоритъ ничего о происхожденіи человѣческаго слова, о его назначеніи, его раздѣленіи на языки, о сходствѣ и различіи языковъ, о причинахъ такого сходства

и различія и пр. и пр. Части рѣчи не выводятся у него изъ законовъ слова человѣческаго, или изъ законовъ русскаго языка; нѣтъ, онѣ у него какъ будто съ неба упадаютѣ, и притомъ въ такомъ ужасномъ количествѣ, что страшно и подумать. Бѣдные ученики! трепещу за васъ! Этого мало: онъ даже не почелъ за нужное опредѣлить каждую часть рѣчи, показать необходимость и назначеніе ея существованія.

На чемъ основывается раздѣленіе слова на отдѣлы, называемые частями рѣчи?

Въ природѣ все или предметъ или его дѣйствіе; изъ этихъ двухъ понятій слагается смыслъ; изъ выраженія этихъ двухъ понятій слагается языкъ. Имя (названіе предмета) и глаголъ (названіе дѣйствія)—вотъ элементы человѣческаго слова вообще, вотъ стихіи каждаго языка въ особенности. Безъ имени и глагола не возможно выразить никакого понятія; безъ прочихъ частей рѣчи можно обойтись *).

*) Прилагательныя, т. е. дополнительныя идеи предмета могутъ заключаться въ самомъ имени, или выражаться родительнымъ падежемъ другаго имени, напримѣръ l'homme d'esprit, l'anneau d'or, мужъ боя и совѣта. Нарѣчіе, т. е. дополнительныя идеи дѣйствія, могутъ заключаться въ самомъ глаголѣ, напримѣръ поиграть (т. е. немного играть). Этимъ свойствомъ особенно отличается арабскій языкъ, въ которомъ глаголы, чрезъ прибавленіе къ нимъ разныхъ частицъ, получаютъ знаменованіе глаголовъ съ нарѣчіями: очень хорошо дѣлать; скоро идти и пр. (См. Учен. Зап. И. М. У. 1834 № IV). О причастіяхъ и дѣепричастіяхъ въ семъ отношеніи нечего и говорить: безъ нихъ всего легче обойдтись. Предлоги можно замѣнить окончаніями именъ и пр. Вотъ отчего греческій и всѣ новѣйшіе европейскіе языки имѣютъ особенную часть рѣчи, называемую членомъ, а латинскій и русскій языкъ не имѣютъ ея; вотъ отчего въ греческомъ языкѣ двойственное число, котораго, кромѣ еще славянскаго, нѣтъ ни въ одномъ языкѣ; вотъ почему по-арабски нельзя сказать, всѣ люди или великій человѣкъ, а вмѣсто этого говорится цѣлость людей (totalité des hommes), цѣлость изъ людей (totalité d'hommes) (См. principes de Grammaire Cénérale, mis á la portée des enfants, par Sylvestre de Sacy).

Слѣдовательно имя и глаголъ суть части рѣчи элементарныя, первостепенныя.

Мѣстоименія, прилагательныя и нарѣчія, по ихъ важности, суть части рѣчи второстепенныя и какъ будто бы вспомогательныя. Мѣстоименіе замѣняетъ имя для избѣжанія повторенія одного и того же слова. Посему г. Калайдовичъ справедливо относитъ слова: *мой*, *твой*, *сей*, *этотъ* и пр. къ прилагательнымъ; но зачѣмъ же онъ не говоритъ, почему такъ дѣлаетъ? Прилагательное (слово) опредѣляетъ качество, обстоятельство и количество имени (добрый человѣкъ, деревянный столъ, третій день); а нарѣчіе—качество, обстоятельство и количество дѣйствія (онъ учится хорошо, я приду завтра, ты прочелъ дважды). Посему прилагательныя нарѣчія должны слѣдовать въ грамматикѣ за именемъ и глаголомъ. Прочія части рѣчи называются частицами, что̀ самое показываетъ ихъ относительную важность.

Спрашиваю: неужели эти вещи такъ ничтожны, что не сто̀ятъ упоминовенія въ учебной книжкѣ? Знаю, что онѣ очень не новы, что онѣ извѣстны всякому сколько-нибудь образованному человѣку; но сіе-то самое и доказываетъ ихъ важность. Г. Калайдовичъ ни мало не позаботился обо всемъ этомъ, и потому у него явилось двѣнадцать частей (или, по его, разрядовъ) рѣчи: имена, названія лицъ (?), прилагательныя, числительныя (?), слова бытія (??), глаголы, отглаголія (??), причастія, нарѣчія, дѣепричастія, предлоги, союзы и (тринадцатая прибавочная) восклицанія (??). Не правда ли, что все это очень забавно?

Что̀ такое разумѣетъ онъ подъ «названіемъ лицъ»? Имена собственныя? Да—какъ бы не такъ! Это—мѣстоименія! Помилуй Богъ, какъ мудрено! Но это еще не самая важная мудрость: увидимъ лучше. Назвавъ числительныя особенною частію рѣчи, авторъ смѣшалъ видъ съ родомъ; ибо кому не извѣстно, что числительныя суть только видъ прилага-

тельныхъ, какъ качественныя и обстоятельственныя? Но быть такъ, это все еще не суть важно; теперь не угодно ли вамъ знать, что за особенную часть рѣчи разумѣетъ авторъ подъ «словомъ бытія» или «бытословомъ»? Если вы не читали его грамматики, то не ломайте напрасно головы: въ тысячу лѣтъ не разгадать вамъ этой сфинксовой загадки. Это не больше ни меньше, какъ существительный, средній, вспомогательный и неправильный глаголъ: быть. Не правда ли, что, слѣдуя этому прекрасному образцу, можно надѣлать тысячи частей рѣчи! Напримѣръ дѣлословъ (дѣлать, творить, производить и проч.). Чего добраго? развѣ г. Ольдекопъ не выдумалъ въ своемъ «Русско-Французскомъ словарѣ» глагола добротворить, прилагательнаго добропобѣдный и другихъ диковинокъ? Но всего курьезнѣе у г. Калайдовича отглаголія: здѣсь авторъ, какъ говорится, превзошолъ самого себя. Вы думаете, что тутъ дѣло идетъ о причастіяхъ или именахъ, оканчивающихся на *ніе* и *тіе*, происходящихъ отъ глаголовъ. О, нѣтъ, совсѣмъ не то! Это, изволите видѣть, неопредѣленное наклоненіе глаголовъ, оканчивающееся на *то*. Не вѣрите, справьтесь сами. Авторъ основывается въ семъ случаѣ на томъ, что это quasi-отглаголіе замѣняетъ иногда имя (онъ вѣрно хотѣлъ сказать: бываетъ иногда подлежащимъ рѣчи), напр. учиться полезно, гдѣ слово учиться замѣняетъ собою слово ученіе. Слѣдовательно, должно прощать врагамъ и должно, чтобы прощали врагамъ будетъ замѣнять собою: должно прощеніе врагамъ? Слѣдовательно и прошедшее время глаголовъ будетъ отглаголіемъ, и составитъ собою особенную часть рѣчи? Сами Французы, у которыхъ нѣкоторые глаголы въ неопредѣленномъ наклоненіи бываютъ именами (le pouvoir, le devoir), несмотря на это, не почитаютъ неопредѣленнаго наклоненія отглаголіемъ; то же самое и Нѣмцы, у которыхъ каждый глаголъ въ неопредѣленномъ наклоненіи дѣлается именемъ, принимая предъ собою членъ. Вотъ до ка-

кихъ странностей доводятъ подобныя нововведенія, не основанныя на всеобщей грамматикѣ!

Изъ сего видно, какъ сбивчивы и темны понятія г. Калайдовича о всеобщей грамматикѣ, на какомъ зыбкомъ основаніи зиждется зданіе его «Грамматики языка русскаго», и чего должно ожидать отъ этого сочиненія, которое скорѣе можетъ называться произведеніемъ творческой фантазіи, или, по крайней мѣрѣ, не кстати разыгравшагося воображенія, чѣмъ плодомъ холоднаго ума и кропотливой учености!

«Грамматикѣ» г. Калайдовича, какъ водится, предшествуетъ азбука. Это отдѣленіе у него такъ же недостаточно, сбивчиво и странно, какъ и всѣ прочія.

«Звуки русскаго языка раздѣляются на тоны и полутоны, дыханія и полудыханія». Эти тоны и полутоны г. Калайдовича ни больше, ни меньше, какъ гласныя и полугласныя г. Греча; дыханія же и полудыханія, вѣроятно, принадлежатъ къ разряду «бытослововъ» и «отглаголій». Въ разсужденіе первыхъ, замѣчательно только то, что г. Калайдовичъ опровергалъ нѣкогда (помнится, въ «Московскомъ Вѣстникѣ») полугласныя г. Греча математическою аксіомою, что двѣ половины составляютъ одно цѣлое, и что, слѣдовательно, *ъ* и *ъ*, *ь* и *ь*, *й* и *й* должны бы составить одну гласную букву, еслибы опредѣленіе г. Греча было справедливо. Теперь спрашивается: неужели г. Калайдовичъ думалъ, что его полутоны, дважды взятые, не могутъ также составлять гласной буквы? Однимъ словомъ, онъ гораздо бы лучше поступилъ, еслибы выписалъ цѣликомъ о буквахъ изъ «Грамматики» г. Греча, въ которой этотъ предметъ обработанъ вообще очень хорошо и требуетъ весьма немногихъ и неважныхъ измѣненій. Почему не пользоваться трудами своихъ предшественниковъ? Вѣдь въ этомъ-то и заключается условіе успѣховъ каждаго знанія. Одинъ человѣкъ не можетъ всего сдѣлать,—«Грамма-

тика есть наука и искусство говорить правильно». Новая новость! Говорить есть даръ природы; знаніе же—говорить правильно, а искусство—говорить красно. Вслѣдствіе такого прекраснаго опредѣленія «Грамматики», подмосковный крестьянинъ, который, вѣроятно, говоритъ гораздо правильнѣе многихъ чухломскихъ господъ, есть грамотѣй и ораторъ. Поздравляемъ!

«Грамматика раздѣляется на четыре части: познаніе словъ, составленіе рѣчи, произношеніе и правописаніе». Какъ все это ново и затѣйливо! Какъ далеко подвинутъ впередъ русскую грамматику подобныя перемѣны въ терминологіи, и какія безчисленныя выгоды произойдутъ отъ нихъ для русскаго языка! Нечего сказать: г. Калайдовичъ не скупится на новые термины. Но къ чему такая неумѣстная щедрость? Развѣ это главное? Правилъ языка, а не новыхъ терминовъ нужно намъ! Не спорю, перемѣны въ терминологіи важны и полезны, но только въ такомъ случаѣ, когда ведутъ къ чему нибудь. А развѣ словопроизведеніе и словосочиненіе, даже этимологія и синтаксисъ, термины, общіе для всѣхъ европейскихъ грамматикъ, не хорошо выражаютъ сущность дѣла? Развѣ не все равно, что возвратный, что обратный глаголъ? Право, подобными мелочами въ наше время трудно прикрыть отсутствіе существеннаго дѣла!

Словопроизведеніе авторъ раздѣляетъ на три главы: различіе словъ, измѣненіе словъ, производженіе словъ. Вслѣдствіе сего, склоненія именъ и прилагательныхъ, и спряженіе глаголовъ являются у него въ одной главѣ. Вотъ, можно сказать, единственная новость автора, заслуживающая, по крайней мѣрѣ, опроверженія и наиболѣе обнаруживающая его претензіи на «самомыслительность». Но правильно ли такое изложеніе этимологіи? Словопроизвожденіе и теорія частей рѣчи должны заключаться во введеніи, какъ предметы, подлежащіе всеобщей грамматикѣ, должны составлять аналитическую часть грамматики. Притомъ же изложеніе

каждой части рѣчи особенно гораздо удобнѣе для учащихся; система же г. Калайдовича не только не облегчаетъ изученія, но еще болѣе затрудняетъ его.

Частныя замѣчанія автора о именахъ и прилагательныхъ по большей части дѣльны; но все это можно найти, и притомъ гораздо обширнѣе и удовлетворительнѣе, не только у г. Востокова, но и у г. Греча.

Въ началѣ моей рецензіи я сказалъ, что буду преслѣдовать автора шагъ за шагомъ; теперь вижу, что это было бы и скучно, и утомительно, и безполезно, какъ для меня, такъ и для читателей. Посему ограничусь нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями, особенно на счетъ его нововведеній, и потомъ поговорю поподробнѣе о системѣ глаголовъ, этой запутаннѣйшей части русской грамматики, которую г. Калайдовичъ не только не уясняетъ, но еще болѣе затемняетъ.

Что за раздѣленіе степеней сравненія на степени равныя (равно мужественный и благоразумный; честь столько же дорога, какъ и жизнь—послѣ этого можетъ быть степень многая, сугубая, малая—много, сугубо, мало умный), степени высшія и низшія? Не понимаю. Почему также авторъ не замѣтилъ, что окончаніе на *айшій* и *ѣйшій* есть полное, а на *ае* и *ѣе*—усѣченное, какъ то доказано г. проф. Болдыревымъ?

Съ какою цѣлію имена раздѣляются на извѣстное число склоненій? Чтобы служить образцами, по коимъ бы можно было безошибочно употреблять въ разныхъ отношеніяхъ каждое слово, отдѣльно взятое. Не знаю, можетъ ли быть въ семъ случаѣ что-нибудь удовлетворительнѣе латинскихъ склоненій: ученику, твердо заучившему примѣры на каждое изъ нихъ, трудно ошибиться въ склоненіи даннаго ему слова. Вотъ самое лучшее доказательство вѣрности раздѣленія латинскихъ склоненій. Кажется, что наши грамматисты упустили изъ виду эту цѣль и думаютъ, что склоненіе можно дѣлить, какъ кому угодно. Г. Гречъ раздѣлилъ

имена по тремъ родамъ на три склоненія; отъ этого у него вода и дверь явились въ одномъ склоненіи, и отъ этого у него надѣлана бездна исключеній, изъ коихъ многія по необходимости сдѣлались, противъ его воли, особенными склоненіями: итакъ, желая упростить систему склоненій, онъ только болѣе запуталъ оную. Гораздо удовлетворительнѣе раздѣленіе склоненій у г. Востокова, который раздѣляетъ имена на правильныя и неправильныя, а первыя на семь отдѣловъ; только у него не показано различія, по какому бы можно было безошибочно узнавать, къ какому отдѣлу принадлежитъ то или другое слово. У г. Калайдовича четыре склоненія. Къ первому онъ относитъ имена мужскаго рода, оканч. на *ъ*, *ь* и *й*, ко второму имена муж. и жен. рода, оканч. на *а* и *я*; къ третьему жен. рода на *ъ*, а къ четвертому сред. рода на *о*, *е* и *ё*. Не понимаю, какъ можно было не отнести послѣднихъ именъ къ первому склоненію, ибо вся разница въ творительномъ падежѣ единственнаго и родительномъ множественнаго числа; къ тому же, эта разница существуетъ и въ его первомъ склоненіи. Гораздо бы лучше было сдѣлать особенное склоненіе изъ именъ, оканчивающихся на *мя*. Правда, ихъ немного, но онѣ всѣ склоняются одинаковымъ образомъ, что̀ доказываетъ ихъ отдѣльность, а не исключительность.

Перехожу къ глаголу.

Вотъ самая запутаннѣйшая часть русской грамматики. Благодаря нашимъ досужнымъ грамотѣямъ, спряженія нашихъ глаголовъ походятъ доселѣ на темный лѣсъ, непроходимую чащу, гдѣ безпрестанно натыкаешься на пни и колоды. И неужели это оттого, что нѣтъ никакой возможности привести наши спряженія въ ясную систему, основанную на духѣ языка? Совсѣмъ нѣтъ; напротивъ, ничего не можетъ быть проще, яснѣе и удовлетворительнѣе теоріи русскихъ глаголовъ; вся бѣда отъ страннаго упрямства и неумѣстнаго чванства гг. грамматистовъ. Ибо, во-первыхъ,

они хотятъ сочинять, выдумывать законы языка, а не открывать ихъ, не выводить изъ духа онаго; во-вторыхъ, они не хотятъ пользоваться трудами своихъ предшественниковъ, какъ будто бы почитая это унизительнымъ для своего авторскаго достоинства. Удивительно ли послѣ этого, что у насъ по сю пору нѣтъ грамматики, которую бы можно было принять за руководство при обученіи дѣтей? Для людей, занимающихся преподаваніемъ отечественнаго языка, всего болѣе ощутителенъ недостатокъ въ подобныхъ руководствахъ. Если они и сами не имѣютъ столько ума и силы, чтобъ быть въ состояніи выбиться изъ старой колеи, пробитой жалкою посредственностію, то должны пробавляться извѣстными «грамматиками», несмотря на то, что однѣ изъ нихъ слишкомъ обширны, другія слишкомъ кратки, третьи слишкомъ мудрены, четвертыя слишкомъ нехитры: вотъ причина необыкновеннаго успѣха грамматики велемудраго Меморскаго (вѣчная ему память!); она кратка, она искони вѣковъ слыветъ классическою книгою, и, сверхъ того, снабжена вопросами, слѣдовательно избавляетъ горемыку-педагога отъ излишнихъ хлопотъ. Если же преподаватель принадлежитъ къ числу людей мыслящихъ и понимаетъ важность и святость своей обязанности, то долженъ составлять записки и по нимъ учить своихъ учениковъ; ибо, спрашиваю, какъ онъ можетъ рѣшительно предпочесть ту или другую изъ извѣстныхъ грамматикъ? Кто же не согласится, что «Грамматика» г. Греча не безъ достоинствъ, что въ ней есть много дѣльныхъ замѣчаній, что ея авторъ умѣлъ иногда кстати пользоваться трудами и открытіями нашихъ филологовъ? Но кто, вмѣстѣ съ этимъ, не согласится, что эта «Грамматика» есть не иное что́, какъ сборъ, или лучше сводъ матеріаловъ, книга полезная для составителя грамматики, но отнюдь не то, что̀ должно разумѣть подъ наукою въ высшемъ значеніи сего слова? И притомъ, сколько странностей, сколько клеветъ на бѣдный русскій языкъ!...

Грамматика» г. Востокова, безъ всякаго сомнѣнія, есть лучшая изъ всѣхъ донынѣ изданныхъ; она драгоцѣнна по многимъ важнымъ открытіямъ и тонкимъ замѣчаніямъ касательно свойствъ и особенностей нашего языка; она обнаруживаетъ въ авторѣ человѣка, глубоко изучившаго свой предметъ, преслѣдовавшаго его съ неутомимою ревностію въ продолженіе многихъ лѣтъ своей жизни, посвященной безкорыстному служенію родному слову. Но онъ не обработалъ своего сочиненія ученымъ образомъ, то-есть не озарилъ его философіею человѣческаго слова, и потому его «Грамматика» есть только богатый и драгоцѣнный сборникъ матеріаловъ для составленія русской грамматики. Равнымъ образомъ она не можетъ быть принята безусловно за руководство при обученіи дѣтей *). Удовлетворить умъ ребенка еще можетъ быть труднѣе, чѣмъ умъ взрослаго человѣка; ему мало сказать, сколько частей рѣчи и какъ онѣ называются: объясните ему, что̀ такое эти части рѣчи, для чего онѣ и почему ихъ столько, а не столько,—или обвиняйте самихъ себя въ его тупоуміи и непонятливости! Ему также, какъ и взрослому, нужно сперва объяснить философію слова человѣческаго, и потомъ уже изъ нея вывести теорію слова отечественнаго: дѣло въ томъ, чтобы умѣть изложить эту философію понятнымъ для него образомъ. Нѣкоторые, оправдываясь слабостію дѣтскаго разсудка, представляютъ науки, назначаемыя для преподаванія дѣтямъ, въ ложномъ и искаженномъ видѣ. Такъ поступилъ г. Гречъ въ своей «Учебной Книгѣ Россійской Словесности», этомъ сборникѣ пошлыхъ

*) Грамматика всякаго языка, безъ философическихъ выводовъ и опредѣленій, можетъ годиться только для взрослыхъ и то въ такомъ только случаѣ, когда имѣетъ предметомъ привести въ систему особности языка и не обнаруживаетъ претензій на новые взгляды въ построеніи науки вообще. Грамматики же, назначаемыя для обученія, не могутъ принести вполнѣ ожидаемой пользы, когда не основаны на всеобщей грамматикѣ, или, по крайней мѣрѣ, когда ученики не познакомлены предварительно съ основаніями сей послѣдней.

и обветшалыхъ правилъ, взятыхъ изъ пресловутаго «Словаря Древнія и Новыя Поэзіи» г. Остолопова. Странные люди! да неужели ребенку потому только, что онъ ребенокъ, должно говорить, что дважды два пять, а не четыре? Посмотрите, какъ пишутся у иностранцевъ учебныя книги; и кѣмъ пишутся!—знаменитыми профессорами, великими учеными! Прочтите, напримѣръ, Principes de Grammaire générale, mis à la portée des enfans, par Silvestre de Sacy: какія глубокія истины высказаны въ ней языкомъ самымъ простымъ, удобопонятнымъ! Дитя, пройдя эту книгу, положитъ самое твердое основаніе и изученію филологіи вообще и знанію роднаго языка въ частности *).

Г. Гречъ выдумалъ три спряженія (г. Гречъ очень любитъ тройственность!), и вотъ какимъ образомъ: глаголы перваго спряженія оканчиваются у него на *ть* съ предъидущими гласными *а*, *я*, *ѣ*, а въ первомъ лицѣ на *ю* съ предъидущею гласною и раздѣляется на четыре отдѣла; второе на *ть* съ предъидущими гласными *и* или *о*, также съ другими гласными, коимъ предшествуетъ буква согласная губная шипящая или измѣняемая, въ настоящемъ времени на *ю* съ предъидущею согласною, весьма рѣдко гласною, или по свойству предъидущей шипящей согласной, на *у*, и раздѣляется на семь отдѣловъ (не правда ли, что это удивительно какъ ясно и просто? бѣдные учители! бѣдные ученики!); глаголы третьяго спряженія оканчиваются на *нуть* и *ереть*, а въ первомъ лицѣ на *у* съ предъидущею поднебесною буквою, и раздѣляется на два отдѣла. Итакъ, говоря собственно, у г. Греча тридцать спряженій, уфъ!!... Нужно ли доказывать чудовищность подобнаго раздѣленія?

У г. Востокова два спряженія, кои различаются по второму лицу ед. ч. наст. вр. изъяв. наклоненія. Въ разсужденіи

*) Бо́льшая часть сего превосходнаго сочиненія знаменитаго оріенталиста и филолога уже переведена мною, и все оно, надѣюсь, скоро будетъ издано. (Переводъ этотъ не былъ конченъ).

сего, онъ ближе всѣхъ къ истинѣ. Какъ жаль, что онъ только въ половину принялъ ее!

У г. Калайдовича четыре спряженія. (Кому прикажите вѣрить?) Такъ какъ онъ неопредѣленное наклоненіе называетъ не формою глагола, а неизмѣняемымъ именемъ, то и различаетъ спряженія по первому лицу ед. ч. наст. вр. изъяв. наклоненія. Не стану терять времени на опроверженіе его раздѣленія; скажу просто, что оно такъ же мило, какъ его «бытословъ» и «отглаголія».

Но, несмотря на все сіе разногласіе въ системахъ русскихъ глаголовъ, между ними есть одна истинная и непреложная. Она не сочинена, а открыта, не выдумана, а почерпнута изъ духа русскаго языка, и потому проста, ясна и вполнѣ удовлетворительна. Читали ли вы статью г. профес. Болдырева о системѣ русскихъ глаголовъ, помѣщенную въ «Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности»? Присоедините къ ней раздѣленіе спряженій по Мелетію Смотрицкому, и вотъ вамъ эта система! Увѣряю васъ, что ларчикъ просто открывался!

Отчего происходитъ главная путаница въ спряженіи нашихъ глаголовъ? Во-первыхъ оттого, что у насъ для инаго глагола полагается три, для инаго пять, а для инаго семь или больше временъ, и что̀ относятъ къ одному и тому же спряженію столь различные числомъ временъ глаголы — во-вторыхъ, отъ сбивчивости въ раздѣленіи спряженій. Слѣдовательно, чтобы привести въ порядокъ этотъ хаосъ, нужно дать для каждаго спряженія опредѣленное, равное число временъ, и сдѣлать такое раздѣленіе спряженій, которое бы не допускало исключеній. Не такъ-ли?

Что̀ есть глаголъ? Слово выражающее бытіе, состояніе, дѣйствіе и страданіе предмета, содержащееся во времени, такъ какъ имя выражаетъ самый предметъ, содержащійся въ пространствѣ. Очевидно, что тотъ языкъ совершеннѣе и богаче, котораго глаголы способнѣе къ выраженію всѣхъ

оттѣнковъ дѣйствія, развивающагося во времени. Эти оттѣнки выражаются наклоненіями и временами. Въ латинскомъ языкѣ четыре, а въ французскомъ пять наклоненій, у насъ только три. Но такъ какъ сослагательное того и другаго и условное послѣдняго у насъ совершенно выражаются чрезъ прибавленіе къ прошедшимъ временамъ частицъ, то въ семъ случаѣ нашъ языкъ ни чуть не бѣднѣе обоихъ упомянутыхъ. Въ латинскомъ для всѣхъ наклоненій десять временъ, во французскомъ четырнадцать (восемь для indicatif, четыре для subjonctif и два для conditionel)—какое богатство! Сколько же ихъ у насъ? Ни больше ни меньше трехъ: настоящее, прошедшее и будущее. Дѣло въ томъ, что для выраженія оттѣнковъ дѣйствія у насъ употребляются не времена; нѣтъ: для выраженія каждаго оттѣнка дѣйствія, у насъ есть особенный глаголъ, имѣющій свое неопредѣленное наклоненіе. По сему наши глаголы раздѣляются на виды, изъ коихъ важнѣйшіе суть:

1) Неокончательный, или коренной видъ глагола, показывающій дѣйствіе не вполнѣ совершившееся и не совсѣмъ оконченное, напр. *говорить*, *дѣлать*.

2) Совершенный, показывающій дѣйствіе совсѣмъ оконченное; онъ разнится отъ неокончательнаго: а. иногда перемѣною одной или двухъ буквъ на концѣ: прослав-*ля*-ть—прослав-*и*-ть, встав-*ля*-ть—встав-*и*-ть; б. иногда выпускомъ одной или двухъ буквъ: да-*ва*-ть—дать, пос-*ы*-лать—послать; в. но чаще всего предлогами: *с*-дѣлать, *по*-бранить.

3) Многократный выражаетъ дѣйствіе или давно бывшее, или много разъ совершавшееся; по большей части онъ оканчивается на *вать*, но иногда имѣетъ и обыкновенное окончаніе: дѣлы*вать*, читы*вать*, *слыхать*, *бирать*, *видать*.

4) Однократный, противоположенъ многократному и выражаетъ дѣйствіе вполнѣ совершившееся и притомъ однажды и скоро произведенное, почти всегда оканчивается на *нуть*: *стукнуть*, *плюнуть*.

Изъ сего видно, что наши грамматики въ одинъ образчикъ спряженія упрятывали по нѣскольку глаголовъ, и оттого у нихъ такое множество временъ. Возьмемъ, для примѣра, глаголъ *толкать*: наст. *толкаю*, прошед. неоп. (imperfectum) *толкалъ*, пр. сов. (perfectum) *столкалъ*, пр. одн. *толкнулъ*, пр. сов. одн. *столкнулъ*, многокр. *талкивалъ*, многокр. сов. *сталкивалъ*, буд. *буду толкатъ*, буд. сов. *столкаю*, буд. одн. *толкну*, буд. сов. одн. *столкну*. Здѣсь одиннадцать временъ, т. е. здѣсь въ одномъ спряженіи заключено цѣлыхъ шесть глаголовъ: *толкать*, *столкать*, *толкнуть*, *талкивать*, *сталкивать*.

Я уже сказалъ, что *временъ* въ русскихъ глаголахъ должно быть только три. Глаголы видовъ неокончательнаго и многократнаго имѣютъ всѣ три времени; ихъ *будущее* составляется изъ *будущаго* времени вспомогательнаго глагола *быть* и неопредѣленнаго наклоненія спрягаемаго глагола. Глаголы же видовъ совершеннаго и однократнаго имѣютъ только два времени: *будущее* и *прошедшее;* ибо *настоящаго* времени нѣтъ въ природѣ, когда дѣло идетъ о дѣйствіи вполнѣ совершившемся; посему же самому у нихъ нѣтъ и настоящаго причастія, дѣйствительнаго и страдательнаго, и настоящаго дѣепричастія. Вотъ о числѣ временъ; теперь о числѣ спряженій.

Очевидно, что нѣтъ ничего легче, какъ приложить къ сей системѣ глаголовъ раздѣленіе спряженій по второму лицу един. ч. наст. вр. изъяв. наклоненія. Прошедшее время у насъ просто, и, измѣняясь въ родахъ, не измѣняется въ лицахъ: слѣд. вся разница въ *настоящемъ* времени глаголовъ вида неокончательнаго и многократнаго, и *будущемъ* глаголовъ вида совершеннаго и однократнаго. Посему русскія спряженія можно безъ всякихъ исключеній раздѣлить на два; первое на *ешь*, второе на *ишь*.

Первое спр.	Второе спр.
ешь,	*ишь*,
етъ,	*итъ*,
емъ,	*имъ*,
ете,	*ите*,
утъ или *ютъ*.	*атъ* или *ятъ*.

Чтобы уяснить еще болѣе эту систему, вотъ вамъ первообразныя формы глаголовъ или то, что̀ Французы называютъ les temps primitifs. Ихъ три:

I. Неопредѣленное наклоненіе, отъ коего

а. чрезъ перемѣну *ть* на *лъ*, *ла*, *ло*, *ли*, происходитъ прошедшее время глаголовъ всѣхъ залоговъ, кромѣ страдательнаго, и всѣхъ видовъ: дѣла-*ть*—дѣла-*лъ*, дѣли-*ть*—дѣли-*лъ*.

б. чрезъ перемѣну *ть* на *вшій*, причастія прошедшаго времени глаголовъ всѣхъ видовъ и залоговъ, кромѣ страдательнаго: говори-*ть*,— говори-*вшій*, стоя-*ть*,—стоя-*вшій*.

в. чрезъ перемѣну *ть* на *вши*, *въ*, дѣепричастіе прошедшаго времени: дуну-*ть*, дуну-*вши*, дуну-*въ*.

г. чрезъ перемѣну *ть* на *нный*, страдательное причастіе прошедшаго времени: посла-*ть*—посла-*нный*; въ глаголахъ, окончивающихся на *ить*, буква *и* переходитъ въ *е*: люб-*и-ть*—люб-*ле-нный*, стро-*и-ть*—стро-*е-нный*.

II. Первое лице ед. ч. наст. вр. изъяв. наклоненія, отъ коего.

д. чрезъ перемѣну буквы *ъ* на *ый* происходитъ страдательное причастіе настоящаго времени: дѣлаем-*ъ*—дѣлаем-*ый*, дѣлим-*ъ*—дѣлим-*ый*.

III. Третіе лице ед. ч. наст. вр. изъяв. наклоненія, отъ коего

е. чрезъ перемѣну *тъ* на *щій* происходитъ причастіе настоящаго времени глаголовъ всѣхъ залоговъ,

кромѣ страдательнаго: читаю *тъ*—читаю-*щій*, craся-*тъ*—крася-*щій*. Слѣд. наст. причастія глаголовъ перваго спряженія оканчивается на *ущій* или *ющій*, а втораго на *ащій* или *ящій*.

Итакъ, подъ эти правила не подходятъ только первое лице и дѣепричастіе наст. времени, да повелительное наклоненіе, въ разсужденіи котораго можно замѣтить только то, что оно сходно съ первымъ лицемъ наст. времени: если сіе оканчивается на *у* или *ю* съ предъидущею гласною, то повелительное наклоненіе оканчивается на *й* съ предъидущею гласною; если же первое лице предъ *у* или *ю* не имѣетъ гласной, то на *и* или *ь*. Впрочемъ, это можетъ затруднить только иностранца, а не Русскаго.

Все прочее такъ ясно, просто и удовлетворительно, что не оставляетъ желать ничего лучшаго. Эта система равно легка для русскихъ и иностранцевъ. Для бо́льшаго же облегченія послѣднихъ, надобно въ словаряхъ отмѣчать при глаголахъ второе лице наст. вр., видъ и первое лице.

Возвращаюсь къ «Грамматикѣ» Калайдовича. Послушайте, какъ онъ раздѣляетъ формы глаголовъ:

1) «Будущее неопредѣленное время, т. е. не опредѣляющее ни начала, ни конца дѣйствія: *буду садить*.» Положимъ такъ!

2) «Прошедшее несовершившееся, которое означаетъ, что дѣйствіе должно было совершиться, но по какому-либо случаю прервалось и не совершилось. Оно дѣлается чрезъ приложеніе слова бытія *было*, превратившагося въ союзъ, къ прошедшему времени глаголовъ современнаго (?) неопредѣлительнаго вида, но чаще современнаго же опредѣлительнаго, напр. я *было попалъ* въ бѣду».

3) «Предварительныя времена дѣлаются чрезъ приложеніе слова бытія *бывало*: лишь только соловей *бывало* запоетъ.» Часъ отъ часу не легче!... Предварительное время!

Passé antérieur! Не понимаю, какъ можно смѣшивать фразы и идіомы языка съ формами глаголовъ?

4) «Уступительныя времена: *пусть я сказалъ, пусть шумитъ буря.*» Еще милѣе!

5) «Желательное наклоненіе: *да научусь творить угодное тебѣ.*

6) «Подтвердительное желательное: *читайже, читайтеже.*» Посему *lisez-donc* есть подтвердительное желательное наклоненіе?

7) «Смягчительное желательное: *скажи-ка, пойдемъ-ка.*» Чудеса, да и только!

8) «Предположительное наклоненіе: *я-бы сказалъ.*»

Неужели все это стòитъ опроверженія? Неужели читатели еще не убѣдились, что г. Калайдовичъ силился прикрыть такими нововведеніями пустоту и ничтожность своей книжки? Чтò должно сказать объ этомъ?

Заключаю: «Грамматика языка русскаго» г. Калайдовича ровно ничего не прибавила къ нашей ученой литературѣ, ни на шагъ не подвинула впередъ теоріи отечественнаго языка, и не только не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ «Грамматикою» г. Востокова, но даже гораздо ниже «Грамматики» г. Греча, и весьма недалеко ушла отъ тѣхъ грамматикъ, которыя мы считаемъ дюжинами.

ПОВѢСТИ БЕЗУМНАГО. *Москва. 1834*

Какъ пріятно, послѣ зимняго холода, появленіе весенняго солнца, роскошно изливающаго свою плодородную и зиждительную силу, животворящаго огнемъ своихъ лучей все прекрасное Божіе созданіе! Не есть ли оно символъ вѣчнотворящей любви Предвѣчнаго? Какая кипучая жизнь заступаетъ мѣсто всеобщей смерти, когда цѣлое твореніе

проникается пламенемъ любви и миріады новыхъ существъ вызываются изъ праха!.. Не сходенъ ли съ этимъ солнцемъ и геній? Не есть ли и онъ символъ творящей силы Всемогущаго? Не производитъ ли и онъ также сонмы новыхъ созданій, сонмы новыхъ творителей?..—Но увы! какъ солнце, вмѣстѣ съ муравой и цвѣтами полей, вмѣстѣ съ златовидными мотыльками вызываетъ и тьмы эфемеровъ, тьмы насѣкомыхъ и червей гадкихъ и отвратительныхъ, такъ и геній, виновникъ созданій красоты и разума, бываетъ вмѣстѣ неумышленнымъ виновникомъ чадъ безобразія и нелѣпости. Не «Иліада» ли произвела «Энеиду», «Освобожденный Іерусалимъ» и другія поэмы, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не она ли была виною явленія «Александроиды»? Почти такимъ же образомъ «Юная Словесность» произвела, общими силами всѣхъ своихъ представителей, Барона Брамбеуса, а одинъ изъ ея представителей, слишкомъ талантливый, если не рѣшительно геніальный, Александръ Дюма, произвелъ «Повѣсти Безумнаго»! Охъ, эта безпутная «Юная Словесность»! много творитъ она зла! по дѣломъ такъ бранитъ ее «Библіотека для Чтенія»!...

Наша литература, или, по крайней мѣрѣ, то, что называютъ нашею литературою, представляетъ самое плачевное зрѣлище.

Сколько молодыхъ людей, которые могли бы быть честными и добросовѣстными дѣйствователями для блага отечества на разныхъ ступеняхъ общественной жизни, предаются этой жалкой маніи авторства, которая дѣлаетъ ихъ предметомъ всеобщаго посмѣянія!... Вмѣсто того, чтобы обогащать свой умъ познаніями и тѣмъ готовиться къ занятію какого нибудь, сообразнаго съ ихъ талантами и склонностію, мѣста въ обществѣ, устремлять свою дѣятельность, благородные порывы своего сердца, избытокъ своихъ юныхъ силъ на святой подвигъ жизни и въ исполненіи своего долга находить свою высочайшую награду, они стремглавъ

бросаются на эту презрѣнную арену, на этотъ литературный базаръ, гдѣ толчется и суетится жалкая посредственность, мелочное честолюбіе, и тѣшится дѣтскими побрякушками. Для пустаго призрака мгновенной извѣстности, они безразсудно расточаютъ свои юношескія силы, истощаютъ свою дѣятельность, становятся неспособными ни къ чему дѣльному и полезному; что̀ же изо всего этого выходитъ? Завѣса спадаетъ съ глазъ, похмѣлье проходитъ, остается головная боль, сердце пусто, самолюбіе глубоко уязвлено и горько страждетъ... А потомъ? Потомъ, какъ водится, жалобы, проклятіе на жизнь, на судьбу, элегіи о развалинахъ разрушеннаго счастія, объ обманутыхъ надеждахъ, объ исчезнувшихъ призракахъ и пр. Знаете ли что̀? Эти плаксивныя элегіи, надъ которыми у насъ столько смѣются, иногда заключаютъ въ себѣ глубокій смыслъ: сердце обливается кровью, когда подумаешь объ нихъ съ этой стороны! Да — горе тому отцу, который не высѣчетъ больно своего недоучившагося сына за его первые стихи, а всего пуще—за его первую повѣсть!...

Я хотѣлъ говорить о «Повѣстяхъ Безумнаго», а занесъ Богъ вѣсть о чемъ. Посему считаю нужнымъ сдѣлать замѣчаніе для людей, любящихъ примѣненія, что все сказанное мною они должны почитать чистою поэтическою фантазіею, не имѣющею никакого отношенія къ упомянутымъ повѣстямъ.

Что̀ сказать объ этихъ «Повѣстяхъ»? Это ни больше, ни меньше, какъ до крайности неудачная поддѣлка подъ тонъ повѣстей Бальзака и Дюма. Г. Безумный преуморительнымъ образомъ корчитъ изъ себя особенно Дюма и пребезбожно обкрадываетъ его. Такъ, напримѣръ, къ концу своей чудовищной повѣсти: «Кто бы могъ ожидать этого?» ни къ селу, ни къ городу придѣлалъ окончаніе разсказа Дюма: «Une Vengeance», уже давнымъ давно переведеннаго въ «Телескопѣ». Подобно Дюма, онъ создалъ, или, лучше сказать,

сварганилъ себѣ апотеозъ прелюбодѣянія и, взявшись за изображеніе нравовъ нашего высшаго общества, сдѣлалъ изъ него родъ чего-то такого, чего нельзя и назвать печатно; на рѣдкой страницѣ его не найдете вы картинъ разврата, картинъ сладострастія, которыя такъ натянуты, что даже не возбуждаютъ ни обаянія, ни омерзѣнія; на нихъ можно смотрѣть, не боясь соблазна или тошноты. А слогъ? О! слогъ г. Безумнаго есть верхъ совершенства! Въ этомъ случаѣ, онъ только въ одномъ Баронѣ Брамбеусѣ имѣетъ достойнаго себя соперника. Не угодно ли полюбоваться, напримѣръ, слѣдующими образчиками? «Ей мнилось, что лица присутствующихъ сливались въ одно око упрека (это выраженіе напечатано у него курсивомъ: знать, хорошо!), что всѣ голоса ихъ, заключенные въ одинъ ужасающій звукъ, оглашали ядовитымъ смѣхомъ отверженія (ужасно!) своды залы (вотъ какъ!).» Или: «Время вѣчностію капало изъ столѣтія въ столѣтія (ай! ай!)... потъ крови, холодный какъ ледъ океана (??)» и пр. Или: «Всякая буква этого имени оглушающими созвучіями (??) громила (!!) сердце страдалицы». Или: «Избѣгать палящаго терзанія очей его». Или: «Пламень еще дѣвственныхъ желаній, но уже заклейменныхъ своеволіемъ ничтожества и безчувственности»...

Но довольно: достаточно и сихъ выписокъ, сдѣланныхъ на удачу, чтобы убѣдить читателей, какого великаго писателя имѣемъ мы въ г. Безумномъ.

Странное дѣло, какъ можно обманываться на счетъ своего призванія, не сознать своей бездарности въ наше время, когда законы и условія творчества болѣе или менѣе извѣстны каждому, хотя по наслышкѣ, когда всѣ хорошо понимаютъ, что какъ ни громка фраза, но если она не вырвалась мгновенно изъ души вслѣдствіе глубокаго чувства, то она пошла и отвратительна, что всякій образъ безличенъ, когда авторъ не жилъ въ немъ своею жизнію, въ то время какъ творилъ его?... Какъ, наконецъ, можно

такъ безсовѣстно обирать великихъ писателей, и притомъ изъ сочиненій уже переведенныхъ, и, слѣдовательно, всѣмъ извѣстныхъ?... Неужели г. Безумный думаетъ, что онъ можетъ, подобно Шекспиру и Мольеру, брать свое, или, по крайней мѣрѣ, что̀ почитаетъ своимъ, гдѣ ни завидитъ?

Чего добраго, вѣдь онъ г. Безумный, а безумнымъ законъ не писанъ!..

РЕГЕНСТВО БИРОНА. *Повѣсть. Соч. Масальскаго. Спб. 1834. 2 ч.*

ГРАФЪ ОБОЯНСКІЙ ИЛИ СМОЛЕНСКЪ ВЪ 1812 г. *Разсказъ Инвалида. Соч. И. Коншина. Спб. 1834. 3 ч.*

ШИГОНЫ. *Русская повѣсть XVI стол. Съ точнымъ описаніемъ (?!) житья-бытья Русскихъ бояръ, ихъ прибытія въ отчины, покорность* (и?) *женъ, пиры* (овъ?) *вельможей и наконецъ* (слава Богу!) *Царская вечеринка* (ой? ки?) *Мимоходомъ замѣчены (?!) монахи того времени, ихъ поклонницы; не забыты* (благодаримъ покорно!) *и истинно святые мужи, какъ-то старцы: Семіонъ Курбскій, Вассіанъ Патрикѣевъ и Максимъ Грекъ, въ достовѣрную эпоху вторичнаго брака Царя Василія Іоанновича. Выбрано изъ рукописей издательницею «Супругъ Владиміра». Москва, 1834.*

Знаете ли, какая въ нашей литературѣ самая трудная и самая легкая вещь? Это писать рецензіи на художественныя произведенія нашихъ дюжинныхъ литературныхъ производителей. Трудная, потому что о каждомъ новомъ издѣліи такого рода надо говорить idem per idem, или по-русски; «про одни дрожжи твердить трожди»; легкая потому,

что можно бить ихъ гуртами съ одного маху, съ одного плеча. Наставьте въ заглавіи вашей библіографической статейки дюжину романовъ или драмъ, и, благословясь, катайте всѣхъ безъ разбору.

Многіе порицаютъ съ негодованіемъ рѣзкость въ литературныхъ сужденіяхъ и почитаютъ ее уголовнымъ преступленіемъ противъ законовъ общежитія и вѣжливости. «Развѣ, говорятъ они, вы образумите этимъ какого нибудь пустоголоваго риѳмача, или дюжиннаго романиста? Какая же польза отъ вашихъ бранчивыхъ выходокъ»? Но, милостивые государи, развѣ это не польза, если какой-нибудь степной помѣщикъ, прочтя мою рецензію, не купитъ глупой книги, въ ней освистанной, а назначенныя на нее деньги употребитъ на покупку какого-нибудь дѣльнаго сочиненія? Притомъ, если оцѣниваемая книга есть первое произведеніе юноши, обольщеннаго ложнымъ призракомъ славы или угорѣвшаго отъ пріятельскихъ похвалъ и высокаго мнѣнія о своихъ дарованіяхъ, то развѣ не можетъ случиться, что откровенный отзывъ откроетъ ему глаза и обратитъ его дѣятельность къ ученію или занятію какимъ-нибудь полезнымъ дѣломъ? На сильныя болѣзни нужны и сильныя лѣкарства. Щадить посредственность, бездарность, невѣжество или барышничество въ литературѣ, значитъ способствовать къ ихъ усиленію.

Вы скажите: но какое зло дѣлаютъ эти невинныя чада бездѣлья или безталанности? О, большое! увѣряю васъ. Вопервыхъ; они выманиваютъ деньги у добродушныхъ покупателей, и тѣмъ препятствуютъ расходу хорошихъ книгъ, которыя могли бы способствовать или къ распространенію въ обществѣ полезныхъ свѣдѣній или къ развитію чувства изящнаго; потомъ они портятъ вкусъ у людей, жадныхъ до чтенія, но лишенныхъ образованности; наконецъ, каждое изъ сихъ сочиненій раждаетъ нѣсколько другихъ; слѣдовательно, они причиняютъ зло положительное и зло боль-

шое, ибо препятствуютъ распространенію просвѣщенія. На западѣ Европы такого рода книжныя издѣлія не могутъ причинять большаго вреда: тамъ всякій классъ людей, не исключая ни земледѣльцевъ, ни поденьщиковъ, можетъ найдти для себя отличныя произведенія, слѣдовательно не имѣетъ нужды покупать безъ разбора всякую дрянь. Но у насъ другое дѣло; и потому просимъ покорно не прогнѣваться.

Другіе говорятъ еще: «для чего вы только бранитесь, а не доказываете?» Но, милостивые государи, развѣ можно съ слѣпыми разсуждать о цвѣтахъ, съ глухими о музыкѣ? Развѣ можно говорить гг. Сиговымъ, Кузмичевымъ и подобнымъ имъ о законахъ творчества, объ условіяхъ искусства. Разбирать съ доказательствами можно книгу, въ которой при недостаткахъ есть и достоинства.

Вотъ скажу вамъ, напримѣръ, о г. Масальскомъ: онъ совсѣмъ не принадлежитъ къ числу пошлыхъ бумагомарателей и безграмотныхъ писакъ; онъ человѣкъ умный, образованный, знаетъ, какъ слышно, много языковъ и даже до того ученъ, что уличаетъ въ матеріализмѣ, развратѣ, и безбожіи нѣмецкихъ философовъ XIX вѣка *), хотя и плохо разумѣетъ ихъ. Но все это не мѣшаетъ ему быть бездарнымъ писателемъ; ибо умъ, образованность, знанія и даже способность сильно чувствовать, совсѣмъ не одно и то же съ способностью творить. Прочтите любой его романъ: вы не найдете въ немъ ни одной грамматической погрѣшности, ни одного неуклюжаго выраженія, ни одной безсмыслицы—все гладко, умно и прилично. Но за то не найдете и ни одной оригинальной мысли, ни одного сильнаго чувства, ни одной занимательной картины: все такъ обыкновенно, старо, вяло, приторно. Сколько разъ твердили ему

*) Зри „Библіотеку для Чтенія“ томъ VII, стран. 173, въ отдѣленіи „Прозы“.

это въ журналахъ, и однакожъ онъ продолжаетъ пописывать, и, кажется, еще долго не перестанетъ. Что́-жъ тутъ прикажете дѣлать? Говорить комплименты, вѣжливости, повторять общія мѣста? — предоставляемъ подвизаться другимъ на этомъ похвальномъ поприщѣ.

«Регенство Бирона!» Понимаете ли вы, что это за эпоха въ нашей исторіи и что́ можетъ изъ нея сдѣлать истинный талантъ? Что́-жъ сдѣлалъ изъ нея г. Масальскій? Написалъ скучную, вялую сказку, въ которой не видно ни Бирона, ни тогдашней Россіи, ни тогдашнихъ людей; ибо его Биронъ, его люди—о́бразы безъ лицъ; перемѣните имъ имена и перенесите ихъ въ какую вамъ угодно эпоху—все будетъ хорошо и ладно.

Что́ сказать о «Графѣ Обоянскомъ»? Судя по эпиграфу, вы подумаете, что тутъ дѣло идетъ о знаменитой войнѣ 1812 года и герояхъ, увѣковѣчившихъ въ ней имена свои? Ничуть не бывало: это Дюкре-Дюмениилевскій романъ съ Вальтеръ-Скоттовскими приправами. Въ немъ нѣтъ ни слога, ни мыслей, ни созданія, ни характеровъ, ни занима́тельности; словно гора съ плечъ сваливается у васъ, когда вы дочитываетесь до отраднаго слова: конецъ. Тутъ вамъ поневолѣ придутъ на память сіи остроумные стихи:

Всю проповѣдь отца Тарасія хоть кинь;
Одно понравилося мнѣ слово въ ней: аминь!

Жаль, очень жаль; ибо какъ ни плохо произведеніе г. Коншина, а все видно, что онъ могъ бы сдѣлать лучшее употребленіе изъ своихъ дарованій.

Хотите-ли вы знать, что́ такое «Шигоны», т. е. что́ въ нихъ обрѣтается? Прочтите заглавіе этого романа: въ немъ со всею подробностію, хотя и безъ грамматики, высказано все его содержаніе. Впрочемъ это произведеніе, несмотря на ученическія погрѣшности противъ языка, все-таки лучше обоихъ вышеупомянутыхъ. Жаль только, что въ немъ нѣтъ

ни крошки XVI вѣка; ибо глупости вздорной и сумасшедшей бабы и дворскія сплетни еще не выражаютъ жизни русскаго народа въ царствованіе сына Іоанна III. Надобно также замѣтить, что авторъ въ иныхъ мѣстахъ, кажется, жестоко погрѣшаетъ противъ исторической истины, искажаетъ правы и обычаи избранной имъ эпохи. Вообще должно сказать, что этотъ романъ былъ бы гораздо лучше, еслибы его заглавіе было скромнѣе. Подобное шарлатанство и самохвальство не только не располагаетъ образованнаго читателя къ сочиненію, но рѣшительно предубѣждаетъ противъ него. Кто мало обѣщаетъ, отъ того не много и требуютъ. Но когда вы обѣщаете много, а исполняете мало, то пеняйте на самихъ себя, а не на публику и рецензента.

1835.

ТЕЛЕСКОПЪ.

I.

КРИТИКА.

О РУССКОЙ ПОВѢСТИ И ПОВѢСТЯХЪ ГОГОЛЯ.

(АРАБЕСКИ И МИРГОРОДЪ).

Русская литература, несмотря на свою незначительность несмотря даже на сомнительность своего существованія, которое теперь многими признается за мечту, — русская литература испытала множество чуждыхъ и собственныхъ вліяній, отличалась множествомъ направленій. Такъ какъ это имѣетъ прямое отношеніе къ предмету моей статьи, то укажу, въ краткихъ очеркахъ, на главнѣйшія изъ этихъ вліяній и направленій. Литература наша началась вѣкомъ схоластицизма, потому что направленіе ея великаго основателя было не столько художественное, сколько ученое, которое отразилось и на его поэзіи, вслѣдствіе его ложныхъ понятій объ искусствѣ. Сильный авторитетъ его бездарныхъ послѣдователей, изъ коихъ главнѣйшими были Сумароковъ и Херасковъ, поддержалъ и продолжилъ это направленіе. Не имѣя ни искры генія Ломоносова, эти люди пользовались не меньшимъ, и еще чуть ли не большимъ, чѣмъ онъ, авторитетомъ и сообщили юной литературѣ характеръ тяжело-педантическій. Самъ Державинъ заплатилъ, къ несчастію, слишкомъ большую дань этому направленію, чрезъ что много повредилъ и своей самобытности и своему успѣху въ потомствѣ. Вслѣдствіе этого направленія литература

раздѣлилась на «оду» и «эпическую, инако героическую пиму». Послѣдняя, въ особенности, почиталась торжественнѣйшимъ проявленіемъ поэтическаго генія, вѣнцомъ творческой дѣятельности, альфою и омегою всякой литературы, конечною цѣлію художественной дѣятельности каждаго народа и всего человѣчества *). «Петріада» произвела достойныхъ себя чадъ—«Россіяду» и «Владиміра»; а эти, въ свою очередь, нѣсколькихъ длинныхъ Петровъ и наконецъ пресловутую «Александроиду»... Потомъ, только и слышно было, какъ наши лирики, «упиваясь, одопѣніемъ», по выраженію одного изъ нихъ, въ своихъ громогласныхъ одахъ, взапуски заставляли «плясать рѣки и скакать холмы»... Это было главное, характеристическое направленіе; еще тогда же и послѣ были и другія, хотя и не столь сильныя: Крыловъ родилъ тьму баснописцевъ, Озеровъ—трагиковъ, Жуковскій—балладистовъ, Батюшковъ — элегистовъ. Словомъ, каждый замѣчательный талантъ заставлялъ плясать подъ свою дудку толпы бездарныхъ писателей.. Еще вѣкъ тяжелаго схоластицизма не кончился, еще онъ былъ, какъ говорится, во всемъ своемъ разгарѣ, какъ Карамзинъ основалъ новую школу, далъ литературѣ новое направленіе. которое, вначалѣ, ограничило схоластицизмъ, а впослѣдствіи совершенно убило его. Вотъ главная и величайшая заслуга этого направленія, которое было нужно и полезно, какъ реакція, и вредно, какъ направленіе ложное, которое, сдѣлавши свое дѣло, требовало, въ свою очередь, сильной реакціи. По причинѣ огромнаго и деспотическаго вліянія Карамзина и многосторонней его литературной дѣятельности, новое направленіе долго тяготѣло и надъ искусствомъ, и

*) Это смѣшное и жалкое направленіе до того было сильно и такъ долго продолжалось, что многіе литераторы, въ 1813 году, совѣтовали г. Иванчину-Писареву, написавшему довольно фразистую „Надпись на полѣ Бородинскомъ“, написать—что бы вы думали—эпическую поэму!...

надъ наукой, и надъ ходомъ идей и общественнаго образованія. Характеръ этого направленія состоялъ въ сантиментальности, которая была одностороннимъ отраженіемъ характера европейской литературы XVIII вѣка. Въ то время, когда это сантиментальное направленіе было во всемъ цвѣту своемъ, Жуковскій ввелъ литературный мистицизмъ, который состоялъ въ мечтательности, соединенной съ ложнымъ фантастическимъ, но который, въ самомъ-то дѣлѣ, былъ не что иное, какъ нѣсколько возвышенный, улучшенный и подновленный сантиментализмъ, и хотя породилъ тьму бездарныхъ подражателей, но былъ великимъ шагомъ впередъ *). Съ половины втораго десятилѣтія XIX вѣка совершенно кончилась эта однообразность въ направленіи творческой дѣятельности: литература разбѣжалась по разнымъ дорогамъ. Хотя огромное вліяніе Пушкина (который, скажемъ мимоходомъ, составляетъ, на пустынномъ небосклонѣ нашей литературы, вмѣстѣ съ Державинымъ и Грибоѣдовымъ, пока единственное поэтическое созвѣздіе блестящее для вѣковъ) и этому періоду нашей словесности сообщило какой-то общій характеръ; но, во-первыхъ, самъ Пушкинъ былъ слишкомъ разнообразенъ въ тонахъ и формахъ своихъ произведеній, потомъ, вліяніе старыхъ авторитетовъ еще не потеряло своей силы и, наконецъ, знакомство съ европейскими литературами показало новые роды и новый характеръ искусства. Вмѣстѣ съ поэмой пушкинскою, появились — романъ, повѣсть, драма, усилилась элегія и не были забыты—баллада, ода, басня, даже самая эклога и идиллія.

Теперь совсѣмъ не то: теперь вся наша литература пре-

*) Говоря о Жуковскомъ, я имѣю въ виду направленіе, произведенное имъ на литературу, а не оцѣнку его литературныхъ заслугъ, разумѣю его баллады и малое число оригинальныхъ пьесъ, а не переводы, вообще которыми наша литература по справедливости гордится.

вратилась въ романъ и повѣсть. Ода, эпическая поэма, баллада, басня, такъ даже называемая или, лучше сказать, такъ называвшаяся, романтическая поэма, поэма пушкинская, бывало наводнявшая и потоплявшая нашу литературу—все это теперь не больше, какъ воспоминаніе о какомъ-то веселомъ, но давно минувшемъ времени. Романъ все убилъ, поглотилъ, а повѣсть, пришедшая вмѣстѣ съ нимъ, изгладила даже и слѣды всего этого, и самъ романъ съ почтеніемъ посторонился и далъ ей дорогу впереди себя. Какія книги больше всего читаются и раскупаются? Романы и повѣсти. Какія книги доставляютъ литераторамъ и домы и деревни? Романы и повѣсти. Какія книги пишутъ всѣ наши литераторы, призванные и непризванные, начиная отъ самой высокой литературной аристократіи до неугомонныхъ рыцарей Толкуна и Смоленскаго рынка? Романы и повѣсти. Чудное дѣло! Но это еще не все. Въ какихъ книгахъ излагается и жизнь человѣческая, и правила нравственности, и философическая система и, словомъ, всѣ науки? Въ романахъ и повѣстяхъ.

Вслѣдствіе какихъ же причинъ произошло это явленіе? Кто, какой геній, какой могущественный талантъ произвелъ это новое направленіе?... На этотъ разъ нѣтъ виноватаго: причина въ духѣ времени, во всеобщемъ и, можно сказать, всемірномъ направленіи.

Правда, и здѣсь было вліяніе иностранныхъ литературъ, что́ очень естественно, ибо народъ, начинающій принимать участіе въ жизни образованной части человѣчества, не можетъ быть чуждымъ никакого общаго умственнаго движенія. По крайней мѣрѣ, это уже не было слѣдствіемъ успѣха или сильнаго авторитета одного какого-нибудь лица, но было слѣдствіемъ общей потребности. Правда, мы еще не забыли, хотя по имени, прадѣдушки нашихъ романовъ — «Ивана Выжигина»; но онъ былъ ихъ прадѣдушкою только по времени своего появленія, а не по внутреннему достоинству.

Не успѣхъ его заставилъ всѣхъ писать романы, но онъ доказалъ общую потребность. Надобно же было кому-нибудь начать. Притомъ же вопросъ состоялъ не въ томъ—будетъ ли имѣть успѣхъ на Руси романъ. Этотъ вопросъ былъ уже рѣшенъ, ибо тогда переводные романы Вальтеръ Скотта уже начали разливаться по Россіи широкимъ потокомъ. Вопросъ состоялъ въ томъ, можетъ ли имѣть, на Руси, успѣхъ русскій романъ, написанный по русски и почерпнутый изъ русской жизни. Г. Булгарину случилось прежде другихъ рѣшить этотъ вопросъ: вотъ и все.

Романъ и теперь еще въ силѣ и, можетъ-быть, надолго или на всегда будетъ удерживать почетное мѣсто, полученное или, лучше сказать, завоеванное имъ между розами искусства; но повѣсть во всѣхъ литературахъ теперь есть исключительный предметъ вниманія и дѣятельности всего, что пишетъ и читаетъ, нашъ дневной насущный хлѣбъ, наша настольная книга, которую мы читаемъ, смыкая глаза ночью, читаемъ, открывая ихъ по утру. Есть еще третій родъ поэзіи, который долженъ бы, въ наше время, раздѣлять владычество съ романомъ и повѣстью: это драма, хотя ея успѣхи и заслонены успѣхомъ романа и повѣсти. Вслѣдствіе этого всеобщаго направленія, въ нашей литературѣ господствующими родами поэзіи сдѣлались романъ и повѣсть, и сдѣлались, повторяю, не столько вслѣдствіе слѣпаго подражанія, или преобладанія какого нибудь сильнаго дарованія, или, наконецъ, обольщенія слишкомъ необыкновеннымъ успѣхомъ какого-нибудь творенія, сколько вслѣдствіе общей потребности и господствующаго духа времени.

Въ чемъ же заключается причина этой общей потребности, этого господствующаго духа времени, которые всѣ литераторы подвели подъ форму романовъ и повѣстей?

Поэзія двумя, такъ сказать, способами объемлетъ и воспроизводитъ явленія жизни. Эти способы противоположны одинъ другому, хотя ведутъ къ одной цѣли. Поэтъ или пе-

ресоздаетъ жизнь по собственному идеалу, зависящему отъ образа его воззрѣнія на вещи, отъ его отношенія къ міру, къ вѣку и народу, въ которомъ онъ живетъ, или воспроизводитъ ее во всей ея наготѣ и истинѣ, оставаясь вѣренъ всѣмъ подробностямъ, краскамъ и оттѣнкамъ ея дѣйствительности. Поэтому, поэзію можно раздѣлить на два, такъ сказать, отдѣла—на идеальную и реальную. Объяснимся.

Поэзія всякаго народа, въ началѣ своемъ, бываетъ согласна съ жизнію, но въ раздорѣ съ дѣйствительностію, ибо у всякаго младенчествующаго народа, какъ и у младенчествующаго человѣка, жизнь всегда враждуетъ съ дѣйствительностью. Истина жизни недоступна ни для того, ни для другаго; ея высокая простота и естественность непонятная для его ума, неудовлетворительна для его чувства. То что̀, для народа возмужалаго, какъ и для человѣка возмужалаго, кажется торжествомъ бытія и высочайшею поэзіею, для него было бы горькимъ, безотраднымъ разочарованіемъ, послѣ котораго уже не зачѣмъ и не для чего жить. Разоблаченная и обнаженная отъ своихъ ложныхъ красокъ, жизнь представилась бы ему сухою, скучною, вялою и бѣдною прозою, какъ будто бы истина и дѣйствительность не совмѣстны съ поэзіею; какъ будто бы солнце менѣе великолѣпно и лучезарно, когда оно только простой и темный шаръ, а не торжественная колесница Феба; какъ будто бы лазурный куполъ неба менѣе прекрасенъ, когда онъ уже не звѣздный Олимпъ, жилище боговъ безсмертныхъ, а ограниченное нашимъ зрѣніемъ безпредѣльное пространство, вмѣщающее въ себѣ миріады міровъ; какъ будто бы, наконецъ, земля, жилище человѣка, менѣе дивна, когда она лежитъ не на раменахъ Атланта, а держится и движется въ воздушномъ океанѣ, не поддерживаемая ничьею рукою, повинующаяся одному простому закону тяготѣнія!... Такимъ-то образомъ, первобытное человѣчество, въ лицѣ Грека, во всей полнотѣ кипящихъ силъ, во всемъ разгарѣ свѣжаго,

живаго чувства, и юнаго, цвѣтущаго воображенія, объясняло явленія физическаго міра вліяніемъ высшихъ, таинственныхъ силъ. Такимъ же образомъ объясняло оно и явленія нравственнаго міра, подчинивъ ихъ вліянію какой-то грозной и неотразимой силы, которую оно назвало Судьбою. Для Грека не было законовъ природы, не было свободной воли человѣческой. И вотъ почему все сходящее въ кругъ обыкновенной жизни, все, объясняющееся простою причиною, почиталъ онъ недостойнымъ поэзіи, униженіемъ искусства, словомъ, низкою природою—выраженіе такъ глупо понятое, такъ нелѣпо принятое Французами XVIII столѣтія. Для него не существовало человѣка съ его свободною волею, его страстями, чувствами и мыслями, страданіями и радостями, желаніями и лишеніями, ибо онъ еще не созналъ своей индивидуальности, ибо его *я* исчезало въ *я* его народа, идея котораго трепещетъ и дышетъ въ его поэтическихъ созданіяхъ. Его лирическія пѣсни не носятъ на себѣ отпечатка воззрѣнія на міръ, слѣдовъ стремленія допытаться его тайнъ, въ нихъ нѣтъ унылой думы, грустной мечтательности: это просто или торжественный гимнъ благодарности, или пламенный диѳирамбъ радости, выраженіе безсознательной *хары*, ибо онъ смотрѣлъ на природу взоромъ любовника, а не мыслителя, любилъ ее, а не изслѣдовалъ, и вполнѣ былъ доволенъ и очарованъ ею. При взглядѣ на нее, не вопросы, а восторгъ тѣснился въ его душу, и онъ изливалъ этотъ восторгъ или въ благодарственномъ гимнѣ, или бѣшеномъ диѳирамбѣ, или торжественной одѣ. Это его лиризмъ; теперь посмотримъ на его эпопею и драму. Чтó ему жизнь и судьба какого-нибудь частнаго человѣка—этотъ романъ, такъ простой и такъ обыкновенный? Давайте ему царя, полубога, героя! Что ему картина частной жизни, съ ея заботами и хлопотами, съ ея высокимъ и смѣшнымъ, съ ея горемъ и радостью, любовью и ненавистью—эта повѣсть, такъ мелочно-подробная,

такъ суетно-ничтожная? Разверните передъ нимъ картину борьбы народа съ народомъ, представьте ему зрѣлище боевъ и кровопролитій, въ которыхъ принимаютъ участіе сами небожители и которые оканчиваются по изволу и замыслу судьбы самовластной? Романъ и повѣсть для него пошлы—дайте ему поэму, поэму огромную, величественную, полную чудесъ, поэму, въ которой бы отражалась и виднѣлась вся жизнь его, со всѣми оттѣнками, какъ отражается и виднѣется въ чистомъ, спокойномъ зеркалѣ безбрежнаго океана лазоревое небо съ своими облаками,—дайте ему Иліаду... Но проходитъ вѣкъ чудесъ, волею и неволею народъ сближается съ дѣйствительною жизнію и, вмѣсто поэмы, требуетъ драмы. Но онъ и тутъ не измѣняетъ себѣ: онъ только отдалился отъ прошедшаго, но онъ не забылъ его, не охладѣлъ къ нему, неразвыкся съ нимъ. Онъ уже начинаетъ приглядываться къ жизни, но, недовольный ею, не ее хочетъ перенести въ поэзію, но поэзію хочетъ перенести въ нее. Оставляя настоящее, онъ въ прошедшемъ ищетъ элементовъ для своей драмы; и потому его драма не наша, не Шекспировская драма, представительница жизни дѣйствительной, борьбы страстей съ волею человѣка,—нѣтъ: это родъ таинственнаго, религіознаго обряда, мрачная мистерія, жрица и пророчица Судьбы, словомъ, это трагедія, трагедія высокая и благородная, въ царственномъ, героическомъ величіи, трагедія подъ маскою и на котурнѣ. Ея героемъ долженъ быть царь, полубогъ, герой съ вѣнцомъ, вѣнкомъ или шлемомъ на головѣ, скипетромъ, мечемъ или щитомъ въ рукѣ, въ длинной, волнующейся мантіи; ея содержаніемъ долженъ быть жребій цѣлаго поколѣнія царей, полубоговъ или героевъ, тѣсно связанный съ судьбой какого нибудь народа или какого нибудь великаго событія, ибо участь простолюдина и подробности частной жизни оскорбили бы ея царственное величіе, исказили бы ея религіозный характеръ, ибо народъ хотѣлъ видѣть на сце-

нѣ себя, свою жизнь, а не человѣка, не его жизнь. Для своей драмы, точно такъ же какъ и для своей поэмы, выбираетъ онъ изъ жизни одно высокое, благородное, и выбрасываетъ все обыкновенное, повседневное, домашнее, ибо его жизнь на площади, на полѣ брани, во храмѣ, въ судилищѣ, и тамъ его поэзія, а не въ домашнемъ кругу; персонажи его трагедіи должны говорить языкомъ высокимъ, облагороженнымъ, поэтическимъ, ибо они цари, полубоги, герои; его хоръ долженъ выражаться языкомъ таинственнымъ, мрачнымъ и вмѣстѣ торжественнымъ, ибо есть органъ, истолкователь воли ужаснаго Рока.

Таковъ бываетъ характеръ поэзіи первобытныхъ народовъ; такова была поэзія Грековъ.

Но младенчество не вѣчно для человѣка, не вѣчно для народа, не вѣчно для человѣчества; за нимъ слѣдуетъ юность, потомъ возмужалость, а тамъ и старость. Поэзія также имѣетъ свои возрасты, которые всегда параллельны возрастамъ народа. Вѣкъ поэзіи идеальной оканчивается младенческимъ и юношескимъ возрастомъ народа, и тогда искусство должно или перемѣнить свой характеръ, или умереть. Съ искусствомъ человѣчества нашего, новѣйшаго, случилось, какъ увидимъ ниже, первое; съ искусствомъ человѣчества древняго случилось послѣднее, ибо народу, котораго поэзія, вначалѣ, была идеальная, вслѣдствіе его идеальной жизни, невозможно перейдти къ поэзіи реальной. Упрямо, на зло природѣ, держится онъ прошедшаго и въ духѣ и въ формахъ, и, опытный мужъ, невозвратно утратившій вѣру въ чудесное, освоившійся съ опытомъ жизни, силится придать своимъ поэтическимъ созданіямъ колоритъ идеальный. Но такъ какъ у него поэзія не въ ладу съ жизнію, чего никогда не должно быть, то удивительно ли, что онъ становится на ходули за малостію роста, румянится за неимѣніемъ природнаго цвѣта юности, надувается за недостаткомъ голоса; что его чудесное переходитъ въ хо-

лодную аллегорію, героизмъ въ донкихотство? Такова была поэзія греческая, когда, кончивъ свой кругъ, блѣдною тѣнью промелькнула въ Александріи. Но чаще всего это случается съ народами, у которыхъ поэзія развилась не изъ жизни, а явилась вслѣдствіе подражательности: она всегда бываетъ пародіею на свой образецъ; ея величіе, благородство и идеальность похожи на паяца, въ мишурной порфирѣ и бумажной коронѣ, важно расхаживающаго надъ входомъ въ балаганъ. Такова была литература латинская и французская классическая (преимущественно драматическая). Мнимое благородство и возвышенность французской классической трагедіи были не что иное, какъ мѣщанство во дворянствѣ, лакей во фракѣ барина, ворона въ павлиньихъ перьяхъ, обезьянское передразниванье Грековъ, ибо оно не согласовалось съ жизнію. Но всего разительнѣе видно это въ поэмахъ. Иліада была создана народомъ, и въ ней отражалась жизнь Эллиновъ, она была для нихъ священною книгою, источникомъ религіи и нравственности — и эта Иліада безсмертна. Но скажите, Бога ради, что такое эти «Энеиды», эти «Освобожденные Іерусалимы», «Потерянные Раи», «Мессіады»? Не суть ли это заблужденія талантовъ, болѣе или менѣе могущественныхъ, попытки ума, болѣе или менѣе успѣвшія привести въ заблужденіе своихъ почитателей? Кто ихъ читаетъ, кто ими восхищается теперь? Не похожи ли они на старыхъ служивыхъ, которымъ отдаютъ почтеніе не за заслуги, не за подвиги, а за старость лѣтъ? Не принадлежатъ ли они къ числу тѣхъ предразсудковъ, созданныхъ воображеніемъ, которые народъ уважаетъ, когда имъ вѣритъ, и которые онъ щадитъ, когда уже имъ не вѣритъ, щадитъ или за ихъ древность, или по привычкѣ, или по лѣности и неимѣнію свободнаго времени, чтобы разомъ разсмотрѣть ихъ окончательно и разшибить въ прахъ?... Но это вопросъ посторонній: обращаюсь къ дѣлу.

Младенчество древняго міра кончилось; вѣра въ боговъ

и чудесное умерла; духъ героизма исчезъ; насталъ вѣкъ жизни дѣйствительной, и тщетно поэзія становилась на подмостки: въ ней уже не было этого высокаго простодушія, этого простаго, благороднаго, спокойнаго и гигантскаго величія, причина которыхъ заключалась прежде въ гармоніи искусства съ жизнію, въ поэтической истинѣ. Міръ преобразился крестомъ, и обновленное и одухотворенное человѣчество пошло другою дорогою. Родилась идея человѣка, существа индивидуальнаго, отдѣльнаго отъ народа, любопытнаго безъ отношенія, въ самомъ себѣ.... Унылая пѣснь трубадура, въ которой изливалось горе любви, жалоба тоскующей поселянки или заключенной принцессы, пѣснь торжества и побѣды, повѣсть любви, мщенія, подвига чести—все, это получило отзывъ.... Поэма превратилась въ романъ. Правда, этотъ романъ былъ рыцарскій, мечтательный, смѣсь бывалаго съ небывалымъ, возможнаго съ невозможнымъ, но уже и не поэма, и въ немъ зрѣли сѣмена настоящаго романа. Наконецъ, въ XVI вѣкѣ, совершилась окончательная реформа въ искусствѣ: Сервантесъ убилъ своимъ несравненнымъ «Донъ-Кихотомъ» ложно идельное направленіе поэзіи, а Шекспиръ навсегда помирилъ и сочеталъ ее съ дѣйствительною жизнію. Своимъ безграничнымъ и мірообъемлющимъ взоромъ проникъ онъ въ недоступное святилище природы человѣческой и истины жизни, подсмотрѣлъ и уловилъ таинственныя біенія ихъ сокровеннаго пульса. Безсознательный поэтъ-мыслитель, онъ воспроизводилъ, въ своихъ гигантскихъ созданіяхъ, нравственную природу, сообразно съ ея вѣчными, незыблемыми законами, сообразно съ ея первоначальнымъ планомъ, какъ будто бы онъ самъ участвовалъ въ составленіи этихъ законовъ, въ начертаніи этого плана. Новый Протей, онъ умѣлъ вдыхать душу живу въ мертвую дѣйствительность; глубокій аналистъ, онъ умѣлъ, въ самыхъ, повидимому, ничтожныхъ обстоятельствахъ жизни и дѣйствіяхъ воли человѣка, находить

ключъ къ разрѣшенію высочайшихъ психологическихъ явленій его нравственной природы. Онъ никогда не прибѣгаетъ ни къ какимъ пружинамъ или подставкамъ въ ходѣ своихъ драмъ; ихъ содержаніе развивается у него свободно, естественно, изъ самой своей сущности, по непреложнымъ законамъ необходимости. Истина, высочайшая истина—вотъ отличительный характеръ его созданій. У него нѣтъ идеаловъ, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова; его люди—настоящіе люди, какъ они есть, какъ должны быть. Каждая его драма есть символъ, отдѣльная часть міра, сосредоточенная фокусомъ фантазіи въ тѣсныхъ рамахъ художественнаго произведенія, и представленная какъ бы въ миніатюрѣ. У него нѣтъ симпатій, нѣтъ привычекъ, склонностей, нѣтъ любимыхъ мыслей, любимыхъ типовъ: онъ безстрастенъ, какъ

> Думный дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый.

который

> Спокойно зритъ на лица подсудимыхъ.
> Добру и злу внимая равнодушно.

Онъ былъ яркою зарею и торжественнымъ разсвѣтомъ эры новаго истиннаго искусства, и онъ нашелъ себѣ отзывъ въ поэтахъ новѣйшаго времени, которые возвратили искусству еще достоинство, униженное, поруганное французскими классиками. Еще въ концѣ XVIII вѣка, въ лицѣ Гете и Шиллера—двухъ великихъ геніевъ, начавшихъ свое поприще изученіемъ Шекспира,—они пошли по его слѣдамъ. Въ началѣ XIX вѣка, явился новый великій геній, проникнутый его духомъ, который докончилъ соединеніе искусства съ жизнію, взявъ въ посредники исторію. Вальтеръ Скоттъ въ этомъ отношеніи былъ вторымъ Шекспиромъ, былъ главою великой школы, которая теперь становится всеобщею и всемірною И кто знаетъ? можетъ-быть, нѣкогда исторія сдѣлается художественнымъ произведеніемъ и смѣнитъ романъ. такъ какъ романъ, смѣнилъ эпопею... Развѣ уже и

теперь не всѣ убѣждены, что Божіе твореніе выше всякаго человѣческаго, что она есть самая дивная поэма, какую только можно вообразить, и что высочайшая поэзія состоитъ не въ томъ, чтобы украшать его, но въ томъ, чтобы воспроизводить его въ совершенной истинѣ и вѣрности?

Итакъ, вотъ другая сторона поэзіи, вотъ поэзія реальная, поэзія жизни, поэзія дѣйствительности, наконецъ, истинная и настоящая поэзія нашего времени. Ея отличительный характеръ состоитъ въ вѣрности дѣйствительности; она не пересоздаетъ жизнь, но воспроизводитъ, возсоздаетъ ее, и, какъ выпуклое стекло, отражаетъ въ себѣ, подъ одною точкою зрѣнія, разнообразныя ея явленія, выбирая изъ нихъ тѣ, которыя нужны для составленія полной, оживленной и единой картины. Объемомъ и границами содержимаго этой картины должны опредѣляться великость и геніальность поэтическаго созданія. Чтобы докончить характеристику того, что́ я называю «реальною поэзіею», прибавлю, что вѣчный герой, неизмѣнный предметъ ея вдохновеній, есть человѣкъ, существо самостоятельное, свободнодѣйствующее, индивидуальное, символъ міра, конечное его проявленіе, любопытная загадка для самаго себя, окончательный вопросъ собственнаго ума, послѣдняя загадка своего любознательнаго стремленія... Разгадкою этой загадки, отвѣтомъ на этотъ вопросъ, рѣшеніемъ этой задачи— должно быть полное сознаніе, которое есть тайна, цѣль и причина его бытія!...

Удивительно ли, послѣ этого, что въ наше время преимущественно развилось это реальное направленіе поэзіи, это тѣсное сочетаніе искусства съ жизнію? Удивительно ли, что отличительный характеръ новѣйшихъ произведеній вообще состоитъ въ безпощадной откровенности, что въ нихъ жизнь является какъ бы на позоръ, во всей наготѣ, во всемъ ея ужасающемъ безобразіи и во всей ея торжественной красотѣ; что въ нихъ какъ будто вскрываютъ ее ана-

томическимъ ножемъ? Мы требуемъ не идеала жизни, но самой жизни, какъ она есть. Дурна ли, хороша ли, но мы не хотимъ ее украшать, ибо думаемъ, что въ поэтическомъ представленіи она равно прекрасна въ томъ и другомъ случаѣ, и потому именно, что истина, и что гдѣ истина, тамъ и поэзія.

Итакъ, въ наше время невозможна идеальная поэзія? Нѣтъ, именно въ наше-то время и возможна она, и нашему времени предоставлено развить ее, только не въ томъ смыслѣ, какъ у древнихъ. У нихъ, поэзія была идеальною, вслѣдствіе ихъ идеальной жизни; у насъ, она существуетъ вслѣдствіе духа нашего времени. Говоря о поэзіи реальной, я упоминалъ только объ эпопеѣ и драмѣ и ничего не сказалъ о лиризмѣ. Чѣмъ отличается лиризмъ нашего времени отъ лиризма древнихъ? У нихъ, какъ я уже сказалъ, это было безотчетное изліяніе восторга, происходившаго отъ полноты и избытка внутренней жизни, пробуждавшагося при сознаніи своего бытія и воззрѣнія на внѣшній міръ, и выражавшагося въ молитвѣ и пѣснѣ. Для насъ, внѣшняя природа, безъ отношеній къ идеѣ всеобщей жизни, не имѣетъ никакого смысла, никакого значенія; мы не столько наслаждаемся ею, сколько стремимся постигнуть ее; для насъ, наша жизнь, сознаніе нашего бытія, есть болѣе задача, которую мы ищемъ рѣшить, нежели даръ, которымъ бы мы спѣшили пользоваться. Мы приглядѣлись къ ней, мы свыклись съ нимъ; для насъ жизнь уже не веселое пиршество, не праздественное ликованіе, но поприще труда, борьбы, лишеній и страданій. Отсюда проистекаетъ эта тоска, эта грусть, эта задумчивость и, вмѣстѣ съ ними, эта мыслительность, которыми проникнутъ нашъ лиризмъ. Лирическій поэтъ нашего время болѣе грустить и жалуется, нежели восхищается и радуется, болѣе спрашиваетъ и изслѣдуетъ, нежели безотчетно восклицаетъ. Его пѣснь—жалоба, его ода—вопросъ. Если его пѣснь обращена на внѣшнюю при-

роду, онъ не удивляется ей, не хвалитъ ее, а ищетъ въ ней допытаться тайны своего бытія, своего назначенія, своихъ страданій. Для всего этого, ему кажутся тѣсны рамы древней оды, и онъ переноситъ свой лиризмъ въ эпопею и въ драму. Въ такомъ случаѣ, у него естественность, гармонія съ законами дѣйствительности—дѣло постороннее; въ такомъ случаѣ, онъ какъ бы заранѣе условливается, договаривается съ читателемъ, чтобы тотъ вѣрилъ ему на слово и искалъ въ его изданіи не жизни, а мысли. Мысль—вотъ предметъ его вдохновенія. Какъ въ оперѣ, для музыки пишутся слова и придумывается сюжетъ, такъ онъ создаетъ, по волѣ своей фантазіи, форму для своей мысли. Въ этомъ случаѣ, его поприще безгранично, ему открытъ весь дѣйствительный и воображаемый міръ, все роскошное царство вымысла, и прошедшее и настоящее, и исторія и басня и преданіе, и народное суевѣріе и вѣрованіе, земля и небо и адъ! Безъ всякаго сомнѣнія, и тутъ есть своя логика, своя поэтическая истина, свои законы возможности и необходимости, которымъ онъ остается вѣренъ, но только дѣло въ томъ, что онъ же самъ и творитъ себѣ эти условія. Эта новѣйшая идеальная поэзія ведетъ свое начало отъ древней, ибо у нея заняла она благородство, величіе и поэтичный, возвышенный языкъ, столь противоположный обыкновенному, разговорному, и уклончивость отъ всего мелочнаго и житейскаго. Чтобы не говорить много, скажу, что къ созданіямъ такого рода принадлежатъ, напримѣръ: «Фаустъ» Гёте, «Манфредъ» Байрона, «Дзяды» Мицкевича, «Лалла-Рукъ» Томаса Мура, фантастическія видѣнія Жанъ-Поля, подражанія Гёте и Шиллера древнимъ («Ифигенія», «Мессинская Невѣста») и пр. Теперь думаю, что я довольно удовлетворительно объяснилъ различіе между тѣмъ, что я называю «идеальною» и «реальною» поэзіею.

Впрочемъ, есть точки соприкосновенія, въ которыхъ сходятся и сливаются эти два элемента поэзіи. Сюда должно

отнести, во-первыхъ, поэмы Байрона, Пушкина, Мицкевича, эти поэмы, въ которыхъ жизнь человѣческая представляется, сколько возможно, въ истинѣ, но только въ самыя торжественнѣйшія свои проявленія, въ самыя лирическія свои минуты; потомъ, всѣ эти, незрѣлыя, но кипящія избыткомъ силы, произведенія, которыхъ предметъ есть жизнь дѣйствительная, но въ которыхъ эта жизнь какъ бы пересоздается и преображается, или вслѣдствіе какой нибудь любимой, задушевной мысли, или односторонняго, хотя и могучаго, таланта, или, наконецъ, отъ избытка пылкости, не дающей автору глубже и основательнѣе вникнуть въ жизнь и постичь ее такъ, какъ она есть, во всей ея истинѣ. Таковы «Разбойники» Шиллера—этотъ пламенный, дикій диѳирамбъ, подобно лавѣ изторгнувшійся изъ глубины юной, энергической души—гдѣ событіе, характеры и положенія, какъ будто придуманы для выраженія идей и чувствъ, такъ сильно волновавшихъ автора, что для нихъ были бы слишкомъ тѣсны формы лиризма. Нѣкоторые находятъ въ первыхъ драматическихъ произведеніяхъ Шиллера много фразъ; напримѣръ, говорятъ они, изъ всего огромнаго монолога К. Моора, когда онъ объявляетъ разбойникамъ о своемъ отцѣ, человѣкъ, въ подобномъ положеніи, могъ бы сказать развѣ какихъ-нибудь два-три слова. По моему, такъ онъ не сказалъ бы ни слова, а развѣ только показалъ бы безмолвно рукою на своего отца, и однакожъ, у Шиллера, Мооръ говоритъ много, и однакожъ въ его словахъ нѣтъ и тѣни фразеологіи. Дѣло въ томъ, что здѣсь говоритъ не персонажъ, а авторъ, что въ цѣломъ этомъ созданіи нѣтъ истины жизни, но, есть истина чувства; нѣтъ дѣйствительности, нѣтъ драмы, но есть бездна поэзіи; ложны положенія, неестественны ситуаціи, но вѣрно чувство, но глубока мысль, словомъ, дѣло въ томъ, что на «Разбойниковъ» Шиллера должно смотрѣть не какъ на драму, представительницу жизни, но какъ на лирическую поэму въ формѣ драмы,

поэму огненную, кипучую. На монологъ Карла Моора должно смотрѣть не какъ на естественное, обыкновенное выраженіе чувствъ персонажа, находящагося въ извѣстномъ положеніи, но какъ на оду, которой смыслъ или предметъ есть выраженіе негодованія противъ извърговъ-дѣтей, попирающихъ святость сыновняго долга. Вслѣдствіе такого взгляда, мнѣ кажется, должны исчезнуть всѣ фразы въ этомъ произведеніи Шиллера и уступить мѣсто истинной поэзіи.

Вообще можно сказать, что почти всѣ драмы Шиллера, больше или меньше, таковы (исключая «Маріи Стюартъ» и «Вильгельма Теля»), ибо Шиллеръ былъ не столько великій драматургъ въ частности, сколько великій поэтъ вообще. Драма должна быть въ высочайшей степени спокойнымъ и безпристрастнымъ зеркаломъ дѣйствительности, и личность автора должна исчезать въ ней, ибо она есть по преимуществу поэзія реальная. Но Шиллеръ даже въ своемъ «Валленштейнѣ» выказывается, и только въ «Вильгельмѣ Телѣ» является истиннымъ драматикомъ. Но не обвиняйте его въ недостаткѣ генія или въ односторонности; есть умы, есть характеры, столь оригинальные и чудные, столь непохожіе на остальную часть людей, что кажутся чудными этому міру, и за то міръ кажется имъ чуждъ, и, недовольные имъ, они творятъ себѣ свой собственный міръ и живутъ только въ немъ: Шиллеръ былъ изъ числа такихъ людей. Покоряясь духу времени, онъ хотѣлъ быть реальнымъ въ своихъ созданіяхъ, но идеальность оставалась преобладающимъ характеромъ его поэзіи, вслѣдствіе влеченія его генія.

Итакъ, поэзію можно раздѣлить на идеальную и реальную. Трудно было бы рѣшить, которой изъ нихъ должно отдать преимущество. Можетъ-быть, каждая изъ нихъ равна другой, когда удовлетворяетъ условіямъ творчества, т. е. когда идеальная гармонируетъ съ чуствомъ, а реальная съ истиною представляемой ею жизни. Но кажется, что послѣдняя, родившаяся вслѣдствіе духа нашего положительнаго

времени, болѣе удовлетворяетъ его господствующей потребности. Впрочемъ, здѣсь много значитъ и индивидуальность вкуса. Но какъ бы то ни было, въ наше время, та и другая равно возможны, равно доступны и понятны всѣмъ; но со всѣмъ этимъ, послѣдняя есть по преимуществу поэзія нашего времени, болѣе понятная и доступная для всѣхъ и каждаго, болѣе согласная съ духомъ и потребностію нашего времени. Теперь «Мессинская Невѣста» и «Жанна д'Аркъ» Шиллера найдутъ сочувствіе и отзывъ; но задушевными, любимыми созданіями времени всегда останутся тѣ, въ коихъ жизнь и дѣйствительность отражаются вѣрно и истинно.

Не знаю почему въ наше время драма не оказываетъ такихъ большихъ успѣховъ, какъ романъ и повѣсть. Ужъ не потому ли, что она непремѣнно требуетъ Гёте, Шиллеровъ, если не Шекспировъ, на произведенія которыхъ природа особенно скупа, или потому, что драматическіе таланты вообще особенно рѣдки? Не умѣю рѣшить этого вопроса. Можетъ быть, романъ удобнѣе для поэтическаго представленія жизни. И въ самомъ дѣлѣ, его объемъ, его рамы до безконечности неопредѣленны; онъ менѣе гордъ, менѣе прихотливъ, нежели драма, ибо, плѣняя не столько частями и отрывками, сколько цѣлымъ, допускаетъ въ себѣ и такія подробности, такія мелочи, которыя при всей своей кажущейся ничтожности, если на нихъ смотрѣть отдѣльно, имѣютъ глубокій смыслъ и бездну поэзіи въ связи съ цѣлымъ, въ общности сочиненія, тогда, какъ тѣсныя рамки драмы, прямо или косвенно, больше или меньше, но всегда покоряющейся сценическимъ условіямъ, требуютъ особенной быстроты и живости въ ходѣ дѣйствія и не могутъ допускать въ себя большихъ подробностей, ибо драма, преимущественно предъ всѣми родами поэзіи, представляетъ жизнь человѣческую въ ея высшемъ и торжественнѣйшемъ проявленіи. Итакъ, форма и условія романа удобнѣе для поэтическаго представленія человѣка, разсматриваемаго въ отно-

шеніи къ общественной жизни, и вотъ, мнѣ кажется, тайна его необыкновеннаго успѣха, его безусловнаго владычества.

Но повѣсть?—ея значеніе, тайна ея владычества, теперь деспотическаго, своеправнаго, не терпящаго соперничества? Что̀ такое и для чего эта повѣсть, безъ которой книжка журнала есть то же, что̀ былъ бы человѣкъ въ обществѣ безъ сапогъ и галстука, эта повѣсть, которую теперь всѣ пишутъ и всѣ читаютъ, которая воцарилась и въ будуарѣ свѣтской женщины и на письменномъ столѣ записнаго ученаго, наконецъ, эта повѣсть, которая какъ будто вытѣснила самый романъ?... Когда-то и гдѣ-то было прекрасно сказано, что «повѣсть есть эпизодъ изъ безпредѣльной поэмы судебъ человѣческихъ». Это очень вѣрно; да, повѣсть—распавшійся на части, на тысячи частей, романъ; глава, вырванная изъ романа. Мы люди дѣловые, мы безпрестанно суетимся, хлопочемъ, мы дорожимъ временемъ, намъ некогда читать большихъ и длинныхъ книгъ — словомъ, намъ нужна повѣсть. Жизнь наша, современная, слишкомъ разнообразна, многосложна, дробна: мы хотимъ, чтобы она отражалась въ поэзіи, какъ въ граненомъ, угловатомъ хрусталѣ, милліоны разъ повторенная во всѣхъ возможныхъ образахъ, и требуемъ повѣсти. Есть событія, есть случаи, которыхъ, такъ сказать, не хватило бы на драму, не стало бы на романъ, но которыя глубоки, которыя въ одномъ мгновеніи сосредоточиваютъ столько жизни, сколько не изжить ея и въ вѣка: повѣсть ловитъ ихъ и заключаетъ въ свои тѣсныя рамки. Ея форма можетъ вмѣстить въ себѣ все, что̀ хотите—и легкій очеркъ нравовъ и колкую саркастическую насмѣшку надъ человѣкомъ и обществомъ, и глубокое таинство души, и жестокую игру страстей. Краткая и быстрая, легкая и глубокая вмѣстѣ, она перелетаетъ съ предмета на предметъ, дробитъ жизнь по мелочи и вырываетъ листки изъ великой книги этой жизни. Соедините эти листки подъ одинъ переплетъ, и какая об-

ширная книга, какой огромный романъ, какая многосложная поэма составилась бы изъ нихъ! Что̀ въ сравненіи съ нею ваша безконечная «Тысяча и одна ночь» или обильная эпизодами «Магабгарата» и «Рамайяна»! Какъ бы хорошо шло къ этой книгѣ заглавіе: Человѣкъ и жизнь!...

Въ русской литературѣ повѣсть еще гостья, но гостья, которая, подобно ему, вытѣсняетъ давнишнихъ и настоящихъ хозяевъ изъ ихъ законнаго жилища. Я уже говорилъ, въ началѣ моей статьи, и теперь повторяю, что романъ и повѣсть суть единственные роды, которые появились въ нашей литературѣ не столько по духу подражательности, сколько вслѣдствіе потребности. Думаю, что предъидущее разсужденіе содержитъ въ себѣ довольно удовлетворительное объясненіе причины ея появленія и успѣховъ. Теперь бросимъ взлядъ на ея ходъ въ нашей литературѣ.

Повѣсть наша началась недавно, очень недавно, а именно съ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. До того же времени, она была чужеземнымъ растеніемъ, перевезеннымъ изъ за моря по прихоти и модѣ, и насильственно пересаженнымъ на чуждую почву. Можетъ-быть поэтому она и не принялась. Карамзинъ первый, впрочемъ съ помощію Макарова, призвалъ эту гостью, набѣленную, нарумяненную, какъ русская купчиха, плаксивую и слезливую, какъ избалованное дитя недотрога, высокопарную и надутую, какъ классическая трагедія, скучно-поучительную и приторно-нравственную, какъ лицемѣрная богомолка, воспитанницу мадамъ Жанлисъ, крестницу добренькаго Флоріана. Къ такому роду повѣстей принадлежатъ всѣ повѣсти, писавшіяся до двадцатыхъ годовъ, да ихъ, къ счастію, и немного было написано: «Марьина Роща» Жуковскаго, нѣсколько повѣстей покойнаго В. Измайлова и... право, не помню, какія еще.

Въ двадцатыхъ годахъ обнаружились первыя попытки создать истинную повѣсть. Это было время всеобщей лите-

ратурной реформы, явившейся вслѣдствіе начинавшагося знакомства съ нѣмецкою, англійскою и новою французскою литературами и съ здравыми понятіями о законахъ творчества. Если повѣсть не оказала тогда настоящихъ успѣховъ, по крайней мѣрѣ, обратила на себя всеобщее вниманіе по своей новости и небывалости. Чтобы не говорить много, скажу, что г. Марлинскій былъ первымъ нашимъ повѣствователемъ, былъ творцомъ, или, лучше сказать, зачинщикомъ русской повѣсти.

Я уже имѣлъ случай высказать мое мнѣніе объ этомъ писателѣ, и такъ какъ потомъ, по собственномъ размышленіи и по соображеніи съ общимъ мнѣніемъ, не только не имѣлъ причинъ отказаться отъ него, но еще болѣе утвердился въ немъ, то теперь повторю уже сказанное мною прежде. Г. Марлинскій владѣетъ неотъемлемымъ и замѣтнымъ талантомъ, талантомъ разсказа, живаго, остроумнаго, занимательнаго; но онъ не измѣрилъ своихъ силъ, не созналъ своего направленія, и потому, доказавши, что имѣетъ талантъ, не сдѣлалъ почти ничего. Въ художественной дѣятельности есть своя добросовѣстность, и многіе авторы пришли бы въ большое замѣшательство, еслибы попросили ихъ разсказать исторію своихъ сочиненій, то есть: побужденія, вслѣдствіе которыхъ они написаны, обстоятельства, сопровождавшія ихъ появленіе на свѣтъ, а болѣе всего, душевное, психическое состояніе автора въ то время, когда онъ писалъ. Вдохновеніе есть страдательное, можно сказать, болѣзненное состояніе души, и его симптомы теперь хорошо всѣмъ извѣстны. Человѣкъ въ горячкѣ, безъ труда, безъ усилій и безъ вреда себѣ, поднимаетъ ужасныя тягости: это называется у медиковъ энергіею или напряженнымъ состояніемъ жизненной дѣятельности. Человѣкъ здоровый можетъ возбудить въ себѣ насильственно, до нѣкоторой степени, эту энергію, да бѣда въ томъ, что она должна дорого обойдтись ему. Вдохновеніе, въ этомъ смы-

слѣ, есть энергія души, возбужденная не волею человѣка, но какимъ-то независящимъ отъ него вліяніемъ, и поэтому оно непринужденно и свободно. Есть еще другаго рода вдохновеніе—вдохновеніе, усиленное волею, желаніемъ, цѣлію, разсчетомъ, какъ будто пріемомъ опія. Плоды этого вдохновенія иногда блестящи на видъ, но ихъ блескъ есть блескъ фольги, а не золота, блескъ, тускнѣющій отъ времени. Правда, въ комъ нѣтъ таланта, тому нельзя приходить даже и въ напряженный восторгъ, ибо напрягать можно только что-нибудь существующее, положительное, хотя и слабое; напрягать или натягивать чувство, фантазію, словомъ, талантъ, можетъ только тотъ, кто хотя въ нѣкоторой степени владѣетъ всѣмъ этимъ, и г. Марлинскій точно владѣетъ всѣмъ этимъ въ нѣкоторой степени, и усиліемъ возбуждаетъ все это до высшей степени. Между множествомъ натяжекъ, въ его сочиненіяхъ есть красоты истинныя, неподдѣльныя; но кому пріятно заниматься химическимъ анализомъ, вмѣсто того, чтобы наслаждаться поэтическимъ синтезомъ, и, сверхъ того, кто можетъ довѣрчиво любоваться и истинною красотою, если и найдетъ такую, когда замѣтитъ множество поддѣльныхъ?... Но это частности; что же касается до общности, цѣлости произведеній г. Марлинскаго, то объ нихъ еще менѣе можно сказать въ его пользу. Это не реальная поэзія — ибо въ нихъ нѣтъ истины жизни, нѣтъ дѣйствительности, такой, какъ она есть, ибо въ нихъ все придумано, все разсчитано по разсчетамъ вѣроятностей, какъ это бываетъ при дѣланіи или сочиненіи машинъ; ибо въ нихъ видны нитки, коими сметано ихъ дѣйствіе, видны блоки и веревки, коими приводится въ движеніе ходъ этого дѣйствія: словомъ — это внутренность театра, въ которомъ искусственное освѣщеніе борется съ дневнымъ свѣтомъ и побѣждается имъ. Это не идеальная поэзія — ибо въ нихъ нѣтъ глубокости мысли, пламени чувства, нѣтъ лиризма, а если и есть всего этого

понемногу, то напряженное и преувеличенное насильственнымъ усиліемъ, что̀ доказывается даже самою черезчуръ цвѣтистою фразеологіею, которая никогда не бываетъ слѣдствіемъ глубокаго, страдательнаго и энергическаго чувства.

Г. Марлинскій началъ свое поприще съ повѣстей русскихъ, народныхъ, т. е. такихъ, содержаніе которыхъ берется изъ міра русской жизни. Какъ опытъ, какъ попытка, онѣ были прекрасны, и въ свое время заслужили справедливое вниманіе; но, какъ произведенія не созданныя, а сдѣланныя, онѣ теперь утратили свою цѣну. Въ нихъ не было истины дѣйствительности, слѣдовательно, не было и истины русской жизни. Народность состояла въ русскихъ именахъ, въ избѣжаніи явнаго нарушенія вѣрности событій и обычаевъ, и въ поддѣлкѣ подъ ладъ русской рѣчи, въ приговоркахъ и пословицахъ, но не болѣе. Русскіе персонажи повѣстей г. Марлинскаго говорятъ и дѣйствуютъ какъ нѣмецкіе рыцари; ихъ языкъ риторическій, въ родѣ монологовъ классической трагедіи; и посмотрите, съ этой стороны, на «Бориса Годунова» Пушкина—то ли это?... Но, несмотря на все это, повѣсти г. Марлинскаго, не прибавивши ничего къ суммѣ русской поэзіи, доставили много пользы русской литературѣ, были для нея большимъ шагомъ впередъ. Тогда въ нашей литературѣ было еще полное владычество XVIII вѣка, русскаго XVIII вѣка; тогда еще всѣ повѣсти и романы оканчивались счастливо; тогда нашу публику могли занять похожденія какого-нибудь выходца изъ собачей конуры, тысяча первой пародіи на Жильблаза, негодяя, который съ-молоду подличалъ, обманывалъ, вдавался самъ въ обманъ, обольщалъ женщинъ и самъ былъ ихъ игрушкою, а потомъ изъ негодяя дѣлался вдругъ порядочнымъ человѣкомъ, влюблялся по разсчету, женился счастливо и богато, и съ милліономъ въ карманѣ принимался проповѣдывать пошлую мораль о блаженствѣ подъ соломенною кровлею, у свѣтлаго источника, подъ тѣнью

развѣсистой березы. Въ повѣстяхъ г. Марлинскаго была новѣйшая европейская манера и характеръ, вездѣ былъ виденъ умъ, образованность, встрѣчались отдѣльныя прекрасныя мысли, поражавшія и своею новостію и своею истиною; прибавьте къ этому его слогъ, оригинальный и блестящій въ самыхъ натяжкахъ, въ самой фразеологіи—и вы не будете болѣе удивляться его чрезвычайному успѣху.

Почти въ то самое время, какъ русская публика переходила съ изумленіемъ отъ новости къ новости, часто принимала новость за достоинство, равно удивлялась и Пушкину и Марлинскому и Булгарину, въ то самое время начали появляться разные литературные опыты кн. Одоевскаго. Эти опыты состояли большею частію изъ аллегорій и всѣ отличались какимъ-то не общимъ выраженіемъ своего характера Основный элементъ ихъ составлялъ дидактизмъ, а характеръ—юморъ. Этотъ дидактизмъ проявлялся не въ сентенціяхъ, но былъ всегда какою-то arrière-pensèe, идеею невидимою и, вмѣстѣ съ тѣмъ, осязаемою; этотъ юморъ состоялъ не въ веселомъ расположеніи, понуждающемъ человѣка добродушно и невинно подшучивать надо всѣмъ, что ни попадается на глаза, но въ глубокомъ чувствѣ негодованія на человѣческое ничтожество во всѣхъ его видахъ, въ затаенномъ и сосредоточенномъ чувствѣ ненависти, источникомъ которой была любовь. Поэтому, аллегоріи князя Одоевскаго были исполнены жизни и поэзіи, несмотря на то, что самое слово аллегорія такъ противоположно слову поэзія. Первою его повѣстью, помнится, былъ «Элладій»: жалѣю, что у меня теперь нѣтъ подъ рукою этой повѣсти, а по прошлымъ впечатлѣніямъ судить боюсь. Не знаю, произвела ли она тогда какое-нибудь вліяніе на нашу публику, не знаю даже, была ли она замѣчена ею; но знаю, что, въ свое время, эта повѣсть была дивнымъ явленіемъ въ литературномъ смыслѣ: несмотря на всѣ недостатки, сопровождающіе всякое первое произведеніе, несмотря на

растянутость по мѣстамъ, происходившую отъ юности таланта, неумѣвшаго сосредоточивать и сжимать свои порывы, въ ней была мысль и чувство, былъ характеръ и физіономія; въ ней, въ первый разъ, блеснули идеи нравственности XIX вѣка, новаго гостя на Руси; въ первый разъ была сдѣлана нападка на XVIII вѣкъ, слишкомъ загостившійся на святой Руси и получившій въ ней свой собственный, еще безобразнѣйшій характеръ. Впослѣдствіи кн. Одоевскій, вслѣдствіе возмужалости и зрѣлости своего таланта, далъ другое направленіе своей художественной дѣятельности. Художникъ — эта дивная загадка—сдѣлался предметомъ его наблюденій и изученій, плоды которыхъ онъ представлялъ не въ теоретическихъ разсужденіяхъ, но въ живыхъ созданіяхъ фантазіи, ибо художникъ для него былъ столько же загадкою чувства, сколько и ума. Высшія мгновенія жизни художника, разительнѣйшія проявленія его существованія, дивная и горестная судьба, были имъ схвачены съ удивительною вѣрностію и выражены въ глубокихъ поэтическихъ символахъ. Потомъ, онъ оставилъ аллегорію и замѣнилъ ихъ чисто-поэтическими фантазіями, проникнутыми необыкновенною теплотою чувства, глубокостію мысли и какою-то горькою и ѣдкою ироніею. Поэтому, не ищите въ его созданіяхъ поэтическаго представленія дѣйствительной жизни, не ищите въ его повѣстяхъ повѣсти, ибо повѣсть была для него не цѣлью, но, такъ сказать, средствомъ, не существенною формою, а удобною рамою. И не удивительно: въ наше время и самъ Ювеналъ писалъ бы не сатиры, а повѣсти, ибо если есть идеи времени, то есть и формы времени. Но объ этомъ я говорилъ выше; дѣло въ томъ, что кн. Одоевскій поэтъ міра идеальнаго, а не дѣйствительнаго. Но вотъ что̀ странно: есть нѣсколько фактовъ, которые не позволяютъ такъ рѣшительно ограничить поприще его худежественной дѣятельности. Есть въ нашей литературѣ, какой-то г. Безгласный и какой-то

дѣдушка Ириней, люди совсѣмъ не идеальные, люди слишкомъ глубоко проникнувшіе въ жизнь дѣйствительную и вѣрно воспроизводящіе ее въ своихъ поэтическихъ очеркахъ: вы вѣрно не забыли курьёзной исторіи о томъ, какъ у почтеннаго городничаго города Ржева завелась въ головѣ жаба и какъ уѣздный лѣкарь хотѣлъ ее вырѣзать, и не менѣе курьёзной исторіи подъ названіемъ «Княжна Мими»—этихъ двухъ вѣрныхъ картинъ нашего разнокалибернаго общества? Знаете-ли что? мнѣ кажется, будто эти люди пишутъ подъ вліяніемъ кн. Одоевскаго, даже чуть-ли не подъ его диктовку: такъ много у нихъ общаго съ нимъ и въ манерѣ, и въ колоритѣ, и во многомъ... Впрочемъ, это одно предположеніе, котораго прошу не принимать за утвержденіе; можетъ-быть, я ошибаюсь, подобно многимъ...

Слѣдуя хронологическому порядку, я долженъ теперь говорить о повѣстяхъ г. Погодина. Ни одна изъ нихъ не была историческою, но всѣ были народными, или, лучше сказать, простонародными. Я говорю это не въ осужденіе ихъ автору и не въ шутку, а потому, что, въ самомъ дѣлѣ, міръ его поэзіи есть міръ простонародный, міръ купцовъ, мѣщанъ, мелкопомѣстнаго дворянства и мужиковъ, которыхъ онъ, надо сказать правду, изображаетъ очень удачно, очень вѣрно. Ему такъ хорошо извѣстны ихъ образъ мыслей и чувствъ, ихъ домашняя и общественная жизнь, ихъ обычаи, нравы и отношенія, и онъ изображаетъ ихъ съ особенною любовью съ особеннымъ успѣхомъ. Его «Нищій», такъ естественно, вѣрно и простодушно расказывающій о своей любви и своихъ страданіяхъ, можетъ служить типомъ благородно-чувствующаго простолюдина. Въ «Черной Немочи» бытъ нашего средняго сословія, съ его полу-дикимъ, полу-человѣческимъ образованіемъ, со всѣми его оттѣнками и родимыми пятнами, изображенъ кистью мастерскою. Этотъ купецъ, который такъ крѣпко держитъ въ ежовыхъ рукавицахъ и жену и сына, который, при милліонахъ, живетъ какъ мужикъ, который

чванится своимъ богатствомъ, какъ глупый баринъ своимъ дворянствомъ, который, по прочтеніи реэстра приданаго, говоритъ, что «Божьяго-то благословенія маловато», который, наконецъ, убиваетъ роднаго сына, изъ родительской любви, и боится, какъ дьявольскаго навожденія, всякой человѣческой мысли, всякаго человѣческаго чувства, чтобъ не погрѣшить противъ «Чистѣйшей нравственности», которой держались столько столѣтій его отцы и праотцы; эта купчиха глупая и толстая, которая такъ боится кулака и плети своего дражайшаго сожителя, что не смѣетъ, безъ его спросу, выйдти со двора, не смѣетъ сказать передъ нимъ лишняго слова и даже затаиваетъ, въ его присутствіи, свою материнскую любовь къ сыну; эта попадья, то бранящая батрака и распоряжающаяся на погребѣ, то, мучимая женскимъ любопытствомъ, подслушивающая, сквозь замочную щель, разговоръ своего мужа съ купчихою, то продирающая пальцемъ дырочку на кулькѣ, принесенномъ ей купчихою, чтобы узнать что̀ въ немъ обрѣтается; эта сваха, Савишна, эта всемірная кумушка, сплетница и сводчица, безъ которой русскій человѣкъ, бывало, неумѣлъ ни родиться, ни жениться, ни умереть, которая торгуетъ счастіемъ и судьбою людей точно такъ же, какъ лентами, запонками и шерстяными чулками, которая такъ мило увеселяетъ площадными экивоками «честное компанство» бородатыхъ милліонщиковъ; эта невѣста «дѣвочка низенькая, но толстая, претолстая, съ одутловатыми щеками, набѣленная, нарумяненная, разсеребренная, раззолоченная, и всякими драгоцѣнными каменьями изукрашенная»; наконецъ, это сватовство, эти споры о приданомъ, вся эта жизнь подлая, гадкая, грязная, дикая, нечеловѣческая, изображена въ ужасающей вѣрности; прибавьте сюда этого попа, который выраженіе самыхъ священныхъ, самыхъ человѣческихъ своихъ чувствъ располагаетъ по правиламъ Бургіевой риторики и самую краснорѣчивую рѣчь свою прерываетъ выходкою противъ плута

лавочника, отпустившаго дурнаго масла на лампадку, который рукой сморкается и рукою утирается; потомъ этого юношу, аристократа по природѣ, плебея по судьбѣ, агнца между волками—и вотъ вамъ полная картина одной изъ главныхъ сторонъ русской жизни, съ ея положительнымъ и ея исключеніями. Самый языкъ этой повѣсти, равно какъ и «Нищаго», отличается отсутствіемъ тривіальности, обезображивающей прочія повѣсти этого писателя. Итакъ, «Черная Немочь» есть повѣсть совершенно народная и поэтически-нравоописательная — но здѣсь и конецъ ея достоинству. Главная цѣль автора была представить геніальнаго, отмѣченнаго перстомъ Провидѣнія, юношу въ борьбѣ съ подлою, животною жизнію, на которую осудила его судьба: эта цѣль не вполнѣ имъ достигнута. Замѣтно, что автора волновало какое-то чувство, что у него была какая-то любимая задушевная мысль, но и, вмѣстѣ съ тѣмъ, что у него не достало силы таланта воспроизвести ее; съ этой стороны, читатель остается неудовлетвореннымъ. Причина очевидна: талантъ г. Погодина есть талантъ нравоописателя низшихъ слоевъ нашей общественности, и потому онъ занимателенъ, когда вѣренъ своему направленію, и тотчасъ падаетъ, когда берется не за свое дѣло. «Невѣста на Ярмаркѣ» есть какъ будто вторая часть «Черной Немочи», какъ будто вторая галлерея картинъ въ Теньеровомъ родѣ, картинъ, безпрерывно восходящихъ, чрезъ всѣ степени низшей общественной жизни, и тотчасъ прерывающихся, когда дѣло доходитъ до жизни цивилизованной или возвышенной. Словомъ, «Нищій», «Черная Немочь» и «Невѣста на Ярмаркѣ», суть три произведенія г. Погодина, которыя, по моему мнѣнію, заслуживаютъ вниманія; о прочихъ умалчиваю.

Одно изъ главнѣйшихъ, изъ самыхъ видныхъ мѣстъ между нашими повѣствователями (которыхъ впрочемъ очень немного) занимаетъ г. Полевой. Отличительный характеръ

его произведеній составляетъ удивительная многосторонность, такъ что трудно подвести ихъ подъ общій взглядъ, ибо каждая его повѣсть представляетъ совершенно отдѣльный міръ. Чтò есть общаго или сходнаго между «Симеономъ Кирдяпою» и «Живописцемъ», между «Разсказами Русскаго Солдата» и «Эммою», между «Мѣшкомъ съ Золотомъ» и «Блаженствомъ Безумія»? Правда, этихъ повѣстей немного и онѣ не всѣ одинаковаго достоинства, но можно сказать утвердительно, что каждая изъ нихъ ознаменована печатію истиннаго таланта, а нѣкоторыя останутся навсегда украшеніемъ русской литературы. Въ «Симеонѣ Кирдяпѣ», этой живой картинѣ прошедшаго, начертанной могучей и широкою кистью, поэзія русской древней жизни еще въ первый разъ была постигнута во всей ея истинѣ, и въ этомъ созданіи историкъ философъ слился съ поэтомъ. Прочія повѣсти всѣ отличаются теплотою чувства, прекрасною мыслію и вѣрностію дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, вглядитесь въ нихъ пристальнѣе, и вы увидите такія черты, схваченныя съ жизни, которыя вы часто можете встрѣтить въ жизни, но рѣдко въ сочиненіяхъ, увидите эту выдержанность и оригинальность характеровъ, эту вѣрность положеній, которыя основываются не на разсчетахъ возможностей, но единственно на способности автора понимать всевозможныя положенія человѣческія, положенія, въ которыхъ онъ самъ, можетъ-быть, никогда не былъ и не могъ быть. Профаны, люди, не посвященные въ таинства искусства, часто говорятъ: «Да, это очень вѣрно, да и не могло быть иначе—авторъ такъ много страдалъ, слѣдовательно, писалъ по опыту, а не съ чужаго голоса». Мнѣніе нелѣпое! Если есть поэты, которые вѣрно и глубоко воспроизводили міръ собственныхъ, извѣданныхъ ими страстей и чувствъ, собственныя страданія и радости—изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы поэтъ только тогда могъ пламенно и увлекательно писать о любви, когда былъ самъ влюбленъ, о

счастіи, когда самъ находился въ благопріятныхъ обстоятельствахъ и пр. Напротивъ, это означаетъ скорѣе односторонность и ограниченность таланта, нежели его истинность. Отличительная черта, то, что̀ составляетъ, что̀ дѣлаетъ истиннаго поэта, состоитъ въ его страдательной и живой способности, всегда и безъ всякихъ отношеній къ своему образу мыслей, понимать всякое человѣческое положеніе. И вотъ почему поэтъ такъ часто противорѣчитъ самому себѣ въ своихъ созданіяхъ, воспѣвая нынче прелести разгульной, эпикурейской жизни, завтра поетъ о живомъ трудѣ, о подвигѣ жизни, объ отреченіи отъ благъ земныхъ. Бальзакъ носитъ на фракѣ золотыя пуговицы, трость съ золотымъ набалдашникомъ (послѣдняя степень прихотливой роскоши), живетъ какъ принцъ какой-нибудь, и между тѣмъ, его картины бѣдности и нищеты леденятъ душу своею ужасающею вѣрностію. Гюго никогда не былъ осужденъ на смертную казнь, но какая ужасная, раздирающая истина въ его «Послѣднемъ днѣ Осужденнаго»! Конечно невозможно, чтобы обстоятельства жизни самаго поэта не имѣли бо̀льшаго или мѐньшаго вліянія на его произведенія; но это вліяніе имѣетъ свое ограниченіе, и бываетъ, по большей части, какъ бы исключеніемъ изъ общаго правила. Эта способность понимать явленія жизни очень не чужда г. Полевому. Сколько истины въ его «Живописцѣ» и «Эммѣ»! Дѣтство художника, его безсознательное стремленіе къ искусству, его любовь къ пустой дѣвчонкѣ, его недовольство собственными произведеніями, его безмолвное страданіе при сужденіяхъ глупой, безсмысленной толпы о лучшемъ, задушевномъ его произведеніи, его отчаяніе, когда онъ увидѣлъ въ своемъ идеалѣ не больше какъ ребенка, который игралъ съ нимъ въ любовь; потомъ, этотъ старикъ-отецъ, всю жизнь недовольный сумасбродствомъ любимаго сына, проклинавшій, можетъ быть, отъ чистаго сердца и его страсть къ живописи и самую живопись, и, наконецъ, не-

редъ смертію, съ умиленіемъ смотрящій на его послѣднюю картину и рыдающій, не понимая ея; теперь, эта мечтательная мѣщанка, существо святое и чистое, но не имѣющее въ нашей русской жизни никакого смысла, никакого значенія, эта бѣдная дѣвушка, передъ которою подличаетъ богатая и знатная графиня, и которая, всею своею жизнію, возвращаетъ жизнь сумасшедшему, и потомъ, требуетъ, въ свою очередь, всей его жизни, чтобы не умереть самой, и, вмѣсто всего этого, видитъ, съ его стороны, одно холодное уваженіе, а со стороны графини, худо скрытое чувство неблагодарности, тонъ покровительства, который, для души благородной, хуже самаго жестокаго гоненія—все это не придумано, не разочтено, а вылилось прямо изъ души. «Блаженство Безумія» отличается, мѣстами, теплотою чувства, но и, вмѣстѣ съ тѣмъ, излишнимъ владычествомъ мысли, какъ будто авторъ задалъ себѣ психологическую задачу и хотѣлъ рѣшить ее въ поэтической формѣ. Отъ этого въ ней, какъ будто чего-то не достаетъ; впрочемъ много отдѣльныхъ прекрасныхъ мѣстъ.

Теперь, въ «Святочныхъ Разсказахъ» и «Разсказахъ Русскаго Солдата», сколько того, что̀ называется «народностію,« изъ чего такъ хлопочутъ наши авторы, что̀ имъ менѣе всего удается, и что̀ всего легче для истиннаго таланта! Это міръ совершенно отдѣльный, міръ полный страстей, горя и радостей, все человѣческихъ же, но только выражающихся въ другихъ формахъ, по своему. Тутъ нѣтъ ни одной побранки, ни одного плоскаго слова, ни одной вульгарной картины, и между тѣмъ такъ много поэзіи, и, мнѣ кажется, именно потому, что авторъ старался быть вѣрнымъ больше истинѣ, чѣмъ народности, искалъ больше человѣческаго, нежели русскаго и, вслѣдствіе этого, народное и русское само пришло къ нему.

Прежде нежели перейду къ повѣстямъ г. Гоголя, главному предмету моей статьи, я долженъ остановиться еще на од-

номъ авторѣ повѣстей, недавно успѣвшемъ обратить на себя общее вниманіе—г. Павловѣ, сколько потому, что его повѣсти суть явленіе пріятное, столько и потому, что о нихъ почти нигдѣ ничего не сказано. О рецензіи «Библіотеки для чтенія» умалчиваю; сказала ли о нихъ что нибудь «Пчела», не знаю; «Молва» ограничилась почти простымъ библіографическимъ объявленіемъ, а изъ отзыва «Наблюдателя» видно только то, что повѣсти г. Павлова написаны какимъ-то небывалымъ у насъ хорошимъ языкомъ и что авторъ «открылъ новые ящики въ многосложномъ бюро человѣческаго сердца»—выраженіе, сбивающееся на гиперболу въ восточномъ вкусѣ.

Трудно судить о повѣстяхъ г. Павлова, трудно рѣшить, что онѣ такое: дума умнаго и чувствующаго человѣка, плодъ мгновенной вспышки воображенія, произведеніе одной счастливой минуты, одной благопріятной эпохи въ жизни автора, порожденіе обстоятельствъ, результатъ одной мысли, глубоко запавшей въ душу—или созданія художника, произведенія безусловныя, безотносительныя, свободное изліяніе души, удѣлъ которой есть творчество?... Меня поймутъ, если я скажу, что эти повѣсти еще первый опытъ г. Павлова на новомъ для него поприщѣ; а какъ часто, въ нашей литературѣ, второй романъ, вторыя повѣсти, уничтожали славу перваго романа, первыхъ повѣстей!... Поприще г. Павлова еще только начато, но начато такъ хорошо, что не хочется вѣрить, чтобы оно кончилось дурно... Но предоставимъ времени рѣшить этотъ вопросъ, а теперь постараемся откровенно и безпристрастно высказать наше мнѣніе по тѣмъ немногимъ даннымъ, которыя уже имѣются.

Всѣ три повѣсти г. Павлова ознаменованы однимъ общимъ характеромъ, и только ихъ содержаніе придаетъ имъ чрезвычайное наружное несходство. Потому ли, что онѣ еще первый опытъ, носящій на себѣ всѣ недостатки перваго опыта, или по чему другому, но только мнѣ кажется, что

онѣ не проникнуты слишкомъ глубокою истиною жизни; въ нихъ есть эта вѣрность, которая заставляетъ говорить: «это точно списано съ натуры», но эта вѣрность видна не въ ихъ цѣломъ, а въ частяхъ и подробностяхъ, и есть слѣдствіе наблюдательности, пріобрѣтенной прилежнымъ и внимательнымъ изученіемъ описываемаго имъ міра. Въ «Ятаганѣ» есть черты, съ удивительною вѣрностію схваченныя: этотъ полковникъ, добрый, честный, но ограниченный по своему уму и чувству, который, принявъ намѣреніе жениться на княжнѣ, какъ бы нечаянно раздумывается о трудностяхъ военной службы, о счастіи брачной жизни, о томъ, какъ хорошъ домъ и садъ князя, и какъ бы пріятно было прогуливаться по этому саду подъ руку съ молодою женою и пр.; эта княжна, которая, сидя съ своимъ милымъ солдатомъ, на докладъ лакея о пріѣздѣ полковника, отвѣчаетъ протяжнымъ «что?», которая такъ хорошо умѣетъ вести себя съ полковникомъ, не подавая ему никакой надежды и, въ то же время, не лишая его надежды—всѣ эти тонкія черты, эти рѣзкіе оттѣнки доказываютъ, что авторъ смотрѣлъ на жизнь проницательнымъ взоромъ, что онъ внимательно изучалъ ее, что много видѣлъ, много замѣтилъ и много уловилъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эти же самые пассажи доказываютъ, что они плодъ больше наблюдательности, ума и высокой образованности чѣмъ таланта, что они скорѣе списаны съ дѣйствительности, чѣмъ созданы фантазіею. Ибо, гдѣ же эта истина, эта вѣрность цѣлаго, столь замѣтная, столь поразительная въ подробностяхъ? Гдѣ же эти характеры, индивидуальные и типическіе, которые бы доказывали не одно знаніе общества, но и сердца человѣческаго? Ихъ нѣтъ, или, справедливѣе, они только что очерчены, но не оттушеваны и потому лишены почти всякой личности. Я вполнѣ сострадаю несчастію корнета, но такъ, какъ бы я сострадалъ всякому человѣку, въ подобномъ положеніи, даже и такому, котораго бы я никогда не видалъ,

никогда не знавалъ, но о которомъ слыхалъ, что онъ человѣкъ добрый и благородномыслящій. Скажите, имѣетъ ли этотъ корнетъ какой нибудь характеръ, какую нибудь физіономію? Скажите мнѣ, какой у него образъ мыслей, какія у него страсти, желанія, чувства, стремленія, словомъ, все, что составляетъ человѣка, что даетъ его видѣть во весь ростъ. Всѣ его дѣйствія и слова самыя общія; по нимъ можно узнать касту, но не человѣка, не индивидуума. Такъ же безхарактерна княжна, ибо въ ней видна больше свѣтская дѣвушка съ тонкимъ, инстинктуальнымъ чувствомъ приличія, нежели существо любящее, любящее по своему, существо, которое бы можно было узнать изъ тысячи. Вообще «Ятаганъ» есть анекдотъ мастерски разсказанный и, въ художественномъ отношеніи, замѣчательный больше частностями, нежели цѣлостію; кажется, какъ будто авторъ услышалъ отъ кого-нибудь анекдотическую исторію, сдѣлалъ изъ нея повѣсть, и, не зная лично ея дѣйствователей, не могъ вѣрно написать ихъ портретовъ. По частности, по отдѣльныя мысли, картины и описанія — превосходны, исполнены поэзія; а многія черты, какъ я уже и замѣтилъ, схвачены съ удивительною и поразительною вѣрностію, а мѣстами вспыхиваетъ и чувство, особливо тамъ, гдѣ авторъ увлекается поэзіею самыхъ фактовъ. Вообще «Ятаганъ» — повѣсть съ большими достоинствами, большими красотами въ частяхъ; но его цѣлое обнаруживаетъ болѣе талантъ разсказа, нежели творчества. Если онъ многимъ нравится, особенно предъ прочими двумя повѣстями, то причина этого заключается въ поэзіи самаго содержанія, которое произвело бы всегда сильный эффектъ и въ простомъ изустномъ разсказѣ.

«Именины» больше отличаются художественнымъ достоинствомъ, чѣмъ «Ятаганъ». Въ этой повѣсти есть яркіе проблески глубокаго чувства, рѣзкіе черты характеровъ (особенно въ главномъ персонажѣ), есть много истины въ си-

туаціяхъ. Этотъ музыкантъ-плебей, который говоритъ: «Понимаете ли вы удовольствіе отвѣчать грубо на вѣжливое слово; едва кивнуть головой, когда учтиво снимаютъ передъ вами шляпу, и развалиться въ креслахъ передъ чопорнымъ баричемъ, передъ чиннымъ богачемъ?» или: «Я уже умѣлъ довольно смѣло предстать предъ многочисленное собраніе гостиной. Когда я говорю: «довольно смѣло», это значитъ, что я уже ступалъ всею ногою, и ноги мои уже не путались, хотя еще не было въ нихъ этой красивой свободы, съ которою я теперь кладу ихъ одну на одну, подгибаю и стучу... Я могъ уже при многихъ перейдти съ одного конца комнаты на другой, отвѣчать вслухъ; но все мнѣ было покойнѣе держаться около какого нибудь угла; на все, желая пощеголять знаніемъ свѣтской вѣжливости, я, къ каждому слову, прибавлялъ еще: *съ*»; потомъ отчаяніе музыканта, который «лежалъ и взглядывалъ на Распятіе, стараясь вспомнить, что оно значитъ»—во всемъ этомъ есть поэзія, есть истинное творчество.

«Аукціонъ есть» живописный очеркъ, набросанный рукою небрежною, но твердою и опытною. Здѣсь авторъ особенно свободнѣе, вольнѣе и какъ будто больше, нежели гдѣ нибудь, въ своей сферѣ. Его «Именины» есть произведеніе прекрасное, но какъ будто случайное, какъ будто порывъ чувства; его »Ятаганъ» есть родъ очерковъ высшаго общества, въ которомъ авторъ хотѣлъ или думалъ найти поэзію; его «Аукціонъ» есть живой мимолетный эпизодъ изъ жизни этого общества, и онъ въ немъ нашелъ поэзію, ибо взглянулъ на него съ точки зрѣнія болѣе истинной. Здѣсь какъ-то болѣе къ лицу и этотъ разсказъ свѣтскій, щегольской и не много манерный при всей его наружной простотѣ; здѣсь болѣе кстати и этотъ періодъ обдѣланный, красивый и изящный, но въ то же время немного и изысканный въ самой его небрежности. Вообще замѣчу здѣсь кстати, что слогъ не составляетъ такой важ-

ности, какую вообще ему приписывают: форма всегда прекрасна, когда согласна съ идеею. За примѣрами ходить не далеко: возьму два выраженія изъ послѣдняго сочиненія г. Павлова, помѣщеннаго въ «Наблюдателѣ» (№ 2); «Она— драгоцѣнный камень въ роскошной оправѣ фантастическаго наряда» или «звѣзды—брилліянты неба». Что въ нихъ хорошаго? первое есть натянутая пародія на выраженіе Шекспира объ Альбіонѣ, выраженіе, о которомъ, по крайней мѣрѣ, я узналъ не раньше, какъ съ первой лекціи г. Шевырева; второе просто не имѣетъ никакого смысла, а если и имѣетъ, то самый истертый. Что касается до правильности языка, до его плавности, чистоты, ясности и стройности, то эти качества, при большой зависимости отъ идеи, зависятъ и отъ навыка, упражненія, старанія, и ихъ точно можно причесть въ заслугу автора. Въ этомъ отношеніи, г. Павловъ принадлежитъ къ немногому числу нашихъ отличныхъ прозаиковъ. Заключаю: талантъ г. Павлова подаетъ лестныя надежды, но его развитіе и степень силы теперь еще вопросъ, который рѣшатъ будущія его произведенія. Итакъ Марлинскій, Одоевскій, Погодинъ, Полевой, Павловъ, Гоголь—здѣсь полный кругъ исторіи русской повѣсти. Да, полный, можетъ-быть, черезчуръ полный; но я говорилъ здѣсь о всѣхъ повѣстяхъ, въ какомъ-бы то ни было отношеніи примѣчательныхъ, а эта примѣчательность состоитъ не въ одной художественности, но и во времени появленія, и во вліяніи, хорошемъ или дурномъ, на литературу, и въ бо́льшей или мѐньшей степени таланта, и, наконецъ, въ самомъ характерѣ и направленіи. Поименованные мною авторы должны быть упомянуты въ исторіи русской повѣсти, по всѣмъ этимъ отношеніямъ, и суть истинные ея представители. О другихъ, которыхъ много, очень много, умалчиваю, ибо, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, они не касаются предмета моей статьи, и потому перехожу къ г. Гоголю. Имъ заключу исторію русской повѣсти, имъ за-

ключу и мою статью, которая, противъ моей воли и ожиданія, сдѣлалась очень длинна.

Приступая къ разбору сочиненій г. Гоголя, я не безъ намѣренія распространился о поэзіи вообще, о повѣстяхъ, какъ о родѣ, и о повѣсти русской: если я только умѣлъ развить мою мысль, то читатели увидятъ, что всѣ эти предметы находятся въ существенной связи между собою. Мнѣ кажется, что, для надлежащей оцѣнки всякаго замѣчательнаго автора, нужно опредѣлить характеръ его твореній и мѣсто, которое онъ долженъ занимать въ литературѣ. Первый можно объяснить не иначе, какъ теоріею искусства (разумѣется, сообразно съ понятіями судящаго); второе — сравненіемъ автора съ другими, писавшими или пишущими въ одномъ съ нимъ родѣ. Мы видѣли, что у насъ еще нѣтъ повѣсти, въ собственномъ смыслѣ этого слова. Г. Марлинскій замѣчателенъ, какъ первый, намекнувшій намъ о томъ, что такое повѣсть; для кн. Одоевскаго повѣсть есть только форма; два три удачныхъ опыта г. Погодина еще не составляютъ авторитета, только потому, что ихъ достоинство одностороннее, сколько и потому, что онѣ были для своего автора дѣломъ постороннимъ, отдыхомъ отъ ученыхъ занятій.

Итакъ, остаются только г. Павловъ и г. Полевой; но г. Павловъ еще только началъ свое поприще, а какъ бы ни прекрасно было начало, по немъ нельзя произнести рѣшительнаго сужденія о писателѣ; слѣдовательно первенство поэта-повѣствователя остается за г. Полевымъ. Но въ его повѣстяхъ, или, справедливѣе, въ большей части его повѣстей, есть одинъ важный недостатокъ, о которомъ я съ намѣреніемъ умолчалъ въ своемъ мѣстѣ. Этотъ недостатокъ состоитъ въ томъ, что въ нихъ, какъ и въ его романахъ, при многихъ очевидныхъ признакахъ истиннаго творчества, истинной художественности, замѣтно и большое участіе ума, этого ума пытливаго, свѣтлаго и многосторон-

няго, который въ художнической дѣятельности ищетъ отдохновенія, и для котораго и самая фантазія есть какъ бы средство изучать природу и жизнь человѣка. Это, по большей части, синтетическія повѣрки аналитическихъ наблюденій надъ жизнію. Посмотримъ, нѣтъ ли между нашими такого поэта-повѣствователя, для котораго поэзія составляла бы цѣль жизни, а наука была бы ея отдохновеніемъ, для котораго повѣсть была бы родомъ, а не формою, родомъ столько же необходимымъ и безотносительнымъ, какъ повѣсть для Бальзака, пѣсня для Беранже, драма для Шекспира, который былъ бы только поэтъ, а не другое что нибудь, поэтъ по призванію, поэтъ по невозможности не быть поэтомъ. Мнѣ кажется, что, подъ этими условіями, изъ современныхъ писателей *), никого не можно назвать поэтомъ, съ большею увѣренностію и ни мало не задумываясь, какъ г. Гоголя.

Я уже сказалъ, что задача критики и истинная оцѣнка произведеній поэта непремѣнно должны имѣть двѣ цѣли: опредѣлить характеръ разбираемыхъ сочиненій и указать мѣсто, на которое они даютъ право своему автору въ кругу представителей литературы. Отличительный характеръ повѣстей г. Гоголя составляютъ—простота вымысла, народность, совершенная истина жизни, оригинальность и комическое одушевленіе, всегда побѣждаемое глубокимъ чувствомъ грусти и унынія. Причина всѣхъ этихъ качествъ заключается въ одномъ источникѣ: г. Гоголь—поэтъ, поэтъ жизни дѣйствительной.

Знаете ли, какой вообще недостатокъ находится въ нашей критикѣ? Она не совсѣмъ хорошо принаровлена къ нашимъ потребностямъ. Критикъ и публика — это два лица бесѣдующія; надобно, чтобы они заранѣе условились, согласились въ значеніи предмета, избраннаго для ихъ бесѣ-

*) Я не включаю въ это число Пушкина, который уже совершилъ кругъ своей художнической дѣятельности.

ды. Иначе, имъ трудно будетъ понять другъ друга. Вы разбираете сочиненіе, съ важностію говорите о законахъ творчества, прилагаете ихъ къ разбираемому сочиненію и, какъ дважды два — четыре, доказываете, что оно превосходно. И что-жъ? публика восхищена вашею критикою и вполнѣ соглашается съ вами, видя, что, въ самомъ дѣлѣ, пункты эстетическихъ законовъ подведены правильно и что въ сочиненіи все обстоитъ благополучно. Но вотъ что̀ худо: часто случается, что она забываетъ о превознесенномъ сочиненіи еще прежде, чѣмъ забудетъ о вашей критикѣ. Отчего же такъ? Оттого, что разбираемое вами сочиненіе была хитрая галантерейная работа, а не изящное созданіе, что оно, можетъ быть, имѣло эстетическую форму, но было лишено духа жизни эстетической. У насъ еще такъ зыбки понятія объ изящномъ и вкусъ еще въ такомъ младенчествѣ, что наша критика по необходимости должна отступать, въ своихъ пріемахъ, отъ европейской. Хотя нѣкоторые досужіе наши эстетики и говорятъ, что будто бы законы изящнаго опредѣлены у насъ съ математическою точностію; но я думаю иначе, ибо, съ одной стороны, собственныя издѣлія этихъ эстетиковъ, слишкомъ отличающіяся топорною работою, рѣзко противорѣчатъ законамъ изящнаго, опредѣленнымъ съ математическою точностію, а съ другой стороны, законы изящнаго никогда не могутъ отличаться математическою точностію, потому что они основываются на чувствѣ, и у кого нѣтъ пріемлемости изящнаго, для того всегда кажутся незаконными. И притомъ, изъ чего должны выводиться законы изящнаго, какъ не изъ изящныхъ созданій? А много ли у насъ ихъ, этихъ изящныхъ созданій? Нѣтъ, пусть каждый толкуетъ по своему объ условіяхъ творчества и подкрѣпляетъ ихъ фактами, это самый лучшій способъ развивать теорію изящнаго. Цѣль русскаго критика должна состоять не столько въ томъ, чтобы расширить кругъ понятій человѣчества объ изящномъ,

сколько въ томъ, чтобы распространять въ своемъ отечествѣ уже извѣстныя, осѣдлыя понятія объ этомъ предметѣ. Не бойтесь, не стыдитесь, что вы будете повторять зады и не скажете ничего новаго. Это новое не такъ легко и часто, какъ обыкновенно думаютъ: оно едва примѣтными атомами налипаетъ на глыбы стараго. Самое старое будетъ у васъ ново, если вы человѣкъ съ мнѣніемъ и глубоко убѣждены въ томъ, что̀ говорите: ваша индивидуальность и вашъ способъ выраженія и самому вашему старому должны придать характеръ новости.

Итакъ, по моему мнѣнію, первый и главный вопросъ, предстоящій для разрѣшенія критика, есть — точно ли это произведеніе изящно, точно ли этотъ авторъ поэтъ? Изъ рѣшенія этого вопроса сами собою вытекаютъ отвѣты о характерѣ и важности сочиненія.

Способность творчества есть великій даръ природы; актъ творчества, въ душѣ говорящей, есть великое таинство; минута творчества есть минута великаго священнодѣйствія; творчество безцѣльно съ цѣлью, безсознательно съ сознаніемъ, свободно съ зависимостію: вотъ основные его законы. Они будутъ очень ясны, когда выведутся изъ акта творчества.

Художникъ чувствуетъ потребность творить. Эта потребность приходитъ къ нему вдругъ, нежданно, безъ спросу и совершенно независимо отъ его воли, ибо онъ не можетъ назначить ни дня, ни часа, ни минуты для своей творческой дѣятельности: вотъ свобода творчества, вотъ его независимость отъ лица творящаго! Потребность творить приводитъ за собою идею, которая залегаетъ въ душу художника, овладѣваетъ ею, тяготитъ ее. Эта идея можетъ быть одною изъ общихъ человѣческихъ идей, давно уже извѣстныхъ; но художникъ беретъ ее не по выбору, но невольно, беретъ не какъ предметъ ума созерцающаго, но воспринимаетъ ее въ себя своимъ чувствомъ, обладаемый тре-

петнымъ предчувствіемъ ея глубокаго, таинственнаго смысла. Это дѣйствіе прекрасно выражается не переводимымъ французскимъ словомъ «concevoir». Художникъ чувствуетъ въ себѣ присутствіе воспринятой (conçue) имъ идеи, но, такъ сказать, не видитъ ея ясно и томится желаніемъ сдѣлать ее осязаемою для себя и другихъ: вотъ первый актъ творчества. Положимъ, что эта идея есть идея ревности, и будемъ слѣдить за ея развитіемъ въ душѣ поэта. Заботливо и томительно носитъ онъ ее въ сокровенномъ святилищѣ своего чувства, какъ носитъ мать младенца въ своей утробѣ; постепенно эта идея проясняется передъ его глазами, облекается въ живые образы, переходитъ въ идеалы, и ему, какъ бы въ туманѣ, видится пламенный Африканецъ Отелло, съ его челомъ смуглымъ и изрытымъ морщинами, слышатся его дикіе вопли любви, ненависти, отчаянія и мщенія, видятся плѣнительныя черты кроткой, любящей Дездемоны, слышатся ея тщетныя мольбы и стоны, среди глухой полуночи. Эти образы, эти идеалы, въ свою очередь, вынашиваются, зрѣютъ, выясняются постепенно; наконецъ, поэтъ уже видитъ ихъ, говоритъ съ ними, знаетъ ихъ рѣчь, движенія, манеры, походку, черты лица, видитъ ихъ во весь ростъ, со всѣхъ сторонъ, видитъ обоими глазами и такъ ясно, какъ бы на яву, на самомъ дѣлѣ, видитъ ихъ прежде, нежели его перо дало имъ формы, точно такъ же, какъ Рафаэль видѣлъ передъ собою небесный нерукотворенный образъ Мадонны прежде нежели его кисть приковала этотъ образъ къ полотну, точно такъ же, какъ Моцартъ, Бетховенъ, Гайднъ слышали вызванные ими изъ души дивные звуки прежде, нежели ихъ перо приковало эти звуки къ бумагѣ. Вотъ второй актъ творчества. Потомъ поэтъ даетъ своему созданію видимыя, доступныя для всѣхъ формы: это третій и послѣдній актъ творчества. Онъ не такъ важенъ, ибо есть слѣдствіе двухъ первыхъ.

Итакъ главный, отличительный признакъ творчества состоитъ въ таинственномъ ясновидѣніи, въ поэтическомъ сомнамбулизмѣ. Еще созданіе художника есть тайна для всѣхъ, еще онъ не бралъ въ руки пера, а уже видитъ ихъ ясно, уже можетъ счесть складки ихъ платья, морщины ихъ чела, изборожденнаго страстями и горемъ, а уже знаетъ ихъ лучше, чѣмъ вы знаете своего отца, брата, друга, свою мать, сестру, возлюбленную сердца; также онъ знаетъ и то, что̀ они будутъ говорить и дѣлать, видитъ всю нить событій, которая обовьетъ ихъ и свяжетъ между собою. Гдѣ же онъ видѣлъ эти лица, гдѣ слышалъ объ этихъ событіяхъ и что̀ такое его творчество? слѣдствіе долговременнаго и многосторонняго опыта, тонкой наблюдательности, глубокаго умѣнья схватывать сходства и обозначать ихъ рѣзкими чертами? Что̀ же его идеалы? Неужели это различныя черты, разсѣянныя въ природѣ и собранныя въ одно для образованія извѣстныхъ типовъ, составленныхъ по мѣркѣ, заранѣе взятой, какъ думали и говорили добрые и почтенные эстетики былыхъ временъ?... О, ничего этого, ровно ничего!... Онъ нигдѣ не видѣлъ созданныхъ имъ лицъ, онъ не копировалъ дѣйствительности, или нѣтъ: онъ видѣлъ все это въ вѣщемъ, пророческомъ снѣ, въ свѣтлыя минуты поэтическаго откровенія, въ эти минуты, знакомыя одному таланту, видѣлъ ихъ всезрящими очами своего чувства. И вотъ почему созданные имъ характеры такъ вѣрны, ровны, выдержаны: вотъ почему завязка, развязка, узлы и ходъ его романа или драмы такъ естественны, правдоподобны, свободны; вотъ почему, прочтя его созданіе, вы какъ будто были въ какомъ-то мірѣ, прекрасномъ и гармоническомъ, какъ міръ Божій; вотъ почему вы такъ хорошо освоиваетесь съ нимъ, такъ глубоко понимаете его и такъ крѣпко удерживаете его въ своей памяти. Тутъ нѣтъ противорѣчій, нѣтъ поддѣлокъ и изысканности; ибо тутъ не было разсчета вѣроятностей, не было сообра-

женій, не было старанія свести концы съ концами, ибо это произведеніе было не сдѣлано, не сочинено, а создалось въ душѣ художника какъ бы наитіемъ какой-то высшей, таинственной силы, въ немъ самомъ и внѣ его находившейся; ибо, въ этомъ отношеніи, онъ самъ былъ какъ бы почвою, воспринявшею въ себя плодородное зерно, заброшенное рукою невѣдомою, прозябшее и разросшееся въ вѣтвистое, широколиственное дерево... Какого бы рода ни было такое произведеніе—идеальное, реальное—оно всегда истинно, истинно поэтически. «Буря» Шекспира есть произведеніе нелѣпое, есть странная прихоть своего творца; въ немъ дѣйствуютъ и люди и духи безплотные, въ немъ дѣйствуетъ Калибанъ, созданіе чудовищное, плодъ любви демона съ колдуньею; но и это сочиненіе истинно, истинно поэтически; ибо, читая его, вы всему вѣрите, все находите естественнымъ; ибо, прочтя его, никогда не забудете его, и передъ вашими взорами всегда будутъ носиться чудные образы Проспера, Миранды, Аріэля, образы воздушные, сотканные изъ ночныхъ тумановъ, облитые пурпуромъ зари, осеребренные лучемъ мѣсяца. Какого бы рода ни было такое созданіе, оно всегда совершенно и чуждо недостатковъ. Но отчего же и въ произведеніяхъ самыхъ геніальныхъ поэтовъ находятъ при великихъ красотахъ, и великіе недостатки? Оттого, что такія созданія или не выношены въ душѣ, не рождены, а выкинуты, какъ недоноски, прежде времени, или оттого, что авторы, вслѣдствіе своихъ ложныхъ понятій объ искусствѣ, или вслѣдствіе цѣлей и разсчетовъ какихъ нибудь, хитрили и мудрили, или писали иногда въ холодныя, прозаическія минуты, ибо поэтическіе идеи и идеалы—эти небесныя тайны—должны высказываться въ свѣтлыя минуты откровенія, которыя называются минутами вдохновенія, художническаго восторга. Словомъ, недостатки всегда тамъ, гдѣ оканчивается творчество и начинается работа.

Теперь, кажется, легко объяснить, что̀ такое безцѣльность

съ цѣлію, безсознательность съ сознаніемъ. Когда поэтъ творитъ, то хочетъ выразить, въ поэтическомъ символѣ, какую нибудь идею, слѣдовательно имѣетъ цѣль и дѣйствуетъ съ сознаніемъ. Но ни выборъ идеи, ни ея развитіе не зависитъ отъ его воли, управляемой умомъ, слѣдовательно его дѣйствіе безцѣльно и безсознательно.

Теперь, что̀ такое свобода творчества отъ лица творящаго при зависимости отъ него?—Поэтъ есть рабъ своего предмета, ибо не властенъ ни въ его выборѣ, ни въ его развитіи, ибо не можетъ творить ни по приказу, ни по заказу, ни по собственной волѣ, если не чувствуетъ вдохновенія, которое рѣшительно не зависитъ отъ него: слѣдовательно творчество свободно и независимо отъ лица творящаго, которое здѣсь является столько же страдательнымъ, сколько и дѣйствующимъ. Но отчего же въ созданіи художника отражается и вѣкъ, и народъ, и собственная его индивидуальность? Отчего въ немъ отражается и жизнь и мнѣнія и степень образованности художника? Слѣдовательно творчество зависитъ отъ него, слѣдовательно онъ столько же и господинъ его, сколько и рабъ его? Да, оно зависитъ отъ него, какъ душа отъ организма, какъ зависитъ характеръ отъ темперамента. Это всего лучше можно объяснить сномъ. Сонъ есть нѣчто свободное, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и зависящее отъ насъ. Меланхолику снятся сны страшные, фантастическіе; флегматикъ и во снѣ спитъ или ѣстъ; актеръ слышитъ рукоплесканія, военный видитъ битвы, подьячій взятки и т. д. Такъ и художникъ выражается въ своихъ созданіяхъ. Герои Байрона—типы гордости, съ нечеловѣческими страстями, желаніями и страданіями; созданія Гофмана—фантастическіе сны и т. д.

Очень не трудно ко всему этому приложить сочиненія г. Гоголя, какъ факты къ теоріи. Я подъ этимъ не разумѣю, чтобы этотъ поэтъ былъ равенъ Шекспиру, Байрону, Шиллеру и пр. Но здѣсь вопросъ не о степени, великости

таланта, а о талантѣ: для генія и таланта одни законы, несмотря на все ихъ неравенство. Скажите, какое впечатлѣніе прежде всего производитъ на васъ каждая повѣсть г. Гоголя? Не заставляетъ ли она васъ говорить: «Какъ все это просто, обыкновенно, естественно и вѣрно, и, вмѣстѣ, какъ оригинально и ново!» Не удивляетесь ли вы и тому, почему вамъ самимъ не пришла въ голову та же самая идея, почему вы сами не могли выдумать этихъ же самыхъ лицъ, такъ обыкновенныхъ, такъ знакомыхъ вамъ, такъ часто видѣнныхъ вами, и окружить ихъ этими самыми обстоятельствами, такъ повседневными, такъ общими, такъ наскучившими вамъ въ жизни дѣйствительной и такъ занимательными, очаровательными въ поэтическомъ представленіи? Вотъ первый признакъ истинно-художественнаго произведенія. Потомъ не знакомитесь ли вы съ каждымъ персонажемъ его повѣсти такъ коротко, какъ будто вы его давно знали, долго жили съ нимъ вмѣстѣ? Не дополняете ли вы, своимъ воображеніемъ, его портрета, и безъ того уже нарисованнаго авторомъ во весь ростъ? Не въ состояніи ли прибавить къ нему новыя черты, какъ будто забытыя авторомъ, не въ состояніи ли вы разсказать объ этомъ лицѣ нѣсколько анекдотовъ, какъ будто бы опущенныхъ авторомъ? Не вѣрите ли вы на слово, не готовы ли вы побожиться, что все разсказанное авторомъ есть сущая правда, безъ всякой примѣси вымысла? Какая этому причина? Та, что эти созданія ознаменованы печатію истиннаго таланта, что они созданы по непреложнымъ законамъ творчества. Эта простота вымысла, эта нагота дѣйствія, эта скудность драматизма, самая эта мелочность и обыкновенность описываемыхъ авторомъ происшествій—суть вѣрные, необманчивые признаки творчества; это поэзія реальная, поэзія жизни дѣйствительной, жизни коротко знакомой намъ. Я нимало не удивляюсь, подобно нѣкоторымъ, что г. Гоголь мастеръ дѣлать все изъ ничего, что онъ умѣетъ заинтересовать

читателя пустыми, ничтожными подробностями, ибо не вижу тутъ ровно никакого умѣнья: умѣнье предполагаетъ разсчетъ и работу, а гдѣ разсчетъ и работа, тамъ нѣтъ творчества, тамъ все ложно и невѣрно при самой тщательной и вѣрной копировкѣ съ дѣйствительности. И чѣмъ обыкновеннѣе, чѣмъ пошлѣе, такъ сказать, содержаніе повѣсти, слишкомъ заинтересовывающей вниманіе читателя, тѣмъ бо́льшій талантъ со стороны автора обнаруживаетъ она. Когда посредственный талантъ берется рисовать сильныя страсти, глубокіе характеры, онъ можетъ стать на дыбы, натянуться, наговорить громкихъ монологовъ, насказать прекрасныхъ вещей, обмануть читателя блестящею отдѣлкою, красивыми формами, самымъ содержаніемъ, мастерскимъ разсказомъ, цвѣтистою фразеологіею—плодами своей начитанности, ума, образованности, опыта жизни. Но возьмись онъ за изображеніе повседневныхъ картинъ жизни, жизни обыкновенной, прозаической— о повѣрьте, для него это будетъ истиннымъ камнемъ преткновенія, и его вялое, холодное и бездушное сочиненіе уморитъ васъ зѣвотою. Въ самомъ дѣлѣ, заставить насъ принять живѣйшее участіе въ ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, насмѣшить насъ до слезъ глупостями, ничтожностію и юродствомъ этихъ живыхъ пасквилей на человѣчество—это удивительно; но заставить насъ потомъ пожалѣть объ этихъ идіотахъ, пожалѣть отъ всей души, заставить насъ разстаться съ ними съ какимъ-то глубоко-грустнымъ чувствомъ, заставить насъ воскликнуть вмѣстѣ съ собою: «Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!» вотъ, вотъ оно, то божественное искусство, которое называется творчествомъ; вотъ онъ, тотъ художническій талантъ, для котораго гдѣ жизнь, тамъ и поэзія! И возьмите почти всѣ повѣсти г. Гоголя: какой отличительный характеръ ихъ? что̀ такое почти каждая изъ его повѣстей? Смѣшная комедія, которая начинается глупостями, продолжается глупостями и оканчивается слезами, и которая, наконецъ, на-

зывается жизнію. И таковы всѣ его повѣсти: сначала смѣшно, потомъ грустно! И такова жизнь наша: сначала смѣшно, потомъ грустно! Сколько тутъ поэзіи, сколько философіи, сколько истины!...

Въ каждомъ человѣкѣ должно различать двѣ стороны: общую, человѣческую, и частную, индивидуальную; всякій человѣкъ прежде всего человѣкъ, и потомъ уже Иванъ, Сидоръ и т. д. Точно также и въ художественныхъ созданіяхъ должно различать два характера: характеръ творчества, общій всѣмъ изящнымъ произведеніямъ, и характеръ колорита, сообщенный индивидуальностію автора. Я уже коснулся, въ общихъ чертахъ, перваго характера въ повѣстяхъ г. Гоголя; теперь разсмотрю его подробнѣе; потомъ буду говорить объ индивидуальномъ характерѣ его созданій, и, наконецъ, заключу мою статью бѣглымъ взглядомъ на тѣ изъ его повѣстей, о которыхъ можно будетъ сказать что нибудь въ частности.

Я уже сказалъ, что отличительныя черты характера произведеній г. Гоголя суть простота вымысла, совершенная истина жизни, народность, оригинальность—все это черты общія; потомъ комическое одушевленіе, всегда побѣждаемое глубокимъ чувствомъ грусти и унынія—черта индивидуальная.

Простота вымысла, въ поэзіи реальной, есть одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ признаковъ истинной поэзіи, истиннаго и притомъ зрѣлаго таланта. Возьмите любую драму Шекспира, возьмите, напримѣръ, его «Тимона Аѳинскаго»: эта пьеса такъ проста, такъ немногосложна, такъ скудна путаницею происшествій, что, право, невозможно и разсказать ея содержанія. Люди обманули человѣка, который любилъ людей, наругались надъ его святыми чувствованіями, лишили его вѣры въ человѣческое достоинство, и этотъ человѣкъ возненавидѣлъ людей и проклялъ ихъ; вотъ вамъ и все тутъ, больше ничего нѣтъ. И что-жъ? Составили ли вы себѣ, по

моимъ словамъ, какое-нибудь понятіе объ этомъ великомъ созданіи великаго генія? О, вѣрно, никакого! ибо эта идея слишкомъ обыкновенна, слишкомъ извѣстна всѣмъ, каждому, слишкомъ истерта и истреплена въ тысячахъ сочиненій, хорошихъ и дурныхъ, начиная отъ Софоклова Филоквета, обманутаго Улиссомъ и проклинающаго человѣчество, до Тихона Михеевича, обманутаго вѣроломною женою и плутомъ-родственникомъ *). Но форма, въ которой выражена эта идея, но содержаніе пьесы и ея подробности? Послѣднія такъ мелочны, такъ пусты и притомъ такъ всякому извѣстны, что я наскучилъ бы вамъ смертельно, еслибы вздумалъ ихъ пересказывать. И однакожъ, у Шекспира, эти подробности такъ занимательны, что вы не оторветесь отъ нихъ, и однакожъ, у него, мелочность и пустота этихъ подробностей приготовляетъ ужасную катастрофу, отъ которой волосы встаютъ дыбомъ—сцену въ лѣсу, гдѣ Тимонъ въ бѣшеныхъ проклятіяхъ, въ горькихъ, язвительныхъ сарказмахъ, съ сосредоточенною спокойною яростію, разсчитывается съ человѣчествомъ. И потомъ, какъ выразить вамъ то чувство, которое возбуждаетъ въ душѣ извѣстіе о смерти добровольнаго отверженца отъ людей. И вся эта ужасная, хотя и безкровная, трагедія, ужасная даже въ своей простотѣ, въ своемъ спокойствіи, приготовляется глупою комедіею; отвратительною картиною, какъ люди обжираютъ человѣка, помогаютъ ему раззориться и потомъ забываютъ о немъ, эти люди, которые

Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ да цѣпей!

И вотъ вамъ жизнь, или, лучше сказать, прототипъ жизни, созданный величайшимъ изъ поэтовъ! Тутъ нѣтъ эффектовъ,

---

*) „Піюша“ повѣсть г. Ушкова, въ Б. д. Ч.

нѣтъ сценъ, нѣтъ драматическихъ вычуръ, все просто и обыкновенно, какъ день мужика, который, въ будень, ѣстъ и пашетъ, спитъ и пашетъ, а въ праздникъ ѣстъ, пьетъ и напивается пьянъ. Но въ томъ-то и состоитъ задача реальной поэзіи, чтобы извлекать поэзію жизни изъ прозы жизни, и потрясать души вѣрнымъ изображеніемъ этой жизни. И какъ сильна и глубока поэзія г. Гоголя въ своей наружной простотѣ и мелкости! Возьмите его «Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ»: что̀ въ нихъ? Двѣ пародіи на человѣчество, впродолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, пьютъ и ѣдятъ, ѣдятъ и пьютъ, а потомъ, какъ водится изстари, умираютъ. Но отчего же это очарованіе? Вы видите всю пошлость, всю гадость этой жизни, животной, уродливой, каррикатурной, и между тѣмъ принимаете такое участіе въ персонажахъ повѣсти, смѣетесь надъ ними, но безъ злости, и потомъ рыдаете съ Палемономъ о его Бавкидѣ, сострадаете его глубокой, неземной горести, и сердитесь на негодяя-наслѣдника, промотавшаго достояніе двухъ простаковъ. И потомъ, вы такъ живо представляете себѣ актеровъ этой глупой комедіи, такъ ясно видите всю ихъ жизнь, вы, который, можетъ-быть, никогда не бывалъ въ Малороссіи, никогда не видалъ такихъ картинъ и не слыхалъ о такой жизни! Отчего это? Оттого, что это очень просто и слѣдовательно очень вѣрно; оттого, что авторъ нашелъ поэзію и въ этой пошлой и нелѣпой жизни, нашелъ человѣческое чувство, двигавшее и оживлявшее его героевъ: это чувство — привычка. Знаете ли вы, что̀ такое привычка, это странное чувство, о которомъ Пушкинъ сказалъ:

Привычка небомъ намъ дана
Замѣна счастія она?

Можете ли вы предположить возможность мужа, который рыдаетъ надъ гробомъ своей жены, съ которой сорокъ лѣтъ грызся, какъ кошка съ собакой? Понимаете ли вы, что

можно грустить о дурной квартирѣ, въ которой вы жили много лѣтъ, къ которой вы привыкли, какъ душа къ тѣлу, и съ которою у васъ соединяются воспоминанія о простой однообразной жизни, о живомъ трудѣ и сладкомъ досугѣ и, можетъ быть, о нѣсколькихъ сценахъ любви и наслажденія, и которую вы мѣняете на великолѣпныя палаты? Понимаете ли вы, что можно грустить о собакѣ, которая десять лѣтъ сидѣла на цѣпи и десять лѣтъ вертѣла хвостомъ, когда вы мимо ея проходили?... О, привычка великая психологическая задача, великое таинство души человѣческой. Холодному сыну земли, сыну заботъ и помысловъ житейскихъ замѣняетъ она чувства человѣческія, которыхъ лишила его природа или обстоятельства жизни. Для него она истинное блаженство, истинный даръ провидѣнія, единственный источникъ его радостей и (дивное дѣло!) радостей человѣческихъ! Но что̀ она для человѣка въ полномъ смыслѣ этого слова? Не насмѣшка ли судьбы? И онъ платитъ ей свою дань, и онъ прилѣпляется къ пустымъ вещамъ и пустымъ людямъ, и горько страдаетъ, лишаясь ихъ! И что̀ же еще? Г. Гоголь сравниваетъ ваше глубокое, человѣческое чувство, вашу высокую, пламенную страсть, съ чувствомъ привычки жалкаго получеловѣка, и говоритъ, что его чувство привычки сильнѣе, глубже и продолжительнѣе вашей страсти, и вы стоите передъ нимъ потупя глаза и не зная, что̀ отвѣчать, какъ ученикъ, не знающій урока, передъ своимъ учителемъ!... Такъ вотъ, гдѣ часто скрываются пружины лучшихъ нашихъ дѣйствій, прекраснѣйшихъ нашихъ чувствъ! О бѣдное человѣчество! жалкая жизнь! И однакожъ вамъ всетаки жаль Афонасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны! вы плачете о нихъ, о нихъ, которые только пили и ѣли и потомъ умерли! О, г. Гоголь истинный чародѣй, и вы не можете представить, какъ я сердитъ на него за то, что онъ и меня чуть не заставилъ плакать о нихъ, которые только пили и ѣли и потомъ умерли!

Совершенная истина жизни въ повѣстяхъ Гоголя тѣсно соединяется съ простотою вымысла. Онъ не льститъ жизни, но и не клевещетъ на нее; онъ радъ выставить наружу все, что есть въ ней прекраснаго, человѣческаго, и, въ то же время, не скрываетъ нимало и ея безобразія. Въ томъ и другомъ случаѣ, онъ вѣренъ жизни до послѣдней степени. Она, у него, настоящій портретъ, въ которомъ все схвачено съ удивительнымъ сходствомъ, начиная отъ экспрессіи оригинала до веснушекъ лица его; начиная отъ гардероба Ивана Никифоровича до русскихъ мужиковъ, идущихъ по Невскому проспекту, въ сапогахъ, запачканныхъ известью; отъ колоссальной физіономіи богатыря Бульбы, который не боялся ничего въ свѣтѣ, съ люлькою въ зубахъ и саблею въ рукахъ, до стоическаго философа Хомы, который не боялся ничего въ свѣтѣ, даже чертей и вѣдьмъ, когда у него люлька въ зубахъ и рюмка въ рукахъ.

„Прекрасный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Онъ очень любитъ дыни. Это его любимое кушанье. Какъ только отобѣдаетъ и выйдетъ въ одной рубашкѣ подъ навѣсъ, сейчасъ приказываетъ Гапкѣ принести двѣ дыни. И уже самъ разрѣжетъ, соберетъ сѣмена въ особую бумажку и начинаетъ кушать. Потомъ велитъ принести Гапкѣ чернилицу, и самъ, собственною рукою, сдѣлаетъ надпись надъ бумажкою съ сѣменами: „сія дыня съѣдена токого-то числа“. Если при этомъ былъ какой-нибудь гость, то: „участвовалъ такой-то...“ Иванъ Никифоровичъ чрезвычайно любитъ купаться, и когда сядетъ по горло въ воду, велитъ поставить также въ воду столъ и самоваръ, и очень любитъ пить чай въ такой прохладѣ.

Скажите, Бога ради, можно ли язвительнѣе, злобнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушнѣе и любезнѣе наругаться надъ бѣднымъ человѣчествомъ?.... А все оттого, что слишкомъ вѣрно! А вотъ посмотрите на жизнь Палемона и Бавкиды.

Нельзя было глядѣть безъ участія на ихъ взаимную любовь. Они никогда не говорили другъ другу ты, но всегда вы: вы Аѳонасій Ивановичъ, вы, Пульхерія Ивановна.—Это вы продавили стулъ, Аѳонасій Ивановичъ?—Ничего, не сердитесь, Пульхерія Ивановна: это я... Послѣ этого Аѳонасій Ивановичъ возвращался въ покои и

говорилъ, приблизившись къ Пульхеріи Ивановнѣ: А что, Пульхерія Ивановна, можетъ-быть, пора закусить чего-нибудь?—Чего же бы теперь закусить, Аѳонасій Ивановичъ? развѣ коржиковъ съ саломъ, или пирожковъ съ макомъ, или, можетъ-быть, рыжиковъ соленыхъ!—Пожалуй хоть и рыжиковъ или пирожковъ, отвѣчалъ Аѳонасій Ивановичъ, и на столѣ вдругъ являлась скатерть съ пирожками и рыжиками. За часъ до обѣда, Аѳонасій Ивановичъ закусывалъ снова, выпивалъ старинную серебряную чарку водки, заѣдалъ грибками, сушеными рыбками и прочимъ. Обѣдать садились въ двѣнадцать часовъ. За обѣдомъ обыкновенно шелъ разговоръ о предметахъ самыхъ близкихъ къ обѣду. „Мнѣ кажется, будто эта каша, говорилъ обыкновенно Аѳонасій Ивановичъ, немного пригорѣла; вамъ этого не кажется, Пульхерія Ивановна?—Нѣтъ, Аѳонасій Ивановичъ; вы положите побольше масла, тогда она не будетъ пригорѣлою, или вотъ возьмите этого соуса съ грибками и подлейте къ ней.—„Пожалуй“, говорилъ Аѳонасій Ивановичъ и подставлялъ свою тарелку: „попробуемъ, какъ оно будетъ“... —Вотъ попробуйте, Аѳонасій Ивановичъ, какой хорошій арбузъ.—„Да вы не вѣрьте, Пульхерія Ивановна, что онъ красный“ говорилъ Аѳонасій Ивановичъ, принимая порядочный ломоть: бываетъ, что и красный, да не хорошій“.

Замѣчаете ли вы здѣсь всю тонкость Аѳонасія Ивановича, который хочетъ разными околичностями отвести глаза своей сожительницы отъ своего ужаснаго аппетита, котораго онъ какъ будто самъ стыдится? Но посмотримъ на его дальнѣйшіе подвиги.

„Послѣ этого Аѳонасій Ивановичъ съѣдалъ еще нѣсколько грушъ и отправлялся погулять по саду вмѣстѣ съ Пульхеріею Ивановной. Пришедши домой, Пульхерія Ивановна отправлялась по своимъ дѣламъ, а онъ садился подъ навѣсомъ... Немного погодя онъ посылалъ за Пульхеріей Ивановной и говорилъ: „Чего бы такого поѣсть мнѣ, Пульхерія Ивановна?“—Чего же бы такого? говорила Пульхерія Ивановна;—развѣ я пойду скажу, чтобы вамъ принесли вареников съ ягодами, которыхъ приказала я нарочно для васъ оставить!—И то добре,—отвѣчалъ Аѳонасій Ивановичъ... „Или, можетъ-быть, вы съѣли бы киселька?—„И то хорошо“, отвѣчалъ Аѳонасій Ивановичъ. Послѣ чего все это немедленно было приносимо и, какъ водится, съѣдаемо. Передъ ужиномъ Аѳонасій Ивановичъ еще коечего закушивалъ. Въ половинѣ десятаго садились ужинать... Ночью иногда Аѳонасій Ивановичъ, ходя по спальнѣ, стоналъ. Тогда Пуль-

херія Ивановна спрашивала: „Чего вы стонете, Аѳонасій Ивановичъ?“—Богъ его знаетъ, Пульхерія Ивановна, такъ какъ будто немного животъ болитъ“, говорилъ Аѳонасій Ивановичъ. „Можетъ-быть, вы бы чего-нибудь съѣли, Аѳонасій Ивановичъ?—Не знаю, будетъ ли хорошо, Пульхерія Ивановна? впрочемъ, чего-жъ бы такого съѣсть?—„Кислаго молочка, или жиденькаго отвару съ сушеными грушами“.—Пожалуй, развѣ только попробовать, говорилъ Аѳонасій Ивановичъ. Сонная дѣвка отправлялась рыться по шкапамъ, и Аѳонасій Ивановичъ съѣдалъ тарелочку. Послѣ чего онъ обыкновенно говорилъ: „теперь такъ какъ будто сдѣлалось легче.“

Какъ вы думаете объ этомъ? По моему, такъ въ этомъ очеркѣ весь человѣкъ, вся жизнь его, съ ея прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ! А супружеская любовь двухъ старцевъ, а насмѣшечки Аѳонасія Ивановича надъ своею сожительницею, касательно внезапнаго пожара въ ихъ домѣ, или, что еще ужаснѣе, касательно его намѣренія идти на войну; страхъ доброй Пульхеріи Ивановны, ея возраженія, ея легкая досада, и, наконецъ, чувство самодовольствія, испытываемое Аѳонасіемъ Ивановичемъ при мысли, что ему удалось подшутить надъ своею дрожайшею половиною! О, эти картины, эти черты—суть такіе драгоцѣнные перлы поэзіи, въ сравненіи съ которыми всѣ прекрасныя фразы нашихъ доморощенныхъ Бальзаковъ настоящій горохъ!... И все это не придумано, не списано съ разсказовъ или съ дѣйствительности, но угадано чувствомъ въ минуту поэтическаго откровенія! Еслибы я вздумалъ выписывать всѣ мѣста, доказывающія, что г. Гоголь уловилъ идею описываемой жизни и вѣрно воспроизвелъ ее, то мнѣ пришлось бы писать почти всѣ его повѣсти, отъ слова до слова.

Повѣсти г. Гоголя народны въ высочайшей степени; но я не хочу слишкомъ распространяться объ ихъ народности, ибо народность есть не достоинство, а необходимое условіе истинно-художественнаго произведенія, если подъ народностію должно разумѣть вѣрность изображенія нравовъ, обычаевъ и характера того или другаго народа, той или дру-

гой страны. Жизнь всякаго народа проявляется въ своихъ, ей одной свойственныхъ формахъ, слѣдовательно если изображеніе жизни вѣрно, то и народно. Народность, чтобы отразиться въ поэтическомъ произведеніи, не требуетъ такого глубокаго изученія со стороны художника, какъ обыкновенно думаютъ. Поэту стòитъ только мимоходомъ взглянуть на ту или другую жизнь, и она уже усвоена имъ. Какъ Малороссу, г. Гоголю съ дѣтства знакома жизнь малороссійская, но народность его поэзіи не ограничивается одною Малороссіею. Въ его «Запискахъ Сумасшедшаго», въ его «Невскомъ Проспектѣ» нѣтъ ни одного Хохла, все Русскіе и, въ добавокъ, еще Нѣмцы; а каково изображены имъ эти Русскіе и эти Нѣмцы! Каковъ Шиллеръ и Гофманъ? Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что, право, пора бы намъ перестать хлопотать о народности, такъ же какъ пора бы перестать писать, не имѣя таланта, ибо эта народность очень похожа на Тѣнь въ баснѣ Крылова; г. Гоголь о ней ни мало не думаетъ, и она сама напрашивается къ нему, тогда какъ многіе изъ всѣхъ силъ гоняются за нею, и ловятъ—одну тривіяльность.

Почти то же самое можно сказать и объ оригинальности: какъ и народность, она есть необходимое условіе истиннаго таланта. Два человѣка могутъ сойдтись въ заказной работѣ, но никогда въ творчествѣ, ибо если одно вдохновеніе не посѣщаетъ двухъ разъ одного человѣка, то еще менѣе одинаковое вдохновеніе можетъ посѣтить двухъ человѣкъ. Вотъ почему міръ творчества такъ неистощимъ и безграниченъ. Поэтъ никогда не скажетъ: «О чемъ мнѣ писать? ужъ все переписано!» или:

О боги, для чего я поздно такъ родился?

Одинъ изъ самыхъ отличительныхъ признаковъ творческой оригинальности, или, лучше сказать, самаго творчества, состоитъ въ этомъ типизмѣ, если можно такъ выра-

зиться, который есть гербовая печать автора. У истиннаго таланта каждое лице — типъ, и каждый типъ, для читателя, есть знакомый незнакомецъ. Не говорите: вотъ человѣкъ съ огромною душою, съ пылкими страстями, съ обширнымъ умомъ, но ограниченнымъ разсудкомъ, который до такого бѣшенства любитъ свою жену, что готовъ удавить ее руками при малѣйшемъ подозрѣніи въ невѣрности— скажите проще и короче: вотъ Отелло! Не говорите: вотъ человѣкъ, который глубоко понимаетъ назначеніе человѣка и цѣль жизни, который стремится дѣлать добро, но, лишенный энергіи души, не можетъ сдѣлать ни одного добраго дѣла и страдаетъ отъ сознанія своего безсилія — скажите: вотъ Гамлетъ? Не говорите: вотъ чиновникъ, который подлъ по убѣжденію, зловреденъ благонамѣренно, преступенъ добросовѣстно—скажите: вотъ Фамусовъ! Не говорите: вотъ человѣкъ, который подличаетъ изъ выгодъ, подличаетъ безкорыстно, по одному влеченію души—скажите: вотъ Молчалинъ! Не говорите: вотъ человѣкъ, который во всю жизнь не вѣдалъ ни одной человѣческой мысли, ни одного человѣческаго чувства, который, во всю жизнь, не зналъ, что у человѣка есть страданія и горести, кромѣ холода, безсонницы, клоповъ, блохъ, голода и жажды, есть восторги и радости, кромѣ спокойнаго сна, сытнаго стола, цвѣточнаго чаю, что въ жизни человѣка бываютъ случаи поважнѣе съѣденной дыни, что у него есть занятія и обязанности, кромѣ ежедневнаго осмотра своихъ сундуковъ, амбаровъ и хлѣвовъ, есть честолюбіе выше увѣренности, что онъ первая персона въ какомъ-нибудь захолустьѣ; о, не тратьте такъ много фразъ, такъ много словъ — скажите просто: вотъ Иванъ Ивановичъ Перерепенко, или, вотъ Иванъ Никифоровичъ Довгочхунъ! И повѣрьте, васъ скорѣе поймутъ всѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Онѣгинъ, Ленскій, Татьяна, Зарѣцкій, Репетиловъ, Хлестова, Тугоуховскій, Платонъ Михайловичъ Горичъ, княжна Мими, Пульхерія

Ивановна, Аѳонасій Ивановичъ, Шиллеръ, Пискаревъ, Пироговъ: развѣ всѣ эти собственныя имена теперь уже не нарицательныя? И, боже мой! какъ много смысла заключаетъ въ себѣ каждое изъ нихъ! Это повѣсть, романъ, исторія, поэма, драма, многотомная книга, короче: цѣлый міръ въ одномъ, только въ одномъ словѣ! Что передъ каждымъ изъ этихъ словъ ваши завѣтныя «qu'il mourût, Moi, Ахъ, я Эдипъ»? И какой мастеръ г. Гоголь выдумывать такія слова! не хочу говорить о тѣхъ, о которыхъ и такъ уже много говорилъ, скажу только объ одномъ такомъ его словечкѣ, это—Пироговъ!... Святители! да это цѣлая каста, цѣлый народъ, цѣлая нація! О единственный, несравненный Пироговъ, типъ изъ типовъ, первообразъ изъ первообразовъ! Ты многообъемлющѣе, чѣмъ Шайлокъ, многозначительнѣе, чѣмъ Фаустъ! Ты представитель просвѣщенія и образованности всѣхъ людей, которые «любятъ потолковать объ литературѣ, хвалятъ Булгарина, Пушкина и Греча, и говорятъ съ презрѣніемъ и остроумными колкостями объ А. А. Орловѣ». Да, господа, дивное словцо этотъ — Пироговъ! Это символъ, мистическій миѳъ, это, наконецъ, кафтанъ, который такъ чудно скроенъ, что придетъ по плечамъ тысячи человѣкъ! О, г. Гоголь большой мастеръ выдумывать такія слова, отпускать такія bons mots! А отчего онъ такой мастеръ на нихъ? Оттого, что оригиналенъ. А отчего оригиналенъ? Оттого, что поэтъ.

Но есть еще другая оригинальность, проистекающая изъ индивидуальности автора, слѣдствіе цвѣта очковъ, сквозь которыя смотритъ онъ на міръ. Такая оригинальность, у г. Гоголя, состоитъ, какъ я уже сказалъ выше, въ комическомъ одушевленіи, всегда побѣждаемомъ чувствомъ глубокой грусти. Въ этомъ отношеніи, русская поговорка: «началъ за здравіе, а свелъ за упокой», можетъ быть девизомъ его повѣстей. Въ самомъ дѣлѣ, какое чувство остается у васъ, когда пересмотрите вы всѣ эти картины

жизни, пустой, ничтожной, во всей ея наготѣ, во всемъ ея чудовищномъ безобразіи, когда досыта нахохочетесь, наругаетесь надъ нею? Я уже говорилъ о «Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ»—объ этой слезной комедіи во всемъ смыслѣ этого слова. Возьмите «Записки Сумасшедшаго», этотъ уродливый гротескъ, эту странную, прихотливую грезу художника, эту добродушную насмѣшку надъ жизнію и человѣкомъ, жалкою жизнію, жалкимъ человѣкомъ, эту каррикатуру, въ которой такая бездна поэзіи, такая бездна философіи, эту психическую исторію болѣзни, изложенную въ поэтической формѣ, удивительную по своей истинѣ и глубокости, достойную кисти Шекспира; вы еще смѣетесь надъ простакомъ, но уже вашъ смѣхъ растворенъ горечью: это смѣхъ надъ сумасшедшимъ, котораго бредъ и смѣшитъ и возбуждаетъ состраданіе. Я уже говорилъ также и о «Ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ» въ семъ отношеніи; прибавлю еще, что, съ этой стороны, эта повѣсть всего удивительнѣе. Въ «Старосвѣтскихъ Помѣщикакъ» вы видите людей пустыхъ, ничтожныхъ и жалкихъ, но, по крайней мѣрѣ, добрыхъ и радушныхъ; ихъ взаимная любовь основана на одной привычкѣ: но вѣдь и привычка все же человѣческое чувство, но вѣдь всякая любовь, всякая привязанность, на чемъ бы она ни основывалась, достойна участія, слѣдовательно еще понятно, почему вы жалѣете объ этихъ старикахъ. Но Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ существа совершенно пустыя, ничтожныя и притомъ нравственно гадкія и отвратительныя, ибо въ нихъ нѣтъ ничего человѣческаго; зачѣмъ же, спрашиваю я васъ, зачѣмъ вы такъ горько улыбаетесь, такъ грустно вздыхаете, когда доходите до траги-комической развязки? Вотъ она, эта тайна поэзіи! вотъ они, эти чары искусства! Вы видите жизнь, а кто видѣлъ жизнь, тотъ не можетъ не вздыхать!...

Комизмъ или юморъ г. Гоголя имѣетъ свой, особенный

характеръ: это юморъ чисто русскій, юморъ спокойный, простодушный, въ которомъ авторъ какъ бы прикидывается простачкомъ. Г. Гоголь съ важностію говоритъ о бекеши Ивана Ивановича, и иной простакъ не шутя подумаетъ, что авторъ и въ самомъ дѣлѣ въ отчаяніи оттого, что у него нѣтъ такой прекрасной бекеши. Да, г. Гоголь очень мило прикидывается; и хотя надо быть слишкомъ глупымъ, чтобы не понять его ироніи, но эта иронія чрезвычайно какъ идетъ къ нему. Впрочемъ, это только манера, а истинный-то юморъ г. Гоголя все-таки состоитъ въ вѣрномъ взглядѣ на жизнь, и прибавлю еще, ни мало не зависитъ отъ каррикатурности представляемой имъ жизни. Онъ всегда одинаковъ, никогда не измѣняетъ себѣ, даже и въ такомъ случаѣ, когда увлекается поэзіею описываемаго имъ предмета. Безпристрастіе его идолъ. Доказательствомъ этого можетъ служить «Тарасъ Бульба», эта дивная эпопея, написанная кистію смѣлою и широкою, этотъ рѣзкій очеркъ героической жизни младенчествующаго народа, эта огромная картина въ тѣсныхъ рамкахъ, достойная Гомера. Бульба герой, Бульба человѣкъ съ желѣзнымъ характеромъ, желѣзною волею; описывая подвиги его кровавой мести, авторъ возвышается до лиризма и, въ то же время, дѣлается драматикомъ въ высочайшей степени, и все это не мѣшаетъ ему по мѣстамъ смѣшить васъ своимъ героемъ. Вы содрогаетесь Бульбы, хладнокровно лишающаго мать дѣтей, убивающаго собственною рукою роднаго сына, ужасаетесь его кровавыхъ тризнъ надъ гробомъ дѣтей, и вы же смѣетесь надъ нимъ, дерущимся на кулачки съ своимъ сыномъ, пьющимъ горѣлку съ своими дѣтьми, радующимся, что въ этомъ ремеслѣ они не уступаютъ батюшкѣ, и изъявляющимъ свое удовольствіе, что ихъ добре пороли въ бурсѣ. И причина этого комизма, этой каррикатурности изображеній заключается не въ способности или направленіи автора находить во всемъ смѣшныя стороны, но въ вѣрности жизни. Если

г. Гоголь часто и съ умысломъ подшучиваетъ надъ своими героями, то безъ злобы, безъ ненависти; онъ понимаетъ ихъ ничтожность, но не сердится на нее; онъ даже какъ будто любуется ею, какъ любуется взрослый человѣкъ на игры дѣтей, которыя для него смѣшны своею наивностію, но которыхъ онъ не имѣетъ желанія раздѣлить. Но, тѣмъ не менѣе, это все-таки юморъ, ибо не щадитъ ничтоже ства, не скрываетъ и не скрашиваетъ его безобразія, ибо, плѣняя изображеніемъ этого ничтожества, возбуждаетъ къ нему отвращеніе. Это юморъ спокойный и, можетъ быть, тѣмъ скорѣе достигающій своей цѣли. И вотъ, замѣчу мимоходомъ, вотъ настоящая нравственность такого рода сочиненій. Здѣсь авторъ не позволяетъ себѣ никакихъ сентенцій, никакихъ правоученій; онъ только рисуетъ вещи такъ, какъ онѣ есть, и ему дѣла нѣтъ до того, каковы онѣ, и онъ рисуетъ ихъ безъ всякой цѣли, изъ одного удовольствія рисовать. Послѣ «Горя отъ ума» я не знаю ничего, на русскомъ языкѣ, что̀ бы отличалось такою чистѣйшею нравственностію и что̀ бы могло имѣть сильнѣйшее и благодѣтельнѣйшее вліяніе на нравы, какъ повѣсти г. Гоголя. О, предъ такою нравственностію я всегда готовъ падать на колѣни! Въ самомъ дѣлѣ, кто пойметъ Ивана Ивановича Перерепенко, тотъ вѣрно разсердится, если его назовутъ Иванъ Ивановичемъ Перерепенкомъ.

Нравственность въ сочиненіи должна состоять въ совершенномъ отсутствіи притязаній со стороны автора на нравственную или безнравственную цѣль. Факты говорятъ громче словъ; вѣрное изображеніе нравственнаго безобразія могущественнѣе всѣхъ выходокъ противъ него. Однакожъ не забудьте, что такія изображенія только тогда вѣрны, когда безцѣльны, когда созданы, а создавать можетъ одно вдохновеніе, а вдохновеніе можетъ быть доступно одному таланту, слѣдовательно только одинъ талантъ можетъ быть нравственнымъ въ своихъ произведеніяхъ!

Итакъ, юморъ г. Гоголя есть юморъ спокойный, спокойный въ самомъ своемъ негодованіи, добродушный въ самомъ своемъ лукавствѣ. Но въ творчествѣ есть еще другой юморъ—грозный и открытый; онъ кусаетъ до крови, впивается въ тѣло до костей, рубитъ со всего плеча, хлещетъ направо и налѣво своимъ бичемъ, свитымъ изъ шипящихъ змѣй, юморъ желчный, ядовитый, безпощадный. Хотите ли видѣть его? Я покажу вамъ его—смотрите: вотъ балъ, куда собралась толпа мишурныхъ знаменитостей, ничтожнаго величія, чтобы убить время, своего всегдашняго врага, убійцу, толпа блѣдная, чудовищная, утратившая образъ и подобіе Божіе, позоръ людей и безсловесныхъ: вотъ балъ:

Между толпами бродятъ разныя лица, подъ веселый напѣвъ контраданса свиваются и развиваются тысячи интригъ и сѣтей; толпы подобострастныхъ аэролитовъ вертятся во кругъ однодневной кометы; предатель униженно кланяется своей жертвѣ; здѣсь послышалось незначущее слово, привязанное къ глубокому долголѣтнему плану; здѣсь улыбка презрѣнія скатилась съ великолѣпнаго лица и оледенила какой-то умоляющій взоръ; здѣсь тихо ползутъ темные грѣхи и торжественная подлость гордо носитъ на себѣ печать отверженія....

Но вдругъ балъ приходитъ въ смущеніе, кричатъ:

Вода! вода! Въ другомъ концѣ бала играетъ еще музыка, тамъ еще танцуютъ, тамъ еще говорятъ о будущемъ, тамъ еще думаютъ о вчера сдѣланной подлости, о той, которую надо сдѣлать завтра, тамъ еще есть люди, которые ни о чемъ не думаютъ... Но вскорѣ достигла страшная вѣсть, музыка прервалась, все смѣшалось.... Отчего же поблѣднѣли всѣ эти лица? Какъ, Мм. гг. такъ есть на свѣтѣ нѣчто кромѣ вашихъ ежедневныхъ интригъ, происковъ, разсчетовъ? Не правда! пустое! все пройдетъ! опять наступитъ завтрашній день! опять можно будетъ продолжать начатое! свергнуть своего противника, обмануть своего друга, доползти до новаго мѣста!... Но вы не слушаете, вы трепещете, холодный потъ обдаетъ васъ, вамъ страшно? И подлинно—вода все растетъ; вы отворяете окошко, зовете о помощи, вамъ отвѣчаетъ свистъ бури, и бѣлесоватыя волны, какъ разъяренные тигры, кидаются въ свѣтлыя окна!—Да! въ самомъ дѣлѣ ужасно! еще минута—и взмокнутъ эти роскошныя, дымчатыя одежды вашихъ женщинъ! еще минута—и честолюбивыя

украшенія на груди вашей лишь прибавятъ къ вашей тяжести и повлекутъ на холодное дно.—Страшно! страшно! Гдѣ же всемощныя средства науки, смѣющейся надъ усиліями природы? Мм. гг., наука замерла подъ вашимъ дыханіемъ.—Гдѣ же сила молитвы, двигающей горы? Мм. гг., вы потеряли значеніе этого слова.—Что же остается вамъ?—Смерть! смерть! смерть, ужасная! медленная! Но ободритесь, что такое смерть?—вы люди мудрые, благоразумные, какъ зміи! неужели то, о чемъ посреди глубокихъ разсужденій вашихъ вы никогда и не помышляли, можетъ быть дѣломъ столь важнымъ? Призовите на помощь свою прозорливость, испытайте надъ смертью ваши обыкновенныя средства: испытайте, нельзя ли подкупить ее, оклеветать, не испугается ли она вашего холоднаго, грознаго взгляда?...

Я не буду рѣшать, которому изъ этихъ двухъ видовъ юмора должно отдать преимущество. Вопросъ о подобномъ превосходствѣ былъ бы такъ же нелѣпъ, какъ вопросъ о превосходствѣ оды надъ элегіею, романа надъ драмою, ибо изящное всегда равно самому себѣ, въ какихъ бы видахъ ни проявлялось. Есть вещи, столь гадкія, что стоитъ только показать ихъ въ собственномъ ихъ видѣ, или назвать ихъ собственнымъ именемъ, чтобы возбудить къ нимъ отвращеніе; но есть еще вещи, которыя, при всемъ своемъ существенномъ безобразіи, обманываютъ блескомъ наружности. Есть ничтожество грубое, низкое, нагое, неприкрытое, грязное, вонючее, въ лохмотьяхъ; есть еще ничтожество гордое, самодовольное, пышное, великолѣпное, приводящее въ сомнѣніе объ истинномъ благѣ самую чистую, самую пылкую душу, ничтожество, ѣздящее въ каретѣ, покрытое золотомъ, умно говорящее, вѣжливо кланяющееся, такъ что вы уничтожены передъ нимъ, что вы готовы подумать, что оно-то есть истинное величіе, что оно-то знаетъ цѣль жизни и что вы-то обманываетесь, вы-то гоняетесь за призраками. Для того и другаго рода ничтожества нуженъ свой, особенный бичъ крѣпкій, ибо то и другое ничтожество покрыто тройною бронею. Для того и другаго рода ничтожества нужна своя Немезида, ибо надобно же, чтобы люди иногда про-

сыпались отъ своего безсмысленнаго усыпленія и вспоминали о своемъ человѣческомъ достоинствѣ; ибо надобно же, чтобы громъ иногда раздавался надъ ихъ головами и напоминалъ имъ объ ихъ Творцѣ; ибо надобно же, чтобы за пиршественнымъ столомъ, посреди остатковъ безумной роскоши, среди утѣхъ бѣснующейся масляницы, унылый и торжественный звукъ колокола возмущалъ внезапно ихъ безумное упоеніе и напоминалъ о храмѣ Божіемъ, куда всякій долженъ предстать съ раскаяніемъ въ сердцѣ, съ гимномъ на устахъ!...

Г. Гоголь сдѣлался извѣстнымъ своими «Вечерами на Хуторѣ.» Это были поэтическіе очерки Маллороссіи, очерки полные жизни и очарованія. Все что можетъ имѣть природа прекраснаго, сельская жизнь простолюдиновъ—обольстительнаго, все, что народъ можетъ имѣть оригинальнаго, типическаго, все это радужными цвѣтами блеститъ въ этихъ первыхъ поэтическихъ грезахъ г. Гоголя. Это была поэзія юная, свѣжая, благоуханная, роскошная, упоительная, какъ поцѣлуй любви... Читайте вы его «Майскую Ночь», читайте ее въ зимній вечеръ у пылающаго камелька, и вы забудете о зимѣ съ ея морозами и мятелями; вамъ будетъ чудиться эта свѣтлая, прозрачная ночь благословеннаго юга, полная чудесъ и тайнъ; вамъ будетъ чудиться эта юная, блѣдная красавица, жертва ненависти злой мачихи, это оставленное жилище съ однимъ раствореннымъ окномъ, это пустынное озеро, на тихихъ водахъ котораго играютъ лучи мѣсяца, на зеленыхъ берегахъ котораго пляшутъ вереницы безплотныхъ красавицъ... Это впечатлѣніе очень похоже на то, которое производитъ на воображеніе «Сонъ въ Лѣтнюю Ночь» Шекспира. «Ночь передъ Рождествомъ Христовымъ» есть цѣлая, полная картина домашней жизни народа, его маленькихъ радостей, его маленькихъ горестей, словомъ, тутъ вся поэзія его жизни. «Страшная Месть» составляетъ теперь pendant къ «Тарасу Бульбѣ», и обѣ эти огромныя

картины показываютъ, до чего можетъ возвышаться талантъ г. Гоголя. Но я никогда бы не кончилъ, еслибы сталъ разбирать «Вечера на Хуторѣ». «Арабески и Миргородъ» носятъ на себѣ всѣ признаки зрѣющаго таланта. Въ нихъ меньше этого упоенія, этого лирическаго разгула, но больше глубины и вѣрности въ изображеніи жизни. Сверхъ того, онъ здѣсь расширилъ свою сцену дѣйствія, и, не оставляя своей любимой, своей прекрасной, своей ненаглядной Малороссіи, пошелъ искать поэзіи въ нравахъ средняго сословія въ Россіи. И, Боже мой, какую глубокую и могучую поэзію нашелъ онъ тутъ! Мы, Москали, и не подозрѣвали ея!... «Невскій Проспектъ» есть созданіе столь же глубокое, сколько очаровательное; это двѣ полярныя стороны одной и той же жизни, это высокое и смѣшное о-бокъ другъ другу. На одной сторонѣ этой картины, бѣдный художникъ, безпечный и простодушный какъ дитя, замѣчаетъ на Невскомъ Проспектѣ женщину-ангела, одно изъ тѣхъ дивныхъ созданій, которыя могло производить только его художническое воображеніе; онъ слѣдитъ за нею, онъ дрожитъ, онъ не смѣетъ дохнуть, ибо онъ еще не знаетъ ее, но уже обожаетъ ее, а всякое обожаніе робко и трепетно; онъ замѣчаетъ ея благосклонную улыбку—и «кареты казались ему неподвижны, мостъ растягивался и ломался на своей аркѣ, домъ стоялъ крышею внизъ, будка и аллебарда часоваго, вмѣстѣ съ золотыми словами и нарисованными ножницами, блестѣла, казалось, на самой рѣсницѣ его глазъ». Задыхаясь отъ упоенія и трепетнаго предчувствія блаженства, онъ входитъ за нею въ третій этажъ большаго дома, и что́ же представляется ему?... Она, все такъ же прекрасная, очаровательная, она смотритъ на него глупо, нагло, какъ бы говоря ему: «Ну что̀ же ты?...» Онъ бросается вонъ. Я не хочу пересказывать его сна, этого дивнаго, драгоцѣннаго перла нашей поэзіи, втораго и единственнаго, послѣ сна Татьяны Пушкина: здѣсь г.

Гоголь поэтъ въ высочайшей степени. Кто читаетъ эту повѣсть въ первый разъ, для того, въ этомъ дивномъ снѣ, дѣйствительность и поэзія, реальное и фантастическое, такъ тѣсно сливаются, что читатель изумляется, узнавши, что все это только сонъ. Представьте себѣ бѣднаго, оборваннаго, запачканнаго художника, потеряннаго въ толпѣ звѣздъ, крестовъ и всякаго рода совѣтниковъ: онъ толкается между ними уничтожающими его своимъ блескомъ, онъ стремится къ ней, и они безпрестанно разлучаютъ его съ нею, они, эти кресты и звѣзды, которые смотрятъ на нее безъ всякаго упоенія, безъ всякаго трепета, какъ на свои золотыя табакерки... И какое пробужденіе послѣ этого сна! и какъ можно жить послѣ такого пробужденія? И онъ точно не живетъ въ дѣйствительности, онъ весь въ грезахъ. . Наконецъ, въ его душѣ блеснулъ обманчивый, но радужный лучъ надежды: онъ рѣшается на самоотверженіе, онъ хочетъ принести ей въ жертву, какъ Молоху, даже честь свою... «А я только что теперь проснулась, меня привезли въ семь часовъ утра, я была совсѣмъ пьяна»—это говоритъ ему она, все такъ же прекрасная, очаровательная... Послѣ этого можно ли было жить даже и въ грезахъ?... И нѣтъ художника: онъ сошелъ въ темную могилу, никѣмъ не оплаканный, и міръ не зналъ, какая высокая и ужасная драма была разыграна въ этой грѣшной, страдальческой душѣ...

На другой сторонѣ этой картины, вы видите Пирогова и Шиллера; того Пирогова, о которомъ я уже говорилъ, того Шиллера, который хотѣлъ отрѣзать себѣ носъ, чтобы избавиться отъ излишнихъ расходовъ на табакъ; того Шиллера, который говоритъ съ гордостью, что онъ швабскій Нѣмецъ, а не русская свинья, и что у него есть король въ Германіи; того Шиллера, который «еще съ двадцатилѣтняго возраста, съ того времени, которое Русскій живетъ на фуфу, измѣрилъ всю свою жизнь и положилъ себѣ, въ

теченіи 10 лѣтъ, составить капиталъ изъ 50 тысячъ, у котораго это было уже такъ вѣрно и неотразимо, какъ судьба, потому что скорѣе чиновникъ позабудетъ заглянуть въ швейцарскую своего начальника, нежели Нѣмецъ рѣшится перемѣнить свое слово»; наконецъ того Шиллера, который «положилъ цѣловать жену свою въ сутки не болѣе двухъ разъ, и чтобы какъ-нибудь не поцѣловать лишній разъ, никогда не клалъ перцу болѣе одной ложечки въ свой супъ». Чего вамъ еще? Тутъ весь человѣкъ, вся исторія его жизни!...

А Пироговъ?... О, объ немъ объ одномъ можно написать цѣлую книгу!... Вы помните его волокитство за глупою блондинкою, съ которою онъ составляетъ такую отличную пару, его ссору и отношенія съ Шиллеромъ; помните, какіе ужасные побои претерпѣлъ онъ отъ флегматическаго Отелло, помните, какимъ негодованіемъ, какою жаждою мести закипѣло сердце поручика, и помните, какъ скоро прошла его досада отъ съѣденныхъ кондитерскихъ пирожковъ и прочтенія «Пчелы»?... Чудные пирожки! Чудная «Пчела»! Пискаревъ и Пироговъ—какой контрастъ! Оба они начали, въ одинъ день, въ одинъ часъ, преслѣдованія своихъ красавицъ, и какъ различны для обоихъ нихъ были слѣдствія этихъ преслѣдованій! О, какой смыслъ скрытъ въ этомъ контрастѣ! И какое дѣйствіе производитъ этотъ контрастъ! Пискаревъ и Пироговъ... одинъ въ могилѣ, другой доволенъ и счастливъ, даже послѣ неудачнаго волокитства и ужасныхъ побоевъ!... Да, господа, скучно на этомъ свѣтѣ!

«Портретъ» есть неудачная попытка г. Гоголя въ фантастическомъ родѣ. Здѣсь его талантъ падаетъ, но онъ и въ самомъ паденіи остается талантомъ. Первой части этой повѣсти невозможно читать безъ увлеченія; даже, въ самомъ дѣлѣ, есть что-то ужасное, роковое, фантастическое въ этомъ таинственномъ портретѣ, есть какая-то непобѣдимая прелесть, которая заставляетъ васъ насильно смотрѣть на

него, хотя вамъ это и страшно. Прибавьте къ этому множество юмористическихъ картинъ и очерковъ во вкусѣ г. Гоголя; вспомните квартальнаго надзирателя, разсуждающаго о живописи, потомъ эту мать, которая привела къ Черткову свою дочь, чтобы снять съ нея портретъ, и которая бранитъ балы и восхищается природою,—и вы не откажете въ достоинствѣ и этой повѣсти. Но вторая ея часть рѣшительно ничего не стòитъ; въ ней совсѣмъ не видно г. Гоголя. Это явная придѣлка, въ которой работалъ умъ, а фантазія не принимала никакого участія.

Вообще надо сказать, фантастическое какъ-то не совсѣмъ дается г. Гоголю, и мы вполнѣ согласны съ мнѣніемъ г. Шевырева, который говоритъ, что «ужасное не можетъ быть подробно: призракъ тогда страшенъ, когда въ немъ есть какая-то неопредѣленность; если же вы въ призракѣ умѣете разглядѣть слизистую пирамиду, съ какими-то челюстями вмѣсто ногъ и языкомъ вверху, тутъ ужъ не будетъ ничего страшнаго, и ужасное переходитъ просто въ уродливое». Но за то картины малороссійскихъ нравовъ, описаніе бурсы (впрочемъ немного напоминающее бурсу Нарѣжнаго), портретъ бурсаковъ, и особенно этого философа Хомы, философа не по одному классу семинаріи, но философа по духу, по характеру, по взгляду на жизнь... О несравненный *Dominus* Хома! какъ ты великъ въ своемъ стоическомъ равнодушіи ко всему земному, кромѣ горѣлки! Ты натерпѣлся горя и страха, ты чуть не попался въ когти къ чертямъ, но ты все забываешь за широкою и глубокою ендовою, на днѣ которой схоронена твоя храбрость и твоя философія; ты, на вопросъ о виденныхъ тобою страстяхъ, машешь рукою и говоришь: «Много на свѣтѣ всякой дряни водится!» у тебя половина головы посѣдѣла въ одну ночь, а ты оттопываешь трепака, да такъ, что добрые люди, смотря на тебя, плюютъ и восклицаютъ: «Вотъ это какъ долго танцуетъ человѣкъ!» Пусть судитъ всякій какъ хо-

четъ, а по мнѣ такъ философъ Хома стоитъ философа Сковороды! Потомъ помните ли вы невольное путешествіе философа Хомы, помните ли попойку въ шинкѣ, этого Дороша, который, нагрузившись пѣнникомъ, вдругъ захотѣлъ узнать, непремѣнно узнать, чему учатъ въ бурсѣ (шуточное дѣло!), этого резонера, который божился, что «все должно оставить такъ какъ есть, что Богъ знаетъ, какъ нужно», и наконецъ, этого казака съ сѣдыми усами, который рыдалъ о томъ, что остался круглымъ сиротою... А эти поучительныя бесѣды на кухнѣ, гдѣ «обыкновенно говорилось обо всемъ: и о томъ, кто пошилъ себѣ новые шаровары, и что находится внутри земли, и кто видѣлъ волка»? А сужденія этихъ умныхъ головъ о чудесахъ въ природѣ? а портретъ пана сотника?... и кто перечтетъ?... Нѣтъ, несмотря на неудачу въ фантастическомъ, эта повѣсть есть дивное созданіе. Но и фантастическое въ ней слабо только въ описаніи привидѣній, а чтенія Хомы въ церкви, возстаніе красавицы, явленіе Вія, безподобны.

Я еще мало говорилъ о «Тарасѣ Бульбѣ», и не буду слишкомъ распространяться о немъ, ибо, въ такомъ случаѣ, у меня вышла бы еще статья не менѣе самой повѣсти... «Тарасъ Бульба» есть отрывокъ, эпизодъ изъ великой эпопеи жизни цѣлаго народа. Если въ наше время возможна гомерическая эпопея, то вотъ вамъ ея высочайшій образецъ, идеалъ и прототипъ!... Если говорятъ, что въ «Иліадѣ» отражается вся жизнь греческая, въ ея героическій періодъ, то развѣ одни піитики и риторики прошлаго вѣка запретятъ сказать то же самое и о «Тарасѣ Бульбѣ» въ отношеніи къ Малороссіи XVI вѣка?... И въ самомъ дѣлѣ, развѣ здѣсь не все казачество, съ его странною цивилизаціею, его удалою, разгульною жизнію, его безпечностію и лѣнью, неутомимостью и дѣятельностію, его буйными оргіями и кровавыми набѣгами?... Скажите мнѣ, чего нѣтъ въ картинѣ, чего недостаетъ къ ея полнотѣ? Не выхвачено ли все это со дна

жизни, не бьется ли здѣсь огромный пульсъ всей этой жизни? Этотъ богатырь Бульба съ своими могучими сыновьями; эта толпа Запорожцевъ, дружно отдирающая на площади трепака; этотъ казакъ, лежащій въ лужѣ, для показанія своего презрѣнія къ дорогому платью, которое на немъ надѣто, и какъ бы вызывающій на драку всякаго дерзкаго, кто бы осмѣлился дотронуться до него хоть пальцемъ; этотъ кошевой, поневолѣ говорящій краснорѣчивую, витіеватую рѣчь о необходимости войны съ бусурманами, потому что «многіе Запорожцы позадолжались въ шинки Жидамъ и своимъ братьямъ столько, что ни одинъ чортъ теперь и вѣры нейметъ»; эта мать, которая является какъ бы мимоходомъ, чтобы заживо оплакать дѣтей своихъ, какъ всегда являлась въ тотъ вѣкъ женщина и мать въ казацкой жизни... А жиды и Ляхи, а любовь Андрія и кровавая месть Бульбы, а казнь.

Остапа, его воззваніе къ отцу и «слышу» *) Бульбы и, наконецъ, героическая гибель стараго фанатика, который не чувствовалъ своихъ ужасныхъ мукъ, потому что чувствовалъ одну жажду мести къ враждебному народу?... И это не эпопея?... Да что́ же такое эпопея?.... И какая кисть широкая, размашистая, рѣзкая, быстрая! какія краски

---

*) Впрочемъ, я не ставлю въ слишкомъ большую заслугу г. Гоголю этого „слышу“ и не думаю, подобно нѣкоторымъ, что еслибы г. Гоголь и не изобрѣлъ ничего другого, кромѣ этого славнаго „слышу“, то однимъ имъ могъ бы заставить молчать злонамѣренность критики; ибо, во-первыхъ, злонамѣренность критики нельзя обезоружить изящными созданіями, чему примѣромъ можетъ служить этотъ же самый г. Гоголь, нѣкоторыми благонамѣренными критиками пожалованный въ Поль-де-Коки; потомъ, это славное „слышу“ не имѣло бы никакого смысла, безъ отношенія къ цѣлой повѣсти и безъ связи съ нею, и наконецъ, теперь уже прошло то время, когда въ примѣръ высокаго представляли: *Qu'il mourût*, *Moi*, *Ахъ я Эдипъ, я Россъ* и т. п.; зачѣмъ же обогощать педантовъ новымъ примѣромъ высокаго въ выраженіи?

яркія и ослѣпительныя!.. И какая поэзія энергическая, могучая, какъ эта Запорожская Сѣчь, «то гнѣздо, откуда вылетаютъ всѣ тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы, откуда разливается воля и казачество на всю Украйну!...»

Что̀ еще сказать вамъ? Можетъ-быть, вы мало удовлетворены и тѣмъ, что̀ я уже сказалъ: что̀ дѣлать! Гораздо легче чувствовать и понимать прекрасное, нежели заставлять другихъ чувствовать и понимать его! Если одни изъ читателей, прочтя мою статью, скажутъ: «это правда» или по крайней мѣрѣ: «во всемъ этомъ есть и правда»; если другіе, прочтя ее, захотятъ прочесть и разобранныя въ ней сочиненія—мой долгъ выполненъ, цѣль достигнута.

Но какой же общій результатъ выведу я изъ всего сказаннаго мною? Что̀ такое г. Гоголь въ нашей литературѣ? Гдѣ его мѣсто въ ней? Чего должно ожидать намъ отъ него, отъ него, еще только начавшаго свое поприще, и какъ начавшаго! Не мое дѣло раздавать вѣнки безсмертія поэтамъ, осуждать на жизнь или смерть литературныя произведенія; если я сказалъ, что г. Гоголь поэтъ, я уже все сказалъ, я уже лишилъ себя права дѣлать ему судейскіе приговоры. Теперь у насъ слово «поэтъ» потеряло свое значеніе: его смѣшали съ словомъ «писатель». У насъ много писателей, нѣкоторые даже съ дарованіемъ, но нѣтъ поэтовъ. Поэтъ высокое и святое слово, въ немъ заключается не умирающая слава! Но дарованіе имѣетъ свои степени; Козловъ, Жуковскій, Пушкинъ, Шиллеръ—эти люди поэты; но равны ли они? Развѣ не спорятъ еще и теперь, кто выше: Шиллеръ или Гёте? Развѣ общій голосъ не назвалъ Шекспира царемъ поэтовъ, единственнымъ и несравненнымъ? И вотъ задача критики: опредѣлить степень, занимаемую художникомъ въ кругу своихъ собратій. Но г. Гоголь еще только началъ свое поприще; слѣдовательно наше дѣло высказать свое мнѣніе о его дебютѣ и о надеждахъ въ будущемъ, которыя подаетъ этотъ дебютъ. Эти надежды велики, ибо г.

Гоголь владѣетъ талантомъ необыкновеннымъ, сильнымъ и высокимъ. По крайней мѣрѣ, въ настоящее время, онъ является главою литературы, главою поэтовъ, онъ становится на мѣсто, оставленное Пушкинымъ. Предоставимъ времени рѣшить, чѣмъ и какъ кончится поприще г. Гоголя, а теперь будемъ желать, чтобы этотъ прекрасный талантъ долго сіялъ на небосклонѣ нашей литературѣ, чтобы его дѣятельность равнялась его силѣ.

Въ «Арабескахъ» помѣщены два отрывка изъ романа. Объ этихъ отрывкахъ нельзя судить какъ объ отдѣльномъ и цѣломъ созданіи; но о нихъ можно сказать, что они вполнѣ могутъ служить залогомъ тѣхъ надеждъ, о которыхъ я говорилъ. Поэты бываютъ двухъ родовъ: одни только доступны поэзіи, и она у нихъ бываетъ болѣе способностію, чѣмъ даромъ или талантомъ, и много зависитъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ жизни; у другихъ даръ поэзіи есть нѣчто положительное, нѣчто составляющее нераздѣльную часть ихъ бытія. Первые, иногда одинъ разъ въ цѣлую жизнь, выскажутъ какую нибудь прекрасную поэтическую грезу, и, какъ будто обезсиленные тяжестью свершеннаго ими подвига, ослабѣваютъ и падаютъ въ послѣдующихъ своихъ произведеніяхъ; и вотъ отчего у нихъ первый опытъ, по большей части, бываетъ прекрасенъ, а послѣдующіе постепенно подрываютъ ихъ славу. Другіе съ каждымъ новымъ произведеніемъ возвышаются и крѣпнутъ; г. Гоголь принадлежитъ къ числу этихъ послѣднихъ поэтовъ: этого довольно!

Я забылъ еще объ одномъ достоинствѣ его произведеній: это лиризмъ, которымъ проникнуты его описанія такихъ предметовъ, которыми онъ увлекается. Описываетъ ли онъ бѣдную мать, это существо высокое и страждущее, это воплощеніе святаго чувства любви—сколько тоски, грусти и любви въ его описаніи! Описываетъ ли онъ юную красоту—сколько упоенія, восторга въ его описаніи! Описываетъ ли онъ красоту своей родной, своей возлюбленной

Маллороссіи—это сынъ, ласкающійся къ обожаемой матери! Помните ли вы его описаніе безбрежныхъ степей днѣпровскихъ? Какая широкая, размашистая кисть! какой разгулъ чувства! Какая роскошь и простота въ этомъ описаніи! Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши у г. Гоголя!..

Въ одномъ журналѣ было объявлено странное желаніе, чтобы г. Гоголь попробовалъ своихъ силъ въ изображеніи высшихъ слоевъ общества: вотъ мысль, которая, въ наше время, отзывается ужаснымъ анахронизмомъ! Какъ! неужели поэтъ можетъ сказать себѣ: дай опишу то или другое, дай попробую себя въ томъ или другомъ родѣ?... И притомъ, развѣ предметъ дѣлаетъ что-нибудь для достоинства сочиненія? Развѣ это не аксіома: гдѣ жизнь, тамъ и поэзія? Но мои «развѣ» никогда бы не кончились, еслибы я захотѣлъ высказать ихъ всѣ, безъ остатка. Нѣтъ, пусть г. Гоголь описываетъ то, что̀ велитъ ему описывать его вдохновеніе, и пусть страшится описывать то, что̀ велятъ ему описывать или его воля или гг. критики. Свобода художника состоитъ въ гармоніи его собственной воли съ какою-то внѣшнею, независящею отъ него волею, или, лучше сказать его воля есть вдохновеніе!.... *).

*) Я очень радъ, что заглавіе и содержаніе моей статьи избавляетъ меня отъ непріятной обязанности разбирать ученыя статьи г. Гоголя, помѣщенныя въ „Арабескахъ". Я не понимаю, какъ можно такъ необдуманно компрометировать свое литературное имя. Неужели перевести или, лучше сказать, перефразировать и перепародировать нѣкоторыя мѣста изъ исторіи Миллера, перемѣшать ихъ съ своими фразами, значитъ написать ученую статью?.. Неужели дѣтскія мечтанія объ архитектурѣ — ученость?.. Неужели сравненіе Шлецера, Миллера и Гердера, ни въ какомъ случаѣ не идущихъ въ сравненіе, тоже ученость?.. Если подобные этюды — ученость, то избави насъ Богъ отъ такой учености! Мы и безъ того богаты ею. Отдавая полную справедливость прекрасному таланту г. Гоголя, какъ поэта, мы, движимые чувствомъ той же самой справедливости, того же самаго безпристрастія, желаемъ, чтобы кто-нибудь разобралъ подробнѣе его ученыя статьи.

О СТИХОТВОРЕНІЯХЪ Г. БАРАТЫНСКАГО.

Часто думаю я о томъ, какое рѣзкое отличіе находится между поэзіею первобытныхъ народовъ и поэзіею новыхъ народовъ, которыхъ религія, цивилизація, просвѣщеніе и литература образовались подъ разными чуждыми вліяніями. Представьте себѣ народъ, у котораго еще нѣтъ ни идеи творчества, ни слова для выраженія этой идеи, а есть уже само творчество: кто открылъ ему эту тайну, кто навелъ его на эту мысль? Одна природа, и больше никто. Самое просвѣщеніе, въ этомъ случаѣ, дѣло совершенно постороннее, ибо оно только сообщаетъ поэзіи другой характеръ. И очень естественно: чѣмъ безсознательнѣе творчество, тѣмъ оно глубже и истиннѣе. Поэтъ, который творилъ, не сознавая своего дѣйствія, не понимая, что̀ онъ дѣлаетъ—онъ болѣе поэтъ, нежели тотъ, который, чувствуя вдохновеніе, говоритъ: «хочу писать».

Кто слагалъ наши народныя пѣсни?—люди, которые даже и не подозрѣвали, что есть поэзія, есть вдохновеніе, есть поэты, есть литература. Какъ слагали они свои пѣсни?—экспромтомъ, за пиршественною чашею, среди ликующаго круга, или, всего чаще, въ минуты тоски и унынія, когда душа просилась вонъ и хотѣла излиться или въ слезахъ или въ звукахъ. Какъ смотрѣли эти геніальные люди на свои произведенія?—какъ на дѣло пустое, и, можетъ быть, когда проходили обстоятельства, породив-

шія ихъ пѣсню, когда стихали чувства и уступали полное владычество разсудку, они удивлялись, какъ пришла имъ въ голову странная мысль заниматься такимъ вздоромъ, и стыдились своей пѣсни, какъ стыдится протрезвившійся человѣкъ дурнаго или смѣшнаго поступка сдѣланнаго имъ въ пьяномъ видѣ. Я часто мечталъ объ одномъ созданіи, идеалъ котораго смутно носился въ душѣ моей, и который мнѣ очень хотѣлось увидѣть когда-нибудь осуществленнымъ; мнѣ хотѣлось прочесть романъ или драму, въ которой бы содержаніе было взято изъ русской жизни до Петра Великаго, и въ которой была бы представлена борьба генія съ своими порывами, для него непонятными. Въ самомъ дѣлѣ, неужели въ этомъ народѣ, сознавшемъ себя нѣсколько столѣтій и занимавшемъ такое обширное пространство, не было своихъ Шекспировъ, Шиллеровъ?... Итакъ, представьте себѣ народъ, у котораго было поэтическое чувство, но котораго условія жизни были совершенно противоположны поэзіи жизни; котораго религія покровительствовала искусству и требовала отъ него служенія, но который въ религіи довольствовался одніми формами, а искусство сдѣлалъ ремесломъ опредѣленнымъ и положительнымъ; такъ что геній и посредственность были въ немъ подведены подъ уровень; народъ, который любилъ временемъ и спѣть пѣсню и поплясать въ присядку, но который, въ то же время, и пѣніе и пляску почиталъ бѣсовскою потѣхою, грѣхомъ тяжкимъ; народъ, который довольствовался скудною житейскою философіею, лѣниво наслѣдованною имъ отъ праотцовъ и заключенною въ формы пословицъ и поговорокъ; народъ, который святое чувство любви почиталъ дьявольскимъ навожденіемъ, отчитывался отъ него молитвами, отпрыскивался нашептанною водою; который женщину—эту поэзію жизни, которою одною бываетъ жизнь красна,—женщину сдѣлалъ своею рабынею, родомъ домашняго животнаго, немного выше коровы или лошади; наконецъ, народъ,

который былъ чуждъ всякаго движенія впередъ, всякаго стремленія къ совершенствованію, былъ похожъ на обледенѣлую массу воды, по которой тщетно скользятъ блѣдные лучи зимняго солнца. Теперь, среди этого народа, представьте себѣ юношу-генія: какой контрастъ, какія подробности, сколько красокъ, какая драма, высокая и ужасная въ своей простотѣ и каррикатурности!... Этотъ юноша есть единственная опора, единственная надежда престарѣлой матери. Какой нибудь добрый монахъ учитъ его грамотѣ, чтобъ онъ могъ сдѣлаться писцомъ въ приказѣ, дьякомъ или земскимъ ярыжкою—это все одно и то же, ибо одинаково прибыльно, а русскій народъ смотрѣлъ всегда на судопроизводство какъ на средство жить; наши мужички и теперь еще не шутя говорятъ: «онъ на то и алистраторъ, чтобъ взятки брать». Итакъ, юношѣ приготовляется блестящая будущность; надо, чтобъ онъ умѣлъ воспользоваться ею. Но вотъ бѣда: юноша боленъ страннымъ недугомъ; ему снятся на яву дивные сны, слышатся чудные звуки, ему хочется и самъ онъ не знаетъ чего; онъ забываетъ свое дѣло, и, какъ одержанный бѣсомъ, то плачетъ, то хохочетъ, самъ не зная отчего. Мать плачетъ о немъ, какъ о потерянномъ, взбалмошномъ, помѣшанномъ; добрые люди, говоря о немъ, пожимаютъ плечами и набожно произносятъ: Господи, спаси насъ отъ лукаваго! Все это очень обыкновенно, но вотъ что̀ не совсѣмъ обыкновенно: онъ самъ увѣренъ, что онъ одержимъ злымъ духомъ, постигнутъ чернымъ недугомъ, что его мысли грѣшны, желанія и помыслы нечисты. Онъ молитъ Бога, чтобы онъ избавилъ его отъ злаго бѣса, который его мучитъ, и преслѣдуетъ, чтобы онъ направилъ его на путь истинный; онъ плачетъ и раскаевается, и все остается такимъ же чуднымъ и не похожимъ на добрыхъ людей. Не правда-ли, что это прекрасный предметъ для драмы, не правда-ли, что такая драма, плодъ генія, въ тысячу бы разъ лучше и яснѣе

всѣхъ курсовъ и теоріи эстетики объяснили дивную и великую тайну, которая здѣсь, на землѣ, называется поэтомъ, художникомъ?...

Исторія первобытной греческой поэзіи достойна глубочайшаго изученія. Сравните съ нею исторію первобытной индійской, арабской поэзіи—и сколько драгоцѣнныхъ фактовъ получите вы для теоріи изящнаго! Въ самомъ дѣлѣ, поэтъ, который сочиняетъ, не зная, что̀ такое поэзія, что̀ такое поэтъ, не зная, чтобы когда нибудь и кто-нибудь, подобно ему, сочинялъ, который сочиняетъ по непреодолимому побужденію, котораго не умѣетъ ни понять, ни назвать, не есть ли онъ поэтъ по преимуществу. И такіе поэты были у народовъ младенствующихъ, и ихъ имена или исчезаютъ для потомства или передаются ему въ миѳическихъ образахъ Гомеровъ, Оссіановъ. Созданія такихъ поэтовъ суть типическія, оригинальныя и вѣчныя. Они творятъ роды и формы искусства, ибо, по странной ошибкѣ человѣческаго ума, служатъ образцами для послѣдующихъ творцовъ. Они вполнѣ принадлежатъ своему вѣку и народу, ибо творятъ свободно отъ всякаго посторонняго вліянія. Какое дѣло, если у Индійцевъ была драма прежде, чѣмъ Эсхилъ явился въ Греціи... Эсхилъ все-таки творецъ греческой трагедіи, этого рода, такъ отличнаго отъ новѣйшей драмы. Типъ эпическихъ рапсодъ, типъ Эсхиловской драмы, есть типъ истинный, естественный, законный, если можно такъ сказать, ибо онъ найденъ въ природѣ, а не выдуманъ. Можно ли усомниться въ признаніи первобытныхъ поэтовъ?...

Не такъ бываетъ у народовъ, у которыхъ поэзія является тогда, какъ имъ уже извѣстна идея поэзіи по опыту первобытныхъ народовъ. Не самобытны, не оригинальны, не законны роды и формы ихъ созданій. Если они и носятъ на себѣ признаки таланта, то похожи на зданіе, котораго планъ начертанъ однимъ художникомъ, а выполненъ другимъ, принадлежащимъ другому вѣку и другому народу; по-

хожи на пламенное произведеніе юноши-поэта, написанное на тему, потомъ переправленное и передѣланное варваромъ-педагогомъ. Такова Энеида и всѣ поэмы, существующія на свѣтѣ потому только, что существовала прежде нихъ Иліада, а непочему иному. У этихъ народовъ, обыкновенно, тотъ и поэтъ, кто началъ писать прежде другихъ, кто вышелъ на арену и громко закричалъ: смотрите, я поэтъ!

И вотъ причина деспотическаго владычества Ронсаровъ, Кантемировъ, Тредьяковскихъ, Сумароковыхъ. Но это владычество непродолжительно; оно оканчивается тотчасъ, какъ народъ начнетъ понимать истинное значеніе поэзіи. Тогда новое горе; тогда является множество другаго рода незаконныхъ поэтовъ. Это люди, больше или меньше доступные поэзіи, т. е. способные понимать ее, часто владѣющіе талантомъ формы, вмѣсто таланта творчества, т. е. умѣющіе дать изящную форму всякой мысли, даже пустой. Они обыкновенно угождаютъ, льстятъ своему времени, и посему пользуются успѣхомъ только въ свое время, тотчасъ забываемые, какъ наступитъ другое время и приведетъ съ собою другія идеи, другія потребности. Хотите ли знать имена такихъ поэтовъ? Это Дезульеръ, Флоріаны, Делили, Богдановичи, Капнисты, Гнѣдичи и проч. и проч.

Въ дѣлѣ литературы, у всякаго народа бываютъ свои эпохи очарованія и разочарованія. Сначала господствуетъ безотчетное удивленіе; все кажется прекраснымъ, великимъ, безсмертнымъ, авторитеты царствуютъ какъ олимпійскіе боги, и едва соблаговоляютъ преклонять свой слухъ къ гимнамъ хваленій. И какой многолюдный Олимпъ! Еслибы онъ сошелъ на землю, то не достало бы ни мѣстъ, ни матеріаловъ для построенія ему приличныхъ храмовъ. Это эпоха веселая, какъ и всѣ эпохи очарованія, но глупая и нелѣпая, какъ всѣ эпохи торжества посредственности, самозванства, безвкусія, униженія искусства, истины, здраваго смысла. Потомъ наступаетъ эпоха разочарованія и приводитъ за собою духъ

реакціи, критики, анализа. Знаменитости подвергаются строгому изслѣдованію; самозванство развѣнчивается; истинной заслугѣ отдается должная почесть; Олимпъ пустѣетъ, но его пустота почтенна, ибо если и немногія, за то яркія звѣзды сіяютъ на его вершинѣ. Есть люди, которые упорно остаются вѣрными своимъ прежнимъ богамъ, и, видя разбитыя капища, сокрушенныхъ идоловъ, съ воплемъ и слезами восклицаютъ: «выдыбай, боже!» Какая причина этого страннаго упорства? Посредственность и мелочное самолюбіе. Эти люди остервеняются не за идоловъ своихъ, а за самихъ себя, ибо въ ниспроверженіи своихъ идоловъ видятъ ниспроверженіе своихъ понятій объ изящномъ, упадокъ своего кредита во вкусѣ, чувствѣ, умѣ, познаніяхъ. Жалкая и между тѣмъ вредная братія! Чтобы любить истину, должно жертвовать ей своими задушевными мыслями, привычками, предубѣжденіями, а легко ли это? Изъ одного и того же источника часто выходятъ различные результаты. Одинъ такъ любитъ искусство, что посвящаетъ всю жизнь свою на служеніе ему въ качествѣ дѣйствователя, не думая о томъ, что у него нѣтъ таланта, и что онъ своею дѣятельностію оскорбляетъ святость и великость этого искусства, которому хочетъ служить; это любовь нечистая: къ ней примѣшано много эгоизма, мелочнаго самолюбія. Другой такъ любитъ искусство, что начавши писать по увлеченію и пріобрѣтя лестные успѣхи, но видя, что его произведенія, которымъ рукоплещетъ толпа, далеко не соотвѣтствуютъ тому идеалу поэзіи, который онъ создалъ себѣ, останавливается въ началѣ поприща, успѣшно начатаго, съ стѣсненнымъ сердцемъ рветъ и попираетъ ногами свои вялые лавры и рѣшается никогда не оскорблять святости и великости искусства, которое обожаетъ. Вотъ это любовь къ искусству, любовь высокая, благородная! И можетъ ли такой человѣкъ хладнокровно видѣть, какъ жалкая посредственность или низкая злонамѣренность профанируетъ святость и ве-

ликость боготворимаго имъ искусства, профанируетъ своимъ удивленіемъ къ блестящему ничтожеству, или своими кривыми толками объ изящномъ, или уродливыми созданіями—батардами искусства, выдаваемыми имъ за созданія творчества?... Можетъ ли онъ не подать голоса, остаться нѣмымъ, страшась преслѣдованій раздраженной посредственности, или боясь имени «ругателя»?

Въ нашей литературѣ теперь именно наступила эта эпоха анализа. Мы, наконецъ, хотимъ владѣть сокровищемъ немногимъ, но истиннымъ. А что̀ то за сокровище, которое безпрестанно боишься потерять? Что̀ тотъ за авторитетъ, который каждую минуту готовъ пасть? Что̀ та за истина, которая боится изслѣдованія, темнѣетъ отъ взоровъ ума? Нѣтъ, пусть будетъ воздаваемо каждому должное, пусть заслуга пользуется уваженіемъ, а бездарность обличится и всякій займетъ свое мѣсто!

Неужели наши мелкіе разсчеты, наше жалкое самолюбіе, наши ничтожныя отношенія, дороже и важнѣе истины, общественнаго вкуса, общественной любви къ искусству, общественныхъ понятій объ изящномъ? Неужели мы всегда будемъ ѣздить верхомъ на палочкахъ? Неужели наша литература всегда будетъ представляться въ формѣ Ивана Ивановича Перерепенко, который, съѣвши дыню, завертывалъ въ бумажку зерна и своей рукой надписывалъ: «съѣдена тогда-то»?... Надо направлять общественный вкусъ и понятія объ изящномъ, распространять общественную склонность къ изящному. Мы уже теперь не ослѣпляемся знаменитостію рода, незаслуженными отличіями: зачѣмъ еще будемъ мы ослѣпляться знаменитостію литературныхъ именъ, незаслуженными авторитетами? Имя—ничего; важно дѣло.

Приступая къ оцѣнкѣ стихотвореній г. Баратынскаго, я не безъ намѣренія сдѣлалъ такое обширное вступленіе. У насъ еще такъ много людей, которые, зная, что «говорить правду—потерять дружбу», что хвалить гораздо выгоднѣе,

чѣмъ хулить, почитаютъ говорящихъ правду людьми безпокойными и злонамѣренными, такъ же точно, какъ у насъ еще много людей, которые почитаютъ злонамѣренностію и безнравственностію возставать громко противъ взяточничества, ибо у насъ еще и теперь многіе думаютъ, что никто не имѣетъ права мѣшать другому наживаться, а, по ихъ мнѣнію, всякое средство къ наживѣ позволительно. Неужели и въ литературѣ должно находиться такое-же подъячество мнѣній?..

Я не буду слишкомъ распространяться въ разборѣ стихотвореній г. Баратынскаго: вопросъ не обширный и притомъ очень ясный.

Г. Баратынскій поэтъ ли? Если поэтъ — какое вліяніе имѣли на нашу литературу его сочиненія? какой новый элементъ внесли они въ нее? какой ихъ отличительный характеръ? наконецъ, какое мѣсто занимаютъ они въ нашей литературѣ?

Нѣсколько разъ перечитывалъ я стихотворенія г. Баратынскаго и вполнѣ убѣдился, что поэзія только изрѣдка и слабыми искорками блеститъ въ нихъ. Основный и главный элементъ ихъ составляетъ умъ, изрѣдка задумчиво разсуждающій о высокихъ человѣческихъ предметахъ, почти всегда слегка скользящій по нимъ, но всего чаще разсыпающійся каламбурами и блещущій остротами. Слѣдующее стихотвореніе, взятое на выдержку, всего лучше характеризуетъ свѣтскую, паркетную музу г. Баратынскаго.

Нѣтъ, обманула васъ молва,
По прежнему дышу я вами
И надо мной свои права
Вы не утратили съ годами.
Другимъ курилъ я ѳиміамъ,
Но васъ носилъ въ святынѣ сердца,
Молился новымъ образамъ,
Но съ безпокойствомъ старовѣрца.

Скажите, Бога ради, неужели это чувство, фантазія, а не игра ума?

И перечтите всѣ стихотворенія г. Баратынскаго: что вы увидите въ каждомъ изъ лучшихъ? Два - три поэтическіе стиха, вылившіеся изъ сердца; потомъ риторику, потомъ нѣсколько прозаическихъ стиховъ; но вездѣ умъ, вездѣ литературную ловкость, умѣнье, навыкъ, щегольскую отдѣлку и больше ничего. Читая эти два тома, вы видите, что они написаны человѣкомъ, для котораго жизнь была не сномъ, который мыслилъ, чувствовалъ, котораго занимали и интересовали предметы человѣческаго уваженія, но ни одно изъ нихъ не западетъ вамъ въ душу, не взволнуетъ ее могучею мыслію, могучимъ чувствомъ, не истомитъ ее сладкою тоскою и не наполнитъ тревожнымъ упоеніемъ, отъ котораго занимается духъ и по тѣлу пробѣгаетъ электрическій холодъ. Я не хочу сравнить, въ этомъ отношеніи, г. Баратынскаго съ Пушкинымъ; такое сравненіе было бы недобросовѣстно. Возьмемъ параллель пониже, возьмемъ г. Козлова и противопоставимъ его г. Баратынскому—то ли это? Г. Козловъ—поэтъ не геніальный, поэтъ обыкновенный, но вотъ что значитъ быть истиннымъ поэтомъ въ какой бы то ни было степени! Можете ли вы читать безъ упоенія его дивную, роскошную, таинственную, благоухающую и блестящую «Венеціянскую ночь» и многія другія мелкія стихотворенія; не пробуждаютъ ли всей вашей души многія мѣста изъ его «Чернеца» и не вызываютъ ли они всѣхъ вашихъ задушевныхъ думъ, не откликаетесь ли вы на нихъ своимъ чувствомъ? Есть и у г. Баратынскаго нѣсколько замѣчательныхъ стихотвореній, какъ-то: «Элегія на смерть Гёте», «О счастіи съ младенчества тоскуя», «Дало двѣ доли Провидѣнье», «Когда печалью вдохновенный», «Бѣжитъ невѣрное здоровье», «Не искушай меня безъ нужды», «Притворной нѣжности не требуй отъ меня», «Черепъ», «Послѣдняя смерть»; но одни изъ нихъ хороши по мысли,

но холодны, а всѣ вообще оставляютъ въ душѣ такое же слабое впечатлѣніе, какъ дуновеніе устъ на стеклѣ зеркала: оно легко и скоропреходяще. Въ наше время, холодное, прозаическое время, надо въ поэзіи огня да огня: иначе насъ трудно разогрѣть.

Въ числѣ необходимыхъ условій, составляющихъ истиннаго поэта, должна непремѣнно быть современность. Поэтъ больше нежели кто-нибудь долженъ быть сыномъ своего времени. Скажите Бога ради, можетъ ли поэтъ нашего времени написать два длинныхъ, вялыхъ, прозаическихъ посланія, каковы къ Богдановичу и Гнѣдичу, въ которыхъ самый механизмъ стиховъ скрипитъ, какъ тяжелыя ворота на вереяхъ, и въ которыхъ нѣтъ не только ни искры чувства, но даже и порядочной мысли? Можетъ ли поэтъ нашего времени написать, а если уже имѣлъ несчастіе написать, то помѣстить въ полномъ собраніи своихъ сочиненій, напримѣръ, вотъ такое стихотвореньице:

Не знаю, милая, не знаю!
Краса плѣнительна твоя:
Не знаю, я предпочитаю
Всѣмъ тѣмъ, которыхъ знаю я?

Чѣмъ это сантиментальное стихотвореніе лучше «Тріолета Лилетѣ», написаннаго Карамзинымъ?

Вчера ненастливая ночь
Меня застала у Лилеты.
Остаться-ль мнѣ, идти-ли прочь,
Межъ нами долго шли совѣты... и т. д.?

И это поэзія?... И это хотятъ насъ заставить читать, насъ, которые знаютъ наизусть стихи Пушкина?... И говорятъ еще иные, что XVIII вѣкъ кончился!....

Она придетъ! къ ея устамъ
Прижмусь устами я моими;

Пріютъ укромный будетъ намъ
Подъ сими вязами густыми!
Волненьемъ страстнымъ я томимъ;
Но близь любезной укротимъ
Желаній пылкихъ нетерпѣнье:
Мы ими счастію вредимъ,
И сокращаемъ наслажденье.

Не правда ли, что два послѣдніе стиха похожи на заключеніе хріи?

Но зачѣмъ же вы выбираете такія стихотворенія, можетъ-быть, спроситъ меня иной недовѣрчивый читатель. Зачѣмъ же помѣщены они? отвѣчаю я. Въ наше время, поэты должны быть осторожны и не представлять изъ себя Далай-ламу...

О поэмахъ г. Баратынскаго я ничего не хочу говорить: ихъ давно никто не читаетъ. Нападать на нихъ было бы грѣшно, защищать—странно. Однако, замѣчу мимоходомъ, что въ «Пирахъ» блестятъ мѣстами искры остроумія и даже изрѣдка чувства, какъ, напримѣръ, въ этихъ стихахъ.

Кричали вы: смѣлѣе пей!
Развеселись, товарищъ милой!
Вздохнувъ, разсѣянно-послушный,
Я пилъ съ улыбкой равнодушной;
Свѣтлѣла мрачная мечта,
Толпой скрывалися печали,
И задрожавшія уста
„Богъ съ ней“ невнятно лепетали.
И гдѣ измѣнница любовь?
Ахъ, въ ней и грусть очарованье!
Я испытать желалъ бы вновь
Ея знакомое страданье!
И гдѣ жь вы, рѣзвые друзья,
Вы, кѣмъ жила душа моя?
Разлучены судьбою строгой;
И каждый съ ропотомъ вздохнулъ
И брату руку протянулъ

И вдаль побрелъ своей дорогой;
И каждый въ горести нѣмой,
Быть-можетъ, праздною мечтой
Теперь былое пролетаетъ,
Иль за трапезой чужой
Свои пиры воспоминаетъ!

Предоставляю читателю вывести результатъ изъ всего что́ я сказалъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ ВЛАДИМІРА БЕНЕДИКТОВА.

(Спб. 1835).

Обманчивѣй и сновъ надежды,
Что слава? Шопотъ ли чтеца?
Гоненье-ль низкаго невѣжды?
Иль восхищеніе глупца?

Пушкинъ.

Что̀ такое критика? оцѣнка художественнаго произведенія. При какихъ условіяхъ возможна эта оцѣнка, или, лучше сказать, на какихъ законахъ должна она основываться? На законахъ изящнаго, отвѣчаютъ записные ученые. Но гдѣ кодексъ этихъ законовъ? Кѣмъ онъ изданъ, кѣмъ утвержденъ и кѣмъ принятъ? Укажите мнѣ на этотъ сводъ законовъ изящнаго, на это уложеніе искусства, котораго начала были бы вѣчны и незыблемы, какъ начала творчества въ душѣ человѣческой; котораго параграфы подходили бы подъ всѣ возможные случаи и представляли бы собою стройную систему законодательства, обнимающаго собою весь безконечный и разнообразный міръ художественной дѣятельности, во всѣхъ ея видахъ и измѣненіяхъ! Давно ли *«украшенное подражаніе природѣ»* было краеугольнымъ камнемъ эстетическаго уложенія? Давно ли эта формула равнялась въ своей глубокости, истинѣ и непреложности первому пункту магометанскаго ученія: *«Нѣтъ Бога кромѣ Бога— и Мугамедъ пророкъ его?»* Давно ли три знаменитыя единства почитались фундаментомъ, безъ котораго поэма или

драма была бы храминою, построенною на пескѣ? Давно ли Корнель, Расинъ, Мольеръ, Буало, Лафонтенъ, Вольтеръ,— давно ли эта вереница талантовъ почиталась лучезарнымъ созвѣздіемъ поэтической славы, блистающимъ немерцающимъ свѣтомъ для вѣковъ? Давно ли Буало, Батте и Лагарпъ почитались верховными жрецами критики, непогрѣшительными законодателями изящнаго, вѣщими оракулами, изрекавшими непреложные приговоры?... А что теперь?... *«Украшенное подражаніе природѣ»* и знаменитое *«тріединство»* причислены къ числу вѣковыхъ заблужденій человѣчества, неудачныхъ попытокъ ума; ученые и свѣтскіе боги французскаго Парнаса были помрачены и навсегда заслонены *пьянымъ дикаремъ* *) Шекспиромъ, а оракулы критики поступили въ архивъ рѣшенныхъ и забытыхъ дѣлъ. И давно ли все это совершилось?... Давно ли бились на смерть покойники—*классицизмъ* и *романтизмъ*?.. Гдѣ же, спрашиваю я, гдѣ же эта мѣрка, этотъ аршинъ, которымъ можно мѣрить изящныя произведенія; гдѣ этотъ масштабъ, которымъ можно безошибочно измѣрить градусы ихъ эстетическаго достоинства? Ихъ нѣтъ—и вотъ какъ непрочны литературные кодексы! Какъ, съ постепеннымъ ходомъ жизни народа, измѣняется его законодательство, чрезъ отмѣненіе старыхъ законовъ и введеніе новыхъ, сообразно съ современными требованіями общества, такъ измѣняются и законы изящнаго съ полученіемъ новыхъ фактовъ, на которыхъ они основываются. И развѣ мы получили всѣ факты;

---

*) Въ „Сѣверной Пчелѣ“ обвиняютъ меня, между многими литературными преступленіями въ томъ, что я называю Шекспира *пьянымъ дикаремъ*. Стыжусь оправдываться въ этомъ передъ публикою, и только движимый состраданьемъ къ жалкому невѣдѣнію „С. Пчелы“, объявляю ей за новость (для нея), что это выраженіе принадлежитъ Вольтеру, обкрадывавшему Шекспира, а мною оно употребляется въ шутку. Бѣдная „Пчела“, какъ еще много пустыхъ вещей, недоступныхъ для ея мушиной любознательности!

развѣ мы изучили всѣ литературы, подъ этими безчисленными національными, вѣковыми и историческими физіономіями; развѣ мы изслѣдовали жизнь каждаго художника порознь? Развѣ, въ этомъ отношеніи, для будущаго уже ничего не остается?... Нѣтъ, еще долго дожидаться полнаго и удовлетворительнаго кодекса искусствъ, какъ долго дожидаться этого совершеннаго, гражданскаго законоположенія, которое должно осуществить мечты о золотомъ вѣкѣ Астреи. Стало быть, нѣтъ законовъ изящнаго, по которымъ можно и должно судить произведенія искусствъ? Есть; потому что если теперь не вполнѣ постигнутъ весь міръ изящнаго, то уже извѣстны многіе изъ его законовъ, извѣстны самыя его основанія; по будущему времени предоставлено открыть существующія отношенія между этими законами и основаніями и привести ихъ въ полную и гармоническую систему. Критику должны быть извѣстны *современныя* понятія о творчествѣ; иначе онъ не можетъ и не имѣетъ права ни о чемъ судить.

Но этого еще мало. Часто случается, что критикъ, изложивши свой взглядъ на условія творчества, сообразно съ современными понятіями объ этомъ предметѣ, прилагаетъ его ложно, и вѣрно описавши характеръ греческаго ваянія, показываетъ вамъ разбитый глиняный горшокъ, въ которомъ варили щи, и божится и клянется, что это греческая ваза. Отчего это? Оттого, что эстетика не алгебра, что она, кромѣ ума и образованности, требуетъ этой пріемлемости изящнаго, которая составляетъ своего рода талантъ и дается не всѣмъ. Прислушайтесь внимательнѣе къ нашимъ литературнымъ толкамъ и сужденіямъ — и вы согласитесь со мною. Развѣ у насъ нѣтъ людей съ умомъ, образованіемъ, знакомыхъ съ иностранными литературами, и которые, несмотря на все это, отъ души убѣждены, что Жуковскій выше Пушкина; которые иногда восхищаются восьмиконѣчными стихотвореніями и талантами гг. А., В., С., и т. д.? Отчего

это? Оттого, что эти люди часто руководствуются въ своихъ сужденіяхъ однимъ умомъ, безъ всякаго участія со стороны чувства; оттого, что принимаютъ за поэзію свои любимыя мысли, или видятъ удобный случай приложить и оправдать свои собственныя мысли объ изящномъ, а эти мысли часто бываютъ парадосками и предразсудками. Въ предметахъ человѣческаго чувства, умъ безъ чувства всегда ведетъ за собою предразсудки и строитъ пародоксы. Умъ очень самолюбивъ и упрямо довѣрчивъ къ себѣ; онъ создалъ систему, и лучше рѣшится уничтожить здравый смыслъ, нежели отказаться отъ нея: онъ гнетъ все подъ свою систему, и что не подходитъ подъ нее, то ломаетъ. Въ этомъ случаѣ, онъ похожъ на Мольеровыхъ лѣкарей, которые говорили, что они лучше рѣшатся уморить больнаго, чѣмъ отступить хоть на іоту отъ предписаній древнихъ. Въ дѣлѣ изящнаго, сужденіе тогда только можетъ быть правильно, когда умъ и чувство находятся въ совершенной гармоніи. И вотъ отчего такая разноголосица въ сужденіяхъ о литературныхъ сочиненіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, одному нравятся «Цыгане» Пушкина и не нравится сказка о Бовѣ Королевичѣ, а другой въ восхищеніи отъ Бовы Королевича и не видитъ ни малѣйшаго достоинства въ «Цыганахъ» Пушкина. Кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ? Говоря собственно, они оба совершенно правы: сужденіе того и другаго основано на чувствѣ, и никакая эстетика, никакая критика, не можетъ быть посредницей въ этомъ дѣлѣ. Да! тонкое поэтическое чувство, глубокая пріемлемость впечатлѣній изящнаго — вотъ что должно составлять первое условіе способности къ критицизму, вотъ посредствомъ чего съ перваго взгляда можно отличать поддѣльное вдохновеніе отъ истиннаго, риторическія вычуры отъ выраженія чувства, галантерейную работу формъ отъ дыханія эстетической жизни, и только вотъ при чемъ сильный умъ, обширная ученость, высокая образованность, имѣютъ свой смыслъ и свою важность. Въ про-

тивномъ случаѣ, изучите всѣ языки земнаго шара, отъ китайскаго до самоѣдскаго, изучите всѣ литературы, отъ санскритской до чухонской—вы все будете мѣтить не впопадъ, говорить не кстати, пропускать мимо глазъ слоновъ и приходить въ восторгъ отъ букашекъ. Развѣ тяжелая «Россіяда» не подходила подъ эстетическіе законы добраго стараго времени; развѣ скучный и водяный «Дмитрій Самозванецъ» г. Булгарина не отличается общею манерою и замашками историческаго романа? Развѣ въ свое время трудно было доказать художественное достоинство того и другаго произведенія, эстетическими правилами двухъ эпохъ времени, т. е. семидесятыхъ годовъ прошлаго и двадцатыхъ текущаго столѣтія? О, нѣтъ ничего легче! Но вотъ что очень было трудно: спасти ихъ отъ чахоточной смерти. Вотъ отчего такъ часто бываютъ неудачны попытки иныхъ высокоученыхъ, но лишенныхъ эстетическаго чувства критиковъ, уронить истинный талантъ, не подходящій подъ ихъ школьную мѣрку, и возвысить мишурнаго фразера.

У насъ еще и теперь тайна искусства есть истинная тайна въ буквальномъ смыслѣ этого слова, для многихъ людей, посвящающихъ себя этому искусству или по влеченію, или ex-officio, или отъ нечего дѣлать. Цвѣтистая фраза, новая манера—и вотъ уже готовъ поэтическій вѣнокъ изъ «калуфера и мяты», нынче зеленѣющій, а завтра желтѣющій. Цвѣтистая фраза принимается за мысль, за чувство, новая манера и стихотворныя гримасы—за оригинальность и самобытность. Помните ли вы остроумный апологъ, разсказанный въ одномъ нашемъ журналѣ, какъ «человѣкъ съ умомъ на три страницы» хотѣлъ отъ скуки бросить лавровый вѣнокъ поэта первому прошедшему мимо его окна, и какъ онъ бросилъ его чрезъ форточку бездарному стихотворцу, который на этотъ разъ проходилъ мимо окошка «человѣка съ умомъ на три страницы»?... Вотъ вамъ объясненіе, почему въ нашей литературѣ бездна самыхъ ог-

ромныхъ авторитетовъ. И хорошо еще, если человѣкъ-то, раздающій поэтическіе вѣнки, точно съ умомъ хоть на три страницы: тутъ нѣтъ еще большаго зла, потому что онъ можетъ, одумавшись или разсердившись на свое неблагодарное созданіе, уничтожить его такъ же легко, какъ онъ его и создалъ, чему у насъ и бывали примѣры. Это даже можетъ быть и забавно, если сдѣлано умно и ловко. Но вотъ эти добрые и «безпавѣтные» критики, которые, въ сердечной простотѣ своей, не шумя, принимаютъ русскій городъ за эллинскіе цвѣты, сѣверный чертополоxъ и крапиву за райскіе крины, опи-то истинно и вредны. Души добрыя и честныя, пріобрѣтя когда-то и какъ-то какое-нибудь вліяніе на общественное мнѣніе, они добродушно обманываютъ самихъ себя и невинно вводятъ и другихъ въ обманъ.

Но что жь въ этомъ худаго?» можетъ быть, спросятъ иные. О, очень много худаго, милостивые государи! Если превознесенный поэтъ есть человѣкъ съ душою и сердцемъ, то неужели не грустно думать, что онъ долженъ идти не по своей дорогѣ, сдѣлаться записнымъ фразеромъ, и послѣ мгновеннаго успѣха, эфемерной славы, видѣть себя заживо похороненнымъ, видѣть себя жертвою литературнаго безславія? Если это человѣкъ пустой, ничтожный, то неужели не досадно видѣть глупое чванство литературнаго павлина, видѣть незаслуженный успѣхъ, и, такъ какъ нѣтъ глупца, который не нашелъ бы глупѣе себя, видѣть нелѣпое удивленіе добрыхъ людей, которые, можетъ-быть, не лишены нѣкотораго вкуса, но которые не смѣютъ имѣть своего сужденія? А святость искусства, унижаемаго бездарностію?... Милостивые государи! если вамъ понятно чувство любви къ истинѣ, чувство уваженія къ какому-нибудь задушевному предмету, то будете ли вы осуждать порывъ человѣка, который, иногда къ своему вреду, вызываетъ на себя и мщеніе самолюбій и общественное мнѣніе, имѣя полное право не вмѣшиваться, какъ говорится на святой Руси, не въ

свое дѣло?... Долженъ ли этотъ человѣкъ оскорбляться или пугаться того, что люди посредственные, холодные къ дѣлу истины, лишенные огня Прометеева, провозгласятъ его крикуномъ или ругателемъ? Вамъ понятно ли это чувство? Вамъ понятна ли эта запальчивость, для васъ справедлива ли она въ самой своей несправедливости?... А понимаете ли вы блаженство взбѣсить жалкую посредственность, разшевелить мелочное самолюбіе, возбудить къ себѣ ненависть ненавистнаго, злобу злаго?... «Но какая же изо всего этого польза? А общественный вкусъ къ изящному, а здравыя понятія объ искусствѣ? «Но увѣрены ли вы, что ваше дѣло направлять общественный вкусъ къ изящному и распространять здравыя понятія объ искусствѣ; увѣрены ли вы, что ваши понятія здравы, вкусъ вѣренъ?» Такъ, я знаю, что тотъ былъ бы смѣшонъ и жалокъ, кто бы сталъ увѣрять въ своемъ превосходствѣ другихъ; но, во-первыхъ, вещи познаются по сравненію, и дѣла другихъ заставляютъ иногда человѣка приниматься самому за эти дѣла; во-вторыхъ, если каждый изъ насъ будетъ говорить: «да мое ли это дѣло, да гдѣ мнѣ, да куда мнѣ, да что я за выскочка!» то никто ничего не будетъ дѣлать. Гадокъ наглый самохвалъ; но не менѣе гадокъ и человѣкъ безъ всякаго сознанія какой-нибудь силы, какого-нибудь достоинства. Я терпѣть не могу ни Скалозубовъ, ни Молчалиныхъ.

Я слишкомъ хорошо знаю нашъ литературный міръ, наши литературные отношенія, и потому почти каждая новая книга возбуждаетъ во мнѣ такія думы и ведетъ къ такимъ размышленіямъ, какія она не во всѣхъ возбуждаетъ, и вотъ почему у меня вступленіе или мысли *à propos* почти всегда составляютъ главную и самую большую часть моихъ рецензій. Къ числу такихъ книгъ принадлежатъ стихотворенія г. Бенедиктова; они возбудили въ моей душѣ множество элегій, до которыхъ я большой охотникъ; но обстоятельства, сопровождавшія ея появленіе, и безотчетные

крики, встрѣтившіе ее, только одни заставили меня взяться за перо. Правда, стихотворенія г. Бенедиктова не принадлежать къ числу этихъ дюжинныхъ и бездарныхъ произведеній, которыми теперь особенно наводняется наша литература; напротивъ, въ этой печальной пустотѣ, они обращаютъ на себя невольное вниманіе и, съ перваго взгляда, легко могутъ показаться чѣмъ-то совершенно выходящимъ изъ круга обыкновенныхъ явленій. Но это-то самое и заставляетъ рецензента, отложивъ въ сторону пошлыя оговорки и околичности, прямо и рѣзко высказать о нихъ свое мнѣніе. Это будетъ не критика, а отзывъ, простое мнѣніе, или, какъ говорятъ, рецензія, потому что тутъ критикѣ нечего дѣлать. Дѣло коротко, просто и ясно, а вопросъ болѣе о разныхъ обстоятельствахъ, касающихся дѣла, нежели о самомъ дѣлѣ.

Я сказалъ, что стихотворенія г. Бенедиктова обращаютъ на себя невольное вниманіе; прибавлю, что это происходитъ не столько отъ ихъ независимаго достоинства, сколько отъ различныхъ отношеній. Въ самомъ дѣлѣ, много ли надо таланта, чтобы обратить на себя вниманіе *стихами* въ наше прозаическое время? Кромѣ того, стихотворенія г. Бенедиктова обнаруживаютъ въ немъ человѣка со вкусомъ, человѣка, который умѣетъ всему придать колоритъ поэзіи; иногда обнаруживаютъ превосходнаго версификатора, удачнаго писателя; но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нихъ видна эта дѣтскость силы, эта безпрестанная невыдержанность мысли, стиха, самаго языка, которыя обнаруживаютъ отсутствіе чувства, фантазіи, а слѣдовательно и поэзіи. Сказавши, надо доказать, и я не вижу для этого никакого другаго средства, кромѣ анализа и сравненія.

Кажется, въ наше время никто не долженъ сомнѣваться въ томъ, что, въ истинно-художественномъ произведеніи не можетъ быть погрѣшностей и недостатковъ, какъ думаютъ школяры и люди посредственные. Что создано фантазіею,

а не холоднымъ умомъ, то всегда истинно, вѣрно и прекрасно; погрѣшности же тамъ, гдѣ фантазія уступаетъ свое мѣсто уму, и умъ работаетъ безъ участія чувства, по источникамъ изобрѣтенія. Въ романѣ, въ драмѣ, словомъ, во всякомъ большомъ сочиненіи, недостатки едва ли избѣжны, потому что поэту надо имѣть слишкомъ гигантскую фантазію, чтобъ не допустить никакого вліянія со стороны ума, разсчета, труда. Но лирическое сочиненіе есть плодъ мгновенной вспышки фантазіи, мгновенное изліяніе чувства, слѣдовательно въ немъ всякое неестественное или вычурное выраженіе, всякій прозаическій стихъ, обличаетъ недостатокъ фантазіи. Я никакъ не умѣю понять, что̀ за поэтъ тотъ, у кого не достаетъ фантазіи на 20 или на 40 стиховъ, кто со стихами вдохновенными мѣшаетъ стихи дѣланные. Какъ въ романѣ или драмѣ невыдержанность характеровъ, неестественность положеній, неправдоподобность событій, обличаютъ работу, а не творчество; такъ въ лиризмѣ, неправильный языкъ, яркая фигура, цвѣтистая фраза, неточность выраженія, изысканность слога, обличаютъ ту же самую работу. Простота языка не можетъ служить исключительнымъ и необманчивымъ признакомъ поэзіи; но изысканность выраженія всегда можетъ служить вѣрнымъ признакомъ отсутствія поэзіи. Стихъ, переложенный въ прозу и обращающійся отъ этой операціи въ натяжку, такъ же какъ и темныя, затѣйливыя мысли, разложенныя на чистыя понятія и теряющія отъ этого всякій смыслъ, обличаетъ одну риторическую шумиху, наборъ общихъ мѣстъ. Я представлю вамъ теперь нѣсколько фразъ изъ бо̀льшей части стихотвореній г. Бенедиктова, обращенныхъ мною въ прозаическія выраженія, со всею добросовѣстностію, безъ малѣйшаго искаженія, и сдѣлаю вамъ нѣсколько вопросовъ, поставивъ судьею въ этомъ дѣлѣ вашъ собственный здравый смыслъ.

—Юноша сорвалъ розу и украсилъ этою *пламенною жатвою* чело дѣвы.—Вы были ли, прекрасные дни, когда *сверкали одни веселья*; небесныя звѣзды очами судей взирали на землю съ лазурнаго свода (??), милая дикость равняла людей (??)! Любовь не *гнѣздилась въ ущельяхъ сердецъ*, но повсюду, раскрытая и *сверкая всѣмъ въ очи*(??), надѣвала на міръ всеобщій вѣнецъ.—Дѣва, у которой уста кокетствуютъ улыбкою, изобличается гибкій станъ, и все, что дано прихотямъ, то украшено рѣзцемъ любви (??!!).—Ребенокъ (на пожарѣ) простираетъ свои ручонки къ жаламъ неистовыхъ огненныхъ змѣй (т. е. къ огню).—Передъ завистливою толпою, я вносилъ твой станъ, на огненной ладони, *въ вихрь* круженія (т. е. вальсировалъ съ тобою). — Струи времени возрастили *мохъ забвенія на развалинахъ любви* (!!..).—Въ твоемъ гибкомъ, эѳирномъ станѣ, я утоплялъ горящую ладонь. — За жизненнымъ концемъ (?!) есть лучшій міръ, тамъ *я обручусь съ тобою кольцомъ вѣчности*.—Любовь преломлялась, блестѣла цвѣтными огнями сердечнаго неба. — Чудная дѣва *магнитными* прелестями влекла къ себѣ *желѣзныя сердца*. — Къ кому приникнуть головою, гдѣ *растопить свинецъ несчастія*.—Фантазія вдуваетъ разсудку свой сладкій дымъ.—Море опоясалось мечемъ молній. — Солнце вонзило въ дождевыя капли пламя своего луча.—Въ черныхъ глазахъ Аделя могила безстрастія и колыбель блаженства.—Искра души прихотливо подлетѣла къ парѣ черненькихъ глазъ и умильно посмотрѣла въ окна своей храмины.—Матильда, сидя на жеребцѣ (!!), гордится красивымъ и плотнымъ *усѣстомъ*, а жеребецъ подъ дѣвою топчется, храпитъ и пляшетъ. — Грудь стонетъ свинцовымъ гробомъ, и въ немъ лежетъ прахъ моей любви.—Конь понесетъ меня вдоль *на молніяхъ отчаяннаго бѣга*.— Любовь есть капля меду на остромъ жалѣ красоты. — Ея тихая мысль, зрѣя въ свѣтломъ разумѣ, разгоралася искрою, а потомъ, оперенная словомъ, вылетала изъ ея устъ плѣнительнымъ голубемъ.—На первомъ жизни пирѣ возникалъ посѣвъ грѣха.—Да не падетъ на *пламя красоты морозный паръ безстрастнаго дыханія*.— Могучею рукою вонзить сталь правды въ шипучее (?) сердце порока. — Его рука перевила лукавою змѣею станъ молодой дѣвы, вползла на грудь и на груди уснула.

Что это такое? неужели поэзія, неужели вдохновеніе, юное, кипучее, тревожное, пламенное, полное глубины мысли?... И столько фразъ на какихъ-нибудь ста шести страницахъ, или пятидесяти трехъ листкахъ!... Въ четырехъ

частяхъ мелкихъ стихотвореній Пушкина, хорошихъ и дурныхъ, и въ трехъ частяхъ поэмъ, заключается около двухъ тысячъ страницъ, найдите же мнѣ хоть пять такихъ выраженій *), и я позволю печатно назвать себя клеветникомъ, ругателемъ, человѣкомъ, ничего не смыслящимъ въ дѣлѣ искусства! Но я дурно и, можетъ быть, недобросовѣстно поступилъ, указавъ на Пушкина: прошу извиненія у великаго поэта и у публики. Возьмите Жуковскаго, возьмите даже Козлова, Языкова, Туманскаго, Баратынскаго, найдите у всѣхъ нихъ хоть половинное число такихъ вычуръ— и я сознаюсь побѣжденнымъ. Вы скажете: «это недоказательство; это обнаруживаетъ только не выработанный талантъ, не укрѣпившееся перо, словомъ, литературную неопытность». Хорошо. Но вы, милостивые государи, какъ понимаете искусство? Неужели ему можно выучиться, пользуясь безпристрастными и благоразумными замѣчаніями опытныхъ писателей? Талантъ можетъ зрѣть не отъ навыка, не отъ выучки, но отъ опыта жизни; а лѣта и опытъ жизни могутъ возвысить взглядъ поэта на жизнь и природу, могутъ сосредоточить его энергію и пламень чувства, но не усилить ихъ, могутъ придать глубину его мысли, но не сдѣлать ея живѣе и тревожнѣе. А когда, какъ не въ первой молодости художника, чувство его бываетъ живѣе и пламеннѣе, фантазія игривѣе и радужнѣе? А гдѣ, какъ не въ первыхъ произведеніяхъ поэта, кипитъ и горитъ и колышется бурною волною его свѣжее чувство? Слѣдовательно, какія же, какъ не первыя его произведенія, болѣе вѣрны, истинны, не натянуты, живы, вдохновенны, чужды вычуръ и гримасъ риторическихъ?... Помните ли вы юнаго поэта Веневитинова? Посмотрите, какая у него точность и простота въ выраженіи, какъ у него всякое слово на сво-

---

*) Боюсь только четвертой части, которой еще не видалъ и за которую по этому не отвѣчаю.

емъ мѣстѣ, каждая риѳма свободна и каждый стихъ рождаетъ другой безъ принужденія? Развѣ онъ обдумывалъ или обдѣлывалъ свои поэтическія думы? То ли мы увидимъ у г. Бенедиктова? Посмотрите, какъ неудачны его нововведенія, его изобрѣтенія, какъ неточны его слова! Человѣкъ у него витаетъ въ рощахъ; волны грудей у него превращаются въ грудныя волны; камень лопаетъ (см. лопается), преклоняется къ заплечью красавицы, сидящей въ креслахъ; степь безпредметна; стоитъ безглаголенъ; сердце пляшетъ; солнце сентябревое; валы лижутъ пяты утеса; пирная роскошь и веселіе; прелестная сердцегубка и пр.

Такія фразы и ошибки противъ языка и здраваго смысла никогда не могутъ быть ошибками вдохновенія: это ошибки ума, и только въ одной персидской поэзіи могутъ онѣ составлять красоту.

Гдѣ-то было сказано, что въ стихотвореніяхъ г. Бенедиктова владычествуетъ мысль: мы этого не видимъ. Г. Бенедиктовъ воспѣваетъ все, что̀ воспѣваютъ молодые люди,—красавицъ, горе и радости жизни; гдѣ же онъ хочетъ выразить мысль, то или бываетъ слишкомъ теменъ, или становится холоднымъ риторомъ. Вотъ примѣръ:

Отвсюду объятый равниною моря,
Утесъ гордо высится,—мраченъ, суровъ,
Незыблемъ стоитъ онъ, въ могуществѣ споря
Съ прибоями волнъ и съ напоромъ вѣковъ.
Валы только лижутъ могучаго пяты;
Отъ времени только бразды вдоль чела;
Мохъ сѣрый ползетъ на широкіе скаты,—
Сѣдая вершина престолъ для орла.
Какъ въ плащъ, исполинъ весь во мглу завернулся;
Поникъ, будто въ думахъ *косматой* главой;
Безстрашно надъ моремъ всѣмъ станомъ нагнулся
И грозно повиснулъ надъ бездной морской;
Вы ждете—падетъ онъ,—не ждите паденья!.
Наклонно (?) онъ сталъ, чтобы сверху взирать

На слабыя волны съ усмѣшкой презрѣнья
И смертнаго взоры отвагой пугать!... и т. д.

Скажите, что тутъ хорошаго? Во-первыхъ, тутъ не выдержана метафора: сперва утесъ является покрытымъ только мхомъ, а потомъ уже косматымъ, т. е. покрытымъ кустарникомъ и даже деревьями; во-вторыхъ, это не поэтическое возсозданіе природы, а наборъ громкихъ фразъ; это не солнце, которое освѣщаетъ и вмѣстѣ согрѣваетъ, а воздушный метеоръ, забавляющій человѣка своимъ ложнымъ блескомъ, но не согрѣвающій его. Очень понятно, что авторъ хотѣлъ выразить здѣсь идею величія въ могуществѣ; но здѣсь идея не сливается съ формою: ея не чувствуешь, но только догадываешься о ней. Мицкевичъ, одинъ изъ величайшихъ міровыхъ поэтовъ, хорошо понималъ это великолѣпіе и гиперболизмъ описаній, и потому. въ своихъ «Крымскихъ Сонетахъ» очень благоразумно прикидывался правовѣрнымъ мусульманиномъ; и въ самомъ дѣлѣ, это гиперболическое выраженіе удивленія къ Чатырдаху кажется очень естественнымъ въ устахъ поклонника Мугаммеда, сына Востока. Вообще громкія, великолѣпныя фразы еще не поэзія. При всемъ моемъ энтузіастическомъ удивленіи къ Пушкину мнѣ ни что не помѣшаетъ видѣть фразы, если онѣ есть, даже и въ такихъ его стихотвореніяхъ, въ которыхъ есть и истинная поэзія, и я, въ первой половинѣ его «Андрея Шенье», до того мѣста, гдѣ поэтъ представляетъ Шенье говорящимъ, вижу фразы и декламацію... Вотъ, напримѣръ, найдите мнѣ стихотвореніе, въ которомъ бы твердость и упругость языка, великолѣпіе и картинность выраженій, были доведены до бо̀льшаго совершенства какъ въ стихотвореніи:

Видалъ ли очи львицы гладной,
Когда идетъ она на брань,
Или съ весельемъ ноготь хладный
Вонзаетъ въ трепетную лань?
Ты зрѣлъ гіену съ лютымъ зѣвомъ,

Когда грызетъ она затворъ!
Какъ раскаленъ упорнымъ гнѣвомъ
Ея окровавленный взоръ!
Тебѣ случалось въ мракѣ ночи,
Во весь опоръ пустивъ коня,
Внезапно волчьи встрѣтить очи,
Какъ два недвижные огня! .. и т. д.

И между тѣмъ, спрашиваю васъ, неужели это поэзія, а не стихотворная игрушка, неужели эти выраженія вылились въ вдохновенную минуту изъ души взволнованной, потрясенной, а не прибраны и не придуманы, въ напряженномъ и неестественномъ состояніи духа, неужели это безсознательное изліяніе чувства, а не наборъ фразъ, написанныхъ на тему, заданную умомъ?... И вглядитесь пристальнѣе въ этотъ фальшивый блескъ поэзіи: что̀ вы найдете въ немъ? Одно умѣнье, навыкъ, литературную опытность и вкусъ. Посмотрите, какъ искустно г. стихотворецъ умѣлъ придать ложный колоритъ поэзіи самымъ прозаическимъ выраженіямъ, съ семнадцатаго стиха до двадцать пятаго. Было время, когда подобныя натяжки принимались за поэзію; но теперь — извините!

Обращаюсь къ мысли. Я рѣшительно нигдѣ не нахожу ея у г. Бенедиктова. Что̀ такое мысль въ поэзіи? Для удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, должно рѣшить сперва, что̀ такое чувство. Чувство, какъ самое этимологическое значеніе этого слова показываетъ, есть принадлежность нашего организма, нашей плоти, нашей крови. Чувство и чувственность разнятся между собою тѣмъ, что послѣдняя есть тѣлесное ощущеніе, произведенное въ организмѣ какимъ нибудь матеріальнымъ предметомъ; а первое есть тоже тѣлесное ощущеніе, но только произведенное *мыслію*. И вотъ отчего человѣкъ, занимающійся какими нибудь вычисленіями или сухими мыслями, подноситъ руку ко лбу, и вотъ почему человѣкъ потрясенный, взволнованный чув-

ствомъ, подноситъ руку къ груди или сердцу, ибо въ этой груди у него замираетъ дыханіе, ибо эта грудь у него сжимается или расширяется, и въ ней дѣлается или тепло или холодно, ибо это сердце у него и млѣетъ и трепещетъ и порывисто бьется; и вотъ почему онъ отступаетъ и дрожитъ и поднимаетъ руки, ибо по всему его организму, отъ головы до ногъ, проходитъ огненный холодъ и волосы становятся дыбомъ. Итакъ, очень понятно, что сочиненіе можетъ быть съ мыслію, но безъ чувства; и въ такомъ случаѣ есть ли въ немъ поэзія? И наоборотъ, очень понятно, что сочиненіе, въ которомъ есть чувство, не можетъ быть безъ мысли. И естественно, что чѣмъ глубже чувство, тѣмъ глубже и мысль, и наоборотъ. «Вселенная безконечна», говорю я вамъ; эта мысль велика, и высока, но въ этихъ словахъ еще не заключается художественнаго произведенія, и не будетъ его, еслибы я распространилъ эту мысль хоть на десяти страницахъ. Но «Die Grösse der Welt», это стихотвореніе Шиллера, въ которомъ облечена въ поэтическую форму эта же самая мысль, и которое такъ прекрасно, полно и вѣрно передано на русскій языкъ г-мъ Шевыревымъ, дышитъ глубокою поэзіею, и въ немъ мысль уничтожается въ чувствѣ, а чувство уничтожается въ мысли; изъ этого взаимнаго уничтоженія рождается высокая художественность. А отчего? Оттого, что эта мысль, родившись въ головѣ поэта, дала, такъ сказать, толчокъ его организму, взволновала и зажгла его кровь и зашевелилась въ груди. Таковъ «Демонъ» Пушкина, это стихотвореніе, въ которомъ такъ неизмѣримо глубоко выражена идея сомнѣнія, рано или поздно бывающаго удѣломъ всякаго чувствующаго и мыслящаго существа; такова же его дивная «Сцена изъ Фауста», выражающая почти ту же идею; таковъ его «Бахчисарайскій Фонтанъ» гдѣ, въ лицѣ Гирея, выражена мысль, что чѣмъ шире и глубже душа человѣка, тѣмъ менѣе способенъ онъ удовлетворить себя чувственными на

слажденіями; таковы его «Цыгане», гдѣ выражена идея, что, пока человѣкъ не убьетъ своего эгоизма, своихъ личныхъ страстей, до тѣхъ поръ онъ не найдетъ для себя на землѣ истинной свободы ни посреди цивилизаціи, ни въ таборахъ кочующихъ дѣтей вольности. Я не говорю о другихъ его произведеніяхъ, я не говорю о его «Онѣгинѣ», этомъ созданіи великомъ и безсмертномъ, гдѣ что̀ стихъ, то мысль, потому что въ немъ что̀ стихъ, то чувство.

Вотъ вамъ мысль въ поэзіи! Это не разсужденіе, не описаніе, не силлогизмъ—это восторгъ, радость, грусть, тоска, отчаяніе, вопль! Но мое любимое правило: вещи познаются всего лучше чрезъ сравненіе; итакъ, возьмите стихотвореніе Жуковскаго «Русская Слава» и стихотвореніе Пушкина «Клеветникамъ Россіи»—сравните ихъ, и тогда вы вполнѣ пойметe, что̀ такое мысль въ поэзіи и что̀ такое въ ней чувство, и что одно безъ другаго быть не можетъ, если только данное сочиненіе художественно. Теперь, укажите мнѣ хоть на одно стихотвореніе г. Бенедиктова, которое бы заключало въ себѣ мысль въ изложенномъ значеніи, въ которомъ бы эта мысль томила душу, тѣснила грудь; въ которомъ былъ бы хотя одинъ сильный, энергическій стихъ, невольно западающій въ память и никогда не оставляющій ея! «Полярная Звѣзда» по красотѣ стиховъ—чудо: этому стихотворенію можно противопоставить только «Ганимеда» г. Теплякова; но оно сбивается на описаніе, и я не вижу въ немъ ни какой мысли, а это, не забудьте, единственное, по стихамъ, стихотвореніе г. Бенедиктова. Кстати объ описаніяхъ: описаніе—вотъ основный элементъ стихотвореній г. Бенедиктова; вотъ гдѣ старается онъ особенно выказать свой талантъ, и, въ отношеніи ко внѣшней отдѣлкѣ, къ прелести стиха, ему это часто удается. Но это все прекрасныя формы, которымъ недостаетъ души. Въ старину (которая, впрочемъ, очень не давно кончилась) всѣ питали теплую вѣру въ описательную поэзію, а старовѣры, всегда вѣрные старо-

печатнымъ книгамъ и стародавнимъ преданіямъ, и тепері еще признаютъ существованіе описательной поэзіи. Объ этомъ спорить нечего—вопросъ давно рѣшенный! Описательной поэзіи нѣтъ и быть не можетъ, какъ отдѣльнаго вида, въ которомъ бы проявлялось изящное; но описательная поэзія можетъ быть вездѣ въ частяхъ и подробностяхъ. Описаніе красотъ природы создается, а не списывается; поэтъ изъ души своей воспроизводитъ картину природы, или возсоздаетъ видѣнную имъ; въ томъ и другомъ случаѣ, эта красота выводится изъ души поэта, потому что картины природы не могутъ имѣть красоты абсолютной; эта красота скрывается въ душѣ, творящей или созерцающей ихъ. Поэтъ одушевляетъ картину своимъ чувствомъ, своею мыслію; надобно, чтобы онъ или любовался ею, или ужасался ея, если онъ хочетъ прельстить или ужаснуть васъ ею. Картины Кавказа и таврическихъ ночей, у Пушкина, плѣнительны. потому что онъ одушевилъ ихъ своимъ чувствомъ, потому что онъ рисовалъ ихъ съ тѣмъ упоеніемъ, съ которымъ юноша описываетъ красоту своей любезной. Можетъ быть, увидя Кавказъ и слича дѣйствительность съ поэтическимъ представленіемъ, вы не найдете никакаго сходства: это очень естественно—все зависитъ отъ расположенія нашего духа, потому что жизнь и красота природы таятся въ сокровищницѣ души нашей; природа отражается въ ней, какъ въ зеркалѣ: тускло зеркало—тусклы и картины природы, свѣтло зеркало—свѣтлы и картины природы. Я, право, не вижу почти никакого достоинства въ описательныхъ картинахъ г. Бенедиктова, потому что вижу въ нихъ одно усиліе воображенія, а не внутреннюю полноту жизни, все оживляющей собою. Въ стихотвореніяхъ г. Бенедиктова все не досказано, все не полно, все поверхностно, и это не потому, чтобы его талантъ еще не созрѣлъ, но потому, что онъ, очень хорошо понимая и чувствуя поэзію воспѣваемыхъ имъ предметовъ, не имѣетъ этой силы фантазіи,

посредствомъ которой всякое чувство высказывается полно и вѣрно. У него нельзя отнять таланта стихотворческаго; но онъ не поэтъ. Читая его стихотворенія, очень ясно видишь, какъ они дѣланы. Если г. Бенедиктовъ будетъ продолжать свои занятія по стихотворной части, то онъ современемъ выпишется, овладѣетъ поэзіею выраженія, выработаетъ свой стихъ, не будетъ дѣлать этихъ дѣтскихъ промаховъ, на которые я указалъ выше; словомъ, будетъ писать такъ же хорошо, какъ г. Трилунный, г. Шевыревъ, г. М. Дмитріевъ, но едва ли когда-нибудь будетъ онъ поэтомъ. Первые стихи поэта похожи на первую любовь: они живы, пламенны, естественны, чужды изысканности, вычурности, натяжекъ; но таковы ли первые стихи г. Бенедиктова? Дай Богъ, чтобы мое предсказаніе оказалось ложнымъ и нелѣпымъ, чтобы мои основанія, которыми я руководствовался въ моемъ сужденіи, были опровергнуты фактомъ: мнѣ было бы очень пріятно обмануться такимъ образомъ! Но до тѣхъ поръ, пока это не сбудется, я останусь твердъ въ своемъ мнѣніи, которое не есть слѣдствіе личности или какихъ-нибудь разсчетовъ; но слѣдствіе любви къ истинѣ. Въ заключеніе скажу, что какъ ни естественно обмануться стихами г. Бенедиктова, но изданная имъ книжка, въ наше прозаическое время, многими можетъ быть принята за поэзію. Словомъ, если г. Бенедиктовъ не оставитъ своихъ стихотворныхъ занятій, онъ скоро пріобрѣтетъ себѣ большой авторитетъ; его стихи будутъ приниматься съ радостью во всѣхъ журналахъ, во многихъ будутъ расхваливаться, по крайней мѣрѣ, года два: а что̀ будетъ послѣ?... То же, что̀ стало теперь съ стихотворцами, которыхъ такъ много было въ прошломъ десятилѣтіи, и изъ которыхъ многіе обладали талантомъ повыше г. Бенедиктова... Увы! что̀ дѣлать! Рѣка времени все уноситъ, все истребляетъ, и немного, очень немного всплываетъ на ея сокрушительныхъ волнахъ!...

Многія изъ стихотвореній г. Бенедиктова очень милы,

какъ весьма справедливо замѣчено въ одномъ журналѣ. Ихъ съ удовольствіемъ можно прочесть отъ нечего дѣлать; они не дадутъ душѣ поэтическаго наслажденія, но и не оскорбятъ, не возмутятъ ея безвкусіемъ или нелѣпостію; нѣкоторыя даже будутъ пріятны для читателя, какъ апельсинъ въ лѣтній день, или чашка кофе послѣ обѣда. За то есть (хотя и очень немного) и такія, которыхъ бы рѣшительно не слѣдовало печатать. Таково «Наѣздница», мы не выписываемъ его, потому что наша цѣль доказать истину, а не повредить автору. У кого есть въ душѣ хоть искра эстетическаго вкуса, а въ головѣ хоть капля здраваго смысла, тотъ, вѣрно, согласится съ нами. Мы не требуемъ отъ поэта нравственности; но мы въ правѣ требовать отъ него граціи въ самыхъ его шалостяхъ; и, подъ этимъ условіемъ, мы ни одного стихотворенія г. Языкова не почитаемъ безнравственнымъ, и подъ этимъ же условіемъ, мы почитаемъ упомянутое стихотвореніе г. Бенедиктова очень неблагопристойнымъ, и сверхъ того видимъ въ немъ рѣшительное отсутствіе всякаго вкуса. То же можно сказать и обо многихъ мѣстахъ нѣкоторыхъ другихъ его стихотвореній. Мы очень рады, что этотъ фактъ можетъ служить подтвержденіемъ истины, всѣми признанной, что только одинъ истинный талантъ можетъ быть нравственнымъ въ своихъ произведеніяхъ. Въ поэтическихъ шалостяхъ, грація—великое дѣло, потому что безъ нея эти шалости могутъ показаться отвратительными; а эта грація есть удѣлъ одного вдохновенія. Мы сказали, что нѣкоторыя стихотворенія г. Бенедиктова очень милы какъ поэтическія игрушки: такими почитаемъ мы: «Къ Полярной Звѣздѣ», «Озеро», «Прощаніе съ саблею», «Ореллана», «Незабвенная», «Къ Н—му»; но особенно намъ понравилось «Два Видѣнія»—стихотвореніе, которое можетъ служить лучшимъ доказательствомъ нашего мнѣнія вообще о стихотвореніяхъ г. Бенедиктова.

СТИХОТВОРЕНІЯ КОЛЬЦОВА.

(Москва. 1835.)

Даръ творчества дается не многимъ избраннымъ любимцамъ природы, и дается имъ не въ равной степени. У однихъ степень его силы зависитъ рѣшительно отъ одной природы; у другихъ, она зависитъ сколько отъ природы, столько и отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Есть художники, произведеніямъ которыхъ обстоятельства ихъ жизни могутъ сообщить тотъ или другой характеръ, но на творческій талантъ которыхъ они не имѣютъ никакого вліянія: это художники-геніи. Отличительный признакъ ихъ геніальности состоитъ въ томъ, что они властвуютъ обстоятельствами и всегда видятъ глубже и дальше черты, отчерченной имъ судьбою, и, подъ общими внѣшними формами, свойственными ихъ вѣку и ихъ народу, проявляютъ идеи, общія всѣмъ вѣкамъ и всѣмъ народамъ. Шекспиръ и при дворѣ Людвига XIV остался бы Шекспиромъ; его генія не задушилъ бы заразительный воздухъ двора этого блистательнаго, но отнюдь не великаго, короля Франціи; его геніальнаго взгляда на жизнь—этой природной философіи, не убило бы мишурное величіе золотаго вѣка французской словесности; его могущественныхъ порывовъ не оковали бы схоластическія понятія объ изящномъ. Но Расинъ и при дворѣ Елизаветы былъ бы придворнымъ поэтомъ, перелагалъ бы дворскія сплетни въ трагедіи и писалъ бы по той мѣркѣ, которую давали бы

ему люди, общественное мнѣніе, приличіе, или вкусъ королевы и лордовъ. Творенія геніевъ вѣчны, какъ природа, потому что основаны на законахъ творчества, которые вѣчны и незыблемы, какъ законы природы и которыхъ кодексъ скрытъ во глубинѣ творческой души,—а не на преходящихъ и условныхъ понятіяхъ объ искусствѣ того или другаго народа, той или другой эпохи; потому что въ нихъ проявляется великая идея человѣка и человѣчества, всегда понятная, всегда доступная нашему человѣческому чувству, а не идеи двора или общества въ то или другое время, у того или другаго народа. Геній есть торжественнѣйшее и могущественнѣйшее проявленіе сознающей себя природы и потому есть явленіе рѣдкое; не многіе вѣка озарялись этими роскошными солнцами, у не многихъ сіяло на небосклонѣ по нѣскольку этихъ солнцевъ... Но ежели вся цѣль созданія есть не что иное, какъ восходящая лѣстница сознанія безсмертнаго и вѣчнаго духа, живущаго въ природѣ, то и служители искусства представляютъ собою ту же самую лѣстницу, которая восходитъ или нисходитъ, смотря по тому съ начала или съ конца будете вы обозрѣвать ее. Безконечная и всегда неразрывная цѣпь! Есть художники, которыхъ вы не рѣшитесь почтить высокимъ именемъ геніевъ, но которыхъ вы поколеблетесь отнести къ талантамъ;— которые какъ бы начинаютъ собою нисходящую ступень лѣстницы и какъ бы принадлежатъ къ этому дивному поколѣнію духовъ, которыми пламенное воображеніе младенчествующихъ народовъ населило и лѣса и горы, и воды и воздухъ, и которыхъ назвало сильфами и пери, и поставило ихъ на чертѣ между высшими небесными духами и человѣкомъ. Наконецъ, есть еще эти художники, ознаменованные бо́льшею или меньшею степенью таланта творческаго, эти люди, на которыхъ небо взираетъ, какъ на любимыхъ, хотя и занимающихъ свое мѣсто послѣ духовъ безплотныхъ, чадъ своихъ. Хвала и поклоненіе наше генію, хвала и удивленіе

высокому таланту! Но не откажемъ же хотя во вниманіи и этому меньшому и юнѣйшему сыну неба! Не равно лучезарны лучи, сіяющіе на нихъ главахъ, но всѣ они дѣти одного и того же неба, всѣ они служители одного и того же алтаря. Пусть одинъ будетъ ближе, другой дальше къ алтарю—воздадимъ каждому почтеніе наше по мѣсту, занимаемому имъ, но уважимъ всякаго, кому дано свыше высокое право служенія алтарю...

Я хочу сказать, что художникъ по призванію есть всегда предметъ достойный вниманія нашего, на какой бы ступени художественнаго совершенства ни стоялъ онъ, какъ бы ни было невелико его творческое дарованіе. Если онъ точно художникъ, если точно природа помазала его при рожденіи на служеніе искусству, если онъ только не дерзкій самозванецъ, непосвященно и самовольно присвоившій себѣ право служенія божеству,—то, говорю я, не пройдемъ мимо его съ холоднымъ невниманіемъ, но остановимся передъ нимъ и посмотримъ на него испытующимъ взоромъ: можетъ быть, на его челѣ подглядимъ мы печать высокой думы, которая не для всѣхъ замѣтна; можетъ быть, въ его очахъ мы уловимъ этотъ лучъ вдохновенія, который всегда бываетъ гостемъ небеснымъ; можетъ быть, его уста выскажутъ намъ какую-нибудь святую тайну, взволнуютъ нашу грудь какимъ-нибудь сладкимъ, хотя и тихимъ чувствомъ...

Такимъ поэтомъ почитаемъ мы г. Кольцова; съ такой точки зрѣнія смотримъ мы на талантъ его; онъ владѣетъ талантомъ небольшимъ, но истиннымъ, даромъ творчества не глубокимъ и не сильнымъ, но неподдѣльнымъ и не натянутымъ, а это, согласитесь, не совсѣмъ обыкновенно, не весьма часто случается. Поспѣшимъ же встрѣтить новаго поэта съ живымъ сочувствіемъ, съ привѣтомъ и ласкою...

Я сказалъ, что геній-художникъ независимъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, что эти обстоятельства даютъ тотъ или другой характеръ его созданіямъ, но не возвышаютъ и

не ослабляютъ силы его фантазіи. Не таковы обыкновенные таланты: ихъ нельзя разсматривать внѣ обстоятельствъ ихъ жизни, потому что этими обстоятельствами объясняется иногда и ихъ чрезвычайный успѣхъ и ихъ паденіе, этими обстоятельствами опредѣляется, что̀ они могли бы сдѣлать и почему они сдѣлали столько, а не столько, такъ, а не этакъ, и слѣдовательно, опредѣляется важность и степень ихъ таланта. Чтобы написать въ наше время нѣсколько строфъ, не уступающихъ въ звучности и великолѣпіи нѣкоторымъ строфамъ Ломоносова, нужно одно умѣніе и навыкъ, а въ то время, въ которое жилъ Ломоносовъ, для этого нуженъ былъ талантъ. И развѣ самъ Шекспиръ не становится выше въ нашихъ глазахъ оттого самаго, что онъ жилъ въ XVI, а не въ XIX вѣкѣ? Представьте себѣ Державина, поэта вѣка Екатерины II, поэтомъ вѣка Петра Великаго: развѣ ваше удивленіе къ нему не удвоится? И развѣ самъ Ломоносовъ не геній уже по одному тому, что онъ былъ холмогорскимъ рыбакомъ? Развѣ Слѣпушкинъ и другіе, совершенно не будучи поэтами, не обратили на себя общаго вниманія потому только, что они принадлежали къ низшему классу общества и самимъ себѣ были обязаны тѣмъ образованіемъ, которое какъ они сами, такъ и публика приняла за даръ творчества?... Кольцовъ тоже принадлежитъ къ числу этихъ поэтовъ-самоучекъ, съ тою только разницею, что онъ владѣетъ истиннымъ талантомъ.

Кольцовъ—воронежскій мѣщанинъ, ремесломъ прасолъ. Окончивъ свое образованіе приходскимъ училищемъ, т. е. выучивъ букварь и четыре правила ариѳметики, онъ началъ помогать честному и пожилому отцу своему въ небольшихъ торговыхъ оборотахъ и трудиться на пользу семейства. Чтеніе Пушкина и Дельвига въ первый разъ открыло ему тотъ міръ, о которомъ томилась душа его, оно вызвало звуки, въ ней заключенные. Между тѣмъ домашнія дѣла его шли своимъ чередомъ; проза жизни смѣняла поэтическіе сны;

онъ не могъ вполнѣ предаться ни чтенію, ни фантазіи. Одно удовлетворенное чувство долга награждало его и давало ему силу переносить труды чуждые его призванію. Можетъ быть, и еще другое чувство охраняло поэзію этой души, которая всего чаще высказывала свое горе въ степяхъ, у огней,

Подъ пѣснь родную чумака. (Стр. 20.)

Какъ тутъ было созрѣть таланту? Какъ могъ выработаться свободный, энергическій стихъ? И кочевая жизнь, и сельскія картины, и любовь, и сомнѣнія, попеременно занимали, тревожили его; но всѣ разнообразныя ощущенія, которыя поддерживаютъ жизнь таланта, уже созрѣвшаго, уже воспитавшаго свои силы, лежали бременемъ на этой неопытной душѣ; она не могла похоронить ихъ въ себѣ и не находила формы, чтобы дать имъ внѣшнее бытіе.

Эти немногія данныя объясняютъ и достоинства, и недостатки, и характеръ стихотвореній Кольцова. Немного напечатано ихъ изъ большой тетради, присланной имъ, не всѣ и изъ напечатанныхъ равнаго достоинства; но всѣ они любопытны, какъ факты его жизни. Природа дала Кольцову безсознательную потребность творить, а нѣкоторыя вычитанныя изъ книгъ понятія о творчествѣ заставили его *сдѣлать* многія стихотворенія. Изъ помѣщенныхъ въ изданіи, найдется два-три слабыхъ, но ни одного такого, въ которомъ не было бы хотя нечаяннаго проблеска чувства, хотя одного или двухъ стиховъ, вырвавшихся изъ души. Большая часть положительно и безусловно прекрасны. Почти всѣ они имѣютъ близкое отношеніе къ жизни и впечатлѣніямъ автора, и потому дышатъ простотою и наивностію выраженія, искренностію чувства, не всегда глубокаго, но всегда вѣрнаго, не всегда пламеннаго, но всегда теплаго и живаго. Но при всемъ этомъ, они разнообразны, какъ впечатлѣнія, которыхъ плодомъ они были. Въ «Великой Тайнѣ» читатель найдетъ удивительную глубину мысли, соединен-

ную съ удивительною простотою и благородствомъ выраженія, какое-то младенчество и простодушіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и возвышенность и ясность взгляда. Это дума Шиллера, переданная русскимъ простолюдиномъ, съ русскою отчетливостью, ясностію, и съ простодушіемъ младенческаго ума. Въ «Пѣснѣ Старика», «Удальцѣ», «Совѣтѣ Старца» дышитъ этотъ разгулъ юнаго чувства, которое просится наружу, выражается широко и раздольно, и которое составляетъ основу русскаго характера, когда онъ, какъ говорится, расходится. Въ «Пирушкѣ русскихъ поселянъ», «Размышленіи Поселянина» и «Пѣсни Пахаря» выражается поэзія жизни нашихъ простолюдиновъ. Вотъ этакую народность мы высоко цѣнимъ: у Кольцова она благородна, не оскорбляетъ чувства ни цинизмомъ, ни грубостію, и въ то же время она у него неподдѣльна, не натянута и истинна. Простота выраженія и картинъ, прелесть того и другаго, у него неподражаемы. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ, мы не имѣли никакого понятія объ этомъ родѣ народной поэзіи, и только Кольцовъ познакомилъ насъ съ нимъ. Но что̀ составляетъ цвѣтъ и вѣнецъ его поэзіи,—это тѣ стихотворенія, въ которыхъ онъ изливаетъ свое тихое и безотрадное горе любви; они слѣдующія: «Люди добрые скажите»; «Ты не пой соловей»; «Первая любовь»; «Не шуми ты, рожь»; «Къ N.»; четвертое особенно прелестно.

Не знаю, будутъ ли имѣть успѣхъ стихотворенія Кольцова, обратитъ ли на нихъ публика то вниманіе, котораго они заслуживаютъ, будутъ ли умѣть наши журналы отдать имъ должную справедливость—все это покажетъ время. Но мы не можемъ не признаться, что Кольцовъ является съ своими прекрасными стихотвореніями не во̀ время, или, лучше сказать, въ дурное время.

Хорошо еще для него, еслибы онъ явился среди всеобщаго затишья нашихъ неугомонныхъ лиръ, а то вотъ бѣда, что онъ является среди дикаго и нескладнаго рева, которымъ

терзаютъ уши публики гг. непризванные поэты, преизобильно и преисправно наполняющіе или, лучше сказать, наводняющіе нѣкоторые журналы; является въ то время, когда хриплое карканье ворона и грязныя картины будто бы народной жизни съ торжествомъ выдаются за поэзію... Грустная мысль! неужели и въ этомъ дѣлѣ гудокъ, волынка и балалайка, должны заглушить звуки арфы? Неужели и въ самомъ дѣлѣ стихотворное паясничество и кривлянье должны заслонить собою истинную поэзію?... Чего добраго! поэзія Кольцова такъ проста, такъ неизысканна и, что́ всего хуже, такъ истинна! Въ ней нѣтъ ни дикихъ, напыщенныхъ фразъ объ утесахъ и другихъ страшныхъ вещахъ; въ ней нѣтъ ни моху забвенія на развалинахъ любви, ни плотныхъ усѣстовъ, въ ней не гнѣздится любовь въ ущельяхъ сердецъ, въ ней нѣтъ другихъ подобныхъ диковинокъ. Толпа слѣпа: ей нуженъ блескъ и трескъ, ей нужна яркость красокъ, и ярко-красный цвѣтъ у ней самый любимый... Но нѣтъ, этого быть не можетъ! Вѣдь есть же и у самой толпы какое-то чутье, которому она слѣдуетъ наперекоръ самой себѣ и которое у ней всегда вѣрно! Вѣдь есть же люди, которые, предпочитая Пушкину и того и другаго поэта, тверже всѣхъ поэтовъ знаютъ наизусть Пушкина и чаще всѣхъ читаютъ его?... Кажется, теперь бы и должно быть этому времени, въ которое все оцѣнивается вѣрно и безошибочно?—Увидимъ!

Не знаемъ, разовьется ли талантъ Кольцова, или падетъ подъ игомъ жизни?—Этотъ вопросъ рѣшитъ будущее, намъ остается только желать, чтобы этотъ талантъ, котораго дебютъ такъ прекрасенъ, такъ полонъ надеждъ, развился вполнѣ. Это много зависитъ и отъ самаго поэта; да не падетъ же его духъ подъ бременемъ жизни, или убитый ею, или обольщенный ея ничтожностію; да будетъ для него всегдашнимъ правиломъ эта высокая мысль борьбы съ жиз-

нію и побѣды надъ нею, которую такъ онъ прекрасно выразилъ въ стихотвореніи: «Къ Другу».

Мы отъ души убѣждены, что до тѣхъ поръ, пока г. Кольцовъ будетъ сохранять высказанныя въ немъ чувства и будетъ основывать на нихъ неизмѣнное правило жизни, его талантъ не угаснетъ!...

ОПЫТЪ СИСТЕМЫ НРАВСТВЕННОЙ ФИЛОСОФІИ.

(Алексѣя Дроздова, Спб. 1835).

У насъ вообще не только совсѣмъ не распространено знаніе философіи, но и самое стремленіе къ нему едва начинаетъ пробуждаться, и то отрывочно, не дружно, какими-то порывами, безъ постоянства. Но тѣмъ не менѣе оно уже пробуждается, несмотря на отчаянные вопли профановъ науки, истощающихъ всѣ усилія своей «свѣтской» діалектики противъ «логическихъ построеній». Особенно это стремленіе замѣтно въ нашемъ духовенствѣ, которое съ любовію и замѣтнымъ успѣхомъ занимается этою великою наукою. Брошюрка, заглавіе которой выписано въ началѣ этой статьи, написанная духовнымъ и изданная духовнымъ, служитъ тому доказательствомъ.

Разумѣется, объ ней нигдѣ ничего не было сказано, да и намъ самимъ она попалась случайно. Мы прочли ее съ удовольствіемъ, которымъ и спѣшимъ подѣлиться съ нашими читателями. Вѣрный взглядъ на многіе предметы, прекрасное, проникнутое чувствомъ изложеніе идей, добросовѣстность въ сужденіи, простота и ясность, составляютъ достоинство этого сочиненія; а отсутствіе строгой системы, происшедшее отъ невѣрности общему началу, и вслѣдствіе того частыя противорѣчія, вотъ ея недостатки. Въ томъ и другомъ случаѣ, какъ важность предмета, такъ и уваженіе

къ добросовѣстному и безкорыстному труду, побуждаютъ насъ поговорить о немъ по-подробнѣе.

Почтенный авторъ начинаетъ, какъ должно, съ опредѣленія идеи «нравственной философіи», которую онъ иначе называетъ «дѣятельною»; различіе ея отъ «умозрительной» онъ полагаетъ въ томъ, что предметъ послѣдней есть *истина*, а первой *добро*. Между тою и другою онъ находитъ «координацію», которая, не дѣлая ихъ отдѣльными знаніями, предполагаетъ возможность ихъ обработыванія независимо одна отъ другой.

Вслѣдъ за тѣмъ авторъ говоритъ, что «нравственная философія не можетъ выводить началъ своихъ изъ опытовъ историческихъ, или изъ какихъ-нибудь правдоподобныхъ правилъ, но требуетъ точныхъ и основательныхъ свѣдѣній о томъ, что само въ себѣ истинно, хорошо и справедливо». Уже одного этого достаточно, чтобы видѣть въ этой книжкѣ нѣчто достойное вниманія, а въ авторѣ,— человѣка понимавшаго свой предметъ. Есть два способа изслѣдованія истины: a priori и a posteriori, т. е. изъ чистаго разума и изъ опыта. Много было споровъ о преимуществѣ того и другаго способа, и даже теперь нѣтъ никакой возможности примирить эти двѣ враждующія стороны. Одни говорятъ, что познаніе, для того чтобъ быть вѣрнымъ, должно выходить изъ самаго разума, какъ источника нашего сознанія, слѣдовательно должно быть субъективно, потому что все сущее имѣетъ значеніе только въ нашемъ сознаніи и не существуетъ само для себя; другіе думаютъ, что познаніе тогда только вѣрно, когда выведено изъ фактовъ, явленій, основано на опытѣ. Для первыхъ существуетъ одно сознаніе, и реальность заключается только въ разумѣ, а все остальное бездушно, мертво и безсмысленно само по себѣ, безъ отношенія къ сознанію; словомъ, у нихъ разумъ есть царь, законодатель, сила творческая, которая даетъ жизнь и значеніе несуществующему

и мертвому. Для вторыхъ, реальное заключается въ вещахъ, фактахъ, въ явленіяхъ природы, а разумъ есть не что̀ иное, какъ поденщикъ, рабъ мертвой действительности, принимающій отъ ней законы и изменяющійся по ея прихоти, следовательно мечта, призракъ. Вся вселенная, все сущее есть не что̀ иное, какъ единство въ многоразличіи, безконечная цепь модификацій одной и той же идеи: умъ, теряясь въ этомъ многообразіи, стремится привести его въ своемъ сознаніи къ единству, и исторія философіи есть не что̀ иное какъ исторія этого стремленія. Яйца Леды, вода, воздухъ, огонь, принимавшіеся за начала и источникъ всего сущаго, доказываютъ, что и младенческій умъ проявлялся въ томъ же стремленіи, въ какомъ онъ проявляется и теперь. Непрочность первоначальныхъ философскихъ системъ, выведенныхъ изъ чистаго разума, заключается совсемъ не въ томъ, что оне были основаны не на опыте, а напротивъ въ ихъ зависимости отъ опыта, потому что младенческій умъ беретъ всегда за основный законъ своего умозренія не идею, въ немъ самомъ лежащую, а какое нибудь явленіе природы, и следовательно выводитъ идеи изъ фактовъ, а не факты изъ идей. Факты и явленія не существуютъ сами по себе: они все заключаются въ насъ. Вотъ, напримеръ, красный четвероугольный столъ: красный цветъ есть произведеніе моего зрительнаго нерва, приведеннаго въ сотрясеніе отъ созерцанія стола; четвероугольная форма есть типъ формы, произведенный моимъ духомъ, заключенный во мне самомъ и придаваемый мною столу; самое же значеніе стола есть понятіе, опять-таки во мне же заключающееся и мною же созданное, потому что изобретенію стола предшествовала необходимость стола, следовательно столъ былъ результатомъ понятія, созданнаго самимъ человекомъ, а не полученнаго имъ отъ какого-нибудь внешняго предмета. Внешніе предметы только даютъ толчокъ нашему *я* и возбуждаютъ въ немъ понятія.

которыя оно придаетъ имъ. Мы этимъ отнюдь не хотимъ отвергнуть необходимости изученія фактовъ: напротивъ допускаемъ вполнѣ необходимость этого изученія; только съ тѣмъ вмѣстѣ, хотимъ сказать, что это изученіе должно быть чисто-умозрительное и что факты должно объяснять мыслію, а не мысли выводить изъ фактовъ. Иначе матерія будетъ началомъ духа, а духъ рабомъ матеріи. Такъ и было въ осьмнадцатомъ вѣкѣ, этомъ вѣкѣ опыта и эмпиризма. И къ чему привело это его? Къ скептицизму, матеріализму, безвѣрію, разврату и совершенному невѣдѣнію истины при обширныхъ познаніяхъ. Что знали энциклопедисты? Какіе были плоды ихъ учености? Гдѣ ихъ теоріи? Онѣ всѣ разлетѣлись, полопались, какъ мыльные пузыри. Возьмемъ одну теорію изящнаго, теорію, выведенную изъ фактовъ и утвержденную авторитетами Буало, Баттё, Лагарпа, Мармонтеля, Вольтера: гдѣ она, эта теорія или, лучше сказать, что̀ она такое теперь? Не больше какъ памятникъ безсилія и ничтожества человѣческаго ума, который дѣйствуетъ не по вѣчнымъ законамъ своей дѣятельности, а покоряется оптическому обману фактовъ. Къ чему повела эта теорія? Къ современной погибели и уничтоженію искусства, низведеннаго ею на степень простаго ремесла. А отчего? Оттого что эти люди хотѣли создать идеалъ искусства по безсмертнымъ образцамъ, завѣщаннымъ древностію, а не вывести изъ своего духа. Скажутъ, они знали только греческую и римскую словесность, а потому и судили только по произведеніямъ этихъ литературъ; но не знали Шекспира, не были знакомы съ литературою среднихъ вѣковъ, литературами восточныхъ народовъ, жили прежде Шиллера, Гёте, Байрона. Ну, такъ что̀-жъ? Имъ и не нужно было знать всего этого, потому что у нихъ было нѣчто надежнѣе произведеній Шиллера, Гёте и Байрона, у нихъ былъ разумъ, въ нихъ былъ сознающій себя духъ человѣческій, а въ этомъ разумѣ, въ этомъ духѣ заключался идеалъ

искусства, заключалось темное и трепетное предчувствіе истинныхъ произведеній творчества. Если произведенія древности не подходили подъ этотъ идеалъ, это значило, что или они не такъ понимали эти произведенія, или что эти произведенія ложны и не художественны. Чтобы представить это яснѣе, возьмемъ какой-нибудь примѣръ. Я убѣжденъ, что поэзія есть безсознательное выраженіе творящаго духа, и что слѣдовательно поэтъ, въ минуту творчества, есть существо болѣе страдательное, нежели дѣйствующее, а его произведеніе есть уловленное видѣніе, представшее ему въ свѣтлую минуту откровенія свыше, слѣдовательно оно не можетъ быть выдумкою его ума, сознательнымъ произведеніемъ его воли. Взявши это основаніе за абсолютное, я не признаю поэзіи ни въ чемъ, что̀ создано не по этому закону, ни въ чемъ, что̀ имѣло цѣль или было результатомъ подражанія.

«Но, скажутъ мнѣ, такія-то и такія-то произведенія не подходятъ подъ этотъ законъ».—Слѣдовательно они ложны, отвѣчаю я.—«Но вѣрно ли ваше начало?»—Опровергните его!—Теперь пойдемъ далѣе. Я убѣжденъ, что эпическая поэма, чтобъ быть истинно художественнымъ произведеніемъ, должна отражать въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, жизнь цѣлаго народа; потомъ, чтобъ быть такою, она должна быть произведена по закону творчества, о которомъ я уже говорилъ, т. е. должна быть безсознательнымъ выраженіемъ творящаго духа, независимымъ отъ сознательной воли человѣка, слѣдовательно въ высшей степени оригинальнымъ, въ высочайшей степени чуждымъ всякаго подражанія. Такова «Иліада»,—произведеніе ли она цѣлаго народа, или какого-нибудь слѣпца Гомера, — которая есть символъ идеи героической Греціи; таковъ «Фаустъ» Гёте, созданіе одного человѣка, который самъ былъ полнѣйшимъ выраженіемъ Германіи и который въ самомъ созданіи представилъ символъ духа своего отечества, въ формѣ ориги-

нальной и свойственной его вѣку. Но не таковы «Энеида», «Освобожденный Іерусалимъ», «Потерянный Рай», «Мессіада», потому что онѣ созданы не безотчетно, не самобытно, а вслѣдствіе «Иліады», слѣдовательно живутъ не своею, а чужою жизнію. Поэтому въ нихъ нѣтъ и не можетъ быть ни полной картины жизни народа, которому онѣ принадлежатъ, ни вѣрнаго отраженія духа времени, въ которое онѣ произошли. Конечно, въ нихъ есть великія частныя красоты; но тѣмъ не менѣе это произведенія ложныя и ошибочныя.—Однако они признаны всѣми вѣками?—Такъ: но пусть докажутъ, что мои основанія ложны; въ такомъ случаѣ я сознаюсь, что вѣка говорили дѣло. Только тогда для меня не будетъ поэзіи: поэзія превратится въ ремесло, въ забаву, въ невинное препровожденіе времени, въ родѣ карточной игры или танцевъ. Приведемъ еще примѣръ. Недавно какъ-то въ одномъ журналѣ отстаивали отъ жестокихъ нападковъ здраваго смысла плохонькую пріятельскую книжечку, для чего не нашли лучшаго способа, какъ отвергнуть возможность поэзіи у необразованныхъ и невѣжественныхъ народовъ, какъ будто поэзія есть плодъ науки и цивилизаціи, а не свободный плодъ человѣческаго духа. Для этого рыцарь пріятельской книжки уцѣпился руками и ногами за русскую пѣсню:

Какъ у нашего двора
Пріукатана гора —

и доказалъ ею, какъ дважды два — четыре, что въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ нѣтъ поэзіи, потому-де, что онѣ сложены безграмотными мужиками, а не «свѣтскими» людьми, не кандидатами, магистрами и докторами, не позаботясь даже догадаться, что приведенная имъ въ примѣръ пѣсня не есть совсѣмъ пѣсня, а голосъ пѣсни, родъ припѣва, гдѣ часто собираются слова, не имѣющія никакого смысла, только для голоса, какъ, напримѣръ, «ай люли, ай

люли!» и т. п. Вотъ чтò значитъ основываться на фактахъ безъ мысли! И оттого-то, читая эту статью, не знаешь чтò читаешь: статью ли о поэзіи, или о новомъ способѣ унавоживать поля для посѣва картофеля. . Смѣшно и жалко!..

Но я началъ объ осьмнадцатомъ вѣкѣ и о Французахъ, и самъ не замѣтилъ, какъ перешелъ къ девятнадцатому вѣку и къ намъ Русскимъ; это оттого, что осьмнадцатый вѣкъ еще и теперь здравствуетъ во многихъ нашихъ книгахъ и журналахъ, особливо «свѣтскихъ», а Французы по сю пору водятъ насъ какъ дѣтей на помочахъ своего эмпиризма, выдавая его за эклектизмъ. Человѣчество только отъ Нѣмцевъ узнало, чтò такое искусство и чтò такое философія, тогда какъ Французы вмѣсто искусства показали намъ чтò-то въ родѣ башмачнаго ремесла, а вмѣсто философіи чтò-то въ родѣ игры въ бирюльки. Умозрѣніе всегда основывается на законахъ необходимости, а эмпиризмъ на условныхъ явленіяхъ мертвой дѣйствительности. Поэтому первое есть зданіе, построенное на камнѣ; второе—зданіе построенное на пескѣ, которое тотчасъ валится, если вѣтеръ сдуетъ хоть одну изъ песчинокъ, составляющихъ его зыбкое основаніе Математика есть наука по преимуществу положительная и точная, и между тѣмъ нисколько не эмпирическая, а выведенная изъ законовъ чистаго разума чтò одно и то же; что дважды два — четыре, эта истина узнана не изъ опыта, а изъ духа перенесена въ опытъ. Чтò такое всѣ гипотезы, на которыхъ основана астрономія, какъ не умозрѣніе? а между тѣмъ развѣ астрономія наука не положительная? Два величайшія открытія въ области нашего вѣдѣнія — Америка и планетная система — сдѣланы а priori. Надъ Колумбомъ и Галилеемъ смѣялись, какъ надъ сумасшедшими, потому что опытъ явно опровергалъ ихъ: но они вѣрили своему разуму и разумъ былъ оправданъ ими.

Но еще страннѣе намъ кажется мысль о какомъ-то современномъ соединеніи умозрительнаго и эмпирическаго способа изслѣдованія истины: помилуйте, эта сущая нелѣпость, которою уничтожается цѣлый кругъ знанія, возможность всякой науки, потому что этимъ отрицается дѣйствительность не только умозрѣнія, но и самаго опыта: если умозрѣніе нуждается въ помощи опыта, значитъ оно недостаточно; если опытъ нуждается въ помощи умозрѣнія, значитъ и онъ недостаточенъ. Признавая недостаточность опыта, мы уничтожаемъ реальность фактовъ, независимую отъ нашего сознанія, и утверждаемъ тѣмъ, что посредствомъ опыта рѣшительно ничего невозможно узнать; признавая недостаточность умозрѣнія, превращаемъ нашъ разумъ въ фантомъ и утверждаемъ, что и посредствомъ разума ничего невозможно узнать. Слѣдовательно, къ чему же поведетъ это соединеніе? Только два однородные предмета могутъ составить одно цѣлое. Другое дѣло — повѣрка умозрѣнія опытомъ, приложеніе умозрѣнія къ фактамъ: это дѣло возможное. Если умозрѣніе вѣрно, то опытъ непремѣнно долженъ подтверждать его въ приложеніи, потому что, какъ мы уже сказали, и самое опытное знаніе есть необходимо умозрительное, вслѣдствіе того, что фактъ имѣетъ жизнь и значеніе не самъ по себѣ, а только по тому понятію, которое онъ пробуждаетъ въ нашемъ сознаніи и которое мы къ нему прилагаемъ. Слѣдовательно, если факты поняты вѣрно, они непремѣнно должны подтверждать умозрѣніе, потому что умозрѣніе не противорѣчитъ умозрѣнію.

Итакъ, сочиненіе г. Дроздова принадлежитъ къ области умозрѣнія, что̀ и даетъ ему необходимо важность и силу въ глазахъ людей мыслящихъ. Но отдавая ему должную справедливость, мы тѣмъ болѣе должны быть безпристрастны и къ его недостаткамъ. А главный его недостатокъ, какъ мы уже и замѣтили, состоитъ въ противорѣчіи автора съ самимъ собою, вслѣдствіе его невѣрности умозрѣ-

нія, которое онъ самъ признаетъ единственнымъ законнымъ способомъ изслѣдованія истины.

Въ § 13 своей книгѣ г. Дроздовъ говоритъ:

Если высочайшій законъ нравственности долженъ имѣть истинное достоянство и нравственную цѣну, то онъ долженъ происходить: а) изъ идеи высочайшаго добра; б) обнимать всю область нравственной жизни, слѣдовательно имѣть характеръ безусловной всеобщности; в) долженъ имѣть прямое и преимущественное направленіе къ нашему чувству, потому что только это чувство зависитъ отъ воли во всѣхъ отношеніяхъ жизни. Но когда станемъ требовать отъ высочайшаго нравственнаго закона того, чтобы онъ всегда научалъ, какъ долженъ поступать нравственно добрый человѣкъ въ каждомъ особенномъ, непредвидѣнномъ случаѣ—или будемъ требовать отъ него совершенно невозможнаго, или мораль должна превратиться въ такъ-называемую „казуистику“.

Все это очень вѣрно и дѣлаетъ большую честь мышленію автора; но вслѣдъ за тѣмъ встрѣчается и противорѣчіе, ложная мысль, которую очень непріятно встрѣтить послѣ такихъ прекрасныхъ и истинныхъ мыслей:

Въ такомъ случаѣ, чтобы не разстроить связи и единства дѣятельной философіи, лучше всего предоставить различеніе добра и зла самому произволу человѣка.

Нѣтъ, мы думаемъ, что всѣ частные вопросы должны необходимо вытекать изъ основной идеи нравственности и рѣшаться ею: въ противномъ случаѣ, человѣкъ, предоставленный своему произволу, самъ сдѣлается казуистомъ. Эта ошибка повела автора къ другой, важнѣйшей, заставила его, противъ воли, сдѣлать изъ нравственной философіи настоящую казуистику.

Вторая часть его сочиненія заключаетъ въ себѣ «частную нравственную философію», то есть именно приложеніе нравственной философіи къ частнымъ случаямъ, которые, какъ и должно, нисколько не вяжутся ни съ цѣлымъ сочиненіемъ, ни другъ съ другомъ.

Подобныхъ противорѣчій можно бы было найти и болѣе. Но не это цѣль наша; мы хотѣли обратить на сочиненіе

г. Дроздова вниманіе публики, на которое оно имѣетъ законныя права, и потому безпристрастно высказавши наше мнѣніе о его недостаткахъ, спѣшимъ выставить на видъ то, что̀ показалось намъ въ немъ особенно достойнымъ вниманія.

Доброе есть религіозная идея, также какъ истинное и прекрасное. Человѣческій духъ поставляетъ Бога первоначальнымъ источникомъ столько же всего добраго, сколько всего истиннаго и прекраснаго, слѣдовательно вѣчная идея добраго имѣетъ тѣсную, превѣчную связь съ Богомъ, существомъ всесвятѣйшимъ. Ибо все доброе принимаетъ характеръ истиннаго добра не иначе, какъ отъ своего участія въ превѣчномъ добрѣ и превѣчной истинѣ. Поэтому-то, все нравственно-доброе и запечатлѣно печатію величія и святости, возбуждающихъ въ человѣкѣ безконечное благоговѣніе. Ибо оно есть отраженіе высочайшаго добра—Бога.

Доброе имѣетъ также тѣснѣйшее сродство съ истиннымъ и прекраснымъ. Ибо и оно, также какъ истинное и прекрасное, не подлежитъ никакой перемѣнѣ; вѣчно равное самому себѣ, оно никогда не теряетъ высокаго значенія своего для человѣческаго духа.

Нравственно-доброе становится изящнымъ, когда обнаруживается въ насъ какъ любовь къ Богу и человѣчеству. Поэтому, каждый добрый поступокъ человѣка есть вмѣстѣ истинный и прекрасный поступокъ (§ 10)

Вотъ истинныя понятія о нравственно-добромъ и къ сожалѣнію такъ рѣдко встрѣчаемыя въ нашихъ мыслителяхъ! Конечно ученый безкорыстно орошающій по̀томъ чела своего ниву знанія, поставившій въ трудѣ цѣль и счастіе своей жизни и находящій въ самомъ этомъ трудѣ свою высшую, свою конечную награду, есть жрецъ, служитель Бога; художникъ, въ ту минуту, когда воспроизводитъ, въ словѣ, краскѣ или звукѣ дивныя явленія, таинственно соприсутствующія его душѣ, есть также жрецъ, служитель Бога. Недаромъ, въ древности, у всѣхъ народовъ, жрецы были вмѣстѣ и хранителями знаній и служителями искусства: это доказываютъ не одни брамины и маги, египетскіе и греческіе жрецы, это доказываютъ и левиты еврейскіе, которые въ то же время были и книжниками, т. е. хранителями и представителями народной мудрости. Въ средніе вѣка свѣтъ просвѣщенія пламенѣлъ только въ уединеніи мона-

стырскихъ келлій, и только одни монахи, служители и мученики вѣры, были хранителями этого священнаго огня, не дали ему погаснуть до тѣхъ поръ, пока онъ не перешелъ и къ свѣтскимъ сословіямъ. Да придетъ же то время, когда люди убѣдятся, что науки и искусства суть также служеніе верховному добру, которое вмѣстѣ есть верховная истина и красота! Гердеръ есть типъ и предвозвѣстникъ этого времени, когда книга, перо, лира, кисть, рѣзецъ, будутъ кадиломъ божеству, орудіями священнослуженія истинѣ, добру и красотѣ, совершаемаго тремя элементами нашего духа: разумомъ, волею и чувствомъ.

Понятіе и два рода совѣсти. Совѣсть есть первоначальное чувство добра и зла, основанное на существѣ духовной природы человѣка. Она развивается въ человѣкѣ вмѣстѣ съ развитіемъ ума и обнаруживается, какъ совѣсть добрая, во всемъ чистомъ и справедливомъ образѣ дѣятельности и характера человѣка; но она становится совѣстію злою, угрызающею при всякомъ незаконномъ чувствованіи или поступкѣ существа свободнаго и разумнаго.

Примѣч. Совѣсть, разсматриваемая въ двухъ вышеупомянутыхъ отношеніяхъ, раздѣляется на предъидущую и послѣдующую. Первая предшествуетъ поступку и состоитъ въ сознаніи нравственнаго закона и обязанностей, возлагаемыхъ имъ на свободу воли нашей; послѣдняя слѣдуетъ за поступкомъ, и оправдываетъ или осуждаетъ человѣка, производя въ немъ сознаніе свободнаго исполненія, или преступленія закона.

Здѣсь мы опять невольно принуждены остановиться и спросить автора: изъ какихъ началъ и вслѣдствіе какой необходимости вывелъ онъ это подраздѣленіе? Оно кажется намъ совершенно произвольнымъ, а слѣдовательно и неправильнымъ; то, что авторъ называетъ «сознаніемъ нравственнаго закона и обязанностей, возлагаемыхъ имъ на свободу воли вашей», есть дѣло разума, а отнюдь не совѣсти; слѣдовательно его «предъидущая совѣсть» принадлежитъ къ казуистикѣ, а не къ нравственной философіи.

Должно смотрѣть на совѣсть, какъ на существенную принадлежность нашей природы. Совѣсть принадлежитъ къ существеннымъ

свойствамъ духовной природы человѣка, и никакъ не можетъ быть слѣдствіемъ воспитанія или какихъ-нибудь общественныхъ господствующихъ привычекъ. Если-бы то или другое было справедливо, то могли бы когда-нибудь обойдтись безъ этого внутренняго судіи. Но опытъ увѣряетъ, что хотя можно усыпить совѣсть, но никакъ нельзя совершенно искоренить ее въ человѣческомъ духѣ. Изъ одного міра она сопровождаетъ насъ въ другой.

Есть люди, которые отрицаютъ существованіе совѣсти и почитаютъ ее за предразсудокъ, основываясь на безконечной разности понятій о добрѣ и злѣ у разныхъ народовъ. «У насъ, говорятъ они, уваженіе къ родителямъ и къ старости есть одна изъ священнѣйшихъ обязанностей, нарушеніе которой влечетъ за собою угрызеніе совѣсти: но умногихъ дикихъ народовъ, дѣти вѣшаютъ на деревьяхъ своихъ престарѣлыхъ родителей и исполняютъ это варварское дѣло какъ предписаніе закона или религіи, неисполненіе котораго влечетъ за собою угрызеніе совѣсти; у насъ человѣколюбіе оказывается даже личнымъ врагамъ: дикіе мучатъ и ѣдятъ своихъ плѣнниковъ; у насъ мщеніе есть порокъ: у варваровъ оно добродѣтель; слѣдовательно что̀-же такое совѣсть, если она въ одномъ мѣстѣ награждаетъ за то, за что̀ наказываетъ въ другомъ, и наоборотъ?» Здѣсь явная ошибка, происходящая отъ того, что слѣдствіе принято за причину, т. е. совѣсть за разумъ. Опредѣлимъ, что̀ такое совѣсть. Человѣкъ созданъ для сознанія, и потому можетъ быть счастливъ только вслѣдствіе сознанія; слѣдовательно сознаніе есть его нормальное, естественное, а потому и блаженное состояніе, которое проявляется въ равновѣсіи человѣка самому себѣ, въ мирѣ и гармоніи съ самимъ собою; безсознательность же есть состояніе неестественное, болѣзненное, разрушающее равенство человѣка съ самимъ собою, миръ и гармонію его духа, слѣдовательно разрушающее его счастіе. Итакъ, совѣсть добрая есть состояніе сознанія, злая,—состояніе безсознанія. Первая условливаетъ наше счастіе, даже и въ случаѣ потерь, лишеній,

страданій, горестей, потому что, лишаясь счастія внѣшняго, мы не лишаемся счастія внутренняго, происходящаго отъ сознанія и состоящаго въ спокойствіи и гармоніи духа; вторая же, и при внѣшнемъ счастіи, состоящемъ въ исполненіи нашихъ эгоистическихъ желаній, лишаетъ насъ внутренняго счастія, которое одно истинно и удовлетворительно, потому что приводитъ нашъ духъ въ неравенство, въ дисгармонію съ самимъ собою, вслѣдствіе безсознанія. Выньте рыбу изъ воды—она издохнетъ, потому что вода есть стихія, которою она дышетъ; лишите человѣка сознанія—онъ будетъ несчастливъ, потому что сознаніе есть стихія его духовной жизни. И потому, когда человѣкъ дѣлаетъ то, чего, по его сознанію, ему не должно дѣлать, онъ разрушаетъ свою внутреннюю гармонію, потому что поступаетъ противъ сознанія. Если человѣкъ наслаждается полнымъ счастіемъ, и внѣшнимъ и внутреннимъ, и если, не имѣя твердости лишиться внѣшнихъ выгодъ, условливающихъ его счастіе, онъ для сохраненія ихъ поступитъ недобросовѣстно, то непремѣнно лишается не только своего внутренняго счастія, но и внѣшняго, потому что не внѣшнимъ счастіемъ условливается внутреннее, а внутреннимъ внѣшнее. Напротивъ, хотя человѣкъ, который оставилъ своего отца, мать, братьевъ и сестеръ, жену и дѣтей, составлявшихъ счастіе его жизни, оставилъ свое достояніе обезпечивающее его жизнь, и оставилъ бы для того, чтобы не поступить противъ своего убѣжденія и подлостью не купить обладанія условіями своего счастія, словомъ для того, чтобы не нарушить заповѣди Спасителя: «иже любитъ отца или матерь паче мене, нѣсть мене достоинъ; и иже любитъ сына или дщерь паче мене, нѣсть мене достоинъ; и иже не пріиметъ креста своего, и въ слѣдъ мене не грядетъ, нѣсть мене достоинъ»; хотя, говорю, такой человѣкъ и былъ бы мученикомъ, страдальцемъ, но все не лишился бы своего внутренняго блаженства, т. е. все бы остался ра-

венъ самому себѣ, въ мирѣ и гармоніи съ самимъ собою, и еще въ большей гармоніи, нежели былъ прежде, потому что въ самомъ страданіи нашелъ бы новое высокое блаженство, состоящее въ сознаніи исполненнаго долга, поддержаннаго человѣческаго достоинства, хотя страданіе тѣмъ не менѣе осталось бы страданіемъ. Итакъ, вотъ что̀ совѣсть: сознаніе гармоніи или дисгармоніи своего духа. Очевидно, что она есть только слѣдствіе сознанія хорошаго или дурнаго поступка, а не самое сознаніе, и потому не можетъ направлять нашей дѣятельности, которая должна управляться непосредственно самимъ разумомъ или сознаніемъ: другими словами, мы не совѣстью понимаемъ, что̀ хорошо или дурно, а сознаніемъ. Если дикарь душитъ своего престарѣлаго отца, то онъ дѣлаетъ это не по внушенію своей совѣсти, а по неправильнымъ понятіямъ своего разума; и потому-то онъ бываетъ правъ передъ своей совѣстью, и очень естественно, что она не только не наказываетъ его за подобный поступокъ, но еще награждаетъ, потому что совѣсть никогда не бываетъ во враждѣ съ убѣжденіемъ, будетъ ли оно истинно, или ложно. Итакъ, у всѣхъ народовъ могутъ быть различныя понятія о добрѣ и злѣ, смотря по степени ихъ сознанія, но совѣсть вездѣ одна и та же, и отрицать ея существованіе различіемъ правилъ нравственности у разныхъ народовъ значитъ еще несомнѣннѣе утверждать ея существованіе.

Какія нужны побужденія для нравственно добраго поступка. Для того, чтобы поступокъ былъ совершенно добрымъ, требуется, чтобы побудительными причинами для дѣятельности нравственно-разумнаго существа были: 1) познаніе добра и 2) любовь къ добру и первообразу всего добраго.

Ибо не только внѣшнее дѣйствіе должно быть добрымъ, но и самое чувствованіе или, что̀ одно и то же, самое намѣреніе, которое составляетъ душу поступка. Поэтому совершенно добрый поступокъ есть принадлежность только человѣка съ образованнымъ умомъ и сердцемъ. Впрочемъ, само собою разумѣется, что доброе намѣреніе

не можетъ оправдать худаго поступка; ибо добрая цѣль не можетъ облагородить низкаго средства (§ 30).

Понятіе поступковъ нравственно-безразличныхъ. Нѣтъ въ нравственномъ смыслѣ поступковъ различныхъ, т. е. нѣтъ никакого свободнаго поступка, который бы не былъ ни добръ, ни худъ. Ибо въ области нравственной всѣ возможныя отношенія жизни нашей должны быть опредѣлены чистотою чувствованія. Здѣсь все зависитъ отъ того, съ какимъ намѣреніемъ мы поступаемъ; но намѣреніе никогда не можетъ быть безразличнымъ, потому что оно всегда должно быть направлено къ высочайшему добру; слѣдовательно невозможно никакое дѣйствіе въ нравственномъ отношеніи безразличное.

Только тѣ поступки могутъ считаться безразличными, которые не имѣютъ никакого отношенія къ свободѣ, но они поэтому не относятся къ нравственному бытію человѣчества (§ 31).

Все это прекрасно и вѣрно, потому что выведено изъ законовъ необходимости, а не изъ опыта. Особенно замѣчательны двѣ мысли. «Совершенно добрый поступокъ есть принадлежность только человѣка съ образованнымъ умомъ и сердцемъ», говоритъ авторъ, и говоритъ глубокую истину. Есть люди съ зародышемъ въ душѣ всего великаго и прекраснаго, но не развившіе этого зародыша сознаніемъ, и потому они способны только къ мгновеннымъ порывамъ къ добру и дѣлаютъ поступки, которые противорѣчатъ всей остальной ихъ жизни. Добрые поступки у нихъ безсознательны, и потому не имѣютъ никакого достоинства, никакой цѣны, потому что они не суть слѣдствіе ихъ воли, а слѣдствіе ихъ организма. Зародышъ всего прекраснаго можетъ скрываться въ нашемъ организмѣ, и пока онъ не разовьется сознаніемъ, всѣ хорошіе поступки будутъ плодомъ его животности, будутъ безсознательны. Только тотъ чувствуетъ человѣчески, а не животно, кто понимаетъ свое чувство и сознаетъ его. У такого человѣка прекрасный организмъ есть средство, а не причина его совершенства, потому что причина совершенства должна заключаться въ сознаніи и волѣ. И потому-то справедливо, что истинно-добръ только тотъ, кто разуменъ; слѣдовательно только

тѣ поступки, которые происходятъ подъ вліяніемъ сознающаго разума, могутъ назваться добрыми, а не тѣ, которые проистекаютъ изъ животнаго инстинкта; иначе вѣрная собака и послушная лошадь были бы существами самыми добродѣтельными. И потому, по нашему мнѣнію, нѣтъ ничего жальче и ничтожнѣе тѣхъ людей, въ похвалу которыхъ нельзя сказать ничего, кромѣ того что они «добрые люди». Вѣрно всякому случалось называть кого нибудь вслухъ пустымъ малымъ и слышать въ защищеніе его тысячу голосовъ, которые кричатъ: «да онъ добрый человѣкъ!» Конечно, такой «добрый человѣкъ» точно добрый человѣкъ, но только въ смыслѣ французскаго выраженія «bon-homme», и очень хорошо напоминаетъ собою вѣрную собаку и послушную лошадь.

«Нѣтъ никакого свободнаго поступка, который бы не былъ ни добръ, ни худъ, потому что поступокъ есть результатъ намѣренія, а намѣреніе никогда не можетъ быть безразлично», говоритъ авторъ, и опять говоритъ глубокую истину. Если поступокъ вышелъ изъ сознательнаго желанія сдѣлать добро, онъ добръ, хотя бы и не достигъ своей цѣли и не произвелъ никакихъ благихъ слѣдствій; если же въ намѣреніе примѣшивался разсчетъ эгоизма— поступокъ дуренъ, безнравственъ, хотя бы и произвелъ благія слѣдствія. Добро тогда только добро, когда оно само себѣ цѣль. Бѣлое не можетъ быть чернымъ, а черное бѣлымъ; кто не уменъ, тотъ глупъ, кто не благороденъ, тотъ подлъ; съ истиной не можетъ и не должно быть торга, договоровъ, условій и уступокъ. Когда богачъ, спрашивавшій Христа о средствахъ къ спасенію, не согласился раздать бѣднымъ своего богатства и идти вслѣдъ за Спасителемъ, онъ былъ лишенъ царствія Божія, хотя отъ юности строго выполнялъ всѣ правила закона. Кто сознаетъ необходимость усовершенствованія и ежеминутно не улучшается столько, сколько можетъ, тотъ подлъ, хотя бы онъ былъ

выше тысячи людей, хотя бы цѣлыя тысячи признавали въ немъ идеалъ благородства,—подлъ передъ самимъ собою, виноватъ и преступенъ передъ высшимъ судомъ нравственности, передъ судомъ своей совѣсти. Кто говоритъ: «я знаю то и то, съ меня довольно этого», или: «я возвысился до такой степени, что я лучше многихъ, съ меня этого довольно», тотъ богохульствуетъ, потому что идеалъ человѣческаго совершенства есть Христосъ, а всякій обязанъ стремиться къ возвышенію себя до идеала. Достигнетъ ли онъ его, или нѣтъ, это не его дѣло; по крайней мѣрѣ, онъ долженъ работать надъ собою каждую минуту, чтобы съ лихвою возвратить Господу полученный отъ него талантъ. Кто же отрицаетъ въ себѣ способность къ усовершенствованію по слабости ума и недостатку чувства, тотъ отрицаетъ, что онъ созданъ по образу и по подобію Божію, тотъ отказывается отъ человѣческаго достоинства и не имѣетъ права называть людей своими ближними и братьями.

Молитва. Молиться значитъ жить въ присутствіи Божества, потому что молитва есть бесѣда нашего духа съ Богомъ. Она бываетъ или внутренняя, когда заключается въ тихомъ созерцаніи Божества, созерцаніи, глубину котораго не въ состояніи выразить никакія слова, или внѣшняя, когда изливается въ словѣ, когда языкъ невольно движется отъ избытка сердечныхъ чувствованій.

Въ обоихъ случаяхъ, молитва питаетъ умъ и сердце человѣка, просвѣщаетъ разсудокъ и укрѣпляетъ волю; потому что, кромѣ того, что духъ нашъ не можетъ не дѣлаться совершеннѣе, возвышаясь къ идеалу всѣхъ совершенствъ, — во всѣ времена и всѣми народами признаваема была необходимость молитвы, и пренебреженіе ея почиталось признакомъ совершеннаго упадка духа и чрезвычайной его привязанности къ земному (§ 37).

Здѣсь мы опять невольно останавливаемся, но уже для того, чтобы вполнѣ согласиться съ почтеннымъ авторомъ и отдать должную справедливость его мышленію. Онъ сказалъ о молитвѣ очень немного, но какъ въ этомъ немногомъ заключается опредѣленіе молитвы, выведенное изъ

разума и основанное на законѣ необходимости, то это немногое заключаетъ въ себѣ безконечный рядъ послѣдовательныхъ идей, которыя можно изъ него вывести, словомъ. заключаетъ въ себѣ цѣлую теорію молитвы, какъ малое зерно заключаетъ въ себѣ огромное дерево.

Теперь мы думаемъ, что довольно познакомили нашихъ читателей съ брошюркой г. Дроздова; но хотимъ сдѣлать изъ нея еще одно извлеченіе и поговорить по поводу этого извлеченія, содержаніе котораго касается одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ нравственной философіи. Въ его «частной или прикладной» нравственной философіи есть глава подъ титуломъ: «нравственная жизнь, разсматриваемая въ гармоніи съ нами самими».

Основаніе этой гармоніи. Согласіе нравственнаго бытія съ нашею собственною личностію проистекаетъ изъ благочестивой увѣренности въ томъ, что мы не принадлежимъ исключительно намъ самимъ, но составляемъ собственность Божества и человѣчества. Въ этомъ случаѣ нравственное чувство разливаетъ свой свѣтъ, свою жизнь, на тѣло и духъ человѣка, имѣя непосредственнымъ предметомъ тотъ долгъ, которымъ мы обязываемся сохранять себя и облагороживать.

Человѣкъ долженъ стремиться къ своему совершенству и поставлять свое блаженство только въ томъ, что сообразно съ его долгомъ: вотъ основный законъ нравственности. Причина этого закона заключается въ немъ же самомъ, т. е. въ томъ, что человѣкъ есть человѣкъ, органъ сознанія природы, сосудъ духа Божія, и еще въ томъ, что человѣкъ есть членъ великаго семейства, которое называется «человѣчествомъ». Итакъ, этотъ законъ совершенно условливаетъ и опредѣляетъ значеніе человѣка и его обязанности. Человѣкъ носитъ въ душѣ своей всѣ зародыши, всѣ элементы той степени сознанія, до которой ему назначено достигнуть; но развитіе этого сознанія невозможно для него самого, отдѣльно взятаго, потому что оно требуетъ толчковъ и побужденій извнѣ, а эти толчки и внѣшнія побужденія происходятъ изъ симпатіи, связывающей

людей между собою, и взаимныхъ отношеній, существующихъ между ними. Симпатія человѣка къ людямъ происходитъ отъ его родственности съ ними, отъ тождественности его стремленія и цѣли съ ихъ стремленіемъ и цѣлью, такъ что въ нихъ онъ любитъ себя, а ихъ любитъ въ себѣ: другими словами: его сознаніе любитъ ихъ сознаніе, т. е. онъ любитъ сознаніе самого себя въ другомъ субъектѣ, потому что любовь есть сознаніе, сознающее само себя и въ актѣ сознанія самого себя ощущающее блаженство. Иначе чѣмъ бы объяснили мы, что человѣкъ естественно любитъ только тѣхъ людей, которые стоятъ съ нимъ на болѣе или менѣе равной степени сознанія, и что онъ не только совершенно равнодушенъ и холоденъ къ людямъ, которые стоятъ на несравненно низшей степени развитія, или вовсе не обнаруживаютъ никакого стремленія къ развитію, но даже чувствуетъ къ нимъ отвращеніе, родъ ненависти, такъ что ему несносенъ ихъ видъ, тяжела ихъ бесѣда, словомъ, мучительно всякое соприкосновеніе съ ними? Взаимныя отношенія людей условливаются разностію степеней и разносторонностію сознанія, посредствомъ которыхъ люди взаимно дѣйствуютъ другъ на друга. Каждый человѣкъ развиваетъ собою одну сторону сознанія и развиваетъ ее до извѣстной степени; а возможно-конечное и возможно-всеобщее сознаніе должно произойдти не иначе, какъ вслѣдствіе этихъ разностороннихъ и разнообразныхъ сознаній. И поэтому одному человѣку невозможно достигнуть полнаго и совершеннаго развитія своего сознанія, которое возможно только для цѣлаго человѣчества и которое будетъ результатомъ соединенныхъ трудовъ, вѣковой жизни и историческаго развитія человѣческаго духа. Слѣдовательно всякій индивидъ есть членъ, есть часть этого великаго цѣлаго, есть сотрудникъ и споспѣшествователь его къ достиженію его цѣли, потому что, развивая свое собственное сознаніе онъ необходимо отдаетъ, завѣщеваетъ

его въ общую сокровищницу человѣческаго духа. Каждый человѣкъ долженъ любить человѣчество, какъ идею полнаго развитія сознанія, которое составляетъ и его собственную цѣль, слѣдовательно каждый человѣкъ долженъ любить въ человѣчествѣ свое собственное сознаніе въ будущемъ, а любя это сознаніе, долженъ споспѣшествовать ему. И вотъ его долгъ, его обязанности и его любовь къ человѣчеству. Эта сладкая вѣра и это святое убѣжденіе въ безконечномъ совершенствованіи человѣческаго рода должны обязывать насъ къ нашему личному, индивидуальному совершенствованію, должны давать намъ силу и твердость въ стремленіи къ нему. Иначе, что̀ же была бы наша земная жизнь? Какой бы смыслъ имѣла наша жажда улучшенія и обновленія? Не было ли бы все это калейдоскопическою игрою безсмысленныхъ тѣней, пустымъ оборотомъ колеса около оси, утвержденной на воздухѣ?

Нѣтъ! не напрасно лучезарное солнце такъ величественно обтекаетъ голубое, далекое небо и проливаетъ на насъ и свѣтъ и теплоту, и жизнь и радость; не напрасно мерцаютъ для насъ звѣзды таинственнымъ блескомъ и томятъ душу нашу тоскою, какъ воспоминаніе о милой родинѣ, съ которою мы давно разлучены и къ которой рвется душа наша; не напрасно всѣ міры связаны между собою электрическою цѣпью любви и сочувствія, и все живущее, все дышущее составляетъ звено въ этой безконечной цѣпи; не напрасно человѣкъ и родится и умираетъ, и веселится и скорбитъ, и горячо любитъ милое и горько рыдаетъ лишаясь его, и не переживаетъ своихъ склонностей и, стоя на прагѣ вѣчности, вспоминаетъ объ нихъ еще живѣе, и рыдаетъ объ нихъ еще горше, и сладки ему слезы его; не напрасно человѣкъ стремится къ какому-то блаженству и ищетъ его всю жизнь, ищетъ его и въ шумныхъ наслажденіяхъ юности, и въ безумномъ упоеніи пировъ, и въ ужасахъ кровавыхъ битвъ, и въ тревогахъ опасностей, и въ обольще-

нiи славы, и въ очарованiи власти, и въ нѣгѣ бездѣйствiя, и въ сладости труда, и въ свѣтѣ знанiя, и въ наслажденiи искусствами, и въ любви другаго сердца, и... нерѣдко въ тиши монастырской кельи, въ борьбѣ съ своими желанiями, въ печальномъ наслажденiи заживо рыть себѣ могилу, своими собственными руками... И горе ему, если онъ искалъ этого блаженства путемъ ложнымъ, если думалъ обрѣсти его въ исполненiи своихъ безсознательныхъ, эгоистическихъ желанiй; и благо ему, если онъ искалъ его тамъ, гдѣ оно есть, искалъ его въ сознанiи и путемъ сознанiя!... Нѣтъ, еще разъ! вѣчность не мечта, не мечта и жизнь, которая служитъ къ ней ступенью! Много въ ней дурнаго, но еще больше прекраснаго: есть въ ней слабости, пороки и злодѣянiя; но есть и слезы раскаянiя, жгучiя и вмѣстѣ отрадныя, слезы раскаянiя, въ глухую полночь, передъ крестомъ Распятаго за насъ; есть паденiе, но есть и возстанiе: есть стремленiе, но есть и достиженiе, есть минуты горькiя, убiйственныя, минуты сомнѣнiя и отчаянiя, минуты разрушительной дисгармонiи съ самимъ собою, отвращенiя отъ жизни, но есть и упоительныя минуты вѣры, когда въ груди бываетъ такъ тепло, на душѣ такъ свѣтло, жизнь становится такъ прекрасна, такъ полна, такъ тождественна съ блаженствомъ; есть страданiя глубокiя, невыносимыя, есть бѣдствiя, переполняющiя мѣру терпѣнiя и превращающiя для насъ землю въ адъ, гдѣ слышенъ скрежетъ зубовъ, откуда вѣетъ хладною могильною сыростью, гдѣ нѣтъ ни исхода, ни конца; но изъ этого мiра разрушенiя и смерти слышится душѣ отрадный голосъ: «прiидите ко мнѣ вси труждающiися и обремененнiи, и азъ упокою вы; возьмите иго мое на себя и научитеся отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ; иго бо мое благо, и бремя мое легко есть». Тогда душа снова наполняется блаженствомъ неизъяснимымъ, и смрадное кладбище гнiющей жизни превращается для ней

въ тихую долину успокоенія, гдѣ могилы покрыты травою и цвѣтами, осѣнены печальными кипарисами, гдѣ журчаніе свѣтлаго ручья сливается съ унылымъ ропотомъ вѣтерка, а вдали, за горою, виднѣется край вечерѣющаго неба, осіяннаго, облитаго багряными лучами заходящаго солнца—и ей мнится, что въ этой торжественной тишинѣ она созерцаетъ тайну вѣчности, что она видитъ новую землю, новое небо!

1836, сентября 13.

1835.

МОЛВА *).

*) Молва въ этомъ году выходила отдѣльно отъ Телескопа in 4⁰.

II.

БИБЛІОГРАФІЯ *).

*) Обязанность сказать что-нибудь о всякой вышедшей книгѣ, даже не заслуживающей никакого вниманія, заставляла нерѣдко Бѣлинскаго ограничиваться только легкимъ упоминовеніемъ о ней или однимъ изложеніемъ содержанія. Всѣ такіе, не имѣющіе никакого значенія отзывы, мы исключили. Для оправданія же себя въ этомъ отношеніи, помѣщаемъ перечень ихъ въ концѣ библіографіи каждаго года и журнала.

ИЗГНАННИКЪ. *Историческій романъ. Соч. Богемуса. Перев. съ нѣмецкаго В.....ъ. Спб. 1834, три части.*

Неизвѣстный переводчикъ сего романа жалуется въ своемъ предисловіи, что «въ послѣдніе годы почти исключительно удостоились (?) перевода на русскій языкъ французскіе романы, нѣмецкія же сочиненія сего рода какъ бы вовсе не существовали», несмотря на то, что «въ Германіи столько есть и ежегодно вновь (?) является отличныхъ беллетристовъ (??), коихъ геніальныя сочиненія не извѣстны въ русской словесности», и объявляетъ, что, вслѣдствіе сего, онъ предпринялъ благое намѣреніе «ознакомить благосклонныхъ *) читателей съ нѣкоторыми, заслужившими славу, современными писателями Германіи, и на тщательные переводы по одному изъ лучшихъ ихъ сочиненій посвятить часы своего досуга». Это объявленіе или обѣщаніе, несмотря на дѣтскій способъ выраженія, должно обрадовать всѣхъ истинныхъ любителей изящнаго, особенно незнакомыхъ съ нѣмецкимъ языкомъ, и рецензентъ, съ своей стороны, отъ всей души благодаритъ неизвѣстнаго переводчика за прекрасное предпріятіе и желаетъ ему полнаго успѣха. Въ самомъ дѣлѣ, у насъ вообще слишкомъ мало дорожатъ славою переводчика. А мнѣ кажется, что теперь-то именно и должна бы въ нашей литературѣ быть

*) Почему же именно благосклонныхъ, а не просвѣщенныхъ и образованныхъ читателей, или, по крайней мѣрѣ, не русскую публику.?

эпоха переводовъ или, лучше сказать, теперь вся наша литературная дѣятельность должна обратиться исключительно на одни переводы какъ ученыхъ, такъ и художественныхъ произведеній. Теперь курсъ на «россійскія» издѣлія чрезвычайно понизился; публика требуетъ дѣльнаго и изящнаго, и, не находя на отечественномъ языкѣ ни того, ни другаго *), по неволѣ читаетъ одно иностранное. Новыя погудки на старый ладъ надоѣли всѣмъ пуще горькой рѣдьки; авторитеты обанкрутились и потеряли свой кредитъ; очарованіе именъ исчезло; словомъ, наше общество требуетъ уже не мыльныхъ пузырей, а дѣльнаго чтенія. Оригинальное уже не удовлетворяетъ его, ибо оно видимо обгоняетъ въ образованіи тѣхъ корифеевъ, которымъ бывало поклонялось. Посему надобно пользоваться подобнымъ направленіемъ общества и удовлетворять по возможности его требованіямъ. Для этого одно средство: знакомство съ европейскими образцами въ искусствѣ, европейскою ученостію и образованностію. У насъ только богатые люди, и притомъ живущіе въ столицахъ, могутъ пользоваться неисчерпаемыми сокровищами европейскаго генія; но сколько есть людей, даже въ самыхъ столицахъ, а тѣмъ болѣе въ провинціяхъ, которые жаждутъ живой воды просвѣщенія, но по недостатку въ средствахъ, или по незнанію языковъ, не въ состояніи утолить своей благородной жажды! Итакъ, намъ надо больше переводовъ какъ собственно ученыхъ, такъ и художественныхъ произведеній. О пользѣ говорить нечего: она такъ очевидна, что никто не можетъ въ ней сомнѣваться; главная же польза послѣднихъ, кромѣ наслажденія истинно изящнымъ, состоитъ наи-

---

*) За весьма немногими исключеніями, и то въ пользу ученой литературы, разумѣю полезные и благородные труды гг. Устрялова, Сидонскаго и нѣкоторыхъ другихъ, несмотря на всеобщее коммерческое направленіе, безкорыстно подвизающихся на пользу и славу отечества.

болѣе въ томъ, что они служатъ къ развитію эстетическаго чувства, образованію вкуса и распространенію истинныхъ понятій объ изящномъ. Кто прочтетъ и пойметъ хотя одинъ романъ Вальтеръ-Скотта или Купера, тотъ будетъ въ состояніи вполнѣ оцѣнить какого-нибудь «Димитрія Самозванца», или какую-нибудь «Черную Женщину», ибо достоинство вещей всего вѣрнѣе познается и опредѣляется сравненіемъ. Да—сравненіе есть самая лучшая система и критика изящнаго. Сверхъ того переводы необходимы и для образованія нашего, еще не установившагося языка; только посредствомъ ихъ можно образовать изъ него такой органъ, на коемъ бы можно было разыгрывать всѣ неисчислимыя и разнообразныя variаціи человѣческой мысли.

Итакъ—честь и слава г. переводчику «Изгнанника» за его прекрасное намѣреніе! Но намѣреніе и исполненіе, къ несчастію, не одно и то же; и потому я хочу шепнуть ему на ушко нѣчто такое, о чемъ онъ, кажется, не думалъ, а именно: мало того, чтобы только переводить, надо знать: что̀ и какъ переводить. Въ предисловіи своемъ онъ сказалъ, что рѣшился переводить сочиненія отличныхъ германскихъ беллетристовъ, а между тѣмъ перевелъ намъ не только не отличное, но рѣшительно посредственное произведеніе. Ибо, что̀ такое «Изгнанникъ» Богемуса? Ни больше, ни меньше, какъ довольно обыкновенный сколокъ съ романовъ Вальтеръ-Скотта, а отнюдь не оригинальное и самобытное созданіе. Богемусъ, по крайней мѣрѣ въ своемъ «Изгнанникѣ», шелъ по пути давно уже истертому и избитому: онъ хотѣлъ въ обветшалую раму любви двухъ лицъ вставить картину Богеміи во время Тридцатилѣтней войны и очень неудачно это выполнилъ. Вы не найдете въ его сочиненіи ни духа того времени, ни вѣрной картины тогдашняго быта, ни героевъ этой великой эпохи исторіи человѣчества. Правда, въ немъ появляется, мелькомъ, на минуту, и то только въ концѣ третьей части, Валленштейнъ,

по для романа не было бы ни малѣйшей потери, если бы онъ совсѣмъ не появлялся; правда, въ немъ вы видите графа Турна, но вы ничего не потеряли бы, если бы совсѣмъ его не видѣли; о Густавѣ Адольфѣ и другихъ персонажахъ великой драмы Тридцатилѣтней войны нѣтъ и помину; да и дѣйствіе романа начинается почти съ того времени, какъ герцогъ Фридландскій согласился на унизительныя просьбы Фердинанда II, принять начальство надъ войскомъ. Только плутни и козни іезуитовъ изображены довольно занимательно. Характеровъ и положеній оригинальныхъ нѣтъ, почти все одни общія мѣста; словомъ, этотъ романъ даже и у насъ не былъ бы изъ первыхъ. Итакъ г. переводчикъ сдѣлалъ очень неудачный выборъ пьесы для своего дебюта; вотъ первая и главная его ошибка. Чтобы заохотить публику къ произведеніямъ такой литературы, которая мало извѣстна, надобно выбирать творенія превосходныя и характеризующія духъ націи. Историческій романъ не нѣмецкое дѣло. Романъ философическій и фантастическій—вотъ ихъ торжество. Нѣмецъ не представитъ вамъ, какъ Англичанинъ, человѣка въ отношеніи къ жизни народа, или какъ Французъ, въ отношеніи къ жизни общества; онъ анализируетъ его въ высочайшія мгновенія его бытія, изображаетъ его жизнь въ отношеніи къ высшей міровой жизни, и остается вѣренъ этому направленію даже и въ историческомъ романѣ. Таковъ онъ и въ другихъ родахъ поэзіи: маркизъ Поза не Испанецъ, Максъ, Текла и Фаустъ — не Нѣмцы, а люди.

ПОСЕЛЬЩИКЪ. *Сибирская повѣсть. Соч. Н. Щ., автора Поѣздки въ Якутскъ. Спб. 1834.*

Съ нѣкотораго времени въ нашей литературѣ появился особенный родъ романовъ, которые пишутся съ какою-ни-

будь предположенною полезною цѣлію; эти романы называются правоописательными, сатирическими, административными, историческими, политико-экономическими, учеными и пр.; но мнѣ кажется, что ихъ всего лучше назвать заказными, ибо, подобно платью и сапогамъ, они работаются на всякую мѣрку, заранѣе снятую. Разумѣется, въ издѣліяхъ сего рода басня или содержаніе ничего не значитъ, ибо служитъ только рамою, въ которую вставляются диссертаціи на разные ученые предметы. Эта басня или содержаніе во всѣхъ романахъ бываетъ одна и та же, независимо отъ народа и эпохи, къ которымъ она относится: какой нибудь чувствительный и великодушный шутъ, герой добродѣтели въ родѣ Эраста Чертополохова, ищетъ руки и сердца какой-нибудь Дульцинеи; имъ мѣшаютъ, ихъ разлучаютъ какіе-нибудь злодѣи, какіе-нибудь «изверги естества», въ лицѣ корыстолюбиваго опекуна или жестокосердыхъ родителей; но наши герои не унываютъ, и послѣ многихъ разлукъ, неудачъ и опасностей соединяются на вѣки и начинаютъ жить да поживать, да добра наживать. Бѣдный читатель зѣваетъ, морщится, клянетъ сквозь слезы и глупаго любовника, и приторную героиню, и негодяевъ разлучниковъ, которые, вопреки здравому смыслу и на зло вольному мученику мѣшаютъ веселымъ пиркомъ да и за свадебку. Но не жалѣйте слишкомъ этого читателя, онъ не въ потерѣ: вѣнецъ есть награда добровольнаго мученичества. За свою скуку, за свою зѣвоту онъ избавляется отъ ужасной необходимости читать и изучать систематическія ученыя и учебныя книги, и лежа у себя на постелѣ, въ домашнемъ дезабилье, узнаетъ, напримѣръ, нѣкоторыя подробности стрѣлецкаго бунта при Петрѣ Великомъ, узнаетъ, что и въ Камчаткѣ бываетъ свое лѣто, узнаетъ, что Пекинъ главный городъ Китая, что Алжиръ въ Африкѣ, и тому подобныя истины. Нашъ вѣкъ—чудный вѣкъ: никогда удобства жизни и средства къ выполненію самыхъ дорогихъ

желаній самыми дешевыми средствами не были такъ легки и доступны для всѣхъ и каждаго. Скоро бѣдные перестанутъ завидовать богатымъ: вы абонируетесь у Семена, Эльцнера, Глазунова—и вотъ вамъ за какіе-нибудь полтораста, двѣсти рублей въ годъ всѣ сокровища европейскаго и «россійскаго» генія; вы жертвуете, въ продолженіе шести лѣтъ, въ разные сроки сто восемьдесятъ рублей — и, не топча пороговъ университетскихъ аудиторій, не добиваясь ученыхъ степеней, не ломая головы надъ нѣмецкими и французскими грамматиками и словарями, знаете все, что знаетъ какой-нибудь многоученый профессоръ нѣмецкаго университета, и, между прочими диковинками, знаете званіе, производство въ чины и лѣта жизни Ломоносова; издается ученая книга: она вамъ необходима, но по своему объему дорога, не по вашему карману; не печальтесь: она выходитъ тетрадями (par livraisons), а эти тетради продаются по гривеннику, много по двугривенному; откажите себѣ въ удовольствіи проѣхать нѣсколько разъ на ванькѣ— и книга ваша. Слава нашему вѣку! Но этимъ еще не все кончилось: промышленность пошла далѣе. Вы, можетъ быть, не знаете языковъ и потому не можете читать иностранныхъ произведеній; вы, можетъ быть, человѣкъ дѣловой— вамъ некогда читать и русскихъ книгъ; вы, можетъ быть, немножко лѣнивы или имѣете антипатію къ скучнымъ нынѣшнимъ путешествіямъ, и ко всему, что отзывается тяжелою ученостію, а между тѣмъ не хотите отстать отъ вѣка и прослыть невѣждою: не отчаявайтесь—къ вашимъ услугамъ романы, о которыхъ я говорилъ выше сего. Легкое средство! прекрасное средство! Что вамъ угодно знать? Исторію, географію, статистику, политическую экономію, философію, физику, химію? Вы все это будете знать - увѣряю васъ, только не лѣнитесь читать романовъ и повѣстей гг. Булгарина, Греча, Масальскаго, Калашникова, Барона Брамбеуса и мн. др. Одному только не выучитесь вы изъ

нихъ—математикѣ. Охъ, эта проклятая математика! сердитъ я на нее: какъ не бьюсь, а не лѣзетъ въ голову! Гг. русскіе романисты! напишите, Бога ради, математическій романчикъ; уроки математики нынѣ очень вздорожали: вашъ романъ скоро разойдется!..

Но шутки въ сторону; скажу серьезно слова два объ этомъ странномъ явленіи. Кто виновникъ этого ложнаго рода романовъ, этого святотатственнаго искаженія искусства? Вальтеръ-Скоттъ: по-дѣломъ такъ нападаетъ на него почтеннѣйшій Баронъ Брамбеусъ. Да, въ этихъ чудовищныхъ романахъ виноватъ одинъ Вальтеръ-Скоттъ; но не будемъ слишкомъ строги къ великому генію, къ славѣ и гордости нашего вѣка; ибо онъ виноватъ въ семъ преступленіи также точно, какъ, напримѣръ, у насъ Пушкинъ виноватъ въ «Киргизскихъ» и другихъ «плѣнникахъ», какъ Крыловъ виноватъ въ басняхъ Маздорфа и г. Зилова, какъ, комедія «Горе отъ ума» виновата въ комедіи: «Смѣшны мнѣ люди» и пр. Развѣ человѣкъ, вѣнецъ Божія созданія, хуже отъ того, что обезьяна имѣетъ съ нимъ какое-то отвратительное сходство и безпрестанно передразниваетъ его? Развѣ искусство менѣе божественный даръ отъ того, что глупость и бездарность смѣшиваетъ его съ ремесломъ? Развѣ художникъ менѣе сынъ неба отъ того, что цеховые мастера выдаютъ себя за художниковъ?

Вальтеръ-Скоттъ создалъ, изобрѣлъ, открылъ, или, лучше сказать, угадалъ эпопею нашего времени—историческій романъ. По его слѣдамъ пустились многіе люди, ознаменованные печатію высокаго таланта и даже генія; но, несмотря на то, онъ остался единственнымъ въ семъ родѣ геніемъ. Есть люди, которые отъ души убѣждены, что историческій романъ есть родъ ложный, оскорбляющій достоинство и искусства и исторіи. Одно изъ важнѣйшихъ доказательствъ ихъ состоитъ въ томъ, что романисты часто искажаютъ историческую истину; но понимаютъ ли эти люди, что та-

кое историческая истина? Понимаютъ ли они, что въ высшемъ-то значеніи сего слова она состоитъ не въ вѣрномъ изложеніи фактовъ, а въ вѣрномъ изображеніи развитія человѣческаго духа въ той или другой эпохѣ? Но кто уловилъ этотъ духъ? Развѣ изъ однихъ и тѣхъ же фактовъ не выводятъ различныхъ результатовъ? Одинъ историкъ говоритъ то, другой другое, и между тѣмъ они оба подкрѣпляютъ свои противоположныя мнѣнія одними и тѣми же фактами. И кто рѣшитъ, который изъ нихъ правъ? Причина этому очевидна: здѣсь искусство совпадаетъ съ наукою; историкъ дѣлается художникомъ, и художникъ историкомъ. Какая цѣль историка? Уловить духъ изображаемаго имъ народа или изображаемаго имъ человѣчества въ какую нибудь эпоху его жизни, такимъ образомъ, чтобы въ его изображеніи видно было біеніе этой жизни, чтобы сквозь его разсказъ трепетала та живая идея, которую выразилъ собою народъ или человѣчество, въ ту или другую эпоху своего бытія. Въ семъ смыслѣ, Вальтеръ-Скоттъ, въ своемъ «Ивангое» и «Карлѣ Безразсудномъ», есть историкъ въ полномъ и высшемъ значеніи сего слова, ибо онъ въ сихъ созданіяхъ своего громаднаго генія начерталъ намъ живой идеалъ среднихъ вѣковъ. Прочтя эти два романа, вы не будете знать исторіи среднихъ вѣковъ, но будете знать сокровенную жизнь этой эпохи человѣчества; прочтя ихъ, вы будете въ исторіи и въ фактахъ искать повѣрки этого поэтическаго синтеза, и эти факты не будутъ для васъ мертвы. И это очень естественно: между идеалами и дѣйствительностію совсѣмъ нѣтъ такого неизмѣримаго пространства, какое обыкновенно предполагаютъ; ибо что̀ такое вся вселенная, какъ не воплощенный идеалъ, созданный Всемогущимъ Художникомъ? Развѣ вы можете постигнуть ея жизнь однимъ умомъ? Умъ анализируетъ жизнь вселенной, ибо не можетъ охватить ея вдругъ: искусству предоставлено синтетическое представленіе ея жизни, ибо цѣль искусства

есть предображать явленія жизни. Развѣ есть предѣлъ художественнаго творчества, развѣ не можетъ явиться такой художникъ, который въ одномъ созданіи выразитъ цѣлую и полную идею міровой жизни, а не одни ея частныя явленія? Говорятъ еще, не должно мѣшать вымысловъ съ истиною. Но вѣдь—гдѣ жизнь, тамъ и поэзія—это аксіома! а гдѣ же, какъ не въ человѣчествѣ наиболѣе проявляется всеобщая жизнь вселенной, и слѣдовательно, что́ же, какъ не человѣчество, наиболѣе должно служить предметомъ поэтическаго вдохновенія, и потому, что́ же какъ не исторія должна доставлять, если можно такъ выразиться, матеріалы для художественныхъ созданій?

Теперь, очень понятно, въ чемъ состоитъ главное заблужденіе цеховыхъ художниковъ, и въ чемъ заключается главный недостатокъ ихъ заказныхъ издѣлій. Они хотятъ знакомить насъ съ историческими подробностями какой-нибудь эпохи, и неуклюже вставляютъ или, лучше сказать, втискиваютъ ихъ въ пошлую и обветшалую раму любви двухъ лицъ. Жалкіе слѣпцы, они видятъ въ исторіи человѣчества событія и подробности, нравы, и обычаи, а не трепетаніе вѣчной идеи жизни человѣчества, и думаютъ, что они все сдѣлали, если вывели на сцену какое-нибудь историческое лице, вложили ему въ уста нѣсколько фразъ, сказанныхъ имъ при жизни, если съумѣли избѣжать анахронизмовъ и довольно вѣрно съ подлиннымъ намалевать нѣсколько картинъ тогдашняго быта и въ примѣчаніяхъ или выноскахъ подтвердить ссылками на разныхъ авторовъ *) достовѣрность своихъ изображеній. И потому у нихъ вымыслъ съ истиною сливается точно такъ же, какъ масло съ водою, и потому ихъ произведеніе есть анатомическій препаратъ, а не живое созданіе. Бѣдняжки, они не знаютъ того, что и сама исторія, при всей вѣрности представляемыхъ ею

*) Напр., на г. Успенскаго и другихъ.

фактовъ, повѣренныхъ и очищенныхъ критикою, жестоко грѣшитъ противъ исторической истины, если не выражаетъ идеи жизни народа; они не знаютъ, что Вальтеръ-Скоттъ потому такъ увлекателенъ, истиненъ и вѣренъ въ отношеніи къ исторической истинѣ, что выражаетъ духъ избранной имъ эпохи, и не гоняется за подробностями, и что, посему, ему никакого труда не стоило соблюдать мелочную вѣрность въ подробностяхъ.

Искусство есть представленіе явленій міровой жизни; эта жизнь проявляется не въ одномъ человѣчествѣ, но и въ природѣ; посему и явленія природы могутъ быть предметомъ романа. Но среди ея картинъ долженъ непремѣнно занимать какое-нибудь мѣсто человѣкъ. Высочайшій образецъ въ семъ случаѣ Куперъ: его безбрежныя, безмолвныя и величественныя степи, лѣса, озера и рѣки Америки исполнены дыханія жизни; его дикіе, въ соприкосновеніи съ бѣлыми, дивно гармонируютъ съ этою дѣвственною жизнію американской природы. Вотъ другой поэтъ, который, подобно Вальтеръ-Скотту, породилъ своими геніальными созданіями тысячи уродливыхъ чадъ бездарной подражательности. Сколько подобныхъ нелѣпостей въ одной нашей литературѣ! Но и здѣсь также ошибка: наши Куперы изображаютъ намъ не таинственную жизнь природы, вѣющую въ безмолвныхъ, современныхъ міру лѣсахъ и степяхъ Сибири, но мѣстности Сибири. Подъ обольстительнымъ покровомъ поэзіи они хотятъ преподавать намъ скучные уроки минералогіи, зоогнозіи и ботаники, географіи и топографіи.

Такъ врачъ болящаго младенца ко устамъ
Несетъ фіалъ, сластьми упитанъ по краямъ.
Счастливецъ обольщенъ—пьетъ горькое цѣленье:
Обманъ ему далъ жизнь, обманъ—ему спасенье!

Но увы! это горькое цѣленье хуже ревеню или рвотнаго порошка!..

О романѣ, заглавіе котораго выписано предъ началомъ сей статейки, нельзя ничего сказать особеннаго, и потому я нарочно распространялся о томъ родѣ литературныхъ явленій, къ которому онъ относился. Авторъ «Посельщика» говоритъ въ своемъ предисловіи: «Повѣсть сія написана въ 1830 году, во время пребыванія моего въ Сибири, какъ опытъ — выйдетъ ли что-нибудь достойное чтенія изъ нетронутаго тогда еще нашими литераторами сибирскаго быта». Г. Н. Щ. сими немногими строками, обнаруживающими его понятія о творчествѣ, оцѣнилъ свое твореніе какъ нельзя лучше и избавилъ рецензента отъ скучнаго труда разбирать его. Хотя г. Н. Щ. и даетъ вамъ знать, что «Сибиряки говорятъ о г. Калашниковѣ, что онъ забылъ языкъ своей родины, гражданскій бытъ и ошибается противъ географіи и естественной исторіи», но оправдываетъ его тѣмъ, что «изъ рукъ человѣческихъ ничего совершеннаго не вышло». Я же, съ своей стороны, скажу о г. Н. Щ., что онъ не ошибается, по крайней мѣрѣ, противъ географіи и естественной исторіи, ибо объ нихъ въ его романѣ нѣтъ и помину, да и вообще Сибирь въ немъ очень мало видна, ибо большая половина романическаго дѣйствія происходитъ въ Европейской Россіи, где герой романа разсказываетъ исторію своей жизни. О Сибири же собственно мы узнаемъ только то, что тамъ бываетъ очень холодно; что тамъ уходятъ съ заводовъ каторжные и рѣжутъ глупыхъ мужиковъ, которые почитаютъ ихъ умѣющими заговаривать ружья; что Сибирь очень богата естественными произведеніями и т. п. Къ концу книги приложено объясненіе четырехъ словъ и трехъ сибирскихъ фразъ. Чего-жъ вамъ больше? Книжечка, ей Богу хороша—покупайте-съ!

ВЪ ТИХОМЪ ОЗЕРѢ ЧЕРТИ ВОДЯТСЯ. *Старая русская пословица въ лицахъ и въ одномъ дѣйствіи. Θедора Кони. Москва. 1834.*

Имя г. Кони давно уже играетъ нѣкоторую роль въ нашей литературѣ, въ которой, по крайнему безлюдью, почти всѣ имена играютъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую роль. Впрочемъ, нельзя не отдать ему справедливости за его трудолюбіе на избранномъ имъ поприщѣ, на которомъ онъ, надо сказать правду, подвизается не безъ успѣха. Во всякомъ его произведеніи, или, справедливѣе, во всякой его передѣлкѣ, замѣтна способность, литературная образованность и драматическая замашка, замѣтно остроуміе, особенно въ водевильныхъ куплетахъ, словомъ, замѣтны, до нѣкоторой степени, многія качества, необходимыя для сочиненія миленькихъ и маленькихъ эфемеровъ, которые называются водевилями, которые родятся мгновенно и умираютъ разомъ, которые нынѣ приводятъ въ восторгъ непостоянную толпу, а завтра забываются ею.

Не думайте, чтобы я хотѣлъ нападать на водевиль вообще: нѣтъ — сохрани меня Боже! Я слишкомъ далекъ отъ того, чтобы думать и вѣрить, что

Водевиль есть вещь, а прочее все гиль;

но вмѣстѣ съ тѣмъ отнюдь не думаю, чтобы водевиль былъ сущій вздоръ, дѣло отъ бездѣлья, незаконное чадо поэзіи! О, нѣтъ! И онъ можетъ быть художественнымъ произведеніемъ, когда вѣрно изображаетъ характеръ домашней жизни того или другаго народа, со всѣми ея мелочами и странностями. Водевиль есть родъ, созданный Французами, понятный для Французовъ и прекрасный у Французовъ; это ихъ собственность, ихъ добро, ихъ состояніе и онъ имѣетъ у нихъ глубокій смыслъ. Предоставляя высшей драмѣ жи-

вописать игру страстей, анализировать человѣка въ высочайшихъ мгновеніяхъ его бытія, въ сильнѣйшихъ изверженіяхъ внутренней полноты его жизни, въ замѣчательнѣйшихъ отношеніяхъ и соприкосновеніяхъ его индивидуальности съ обществомъ; или бичевать, подобно фуріи, падшаго, искаженнаго, утратившаго образъ и подобіе Божіе человѣка, въ его жалкой борьбѣ съ чувствомъ своего назначенія и обольщеніями эгоизма; предоставляя ей ругаться надъ обществомъ, которое столько времени твердитъ ходячія истины о добрѣ и злѣ, и которое столько времени поступаетъ наперекоръ этимъ истинамъ—водевиль пародируетъ жизнь низшую, жизнь, такъ сказать, домашнюю, семейную и человѣка и общества, подбираетъ крохи, падающія со стола высшей драмы. Онъ относится къ сей послѣдней точно также, какъ эпиграмма относится къ сатирѣ; онъ не хохочетъ яростно надъ жизнію, но строитъ ей рожи, не бичуетъ ее, а гримасничаетъ надъ нею; наконецъ, это ни больше, ни меньше, какъ экспромтъ на какой-нибудь житейскій случай. У насъ нѣтъ водевиля, какъ нѣтъ еще и кой-чего другаго многаго. Наши водевили суть передѣлки или переломки французскихъ водевилей, другими словами, водевили на водевили, а не на жизнь; наше остроуміе выписное, выдохшееся на почтовой дорогѣ при пересылкѣ... Жаль: ибо, кажется мнѣ, наша русская жизнь можетъ доставить истинному таланту неистощимый рудникъ матеріаловъ для народнаго водевиля, и, говорю, для одного только водевиля, больше ни для чего... Но чего нѣтъ, о томъ нечего и говорить!... А потому, какъ вамъ угодно, а труды г. Кони достойны нѣкотораго вниманія и даже уваженія. Повторяю: онъ имѣетъ способности для передѣлокъ съ французскаго этого рода литературныхъ эфемеровъ. Въ его «Въ тихомъ озерѣ черти водятся» есть нѣчто такое, что можетъ васъ заставить если не прочесть, то выслушать эту пьесу на театрѣ безъ скуки, даже не безъ удовольствія; въ ней есть

нѣсколько забавныхъ положеній, нѣсколько миленькихъ куплетцевъ, исполненныхъ веселости. Итакъ, объ этомъ новомъ произведеніи г. Копи нечего много говорить: оно какъ двѣ капли воды похоже на бывшія, сущія и будущія издѣлія, какъ его собственнаго пера, такъ и прочихъ нашихъ гг. водевилистовъ-передѣлывателей. Самая новая, самая диковинная вещица въ сей книжечкѣ есть предисловіе г. передѣлывателя, и объ немъ я хочу сказать слова два.

Г. Копи говоритъ: «Комедія (??) должна быть зеркаломъ, но никогда вывѣскою порочнаго. Этой истинѣ научили меня и горькая участь Аристофана и неудачи первыхъ представителей Мольеровыхъ комедій». Не понимаю: что̀ можетъ имѣть общаго г. Копи съ Аристофаномъ и Мольеромъ? Одинъ жилъ такъ давно, а другаго ставятъ чуть-чуть не наравнѣ съ Шекспиромъ!

Въ заключеніе г. Копи говоритъ: «Знаю, пьеса моя имѣетъ много недостатковъ и погрѣшностей; исправлять ихъ не могу и не хочу: пускай она явится передъ читателями въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ явилась въ первый разъ на подмосткахъ (?) театра, гдѣ пріобрѣла тотъ лестный успѣхъ, который я приписываю болѣе снисхожденію публики къ неусыпнымъ (?!) трудамъ моимъ для сцены, чѣмъ успѣхамъ слабаго моего таланта». Не понимаю: какъ можно намекать съ такою наивностію о своихъ неусыпныхъ трудахъ на поприщѣ столь легкомъ и столь благодарномъ?

«М. г., говоритъ испанскій нищій, протягивая руку къ проходящему, одолжите мнѣ на мѣсяцъ пять сотъ піастровъ». Проходящій подаетъ копѣйку, нищій беретъ ее и говоритъ съ гордостію: «Будьте увѣрены, м. г., что я ровно черезъ мѣсяцъ возвращу вамъ ваши пять сотъ піастровъ».

О, бѣдная наша литература! о, бѣдные наши авторитеты и авторитетики!!

ПОВѢСТИ, *изд. Александромъ Пушкинымъ. Спб. 1834.*

Всему свой чередъ, все подчинено неизмѣннымъ законамъ. За роскошною весною слѣдуетъ жаркое лѣто, а за нимъ унылая осень, а за сею холодная зима. Законы физическіе параллельны съ законами нравственными; юность человѣка есть прекрасная, роскошная весна, время дѣятельности и кипѣнія силъ; она бываетъ однажды въ жизни и болѣе не возвращается. Эпоха юности человѣка есть романъ, за коимъ начинается уже исторія: эта исторія всегда бываетъ скучна и уныла. То же самое представляется и въ дѣятельности художника: сколько огня, сколько чувства въ его произведеніяхъ! Послѣдующія бываютъ изящнѣе и выше. но за то и спокойнѣе: это спокойствіе называется зрѣлостію, возмужалостію таланта. Оно правда; но, горестная мысль! эта постепенная возвышенность генія необходимо сопряжена съ постепеннымъ охлажденіемъ чувства. Найдите созданіе чудовищнѣе «Разбойниковъ» и вмѣстѣ съ тѣмъ найдите созданіе пламеннѣе этого перваго произведенія Шиллера. Воля ваша, а весна самое лучшее время года! Хорошо еще, если осень плодородна и обильна, если она озарена послѣдними прощальными лучами великолѣпнаго солнца; но что̀ когда она безплодна, грязна и туманна? А вѣдь это такъ часто случается! Вотъ передо мною лежатъ «Повѣсти, изданныя Пушкинымъ»: неужели Пушкинымъ же и написанныя? Пушкинымъ, творцемъ «Кавказскаго Плѣнника», «Бахчисарайскаго Фонтана», «Цыганъ», «Полтавы», «Онѣгина» и «Бориса Годунова»? Правда, эти повѣсти занимательны, ихъ нельзя читать безъ удовольствія; это происходитъ отъ прелестнаго слога, отъ искусства разсказывать (conter); но онѣ не художественныя созданія, а просто сказки и побасенки; ихъ съ удовольствіемъ и даже съ наслажденіемъ прочтетъ семья, собравшаяся въ скучный

и длинный зимній вечеръ у камина; но отъ нихъ не закипитъ кровь пылкаго юноши, не засверкаютъ очи его огнемъ восторга; но онѣ не будутъ тревожить его сна,— нѣтъ — послѣ нихъ можно задать лихую высыпку. Будь эти повѣсти первое произведеніе какого-нибудь юноши — этотъ юноша обратилъ бы на себя вниманіе нашей публики; но, какъ произведеніе Пушкина... осень, осень, холодная, дождливая осень, послѣ прекрасной, роскошной, благоуханной весны, словомъ,

. . . Прозаическія бредни,
Фламандской школы пестрый вздоръ!

Странное дѣло—очарованіе именъ! Прочтите вы эту книгу, не зная кѣмъ она написана—и вы будете въ полномъ удовольствіи; но загляните на заглавіе—и ваше живое удовольствіе превратится въ горькое неудовольствіе. Будь поставлено на заглавіи этой книги имя г. Булгарина, и я былъ бы готовъ подумать: ужъ и въ самомъ дѣлѣ Θаддей Венедиктовичъ не геній ли? Но Пушкинъ—воля ваша, грустно и подумать!

Эти повѣсти уже не новость. Въ нихъ новаго, препрославленная «Пиковая Дама», по мнѣнію «Библіотеки для Чтенія» (въ которой она была помѣщена), превосходящая всѣ созданія чуднаго Гофманова генія, и два отрывка изъ историческаго романа: «Ассамблея при Петрѣ Великомъ» и «Обѣдъ у Русскаго Боярина». Не помню, что касается до перваго, а послѣдній былъ напечатанъ давно въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ». Эти отрывки, особенно послѣдній, отличаются художественною занимательностію и возбуждаютъ живѣйшее желаніе прочесть весь романъ. Если этотъ романъ написанъ и будетъ изданъ вполнѣ, то русскую публику можно будетъ поздравить съ пріобрѣтеніемъ. Изъ повѣстей, собственно только первая: «Выстрѣлъ», достойна имени Пушкина.

ИСТОРІЯ О ХРАБРОМЪ РЫЦАРѢ ФРАНЦЫЛѢ ВЕНЦІАНѢ И ПРЕКРАСНОЙ КОРОЛЕВНѢ РЕНЦЫВЕНѢ. *Печатано съ изданія 1829 года безъ исправленія. Москва, 1834.*

Вопр. Какія книги болѣе всего читаются, расходятся и печатаются на Руси?

Отв. Сочиненія Матвѣя Комарова, «Жителя Москвы», и творенія гг. Ѳ. В. Булгарина и А. А. Орлова.

Въ одномъ изъ послѣднихъ №№ «Сѣверной Пчелы» Ѳ. В. Булгаринъ учинилъ отчаянную вылазку противъ московскихъ журналовъ, какъ бывшихъ, такъ и сущихъ. Онъ говоритъ, что въ Москвѣ не было и нѣтъ хорошихъ журналовъ. Мы избавляемъ читателей отъ выписки его подлинныхъ словъ, а представимъ только resumè его доказательствъ, которыя очень удобно привести въ форму двухъ слѣдующихъ силлогизмовъ

СИЛЛОГИЗМЪ I.

Предложеніе. Мои сочиненія хороши.

Посылка I. Что̀ хорошо, то читается, расходится и раскупается.

Посылка II. Мои сочиненія читаются, расходятся и раскупаются; ergo

Conclusio. Мои сочиненія хороши.

СИЛЛОГИЗМЪ II.

Предложеніе. Московскіе журналы никуда ни годятся.

Посылка I. Журналы, почему бы то ни было, не отдающіе справедливой похвалы хорошимъ сочиненіямъ, не могутъ быть хороши.

Посылка II. Московскіе журналы немилосердо издѣвались (дерзкіе) надъ моими твореніями, которыя, вслѣдствіе перваго силлогизма, превосходны; ergo

Conclusio. Московскіе журналы—дрянь.

Что Ѳ. В. Булгаринъ большой логикъ, объ этомъ нѣтъ спора; но судить логически и судить истинно, двѣ вещи разныя; посему, не мало не думая состязаться съ почтеннымъ авторомъ «Выжигиныхъ» на поприщѣ мышленія, я все-таки попытаюсь опровергнуть его силлогизмы силлогизмомъ моей собственной фабрики. Цѣль моего возраженія не та, чтобы убѣдить Ѳаддея Венедиктовича въ ложности его мнѣнія; нѣтъ, моя цѣль гораздо выше; польза науки (логики) и польза публики. Людямъ мыслящимъ не должно скрывать новыхъ, свѣтлыхъ и высокихъ истинъ; ибо это замедлило бы ходъ человѣчества на пути къ совершенству. Итакъ, приступаю.

Предложеніе. Сочиненія А. А. Орлова безподобны.

Посылка I. Все, что̀ читается и раскупается, превосходно.

Посылка II. Сочиненія А. А. Орлова читаются и раскупаются; ergo

Conclusio. Сочиненія А. А. Орлова безподобны.

Не правда ли, что это аксіома? Почему же Ѳ. В. Булгаринъ медлитъ признать достоинство литературныхъ издѣлій своего знаменитаго и достойнаго соперника? Неужели изъ зависти? Сохрани Богъ! Мы знаемъ, что Сальери завидовалъ Моцарту; но здѣсь талантъ завидовалъ генію, а Ѳ. В. Булгаринъ геній, и А. А. Орловъ геній, такъ зависти быть не должно; тѣмъ болѣе, что геній и зависть—несовмѣстныя свойства. Какъ бы то ни было, но или Ѳаддей Венедиктовичъ долженъ признать высокое достоинство скромнаго Александра Анфимовича, или долженъ признать ложность своего перваго силлогизма; что «все то, что̀ читается и раскупается, превосходно», равно какъ и втораго силлогизма, который есть слѣдствіе перваго, что въ «Москвѣ не было и нѣтъ хорошихъ журналовъ».

Не правда ли, что это аксіома?

Присовокуплю къ моему силлогизму, разумѣется для пользы нашей литературы и всего человѣчества, еще нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній. Повторяю: высокихъ и новыхъ истинъ (каковы: должно уповать на Бога, любить добродѣтель, избѣгать порока и пр.) не должно держать въ кулакѣ, если же онѣ были многократно повторены или въ дѣтскихъ прописяхъ или въ сочиненіяхъ Ѳ. В. Булгарина, то, для блага человѣчества, ихъ должно повторять какъ можно чаще.

Какая разница между талантомъ и геніемъ? Первый робокъ, второй смѣлъ, но эта смѣлость происходитъ отъ благороднаго сознанія въ своихъ силахъ. Пушкина читала и читаетъ съ восхищеніемъ вся Россія; однако онъ не только ни разу не объявлялъ о себѣ, что онъ хорошій поэтъ, но даже еще сознался печатно, что многіе изъ нападковъ его антагонистовъ были справедливы: явно, что Пушкинъ талантъ, а не геній. Ѳ. В. Булгаринъ неоднократно говорилъ о себѣ, что онъ знаменитый романистъ: явно, что Ѳ. В. Булгаринъ не талантъ, а геній.

Только разъ обмолвился, сказавъ, что черезъ тысячу лѣтъ его имя не будетъ извѣстно, хотя сочиненія и будутъ продаваться на толкучихъ рынкахъ; но это ничего не значитъ: скромность, какъ и хвастливость, есть удѣлъ генія. Бюффонъ говаривалъ «геніевъ три: Ньютонъ, Лейбницъ и я!» и Бюффонъ точно былъ геній; Ѳ. В. Булгаринъ тысячу разъ увѣрялъ, что его романы превосходны, ибо потерпѣли не по одному тисненію, и кто-жъ не повѣритъ ему въ этомъ? Собственное признаніе паче всякаго свидѣтельства.

А «Францыль Венціанъ». Я и забылъ объ немъ, увлекшись г. Булгаринымъ. Но что̀ я скажу вамъ объ немъ? О произведеніяхъ такихъ авторовъ, каковы Матвѣй Комаровъ, «житель Москвы», Ѳ. В. Булгаринъ и А. А. Орловъ, надо говорить tout ou rien; но для перваго у меня не до-

станетъ силъ, въ чемъ, какъ талантъ, а не геній, я сознаюсь откровенно! и потому умолкаю въ чувствѣ глубочайшаго удивленія и почтенія къ поименованнымъ мною авторамъ, съ каковымъ имѣю честь пребыть и пр.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ ГЛАВНЫХЪ ДОВОДОВЪ СВИДѢТЕЛЬСТВЪ, НЕОСПОРИМО УТВЕРЖДАЮЩИХЪ ИСТИНУ И БОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИСХОЖДЕНІЕ ХРИСТІАНСКАГО ОТКРОВЕНІЯ. *Соч. Епископа лондонскаго Портьюса. Спб. 1834.*

Появленіе этой книги принадлежитъ къ числу тѣхъ предпріятій, которыя, при всей ихъ благонамѣренности, не приносятъ существенной пользы; ибо въ дѣлахъ добра мало одного усердія, нужно еще умѣнье. Цѣль этого сочиненія была, какъ видно изъ самаго ея заглавія, доказать истину и божественное происхожденіе христіанскаго Откровенія. Въ свое время подобное предпріятіе могло приносить свою пользу, ибо была несчастная пора, когда какое-нибудь bon mot, какой-нибудь пошлый каламбуръ убивалъ и религію, и истину, и плоды безкорыстнаго служенія знанію, и заслуженную репутацію человѣка. Это время уже кануло въ вѣчность: авторитетъ Вольтера и энциклопедистовъ упалъ даже въ провинціяхъ; его признаютъ только развѣ какія-нибудь жалкія развалины

Временъ очаковскихъ и покоренья Крыма.

Сверхъ того, подобныя книги только тогда могутъ быть полезны, когда содержащіяся въ нихъ истины изложены съ одушевленіемъ, съ теплотою чувства, съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, и подкрѣплены глубокою ученостію; ибо христіанское ученіе основано на любви и разумѣ, и потому говоритъ сколько уму, столько и сердцу

НОВОЕ НЕЛЮБО НЕ СЛУШАЙ, А ЛГАТЬ НЕ МѢШАЙ, ИЛИ ЛЮБОПЫТНЫЕ ОТРЫВКИ ИЗЪ ЖИЗНИ МИНЫ МИНЫЧА ЕВСТРАТЕНКОВА, *№ 1. Москва. 1835.*

ДВѢ ГРОБОВЫЯ ЖЕРТВЫ. *Разсказъ Касьяна Русскаго. Москва. 1834.*

Въ нынѣшнее время любятъ дѣлить литературу на разные классы: такъ, напр., бываетъ литература классическая, романтическая (миръ праху ихъ!), юная, старая, неистовая, степенная, и пр. и пр. Но этимъ не ограничились гг. классификаторы: они раздѣлили на множество отдѣловъ самые роды поэзіи, по главному элементу, составляющему ихъ внутренній характеръ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ солонѣе всего пришлось роману, этой альфѣ и омегѣ всѣхъ современныхъ литературъ. Есть романъ историческій, сатирическій, правоописательный; есть романъ сухопутный и морской (школы Купера и Евгенія Сю); недостаетъ только земноводнаго романа; подземный же и притомъ допотопный, благодаря игривой фантазіи Барона Брамбеуса, имѣется; словомъ, я долго бы не кончилъ, еслибы вздумалъ вычислять всѣ роды и виды романа, ибо классификація романа, по своей обширности, ничѣмъ не уступитъ классификаціи растеній и насѣкомыхъ.

Наша русская литература, равно какъ и русскій романъ, передѣлана нашими досужими классификаторами на безчисленное множество родовъ и видовъ. Я, нижеподписавшійся, кромѣ уже извѣстныхъ всѣмъ, открылъ еще новый родъ или, лучше сказать, новую область въ нашей литературѣ. Прежде нежели объявлю во всеуслышаніе о моемъ открытіи, замѣчу мимоходомъ, что оно, по своей важности, стоитъ открытія Америки и что, слѣдовательно, я заслуживаю безсмертія наравнѣ съ Колумбомъ. Открытую мною область

литературы надобно назвать Пономаревскою, ибо къ ней относятся только книги, печатаемыя въ типографіи г. Пономарева. Всѣ эти книги отличаются однимъ, общимъ имъ, характеромъ, который состоитъ въ слѣдующихъ признакахъ:

а) Всѣ онѣ величиною не превышаютъ числа трехъ печатныхъ листовъ и никогда не бываютъ менѣе полулиста.

б) Всѣ онѣ пишутся и печатаются безъ всякаго соблюденія правилъ грамматики, т. е. исполнены ошибокъ противъ этимологіи, орѳографіи и синтаксиса, до такой степени, что могутъ замѣнять всѣ какографическіе экзерсисы и пр.

в) Всѣ онѣ состоятъ въ явной враждѣ съ логикою и здравымъ смысломъ.

г) Бо́льшая часть изъ нихъ печатается на оберточной бумагѣ.

Avis au lecteur. Чтобы избавить читателей отъ повторенія одного и того же, симъ имѣю честь объявить, что впредь я буду рецензировать книги, выходящія изъ типографіи г. Пономарева, сими краткими словами:

«Твореніе, по характеру, принадлежащее къ пономаревской литературѣ, а по времени—къ смирдинскому періоду россійской словесности.»

БАРОНЪ БРАМБЕУСЪ. *Повѣсть Павла Павленки. Съ эпиграфомъ: C'est de l'histoire bourgeoise. Москва. 1834.*

Вотъ книга, заглавіе которой, вѣроятно, для всякаго покажется истиннымъ іероглифомъ! Что́ это такое? Критика на сочиненія извѣстнаго Барона Брамбеуса? Или біографія сего знаменитаго мужа? Ни то, ни другое, г-жа почтеннѣйшая публика! Васъ просто хотятъ морочить, надувать, изъ за какихъ-нибудь трехъ гривенниковъ. Это не критика, не біографія, не романъ, не драма, не ода, а просто на просто пошлое маранье, состоящее изъ 53 страницъ и от-

носящееся, по времени появленія, къ смирдинскому періоду россійской словесности, а по внутреннему достоинству къ пономаревской литературѣ, хотя напечатано и не въ типографіи г. Пономарева.

Кто такой авторъ этой вздорной книжонки? И какихъ ради причинъ появилась она на свѣтъ? И чего ради такъ обрадовалась ей «Библіотека для Чтенія»? Чего ради встрѣтила она ее съ распростертыми объятіями и расхвалила въ прахъ? Это загадка—не правда ли? Постараюсь дать вамъ, по возможности, удовлетворительныя объясненія на эти темные гіероглифы.

Кто такой авторъ этой книги?

Въ заглавіи стоитъ имя какого-то г. Павла Павленки. Кто бы такой былъ этотъ г Павелъ Павленко? Это имя совершенно неизвѣстно и крайне затѣйливо: очевидно, что г. Павелъ Павленко есть псевдонимъ. Теперь мода на псевдонимство: и такъ въ добрый часъ. Но какъ бы отгадать подлинное имя сочинителя «Барона Брамбеуса»? Неужели въ этомъ грѣхѣ виноватъ славный А. А. Орловъ? Нѣтъ, книжонка до такой степени пошла, безсмысленна и безграмотна, что отъ нея, вѣроятно, и гг. Сиговъ и Кузмичевъ отказались бы съ благороднымъ негодованіемъ. Итакъ, кто же? По всему видно, что это неразгаданная тайна. Но что̀ за дѣло до сочинителя!

Вслѣдствіе какихъ причинъ появилась эта книжонка?

Помните ли вы, какъ въ нашей промышленной Москвѣ, тотчасъ послѣ появленія знаменитаго «Ивана Выжигина», появилось «Посланіе Сидора Пафнутьевича», не помню къ кому-то, посланіе, посвященное почитателямъ «Ивана Выжигина»? Неизвѣстный авторъ онаго, соблазненный вещественнымъ успѣхомъ знаменитаго романа, хотѣлъ сдѣлать невинный оборотъ насчетъ славы его имени, и, сколько я помню, не ошибся въ своемъ разсчетѣ: книжечка разошлась. Но «Сѣверная Пчела» тогда не поддалась ласкатель-

ству и встрѣтила посланіе довольно сердито. Съ такою же цѣлію написанъ и «Баронъ Брамбеусъ», но не такова его судьба. Не знаю, благополучно ли онъ, подъ щитомъ знаменитаго имени, расходится по рукамъ читающей публики; знаю только, что «Библіотека для Чтенія» не послѣдовала примѣру «Сѣверной Пчелы». И чему-жъ тутъ удивляться? Какъ ни сладостенъ ѳиміамъ дружескихъ похвалъ, но все пріятнѣе услышать похвалу вчужѣ, хотя бы эта похвала была сдѣлана изъ корыстныхъ видовъ. Всѣ смертные подвержены слабостямъ, и у Барона Брамбеуса есть своя ахиллесовская пятка, и при томъ такая нѣжная, что для ней довольно и булавки, не только стрѣлы.

Содержаніе «Барона Брамбеуса» совершенно въ духѣ «Библіотеки для Чтенія». Какой-то дуралей помѣщикъ имѣетъ хорошенькую дочку, и хотя отъ роду ничего не читалъ и не смыслитъ въ литературѣ ни бельмеса, хочетъ во что бы то ни стало отдать ее за литератора. Но у дочки свой вкусъ: она влюблена въ улана. Какъ тутъ быть? Уланъ рѣшается на ужасное самозванство: онъ является къ отцу подъ именемъ Барона Брамбеуса, и требуетъ руки его дочери. Отецъ внѣ себя отъ радости. Но уланъ, мучимый совѣстію, открывается отцу въ обманѣ. Отецъ бѣсится, да дѣлать нечего; слово дано, и уланъ женится—и конецъ исторіи. Все это разсказано безъ всякаго остроумія, безъ всякой шутливости, безъ грамматики (охъ, эта проклятая грамматика—бѣда съ нею, да и только!) и часто на счетъ здраваго смысла. Можетъ-быть, въ семъ послѣднемъ случаѣ, авторъ имѣлъ свою цѣль, ибо «здравый смыслъ и Баронъ Брамбеусъ», какъ уже теперь всѣмъ извѣстно, давно не ладятъ другъ съ другомъ. C'est de l'histoire bourgeoise—гласитъ эпиграфъ: вотъ что правда, то правда!

ПАНТЕОНЪ ДРУЖБЫ НА 1834 ГОДЪ. *Собранный И. О—мъ. Москва. 1834.*

Нѣкоторымъ жаркимъ патріотамъ до крайности непріятно, когда говорятъ, у насъ не было и нѣтъ литературы. Да утѣшатся они: поименнованная книга служитъ самымъ торжественнымъ и неопровержимымъ доказательствомъ, что у насъ, по крайней мѣрѣ теперь, есть литература и литература богатая. Да умолкнутъ дерзостные клеветники: эта книга изобличитъ и постыдитъ ихъ! Въ самомъ дѣлѣ, какъ не быть у насъ, даже и въ настоящее время, богатой литературы? Баронъ Брамбеусъ, гг. Гречъ, Булгаринъ, Орловъ, Масальскій, Воейковъ, Н. Щ. (авторъ «Поселыщика» и «Ангарскихъ Пороговъ»), Калашниковъ, Ушаковъ, и пр. и пр.,—это все имена знаменитыя, ихъ авторитетъ крѣпокъ, какъ монументъ, воздвигнутый себѣ Гораціемъ и Державинымъ. А сколько еще именъ неизвѣстныхъ, хотя и напечатанныхъ! Вотъ, напримѣръ, въ «Пантеонѣ Дружбы», посмотрите-ка и порадуйтесь: И. О—ъ, Н. Ленскій, Н., М. Paul (поэтъ весьма неутомимый и плодовитый), Х. Сабуровъ, Я. Ѳедоровъ, Л. Н. Соболевъ, Вортенъ, баронъ Александръ Дельвигъ, А. П—въ, С—въ, Руфинъ Алексѣевъ, Т—въ! Какое богатство именъ! Какое блистательное созданіе талантовъ! Какая стачка геніевъ!

КОНЕКЪ ГОРБУНОКЪ. *Русская сказка. Соч. П. Ершова. Въ III частяхъ. Спб. 1834.*

Было время, когда наши поэты, даровитые и бездарные, лѣзли изъ кожи вонъ, чтобы попасть въ классики, и изъ силъ выбивались украшать природу искусствомъ; тогда никто не смѣлъ быть естественнымъ, всякой становился

на ходули и облекался въ мишурную тогу, боясь низкой природы; употребить какое-нибудь простонародное слово или выраженіе, а тѣмъ болѣе заимствовать сюжетъ сочиненія изъ народной жизни, не исказивъ его пошлымъ облагороженіемъ, значило потерять на вѣки славу хорошаго писателя. Теперь другое время: теперь всѣ хотятъ быть народными; ищутъ съ жадностію всего грязнаго, сальнаго и дегтярнаго; доходятъ до того, что презираютъ здравымъ смысломъ, и все это во имя народности. Не ходя далеко, укажу на попытки Казака Луганскаго и на поименованную выше книгу. Итакъ, нынѣ совсѣмъ не то, что̀ прежде; но крайности сходятся; при томъ же давно уже было сказано, что

Ни что не ново подъ луною,
Что было—есть и будетъ вѣкъ.

И потому, несмотря на такую очевидную разность въ направленіяхъ, поэты настоящаго времени споткнулись на одномъ ухабѣ съ поэтами былаго времени. Какъ тѣ искажали народность, украшая ее, такъ эти искажаютъ ее, стараясь приближаться къ ея естественной простотѣ. Что въ русскихъ сказкахъ въ тысячу тысячъ разъ больше поэзіи, нежели въ «Бѣдной Лизѣ», не только въ «Боярской Дочери» и «Марѳѣ Посадницѣ», объ этомъ, въ наше время, нечего много говорить: это аксіома. Какъ же хотите вы воспроизводить ихъ? Не то же ли это, что, подобно Дюсису, передѣлывать въ пошлыя трагедіи геніальныя драмы Шекспира? Не то же ли, что поправлять народныя русскія пѣсни, вставляя въ нихъ паркетныя нѣжности и имена Лилъ, Нинъ и проч., какъ то дѣлывалось нашею доброю стариною! Эти сказки созданы народомъ: итакъ, ваше дѣло списать ихъ, какъ можно вѣрнѣе, подъ диктовку народа, а не подновлять и не передѣлывать. Вы никогда не сочините своей народной сказки, ибо для этого вамъ надо бы было, такъ сказать, омужичиться, забыть, что вы баринъ, что вы учи-

лись и грамматикѣ, и логикѣ, и исторіи, и философіи, забыть всѣхъ поэтовъ, отечественныхъ и иностранныхъ, читанныхъ вами, словомъ, переродиться совершенно; иначе вашему созданію, по необходимости, будетъ недоставать этой неподдѣльной наивности, ума, не просвѣщеннаго наукою, этого лукаваго простодушія, которыми отличаются народныя русскія сказки. Какъ бы внимательно ни прислушивались вы къ эху русскихъ сказокъ, какъ бы тщательно ни поддѣлывались подъ ихъ тонъ и ладъ, и какъ бы звучны ни были ваши стихи — поддѣлка всегда остается поддѣлкою, изъ-за зипуна всегда будетъ видиѣться вашъ фракъ. Въ вашей сказкѣ будутъ русскія слова, но не будетъ русскаго духа, и потому, несмотря на мастерскую отдѣлку и звучность стиха, она нагонитъ одну скуку и зѣвоту. Вотъ почему сказки Пушкина, несмотря на всю прелесть стиха, не имѣли ни малѣйшаго успѣха. О сказкѣ г. Ершова—нечего и говорить. Она написана очень недурными стихами, но, по вышеизложеннымъ причинамъ, не имѣетъ не только никакого художественнаго достоинства, но даже и достоинства забавнаго фарса. Говорятъ, что г. Ершовъ молодой человѣкъ съ талантомъ; не думаю, ибо истинный талантъ начинаетъ не съ попытокъ и поддѣлокъ, а съ созданій, часто нелѣпыхъ и чудовищныхъ, но всегда пламенныхъ и, въ особенности, свободныхъ отъ всякой стѣснительной системы или заранѣе предположенной цѣли.

— ——

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ ВАДИМА. *Москва. 1843.*

Много чудесъ на бѣломъ свѣтѣ, но еще болѣе ихъ въ нашей литературѣ. Это истинное вавилонское столпотвореніе, гдѣ люди толкутся взадъ и впередъ, шумятъ, кричатъ на всевозможныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ, не понимая другъ друга; повидимому стремятся къ какой-то общей опредѣленной цѣли, а между тѣмъ бѣгутъ въ разныя стороны,

суетятся и бросаются туда и сюда, и между тѣмъ ни на полшага впередъ:

Поклажа хоть не велика,
Да лебедь рвется въ облака,
Ракъ тянетъ взадъ, а щука въ воду!

Въ самомъ дѣлѣ, что за противоположныя явленія! Цѣль одна — распространеніе просвѣщенія: а средства къ достиженію этой цѣли... Боже мой! Какъ различны! — Въ чемъ заключается причина этого разнохарактернаго дивертисмана, который такъ каррикатурно танцуетъ наша литература? Безъ всякаго сомнѣнія, въ дѣтскомъ и разнокалиберномъ образованіи нашемъ. Это образованіе есть плащъ, сшитый изъ лоскутовъ разныхъ матерій всевозможныхъ цвѣтовъ и всевозможныхъ цѣнъ. Посмотрите: тамъ Брамбеусъ силится блистать красотами Поль-де-Кока, приправленными, въ приличныхъ мѣстахъ, неистовствомъ «юной словесности»; здѣсь г. Гречъ хлопочетъ воскресить нравственные романы почтенной старушки мадамъ Жанлисъ съ братіею; тамъ г. Лажечниковъ готовитъ къ изданію романъ европейскаго достоинства; тутъ гг. Булгаринъ и Орловъ пишутъ ѣдкія сатиры на общество и стараются исправлять его пороки. Тамъ г. Устряловъ издаетъ «Сказанія Современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ»; здѣсь г. Сенковскій трактуетъ о «Сагахъ», а какой-то Вадимъ грозится рѣшить споръ о «Словѣ о полку Игореву». Тутъ повѣсти г. Павлова и грамматика Востокова— тамъ повѣсти Безумнаго и грамматика г. Калайдовича... И все это пользуется чуть ли не равнымъ участкомъ славы!... У насъ есть литераторы, принадлежащіе, по своему образованію и образу мыслей, ко всѣмъ вѣкамъ, начиная съ IX (или начала Россійскаго государства—см. «Россійскую Исторію» Кайданова) до XIX включительно. Въ самомъ дѣлѣ, у насъ есть люди, надъ которыми рѣшительно безсиленъ полетъ времени, которые крѣпко держатся тамъ, гдѣ стали

однажды. У насъ есть люди, которые во всю прыть гонятся за вѣкомъ, думаютъ, что идутъ наравнѣ съ нимъ, ни мало не подозрѣвая, что отдѣлены отъ него цѣлымъ океаномъ разстоянія. Вотъ, напримѣръ, къ какому классу книгъ отнесете вы «Путевыя Записки Вадима», съ чѣмъ сравните ихъ? Чай, съ «Impressions de Voyage par Dumas»? Какъ бы не такъ! То же, да не то, увѣряю васъ. Въ ихъ появленіи на свѣтъ виноватъ не Дюма,—а Богъ вѣсть кто...

«Путевыя Записки Вадима»—истинное диво дивное! Чего-то въ нихъ нѣтъ! И юношескія разсужденія, и археологическія мечты, и историческія чувствованія—все это такъ и рябитъ въ глазахъ читателя. А риторика, риторика—о! да тутъ разливанное море риторики! Не хотите ли примѣровъ троповъ, фигуръ, поэтическихъ выраженій? Берите ихъ горстями, черпайте ведрами. Не ищите грамматическихъ ошибокъ, не ищите безсмыслицъ; но не ищите и новыхъ мыслей, не ищите выраженій, ознаменованныхъ теплотою чувства... Риторика все потопила!

Авторъ начинаетъ съ того, что онъ съ юности читалъ великую книгу природы, которую не всѣ читаютъ; потомъ описываетъ свой переѣздъ изъ Сибири въ Малороссію; въ продолженіи этой безконечной дороги задумывается надъ Кремлемъ и другими памятниками временъ былыхъ; потомъ простодушно объясняетъ, почему у насъ не развилось и не усовершенствовалось національнымъ образомъ итальянское зодчество, занесенное къ намъ Аристотелемъ Болонскимъ, не догадываясь, что у насъ, до Петра Великаго, ничего не могло развиваться, какъ у народа, который самъ не развивался, который мирно прозябалъ за своими столами дубовыми и скатертями браными, на своихъ постеляхъ пуховыхъ за пологами шелковыми, и храбро, со всего плеча, крушилъ безпокойныхъ сосѣдей, которые мѣшали ему покоиться... Потомъ г. Вадимъ разсуждаетъ и мечтаетъ о Руси, Малороссіи, объ ихъ исторіи, и о многомъ,

многомъ, о чемъ можете сами узнать, прочтя его «Путевыя записки».

БЫЛИ И НЕБЫЛИЦЫ КАЗАКА ЛУГАНСКАГО. *Русскія сказки. Книжка вторая. Спб. 1835.*

На нашемъ крохотномъ литературномъ небосклонѣ всякое пятнышко кажется или блестящимъ созвѣздіемъ или огромною кометою. Лишь только появится на немъ какая-нибудь тучка, которую, по ея отдаленности, нельзя хорошенько опредѣлить, какъ наши любители литературной астрономіи тотчасъ вооружаются огромными критическими телескопами и съ важностію разсуждаютъ, чтò бы это такое было: неподвижная звѣзда, новая планета или блудящая комета. Они смотрятъ, толкуютъ, измѣряютъ, спорятъ, удивляются, а тучка между тѣмъ разсѣвается, и ихъ ненаглядная планета или комета ниспадаетъ мелкимъ дождикомъ и —исчезаетъ въ землѣ. Много можно бы привести подобныхъ примѣровъ, тѣмъ болѣе, что почти вся исторія нашей литературы состоитъ изъ такихъ забавныхъ анекдотовъ. Вотъ, напримѣръ, сколько шуму произвело появленіе Казака Луганскаго! Думали, что это и ни вѣсть чтò такое, между тѣмъ, какъ это ровно ничего; думали, что это необыкновенный художникъ, которому суждено создать народную литературу, между тѣмъ какъ это просто балагуръ, иногда довольно забавный, иногда слишкомъ скучный, нерѣдко уморительно веселый и часто приторно натянутый. Вся его геніальность состоитъ въ томъ, что онъ умѣетъ кстати употреблять выраженія, взятыя изъ русскихъ сказокъ; но творчества у него нѣтъ и не бывало; ибо уже одна его замашка передѣлывать на свой ладъ народныя сказки достаточно доказываетъ, что искусство не его дѣло. Во второй части его «Былей и Небылицъ» со-

держатся три сказки, одна другой хуже. Первая всѣхъ серьезнѣе: въ ней между прочими вещами говорится о Сатурнѣ, о богинѣ любви, о счастливомъ островѣ, наполненномъ нимфами (что-то похожее на островъ Калипсо); все это пересыпано сказочными руссицизмами — не правда ли, что очень забавно? Вторая сказка — передѣлка, стало, о ней нечего и говорить. Третья, «о Жидѣ вороватомъ и Цыганѣ бородатомъ», состоитъ изъ ходячихъ армейскихъ анекдотовъ о Жидахъ; грязно, сально, старо, пошло, но, несмотря на то, такъ забавно, что невозможно читать безъ смѣха... Казакъ Луганскій забавный балагуръ!...

АББАДДОННА. *Сочиненіе Николая Полеваго. Москва. 1834. 4 части.*

МЕЧТЫ И ЖИЗНЬ. *Были и повѣсти, сочиненныя Николаемъ Полевымъ. Москва. 1834. 4 части.*

Скучно и тошно читать ex-officio разные вздоры и нелѣпости, изобрѣтаемыя плодовитою бездарностію и безстыдною меркантильностью; непріятно и досадно повторять тысячу разъ одно и то же, или разыгрывать разныя варіаціи на одну и ту же тему; жалко и унизительно высказывать съ грубою откровенностію рѣзкія истины рыцарямъ печальнаго образа и дразнить пискливое самолюбіе литературныхъ гусей! За то, какъ пріятно и отрадно, взявши въ руки какое-нибудь многотомное произведеніе «россійскаго» пера, осудивъ себя a priori на скуку и зѣвоту, а перо свое на безпощадную правду, обмануться въ ожиданіи и, вмѣсто пошлости, прочесть что нибудь сносное и порядочное! Но приняться за чтеніе книги такого автора, имя котораго обѣщаетъ твореніе, хотя и не геніальное, но ознаменованное бо̀льшею или меньшею степенью таланта, и не обмануться въ своей надеждѣ, и быть въ состояніи

отдать должную справедливость подобному произведенію—о, это верхъ блаженства для человѣка, свободнаго въ своемъ образѣ мыслей отъ всякаго вліянія партій и чуждаго всякаго литературнаго сватовства и кумовства. Въ дѣлѣ литературы, какъ и въ дѣлахъ жизни, есть своя честность, своя добросовѣстность, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть и свои неизбѣжныя отношенія, которыя ставятъ иногда человѣка въ необходимость быть пристрастнымъ, не рѣдко для поддержанія своей репутаціи. Міръ журнальный есть міръ политическій въ миніатюрѣ; въ немъ есть своя оппозиція, свои союзы, свои войны и примиренія. Кто не помнитъ прекрасной и остроумной статьи: «Обозрѣніе журнальныхъ кабинетовъ», помѣщенной въ «Московскомъ Вѣстникѣ» за 1830 годъ? Посему для посвященныхъ въ таинства журнальнаго міра кажутся весьма понятными и извинительными такія явленія, которыя по справедливости возбуждаютъ все негодованіе непосвященныхъ. Какъ бы то ни было, но, чуждый такого рода отношеній, я чувствую всю цѣну моей независимости, и спѣшу воспользоваться ею, чтобы высказать откровенно, по совѣсти и разумѣнію, мое мнѣніе о романѣ г. Полеваго. Я не намѣренъ писать на него критики и принимать на себя важной роли судіи неумолимаго; нѣтъ, я хочу бросить только бѣглый взглядъ, просто и безъ затѣй, изложить, въ видѣ замѣтки, мое сужденіе, не какъ критика, но какъ простаго любителя, представить читателямъ результатъ впечатлѣній, коими поразило меня это новое явленіе въ нашей литературѣ.

«Аббаддонна» есть второй романъ г. Полеваго; первымъ его опытомъ въ семъ родѣ была «Клятва при Гробѣ Господнемъ». Какъ то, такъ и другое произведеніе не имѣетъ себѣ образца и не похоже ни на какое сочиненіе того же рода въ нашей литературѣ; но участь сихъ обоихъ произведеній чрезвычайно различна: принятыя съ равною благосклонностію публикою, они были приняты различнымъ об-

разомъ нашими записными аристархами. Первое было превознесено нѣкоторыми изъ нихъ до седьмаго неба, такъ что поставлено чуть ли не выше всего, что есть лучшаго въ семъ родѣ въ европейскихъ литературахъ; второе же, по мнѣнію тѣхъ же самыхъ людей, поставлено едва ли не наравнѣ съ издѣліями г. Александра Орлова. Не пускаясь въ изслѣдованіе любопытныхъ причинъ столь противоположнаго мнѣнія о двухъ произведеніяхъ одного и того же автора, я замѣчу мимоходомъ, что ни то, ни другое изъ сихъ мнѣній не справедливо. «Клятва при Гробѣ Господнемъ», какъ мнѣ кажется, ниже тѣхъ преувеличенныхъ похвалъ, которыми столь бездоказательно осыпали ее наши неумытые литературные судьи; она едва ли заслуживаетъ имя художественнаго произведенія въ полномъ смыслѣ сего слова. Это есть просто попытка умнаго человѣка создать русскій романъ, или, лучше сказать, желаніе показать— какъ должно писать романы, содержаніе коихъ берется изъ русской исторіи. И въ семъ случаѣ, этотъ романъ есть явленіе замѣчательное; одно уже то, что любовь играетъ въ немъ не главную, а побочную роль, достаточно доказываетъ, что г. Полевой вѣрнѣе всѣхъ нашихъ романистовъ понялъ поэзію русской жизни. Въ его произведеніи есть нѣсколько мѣстъ высокаго достоинства, есть много новаго, интереснаго, какъ вообще въ завязкѣ и ходѣ всего романа, такъ и во многихъ ситуаціяхъ и характерахъ дѣйствующихъ лицъ; но въ цѣломъ онъ вялъ и скученъ. Видно много ума, но мало фантазіи, видно усиліе, но не видно вдохновенія.

«Аббаддонна» несравненно выше «Клятвы при Гробѣ Господнемъ»; можетъ-быть, происходитъ отъ того, что здѣсь г. Полевой былъ, такъ сказать, болѣе въ своей тарелкѣ, ибо вообще его талантъ, несмотря на всю его многосторонность, особенно торжествуетъ въ изображеніи такихъ предметовъ, которые имѣютъ близкое отношеніе къ нему самому

по опыту жизни. Представить художника въ борьбѣ съ мелочами жизни и ничтожностію людей—вотъ тема, на которую г. Полевой пишетъ съ особенною любовью и съ особеннымъ успѣхомъ: доказательствомъ тому его повѣсть «Живописецъ» и разсматриваемый мною романъ. Эти два произведенія я почитаю лучшими произведеніями г. Полеваго: въ нихъ онъ самъ является художникомъ. Впрочемъ его талантъ также весьма замѣчателенъ въ юмористическихъ картинахъ современной русской жизни и въ превосходномъ изображеніи поэтической стороны нашихъ простолюдиновъ; причина очевидна: то и другое ему слишкомъ хорошо знакомо, а онъ, повторяю, не иначе можетъ быть хорошъ, какъ въ сферѣ, хорошо ему знакомой. Это есть общая участь таланта, и составляетъ, по моему мнѣнію, его главное отличіе отъ генія. Геній можетъ изображать вѣрно и сильно такія чувствованія и положенія, какія, по обстоятельствамъ его жизни, не могли быть имъ извѣданы; талантъ всегда находится подъ могущественнымъ вліяніемъ или обстоятельствъ своей жизни, или индивидуальности своего характера, и торжествуетъ въ изображеніи предметовъ, наиболѣе поражавшихъ его чувство или умъ; геній творитъ образы новые, никѣмъ даже и не подозрѣваемые, не только что не видѣнные; талантъ только воплощаетъ въ новыя формы вѣчные типы генія; оригинальность и красоты въ созданіи генія суть результатъ одной его творческой силы; красоты же въ произведеніи таланта суть слѣдствіе большей или меньшей подчиненности вліянію генія, а особность есть слѣдствіе болѣе индивидуальности человѣка, нежели художника. Степенью сей-то подчиняемости вліянію генія опредѣляется сила таланта.

Основная мысль «Аббаддоны» не новость, хотя талантъ автора умѣлъ придать ей прелесть новости. Характеры персонажей, за исключеніемъ двухъ, всѣ оригинальны и суть созданія автора. Два же, а именно: Элеоноры и Генріэтты,

суть пересозданные типы Шиллера, которымъ, впрочемъ, г. Полевой умѣлъ придать столько оригинальности, что они не кажутся сколками своихъ образцовъ, а только напоминаютъ ихъ. Подобная подражательность, если только можно назвать ее подражательностію, замѣтна даже и въ нѣкоторыхъ положеніяхъ: кромѣ сходства въ характерахъ, Элеонора и Генріэтта напоминаютъ собою леди Мильфортъ и Луизу Шиллера, и во взаимныхъ отношеніяхъ между собою, какъ соперницы. Такъ, напримѣръ, прекрасная сцена свиданія Элеоноры съ Генріэттою (ч. IV, стр. 78—95) напоминаетъ сцену свиданія леди Мильфортъ съ Луизою. «И онъ передалъ ей душу свою—я видѣла это: у него привыкла она такъ смотрѣть, такъ говорить» (стр. 101). Эти слова исполненной любовію и ревностію Элеоноры показываютъ, что автору «Аббаддонны», какъ будто въ смутномъ снѣ, представлялась помянутая сцена изъ «Коварства и Любви», хоть его собственная отъ этого ни мало не теряетъ въ художественномъ достоинствѣ и имѣетъ свой характеръ и свою оригинальность.

Говоря, что двое изъ главныхъ персонажей «Аббаддоны» напоминаютъ типы Шиллера, я отнюдь не имѣю цѣлію унижать чрезъ то достоинство сего романа, а еще менѣе упрекать г. Полеваго въ подражательности. Смѣшно и думать, чтобы въ наше время хотя сколько-нибудь образованный человѣкъ поставилъ въ заглавіи своего сочиненія: подражаніе такому-то, и сталъ бы объяснять въ предисловіи, что̀ принадлежитъ въ его сочиненіи собственно ему, и что̀ взято имъ на прокатъ изъ того или другаго писателя; еще смѣшнѣе думать, чтобы, въ наше время, человѣкъ съ истиннымъ талантомъ, садясь за перо, съ намѣреніемъ создать что-нибудь, разложилъ передъ собою твореніе генія, и сталъ бы съ него скопировывать. Нѣтъ: въ созданіи истиннаго таланта нашего времени вы никогда не замѣтите этой пошлой подражательности, которая почиталась нѣкогда необхо-

димою принадлежностію чудовищныхъ и безобразныхъ произведеній такъ называемыхъ классиковъ. Этого мало: вы не всегда укажите на одно какое-нибудь извѣстное произведеніе, которое было бы исключительнымъ образцемъ онаго; но вы всегда, или, по крайней мѣрѣ, часто откроете въ немъ слѣды вліянія одного или даже и нѣсколькихъ геніальныхъ твореній. Эта зависимость есть невольная дань таланта генію—дань, которую онъ часто платитъ ему безсознательно и безъ своего вѣдома. Такъ, напримѣръ, историческій романъ XIX вѣка не есть изобрѣтеніе Вальтеръ-Скотта, ибо всѣ роды и виды поэзіи безусловны, и ихъ прототипы скрываются въ непреложныхъ законахъ творчества, но я думаю, что Вальтеръ - Скоттъ потому уже геній и стоитъ гораздо выше всѣхъ послѣдовавшихъ романистовъ, что онъ первый угадалъ этотъ родъ романа. Колумбы открываютъ неизвѣстныя части міра, а Пизарры и Кортецы только довершаютъ ихъ открытія.

Вотъ главные персонажи «Аббаддонны», на коихъ сосредоточивается интересъ романа: Вильгельмъ, молодой художникъ, созданіе, вполнѣ принадлежащее г. Полевому, невольно привлекающее къ себѣ вниманіе читателя, борется между влеченіемъ своего генія и обольщеніями жизни, между голосомъ своего художническаго призванія и сомнѣніемъ въ своемъ художническомъ призваніи; Элеонора, чудное, дивное, высокое, прелестное созданіе, женщина, рожденная съ душою пламенною и энергическою, съ страстями знойными и волканическими, но увлеченная обстоятельствами въ бездну разврата, превосходная актриса, иступленная жрица и поклонница изящнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ презрѣнная любовница сильнаго временьщика, бездушнаго старичишки, испытываетъ надъ собою высокое таинство любви, очищается въ священномъ пламени отъ ржавчины порока и возстаетъ отъ своего паденія въ мощномъ, исполинскомъ величіи; потомъ Генріэтта, первая любовь Вильгельма, одно изъ этихъ ми-

лыхъ, кроткихъ созданій, Нѣмочекъ-кухарочекъ, которыхъ я люблю до смерти, и которыхъ еще никогда не видывалъ, которыя обѣщаютъ избранному ими юношѣ и супружескую вѣрность до гроба и вкусно сваренный супъ изъ картофеля, и тихое упоеніе романтической любви и самый классическій порядокъ въ домѣ и на погребѣ, которыя сначала изображаются съ серафимскими крыльями, а потомъ съ связкою ключей, которыя, наконецъ, начинаютъ свое поприще идеалами, а оканчиваютъ кухнею и прачечною,—Генріэтта испытываетъ муки отверженной любви и возбуждаетъ въ душѣ читателя живѣйшее состраданіе къ своему положенію. Второстепенныя лица такъ же интересны. Разсказъ вообще живой и занимательный; положенія по большей части новыя и оригинальныя; обрисовка характеровъ мастерская, обличающая руку твердую и рѣзкую; множество картинъ и описаній истинно художественныхъ, каковы: представленіе «Арминія», сцена въ бесѣдкѣ, вольный переводъ изъ Сутея индійской легенды «Аллоа», столкновеніе Вильгельма съ дворомъ князя и съ могущественнымъ барономъ Калькопфомъ, поѣздка Вильгельма на родину, и уже упомянутая мною прекрасная сцена свиданія Элеоноры съ Генріэттою, изображеніе директора театра, литераторовъ, поэтовъ, журналистовъ, ученыхъ, ползающихъ поочередно передъ сильными, закулисныя тайны, т.-е. театръ во время репетицій и до поднятія занавѣса; наконецъ прекрасный слогъ—вотъ достоинства новаго произведенія г. Полеваго. Въ немъ цѣлость выдержана, по крайней мѣрѣ, пока, ибо этотъ романъ еще не составляетъ цѣлаго; его продолженіе и окончаніе будетъ въ другомъ романѣ. За одно только можно упрекнуть автора: это за излишнюю говорливость, которая иногда переходитъ въ совершенную болтливость; между многими прекрасными мыслями, у него, особенно въ первой части, встрѣчаются мѣста, состоящія изъ сентенцій, рѣшительно пошлыхъ. Конечно, подобныя пошлыя сентенціи

могли бы составить блескъ и украшеніе романовъ иныхъ авторовъ, пользующихся на святой Руси большимъ авторитетомъ, но какъ-то непріятно и досадно встрѣчать ихъ въ романѣ г. Полеваго. Желаемъ и съ нетерпѣніемъ ожидаемъ, чтобы второй романъ, служащій окончаніемъ «Аббаддоннѣ», вышелъ какъ можно скорѣе, и благодаримъ г. Полеваго, что онъ, литераторъ Москвы, подарилъ нашу публику хорошимъ произведеніемъ, тогда какъ петербургскіе литераторы подчуютъ ее заплесневѣлыми крохами съ убогой трапезы Поль-де-Кока, Жанлисъ и Дюкре-Дюмениля съ братіею.

Что̀ касается до повѣстей г. Полеваго, объ нихъ вообще можно сказать то же, что́ и объ «Аббаддоннѣ»: это созданія не вѣковыя, не геніальныя, но ознаменованныя печатію сильнаго таланта. Въ четырехъ частяхъ его «Мечты и Жизнь» заключается пять повѣстей: «Блаженство Безумія», «Эмма», «Живописецъ», «Мѣшокъ съ Золотомъ» и «Разсказы Русскаго солдата». Первая слишкомъ какъ-то напоминаетъ Гофмана, но отличается мастерскимъ разсказомъ; вообще большинство голосовъ остается на сторонѣ «Эммы», но мнѣ больше всего нравится «Живописецъ»; самая слабая повѣсть есть «Мѣшокъ съ Золотомъ», но «Разсказы Русскаго солдата»—это прелесть! Въ этой пьесѣ такъ много чувства, такъ много оригинальности и вѣрности въ изображеніи чувствъ и понятій простолюдиновъ, что съ нею не можетъ идти ни въ какое сравненіе ни одна повѣсть, взятая изъ простонародной жизни. Истина вымысла свободна въ ней до совершенства, такъ что когда прочтешь эту повѣсть, то всѣ писанныя въ одномъ съ нею родѣ покажутся холодными и искаженными копіями. Странно, почему г. Полевой не помѣстилъ въ своихъ «Мечты и жизнь» своей прекрасной исторической повѣсти «Симеонъ Кирдяпа» и своихъ занимательныхъ «Святочныхъ Вечеровъ»?

ЗАПИСКА О ПОХОДАХЪ 1812 И 1813 ГОДОВЪ, ОТЪ ТАРУТИНСКАГО СРАЖЕНІЯ ДО КУЛЬМСКАГО БОЯ. *Спб. 1834. Двѣ части.*

Къ числу самыхъ необыкновенныхъ и самыхъ интересныхъ явленій въ умственномъ мірѣ нашего времени принадлежатъ «Записки» или «Mémoires». Это суть истинныя лѣтописи нашихъ временъ, лѣтописи живыя, любопытныя, писанныя не добродушными монахами, но людьми, по большей части образованными и просвѣщенными, бывшими свидѣтелями, а иногда и участниками этихъ событій, которыя описываются ими со всею откровенностію, какая только возможна въ наше время, со всѣми подробностями, которыхъ ищетъ и романистъ, и драматургъ, и историкъ, и нравоописатель, и философъ. И въ самомъ дѣлѣ, что̀ можетъ быть любопытнѣе этихъ «Записокъ»? это исторія, это романъ, это драма, это все, что̀ вамъ угодно. Что̀ можетъ быть важнѣе ихъ? Десять, двадцать человѣкъ пишутъ объ одниxъ и тѣхъ же событіяхъ, и каждый изъ нихъ имѣетъ своего конька, свою ахилессовскую пятку, свой взглядъ на вещи, свою манеру въ изложеніи, словомъ, свои дурныя и хорошія стороны: сличайте, сравнивайте, повѣряйте, сводите на очную ставку—сколько матеріаловъ для результатовъ, результатовъ вѣрныхъ и драгоцѣнныхъ, если только вы съумѣете хорошо сдѣлать ваше дѣло. «Записки» или «Mémoires» есть собственность Французовъ, чадо ихъ народности. Ихъ успѣху и распространенію чрезвычайно много способствовали послѣдніе перевороты; въ самомъ дѣлѣ: монархія, республика, имперія, реставрація, «сто дней», опять реставрація—тутъ можно объясняться откровенно и безъ обиняковъ, и есть о чемъ поговорить!

Если кто сочтетъ «Записки о походахъ 1812 и 1813 годовъ» за подобныя Mémoires, тотъ жестоко обманется въ

своемъ ожиданіи. Это просто исторія походовъ, изложенная въ связи, подобно извѣстному сочиненію Бутурлина. Исторія эта, сколько я понимаю, есть произведеніе человѣка умнаго и знающаго свое дѣло: онъ былъ очевидцемъ и участникомъ въ описываемыхъ имъ походахъ, судитъ о нихъ ученымъ образомъ, смотритъ на многія вещи съ новой точки зрѣнія. Главное достоинство сего сочиненія состоитъ въ благородномъ безпристрастіи: авторъ отдаетъ полную справедливость громадному генію «сына судьбы», удивляется ему до энтузіазма, какъ знатокъ военнаго искусства, и оправдываетъ свое удивленіе фактами; равнымъ образомъ, онъ говоритъ съ восторгомъ о храбрости Французовъ, что̀, впрочемъ, ни мало не мѣшаетъ ему приносить должную дань хвалы и удивленія своимъ соотечественникамъ. Вообще его энтузіазмъ къ тѣмъ и другимъ основанъ не на какомъ-нибудь безотчетномъ чувствѣ, но на знаніи военнаго искусства, и посему, говоря съ похвалою о блистательныхъ подвигахъ какъ непріятельскихъ, такъ и отечественныхъ генераловъ, онъ безпристрастно говоритъ и объ ихъ ошибкахъ. Вообще эта книга можетъ читаться съ удовольствіемъ даже и непосвященными въ таинства военнаго ремесла, ибо, при всей своей дѣльности, она чужда утомительной сухости, и написана, за исключеніемъ не многихъ синтаксическихъ неправильностей, хорошимъ русскимъ языкомъ.

ХМѢЛЬНИЦКІЕ, ИЛИ ПРИСОЕДИНЕНІЕ МАЛОРОССІИ. *Историческій романъ XVII вѣка. Соч. П. Голоты. Москва. 1834. Три части.*

Авторъ сего, будто бы, «историческаго романа XVII вѣка» описывая, въ третьей и послѣдней части онаго, обрученіе одного изъ своихъ героевъ, Тимоѳея Хмѣльницкаго, сына знаменитаго Зиновія, прозваннаго Богданомъ, съ молдавскою

княжною, прекрасною Розандою, говоритъ тако: «Пріятно бы было оканчивать романы подобнымъ благополучіемъ (?!), гдѣ (??) порокъ наказывается, а добродѣтель торжествуетъ, гдѣ (??) слава и геройство доставляютъ блаженство и въ этой скучной жизни; но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ». Не правда ли, что подобныя понятія и чувствованія дѣлаютъ большую честь сердцу автора? Подумаешь, что читаешь тираду изъ «Дамскаго Журнала»; но всемогущее время, въ быстромъ полетѣ, коснулось своимъ крыломъ и г. Голоты, и потому онъ продолжаетъ тако: «Слѣдуя исторіи, я съ прискорбіемъ долженъ придержаться истины и тѣмъ огорчить, можетъ быть, хотя одно чувствительное сердце». Повторяю: все это такъ прекрасно и вмѣстѣ такъ обыкновенно, что эти слова, какъ и весь романъ, можно-бъ совсѣмъ оставить безъ вниманія; но слѣдующія за ними строки удивляютъ своею наивностію и невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе рецензента: «Можетъ-быть многіе воскликнутъ: Помилуйте, г. Голота, вы дарите (?!) насъ уже третьимъ романомъ подобнаго почти окончанія!» Что̀ это такое? Дерзкое самохвальство со стороны автора, или его смѣшное заблужденіе на счетъ своего дарованія и своей литературной значительности?... Въ томъ и другомъ случаѣ, я нижеподписавшійся долгомъ почитаю предложить ему, со всею вѣжливостію, два слѣдующихъ вопроса:

Милостивый государь, г. Голота, къ чему такія странныя претензіи? Повѣрьте, что онѣ смѣшны и забавны даже и у такихъ писателей, которые далеко ушли отъ васъ. Потомъ, съ чего вы вздумали сдѣлать несбыточное предположеніе, чтобы кто-нибудь изъ читателей могъ дочитаться, безъ крайней необходимости, до третьей части вашего романа, и обратить къ вамъ, г-ну Голотѣ, такое патетическое воззваніе? Ибо:

Вашъ романъ—не романъ, а другой фарсъ, который гораздо ниже бездарныхъ издѣлій многихъ нашихъ романистовъ.

Всѣ ваши историческія лица искажены и изуродаваны; вмѣсто того великаго Зиновія Хмѣльницкаго, о которомъ народная дума говоритъ:

Тилько Богъ святый знае,
Що Хмѣльницкій думае, гадае!

вы представили въ своемъ романѣ какого-то Дюкре-Дюмениневскаго героя, въ родѣ знаменитаго Эраста Чертополохова, который дѣйствуетъ какъ сумасшедшій и объясняется надутымъ, риторическимъ языкомъ персонажей «Россійскаго Ѳеатра». Это произошло отъ того, что у васъ не было ни идей, ни идеаловъ, а какія-то мертвыя куклы, въ которыхъ ваша фантазія не умѣла вдохнуть душу живу, которыхъ вы видѣли не ясно, какъ будто бы въ смутномъ снѣ. У васъ Молороссію угнетаютъ не Поляки, а какой-то сумасшедшій Ляхъ Чаплицкій,—лице, весьма похожее на злодѣевъ классической трагедіи.

Въ вашемъ романѣ нѣтъ и тѣни Малороссіи, ни въ дѣйствіи, ни въ языкѣ, исключая развѣ нѣсколькихъ малороссійскихъ поговорокъ, которыя вы, ни къ селу, ни къ городу, разсадили въ разныхъ мѣстахъ!

Наконецъ вашъ романъ написанъ дурнымъ русскимъ языкомъ, отъ первой страницы до послѣдней. Для доказательства беру на выдержку слѣдующее мѣсто: «Другъ мой, что̀ ты сказалъ? доверши мое благополучіе. Могу ли обольщать себя чарующею надеждою быть любимымъ отъ твоей сестры?» Это говоритъ Нечай!!!...

Спрашиваю васъ, г. авторъ, не странны ли послѣ этого всѣ ваши авторскія претензіи?

Въ заключеніе скажу, что изъ множества эпиграфовъ, которыми усѣянъ вашъ романъ, удачнѣе другихъ подобранъ слѣдующій:

А намъ дукаты, и дукаты!...

Онъ какъ то лучше идетъ къ роману...

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. *Москва. 1835.*

Ну—пошла писать наша народная литература! Сказка за сказкою! Только успѣвай встрѣчать да провожать незванныхъ гостей! И правду говорятъ, что русскій человѣкъ смышленъ: выдумать что-нибудь свое—глупое или умное—не его дѣло; за то ужъ если натолкнетъ его кто нибудь—такъ держись только, да смотри въ оба! Охъ, «Царь Салтанъ Салтановичъ»! Богъ тебѣ судья! встормошилъ ты нашъ неугомонный народъ—житья не стало отъ сказокъ, хоть бѣги со свѣта долой! Не понимаю, какъ по сію пору никому не придетъ въ голову издать «Илью Муромца« Карамзина на лучшей велепевой бумагѣ, со всею типографическою роскошью и съ учеными примѣчаніями. Кажется теперь настало именно то время, когда это плохинькое произведеньеце, которое самъ авторъ почиталъ бездѣлкою и шуткою, должно казаться великимъ, геніальнымъ твореніемъ, вѣковымъ типомъ почти всего, что̀ нынѣ пишется. Право, пора бы сбыться надъ нимъ судьбѣ Мильтонова «Потеряннаго Рая», котораго современники оцѣнили въ 7½ ф. ст., а потомство превознесло превыше свѣтилъ небесныхъ! И въ самомъ дѣлѣ, развѣ «Илья Муромецъ» уступитъ въ достоинствѣ «Царю Салтану», «Берендею», «Коньку-Горбунку» и пр. и пр.? Да, крайности сходятся!

Что̀ такое «Царь-Дѣвица«? Право, не знаю! Три раза прочелъ, а ровно ничего не понялъ! Можетъ-быть потому, что вся эта крохотная сказочка состоитъ изъ фантастическихъ сновъ, а

Когда же складны сны бываютъ?

Знаю только то, что эта книжечка написана гладенькими стишками, состоитъ ровнымъ счетомъ, со включеніемъ заглавнаго листка, изъ 23 страницъ и продается по два рубля съ полтиною.

СОЧИНЕНІЯ ВЪ ПРОЗѢ И СТИХАХЪ КОНСТАНТИНА БАТЮШКОВА. *Спб. 1834. Двѣ части.*

Наша литература, чрезвычайно богатая громкими авторитетами и звонкими именами, бѣдна до крайности истинными талантами. Вся ея исторія шла такимъ образомъ: вмѣстѣ съ какимъ-нибудь свѣтиломъ, истиннымъ или ложнымъ, появлялось человѣкъ до десяти бездарныхъ людей, которые, обманываясь сами въ своемъ художническомъ призваніи, обманывали неумышлено и добродушную, довѣрчивую публику, блистали по нѣскольку мгновеній, какъ воздушные метеоры, и тотчасъ погасали. Сколько пало самыхъ громкихъ авторитетовъ съ 1825 года по 1835! Теперь даже и боги этого десятилѣтія, одинъ за другимъ, лишаются своихъ алтарей и погибаютъ въ Летѣ съ постепеннымъ распространеніемъ истинныхъ понятій объ изящномъ и знакомства съ иностранными литературами. Тредьяковскій, Поповскій, Сумароковъ, Херасковъ, Петровъ, Богдановичъ, Бобровъ, Капнистъ, г. Воейковъ, г. Катенинъ, г. Лобановъ, Висковатовъ, Крюковскій, С. Н. Глинка, Бунина, братья Измайловы, В. Пушкинъ, Майковъ, кн. Шаликовъ — всѣ эти люди не только читались и приводили въ восхищеніе, но даже почитались поэтами; этого мало, нѣкоторые изъ нихъ слыли геніями первой величины, какъ-то: Сумароковъ, Херасковъ, Петровъ и Богдановичъ; другіе были удостоены тогда почетнаго, но теперь потерявшаго смыслъ, титла образцовыхъ писателей *). Теперь, увы! имена однихъ изъ

*) Вотъ, напримѣръ, что писалъ о Майковѣ знаменитый драматургъ нашъ кн. Шаховской, въ краткомъ предисловіи къ своей ирои-комической поэмѣ „Расхищенныя Шубы", помѣщенной въ „Чтеніи въ Бесѣдѣ Любителей Россійскаго Слова" 1811 года; „На нашемъ языкѣ Василій Ивановичъ Майковъ сочинилъ „Елисея", шуточную поэму въ 4 пѣсняхъ. Отличныя дарованія сего поэта и

нихъ извѣстны только по преданіямъ о ихъ существованіи, другихъ потому только, что они еще живы, какъ люди, если не какъ поэты.... Имя самого Карамзина уважается теперь какъ имя незабвеннаго дѣйствователя на поприщѣ образованія и двигателя общества, какъ писателя съ умомъ и рвеніемъ къ добру, но уже не какъ поэта-художника... Но хотя авторская слава такъ часто бываетъ непрочна, хотя удивленіе и хвала толпы бываютъ такъ часто ложны, однако, слѣпая, она иногда, какъ будто невзначай преклоняетъ свои колѣна и передъ истиннымъ достоинствомъ. Но она, повторяю, часто дѣлаетъ это по слѣпотѣ, невзначай, ибо превозноситъ художника за то, за что порицаетъ его потомство, и, наоборотъ, порицаетъ его за то, за что превозноситъ его потомство. Батюшковъ служитъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ сей истины. Что этотъ человѣкъ былъ истинный поэтъ, что у него было большое дарованіе, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но за что превозносили его похвалами современники, чему удивлялись они въ немъ, почему провозгласили его образцовымъ (въ то время то же, что нынѣ геніальнымъ) писателемъ?... Отвѣчаю утвердительно: правильный и чистый языкъ, звучный и легкій стихъ, пластицизмъ формъ, какое-то жеманство и кокетство въ отдѣлкѣ, словомъ, какая-то классическая щекотливость — вотъ что плѣняло современниковъ

прекраснѣйшіе стихи (!!), которыми наполнено (чѣмъ: отличными дарованіями или прекраснѣйшими стихами?) его сочиненіе, заслуживаютъ справедливыя похвалы всѣхъ любителей русскаго слова; но содержаніе поэмы, взятое изъ само-простонародныхъ происшествій и буйственныя дѣйствія его героя, не позволяютъ причесть сіе острое и забавное твореніе къ роду ирои-комическихъ поэмъ, необходимо требующихъ благопристойной шутливости (стр. 46)". Такъ какъ это было давно, то я привожу это мнѣніе не въ укоръ знаменитому и многоуважаемому мною драматургу, а какъ фактъ для исторіи русской литературы и доказательство, какъ непрочно удивленіе современниковъ къ авторамъ.

въ произведеніяхъ Батюшкова. Въ то время о чувствѣ не хлопотали, ибо почитали его въ искусствѣ лишнимъ и пустымъ дѣломъ, требовали искусства, а это слово имѣло тогда особенное значеніе и значило почти одно и то же съ вычурностію и неестественностію. Впрочемъ была и другая важная причина, почему современники особенно полюбили и отличили Батюшкова. Надобно замѣтить, что у насъ классицизмъ имѣлъ одно рѣзкое отличіе отъ французскаго классицизма; какъ французскіе классики старались щеголять звонкими и гладкими, хотя и надутыми, стихами и вычурно-обточенными фразами, такъ наши классики старались отличаться варварскимъ языкомъ, истинною амальгамою славянщины и искаженнаго русскаго языка, обрубали слова для мѣры, выламывали дубовыя фразы и называли это піитическою вольностію, которой во всѣхъ эстетикахъ посвящалась особая глава. Батюшковъ первый изъ русскихъ поэтовъ былъ чуждъ этой піитической вольности—и современники его разахалися. Мнѣ скажутъ, что Жуковскій еще прежде Батюшкова выступилъ на поприще литературы: такъ, но Жуковскаго тогда плохо разумѣли, ибо онъ былъ слишкомъ не по плечу тогдашнему обществу, слишкомъ идеаленъ, мечтателенъ, и посему былъ заслоненъ Батюшковымъ. Итакъ, Батюшкова провозгласили образцовымъ поэтомъ и прозаикомъ и совѣтовали молодымъ людямъ, упражняющимся (въ часы досуговъ, отъ нечего дѣлать) словесностію, подражать ему. Мы, съ своей стороны, никому не посовѣтуемъ подражать Батюшкову! хотя и признаемъ въ немъ большое поэтическое дарованіе, а многія изъ его стихотвореній, несмотря на ихъ щеголеватость, почитаемъ драгоцѣнными перлами нашей литературы. Батюшковъ былъ вполнѣ сынъ своего времени. Онъ предощущалъ какую-то новую потребность въ своемъ художественномъ направленіи, но, увлеченный классическимъ воспитаніемъ, которое основывалось на странномъ и безотчетномъ удивленіи къ

греческой и латинской литературѣ, скованный слѣпымъ обожаніемъ французской словесности и французскихъ теорій, онъ не умѣлъ уяснить себѣ того, что̀ предощущалъ какимъ-то темнымъ чувствомъ. Вотъ почему вмѣстѣ съ элегіею «Умирающій Тассъ»—этимъ произведеніемъ, которое отличается глубокимъ чувствомъ, не поглощеннымъ формою, энергическимъ талантомъ, и которому въ параллель можно поставить только «Андрея Шенье» Пушкина, онъ написалъ потомъ вялое, прозаическое посланіе къ Тассу (ч. II, стр. 98); вотъ почему онъ творецъ: «Элегіи на развалинахъ замка въ Швеціи», «Тѣнь друга», «Послѣдняя весна», «Омиръ и Гезіодъ», «Къ другу», «Къ Карамзину», «Н. М. М. А.», «Къ Н.», «Переходъ черезъ Рейнъ» — подражалъ пошлому Парни, и оставилъ намъ скучную сказку «Странствователь и Домосѣдъ», отрывочной переводъ изъ Тасса, ужасающій Херасковскими ямбами, и множество стихотвореній рѣшительно плохихъ, и наконецъ множество балласта, состоящаго изъ эпиграммъ, мадригаловъ и тому подобнаго; вотъ почему, признаваясь, что «древніе герои подъ перомъ Фонтенеля не рѣдко преображаются въ придворныхъ Лудовикова времени, и напоминаютъ намъ учтивыхъ пастуховъ того же автора, которымъ не достаетъ парика, манжетъ и красныхъ каблуковъ, чтобы шаркать въ королевской передней» (ч. I, стр. 101), онъ не видѣлъ того же самаго въ сочиненіяхъ Расина и Вольтера и восхищался Рюриками, Оскольдами, Олегами Муравьева, въ которомъ благороднаго сановника, добродѣтельнаго мужа, умнаго и образованнаго человѣка, смѣшивалъ съ поэтомъ и художникомъ *). Кромѣ поименованныхъ мною стихотвореній, нѣкоторыя замѣча-

*) Муравьевъ, какъ писатель, замѣчателенъ по своему нравственному направленію, въ которомъ просвѣчивалась его прекрасная душа, и по хорошему языку и слогу, который, какъ то можно замѣтить даже изъ отрывковъ, приведенныхъ Батюшковымъ, едва ли уступаетъ Карамзинскому.

тельны по прелести стиха и формы, какъ, напр., «Воспоминаніе», «Выздоровленіе», «Мои Пенаты», «Таврида», «Источникъ», «Плѣнный», «Отрывокъ изъ Элегіи» (стр. 75), «Мечта», «Къ Н—ну», «Разлука», «Вакханка» и даже самыя подражанія Парни. Все остальное посредственно. Вообще отличительный характеръ стихотвореній Батюшкова составляетъ какая-то безпечность, легкость, свобода, стремленіе не къ благороднымъ, но къ облагороженнымъ наслажденіямъ жизни; въ семъ случаѣ они гармонируютъ съ первыми произведеніями Пушкина, исключая, разумѣется, тѣ, кои, у сего послѣдняго, проникнуты глубокимъ чувствомъ. Проза его любопытна, какъ выраженіе мнѣній и понятій одного изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени. Во всемъ прочемъ, кромѣ развѣ хорошаго языка и слога, она не заслуживаетъ никакого вниманія. Впрочемъ, лучшія прозаическія статьи суть: «Нѣчто о морали, основанной на философіи и религіи», «О поэзіи и поэтѣ», «Прогулка въ Академію», а самыя худшія: «О легкой поэзіи», «О сочиненіяхъ Муравьева», и въ особенности повѣсть «Предслава и Добрыня».

Теперь объ изданіи. Наружность онаго не только опрятна и красива, но даже роскошна и великолѣпна. Нельзя не поблагодарить отъ души г. Смирдина за этотъ прекрасный подарокъ, сдѣланный имъ публикѣ, тѣмъ болѣе, что онъ уже не первый, и, надѣемся, не послѣдній. Цѣна, по красотѣ изданія, самая умѣренная: въ Петербургѣ 15, а съ пересылкою въ другіе города 17 рублей. Вотъ чѣмъ должны заслуживать общее уваженіе гг. книгопродавцы. Безкорыстныхъ подвиговъ мы можемъ желать отъ нихъ, но не требовать; цѣль дѣятельности купца есть барыши; въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго, если только онъ пріобрѣтаетъ эти барыши честно и добросовѣстно, если онъ только не способствуетъ, своими денежными средствами и своею

излишнею падкостію къ выгодамъ, распространеніе дурныхъ книгъ и развращенію общественнаго вкуса.

Жаль только, что это изданіе, вполнѣ удовлетворяя требованія вкуса въ наружныхъ достоинствахъ, не удовлетворяетъ ихъ во внутреннихъ. Еще при выходѣ сочиненій Державина г. Смирдину было замѣчено въ одномъ московскомъ журналѣ, что стихотворенія должны располагаться въ хронологическомъ порядкѣ, сообразно со временемъ ихъ появленія въ свѣтъ. Такого рода изданія представляютъ любопытную картину постепеннаго развитія таланта художника и даютъ важные факты для эстетика и для историка литературы. Напрасно г. Смирдинъ не обратилъ на это вниманія.

ДОСУГИ ИНВАЛИДА. *Часть вторая. Москва. 1835.*

Это новое произведеніе г. Ушакова; г. Ушаковъ писатель плодовитый! Не говоря уже о его длинныхъ и скучныхъ статьяхъ о польской литературѣ и русскомъ театрѣ, сколько повѣстей вышло изъ-подъ его неутомимаго пера! Какъ всѣ замѣчательные люди, г. Ушаковъ имѣетъ своихъ завистниковъ. Оно кажется, чему бы завидовать... но онъ самъ сказалъ въ своемъ предисловіи, что «онъ имѣетъ счастіе не нравиться нѣкоторымъ ученымъ журналамъ». Слово «ученымъ», какъ само собою разумѣется, отмѣчено у него позорнымъ клеймомъ курсива. Г. Ушаковъ не любитъ учености! Это уже давно извѣстно. Но не въ томъ дѣло. Зачѣмъ человѣку съ истиннымъ талантомъ прибѣгать къ такимъ страшнымъ средствамъ для обращенія на себя вниманія публики? Что̀ за Гомеръ такой г. Ушаковъ, что у него есть свои зоилы? Мы знаемъ изъ темныхъ преданій нашей литературы, что были завистники у Крылова, у Озерова, у Грибоѣдова: это въ порядкѣ вещей, ибо сіи писатели могли

возбудить къ себѣ зависть жалкой посредственности, которая думала подвизаться на одномъ съ ними поприщѣ; но, чтобъ были завистники у г. Ушакова... это невѣроятно. Г. Ушаковъ написалъ очень хорошую повѣсть «Киргизъ-Кайсакъ», и въ немъ признали талантъ тѣ самые люди, которые безжалостно насмѣхались надъ его журнальными статьями; г. Ушаковъ написалъ нѣсколько плохихъ повѣстей, и ему всѣ безъ обиняковъ объявили, что эти повѣсти не достойны имени сочинителя «Киргизъ-Кайсака»: гдѣ-жъ зависть?...

Въ вышепоименованномъ новомъ своемъ произведеніи г. Ушаковъ хотѣлъ практически развить очень истертую мысль, что бракъ безъ взаимной любви есть преступленіе. Самый коротенькій, и притомъ довольно пошлый анекдотецъ растянулъ онъ на цѣлую книгу. Дѣло въ томъ, что одинъ офицеръ, родомъ Черкесъ, взятый въ дѣтствѣ въ плѣнъ русскимъ генераломъ и воспитанный имъ со всею нѣжностію отца, влюбился въ одну княгиню. Такъ какъ онъ былъ стыдливъ какъ красная дѣвушка, то княгиня, не любившая излишнихъ проволочекъ, поспѣшила навести простячка на объясненіе, повиснуть на шеѣ бѣднаго малаго и взорвать его, какъ пороховой боченокъ, сладострастнымъ поцѣлуемъ. Не удовольствовавшись этимъ, она, жертва торговаго брака, назначаетъ ему свиданіе. Молодой человѣкъ, любившій ее цѣлые два или три года платоническою любовію, и ужасавшійся мысли осквернить брачное ложе ближняго, хочетъ ее образумить, выпиваетъ для смѣлости пуншу, нарѣзывается какъ сапожникъ, и говоритъ ей полу-русскимъ и полу-славянскимъ языкомъ самыя солдатскія любезности. (Какъ въ голову войдетъ дурачество такое?) Бѣдная княгиня остолбенѣла и прогнала отъ себя пьянаго нахала. Онъ, послѣ такого дебюта, становится смѣлѣе съ женщинами, волочится за ними безъ устали, но мысль о княгинѣ преслѣдуетъ его; наконецъ его убиваютъ на сраженіи, княгиня умираетъ съ

горя. Все это пересказано длинно, скучно, все это приправлено сентенціями о томъ и о семъ, а больше ни о чемъ. Странно то, что почтенный авторъ, бывшій нѣкогда отчаяннымъ романтикомъ и ратовавшій, елико могъ, за новизну, обнаруживаетъ теперь самое классическое направленіе; безпощадно бранитъ Байрона за то, что «онъ надѣлилъ огнемъ и геройствомъ своихъ Кондрадовъ и Чайльдъ-Гарольдовъ на злодѣнія, на прелюбодѣяніе, на богохуленіе, на всѣ мерзости, украшающія его произведенія», словомъ, оказываетъ удивительное, впрочемъ, весьма похвальное, благоговѣніе ко всему, что съ такимъ ожесточеніемъ преслѣдовалъ бывало въ своихъ журнальныхъ статейкахъ. Ни одной свѣтлой мысли, ни одного занимательнаго положенія, ни одной хорошей картины нѣтъ въ его скучномъ и вяломъ разсказѣ; все такъ обще, истерто, старо, что никакъ не можешь помириться съ мыслію, что читаешь произведеніе автора «Киргизъ-Кайсака».

Что время имѣетъ большое вліяніе на людей, это истина несомнѣнная; но не менѣе того несомнѣнно и то, что его вліяніе часто бываетъ совершенно противоположно, смотря по свойству людей. «Какъ уменъ этотъ человѣкъ» говорятъ иногда люди, «да и не мудрено: онъ такъ долго жилъ на свѣтѣ, такъ много видѣлъ, слышалъ и чувствовалъ!» «Какъ страненъ и несносенъ этотъ человѣкъ»,—тоже случалось мнѣ слышать—«и не мудрено: становится старъ»!...

АНГАРСКІЕ ПОРОГИ. *Сибирская быль. Соч. Н. Щ. Спб. 1835.*

Г. Н. Щ. подражаетъ г. Калачникову: г. Калачниковъ великій писатель, слѣдовательно нѣтъ ничего удивительнаго или предосудительнаго въ томъ, что г. Н. Щ. подражаетъ г-ну Калачникову! Г. Н. Щ. называетъ нашу (т. е. русскую) критику пристрастною: г. Н. Щ. писатель съ ге-

ніемъ, слѣдовательно нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что онъ имѣетъ враговъ и завистниковъ—это общая участь генія. Я не умѣлъ отдать должной справедливости его первому произведенію «Поселыщикъ», ибо не могъ возвыситься до него, и потому въ «С. Пчелѣ» мой взглядъ на это твореніе былъ названъ однообразнымъ; признаюсь откровенно, что мои взгляды на нашу литературу точно очень однообразны; впрочемъ, въ семъ случаѣ, мнѣ можетъ служить оправданіемъ то, что наша литература съ нѣкотораго времени сдѣлалась очень однообразна. Какъ бы то ни было, но я каюсь въ моей винѣ предъ г. Н. Щ., и торжественно объявляю, что его новый романъ произвелъ на меня сильный эффектъ: онъ показался мнѣ до такой степени трогательнымъ и чувствительнымъ, что я, прочтя половину, залился слезами и съ горя заснулъ: послѣ слезъ крѣпко спится! Такъ какъ въ это время я страдалъ безсонницею, то и почитаю за долгъ благодарить г. Н. Щ. за его романъ; такъ какъ на другой вечеръ я почувствовалъ въ урочное время расположеніе ко сну, изъ чего и заключилъ, что безсонница оставила меня, то и не почелъ за долгъ дочесть занимательную повѣсть г. Н. Щ. Посему не могу довести до свѣдѣнія читателя, какъ много, противъ прежняго романа, новыхъ географическихъ, топографическихъ, геологическихъ и прочихъ фактовъ о Сибири заключается въ новомъ романѣ г-на Н. Щ., и что̀ такое «Ангарскіе Пороги».

АРАБЕСКИ. *Разныя сочиненія Н. Гоголя. Спб. 1835. Двѣ части.*

МИРГОРОДЪ. *Повѣсти, служащія продолженіемъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки»*, *Н. Гоголя. Спб. 1835. Двѣ части.*

Конецъ 1833 и начало 1834 года были ознаменованы какою-то особенною мертвенностію въ нашей литературѣ;

казалось, что уже все кончилось—и книги и журналы. Старые поэты, какъ заслуженные ветераны, или совсѣмъ сошли со сцены, или позамолкли, а новыхъ не являлось. «Торквато Тассъ» г. Кукольника порадовалъ было любителей изящнаго, какъ пріятная, хотя и дѣтская греза. Прекрасные стихи, нѣсколько поэтическихъ мѣстъ въ семъ произведеніи заставили было публику поздравить себя съ новымъ поэтомъ, подававшимъ блестящія надежды... Несравненно выше и занимательнѣе былъ «Дмитрій Самозванецъ» г. Хомякова; кромѣ нѣкоторыхъ неотъемлемыхъ достоинствъ сей драмы, ей придала особенную значительность пустота и ничтожность всѣхъ печатныхъ явленій того времени. Но видно г. Хомяковъ не такъ былъ богатъ журнальными благопріятелями, какъ г. Кукольникъ. Да и что-жъ мудренаго—вѣдь говоритъ же пословица: не родись пригожъ, не родись уменъ—родись счастливъ?... Я не хочу этимъ сказать, чтобы драма г. Хомякова была какимъ-нибудь чудомъ или даже чѣмъ-нибудь важнымъ; но если въ наше время пишутся преогромныя статьи о такихъ трагедіяхъ, которыя не заслуживаютъ рѣшительно ни малѣйшаго вниманія ни въ какомъ отношеніи, то почему же бы не сказать слова два о такомъ сочиненіи, которое замѣчательно если не большимъ достоинствомъ, то, по крайней мѣрѣ, какъ заблужденіе замѣчательнаго таланта, которому не удается попасть на надлежащую дорогу? Но объ этомъ послѣ. Моя рѣчь клонится къ тому, что гораздо лучше посчастливилось концу 1834 и началу 1835 года. Повѣсти г. Павлова, «Аббаддонна» г. Полеваго, «Арабески» и «Миргородъ» г. Гоголя принадлежатъ къ самымъ пріятнымъ явленіямъ въ нашей литературѣ и всѣ появились въ этотъ промежутокъ времени. Если мы прибавимъ, что на дняхъ вышелъ новый романъ г. Вельтмана «Свѣтославичъ Вражій Питомецъ», печатаются два новые романа г. Полеваго, и оканчивается печатаніемъ давно ожидаемый романъ г. Лажечникова «Ле-

дяной Домъ», то по неволѣ сознаемся, что 1835 годъ, въ литературномъ отношеніи, въ сорочкѣ родился... Дай Богъ, чтобы его начало было прекрасною зарею новаго лучшаго дня для нашей литературы...

Всѣмъ извѣстенъ прекрасный талантъ г. Гоголя. Его первое произведеніе: «Вечера на хуторѣ близь Диканьки», возбудило въ публикѣ самыя лестныя надежды. Но благоразумнѣйшіе изъ читателей, наученные горькимъ опытомъ, не смѣли слишкомъ предаваться этимъ надеждамъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ богата наша литература такими писателями, которые первыми своими произведеніями подавали о себѣ большія надежды, а послѣдующими уничтожали эти надежды! У меня вертится на языкѣ нѣсколько твореній такого рода, къ которымъ такъ хорошо идетъ эпитетъ счастливыхъ или удачныхъ... Есть люди, которые въ большихъ статьяхъ неудачу вторыхъ и третьихъ романовъ приписываютъ какому-то меркантильному направленію и торговымъ разсчетамъ гг. авторовъ; по моему мнѣнію, это странное явленіе можно всего естественнѣе и всего справедливѣе объяснять бездарностію гг. авторовъ: истинный талантъ не могутъ убить ни хорошая плата за заслуженные труды, ни рѣзкая критика. Гораздо страннѣе успѣхъ такого рода литературныхъ рыцарей; но назвавши ихъ произведенія счастливыми или удачными, вы легко разгадаете и эту загадку... Но не о томъ дѣло... Я хочу сказать, что г. Гоголь составляетъ прекрасное и утѣшительное исключеніе изъ сихъ столь общихъ и столь обыкновенныхъ у насъ явленій: двѣ его пьесы въ «Арабескахъ» («Невскій Проспектъ» и «Записки Сумасшедшаго») и потомъ «Миргородъ» доказываютъ, что его талантъ не упадаетъ, но постепенно возвышается *).

*) Подробный отчетъ объ этихъ двухъ книгахъ помѣщенъ въ отдѣлѣ критики этой же части (стр. 173).

ТАИНСТВЕННЫЙ МОНАХЪ ИЛИ НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ПЕТРА I. *Историческій романъ. Спб. 1834. Три части.*

Начавъ читать этотъ романъ, я (на 14 страницѣ первой части) нашелъ, что бояринъ Хованскій, пришедши домой въ одинъ осенній вечеръ 1676 года, раздѣвшись до рубахи и надѣвши тулупъ, приказалъ ставить самоваръ, чтобы напиться чаю: итакъ, въ осенніе вечера 1676 года наши бородатые бояре пили уже чай и держали въ домѣ самовары! Жаль, что почтенный авторъ, который, какъ видно изъ сего образчика, весьма силенъ въ знаніи отечественныхъ древностей, не сказалъ, употребляли ли наши бояре съ чаемъ ямайскій ромъ, или аракъ! Какъ бы то ни было, но я такъ обрадовался этому любопытному извѣстію, касательно образа домашней жизни нашей древней аристократіи, что въ восторгѣ не хотѣлъ далѣе читать и положилъ было книгу на столъ. Но человѣческія желанія ненасытимы; притомъ же кому не хочется выучиться всему, ничему не учась? Итакъ, въ надеждѣ набрести еще на какіе-нибудь драгоцѣнные историческіе и археологическіе факты, я снова взялъ въ руки книгу, прочелъ ее до конца—и не даромъ: надежда не обманула меня—я много нашелъ диковинокъ. Но не хочу лишать читателей пріятнаго удовольствія, которое они могутъ получить, отыскивая сами дивныя дива «Таинственнаго Монаха». Вмѣсто всего этого я хочу сказать кое-что à-propos. У меня предурная привычка говорить всегда не о главномъ дѣлѣ, а такъ, о чемъ-нибудь постороннемъ: что̀ дѣлать, это мой конекъ.

Съ какой цѣлію написанъ этотъ романъ? Если для того, чтобы обогатить русскую литературу новымъ художественнымъ созданіемъ, то скажу откровенно почтенному, хотя и неизвѣстному мнѣ автору, что онъ не достигъ своей

цѣли: онъ совершенно не поэтъ, не художникъ. Его Петръ, его Софія, его Хованскій, Голицынъ, Щегловитый, Меньщиковъ, Дорошенко, Мазепа, Карлъ XII и прочія выведенныя имъ историческія лица суть не иное что̀, какъ общія риторическія мѣста, о́бразы безъ лицъ, сбитые кое-какъ на одну колодку.

Если авторъ имѣлъ цѣль дидактическую, т. е. хотѣлъ развить практически какія-нибудь идеи, или, въ формѣ романа, представить новыя точки зрѣнія на событія избранной имъ эпохи изъ отечественной исторіи, то опять скажу ему съ тою же откровенностію, что и въ семъ случаѣ онъ ни мало не достигъ своей цѣли. Ибо дидактическое направленіе въ искусствѣ требуетъ современныхъ идей о предметахъ и просвѣщеннаго взгляда на вещи: но, спрашиваю всѣхъ и каждаго, есть ли что-нибудь современнаго въ понятіяхъ автора объ искусствѣ въ сихъ строкахъ: «Надобно предувѣдомить читателя, что онъ, по всегдашней своей благосклонности (охъ ужъ эти авторскіе надежды на благосклонность читателей!), долженъ будетъ дѣлать мысленно за авторомъ скачки, не по днямъ, а по годамъ (трудное дѣло— какъ разъ упрыгаешься: сужу по собственному опыту). Это романическіе антракты, въ которые (въ которыхъ?) авторъ не находитъ, что̀ бы ему написать путнаго (хоть и говорятъ, что дѣло мастера боится, а видно не такъ-то легко!)— а, гоняясь за эффектами, собираетъ происшествія многихъ лѣтъ, чтобъ поразить читателя сложностію явленій»—Правда, сущая правда! именно такъ и дѣлали всѣ великіе романисты, начиная съ Вальтеръ-Скотта до автора «Таинственнаго Монаха». Эти прекрасныя и глубокія мысли о творчествѣ г. авторъ заключаетъ сими грустными, уныніе наводящими словами: «Счастливы оба (т. е. авторъ и его читатель), если это удастся. Только многіе собираются, да мало являются. Можетъ быть и наша участь такова же». Всесовершеннѣйшая и всеконечнѣйшая правда! Жаль только,

что послѣдняя мысль выражена въ предположительной, а не утвердительной формѣ!

Если г. авторъ хотѣлъ представить живую картину быта нашихъ предковъ въ самую занимательную эпоху русской исторіи, то и здѣсь онъ не вполнѣ достигаетъ своей цѣли: ибо хотя у него факты и до крайности вѣрны (что̀ можно видѣть изъ самовара и чаю), но въ картинахъ нѣтъ никакой жизни.

Если г. авторъ хотѣлъ своимъ романомъ доставить публикѣ хорошо и складно написанную по русски книгу, то, въ семъ отношеніи, онъ всего менѣе достигъ своей цѣли; ибо, увлеченный можетъ быть порывами воображенія, онъ забылъ орѳографію, что̀ видно изъ неправильной разстановки знаковъ препинанія, и въ особенности двоеточій, а болѣе всего въ ошибкахъ противъ синтаксиса, что̀ можно видѣть изъ слѣдующихъ выдержекъ: «Зная духъ Русскихъ, онъ предвидѣлъ, что, покоривъ его однажды спасительному игу военнаго повиновенія, солдаты его будутъ первѣйшими въ свѣтѣ». (Ч. II, стр. 149). Это галлицизмъ, а такихъ галлицизмовъ въ семъ романѣ тьма. «Она была залившись слезами»—эта фраза изъ петербургскаго жаргона, а такихъ фразъ въ семъ романѣ бездна. Замѣчу еще мимоходомъ объ эстетическомъ чувствѣ г. автора: на 203 стр. втораго тома у него помѣщена такая чудная картина (строка 16—22), что я, изъ уваженія къ читателямъ и изъ страха возмутить ихъ душу и произвести тошноту, не выписываю этого мѣста, несмотря на всю его краткость, а только совѣтую г. автору избѣгать этихъ отвратительныхъ пошлостей, которыми такъ любитъ щеголять игривая фантазія Барона Брамбеуса.

ВѢДЬМА ИЛИ СТРАШНЫЯ НОЧИ ЗА ДНѢПРОМЪ. *Соч. А. Чуровскаго. Москва 1834. Три части.*

ЧЕРНОЙ (ый)? КОЩЕЙ, ИЛИ ЗА ДНѢПРОВСКІЙ ХУТОРЪ У ЛУННОЙ ГОРЫ. *Русскій романъ, изъ временъ Петра Великаго Соч. А. Чуровскаго. Москва. 1834. Три части.*

Г. А. Чуровскій есть новое лице, недавно выступившее на поприще литературы. Но неизвѣстность его имени ни мало не мѣшаетъ совершенному успѣху его дебюта; пословица говоритъ: видно птицу по полету, а добраго молодца по ухваткѣ! Онъ подражаетъ почтенному Н. И. Гречу, знаменитому автору «Черной Женщины», и, надобно сказать правду, подражаетъ ему съ большимъ успѣхомъ: его романъ не только ни на волосъ не уступаетъ въ достоинствѣ «Черной Женщинѣ», но еще превосходитъ ее занимательностью содержанія, обиліемъ всякаго рода чертовщины, т. е. участіемъ нечистой силы въ дѣлахъ слабыхъ смертныхъ, множествомъ картинъ мастерской отдѣлки въ родѣ сочиненій матушки мадамъ Жанлисъ, Радклифъ, Дюкре-Дюмениля и всей честной братіи. Во всемъ этомъ г. Чуровскій несравненно выше г. Греча, но у него есть свои стороны, въ которыхъ онъ уступаетъ г. Гречу: это, во-первыхъ, грамматика, которая у г. Чуровскаго жестоко страждетъ, тогда какъ у г. Греча является во всемъ блескѣ совершенства; само собою разумѣется, что и не г. А. Чуровскому далеко тягаться съ нимъ въ семъ случаѣ. Итакъ, г. А. Чуровскій въ грамматикѣ далеко уступаетъ ему, равно какъ и въ наружныхъ качествахъ своихъ романовъ: они печатаны въ типографіи г. Пономарева, и слѣдовательно на дурной сѣрой бумагѣ и съ типографическими ошибками, которыя, въ соединеніи съ орѳографическими, синтаксическими и этимологическими, приводятъ въ трепетъ даже и меня, меня за грѣхи

жизни, обреченнаго судьбою на чтеніе всѣхъ возможныхъ ужасовъ, начиная съ невинныхъ мечтаній Вадима*** до неистовой трескотни повѣстей Барона Брамбеуса. За то сочиненія г. Чуровскаго превосходятъ твореніе г. Греча внутренними качествами. Во-первыхъ, въ нихъ чертовщины гораздо больше; во-вторыхъ, они отличаются большею современностію, или, по крайней мѣрѣ, претензіями на современность. Но я чувствую, что я никогда бы не кончилъ, если бы сталъ разсматривать романы г. А. Чуровскаго въ отношеніи къ роману г. Греча. Чтобы не утомить читателей «Молвы» огромною рецензіею, я предоставляю имъ самимъ судить о достоинствѣ произведеній г. А. Чуровскаго по слѣдующей тирадѣ изъ его «Чернаго Кощея»:

„Ну, Ѳедюха Юла! распотѣшилъ ты давича мою головушку, говорилъ одинъ изъ нихъ; шутка ли, началъ передъ Матрешей какія финты фанты разводить; ужь моли Богу, что не видалъ-те Гришуха Бурсакъ, а то отломалъ бы бока то!

„Гришуха Бурсакъ!—ну ужь великая штука!... Нѣтъ, братъ Селюша, ты еще не видывалъ отъ меня рыси! я не такую пыль въ глаза запущу, а что мнѣ Гришуха?—ни почемъ!... Я какъ поговорилъ дюжо съ Матрешей, такъ она теперь и плевать-то на него не захочетъ.—Да что и за полюбовникъ! какъ связшался съ Мишухой удалымъ, по недѣлѣ къ ней и глазъ не кажетъ"! (Ч. II. 7).

Неправда ли, что въ этомъ маленькомъ отрывкѣ вся Малороссія видна какъ на ладони?—что она выражена, воспроизведена въ немъ съ удивительно-поразительною вѣрностію?

Одно только странно, что г. А. Чуровскій ни разу не упомянулъ, въ своемъ «Черномъ Кощеѣ», о Петрѣ Великомъ, имя котораго выставлено въ заглавіи! Неужели это можно объяснить излишнею подражательностію? Вотъ въ томъ-то и бѣда, что геніи, подражая какому-нибуть творенію и превосходя свой оригиналъ красотами, не рѣдко, какъ бы противъ своей воли отражаютъ его недостатки въ своихъ твореніяхъ. Г. А. Чуровскій, ради самаго Феба, не подражайте г. Гречу;

равнымъ образомъ, не учитесь грамматикѣ; эта прозаическая наука генію ни къ чему не служитъ, а лишь только охлаждаетъ его пламенные восторги.

УЧЕБНАЯ КНИГА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ (ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.) *Сочиненіе профессора И. Кайданова. Древняя исторія. Отъ сотворенія міра и происхожденія первыхъ государствъ до переселенія народовъ и паденія Западной Римской Имперіи. Спб. 1834.*

Въ предисловіи къ этой книгѣ, г. сочинитель говоритъ: «Просвѣщенные читатели сей книги замѣтятъ, что, составляя древнюю исторію, я разсматривалъ многіе (почему же не всѣ?) предметы, входящіе въ составъ ея, совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, нежели съ каковой я смотрѣлъ на нихъ лѣтъ за пятнадцать передъ симъ, и вообще изложилъ древнюю исторію въ другомъ, противъ прежняго, видѣ». То же самое объявила и «Сѣверная Пчела» при извѣстіи о выходѣ этой книги, увѣдомляя своихъ читателей, что г. Кайдановъ представляетъ въ своемъ новомъ трудѣ результаты успѣховъ, сдѣланныхъ наукою въ продолженіи послѣднихъ пятнадцати лѣтъ. Признаюсь, какъ выписанныя мною строки изъ предисловія почтеннаго автора, такъ и объявленіе «Сѣверной Пчелы» поразили умы многихъ читателей глубокимъ удивленіемъ. «Что за чудо такое совершилось въ наше время?» думали мы. Мы имѣли полное право не довѣрять «Пчелѣ», въ глазахъ которой всѣ предметы книжнаго петербургскаго міра представляются въ увеличительномъ видѣ; но удостовѣреніе самого автора, котораго скромность всѣмъ извѣстна, сдѣлала насъ по неволѣ суевѣрными. Но, прочтя опредѣленіе исторіи, какъ науки, и первую страни-

цу введенія, мы тотчасъ увидѣли, что это чудо очень естественно и обыкновенно. Правда, въ этой книгѣ много перемѣнъ и улучшеній, словомъ, много новаго; но это новое ново только для одного автора, и не носитъ на себѣ никакихъ признаковъ успѣховъ науки. Изъ этого читатели не должны однако заключать, что г. Кайдановъ хотѣлъ умышленно придать своей книгѣ больше цѣны для лучшаго ея сбыта, какъ то дѣлаютъ многіе, которыхъ мы не называемъ. Нѣтъ, онъ, такъ же скроменъ и добросовѣстенъ, какъ былъ всегда: онъ, можетъ-быть, многихъ читателей ввелъ въ заблужденіе, но это потому, что самъ находится въ заблужденіи. Разбирать эту книгу настоящимъ образомъ невозможно, ибо подробный разборъ вышелъ бы больше самой книги. Итакъ, ограничусь легкими замѣтками.

«Исторія есть описаніе великой долговременной жизни рода человѣческаго. Посему предметомъ ея суть дѣянія и судьбы людей».—Такъ опредѣляетъ въ 1835 году исторію г. Кайдановъ, опредѣлявши ее въ 1817, 24 и 32 годахъ «повѣствованіемъ о достопамятныхъ явленіяхъ въ мірѣ». Повидимому это есть значительный шагъ впередъ для автора, но въ самомъ дѣлѣ это не иное что̀, какъ круговое движеніе мельничнаго колеса, которое безпрестанно вертится, а впередъ ни на шагъ. Что̀ такое «описаніе великой, долговременной жизни рода человѣческаго?» Наборъ словъ— съ грамматическимъ смысломъ. «Предметъ исторіи суть дѣянія и судьбы людей». Это есть предметъ біографіи; предметъ исторіи не люди, а человѣчество. Пора бы удостовѣриться г. Кайданову, что исторія есть картина успѣховъ человѣчества на поприщѣ самосовершенствованія, или, другими словами: «наука, показывающая, какимъ образомъ и вслѣдствіе какихъ причинъ жизнь человѣчества, развивавшаяся подъ формою политическихъ обществъ, явилась въ томъ видѣ, въ какомъ теперь находится». Это опредѣленіе не ново, да благо ужъ готово. Въ наше время можно

имѣть на исторію взглядъ еще высшій; но имѣть на нее взглядъ низшій значитъ совершенно не понимать ея.

Во введеніи въ «Исторію» у г. Кайданова цѣлый параграфъ, состоящій изъ шести страницъ, означенъ рубрикою: «польза знанія исторіи». Чего можно ожидать отъ человѣка, который добродушно разсуждаетъ о пользѣ знанія исторіи? И какъ разсуждаетъ! «Люди», говоритъ онъ, «прежде насъ жили, и передали намъ сокровища своего разума и опытности, кои они пріобрѣли долговременными трудами, иногда же бѣдствіями, страданіями и слезами,—а мы, пользуясь этими сокровищами, неужели не захотимъ и знать о тѣхъ, кои оставили ихъ намъ въ наслѣдство?» Не правда ли, что эти слова суть не иное что̀, какъ перефразировка словъ Карамзина, утверждавшаго, что мы потому должны знать о нашихъ предкахъ, что они терпѣли и страдали за насъ, и своими бѣдствіями приуготовили наше блаженство? Если люди, которые утверждаютъ, что и Карамзинъ не имѣлъ права судить такъ поверхностно, ибо въ его время жилъ Гердеръ и другіе знаменитые писатели, начавшіе своими сочиненіями новую эру исторіи; что̀ же должно сказать о г. Кайдановѣ, который 1817 года по 1835 годъ повторяетъ такія старыя, истертыя вещи? «Исторія переноситъ насъ, какъ бы волшебною силою, въ протекшіе вѣка, повелѣваетъ падшимъ царствамъ возстать изъ праха своего, разверзаетъ гробы, вдыхаетъ жизнь въ прахъ умершихъ... Исторія показывая прежнія событія, указываетъ и слѣдствія ихъ, ибо люди дѣлаются умнѣе, осторожнѣе, тогда только, когда почувствуютъ слѣдствія собственныхъ ошибокъ своихъ» и пр. и пр. Первая изъ этихъ мыслей есть наборъ фразъ, въ которыхъ много шуму и треску, но которыя равно ни къ чему не ведутъ; вторая такъ стара, что совѣстно и опровергать ее. Нѣтъ, г. Кайдановъ, человѣчество дѣлается лучше не отъ знанія исторіи, не отъ опытности почерпаемой изъ ея уроковъ, но отъ полнаго гармоническаго сознанія своего назна-

ченія, цѣли своего существованія; а это сознаніе можетъ произойти отъ повсемѣстнаго, общаго просвѣщенія. Мы всякую науку, всякое знаніе можемъ приложить къ жизни; но истинная, настоящая и непосредственная цѣль знанія есть знаніе. Погодите, можетъ быть, и изъ астрономіи нѣкогда сдѣлаютъ родъ бухгалтеріи и употребятъ ее на спекуляціи и торговлю; но это не будетъ главною пользою отъ астрономіи. Такъ, ищите въ исторіи не уроковъ опытности, завѣщанной отъ предковъ потомкамъ, не удовлетворенія простаго любопытства; ищите въ ней дыханія жизни Божіей, проявляющейся или хотящей проявить себя въ человѣчествѣ!... А всѣ эти вещи мы давно уже прочли и давно уже забыли ихъ; для чего же повторять намъ ихъ?...

Итакъ, въ чемъ же состоитъ усовершенствованіе «Исторіи» г. Кайданова? О! во многомъ, если хотите! Онъ уже начинаетъ не съ Ассиріи, а съ Индіи и Китая, говоритъ о кастахъ и объясняетъ ученіе браминовъ, хотя и неправильно, ибо въ индійскомъ пантеизмѣ видитъ одну вѣру въ переселеніе душъ—не бóльше; причисляетъ Семирамиду къ миѳамъ! Вообще справедливость требуетъ замѣтить, что теперь у него меньше лишнихъ и пустыхъ подробностей о сомнительныхъ или неважныхъ событіяхъ, и больше дѣла. Доказательствомъ этого можетъ служить одно уже то, что Ассиряне, Вавилоняне и Египтяне занимаютъ у него теперь несравненно меньшее число страницъ, чѣмъ въ прежнихъ изданіяхъ. Потомъ, онъ измѣнилъ совершенно планъ своей исторіи, ибо вмѣсто прежняго Гееренова этнографическаго изложенія принялъ изложеніе синхронистическое. По моему мнѣнію, послѣднее лучше, ибо въ древней исторіи есть свои точки отдохновенія, или, лучше сказать, точки соединенія, въ которыхъ древніе народы сливались, хотя и насильственно, въ одно общее цѣлое. Таковы точки суть Киръ, Александръ и пуническія войны. Этотъ способъ изложенія очень удобенъ для преподаванія, хотя, можетъ быть, изо-

лированная жизнь древнихъ народовъ и противорѣчитъ ему. Синхронистическая картина жизни народовъ въ каждомъ принятомъ періодѣ скорѣе всего можетъ впечатлѣться въ памяти ученика.

Г. Кайдановъ раздѣлилъ древнюю исторію на IV періода: первый, какъ само собою разумѣется, отъ сотворенія міра до Кира; второй отъ Кира до Александра; третій отъ Александра до превращенія Римской республики въ имперію; четвертый отъ Августа до паденія Рима. Мнѣ кажется, что эпохою четвертаго періода надо полагать пуническія войны, а не имперію, ибо въ древней исторіи было три, такъ сказать, мгновенія, въ которыхъ человѣчество соединялось во едино посредствомъ меча. Оно явилось огромною монархіею при Кирѣ, потомъ при Александрѣ; пуническія войны положили основаніе третьей монархіи, ибо Римляне со второй пунической войны оставили свою оборонительную систему войны и начали быстро обращать міръ въ Римъ, и съ тѣхъ поръ всѣ народы начали, какъ рѣки въ морѣ, исчезать въ римскомъ народѣ, съ тѣхъ поръ исторія Рима есть исторія міра.

Я уже показалъ, что взглядъ г. Кайданова на дѣла и событія нисколько не перемѣнился. Приведу еще нѣсколько доказательствъ. Хотя онъ уже и не осуждаетъ Сарданапала за самоубійство—этотъ ужасный проступокъ, воспрещаемый всѣми Божескими и человѣческими законами,—но все еще начинаетъ исторію не съ появленія на свѣтѣ первыхъ политическихъ обществъ, все еще упускаетъ изъ виду, что человѣкъ внѣ общественной жизни отнюдь не составляетъ предмета исторіи, и что не для чего вводить въ исторію вещей, не принадлежащихъ исторіи. Онъ говоритъ, что народы, первоначально поселившіеся въ Греціи, были до того дики и невѣжественны, что «и тотъ имѣетъ право на благодарность ихъ, кто научилъ ихъ строить хижины, питаться жолудями (а прежде они, бѣдняжки, совсѣмъ не

умѣли есть? если же умѣли, то развѣ жолуди слишкомъ лакомое блюдо, что за нихъ г. Кайдановъ обязываетъ Грековъ благодарностію первому гастроному, научившему ихъ питаться ими?), одѣваться въ звѣриныя кожи, и употреблять въ свою пользу огонь». Но вслѣдъ за этимъ говоритъ, что въ «гражданскомъ отношеніи Греція раздѣлялась на множество мелкихъ частей, изъ коихъ каждая состояла подъ властію особеннаго начальника». — Какъ! Общество волковъ раздѣлялось на области и имѣло начальниковъ? Впрочемъ, почему же и не такъ: вѣдь пчелы имѣютъ же начальника въ своей маткѣ? Но и то сказать: пчелы все цивилизованнѣе волковъ.—«Сіи начальники Грековъ часто (однакожъ не всегда) были предводителями бродягъ и разбойниковъ, и сами подавали примѣръ грабежей». Разбойникомъ можно назвать только того, кто разбойничаетъ, зная, что это ремесло предосудительное; волковъ мужики убиваютъ за разбои въ стадахъ овечьихъ, но не представляютъ ихъ въ земскій судъ для допроса и суда. — «Объяденіе и опійство считали (начальники Грековъ) геройствомъ и величіемъ». Да чѣмъ же они однако объѣдались? Неужели жолудями? А опійство! Такъ стало быть они и винцо попивали?—и «Жены и дочери ихъ умѣли только пасти стада, мыть бѣлье и готовить грубую пищу». Какъ! такъ они щеголяли не въ однихъ звѣриныхъ кожахъ? Они носили бѣлье? Воля ваша, г. авторъ, а вы противорѣчите самому себѣ. «И готовить грубую пищу».—Изъ чего же? неужели все изъ жолудей? Какъ бы то ни было, а поваренное искусство всегда признакъ цивилизаціи! — «Кекропсъ... изъ аттическихъ дикарей сдѣлалъ гражданъ». Творецъ небесный! Да возможное ли это дѣло? Кекропсъ—одинъ-одинехонекъ—съумѣлъ изъ нѣсколькихъ десятковъ, а можетъ-быть и сотенъ тысячъ дикихъ звѣрей сдѣлать гражданъ!... Экіе молодцы были въ древности, не то что нынче! Исполать ихъ досужеству! Такимъ же чудеснымъ образомъ Нума Помпилій,

у г. Кайданова, изъ Римлянъ, бывшихъ настоящими mauvais sujets, сдѣлалъ людей comme il faut.—«Тщеславіе, свойственное языческимъ народамъ — вести свое происхожденіе отъ боговъ» и пр. А я все думалъ, что причина этой охоты скрывается не въ тщеславіи, а въ склонности къ миѳамъ, свойственной не языческимъ, а всѣмъ младенчествующимъ народамъ... Но довольно, я никогда не кончилъ бы, еслибы вздумалъ продолжать... На каждую страницу г. Кайданова можно написать другую. Заключаю однако: какъ ни плоха новая книга г. Кайданова, но если кому уже суждено учиться исторіи по книгамъ г. Кайданова, то я совѣтую ему учиться по этой, изданной въ 1834 году...

Замѣчу еще о слогѣ. Онъ дуренъ до крайности, и дуренъ не отъ неумѣнія писать, а отъ какого-то страннаго понятія о слогѣ. Г. Кайдановъ любитъ мѣшать съ русскими словами славяно-церковный, любитъ сей, оный, поелику, которыхъ по справедливости не любитъ почтенный Баронъ Брамбеусъ. Я, конечно, не такъ ожесточенъ противъ этихъ словъ, какъ вышереченный мужъ, и даже почитаю необходимымъ ихъ употребленіе въ иныхъ случаяхъ, для большей ясности въ слогѣ, особенно когда дѣло идетъ о предметахъ догматическихъ, ученыхъ; но я противъ ихъ употребленія безъ всякой нужды. Конечно, въ наше время никто не скажетъ, подобно знаменитому Жоффруа: «Мессіяда, поэма г. Клопштока! Fi donc! г. Клопштокъ! какое варварское имя! можетъ ли имѣть хоть каплю ума господинъ, который называется Клопштокомъ?» Но многіе могутъ сказать: «Можетъ ли написать хорошую книгу человѣкъ, который пишетъ: «сіе мое сочиненіе... сей книги... совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, нежели съ таковой... источникомъ такихъ жалобъ есть незнаніе исторіи... посему предметомъ ея суть дѣянія и судьбы людей?...»

Книга г. Кайданова особенно изобилуетъ полонизмами,

образцы которыхъ читатели могутъ видѣть въ послѣднихъ двухъ фразахъ.

СЦЕНЫ НА МОРѢ. *Сочиненіе П. Давыдова. Санктпетербургъ. 1835.*

Эта книга, несмотря на то, что заключаетъ въ себѣ не болѣе 336 страницъ, печатанныхъ цицеро, чрезвычайно длинна для того, кто, прочтя 10 или 15 страницъ оной, не можетъ ее бросить, а долженъ прочесть до конца. Да, она покажется ему безпредѣльна, какъ то море, которое въ ней описывается, и какъ это же море водянисто. Не мастерство писать, истертыя сентенціи о томъ и о семъ, геніальныя замашки à la Marlinsky: вотъ отличительныя ея качества. Напрасно г. авторъ «Сценъ на Морѣ» оправдывается тѣмъ, что ему только 21 годъ, что онъ живетъ сердцемъ, а не умомъ, напрасно увѣряетъ, что въ немъ теперь все кипитъ: въ комъ есть талантъ и въ комъ кипитъ чувство, тотъ не напишетъ въ 21 годъ водянаго сочиненія.

Итакъ, книга плоха: тутъ нечему дивиться; другое дѣло, еслибы она была хороша — тогда бы я отъ всей души подивился. Но вотъ что́ удивительно! въ «Московск. Наблюдателѣ», новомъ журналѣ, издаваемомъ, извѣстно, людьми умными, образованными и благонамѣренными, объ этой книжкѣ сказано, что «Сцены на Морѣ», обнаруживаютъ дарованіе замѣтное, рисовку вѣрную, хотя кисть весьма, весьма несвободную». Какъ! неужели «Московскій Наблюдатель» хочетъ покровительствовать своимъ авторитетомъ посредственности? Сохрани Богъ! посредственность и въ петербургскихъ журналахъ имѣетъ для себя очень сильныхъ защитниковъ и покровителей, и, благодаря имъ, наводнила собою русскую литературу: куда же будетъ дѣваться отъ

ней, когда московскіе журналы, въ которыхъ она доселѣ видѣла неумолимыхъ и неутомимыхъ враговъ своихъ, будутъ способствовать ея успѣхамъ? Увидѣвъ изъ первой книжки «Наблюдателя», что библіографія не входитъ въ составъ сего журнала, а что въ немъ будутъ разсматриваться только замѣчательныя явленія въ нашей литературѣ, я подумалъ, что въ цѣломъ годовомъ изданіи «Московскаго Наблюдателя» будетъ много двѣ-три критики; и каково же было мое удивленіе, когда во второй книжкѣ прочелъ довольно благосклонные отзывы о «Сценахъ на Морѣ», и (и, о верхъ ужаса!) о «Ангарскихъ Порогахъ», сочиненіи, въ высочайшей степени бездарномъ и пошломъ! Мнѣ скажутъ, что въ «Московскомъ Наблюдателѣ» больше хулятъ, чѣмъ хвалятъ эти книги: положимъ, такъ, но уже одно то, что въ немъ упоминается объ этихъ книгахъ должно придать имъ значительность, ибо въ немъ предположено говорить только о такихъ книгахъ, которыя заслуживаютъ какое-нибудь вниманіе. Жаль, очень жаль, ибо «Московскій Наблюдатель» не петербургскій журналъ, и отъ него должно ожидать, что онъ не измѣнитъ тѣмъ надеждамъ, которыя подалъ о себѣ публикѣ!...

КОРСУНСКІЯ ВРАТА, НАХОДЯЩІЯСЯ ВЪ НОВГОРОДСКОМЪ СОФІЙСКОМЪ СОБОРѢ. *Описаны и объяснены Ѳедоромъ Аделунгомъ, Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ, кавалеромъ, членомъ многихъ академій и ученыхъ обществъ. Съ нѣмецкаго перевелъ Петръ Артемовъ, Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ учрежденнаго, соревнователь. Москва. 1834.*

ЦАРСТВОВАНІЕ ЦАРЯ ѲЕДОРА АЛЕКСѢЕВИЧА И ИСТОРІЯ ПЕРВАГО СТРѢЛЕЦКАГО БУНТА. *Спб. 1834. Двѣ части.*

РУССКАЯ ВИВЛІОѲИКА, *или собраніе матеріаловъ для отечественной исторіи, географіи, статистики и древней русской литературы, издаваемое Николаемъ Полевымъ, членомъ-корреспондентомъ Императорской Санктпетербургской Академіи Наукъ, дѣйствительнымъ членомъ разныхъ учебныхъ обществъ и кавалеромъ. Томъ первый. Москва. 1833.*

Вотъ три книги, которыя служатъ яснымъ доказательствомъ, что у насъ занимаются не одними вздорами и пустяками, но иногда и дѣломъ. Утѣшительная истина! Но вмѣстѣ съ тѣмъ, вотъ три тѣ же самыя книги, которыя служатъ яснымъ доказательствомъ, какъ мало умѣютъ у насъ дорожить дѣломъ и отдавать справедливость дѣльному. Горькая истина! Скажите, спрашиваю васъ: кто изъ переводчиковъ, авторовъ и издателей подобныхъ книгъ могъ надѣяться на барыши, на славу или, по крайней мѣрѣ, хоть на признательность? Не имѣетъ ли передъ ними, во всѣхъ сихъ отношеніяхъ, преимущество всякій пошлый романистъ или плохой стихотворецъ? Эти жалкіе пачкуны всегда имѣютъ свой кругъ читателей и почитателей, всегда достигаютъ своей цѣли—денегъ или гаерской извѣстности на литературныхъ рынкахъ; между тѣмъ какъ бѣдные труженики полезнаго и дѣльнаго тратятъ свои собственныя деньги, убиваютъ время, и въ награду слышатъ брань и холодныя насмѣшки. Изъ чего тутъ хлопотать?... Вотъ, напримѣръ, какъ отозвались наши журналы о первой и послѣдней изъ поименованныхъ мною книгъ. Первую изъ нихъ уничтожили или хотѣли уничтожить за то, что она велика и скучна. Важная и достаточная причина! Но вѣдь занимательность ученаго сочиненія зависитъ не отъ самаго него, а отъ степени участія, принимаемаго въ немъ чита-

телемъ. Меня не заинтересуетъ книга, подобная «Корсунскимъ Вратамъ», но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы она была скучна: изъ этого видно только то, что подобные предметы не занимаютъ моего ума. Другое дѣло, скучное произведеніе искусства, назначенное для удовольствія читателя, какъ, напримѣръ, иныя фантастическія путешествія, въ которыхъ всѣ предметы представляются вверхъ ногами, какъ въ глазахъ у пьянаго, — такого рода книги ужасны, нестерпимы, если онѣ скучны и притомъ толсты; въ такомъ случаѣ онѣ вполнѣ оправдываютъ мысль Бакона или, если угодно, Бекона, что большая книга—большое зло... Вторую изъ упомянутыхъ книгъ разбранили за неважность и незначительность содержащихся въ ней матеріаловъ, забывъ старинное правило, что отъ книги не должно требовать больше того, что̀ обѣщаетъ ея заглавіе.

Начинай съ начала — мудрое правило, великая истина! Зданія строятся изъ приготовленныхъ матеріаловъ; труду зодчаго предшествуетъ трудъ кирпичника, каменьщика. Надъ этими бѣдными каменьщиками много издѣвались у насъ остроумцы, которые сами ничего не произвели, кромѣ нѣсколькихъ мыльныхъ пузырей беззубаго остроумія, которые теперь разлетѣлись, лопнули и забыты вмѣстѣ съ именами своихъ творцовъ. Не прочно то зданіе, хотя бы оно было и храмъ, которое построено изъ дурнаго матеріала: не удивительно, что въ немъ какъ разъ оснуютъ свое мѣстопребываніе филины и совы. Исторія въ послѣднее время оказала въ Европѣ удивительные успѣхи; но, въ числѣ многихъ причинъ, эти успѣхи много зависѣли отъ разработки матеріаловъ, отъ очистки фактовъ. Всякому свое; одинъ разбираетъ грамматическій смыслъ ветхихъ хартій, другой читаетъ въ нихъ судьбу народовъ и ходъ человѣчества, и между обоими ими находится тѣсная связь: одинъ безъ другаго не можетъ существовать. Очень естественно, что многихъ можетъ привести въ трепетъ одно заглавіе «Кор-

сунскихъ Вратъ», написанное Ломоносовскимъ слогомъ, и съ полнымъ гражданскимъ и литературнымъ титуломъ автора и переводчика, а тѣмъ болѣе содержаніе и объемъ самаго сочиненія; но что-жъ дѣлать? Карамзинъ, помнится, сказалъ, что для успѣховъ науки необходимы педанты — это правда. Человѣкъ слишкомъ увлеченный какимъ-нибудь отдѣльнымъ и особенно не слишкомъ важнымъ предметомъ, не можетъ не впасть въ нѣкотораго рода маленькій педантизмъ — умѣйте же уважать въ немъ самый этотъ педантизмъ, ибо его источникъ есть любовь къ предмету, въ которомъ авторъ умѣлъ открыть новую сторону. Какая вамъ нужда, если авторъ немножко излишне-говорливъ, подробенъ: вашъ долгъ — извлечь сущность и овладѣть результатами его сочиненія.

Впрочемъ книга «Корсунскія Врата» не такъ обширна: 225 страницъ крупнаго цицеро, изъ коихъ одна половина посвящена объясненію (весьма любопытному и занимательному) изображеній, находящихся на вратахъ, а другая самому трактату—это еще очень милостиво. Къ книгѣ приложено девять огромныхъ рисунковъ, книга издана по ученому, in quatro—вотъ что развѣ можетъ испугать иного боязливаго читателя; но вѣдь она писана не для боязливыхъ читателей. Въ «Библіотекѣ для Чтенія» сказано, что она переведена языкомъ, ужасающимъ слухъ и зрѣніе: видно, что строгій рецензентъ прочелъ одно предисловіе, которое, какъ на бѣду, въ самомъ дѣлѣ переведено слишкомъ ученымъ образомъ, тогда какъ самое сочиненіе передано ясно, просто и свободно, безъ насилія родному языку и не въ ущербъ здравому смыслу.

Скажутъ: зачѣмъ г. переводчикъ выбралъ такую книгу? есть де много предметовъ ближайшихъ къ намъ и нужнѣйшихъ для насъ. Мнѣ кажется за тѣмъ, что ему такъ хотѣлось; пусть всякій дѣлаетъ, что ему угодно, лишь только дѣлаетъ. Трудъ безъ любви есть каторжная работа, а пе-

реводчикъ вѣрно былъ живо заинтересованъ этою книгою, если взялся перевести ее.

Вторая изъ сихъ книгъ принадлежитъ покойному Берху, трудолюбивому составителю этого рода книгъ, который очень трудно опредѣлить: ни матеріалы для исторіи, ни разысканія, ни исторія, а что-то похожее и на то и другое и третье. У Берха не должно искать ни взглядовъ, ни теоріи, ни обзоровъ политическаго состоянія государства въ описываемую имъ эпоху: у него все простой разсказъ, безъ всякой мысли, которая бы одушевляла и проникала собою цѣлое сочиненіе, безъ всякаго колорита, который бы отличалъ одно повѣствованіе отъ другаго, безъ всякаго философическаго или политическаго взгляда, который бы объяснялъ событія. Разумѣется, что безъ этихъ качествъ, книги такого рода теряютъ все свое достоинство и бываютъ скучны, вялы, сухи и трудны для памяти; но пусть всякій дѣлаетъ, что можетъ, а мы за все—спасибо! Пересказать кое-какъ, въ хронологическомъ порядкѣ, событія какого-нибудь царствованія, приложить къ этому нѣсколько историческихъ документовъ, еще нигдѣ не напечатанныхъ, сдѣлать нѣсколько замѣчаній на какія-нибудь подробности — вотъ работа гг. Берха, Вейдемейера и другихъ, которыхъ у насъ все-таки не много. Такія книги хороши для справокъ и могутъ облегчать трудъ настоящаго историка, слѣдовательно полезны, и слѣдовательно заслуживаютъ вниманіе и благодарность своимъ составителямъ. При малочисленности нашихъ дѣятелей на поприщѣ исторіи, всякій посильный трудъ, могущій доставить хотя малѣйшую пользу, есть дѣло почтенное. Такова и послѣдняя книга покойнаго Берха.

Несравненно важнѣе обѣихъ предшествующихъ, по ближайшему своему отношенію къ нашимъ потребностямъ, книга г. Полеваго. Давайте намъ больше фактовъ, фактовъ для историка, для драматика, для романиста, для правописателя! Каждая черта, самая малѣйшая, временъ былыхъ —

драгоцѣнна. Тутъ не можетъ быть ничего неважнаго, лишняго, безполезнаго Если мы съ благоговѣніемъ смотримъ на мѣдную монету временъ царей и хранимъ ее какъ святыню, то что же должно сказать о всякой строкѣ, которая или обогащаетъ важнымъ историческимъ фактомъ, освѣщая темную сторону какого-нибудь событія, или свидѣтельствуетъ намъ объ образѣ жизни, о понятіяхъ, объ обычаяхъ нашихъ предковъ? Мнѣ кажутся чрезвычайно странными упреки, сдѣланные въ нѣкоторыхъ нашихъ журналахъ г. Полевому за неважность матеріаловъ, помѣщенныхъ имъ въ первой части его Вивліоѳики; я не могу добиться, чего требуютъ эти господа! Издатель давно уже объявилъ, что онъ будетъ помѣщать безъ разбора и безъ систематическаго и хронологическаго порядка все, что только касается старины. «А кто имѣетъ право требовать отъ дѣлателя на какомъ бы то ни было поприщѣ больше того, что онъ обѣщалъ, или предположилъ себѣ. При томъ же, кромѣ исторической важности, развѣ не любопытны подробности, напримѣръ, объ албазинскихъ герояхъ, «не помышлявшихъ ни о славѣ, ни о потомствѣ, въ ихъ собственныхъ, просто писанныхъ, сношеніяхъ между собою», письма Суворова и пр.? Нѣтъ, не такъ хладнокровны къ подобнымъ предметамъ иностранцы: у нихъ все важно и потому все описано по тысячѣ разъ, начиная, напримѣръ, съ собора Notre Dame de Paris, до послѣдняго зубчика всякой старой башни, съ Марсова поля до послѣдняго клочка земли, на которомъ ступала нога Карловъ и Людовиковъ. Каждая ничтожная записка историческаго лица имѣетъ право у нихъ печататься и перепечатываться. Какая причина этого вниманія, доходящаго до мелочности, ко всему, что носитъ на себѣ печать старины? Любовь къ своему, къ родному. Дай Богъ, чтобы и у насъ пробудилась эта любовь на дѣлѣ, а не на словахъ! Дай Богъ, чтобы предпріятія, подобныя предпріятію г. Полеваго, нашли себѣ соревнователей и цѣнителей!

ДИТЯ ПОЭЗІИ. *Казань. 1834. Съ эпиграфомъ:*

Блаженъ, кто про себя таилъ
Души высокія созданья,
И отъ людей, какъ отъ могилъ,
Не ждалъ за чувства воздаянья!

СТИХОТВОРЕНІЯ МИХАИЛА МЕРКЛЯ. *Москва. 1835. Съ эпиграфомъ:*

Товарищи, какъ думаете вы...
Для васъ я пѣлъ.......
Нѣтъ! не для васъ! Она меня хвалила,
Ей нравился разгульный мой вѣнокъ,
И младости заносчивая сила
И пламенныхъ восторговъ кипятокъ!
Н. Языковъ.

Въ наше прозаическое время появленіе альманаха, поэмы и собранія стихотвореній, есть ужасный анахронизмъ: смотришь и не вѣришь глазамъ! Въ такомъ случаѣ никогда не бываетъ середины — или что-нибудь слишкомъ замѣчательное, или что-нибудь слишкомъ посредственное. Такъ было и прежде, отъ 1820 до 1830 года, съ тою однакожъ разностію, что тогда на все смотрѣли какъ-то снисходительнѣе, и такія предпріятія какъ-то легче сходили съ рукъ. Но теперь наступила пора разочарованія; это разочарованіе горько, оно мститъ жестоко и переходитъ въ очарованіе осторожно, съ оглядкою, строго взвѣсивши, и разсчитавши, и причемъ-нибудь необыкновенномъ. Все это очень естественно; пословица говоритъ: «обжегшись на молочкѣ, будешь дуть и на воду»... Посему, какую жалкую роль играютъ въ нашей литературѣ несчастные, запоздалые путники, которые появляются съ этими устарѣлыми плодами своей досужей фантазіи, отъ которыхъ уже всѣмъ набило оскомину, которые всѣмъ уже пріѣлись, и только своимъ авторамъ кажутся молодыми, сочными и вкусными! Читающая публика, въ этомъ отношеніи, похожа на beau monde.

Этотъ beau monde, или большой свѣтъ, свято чтитъ уставы моды и приличія, и никому не позволитъ отступить отъ нихъ; но иногда онъ дѣлаетъ исключеніе въ пользу людей замѣчательныхъ, въ какомъ бы то ни было отношеніи; онъ иногда прощаетъ ихъ неловкость, ихъ оригинальность, любуется ими и называетъ ихъ геніальною странностію. Такъ точно и читающая публика: когда бываетъ мода на оды, она ласково принимаетъ всѣхъ одистовъ, отъ Державина до Капниста и Петрова; когда бываетъ мода на поэмы, она съ благосклонностію улыбается всѣмъ поэмистамъ отъ Пушкина до автора «Киргизскаго Плѣнника» и иныхъ прочихъ, и т. д. Но горе тому, кто придетъ къ ней съ поэмою въ рукахъ, когда бываетъ мода на романы, повѣсти и драмы! Только одинъ истинный талантъ, или даже геній, можетъ спасти сочинителя отъ свиста и шиканья. Итакъ, публика, какъ и большой свѣтъ, прощаетъ анахронизмы только генію, таланту и вообще истинной заслугѣ.

Авторы поименованныхъ мною книжекъ находятся именно въ этомъ неловкомъ и затруднительнымъ обстоятельствѣ: они, на похоронный обѣдъ или поминки по усопшемъ, пріѣхали въ синихъ фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ и желетахъ, при томъ безъ всякихъ правъ на извиненіе въ несоблюденіи приличія... Между ними находится чрезвычайно большое сходство и чрезвычайно большое различіе. Сходство состоитъ въ положеніи, а разница въ томъ, что одинъ провинціалъ, а другой столичный житель. Костюмъ перваго, кромѣ его неумѣстности, отличается еще стариннымъ, вышедшимъ изъ моды фасономъ, костюмъ втораго неумѣстенъ, но сшитъ по модѣ. И вотъ почему авторъ «Дитяти Поэзіи», съ дѣтскою наивностію и провинціальнымъ простосердечіемъ разсуждаетъ, въ своемъ предисловіи, «о какой-то исключительной способности, склонности или влеченіи, которое мы приносимъ съ собою въ свѣтъ, и которое, облеченное въ человѣческую форму, совершенствуется съ раз-

витіемъ сей разумно органической формы, и наконецъ является геніемъ». Вотъ почему онъ потомъ въ семъ же предисловіи докладываетъ своимъ читателямъ съ удивительною скромностію, и откровенностію, которыми всегда отличаются люди, «приносящіе съ собою въ свѣтъ исключительную способность, склонность или влеченіе, что онъ еще въ раннемъ возрастѣ (разсказывали ему) любилъ читать стихи и прибирать, безъ всякой связи и смысла, слово къ слову; потомъ, бывши въ ученіи и проходя риторику и поэзію, дѣлалъ посредственные успѣхи въ послѣдней на заданные предметы, и наконецъ показалъ своему другу первую свою балладу», что и другъ ее прочиталъ, много смѣялся и началъ поправлять ее въ его глазахъ, растолковывая ему правила, совѣтывалъ ими заниматься и читать образцовыя сочиненія», что «онъ ему послѣдовалъ и часто, бывъ съ нимъ вмѣстѣ, читалъ лучшихъ русскихъ поэтовъ, послѣ нѣмецкихъ и французскихъ, позднѣе же латинскихъ, италіянскихъ и англійскихъ», что «по окончаніи ученія, онъ посвятилъ свои дни другой наукѣ и, обучаясь въ университетѣ, въ свободное время занимался литературою и осмѣливался излагать свои мысли въ стихахъ» и, наконецъ, «издать въ свѣтъ сіи занятія досуга, сіи первые робкіе опыты своей стыдливой Музы» и пр. Наконецъ вотъ почему, зная столько языковъ и будучи знакомъ съ сокровищами стольких литературъ, онъ напоминаетъ своими «робкими опытами» мудрую пословицу, что «неразумному сыну не въ помощь богатство», и пишетъ ужасныя, варварскія вирши. Но оставимъ въ покоѣ наивнаго автора «Дитяти Поэзіи», изъявивъ ему наше сожалѣніе, что онъ не послѣдовалъ смыслу избраннаго имъ эпиграфа, и обратимся къ г-ну Меркли.

Г. Меркли далеко превосходитъ автора «Дитяти Поэзіи», и по языку и по стиху, и по мысли и по предметамъ своихъ поэтическихъ вдохновеній, и неудивительно: авторъ «Дитяти Поэзіи» провинціалъ, г. Меркли житель столицы;

авторъ «Дитяти Поэзіи» былъ студентомъ Казанскаго университета, г. Меркли былъ студентомъ Московскаго университета, а во всемъ этомъ чрезвычайно большая разница, и все это естественнымъ образомъ даетъ сильный перевѣсъ г-ну Меркли. Но говоря безъ шутокъ, что̀ заставило г-на Меркли, который, какъ видно изъ его стиховъ, человѣкъ не безъ образованія, не безъ смысла и даже не безъ блестокъ таланта, что̀ заставило его издать свои стихотворенія въ свѣтъ? Обратить ими на себя вниманіе современниковъ онъ не могъ, ибо теперь прошла мода на стихи, теперь только превосходные стихи станутъ читать, а стихи г. Меркли вообще посредственны; еще болѣе нельзя ему надѣяться на потомство, ибо маленькія блестки таланта вообще какъ-то скоро тускнутъ. Итакъ, чего же онъ добивался? Право, не знаю; а жаль: онъ, повторяю, какъ видно изъ его стиховъ, человѣкъ образованный. Мнѣ скажутъ, что очень естественно ошибаться на счетъ своего таланта, что въ своемъ дѣлѣ никто не судья и что то же побужденіе проявлять себя, которое двигало Державина и Пушкина, двигало Третьяковскаго и Сумарокова. Оно такъ, да не такъ! Отличительная черта образованности человѣка нашего времени именно и состоитъ въ благородномъ сознаніи своей неспособности къ искусству, если онъ не способенъ къ нему. Нынче тотъ не современенъ, кто пишетъ повѣсти или стихи, не имѣя истиннаго таланта. Кто способенъ чувствовать изящное и наслаждаться имъ, кому доступны всѣ человѣческія чувства, тотъ еще не художникъ, ибо можно сильно, живо и пламенно чувствовать, и вмѣстѣ съ тѣмъ не умѣть выражать своихъ чувствъ. Вотъ что̀ сказалъ бы я г-ну Меркли, еслибы онъ захотѣлъ послушать меня: «М. Г., пишите стихи и читайте ихъ той, которая внушила вамъ ихъ: она пойметъ и оцѣнитъ ихъ, она и наградитъ автора; печатайте ихъ даже въ журналахъ, ибо, во-первыхъ, инымъ журналамъ надобно же чѣмъ-нибудь наполняться, а во вто-

рыхъ, ваши стихи лучше бо́льшаго числа стиховъ, которые помѣщаются въ «Библіотекѣ для Чтенія»,—но, Бога ради, не издавайте ихъ вполнѣ, цѣлыми книгами, а употребите вашъ умъ, вашу образованность, ваши таланты и вашу дѣятельность на предметы болѣе полезные и болѣе достойные».

НАТАЛІЯ. *Сочиненіе госпожи***. Изданіе Сальванди. Перевелъ съ французскаго А. Шубяковъ. Москва. 1835.*

Было время, когда думали, что конечная цѣль человѣческой жизни есть— счастіе. Твердили о суетности, непрочности и непостоянствѣ всего подлуннаго и взапуски спѣшили жить, пока жилось, и наслаждаться жизнію во что̀ бы то ни стало. Разумѣется, всякій по своему понималъ и толковалъ счастіе жизни, но всѣ были согласны въ томъ, что оно состоитъ въ наслажденіи. Законы, совѣсть, нравственная свобода человѣческая, всѣ отношенія общественныя, почитались не инымъ чѣмъ, какъ вещами, необходимыми для связи политическаго тѣла, но въ самихъ себѣ пустыми и ничтожными. Молились во храмахъ и кощунствовали въ бесѣдахъ; заключали брачные контракты, совершали брачные обряды и предавались всѣмъ неистовствамъ сладострастія; знали, вслѣдствіе вѣковыхъ опытовъ, что люди не звѣри, что ихъ должны соединять религія и законы, знали это хорошо—и принаровили религіозныя и гражданскія понятія къ своимъ понятіямъ о жизни и счастіи: высочайшимъ и лучшимъ идеаломъ общественнаго зданія почиталось то политическое общество, котораго условія и основанія клонились къ тому, чтобы люди не мѣшали людямъ веселиться. Это была религія XVIII вѣка. Одинъ изъ лучшихъ людей этого вѣка сказалъ:

Жизнь есть небесъ мгновенный даръ:
Устрой ее себѣ къ покою,
И съ чистою твоею душою.
Благословляй судебъ ударъ.
. . . .
. . . .
Пей, ѣшь и веселись, сосѣдъ!
На свѣтѣ жить намъ время срочно
Веселье то лишь непорочно,
Раскаянья за коимъ нѣтъ!

Это была еще самая высочайшая нравственность; самые лучшіе люди того времени не могли возвыситься до высшаго идеала оной. Но вдругъ все измѣнилось: философовъ, пустившихъ въ оборотъ эти понятія, начали называть, говоря любимымъ словомъ Барона Брамбеуса, надувателями человѣческаго рода. Явились новые надуватели—нѣмецкіе философы, къ которымъ по справедливости вышереченный мужъ питаетъ ужасную антипатію, которыхъ нѣкогда такъ прекрасно отшлифовалъ г. Масальскій, въ превосходной своей повѣсти: «Донъ Кихотъ XIX вѣка»—этомъ истинномъ chef-d'oeuvre русской литературы—и которыхъ, наконецъ, недавно убила наповалъ «Библіотека для Чтенія». Эти новые надуватели, съ удивительною наглостію и шарлатанствомъ, начали проповѣдывать самыя безнравственныя правила, вслѣдствіе коихъ цѣль бытія человѣческаго состоитъ будто бы не въ счастіи, не въ наслажденіяхъ земными благами, а въ полномъ сознаніи своего человѣческаго достоинства, въ гармоническомъ проявленіи сокровищъ своего духа. Но этимъ не кончилась дерзость опасныхъ вольнодумцевъ: они стали еще утверждать, что будто только жизнь, исполненная безкорыстныхъ порывовъ къ добру, исполненная лишеній и страданій, можетъ назваться жизнію человѣческою, а всякая другая будто бы есть большее или меньшее приближеніе къ жизни животной. Нѣкоторые поэты стали дѣйствовать какъ будто по согласію съ сими злонамѣренными философами и распространять разныя вредныя идеи, какъ-то:

что человѣкъ непремѣнно долженъ выразить хоть какую-нибудь человѣческую сторону своего бытія, если не всѣ, т. е. или дѣйствовать практически на пользу общества, если онъ стоитъ на важной ступени онаго, безъ всякаго побужденія къ личному вознагражденію; или отдать всего себя знанію для самаго знанія, а не для денегъ и чиновъ; или посвятить себя наслажденію искусствомъ, въ качествѣ любителя, не для свѣтскаго образованія какъ прежде, а для того, что искусство (будто бы) есть одно изъ звеньевъ, соединяющихъ землю съ небомъ; или посвятить себя ему въ качествѣ дѣйствователя, если чувствуетъ на это призваніе свыше, а не призваніе кармана; или полюбить другую душу, чтобы каждая изъ земныхъ душъ имѣла право сказать:

Я все земное совершила:
Я на землѣ любила и жила!

или, наконецъ, просто имѣть какой-нибудь высшій человѣческій интересъ въ жизни, только не наслажденіе, не объяденіе земными благами. Потомъ, на помощь этимъ философамъ, пришли историки, которые стали и теоріями и фактами доказывать, что будто не только каждый человѣкъ въ частности, но и весь родъ человѣческій стремится къ какому-то высшему проявленію и развитію человѣческаго совершенства; но за то ужъ и катаетъ же ихъ, озорниковъ, почтенный Баронъ Брамбеусъ! Я, съ своей стороны, право, не знаю, кто правъ: прежніе ли французскіе философы или нынѣшніе нѣмецкіе; который лучше: XVIII или XIX вѣкъ; но знаю, что между тѣми и другими, между тѣмъ и другимъ, большая разница во многихъ отношеніяхъ. Не говоря о другихъ, укажу на искусство. Прежніе романы всегда оканчивались бракомъ, богатствомъ и, слѣдовательно, возможнымъ человѣческимъ блаженствомъ; нынѣшніе почти всѣ такъ гадко оканчиваются, что на ночь страшно и дочитывать ихъ. Прежде только въ трагедіяхъ допускалась плачевная развязка, и то ex-officio, изъ подражанія Грекамъ;

но за то былъ выдуманъ новый родъ—драма, герои которой хотя и претерпѣвали много гоненій за свою добродѣтель, но за то къ концу пьесы женились, дѣлались богаты; про нынѣшнія драмы я не говорю: срамъ да и только! Прежде въ комедіяхъ осмѣивались маленькіе людскіе недостатки, какъ то, привычка нюхать много табаку, употреблять часто въ разговорѣ любимыя приговорки, какъ напр. милый мой! и тому подобныя; нынче въ комедіяхъ хлещутъ (да вѣдь какъ?... со всего плеча!) чиновниковъ, которые вмѣсто того, чтобы служить государю вѣрою и правдою, думаютъ только о чинахъ и взяткахъ, какъ Фамусовъ, людей, которые, вмѣсто того, чтобы любить, распутничаютъ, словомъ, вмѣсто того, чтобъ быть людьми, бываютъ скотами, и пр.

Во Франціи пишутъ многія женщины; нѣкоторыя изъ нихъ пишутъ (дивное дѣло!) хорошо. Неизвѣстная сочинительница «Наталіи» не принадлежитъ къ числу хорошо пишущихъ, по новымъ понятіямъ. Героиня ея романа въ восторгѣ отъ «Матильды» г-жи Коттень, и авторъ хлопочетъ о томъ, чтобы показать способъ застраховать жизнь женщины отъ несчастія на землѣ. Средствомъ къ этому, по ея мнѣнію, должна быть слѣпая покорность судьбѣ и избѣжаніе страстей и глубокихъ чувствъ. Ей нѣтъ до того дѣла, что можно быть несчастною, живя съ немилымъ мужемъ, что жизнь безъ страстей и чувствъ есть не жизнь, а оцѣпенѣлый сонъ альпійскаго сурка во время зимы; она не говоритъ женщинамъ, что бракъ безъ любви есть или торговая сдѣлка, противная совѣсти и религіи, или дѣтскій легкомысленный поступокъ, за который немудрено впослѣдствіи дорого поплатиться, что для избѣжанія размолвки съ мужемъ или измѣны ему, не надо шутить замужествомъ прежде замужества: нѣтъ, она лѣзетъ вонъ изъ кожи, чтобъ показать гибельныя слѣдствія пылкихъ страстей, на маперъ г-жи Жанлисъ, Коттень и прочей литературной сволочи добраго стараго времени. Несмотря на то,

что въ этомъ романѣ есть мысль, есть нѣкоторая занимательность, происходящая не отъ таланта автора, а отъ его литературной цивилизованности, если можно такъ сказать, нельзя не удивиться неудачному выбору г. переводчика, и еще болѣе неудачному исполненію его труда. Видно, что онъ хорошо знаетъ французскій языкъ, не въ размолвкѣ съ русскимъ синтаксисомъ, ибо его переводъ биткомъ набитъ фразами, подобными слѣдующимъ: «Печальный и торжественный видъ графини, произнося слова сіи, сообщился всѣмъ... Онъ говоритъ, что онъ мнѣ уже не супругъ, но это онъ еще... Усталость наша, всходя на оный, была хорошо вознаграждена»...

Куда ужъ намъ, бѣднымъ, думать о томъ, чтобы наши собственныя произведенія какою-нибудь мыслію выкупали недостатокъ таланта, когда мы еще плохо знаемъ, или совсѣмъ не знаемъ русской грамматики, и не умѣемъ написать правильно ни одной русской фразы!...

ОБРАЗЕЦЪ ПОСТОЯННОЙ ЛЮБВИ. *Драма въ трехъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ французскаго языка, (?), изъ театра (??) Скриба. А. П. Москва. 1834.*

Этотъ «Образецъ Постоянной Любви», есть не что иное, какъ «Валерія или Слѣпая», которою умѣла такъ заинтересовать нашу публику прекрасная игра г-жи Каратыгиной. Не знаю, какъ названа эта пьеса Скрибомъ; но не думаю, чтобы Скрибъ могъ дать ей такое пошлое, классическое названіе, какое носитъ она въ переводѣ!

Петербургъ въ одномъ отношеніи имѣетъ большое преимущество передъ Москвою: если въ немъ нѣтъ и никогда не было хорошихъ журналовъ, если въ немъ мало хорошихъ литераторовъ, собственно ему принадлежащихъ, то въ немъ мелочная торговая литература несравненно выше московской. Тамъ переведутъ романъ, водевиль, повѣсть,

если не всегда слишкомъ хорошо, то почти всегда со смысломъ, съ грамматикою, напечатаютъ всегда опрятно, даже красиво; въ Москвѣ, напротивъ, почти всегда безъ смысла, безъ грамматики, почти всегда на оберточной бумагѣ. Переводъ г-на А. П. принадлежитъ къ числу самыхъ чудовищныхъ, самыхъ безобразныхъ произведеній мелочной литературной промышленности Москвы: безграмотность и безсмысліе его превосходятъ всякое вѣроятіе.

О ГОСПОДИНѢ НОВГОРОДѢ ВЕЛИКОМЪ (*письма*) *съ приложеніемъ вида Новгорода въ 12-мъ столѣтіи, и плана окрестностей. А. В. Москва. 1834.*

Какимъ живымъ, легкимъ, оригинальнымъ талантомъ владѣетъ г. Вельтманъ! Каждой бездѣлкѣ, каждой шуткѣ умѣетъ онъ придать столько занимательности, прелести! О, онъ истинный чародѣй, истинный поэтъ! Поэтъ въ искусствѣ, поэтъ въ наукѣ! Да, онъ и въ наукѣ поэтъ, поэтъ археологъ! Въ романѣ, въ повѣсти, онъ разгадываетъ своимъ поэтическимъ чувствомъ эту поэтическую русскую старину, которая, какъ самъ онъ говоритъ, такъ хитро умѣла его влюбить въ непостижимую красоту свою! Онъ переселяетъ васъ въ эту глубокую древность, разсказывая о ней были и небылицы: пока читаете вы эти небылицы, вы отъ души вѣрите имъ, сами не зная почему; когда перестанете читать ихъ, то онѣ мерещатся передъ глазами вашими, и этому нечего дивиться: таково всегда произведеніе истиннаго таланта! Послѣ всякаго романа, г. Вельтманъ прилагаетъ нѣсколько страницъ ученыхъ примѣчаній, и только одна ученая ихъ форма мѣшаетъ вамъ принять ихъ за прелестныя поэтическія грезы: такъ много въ нихъ поэзіи г-на Вельтмана, поэзіи запечатлѣнной всею оригинальностію, всею прихотливостію, всѣмъ своенравіемъ его таланта!

Такъ, напримѣръ, ему случилось взглянуть мимоходомъ на Новгородъ, и онъ написалъ нѣсколько прекрасныхъ страницъ, составляющихъ первую половину его «Письма о Господинѣ Новгородѣ Великомъ». Вторая половина посвящена историческимъ мечтаніямъ о Варягахъ, о Днѣпровскихъ порогахъ и пр. Этимъ несчастнымъ порогамъ довольно досталось и отъ этимологической дыбы Струве, Тунмана и другихъ; но г. Вельманъ подвергъ ихъ новой этимологической пыткѣ, и русскія ихъ названія, сохраненныя Константиномъ Багрянороднымъ, доскональпо объяснилъ изъ скандинавскаго языка. Самый городъ Валдай, славный своими сайками, происходитъ у него отъ Wald (лѣсъ) и Еу (островъ); онъ подкрѣпляетъ это мнѣніе еще и тѣмъ, что подлѣ Валдая, на озерѣ, есть острова, изъ коихъ одинъ покрытъ лѣсомъ, который называется Темный лѣсъ. Не правда ли, что въ этихъ археологическихъ мечтаніяхъ много поэзіи? Въ такомъ же духѣ писаны г. Вельтманомъ и его ученыя примѣчанія къ его роману «Святославичь, Вражій Питомецъ»; въ нихъ у него все происходитъ отъ Нѣмцевъ; самъ Адамъ чуть ли не Нѣмецъ, такъ какъ у нѣкоторыхъ все происходитъ отъ Славянъ и самъ Адамъ чуть ли не Славянинъ.

Видъ Новгорода въ XII столѣтіи, приложенный къ брошюркѣ г. Вельтмана, и снятый съ «Древняго изображенія Великаго Новгорода во время осады онаго, въ 1169 или 1170 году, суздальскими князьями, находящагося въ иконостасѣ на дскѣ деревянной, подъ чудотворною иконою Знаменія Богородицы въ Новгородскомъ Знаменскомъ соборѣ, за рѣшеткою и занавѣскою», доказываетъ ясно, какъ хорошо умѣли у насъ еще въ XII столѣтіи снимать планы съ городовъ и какъ далеко отодвинуло назадъ Русь татарское иго, ибо до Петра Великаго у насъ не умѣли снять вида съ какого-нибудь поля или деревушки. Вотъ новый и сильный фактъ противъ скептиковъ!...

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ. *Трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ М. Лобанова. Санктпетербургъ. 1835.*

Авторъ этой трагедіи былъ нѣкогда въ числѣ знаменитыхъ. Въ какомъ-то плохомъ журналѣ, кажется въ «Новостяхъ Литературы», издававшихся г. Воейковымъ, въ 20-хъ годахъ, переводъ г-на Лобанова Расиновой «Федры» былъ названъ лучшимъ русскимъ переводомъ первой въ свѣтѣ трагедіи. Увы! съ тѣхъ поръ много утекло воды! много произошло перемѣнъ! Первая трагедія въ свѣтѣ забыта неблагодарнымъ потомствомъ, вмѣстѣ съ нею забытъ и ея знаменитый переводчикъ. Такъ, его забыли, но онъ не измѣнился, хотя и все измѣнилось вокругъ него—и люди, и мнѣнія. Впрочемъ, ни мало не измѣнившись самъ, онъ замѣтилъ всеобщую перемѣну во вкусахъ и понятіяхъ. Вслѣдствіе этого онъ вышелъ на знакомое ему поприще, съ тѣми же словами, съ тѣми же старыми вещами, но въ новомъ, модномъ костюмѣ. Тяжелый, Херасковскій шестистопный ямбъ замѣнилъ онъ пятистопнымъ безрифменнымъ; надъ завѣтными тріединствами наругался безжалостно; вмѣсто Грековъ и Римлянъ древнихъ временъ вывелъ русскихъ XVI вѣка. Но, повторяю, это только костюмъ, сущность же все та же, старая классическая, бездушная. Ни страстей, ни характеровъ, ни стиховъ, ни интереса—нѣтъ ничего этого, все холодно, поддѣльно, придумано, нарумянено, все на ходуляхъ, безъ всякой естественности. Напримѣръ, Борисъ, этотъ великій характеръ, который и въ самомъ злодѣйствѣ долженъ быть великъ, признается въ своемъ преступленіи женѣ и дочери съ жалкою трусостью неопытнаго новичка въ порокѣ. Его жена и дочь истинныя наперсницы классическихъ трагедій. Грустно читать подобныя произведенія, тѣмъ болѣе грустно, когда они, несмотря на свою юродивость, бываютъ плодомъ жалкаго заблужденія, а не

шарлатанства, не меркантильности! Г. Лобановъ писалъ эту трагедію съ 1825 года, т. е. почти десять лѣтъ: не классицизмъ ли это? Не явное ли это доказательство, что почтенный авторъ совсѣмъ не поэтъ? что онъ сдѣлалъ, а не создалъ свою поэму? Было время, когда всѣ были увѣрены, что немножко стихотворнаго дарованія при знаніи правилъ и литературной образованности составляютъ поэта, что чѣмъ долѣе сочинялась пьеса, чѣмъ бо́льшихъ трудовъ стоила своему автору, тѣмъ она была лучше: неужели все это надо опровергать? Повторяю: грустно видѣть человѣка, можетъ быть съ умомъ, съ образованностію, но заматорѣвшаго въ устарѣвшихъ понятіяхъ и застигнутаго потокомъ новыхъ мнѣній. Онъ трудится честно, добросовѣстно, а надъ нимъ смѣются; онъ никого не понимаетъ, и его никто не понимаетъ. Не могу представить себѣ ужаснѣйшаго положенія! •.

ХУДОЖНИКЪ. *Т. м. ф. а. Спб. 1834. Три части.*

Въ этомъ сочиненіи есть мысль и мысль прекрасная, поэтическая. Но исполненіе этой мысли весьма неудачно; авторъ хотѣлъ изобразить жизнь художника въ борьбѣ съ людьми, обстоятельствами, судьбою и самимъ собою, и написалъ довольно большую книгу, которая наполнена общими мѣстами и до крайности утомляетъ читателя, не доставляя ему никакого удовольствія. Причина очевидна: онъ не составилъ себѣ ясной, отчетливой, глубокой и вѣрной идеи о художникѣ, идеи, почерпнутой изъ фактовъ и повѣренной собственнымъ чувствомъ; онъ смотритъ на художника съ той жалкой и устарѣлой точки зрѣнія, съ которой у насъ вообще смотрятъ на этотъ предметъ, больше по привычкѣ, больше по стародавнимъ преданіямъ, чѣмъ вслѣдствіе глубокаго наблюденія и несомнѣнныхъ фактовъ, извлеченныхъ изъ жизни извѣстныхъ художниковъ. Какъ, по общему по-

вѣрью русскаго народа, всякій умница, дѣлецъ или мастеръ непремѣнно долженъ быть горькимъ пьяницею, малымъ, какъ говорится, сорви-голова; такъ, по общепринятому мнѣнію многихъ нашихъ авторовъ и литераторовъ, художникъ непремѣнно долженъ быть чудакомъ, оригиналомъ, который со всѣми бранится, ни съ кѣмъ не можетъ ужиться, который безпрестанно вдохновенъ, восторженъ, никогда не знаетъ прозаическихъ минутъ, который въ глаза называетъ всѣхъ подлецами, негодяями, а самъ святъ, какъ праведникъ, и незлобивъ, какъ голубь; его клянутъ, гонятъ, терзаютъ, а онъ всѣхъ любитъ, какъ братьевъ, всѣхъ благословляетъ, и ненавидитъ одно злато и стяжаніе; потомъ дѣлается человѣконенавистникомъ, мизантропомъ и ищетъ уединенія. Нѣтъ, не таковъ художникъ! Все это черты индивидуальности человѣка, а отнюдь не общая характеристика художника! Художники, особенно въ наше время, и пьютъ и ѣдятъ и любятъ денежки, какъ и всѣ смертные. Да и много ли изъ нихъ такихъ, которые особенно прославились своими страданіями? многіе ли изъ нихъ испытали участь Тасса? Начнемъ съ древнихъ: изъ греческихъ, Гомеръ—миѳъ; прочіе жили счастливо, были любимы и уважаемы своими согражданами; хотя Демосѳенъ сюда собственно и не относится, какъ не художникъ, но и тотъ погибъ не за свой удивительный даръ, а за политическія мнѣнія; изъ Римлянъ, Виргилій и Горацій жили очень хорошо, и послѣдній цѣлый вѣкъ, потягивая тибурское, восклицалъ:

Хвала, умѣренность златая!

Изъ новыхъ, особенно не посчастливилось испанскимъ и португальскимъ поэтамъ, и то за то, что они захотѣли быть умнѣе глупыхъ своихъ соотчичей; но вѣдь и то сказать: гдѣ же это и любятъ? Шекспиръ жилъ въ ладу съ людьми и умеръ владѣльцемъ порядочнаго помѣстья, а развѣ это не большое счастіе? Французскіе поэты, съ Расина до

Вольтера *) включительно, были очень счастливы, Жильбертъ и Андрей Шенье составляютъ исключеніе, да объ нихъ мало и знаютъ; притомъ же они хотѣли быть честными людьми и плохо знали философію XVIII вѣка! О нынѣшнихъ французскихъ поэтахъ нечего и говорить: всѣ они богаты, слѣдственно счастливы, хвалимы, слѣдственно довольны; нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, знаменитый Викторъ Гюго, хорошіе граждане, хорошіе супруги, отцы и люди, несмотря на кровавый и безчинный характеръ своей музы. Изъ Англичанъ, Байронъ... да онъ былъ большой чудакъ, жертва самаго себя, своей мысли, и это-то, кажется мнѣ, всего болѣе можетъ быть истиннымъ несчастіемъ художника. Вальтеръ Скоттъ былъ богатъ, знатенъ, славенъ, добръ, честенъ, любилъ людей и жилъ съ ними въ ладу. Изъ Нѣмцевъ, почти не было несчастныхъ поэтовъ; Гёте, одному изъ представителей нѣмецкой литературы, вездѣ было хорошо, можетъ быть потому, что онъ былъ выше всего; Шиллеру, другому представителю нѣмецкой литературы, тоже вездѣ было хорошо, потому что его счастіе было не отъ міра сего.

Перечтите біографіи всѣхъ великихъ художниковъ, и вы увидите, что художникъ совсѣмъ не синонимъ слову сумасшедшій и мученикъ, многіе изъ нихъ рѣшительно гнусны, какъ люди, и только въ поэтическія мгновенія бываютъ велики; и это очень понятно, ибо поприще поэта есть больше чувствованіе, чѣмъ дѣйствованіе.

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ забавахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ.
Молчитъ его святая лира,

*) Кромѣ Руссо, который былъ слишкомъ благороденъ и высокъ, чтобъ быть счастливымъ во времена Вольтеровъ, Мармонтелей, Лагарповъ, и пр.

Душа вкушаетъ хладный сонъ
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ!

Вообще надо замѣтить, что художникъ у насъ еще загадка, неуловимая, какъ женщина, и его невозможно подвести подъ общія черты. Въ одномъ мѣстѣ, онъ царь и пророкъ, какъ Давидъ, въ другомъ мученикъ, какъ Тассъ, въ третьемъ, богачъ, какъ Байронъ, въ четвертомъ нищій, какъ Сервантесъ, тамъ министръ, какъ Державинъ, тутъ беззаботный весельчакъ политикъ, какъ Беранже; здѣсь его гонятъ, ненавидятъ, тамъ ласкаютъ и любятъ, и пр. и пр.

Художникъ г-на Т. м. ф. а. принадлежитъ къ числу тѣхъ нескладныхъ и нелѣпыхъ созданій, которыя были бы въ тягость и себѣ и людямъ, еслибъ были возможны. Къ счастію, это только мечта, самая неудачная и неестественная. Г. Т. м. ф. ъ. не извелъ этотъ идеалъ изъ міра души своей, а слѣпилъ его по разсчетамъ возможностей. Поэтому, его герой не возбуждаетъ никакого участія, не имѣетъ, никакого опредѣленнаго образа, и его тотчасъ забываешь, какъ скоро закроешь книгу. И между тѣмъ, надо быть справедливыми, завязка повѣсти и многія ситуаціи придуманы авторомъ чрезвычайно счастливо. Всего несноснѣе онъ тамъ, гдѣ прибѣгаетъ къ такимъ пружинамъ, которыя уже по одному тому трудно привести въ движеніе, что къ нимъ всѣ прибѣгаютъ. Такъ, напримѣръ: бѣдный живописецъ, будучи еще ребенкомъ, завидуетъ ласкамъ, которыми его товарищей по ученію осыпали ихъ родители, и чувствуетъ при этомъ зрѣлищѣ глубокую тоску и темное желаніе назвать кого-нибудь своимъ отцомъ или матерью—вы ожидаете услышать изъ устъ его какое-нибудь недоговоренное слово, какой-нибудь глухой вопль души, подобный молніи, проблеснувшей надъ бездною и открывшей на минуту всю глубину ея, вы ожидаете увидѣть лице, мгновенно передернутое судорогою, уста, искривившіяся страданіемъ, взоръ,

который изобличалъ бы предсмертную муку, а г. Т. м. ф. ъ. вмѣсто всего этого заставляетъ своего художника проговорить нѣсколько скучныхъ, растянутыхъ страницъ водяной прозы, общихъ мѣстъ риторической шумихи. И между тѣмъ, книга г-на Т. м. ф. а. принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ явленій въ нашей литературѣ. Отчего же такая несообразность? Оттого, что у насъ еще худо знаютъ различіе между словами творить и дѣлать, между способностію чувствовать и заставлять другихъ чувствовать; оттого, что у насъ, кто созналъ себя хоть на вершокъ выше толпы, тотъ уже почитаетъ себя поэтомъ.

Въ заключеніе скажу, что художникъ г-на Т. м. ф. а. отзывается часто слишкомъ замѣтнымъ подражаніемъ прекрасной повѣсти г. Полеваго «Живописецъ», и, какъ всякое подражаніе, вольное или невольное, неизмѣримо далеко отстоитъ отъ своего высокаго образца.

ИСТОРІЯ ДОНСКАГО ВОЙСКА, ВЛАДИМІРА БРОНЕВСКАГО. *Часть первая. Санктпетербургъ. 1834.*

Великое дѣло терпѣніе! Оно точно есть одно изъ необходимѣйшихъ качествъ генія, но оно, вопреки Бюффону, совсѣмъ не то, что̀ геній, даже совсѣмъ не то, что̀ талантъ: Тредьяковскіе, Сумароковы и Херасковы не единственные свидѣтели этой истины. И въ наше время можно найдти этихъ несчастныхъ мучениковъ терпѣнія и безталанности. Трудятся неутомимо, хлопочутъ безпрестанно, вѣчно заняты, считаютъ десятками плоды своего трудолюбія, а толку все ни на грошъ. Не помогаетъ имъ даже и ихъ ученость, которая обыкновенно состоитъ въ кропотливомъ знаніи однихъ фактовъ, знаніи мелочномъ и скрупулёзномъ, не проникнутомъ никакою мыслію, никакимъ воззрѣніемъ, которыя составляютъ душу и жизнь всякого знанія, наконецъ,

въ этомъ сухомъ и мертвомъ знаніи, котораго они ни къ чему не умѣютъ приложить, не умѣютъ привязать ни къ какой мысли, ни къ какой цѣли, ни къ какому плану. Вотъ, напримѣръ, говоря впрочемъ безъ всякихъ примѣненій, къ чему можетъ служить «Исторія Донскаго Войска», составленная покойнымъ Броневскимъ? Ровно ни къ чему, хотя она стóила своему почтенному автору большихъ трудовъ, большаго терпѣнія. Вы прочитываете ее всю или ex-officio, какъ я, или, желая почерпнуть изъ нея какія-нибудь свѣдѣнія, прочитываете ее, скрѣпивъ сердце, терпя скуку, и наконецъ видите вожделѣнный берегъ; спросите же теперь себя, чтó у васъ осталось въ головѣ, чтó вы упомнили, чѣмъ хорошимъ и полезнымъ обогатили свою память? Увѣряю васъ, что не найдти вамъ удовлетворительнаго отвѣта на этотъ мудреный вопросъ. Если вы слишкомъ неопытны въ дѣлахъ этого рода и при этомъ слишкомъ добросовѣстны, если вы благоговѣете передъ всякимъ честнымъ, благонамѣреннымъ трудомъ, вы, можетъ быть, станете обвинять самихъ себя или въ недостаткѣ памяти, или, наконецъ, въ недостаткѣ основныхъ пріуготовительныхъ познаній, безъ которыхъ нельзя читать подобныхъ книгъ? О, будьте спокойны, не обвиняйте себя: вы правы, совершенно правы, виноватъ одинъ авторъ! Книги, къ числу которыхъ относится «Исторія Донскаго Войска», бываютъ двухъ родовъ: однѣ изъ нихъ должны представить систематическую исторію какого-нибудь отдѣльнаго предмета, какъ хотѣлъ это сдѣлать г. Броневскій; другія должны представить факты для этой исторіи. Книги перваго рода должны быть проникнуты какою-нибудь мыслію, должны быть согрѣты живымъ участіемъ автора, въ описываемыхъ имъ событіяхъ должны, наконецъ, представить полную и одушевленную картину цѣлой жизни народа, или только одного момента ея. Таковы «Тридцатилѣтняя Война» и «Отпаденіе Нидерландовъ отъ Испаніи» Шиллера.

Книги втораго сорта должны быть или просто сборникомъ матеріаловъ, и въ такомъ случаѣ ихъ важность опредѣляется степенью важности и вѣрности документовъ; или повѣствованіемъ, въ которомъ соединены и примирены по возможности всѣ извѣстные матеріалы и изложены въ хронологическомъ порядкѣ. Такое повѣствованіе должно быть просто, ясно; все дѣло въ фактахъ, и составитель не долженъ позволять себѣ никакихъ разсужденій, не долженъ, такъ сказать, выглядывать изъ-за фактовъ: его обязанность состоитъ въ томъ, чтобы выбрать изъ историческихъ источниковъ все нужное и расположить въ такомъ строгомъ и ясномъ порядкѣ, чтобы событія плавно текли другъ за другомъ, не забѣгали другъ другу въ глаза, не перебивали другъ у друга дороги, и чтобы читателю не трудно было удерживать ихъ въ своей памяти. Ничего не можетъ быть драгоцѣннѣе такого рода книгъ: онѣ были бы важны и для простаго читателя, и для критика, и для писателя исторіи.

«Исторія Донскаго Войска» г. Броневскаго принадлежитъ къ числу книгъ перваго разряда, и вмѣстѣ къ числу самыхъ неудачныхъ попытокъ. Прочтите ее сто разъ, и ничего не узнаете, ничего не удержите въ памяти. Что̀ такое Донцы, какую идею выразили они собою, какое мѣсто должны они занимать въ русской исторіи?—Обо всемъ этомъ и не спрашивайте автора. Онъ перефразировываетъ вамъ дурнымъ Ломоносовскимъ слогомъ то исторію Карамзина, то статью Полеваго, то что-нибудь другое; толкуетъ о событіяхъ въ Россіи, и Донцы въ его драмѣ являются аксессуарными персонажами. Онъ всегда былъ компиляторомъ, онъ не измѣнилъ себѣ и въ послѣднемъ своемъ сочиненіи; какъ въ водевиляхъ набирается музыка изъ разныхъ авторовъ, такъ и онъ сшилъ свою книгу изъ разныхъ чужихъ лоскутковъ, и потому у него яркость и достоинство этихъ лоскутковъ зависятъ отъ того, у кого онъ бралъ ихъ.

Такъ, напр., лучшее мѣсто его книги есть взятіе Донцами Азова, потому что это мѣсто есть не что̀ иное, какъ списокъ (разумѣется, немного искаженный г. компиляторомъ) извѣстной статьи г. Полеваго. Трудно, скучно, да и безполезно было бы наводить справки, откуда и поскольку бралъ онъ чужаго, и что̀ собственно принадлежитъ ему. Странно то, что онъ въ предисловіи показалъ всѣ свои, какъ говоритъ онъ, источники, и умолчалъ о статьѣ «Взятіе Азова», хотя послѣ, когда дошло дѣло до этого событія, и признается, въ сноскѣ, въ своемъ, какъ говоритъ онъ, заимствованіи. Много и еще кое-чего можно было бы сказать... но довольно... de mortuis aut bene aut nihil... и то, что̀ я написалъ—для живыхъ, а не для покойника.

ТЕТУШКИНЫ СКАЗКИ. *Сочиненіе дѣвицы М. В. Руссо. Переводъ съ французскаго. Съ виньеткою и картинами* (тремя). *Москва. 1835. Двѣ части.*

Дѣтскія повѣсти, если хотите, довольно сносныя въ сравненіи со множествомъ дѣтскихъ книгъ, издаваемыхъ у насъ; но къ чему онѣ, если ихъ достоинство только относительное? Главный ихъ недостатокъ состоитъ въ томъ, что онѣ напоминаютъ собою слова, кажется, Фокіона, по случаю отправленія Аѳинянами небольшаго флота, для сбора подати съ нѣкоторыхъ острововъ: «Если это для войны, то флотъ слишкомъ малъ; если же для сбора подати, то слишкомъ великъ». Если эти повѣсти назначились ихъ авторомъ для чтенія дѣвицъ, уже готовящихся сдѣлаться невѣстами, то онѣ нелѣпы и глупы; если же для малолѣтныхъ дѣвочекъ, то неприличны, ибо ихъ персонажи, по большой части, дѣвушки отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ, и всѣ, за хорошее поведеніе, награждаются выгоднымъ замужествомъ. Конечно, для дѣвушки въ пятнадцать лѣтъ, которая уже

питаетъ желаніе быть замужемъ—такая награда слишкомъ достаточная причина вести себя хорошо, по крайней мѣрѣ, при людяхъ; но что̀ тутъ лестнаго для дѣвочки отъ семи до четырнадцати лѣтъ? Если уже люди должны быть добры изъ выгодъ, если уже имъ непремѣнно надо получать плату за свою добродѣтель, то для маленькой дѣвочки фунтъ конфектъ обольстительнѣе всякаго богатаго мужа. Вотъ нравственность XVIII вѣка!... Какихъ высокихъ чувствъ можно ожидать отъ дѣвушки, напитанной или, лучше сказать, напичканной такою прекрасною моралью?... И между тѣмъ, эта мораль проповѣдуется всѣми, и едва ли не каждый изъ васъ (исключенія очень рѣдки) былъ упитываемъ этою небесною манною! Горькая мысль!... Едва появится на свѣтъ новый житель міра, новый членъ огромнаго человѣческаго семейства, и уже ему предлагаютъ тонкій ядъ разврата, ядъ, истребляющій сѣмена добраго и посѣевающій въ юной, ангельской душѣ терніи эгоизма и ничтожества въ помыслахъ, желаніяхъ и стремленіи! И все это добродушно, отъ искренняго сердца, нерѣдко съ чистымъ желаніемъ добра. Такъ, напримѣръ, Коцебу написалъ для своихъ дѣтей нѣсколько, надо сказать правду, презанимательныхъ повѣстей, подъ названіемъ «Подарокъ Дѣтямъ на Новый годъ», такъ сладенькій и добренькій Дюкре-Дюмениль издалъ тоже довольно занимательныя дѣтскія повѣсти, подъ названіемъ: «Вечернія Бесѣды въ Хижинѣ или Наставленія Престарѣлаго Отца». Въ тѣхъ и другихъ, всякое достоинство награждено, а порокъ и недостатокъ вездѣ наказаны, и изо всего этого выведено мудрое правило, что надо быть добрымъ. Добрые наши отцы и наставники готовы божиться и клясться, что въ этихъ книжкахъ чистѣйшая нравственность.

«Тетушкины сказки» не выдержатъ ни малѣйшаго сравненія съ повѣстями Коцебу и Дюкре-Дюмениля, которыя, какъ я уже сказалъ, отличаются нѣкоторымъ литератур-

нымъ достоинствомъ и дурны только отъ косаго взгляда на вещи и пошлаго понятія о нравственности. Это просто плохенькія сказочки, состоящія изъ общихъ мѣстъ и въ содержаніи и въ сентенціяхъ. Переводъ и такъ и сякъ, но правописаніе немного криво.

ЖЕРТВА. *Литературный эскизъ. Сочиненіе г-жи Монборнъ. Переводъ съ французскаго Z... Москва. 1835.*

Въ послѣднее время въ Европѣ, или, лучше сказать, во Франціи (а это почти одно и то же), глухо началъ раздаваться какой-то ропотъ противъ священнѣйшаго гражданско-религіознаго установленія — брака; начали обнаруживаться какія-то сомнѣнія на счетъ его законности и даже необходимости; теперь этотъ ропотъ превратился въ какой-то неистовый вопль, а сомнѣнія начали предлагаться во всеуслышаніе, въ видѣ какой-то аксіомы. Теоретическихъ доказательствъ нѣтъ, да, благодаря нелѣпости этой мысли, и не можетъ быть; итакъ прибѣгли къ другому способу, къ практическому, и избрали орудіемъ искусство, которое во Франціи никогда не существовало само для себя, но всегда служило какимъ-нибудь внѣшнимъ, практическимъ цѣлямъ. И вотъ, начиная съ первыхъ корифеевъ французской литературы до нищенской литературной братіи, всѣ тайно или явно вооружились противъ брака, у всѣхъ, въ основаніи каждаго произведенія, начала пробиваться эта arrière pensée. Но женщины-писательницы, главою которыхъ явилась знаменитая Жоржъ-Зандъ, и которыхъ во Франціи такъ же много, какъ на Руси бездарныхъ стихотворцевъ и романистовъ, женщины-писательницы, говорю я... но постойте... позвольте мнѣ на минуту уклониться отъ матеріи... я страхъ какъ люблю отступленія; это мой конекъ...

Что̀ такое женщина-писательница? Женщина имѣетъ ли право быть писательницею?

Вопросъ очень не новый: его предлагала и рѣшила еще покойница бабушка мадамъ Жанлисъ, которая, какъ всѣмъ извѣстно, была изъ самыхъ задорныхъ писательницъ. Брюзгливая старушка (я не умѣю представить ее иначе, какъ подъ формою старой брюзги) сказала и доказала (не помню, гдѣ именно), что авторство ни въ какомъ случаѣ не есть дѣло женщины. По истинѣ, безпримѣрное самоотверженіе!... Впрочемъ, можетъ быть, въ этомъ случаѣ, ей хотѣлось упрочить за собою литературную монополію, и потому мы въ правѣ ей не повѣрить, и разсмотрѣть этотъ вопросъ по своему.

Въ мірѣ все имѣетъ свое назначеніе, все прекрасно въ предѣлахъ своего назначенія и дурно внѣ его; это вѣчный, неизмѣняемый законъ провидѣнія: Женщина-Амазонка, какая нибудь храбрая Брадаманта, въ поэмѣ, можетъ быть не больше какъ смѣшна, но въ дѣйствительности она существо въ высочайшей степени отвратительное и чудовищное: мущина съ женоподобнымъ характеромъ есть самый ядовитый пасквиль на человѣка.

Tout est bon, tout est bien, tout est grand à sa place!

Жизнь человѣческая есть не сонъ, не мечта, не греза; цѣль ея не наслажденіе, не счастіе, не блаженство: нѣтъ, она есть великій даръ провидѣнія. Безумный хватается за этотъ даръ какъ за игрушку и легкомысленно играетъ имъ какъ игрушкою; мудрый принимаетъ его съ покорностію, но и съ трепетомъ, ибо знаетъ, что это есть драгоцѣнный залогъ, который онъ долженъ будетъ нѣкогда возвратить въ чистотѣ и цѣлости, что это есть тяжкій, страдальческій крестъ, наградою котораго будетъ терновый вѣнецъ и чувство исполненнаго долга Выразить достоинство человѣческое, проявить въ себѣ идею Божества — вотъ назначеніе

смертнаго, и вотъ почему, вслѣдствіе справедливаго закона вѣчной премудрости, сила заключается въ слабости, величіе въ ничтожествѣ, безконечность въ ограниченности, и вотъ почему скудельный, волнуемый своекорыстными страстями, сосудъ человѣка можетъ быть жилищемъ Духа Святаго. Безъ борьбы нѣтъ заслуги, безъ усилій нѣтъ побѣды. Два пути ведутъ человѣка къ его цѣли: путь разумѣнія и путь чувства, и благо ему, когда они оба сливаются въ пути дѣятельности! Безгранично поприще дѣятельности для мущины: едва сознаѐтъ онъ свое бытіе, едва почувствуетъ свои силы, и ему, юному жителю міра, весь міръ отверзаетъ свои сокровища, и покорный могуществу его мысли, предлагаетъ всѣ орудія, какія нужны ему для совершенія его подвига. Если онъ чувствуетъ въ груди своей тревогу генія, если во внутреннемъ слухѣ души раздается какой-то таинственный зовъ, манящій его, подобно колокольчику Вадима, въ туманную, неизвѣданную даль, — онъ перомъ, кистью, рѣзцомъ, звуками вызываетъ изъ души своей новые міры, полные жизни и очарованія, или углубляется въ природу, допытывается ея тайнъ и сообщаетъ ихъ людямъ въ живомъ знаніи, или властвуетъ ими, для ихъ же блага, мечемъ, волею, дѣломъ и словомъ. Если же природа и не дала ему генія, то и тогда обширно его поприще, велико его назначеніе: ему остается честнымъ, безкорыстнымъ трудомъ, благороднымъ презрѣніемъ личныхъ выгодъ, готовностію самопожертвованія въ дѣлѣ правды, водворять добро въ томъ маломъ и тѣсномъ кругу, который назначило провидѣніе для его дѣятельности, по мѣрѣ его душевныхъ силъ. Кто не можетъ быть маркизомъ Позою, тотъ можетъ быть Феликсомъ Феномъ *): ибо сила въ безсиліи, величіе въ ничтожности, безконечность въ ограниченности, ибо овому талантъ, овому два, а дѣло въ томъ, чтобы не закопать

*) См. „Тел.“ годъ 1834. Часть. XX, стр. 485.

въ землю своего таланта, но возвратить его вертоградарю съ ростомъ. Тотъ подлъ, кто беретъ на себя трудъ выше силъ своихъ, или, обольщаясь ложнымъ блескомъ, идетъ наперекоръ врожденнымъ склонностямъ и дарованію; величайшая мудрость состоитъ въ смиренной покорности своему назначенію. Кто противится ему, тотъ бунтовщикъ противъ вѣчныхъ и справедливыхъ законовъ провидѣнія. Если тебѣ едва подъ силу должность секретаря къ какомъ-нибудь судѣ уѣзднаго города, не лѣзь въ губернаторы, хотя бы ты и имѣлъ возможность добиться этого мѣста, но предоставь его достойнѣйшему себя; если природа осудила тебя на смиренную прозу дѣловыхъ бумагъ и приходорасходныхъ книгъ, то занимайся же честно и добросовѣстно этою бѣдною прозою, а не надѣвай на себя, подобно самозванцу, вѣнка поэта, хотя бы ты и могъ сдѣлаться предметомъ удивленія не только для своего муравейника, но и всего современнаго человѣчества и коварно выманить у него незаслуженные лавры: тогда ты будешь великъ, истинно великъ, будучи малымъ и неизвѣстнымъ. Найдешь и безъ того средства быть полезнымъ и совершить свой подвигъ, было бы стремленіе, а міръ и жизнь безконечны!

Итакъ, цѣлый міръ есть открытое поприще дѣятельности мущины: цѣлый міръ есть его владѣніе; какое же поприще, какой же міръ отданъ во владѣніе женщинѣ?

Какъ бы ни тѣсенъ, какъ бы ни ограниченъ былъ кругъ дѣятельности, избранный мущиною, но всякая сознательная дѣятельность есть путь къ совершенію подвига жизни, а подвигъ жизни равно для всѣхъ тяжелъ и ужасенъ. Но правосудное и любящее провидѣніе Божіе, возложивъ на человѣка бремя его жизни и подвига, разочло и взвѣсило силы его человѣческой природы, и, въ семъ намѣреніи, дало ему новый, внѣ его самого находящійся, источникъ силы, въ той таинственной симпатіи, въ той высокой душевной гармоніи, въ томъ чистомъ, эѳирномъ пламени любви, ко-

торое соединяетъ его съ женщиною. Женщина ангелъ-хранитель мущины на всѣхъ ступеняхъ его жизни: ея бдящій, попечительный взоръ встрѣчаетъ онъ при самомъ своемъ появленіи на свѣтъ, и, прильнувъ къ источнику любви и жизни, къ ней обращаетъ онъ, съ безсознательною любовію, свою первую улыбку; ея имя произноситъ онъ въ своемъ первомъ, младенческомъ лепетѣ; ея любовь напутствуетъ его до самаго того мгновенія, когда жизнь исторгаетъ его изъ ея нѣжныхъ, материнскихъ объятій; потомъ, ея взоръ возбуждаетъ въ немъ, необузданномъ юношѣ, пламень благородныхъ страстей, порывы къ высокому въ дѣлахъ и помыслахъ, крѣпитъ его душу, кипящую избыткомъ силъ, и укрощаетъ дикіе порывы его буйной воли, и его, юнаго, мощнаго льва, безсознательно стремитъ, съ удвоенною энергіею, къ его цѣли, маня сладостною наградою своей взаимности — этимъ послѣднимъ, возможнымъ на землѣ блаженствомъ, послѣ котораго человѣку ничего не остается желать для себя. И какая нужда, если смерть или обстоятельства жизни не дадутъ ему выпить до дна фіалъ блаженства, или если, вмѣсто чаръ взаимности, онъ вкуситъ муки отверженной любви? Но если мущинѣ суждено блаженство взаимности и блаженство соединенія, то она же, все она, въ лѣтахъ его мужества, путеводная лучезарная звѣзда его жизни, опора, источникъ силы, который не даетъ душѣ его остынуть, очерствѣть и ослабнуть. Въ старости, она блѣдный лучъ солнца, напоминающій ему, что для него было нѣкогда другое, яркое и пламенное солнце, роскошно освѣщавшее дорогу его жизни и давшее вкусить ему всѣ человѣческія радости!

Итакъ, поприще женщины—возбуждать въ мущинѣ энергію души, пылъ благородныхъ страстей, поддерживать чувство долга и стремленіе къ высокому и великому—вотъ ея назначеніе, и оно велико и священно! Для нея — представительницы на землѣ красоты и граціи, жрицы любви и

самоотверженія—въ тысячу разъ похвальнѣе внушить «Освобожденный Іерусалимъ», нежели самой написать его, такъ же какъ въ тысячу разъ похвальнѣе вручить своему избранному щитъ съ завѣтомъ «съ нимъ или на немъ!» нежели самой броситься въ пылъ битвы съ оружіемъ въ рукахъ. Утѣшительница въ бѣдствіяхъ и горестяхъ жизни, и радость и гордость мущины, она — гибкая лоза, зеленый плющъ, обвивающій гордый дубъ, благоуханная роза, растущая подъ кровомъ его могучихъ вѣтвей и украшающая его уединенную и суровую жизнь, обреченную на дѣятельность и борьбу. Предметъ благоговѣйной страсти, нѣжная мать, преданная супруга — вотъ святой и великій подвигъ ея жизни, вотъ святое и великое ея назначеніе! Природа дала мущинѣ мощную силу и дерзкую отвагу, мятежныя страсти и гордый, пытливый умъ, дикую волю и стремленіе къ созданію и разрушенію; женщинѣ дала она красоту вмѣсто силы, избыткомъ нѣжнаго и тонкаго чувства замѣнила избытокъ ума, и опредѣлила ей быть весталкою огня кроткихъ и возвышенныхъ страстей: и какая дивная гармонія въ этой противоположности, какой звучный, громкій и полный аккордъ составляютъ эти два, совершенно различные, инструмента! Воспитаніе женщины должно гармонировать съ ея назначеніемъ и только прекрасныя стороны бытія должны быть открыты ея вѣдѣнію, а обо всемъ прочемъ она должна оставаться въ миломъ, простодушномъ незнаніи: въ этомъ смыслѣ, ея односторонность въ ней достоинство; мущинѣ открытъ весь міръ, всѣ стороны бытія.

Что̀ же такое женщина-писательница? Женщина имѣетъ ли право и можетъ ли быть писательницею?

Прекрасны изображенія Софо и Коринны, прекрасны, какъ поэтическія грезы, какъ созданія фантазіи; но что̀ такое онѣ въ самомъ дѣлѣ? Амазонки, Брадаманты, «академики въ чепцахъ», «семинаристы въ желтыхъ шаляхъ»! Уму женщины извѣстны только немногія стороны бытія, или,

лучше сказать, ея чувству доступенъ только міръ преданной любви и покорнаго страданія: все знаніе въ ней ужасно, отвратительно, а для поэта долженъ быть открытъ весь безпредѣльный міръ мысли и чувства, страстей и дѣлъ. Знаемъ много женщинъ-поэтовъ, но ни одной женщины-генія; ихъ созданія недолговѣчны, ибо женщина только тогда поэтъ, когда любитъ, а не тогда когда творитъ. Природа удѣляетъ имъ иногда искру таланта, но никогда не даетъ генія: Коринна побѣждала Пиндара на играхъ олимпійскихъ, но Пиндаръ побѣдилъ Коринну въ потомствѣ, ибо потомство рукоплещетъ созданію, а не творцу, и его не подкупишь роскошью стана, прелестью лица! И вотъ почему, когда читаешь произведеніе женщины, дышущее живымъ, неподдѣльнымъ чувствомъ, блещущее искорками таланта, то невольно жалѣешь, думая, чѣмъ бы могла быть такая женщина, и на что бы могла обратить прекрасный даръ природы — пламень своего чувства.

Женщина должна любить искусства, но любить ихъ для наслажденія, а не для того, чтобы самой быть художникомъ. Нѣтъ, никогда женщина-авторъ не можетъ ни любить, ни быть женою и матерью, ибо самолюбіе не въ ладу съ любовію, а только одинъ геній или высокій талантъ можетъ быть чуждъ мелочнаго самолюбія, и только въ одномъ художникѣ-мущинѣ эгоизмъ самолюбія можетъ имѣть даже свою поэзію, тогда какъ въ женщинѣ онъ отвратителенъ... Словомъ, женщина-писательница съ талантомъ жалка: женщина-писательница бездарная — смѣшна и отвратительна.

И должно ли, и можетъ ли это оскорблять женщину? Все прекрасно и высоко въ предѣлахъ своего назначенія, и все должно гордиться и радоваться своимъ назначеніемъ, ибо оно есть воля провидѣнія. Кто въ юности не почиталъ себя поэтомъ, кто избытка чувствъ, не принималъ за пламень вдохновенія, кто не писалъ стиховъ? Эта слабость

простительна въ мущинѣ: но и онъ смѣшонъ и презрителенъ, если, на зло разсудку и вопреки природѣ, грѣхъ своей юности сдѣлаетъ грѣхомъ своей жизни, ибо въ такомъ случаѣ онъ есть самозванецъ, бунтовщикъ противъ вѣчныхъ уставовъ провидѣнія Что-жъ должно сказать о женщинѣ?...

Но мое отступленіе ужъ черезчуръ длинно, и, вѣроятно, такъ же и скучно, а все оттого, что я не люблю женщинъ-писательницъ! Богъ съ ними! Обращаюсь къ прерванной нити моего разсужденія. Я остановился, помнится, на томъ, что во Франціи женщины-писательницы съ особеннымъ ожесточеніемъ возстали на бракъ. Нужно ли говорить, чего хочется этимъ женщинамъ; чего добиваются онѣ? Еслибы еще онѣ увлекались ложными, но поэтическими идеями о добренькомъ старичкѣ платонизмѣ, или не менѣе ложными и не менѣе поэтическими идеями объ отреченіи отъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ и принесеніи ихъ въ жертву какой-нибудь задушевной мысли—такъ и быть! Но нѣтъ, очень понятенъ этотъ сенсимонизмъ, эта жажда эманципаціи! ихъ источникъ скрывается въ желаніи имѣть возможность удовлетворить порочнымъ страстямъ. Une femme emancipée—это слово можно-бъ очень вѣрно перевести однимъ русскимъ словомъ, да жаль, что его употребленіе позволяется въ однихъ словаряхъ, да и то не во всѣхъ, а только въ самыхъ обширныхъ. Прибавлю только то, что женщина-писательница, въ нѣкоторомъ смыслѣ, есть la femme emancipée.

Но какая причина тому, что писатели стали такъ возставать противъ брака. Причина очевидна: они не умѣютъ отличить идеи брака отъ злоупотребленій брака. Люди все опрофанировали; они торгуютъ своими чувствами, совѣстію, они изъ брака, одного изъ священнѣйшихъ установленій, сдѣлали родъ торговой сдѣлки, и, надо сказать правду, ничто такъ не пострадало отъ злоупотребленій развращенной человѣческой воли, какъ бракъ. Но довольно: нѣтъ

ничего смѣшнѣе и глупѣе, какъ съ важностію доказывать, что дважды два—четыре. Но, скажутъ многіе, каковы же должны быть всѣ эти люди, которые отвергаютъ святость и необходимость брака? не истинныя ли они чудовища!—О нѣтъ, милостивые государи, я совсѣмъ не такъ думаю о нихъ. По моему мнѣнію, многіе изъ нихъ, можетъ быть, очень добрые и почтенные люди, даже способные сдѣлаться хорошими супругами и отцами: отличайте преувеличеніе отъ злонамѣренности. Яростная волна подымаетъ песчаный берегъ и съ безсиліемъ разбивается о гранитную скалу: для сомнѣнія такъ же есть свои песчаные берега, свои гранитныя скалы. Не бойтесь за бракъ, не страшитесь эманципаціи женщинъ: все это вздоры довольно милые и забавные, но ни мало не опасные. — Но какая же польза отъ этихъ новыхъ мнѣній, этихъ безнравственныхъ филиппикъ противъ вѣковой, очевидной истины? О, очень большая! Знаете ли что̀? У людей преслабая память; они находятъ истину и слѣдуютъ ей; потомъ эта истина, по ихъ похвальному обычаю, мало-по-малу искажается и наконецъ дѣлается совершенною ложью; люди привыкаютъ къ ея искаженному, обезображенному виду, отъ души вѣря, что она всегда была такова; когда какой-нибудь безпокойный чудакъ посмѣется надъ ихъ истиною, они разсердятся, начнутъ ее защищать, подвергнутъ ее строгому анализу и доищутся до ея начала, и вспомнятъ ее въ ея первобытной чистотѣ. Споры кончатся, и истина возстановится во всемъ своемъ блескѣ. Итакъ, заключаю: «Провидѣніе ведетъ человѣчество къ его цѣли путями дивными и таинственными, часто то́ самое, что, повидимому, должно бы отдалить его отъ этой цѣли, приближаетъ его къ ней: это понятныя движенія впередъ».

Да, можетъ быть уже не далеко то время, когда люди не только перестанутъ вооружаться противъ брака, но перестанутъ и торговать имъ; когда женщины не только пе-

рестанутъ авторствовать, но даже перестанутъ и вѣрить тому, чтобы когда-нибудь существовали женщины-писательницы!...

А что же мой романъ, что моя «Жертва»? Гдѣ она, я уже и забылъ о ней, увлекшись мыслями, которыя она во мнѣ возбудила. Или лучше сказать, что скажу я вамъ о ней? Какъ выскажу я вамъ въ сотый разъ давнишнюю, старую новость? Но дѣлать нечего, не радъ, а готовъ — охота пуще неволи. Итакъ, изволите видѣть: «Жертва, литературный эскизъ» есть одна изъ тысячи и одной филиппикъ противъ брака. Дѣло въ томъ, что злодѣй-опекунъ влюбляется въ свою племянницу и волочится за нею, а сиротка была дѣвушка comme il faut, да къ тому уже любила другаго. Дядюшка остался съ носомъ и взбѣсился. Чтобы отомстить ей, онъ выдастъ ее насильно за негодяя, который ничему не вѣритъ, проматываетъ ея имѣніе и дѣлаетъ ее несчастною. Да зачѣмъ же она выходила за него? спросите вы. Развѣ во Франціи нѣтъ законовъ противъ насилія? О, есть, и очень справедливые, даже очень снисходительные въ отношеніи къ свободѣ выбирать и перемѣнять мужей и женъ. Такъ въ чемъ же дѣло? А вотъ въ чемъ: дѣвушка была слабаго характера, не посмѣла противиться ненавистному дядѣ, хотя и знала, что имѣетъ право не слушаться его, да автору надо было какъ-нибудь прицѣпиться къ браку, хоть онъ тутъ не виноватъ ни душою, ни тѣломъ. Въ самомъ дѣлѣ, прекрасная логика! Дѣвушка погибаетъ отъ слабости характера, а бракъ виноватъ! Но довольно, романъ такъ плохъ, такъ дуренъ, что не стоитъ ни критики, ни внимательнаго разсмотрѣнія. Мадамъ Монборнъ не имѣетъ ни искры дарованія, и, вѣроятно, во Франціи пользуется такимъ же авторитетомъ, какъ у насъ, на Руси, г-да A. B. C. D. и другіе прочіе. Не знаю, съ чего вздумалось какому-то г-ну или какой-то г-жѣ Z... перевести этотъ романъ на русскій языкъ, какъ будто бы

на Руси и безъ него мало дурныхъ романовъ; еще менѣе понимаю, съ чего этому таинственному г-ну или этой таинственной г-жѣ Z... вздумалось перевести его самымъ безграмотнымъ образомъ, однимъ словомъ, самымъ московскимъ переводомъ. Вѣрно это заказецъ какого-нибудь московскаго Лавока?... Г-нъ или г-жа Z...! если уже вамъ нельзя не переводить, то, Бога ради, переводите романы только въ родѣ этой «Жертвы», и не дѣлайте хорошихъ сочиненій жертвами вашей безграмотности!...

ИЖОРСКІЙ. *Мистерія. Спб. 1835.*

Знаете ли, что̀ должно составлять необходимую принадлежность всякой книги, чего долженъ искать при всякой книгѣ читатель?—Предисловія. О, предисловіе великое, необходимое дѣло! Я имѣлъ тысячу случаевъ замѣтить это. Предисловіе для книги гораздо важнѣе, чѣмъ для человѣка платье: по платью можно ошибиться, по предисловію никогда. Пословица говоритъ: по платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ; для чего нѣтъ пословицы, которая бы говорила: по предисловію книгу встрѣчаютъ, по предисловію и провожаютъ, т.-е. кладутъ на столъ или подъ столъ? Для чего позволяютъ печатать книги безъ предисловій? Отъ какой скуки, отъ какой потери денегъ и времени избавились бы читатели, и сколькихъ бы читателей лишились многіе гг. авторы!

Когда я прочелъ предисловіе къ «Ижорскому», то содрогнулся отъ ужаса при мысли, что, по долгу добросовѣстнаго рецензента, мнѣ должно прочесть и книгу; когда прочелъ книгу, то увидѣлъ, что мой страхъ былъ глубоко основателенъ. Господи Боже мой! и въ жизни такая скука, такая проза, а тутъ еще и въ поэзіи заставляютъ упиваться этою скукою и прозою!... Но мнѣ надо обратиться къ моему

разсужденію о предисловіяхъ; оно будетъ самою лучшею критикою на «Ижорскаго».

Было время, когда правила творчества были очень просты, ясны, опредѣленны, не многосложны и для всѣхъ доступны; кто прочелъ «Словарь Древнія и Новыя Поэзіи» г. Остолопова, тотъ смѣло могъ вербоваться въ поэты; кто же, къ этому, прочелъ лекціи и критики Мерзлякова, тому ничего не стòило сдѣлаться великимъ поэтомъ и даже написать эпическую поэму не хуже Иліады. Всѣ писали на одинъ ладъ: прочитаешь двѣ, три страницы, и ужъ знаешь впередъ, чтò слѣдуетъ и чѣмъ кончится. Отъ того и предисловія были очень кратки: въ нихъ авторъ обыкновенно говорилъ, кому подражалъ и изъ кого заимствовалъ. Это блаженное время кануло въ вѣчность, и вдругъ законы творчества сдѣлались такъ мудрены, высоки и многочисленны, что самые записные законники, какъ ни бились, не могли понять въ нихъ ни слова, и, разсердясь, торжественно объявили ихъ нелѣпыми. Потомъ, видя, что ихъ принимаетъ вся талантливая и пылкая молодежъ, а съ нею и публика, они пріуныли точно такъ же, какъ пріуныли теперь старые крючкотворцы отъ новаго «Свода Законовъ». Слѣдствіемъ этой реформы было то, что всѣ книги стали появляться съ предисловіями, и предисловіями длинными, въ видѣ разсужденій, диссертацій, разговоровъ, писемъ и пр. Дѣло въ томъ, что наши авторы какъ-то пронюхали, что созданія Гёте, Шиллера, Байрона, Вальтеръ-Скотта, Шекспира и другихъ геніальныхъ поэтовъ суть поэтическіе символы глубокихъ философическихъ идей. Вслѣдствіе этого и наши молодцы начали тормошить нѣмецкую философію и класть въ основу своихъ издѣлій философическія идеи. Все было это очень хорошо, но вотъ въ чемъ бѣда: они не знали того, что мысль тогда только поэтична, если можно такъ сказать, когда проведена чрезъ чувство и облечена въ форму дѣйствіемъ фантазіи, а что въ противномъ слу-

чаѣ она есть пошлая, холодная, бездушная аллегорія. Они не знали, что великіе поэты, соблазнившіе ихъ своимъ примѣромъ, отъ того сообщали своимъ созданіямъ глубокость мысли и высокость идей, что они жили и дышали этими мыслями и идеями; что они не придумывали этихъ мыслей и идей, но только освобождались отъ тяготившаго ихъ избытка оныхъ; что они не искали этихъ мыслей и идей, но что эти мысли и идеи искали ихъ, такъ какъ истинный поэтъ не ищетъ риѳмы, но риѳма ищетъ его; что, наконецъ, они не старались развивать практически этихъ мыслей и идей для убѣжденія ума читателей, но выражали ихъ безсознательно и безцѣльно. Наши авторы думали, что здѣсь дѣло идетъ только о томъ, чтобы взять какую-нибудь идею, обдумать ее логически, да и придѣлать къ ней сказку, романъ или драму. И поэтому они стали, въ длинныхъ предисловіяхъ, объяснять свою идею, какъ бы предчувствуя, что безъ того она осталась бы для читателя неразрѣшимою загадкою.

Къ числу такихъ-то авторовъ принадлежитъ и авторъ «Ижорскаго». Не имѣя поэтическаго таланта, онъ дурно понимаетъ и искусство. Жалко видѣть, какъ онъ, въ своемъ предисловіи, остритъ надъ какими-то, будто бы, защитниками трехъ единствъ, которыхъ, на святой Руси, уже давно видомъ не видать, слыхомъ не слыхать, ибо теперь и самые ультра-классики хлопочутъ уже не о трехъ единствахъ, но о «нравственности въ изящномъ». Жалко видѣть, какъ онъ силится развить теорію того рода сочиненій, къ которому относитъ своего «Ижорскаго»—мистерій. Увы! все это труды напрасные! Въ чемъ есть чувство, поэзія, талантъ, то не можетъ повредить себѣ странностію или новостію формы: его всѣ тотчасъ поймутъ безъ комментарій.

Авторъ представляетъ какого-то Ижорскаго, разочарованнаго человѣка, тысячу первую пародію на Чайльдъ-Гарольда.

Этотъ Ижорскій ничему не вѣритъ, ибо во всемъ разочаровался отъ нечего дѣлать; страшный Бука, повелитель духовъ, отдаетъ его во власть проказнику Кикиморѣ (что-то въ родѣ русскаго, доморощеннаго Мефистофеля); этотъ Кикимора влюбляетъ его, для собственной потѣхи, въ княжну Лидію: бѣднякъ страдаетъ, удаляется въ деревню и дѣлается совершеннымъ отшельникомъ; потомъ Кикимора влюбляетъ въ него княжну Лидію, но такимъ образомъ, что мизантропъ съ этой минуты охладѣваетъ къ ней и вымещаетъ на ней свои прежнія страданія; какъ бы желая извѣдать, точно ли она его любитъ, говоритъ ей слѣдующими дурными стихами:

......Одно довѣрье,
Довѣрье можетъ породить во мнѣ,
И вотъ вопросъ мой вамъ, сіятельной княжнѣ:
Вы въ силахъ ли презрѣть высокомѣрье,
Спѣсь рода своего, молву и санъ отца?
Принадлежать мнѣ до вѣнца
Вы въ силахъ ли?... Молчишь, блѣднѣешь...

Княжна обѣщаетъ, и вдругъ исчезаетъ, приходитъ пѣшкомъ въ Петербургъ, въ нарядѣ молодаго крестьянина; является къ Вескову, молодому человѣку съ душою и сердцемъ, который давно уже любилъ ее, выдаетъ себя за крестьянина Ижорскаго и предлагаетъ ему вылѣчить своего барина, къ которому Весковъ питалъ энтузіастическое уваженіе, отъ его меланхоліи. Весковъ соглашается. Они приходятъ оба очень кстати: на Ижорскаго напали разбойники, и Весковъ спасаетъ его. Они живутъ у него въ домѣ. Кикимора возбуждаетъ въ немъ подозрѣніе, что казачекъ Вескова есть пропавшая княжна. Ижорскій думаетъ, что она надъ нимъ насмѣхается, закалываетъ Вескова и бѣжитъ съ Кикиморою и княжною, которую бросаетъ на дорогѣ спящею. Въ бѣдной княжнѣ принимаетъ участіе Титанія. Наконецъ, Шишимора является Ижорскому въ соб-

ственномъ видѣ и заставляетъ его низвергнуться со скалы длинною рѣчью, окончаніе которой заключаетъ въ себѣ смыслъ всей этой длинной и скучной аллегоріи. Смыслъ рѣчи, какъ отдѣльная мысль, обнаруживаетъ въ авторѣ человѣка съ умомъ и чувствомъ и самые стихи въ ней болѣе другихъ одушевлены, хотя и мало отзываются поэзіею.

Всего страннѣе въ этой мистеріи участіе персонажей небывалой русской миѳологіи. За неимѣніемъ на Руси духовъ, авторъ надѣлалъ своихъ, но къ несчастію его Бука, Кикимора, Шишимора, Зничь, его русалки, лѣшіе, совы и пр., очень плохо вяжутся съ гномами, сильфами, ондинами, саламандрами, Титаніею, Аріэлемъ и пр. Миѳологія тогда только имѣетъ смыслъ, поэзію и фантастическую прелесть, когда она есть созданіе фантазіи народа, который питаетъ къ своимъ вымысламъ суевѣрный страхъ и отъ души имъ вѣритъ.

Грустно видѣть человѣка съ умомъ, съ большею или меньшею степенью образованія, человѣка съ уваженіемъ къ святымъ предметамъ человѣческаго обожанія, любящаго искусство,—и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ жестоко обманывающагося на счетъ своего призванія, такъ дурно понимающаго значеніе высокаго слова: искусство! Для того, чтобъ быть поэтомъ, мало ума: нужны чувство и фантазія. Дѣлать поэмы можетъ всякій, творить—одинъ поэтъ. Работа всегда остается работою, какъ бы ни высока была ея цѣль.

СЫНЪ ЖЕНЫ МОЕЙ. *Романъ. Соч. Поль-де-Кока. Спб. 1835. Двѣ части.*

«Это сочиненіе хорошо, но только безнравственно, а это и хорошо и отличается чистѣйшею нравственностію и прекраснымъ слогомъ». Такъ думалъ и говорилъ, бывало, покойникъ XVIII вѣкъ, который, какъ всѣмъ извѣстно и вѣ-

домо, самъ отличался чистѣйшею нравственностію и въ дѣлахъ и въ помыслахъ. «Какъ безнравственна юная французская литература! нельзя ничего дать прочесть молодому человѣку, не говоря уже о дѣвушкѣ и даже всякой женщинѣ!» Такъ вопіютъ нынѣ почтенныя развалины почтеннаго XVIII вѣка, обломки добраго стараго времени. «Нравственность въ литературѣ»! Да, это вопросъ, и вопросъ глубокій, многосложный, на который Французъ можетъ написать два томика, въ двѣнадцатую долю, а Нѣмецъ двадцать томовъ in quarto. Не почитая себя способнымъ ни къ тому, ни къ другому труду, я постараюсь въ легкой журнальной статейкѣ бросить взглядъ на «нравственность въ литературѣ».

На языкѣ человѣческомъ есть слова, которыя люди повторяютъ, не вникая въ ихъ значеніе, не условливаясь въ ихъ смыслѣ, повторяютъ и сердятся, когда кто-нибудь осмѣлится сказать: «да что̀ же это такое, милостивые государи?» Къ числу такихъ странныхъ словъ принадлежитъ «нравственость вообще», и «нравственность въ литературѣ». Древніе передали намъ въ изящныхъ формахъ кровавую исторію Эдипа и фамиліи Атридовъ, исторію полную мрачныхъ злодѣйствъ, возмутительныхъ преступленій, какъ-то: отцеубійства, братоубійства, мужеубійства, кровосмѣшенія, и блюстители нравственности находили тутъ бездну нравственности; потомъ, писатели, появившіеся въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, начали изображать жизнь во всей ея ужасающей наготѣ и истинѣ, и хотя они, въ ужасномъ, далеко не превзошли древнихъ, но блюстители нравственности оглушающимъ хоромъ заревѣли противъ безнравственности новѣйшихъ писателей. Воля ваша, а тутъ есть недоразумѣніе. Кажется, все дѣло въ томъ, что дурно условились въ значеніи слова «нравственность».

Что̀ такое нравственность? Въ чемъ должна состоять нравственность? — Въ твердомъ глубокомъ убѣжденіи, въ пла-

менной, непоколебимой вѣрѣ въ достоинство человѣка, въ его высокое назначеніе. Это убѣжденіе, эта вѣра, есть источникъ всѣхъ человѣческихъ добродѣтелей, всѣхъ дѣйствій. Если я твердо убѣжденъ въ томъ, что міръ обширная торговая площадь, гдѣ люди обманомъ, и мытьемъ и катаньемъ, выторговываютъ другъ у друга тепленькое мѣстечко, гдѣ бы можно было и поѣсть сладко, и соснуть мягко, и погулять весело, площадь, на которой всякій думаетъ только о своихъ барышахъ и почитаетъ позволительными всѣ средства къ достиженію своей цѣли, и между тѣмъ повторяетъ общія мѣста морали, не вѣря имъ,— то, скажите, Бога ради, зачѣмъ же я долженъ быть добрымъ, честнымъ, великодушнымъ, зачѣмъ осужу я себя на лишенія, на страданія, когда могу наслаждаться благами жизни! Я былъ бы, въ такомъ случаѣ, очень глупъ, не правда ли?—Развѣ изъ страха угрызеній совѣсти? Но зачѣмъ же мнѣ и злодѣйствовать, зачѣмъ губить ближняго? я буду только обманывать его, заставлять его служить мнѣ, предоставляя и ему какія-нибудь выгоды, но только помня твердо, что своя рубашка къ тѣлу ближе, и видя зло, угнетенія, неправосудіе, не вмѣшиваться не въ свои дѣла, если меня не трогаютъ. Такъ и думалъ XVIII вѣкъ. Всѣ писали и говорили о нравственности, и ни въ комъ не было нравственности, ибо никто не вѣрилъ достоинству человѣка, великости его назначенія.

Но ежели я вѣрю, что я долженъ дать отчетъ въ моей жизни, долженъ употребить ее на святой подвигъ, какъ завѣщалъ это намъ Распятый за насъ,—я могу и въ такомъ случаѣ заниматься мелочами жизни, быть пустымъ, даже злымъ человѣкомъ, но уже прости счастіе жизни, оно невозможно для меня, прости счастливое самодовольство, я уже не могу обмануть себя. Такъ думаетъ XIX вѣкъ, ибо онъ, если еще не вполнѣ увѣрился, то уже начинаетъ вѣрить въ достоинство человѣка, въ великость его назначенія.

Весьма не трудно приложить это понятіе о нравственности вообще «къ нравственности въ литературѣ». Какое мнѣ дѣло, что въ романѣ или драмѣ добродѣтельный погибаетъ, а порочный торжествуетъ? Если добродѣтельный боится пасть за правду, если онъ ропщетъ на провидѣніе за то, что оно попускаетъ торжествовать надъ нимъ пороку, онъ уже не добродѣтеленъ: онъ поденьщикъ, просящій платы за труды, онъ любитъ добро не для добра, а изъ желанія награды. Нѣтъ, если онъ добродѣтеленъ истинно, то благодари провидѣніе за бѣдствіе, лобызай карающему руку. Если во мнѣ есть чувство добра, меня не испугаетъ зрѣлище ужасовъ и страданій, вопль проклятій и богохуленій, представляемыхъ мнѣ Евгеніемъ Сю, Бальзакомъ, Лакруа и другими, ибо царство добраго не отъ міра сего.

Вотъ другое дѣло литература XVIII вѣка, она не такъ глубока и ужасна; она, напротивъ, очень весела и снисходительна къ слабостямъ человѣческимъ, но за то и убійственна для чувства нравственности, соблазнительна и развратна. Эти сцены сладострастія, набросанныя игривою кистію съ чувствомъ самоуслажденія, эти невинные экивоки, отъ которыхъ закипаетъ молодая кровь юноши и волнуется грудь дѣвушки—вотъ она, вотъ ядовитая отрава нравовъ! Это хорошо извѣстно многимъ, которые, еще бывши дѣтьми, читали философическія повѣсти Вольтера, Contes en vers Лафонтена, «Кавалера Фобласа» и другія chefs-d'oeuvres XVIII вѣка.

Передо мною лежитъ романъ Поль-де-Кока «Сынъ моей Жены», перелистываю его съ разстановкою и трепещу при мысли, что это подлое и гадкое произведеніе можетъ быть прочтено мальчикомъ, дѣвочкою и дѣвушкою; трепещу при мысли, что Поль-де-Кокъ почти весь переведенъ на русскій языкъ и читается съ услажденіемъ всею Россіею!... Боже великій! и есть люди, которые печатно хвалятъ его и находятъ его самымъ нравственнѣйшимъ изъ современныхъ

французскихъ писателей, его, грязнаго осадка отъ мутной воды XVIII вѣка, его, угодника площадной черни!.... А мы слушаемъ и вѣримъ!.... Слава намъ!....

Чтò такое Поль-де-Кокъ? кто онъ и откуда? О, это писатель удивительный! Хотите ли имѣть понятіе о созданіи и характерѣ его безчисленныхъ твореній? У него, по большей части, герой романа дитя природы, который ничему не учился, не знаетъ даже грамоты, и потому свѣжъ, крѣпокъ и смѣлъ, ѣстъ за троихъ и пьетъ за десятерыхъ. Надобно еще замѣтить, что онъ всегда незаконнорожденный: Поль-де-Кокъ сенсимонистъ! Юность молодца проходитъ въ буйствѣ, въ волокитствѣ за деревенскими дѣвками, потомъ онъ вступаетъ въ военную службу, или пускается въ путешествіе, дѣлая вездѣ извѣстнаго рода проказы и тысячи пошлыхъ глупостей; потомъ влюбляется, по незнанію, въ родную сестру... дѣлается кровосмѣсителемъ... Это самая ужасная катастрофа, которою разрѣшаются всѣ гордіевскіе узлы романовъ Поль-де-Кока, ибо всѣ его герои очень пламенны и нетерпѣливы! а онъ самъ имѣетъ свои собственныя понятія о блаженствѣ любви... Наконецъ дѣло какъ-нибудь улаживается, выходитъ, что обезчещенная не сестра молодцу, и что онъ почиталъ ее сестрою по ошибкѣ; и романъ оканчивается счастіемъ, т. е. свадьбою и богатствомъ, и слѣдовательно «нравственно». Для полноты картины, выведенъ какой-нибудь гусаръ пьяница, буянъ и волокита на старости лѣтъ; на сценѣ безпрестанно мужики, обманываемые женами, трактиры, кабаки и т. д. Вотъ вамъ Поль-де-Кокъ!

Въ разсматриваемомъ мною романѣ, Поль-де-Кокъ превзошелъ самого себя въ пошлости и безнравственности; это самое худшее изъ его произведеній. Переводъ я сначала почелъ московскимъ, и очень удивился, когда, выписывая его заглавіе со всѣми библіографическими подробностями, увидѣлъ: «С. Петербургъ»; переводъ есть истинная како-

графія логики, грамматики и здраваго смысла. Не выписываю фразъ, ибо не могу рѣшиться выборамъ.

ЧЕТЫРЕ ВЫМЫСЛА. *Сочиненіе Николая Лутковскаго. Спб. 1834.*

ЭМИЛІЙ ЛИХТЕНБЕРХЪ. *Повѣсть. Соч. М. Лисициной. Изданіе второе безъ прибавленій (?!). Москва. 1835. Двѣ части.*

Les beaux ésprits se rencontrent — говоритъ французская пословица: правда, истинная правда! Вотъ два сочиненія, принадлежащія особамъ разнаго пола, написанныя въ разныя времена (послѣднее издается въ другой разъ и безъ прибавленій), а сколько въ немъ общаго, сходнаго, роднаго! Добрый дѣдушка Лафонтенъ (вѣчная ему память!) былъ, для обоихъ нихъ, образцомъ и вдохновителемъ, и весьма естественно, что они далеко отстоятъ отъ него въ литературномъ достоинствѣ, ибо когда же подражатели бываютъ выше своихъ образцовъ, или даже равны имъ?

Мнѣ какъ-то совѣстно не познакомить васъ хоть сколько-нибудь съ красотами этихъ сочиненій, этими красотами, самородными и блестящими, какъ алмазъ! Раскрываю «Четыре Вымысла» и читаю: «Подобно охотнику, пробирающемуся въ тѣснинѣ густаго лѣса, Алексѣй желалъ сперва раздвинуть вѣтви Александровыхъ чувствованій, чтобъ, такъ сказать, посмотрѣть, нѣтъ ли, въ самомъ дѣлѣ, за этими вѣтвями—потаеннаго логовища змѣи, лисицы или тетерева; потомъ предполагалъ онъ, въ другой визитъ, продолжить свое любопытство; а въ третій надѣялся уже обстоятельно узнать, соперника ли для себя имѣетъ онъ въ Александрѣ, или просто откровеннаго знакомца». Творецъ небесный! Раздвинуть вѣтви чувствованій и посмотрѣть, нѣтъ ли за ними потаеннаго логовища змѣи, лисицы или тетерева (ужъ

вѣрно глухаго!); сдѣлать цѣлыхъ три визита въ чувствованія! Ай, ай, да это новый элементъ, кромѣ Августа Лафонтена элементъ восточный, оріентальный—а я и не замѣтилъ этого! Это точно какъ будто переводъ съ персидскаго. Раскрываю «Эмилія Лихтенберга» и читаю: — Такъ по вашему рѣшительно нѣтъ несчастія? — Есть, гусаръ! оно, по моему, состоитъ въ заблужденіяхъ и порокахъ людей; не отъ насъ зависитъ предохранить спокойствіе чистой совѣсти, съ которою никогда и не въ какихъ обстоятельствъ жизни человѣкъ не можетъ быть несчастливъ.— О! повѣрьте, сударыня, что много есть людей, которые были всегда игрушкой рока и которые даже противъ воли впадали въ преступленія. — Не говорите мнѣ объ нихъ: они были игрушки страстей своихъ.

Каково? Но теоретическій догматизмъ еще не главное достоинство произведенія г-жи М. Лисицыной: у ней факты всего убѣдительнѣе. Она хочетъ заставить любить добро, ея герои всѣ добры, и за то всѣ женятся и выходятъ замужъ по склонности, по любви, и живутъ богато и счастливо. И посмотрите, какъ вѣренъ, какъ несомнѣненъ призъ, предлагаемый сочинительницею: когда кто-нибудь изъ персонажей ея романа любитъ глубоко, пламенно, энергически, до безумія, до изступленія, и ему измѣняетъ его любезная—вы думаете, бѣдняжка сходитъ съ ума, застрѣливается, или просто умираетъ отъ отчаянія? Да, какъ бы не такъ! Нѣтъ—авторъ тотчасъ сводитъ горемыку съ другою дѣвушкою и, прежде, нежели вы успѣете мигнуть глазомъ, или понюхать табаку, заставляетъ его влюбиться въ нее, а ее влюбляетъ въ него—и дѣло съ концомъ. Правда, нѣкоторые и добрые у него умираютъ, но это не отъ чего другаго, какъ отъ старости—но вѣдь и то сказать, не два же вѣка имъ жить! Вы не повѣрите, какъ убѣдительны эти истины въ устахъ автора «Эмилія Лихтенберга», тѣмъ болѣе, что онѣ высказаны языкомъ, надо сказать правду,

правильнымъ и чистымъ, хотя нерѣдко и сбивающимся на подъяческій отъ неумѣреннаго употребленія слова «оный» во всѣхъ падежахъ. Но этотъ маленькій недостатокъ ничего не значитъ, ибо съ избыткомъ выкупается прелестью разсказа, живымъ изображеніемъ характеровъ, страстей и положеній. Рѣшено! съ завтрашняго же дня не шутя принимаюсь за себя: стану ѣсть и пить умѣренно, спать мало, вставать ровно въ пять часовъ, а ложиться въ десять, по утрамъ наслаждаться природою, плакать и трогаться при видѣ всего прекраснаго, дарить всякаго несчастнаго хоть слезою, если въ карманѣ не случится ни копѣйки (что̀ очень часто со мною случается), а пуще всего какъ можно чаще повторять нравственныя правила. Да, мнѣ больше, чѣмъ кому-нибудь другому, надо быть добрымъ: ибо, во-первыхъ, я бѣденъ и живу трудомъ; во-вторыхъ, одинокъ, что̀ очень скучно. Нѣтъ, нѣтъ! скорѣе быть добрымъ, скорѣе жениться на какой-нибудь прекрасной, образованной, добродѣтельной, влюбленной въ меня, а главное, богатой дѣвушкѣ, зажить барономъ и мечтать съ милой женою о счастіи при любви и подъ соломенною кровлею, о блаженствѣ и при нищетѣ, а больше всего, о выгодѣ быть добрымъ! Совѣтую и вамъ, любезный читатель, послѣдовать моему примѣру, если вы бѣдны и не женаты!...

ЗАПИСКИ Г-ЖИ ДЮКРЕ О ИМПЕРАТРИЦѢ ІОЗЕФИНѢ, О ЕЯ СОВРЕМЕННИКАХЪ, И О ДВОРАХЪ НАВАРСКОМЪ И МАЛЬМЗОНСКОМЪ: *Переводъ съ французскаго. Спб. 1835. Четыре части.*

Несмотря на то, что «Записки г-жи Дюкре о Іозефинѣ» получили во Франціи справедливый успѣхъ и заслужили о себѣ отзывы многихъ французскихъ литераторовъ, какъ говоритъ переводчикъ (г. Андрей де Шаплетъ), и чрезвы-

чайно понравились Бурьенну, знаменитому мемуаристу—эта книга мнѣ очень не понравилась, и я думаю, что она не стоила перевода. Г-жа Дюкре не имѣетъ ни дара наблюдательности, ни умѣнья схватывать рѣзкія черты характеровъ и дѣлъ, ни таланта разсказывать. Ея повѣствованіе вертится на пустякахъ и мелочахъ; содержаніе его составляютъ пустые анекдоты и дворскія сплетни. Ея взглядъ на вещи самый картофельный, самый пансіонскій: она удивляется всѣмъ и всему, начиная съ г-жи Жанлисъ до бриллiантовъ императрицы Жозефины; у ней всѣ хороши и она всѣхъ оправдываетъ. Ея понятія—понятія XVIII вѣка; она добродушно признается, что, «подобно всѣмъ молодымъ дѣвушкамъ, имѣла преувеличенныя и ложныя понятія о необходимости быть влюбленною въ своего мужа», и препаивно раскаевается, что не вышла замужъ за богатаго и умнаго, но нетерпимаго ею человѣка, который за нее сватался. Но это, скажутъ, дѣла домашнія, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ авторству.—Напротивъ, очень большое, ибо отъ образа взгляда много зависитъ достоинство сочиненія. Одинъ хохолъ мужикъ сказалъ, что еслибы его сдѣлали царемъ, то онъ укралъ бы сто рублей, да и убѣжалъ: мужикъ сказалъ глупо потому, что имѣлъ глупыя понятія о вещахъ. Спросите Калмыка, кто истинно великій человѣкъ.—Кто имѣетъ счастіе быть Калмыкомъ и знаетъ великую тайну Арчилана-Хубильгана (переселенія душъ), отвѣтитъ онъ вамъ. Вслѣдствіе этого отвѣта, Наполеонъ и Шекспиръ будутъ исключены изъ числа великихъ людей, и глупъ ли, уменъ ли этотъ отвѣтъ, но онъ есть результатъ того взгляда на вещи, который имѣетъ Калмыкъ.

Можетъ быть, многія подробности, находящіяся въ книгѣ г-жи Дюкре, имѣютъ свою относительную важность въ глазахъ Французовъ; но русскимъ читателямъ отъ этого не легче: книга для нихъ такъ же скучна и утомительна. Они увидятъ изъ нея, что Жозефина, или по переводу г. де

Шаплета, Іозефина, оказывала многія благодѣянія, любила Наполеона, своихъ дѣтей, позволяла управлять собою льстецамъ и наушникамъ, и въ семъ отношеніи обнаруживала удивительную слабость воли и характера; словомъ, увидятъ въ Жозефинѣ женщину, какихъ много; но не увидятъ той необыкновенной Жозефины, странная судьба которой такъ тѣсно была соединена съ судьбою дива нашего времени: эта послѣдняя Жозефина ускользнула отъ близорукой наблюдательности г-жи Дюкре.

НАСЛѢДНИЦА. *Быль вмѣсто романа, или романъ вмѣсто были. Соч. П. Сумарокова. Москва. 1835. Двѣ части.*

Скромное имя г. Сумарокова не блеститъ въ нашихъ литературныхъ адресъ-календаряхъ; оно почти незамѣтно между лучезарными созвѣздіями и свѣтилами, окружающими его. Но это просто несправедливость судьбы, ибо, если о достоинствѣ вещей должно судить не безотносительно, а по сравненію, то имя г. Сумарокова должно принадлежать къ числу самыхъ громкихъ, самыхъ блестящихъ именъ въ нашей литературѣ, особенно въ настоящее время. Но видно, онъ не участвуетъ ни въ какой литературной компаніи, издающей журналъ, и, особенно, не умѣетъ писать предисловій къ своимъ сочиненіямъ, и не имѣетъ духу писать на нихъ рецензій и печатать ихъ, разумѣется подъ вымышленными именами, въ журналахъ, что́ также въ числѣ самыхъ вѣрныхъ средствъ къ прославленію. Но, оставя всѣ шутки, скажемъ, что г. Сумароковъ, не отличаясь особенною силою таланта, и даже совершенно не будучи поэтомъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова, заслуживаетъ вниманіе, какъ пріятный разсказчикъ былей и небылицъ, почерпаемыхъ имъ изъ міра русской, преимущественно провинціаль

ной жизни, и отличающихся занимательностію и хорошимъ языкомъ. Его повѣсти, помѣщавшіяся въ «Телеграфѣ» и недавно изданныя особо, съ удовольствіемъ читались и читаются нашею публикою. Онѣ не отличаются ни глубиною мысли, ни энергіею чувства, ни поэтическою истиною, ни даже большою современностію; но въ нихъ есть что-то не совсѣмъ истертое и обыкновенное, а у насъ и это хорошо. Онѣ не заставятъ васъ задрожать отъ восторга, онѣ не выжмутъ изъ глазъ вашихъ горячей слезы, но вы съ тихимъ удовольствіемъ прочтете ихъ въ длинный зимній вечеръ, но вы не бросите ни одной изъ нихъ, не дочитавши, хотя и заранѣе догадываетесь о развязкѣ. Герои повѣстей г. Сумарокова люди не слишкомъ мудреные, не слишкомъ глубокіе или страстные; это люди, какихъ много, но вы полюбите ихъ отъ души, примите участіе въ ихъ судьбѣ и, сколько-нибудь познакомившись съ ними, непремѣнно захотите узнать, чѣмъ кончились ихъ похожденія.

Всякій долженъ слѣдовать своему таланту, всякій долженъ оставаться въ предѣлахъ, отмежеванныхъ ему природою; мы не совѣтывали бы г. Сумарокову писать романовъ, ибо его поприще есть повѣсть. Изъ самаго его романа «Наслѣдница» вышла повѣсть, противъ его собственной воли, повѣсть довольно занимательная, но очень растянутая, почему, вѣроятно, она и показалась своему автору романомъ. Множество пустыхъ подробностей, бездна самыхъ жалкихъ сентенцій, чрезвычайно какъ много вредятъ этому роману, который впрочемъ не безъ достоинствъ. Первая часть, по причинѣ ужасной растянутости, скучна и утомительна, но вторая, въ которой ходъ дѣйствія живѣе и быстрѣе, читается съ большимъ удовольствіемъ. Авторъ хорошо подсмотрѣлъ многія черты общества и удачно схватилъ ихъ. Молодая дѣвушка, воспитанная въ деревнѣ, съ душою пламенною, любитъ молодаго небогатаго человѣка. Мать замѣчаетъ эту любовь и не мѣшаетъ ей развиваться,

видя въ молодомъ человѣкѣ выгодную партію для своей дочери. Вдругъ дочь дѣлается наслѣдницею огромнаго имѣнія и, для принятія его, ѣдетъ съ матерью въ Москву, къ промотавшимся родственникамъ, которые до того времени не хотѣли ихъ и знать, а когда они сдѣлались богаты, то вдругъ почувствовали къ нимъ самую нѣжную привязанность. Промотавшееся столичное семейство изображено очень хорошо. Столичная тетушка и кузина сообщаютъ своей провинціальной родственницѣ правила разврата и подлости, которыя въ свѣтѣ называются правилами нравственности, разлучаютъ ее, посредствомъ клеветы, съ ея любезнымъ, и посредствомъ разныхъ обмановъ, истерзавъ юное сердце бѣдной дѣвушки всѣми муками ревности, уговариваютъ ее выйдти замужъ за генерала, человѣка благороднаго и умнаго, но уже пожилаго. Бѣдная жертва кидается съ отчаянія въ объятія уважаемаго, но немилаго ей человѣка, и затаиваетъ въ сердцѣ свои страданія. Въ деревнѣ, когда мужъ ея занимается охотою съ гостями, за ней волочится графчикъ, мальчишка, воспитанный въ правилахъ XVIII вѣка, и, взбѣшенный ея презрѣніемъ, ищетъ средствъ погубить ее. Бѣдный молодой человѣкъ, котораго она любила, входитъ въ садъ генерала и встрѣчается съ нею, не видавши ее пять лѣтъ. Объясняются, мирятся, и расходятся, чтобъ больше не видаться. Горничная дѣвка это замѣчаетъ, сообщаетъ графчику, тотъ мужу; слѣдствіемъ— дуель и смерть обоихъ страдальцевъ.

РЕЙНСКІЕ ПИЛИГРИМЫ. *Соч. Бульвера. Переводъ съ французскаго. 1835. Четыре части.*

Европейскіе журналы, преимущественно англійскіе, сколько мы могли замѣтить изъ «Revue Britannique», часто удивляютъ самыми странными, если не нелѣпыми, сужденіями

о литературныхъ предметахъ, сужденіями, которыя даже и у насъ смѣшны; часто они хлопочутъ о такихъ вопросахъ, которые даже и у насъ уже не вопросы. Не ходя далеко, укажемъ на статью о новой драмѣ Виктора Гюго, помѣщенную въ одномъ изъ №№ «Артиста» французскаго журнала, и переведенную въ «Наблюдателѣ». Но англійскіе журналы особенно свидѣтельствуютъ о незавидномъ состояніи критики въ Англіи. Недавно мы прочли въ «Revue Britannique» статью объ Эдуардѣ Литтонѣ Бульверѣ — новой англійской и, слѣдовательно, европейской знаменитости, о которой такъ много говорятъ и у насъ. Эта статья переведена въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», повторена въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», и поэтому должна быть извѣстна русской публикѣ. Изъ нея видно то, что духъ Англичанъ принимаетъ новое направленіе, представителемъ котораго есть—Бульверъ. Въ чемъ же состоитъ это новое направленіе духа англійской націи? Въ стремленіи къ жизни мечтательной, идеальной, совершенно противоположной ихъ положительной, разсчетливой, раціональной жизни. Правда ли это? Возможное ли это дѣло? Не знаю; по крайней мѣрѣ, такъ говоритъ авторъ статьи объ Эдуардѣ Литтонѣ Бульверѣ; прибавлю еще, что онъ видитъ въ этомъ новомъ направленіи много худаго и предсказываетъ близкую и ужасную реформу въ Англіи, обвиняя Бульвера въ томъ, что онъ своими романами способствуетъ этому вредному направленію и своимъ огромнымъ авторитетомъ ускоряетъ его развязку. Какъ бы-то ни было, это вопросъ чисто англійскій, обстоятельство семейное и для насъ совершенно постороннее; а вотъ въ чемъ дѣло: судя по великому вліянію, которое авторъ статьи о Бульверѣ приписываетъ этому писателю, судя по огромному авторитету, которымъ пользуется въ Англіи этотъ ея любимецъ и баловень, не имѣете ли вы права заключить, что Бульверъ есть писатель геніальный, что цвѣты его поэзіи роскошны, благо-

уханны, какъ плодородная природа Индіи, что его картины чудесны и разнообразны, какъ безпредѣльный міръ Божій, что онъ представляетъ природу и жизнь преображенными въ новомъ, волшебномъ, фантастическомъ свѣтѣ—не правда ли? Но увы! ничего этого нѣтъ: Бульверъ поэтъ, какихъ много, поэтъ второклассный, если не третьеклассный: его романы какъ романы—середка на половинѣ, хотя въ нихъ и блестятъ искры истиннаго, неподдѣльнаго таланта. И въ самомъ дѣлѣ, не странно ли думать, чтобы Британецъ, гордый, разсчетливый, пресыщенный жизнію, усталый отъ ея впечатлѣній, соскучившійся ея прозою, сталъ искать отдохновенія и освѣженія для своей души, не въ Шекспирѣ, не въ Байронѣ, не въ Вальтеръ-Скоттѣ, не въ Куперѣ, или Томасѣ Мурѣ, а въ Бульверѣ? Развѣ поэзія этихъ поэтовъ положительна, суха, утомительна, неспособна потрясти самую холодную душу, распалить самое вялое воображеніе? Развѣ геній этихъ поэтовъ не великъ, развѣ онъ ниже генія Бульвера? Странно! Что̀-жъ такое этотъ Бульверъ, что̀ онъ за чародѣй такой, что, мановеніемъ своего волшебнаго жезла, заставляетъ Англичанъ забывать свои конторы и биржу, свои проэкты всемірной торговли и бросаться въ фантастическій міръ Нѣмцевъ? Въ чемъ находитъ онъ свои могущественныя средства, гдѣ беретъ свои орудія? Ужъ не въ родствѣ ли онъ съ феями и гномами, ужъ не подарилъ ли ему Оберонъ своего лилейнаго скипетра? Мы это сейчасъ увидимъ, бросивши взглядъ на «Рейнскихъ Пилигримовъ».

«Рейнскіе Пилигримы» единственный романъ Бульвера, прочитанный мною; но судя по его характеру и по упомятой статьѣ въ «Revue Britannique», они могутъ дать полное понятіе о Бульверѣ. Вотъ въ чемъ состоитъ ихъ содержаніе: Тревеліанъ, молодой человѣкъ, съ душою сильною и характеромъ возвышеннымъ, любитъ Гертруду Ванъ, дѣвушку, которая имѣетъ все, что̀ дѣлаетъ женщину на

землѣ представительницею неба — красоту и способность къ нѣжной, пламенной любви, безграничному самоотверженію, преданности и высокой покорности судьбѣ; отецъ этой дѣвушки, лицо, тоже имѣющее свою физіономію, есть третій персонажъ романа Бульвера. Прелестная, очаровательная Гертруда страждетъ неизлѣчимою болѣзнію—чахоткою, и, по совѣту докторовъ, пускается въ путешествіе по берегамъ Рейна, въ сопровожденіи своего отца и любовника. Тревеліанъ, имѣя пылкое воображеніе, зная наизусть почти всѣ преданія, всѣ древне-нѣмецкія хроники и притомъ обладая способностію пріятнаго разскащика, разсказываетъ Гертрудѣ отрывки изъ этихъ преданій и хроникъ, чтобы отклонить ея вниманіе отъ собственнаго ея положенія. Все это очень естественно, все вѣрно, прекрасно и занимательно. Эта Гертруда прекрасный, благоуханный цвѣтокъ, рожденный для того, чтобы заставить другое существо полюбить жизнь,—эта Гертруда, стоящая на краю могилы и живѣе ощущающая прелесть жизни, и сильнѣе желающая жить, и до послѣдней минуты обманывающая себя лестною надеждою на счетъ жестокой истины своего положенія; потомъ, этотъ Тревеліанъ, сосредоточившій въ самомъ себѣ всѣ силы души своей и кажущійся спокойнымъ и холоднымъ, тогда какъ въ его сердцѣ горитъ пламя любви и чувства, — этотъ гордый, крѣпкій дубъ, опершійся на розу и долженствующій пасть, когда она увянетъ; наконецъ, этотъ старикъ Ванъ, извѣдавшій жизнь, утомившійся ея обманами, опершійся на самаго себя, и въ своемъ безстрастіи еще глубоко любящій дочь свою—всѣ эти лица, повторяю, имѣютъ собственную физіономію и живо занимаютъ вниманіе читателя своею судьбою, своимъ положеніемъ, своею личностію. Но не здѣсь Бульверъ, онъ въ эпизодахъ, онъ въ разсказахъ Тревеліана; въ нихъ силится онъ оживить старину съ ея вол-

шебными воспоминаніями, съ ея романической жизнію, такъ противоположною разсчетливой жизни.

Эти эпизоды прекрасны, когда дѣло идетъ объ изображеніи чувствъ и положеній человѣческихъ, общихъ всѣмъ вѣкамъ, всѣмъ народамъ, и понятнымъ во всѣхъ вѣкахъ и для всѣхъ народовъ. Таковъ эпизодъ: «Молодая дѣвушка изъ города Мелина», въ коемъ прекрасно изображена женщина, существо любящее и преданное; таковъ эпизодъ: «Братья», въ которомъ воскресаетъ поэтическая жизнь среднихъ вѣковъ, съ ея рыцарствомъ, ея любовію, ея вѣрностію, страданіемъ и религіозностію; но и не здѣсь еще Бульверъ; онъ въ разсказахъ фантастическихъ, которые тоже прекрасны; ихъ два: «Душа въ Чистилищѣ» и «Падшая Звѣзда». Но особенно Бульверъ, такой Бульверъ, какимъ представляетъ его авторъ статьи въ «Revue Britannique», Бульверъ мечтатель, Бульверъ, недовольный современною жизнію, видѣнъ въ повѣствованіи о феяхъ и геніяхъ, которые, Богъ знаетъ по какимъ правамъ и ради какихъ причинъ, вмѣшиваются у него въ людскія дѣла, и здѣсь-то Бульверъ смѣшонъ, жалокъ и нелѣпъ до крайности. Эти феи, эти геніи, ихъ разсказы о любви кошекъ и собакъ— суть не что иное, такъ натяжки, самыя скучныя и утомительныя, рѣзныя украшенія русскихъ крестьянскихъ избъ на домѣ итальянской архитектуры, ломанье паяца въ антрактахъ хорошей драмы. Если въ этомъ состоитъ мечтательность и идеальность Бульвера, то едва ли ему удастся ниспровергнуть существующій порядокъ дѣлъ въ Англіи, и изъ Англичанъ, народа дѣятельнаго, торговаго, положительнаго, сдѣлать мечтательныхъ, созерцающихъ, сумазбродныхъ Нѣмцевъ по идеалу Тика. Бульверъ часто, или, лучше сказать, безпрестанно жалуется на прозу нашей жизни, и очень замѣтно, что ему хочется быть мечтательнымъ, хочется создать какую-то идеальную жизнь; это видно изъ самыхъ его эпиграфовъ; онъ старается заставить сво-

ихъ читателей вѣрить въ бытіе существъ особеннаго рода, наполняющихъ глубину лѣсовъ, ущелія горъ, дно морей и рѣкъ, воздушныя пространства; словомъ, онъ силится возвратить міръ къ его первобытному состоянію, когда юное человѣчество населяло природу небывалыми существами и отъ души вѣрило ихъ дѣйствительности. Намѣреніе нелѣпое! Развѣ нѣтъ поэзіи въ нашей жизни, развѣ сама истина и дѣятельность не есть высочайшая поэзія? Развѣ естественное и вѣрное изображеніе любви Тревеліана и Гертруды не лучше въ тысячу разъ глупыхъ разсказовъ о небывалыхъ феяхъ и геніяхъ, разсказовъ каррикатурныхъ, блѣдныхъ и холодныхъ? Развѣ пошлая аллегорія о добродѣтеляхъ есть поэзія?

Словомъ, Бульверъ, писатель не геніальный, но съ талантомъ, хорошъ только тамъ, гдѣ естественъ, гдѣ пишетъ въ духѣ времени, гдѣ противорѣчитъ своимъ нелѣпымъ мыслямъ о жизни, и несносенъ, гдѣ силится, вопреки своему таланту, быть идеальнымъ. Ему надо чувствовать, а не мыслить, надо безсознательно слѣдовать внушенію своего таланта, а не корчить изъ себя трубадура съ вѣнкомъ на остриженной головѣ и букетомъ розъ на модномъ фракѣ: тогда онъ будетъ лучше. Равнымъ образомъ, ему не надо судить ни объ англійской, ни о нѣмецкой литературѣ, ни о вкусѣ, ибо его сужденія объ этихъ предметахъ похожи на его разсказы о феяхъ и о добродѣтеляхъ.

СЕСТРА АННА. *Сочиненіе Поль-де-Кока. Переводъ съ французскаго А....въ. Спб. 1834. Четыре части.*

Этакое мнѣ счастіе на романы Поль-де-Кока! Недавно раздѣлался съ однимъ, и ужъ долженъ возится съ другимъ, но это въ послѣдній разъ.

«Сестра Анна», какъ и всѣ произведенія Поль-де-Кока,

этого корифея кабаковъ и лакейскихъ, должна доставить полное удовольствіе любителямъ неблагопристойныхъ сочиненій, въ родѣ «Кавалера Фобласа», романовъ «Пиго-ле-Брёна, Крамера, Contes Лафонтена, нувеллей Боккачіо и множества извѣстнаго рода книжекъ въ двѣнадцатую, шестнадцатую и восьмнадцатую долю съ гравюрами, которыя въ большомъ изобиліи издавались въ XVIII вѣкѣ, и которыя охотники всегда читаютъ тайкомъ и держатъ подъ рукою. Молодой мальчикъ, у котораго не развилось еще чувство, но уже развилась чувственность, и который имѣетъ особенный вкусъ къ анакреонтической поэзіи—найдетъ тутъ для себя прекрасные уроки и богатый запасъ опытности на извѣстные случаи; человѣкъ возмужалый, съ эмпирическимъ взглядомъ на вещи, предпочитающій положительное и существенное идеальному и мечтательному—найдетъ тутъ для себя тьму воспоминаній, а можетъ быть, и почувствуетъ охоту снова приняться за опытныя знанія; старецъ, привиллегированный гражданинъ Цитеры и Паѳоса, поклонникъ Киприды, ученикъ Парни и Богдановича въ наукѣ жизни, съ желаніемъ еще не угасшимъ, но и съ сознаніемъ своего безсилія—подогрѣетъ этимъ чтеніемъ свою охладѣлую кровь и обрѣтетъ хотя мгновенныя силы на новыя подвиги. Словомъ, Поль де-Кокъ есть истинный оракулъ для людей обоихъ половъ, всѣхъ возрастовъ и всѣхъ состояній. Это сокращенный кодексъ нравственности XVIII вѣка.

И однакожъ, ни одному писателю такъ не посчастливилось на Руси, какъ Поль-де-Коку: знакъ добрый!... И чему-жъ дивиться, если нѣкоторые критики не шутя увѣряютъ, что Поль-де Кокъ есть par excellence нравственный писатель... Г. Гоголь былъ ими пожалованъ въ Поль-де-Коки, ими, которые сами истинные Поль-де-Коки!... И всѣ романы Поль-де-Кока, какъ на зло, переведены, по большей части, очень хорошо! Правда, что не родись уменъ, не родись пригожъ, родись счастливъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. КОПТЕВА. *Спб. 1834. Съ эпиграфомъ:*

> Чувствительность есть даръ, поэзія искусство,
> Природа сердце мнѣ, судьба дала перо.

Вы не повѣрите, какъ обрадовали меня стихотворенія г. А. Коптева, въ какое восхищеніе привели они меня! Они напомнили мнѣ то невинное, золотое время дѣтства, когда, еще будучи мальчикомъ и ученикомъ уѣзднаго училища, я, въ огромныя кипы тетрадей, неутомимо, денно и нощно, и безъ всякаго разбору, списывалъ стихотворенія Карамзина, Дмитріева, Сумарокова, Державина, Хераскова, Петрова, Станевича, Богдановича, Максима Невзорова, Крылова и другихъ, когда я плакалъ, читая «Бѣдную Лизу» и «Марьину Рощу», и при томномъ свѣтѣ луны, съ понурымъ лицемъ à la Эрастъ Чертополоховъ. Воспоминанія дѣтства такъ обольстительны, къ тому же природа мнѣ дала самое чувствительное сердце и сдѣлала меня поэтомъ, ибо, еще будучи ученикомъ уѣзднаго училища, я писалъ баллады и думалъ, что онѣ не хуже балладъ Жуковскаго, не хуже «Раисы» Карамзина, отъ которой я тогда сходилъ съ ума. Теперь вамъ вѣрно нимало не покажется удивительнымъ, что стихотворенія г. А. Коптева привели меня въ чрезвычайное восхищеніе и даже исторгнули изъ глазъ моихъ нѣсколько слезинокъ чувствительности. Чтобы еще лучше объяснить вамъ, почему стихотворенія г. А. Коптева произвели на меня такое сильное дѣйствіе, скажу вамъ, что я, будучи ученикомъ уѣзднаго училища, самъ писалъ стихи точно въ такомъ же родѣ и съ такимъ же успѣхомъ, въ этомъ родѣ, чисто классическомъ и совершенно чувствительномъ; съ романтическимъ я познакомился уже тогда, какъ во мнѣ совсѣмъ прошло стихотворное неистовство.

Стихотворенія г. А. Коптева очень живо и вѣрно напо-

минаютъ собою ту эпоху нашей литературы, когда умолкли громкіе и торжественные звуки пѣсенъ Державина, когда Карамзинъ съ Дмитріевымъ (И. И.) дали совершенно новое направленіе нашей словесности и когда появились тысячи унылыхъ и слезистыхъ пѣвцовъ. Они отличаются чувствительностію, нѣжностью, пастушескою простотою и піитическими вольностями, наполнены похвалами тихой убогой жизни подъ соломенною кровлею, на берегу чистаго ручья, подлѣ сѣнистой рощицы, гдѣ пастухъ мирно пасетъ стадо барашковъ, воспѣваетъ на свирѣли счастіе дней своихъ и свою дорогую пастушку, свою милою Хлою. Но что̀ мои прозаическія похвалы передъ поэзіею г. Коптева? онѣ

Какъ предъ солнцемъ блескъ свѣчи!

Сами факты всего лучше говорятъ за себя, и потому осмѣливаюсь взять изъ книги г. А. Коптева нѣсколько драгоцѣнныхъ перловъ его поэзіи и ослѣпить ими взоры удивленныхъ читателей. Я буду выписывать самое лучшее, не заботясь о цѣлости пьесъ.

Слезы, ахъ! льются,
Сердце трепещетъ
Бѣдное мое.
Нѣтъ здѣсь любезныхъ,
Я вздыхаю —
Милыхъ здѣсь нѣтъ.
. . . .
Лейтесь же, слезы,
Нѣтъ коль любезныхъ —
Милыхъ коль нѣтъ!
. . . .
Дикіе враны!
Горесть вѣщайте
Крикомъ своимъ.
Вязы вѣтвисты,
Сосны высоки,
Войти со мной.

Горы кремнисты!
Искры посыпьте
Съ трескомъ вездѣ.
Эхо! — мой вторя
Трепетъ сердечной,
Ужасъ сугубь... и т. д.

— —

Вотъ здѣсь я у прудочка
Объ другѣ помышлялъ;
А тутъ возлѣ лужочка
Летѣть къ нему желалъ.
Ахъ, я вздохнулъ, садочикъ!
Объ чемъ? — ты хочешь знать, —
Послушай, мой дружочикъ,
Что буду здѣсь вѣщать... и т. д.

———

Пруды, сады, чертоги
Во вкусѣ я имѣлъ:
Цари! — земные боги!
Подобну жизнь я велъ.
Въ садахъ рога гремѣли,
Друзей тѣмъ забавлялъ;
Цыганки пѣсни пѣли,
А я подъ тактъ плясалъ, и т. д.

Но пѣтъ—довольно! я утомился выписывать эти блестящія красоты классицизма, я опускаю прелестныя двустишія, четверостишія «Къ Друзьямъ», «Къ Парашѣ», «Къ Л. И.», «Къ Живописцу», «Къ Соснѣ»; остроумные акростихи на «Лизу», «Сонѣ»; экспромты «къ Москвѣ, къ Пафнутичу, къ Мотыгину» и пр. и пр. Кто желаетъ вполнѣ упиться поэзіею г. А. Коптева, того отсылаю къ его книгѣ: мое дѣло только познакомить съ красотами сочиненія.

Для этой послѣдней цѣли, выписываю нѣкоторыя изъ примѣчаній, приложенныхъ въ концѣ книжки, какъ то всегда дѣлается при изданіи твореній геніальныхъ поэтовъ, ибо, безъ комментарій, они не совсѣмъ понятны. Примѣчанія, приложенныя къ стихотвореніямъ г. А. Коптева, чрезвычайно любопытны, какъ факты о почтенной старинѣ.

«Стихи сіи были написаны, подражая нѣжной музѣ Н. М. Карамзина, бѣлыми хореями; но одна почтенная женщина велѣла мнѣ перемѣнить хореи на ямбы и украсить риѳмами». Вотъ какъ въ старину-то наши поэты уважали дамъ и повиновались имъ; это былъ вѣкъ истинной вѣжливости, вѣкъ истиннаго царства красоты!

«Почтеннымъ издателямъ Московскаго Курьера угодно было назвать сію пьесу прекрасною; чувствительно благодаря ихъ за лестную похвалу, скажу: я буду доволенъ и тѣмъ, ежели благосклонные читатели найдутъ оную посредственною». Вотъ какъ скромны были въ старину наши поэты! Не то, что нынѣ, когда всякой лѣзетъ въ Байроны и Шиллеры!

Премного благодарю, хотя не знакомую мнѣ, но милую, любезную дѣвицу, которая извѣстна многимъ своими рѣдкими талантами, за то, что въ одномъ дружескомъ собраніи пѣла она сію элегію на голосъ: Я не знала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить и пр., а тѣмъ самымъ заставила многихъ списывать сію пьесу.—Признаюсь, это трогаетъ мое самолюбіе». Вотъ какими средствами въ старину наши поэты входили въ славу! Все черезъ дамъ — такъ и должно!

«Сіи стихи я написалъ въ угодность одной прелестной дѣвушкѣ; прелестной, слѣдовательно и любезной, которая сама часто посвящаетъ Музамъ праздные часы свои, охотница до ландышей, любитъ стихи сего размѣра».

«Въ словахъ Пашалика и Акалцика, правописаніе то самое, какое находится въ Географіи г. Гейма, изданной въ 1819 году, см. 276 и 279».

«М. М. Херасковъ написалъ подобными же стихами Бахаріану, написалъ и еще лучемъ безсмертія тѣмъ болѣе пріобрѣлъ себѣ». То-то же—вотъ что̀ значитъ хорошій размѣръ!

«Весна П. И. Шаликова кого не плѣнитъ прелестными картинами, пылкостію воображенія и живостію мыслей; сло-

вомъ, всѣмъ, тотъ вѣрно нечувствителенъ. Смотр. Вѣстникъ Европы 1803 года, № 9». И я то же скажу, что совсѣмъ нечувствителенъ, кто не восхитится пылкостію воображенія князя Шаликова.

Прочтя стихотворенія г. А. Коптева и примѣчанія къ нимъ, кто не захочетъ отъ души повѣрить, что былъ на землѣ золотой вѣкъ, было то время, когда волкъ мирно пасся съ овцою, тигръ ласкался къ газели, а удавъ цѣловался съ голубемъ?...

ПОСЛАНІЕ ПЕТРУ ИВАНОВИЧУ РИКОРДУ, ВИЦЕ-АДМИРАЛУ И КАВАЛЕРУ ВЪ КРОНШТАДТѢ. *1834 года іюля 28 дня. Соч. Графа Хвостова. Спб. 1834.*

СТИХИ НА ОСВЯЩЕНІЕ СОБОРА ВСѢХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ ВЪ РОССІИ. *Іюля 20 дня 1835 года.*

МАНЖУРСКАЯ ПѢСНЬ СЪ ПЕРЕВОДА ВЪ ПРОЗѢ ПЕРЕЛОЖЕННАЯ СТИХАМИ. *20 января 1834 года. Спб. 1834.*

НА ПАМЯТНИКЪ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ I. *Два стихотворенія на Турецкомъ и Персидскомъ языкахъ Мирзы-Джафара-Топчибащева, Адъюнктъ-Профессора Персидскаго языка при И. С. Петербургскомъ университетѣ и въ Институтѣ Восточныхъ языковъ, состоящемъ при Азіатскомъ Департаментѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, Надворнаго Совѣтника, Кавалера Орденовъ Св. Анны второй и Св. Владиміра четвертой степени, и члена Лондонскаго Королевскаго Азіатскаго Общества. Спб. 1835.*

Всѣ эти четыре стихотворенія ясно показываютъ, что поэзія у насъ еще процвѣтаетъ роскошно и благоуханно, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ невѣждъ, нагло утверждаю-

щихъ, что будто она не то что кончилась, а опала, какъ пустоцвѣтъ, не принеся никакихъ плодовъ. Мы очень радуемся, что имѣемъ случай зажать ротъ этимъ безпокойнымъ и невѣжливымъ крикунамъ, торжественно указавъ имъ эти произведенія россійской музы.

Первыя три изъ нихъ принадлежатъ нашему маститому поэту графу Хвостову, который называетъ себя и котораго называетъ князь Шаликовъ «Пѣвцомъ Кубры» — титулъ, вполнѣ заслуженный имъ. Въ этихъ стихотвореніяхъ такъ много поэзіи, свѣжести и могучести таланта, не охлажденнаго холодомъ долговременной жизни, что ихъ можно почесть первыми порывами юнаго воображенія. Третье стихотвореніе особенно отличается удивительною энергіею таланта, иногда возвышающагося до истинной геніальности, что̀ можно видѣть изъ слѣдующихъ стиховъ, наудачу нами выбранныхъ:

Для подданныхъ отъ высоты престола
Присвоилъ онъ, межъ подвиговъ, трудовъ,
Безцѣнное пріобрѣтенье дола —
Законовъ даръ — превыше всѣхъ даровъ.
Онъ воинамъ знамена далъ, отряды,
Священныхъ службъ установилъ обряды;
Создатель онъ и капищъ и божницъ,
Онъ при дворѣ три учредилъ чертога,
Гдѣ зрѣлся чинъ и наблюденье строго,
Гдѣ предъ царемъ все повергалось ницъ.

Надобно замѣтить, что это стихотвореніе есть переложеніе прозаическаго перевода съ манжурскаго языка, сдѣланнаго г. Захаромъ Леонтьевскимъ. Г. Захаръ Леонтьевскій въ восторгѣ отъ переложенія Графа Хвостова: мы вполнѣ раздѣляемъ этотъ восторгъ.

О стихотвореніяхъ почтеннаго Мирзы Джафара мы ничего не можемъ сказать, во-первыхъ, потому что они не принадлежатъ къ русской литературѣ; во-вторыхъ, потому что

они недоступны для насъ, какъ писанныя на восточныхъ языкахъ; впрочемъ, мы увѣрены, что они несравненно лучше своихъ переводовъ.

ПОЛНЫЙ И НОВѢЙШІЙ ПѢСЕННИКЪ, *въ тринадцати частяхъ, содержащій въ себѣ собраніе всѣхъ лучшихъ пѣсенъ извѣстныхъ нашихъ авторовъ, какъ то: Державина, Карамзина, Дмитріева, Богдановича, Нелединскаго-Мелецкаго, Капниста, Батюшкова, Жуковскаго, Мерзлякова, А. Пушкина, Баратынскаго, Козлова, Барона Дельвига, Князя Вяземскаго, Өедора Глинки, Бориса Өедорова, Веневитинова, Слѣпушкина, и многихъ другихъ литераторовъ. Расположенный въ отдѣльныхъ частяхъ для каждаго предмета. Собранный Н—мъ Гурьяновымъ. Москва, въ типографіи Н. Степанова. 1835. Тридцать частей I—191, II—144, III—114, IV—160, V—148, VI—97, VII—190, VIII—176, IX—120, X—137, XI—114, XII—144, XIII—144 (16).*

Достоинство этой книги совершенно соотвѣтствуетъ замысловатости ея заглавія. Г. Гурьяновъ обогатилъ рыночную литературу новымъ произведеніемъ. Тутъ нѣтъ ничего худаго: г. Гурьяновъ слѣдуетъ внушенію своего генія. Да вотъ бѣда: его геній ужъ черезчуръ игривъ. Мы не говоримъ о томъ, что онъ изъ нашихъ писателей составилъ такое разнохарактерное общество, какого не представляетъ и самая «Библіотека для Чтенія»; что онъ свелъ Державина, Пушкина, Жуковскаго, Мерзлякова, Козлова, Батюшкова, Веневитинова и пр. въ одну компанію съ Богдановичемъ, Нелединскимъ-Мелецкимъ, Капнистомъ, Борисомъ Өедоровымъ и Слѣпушкинымъ; мы не удивляемся поистинѣ удивительному хладнокровію знаменитыхъ корифеевъ нашей

литературы, съ какимъ они видятъ себя въ такомъ прекрасномъ обществѣ; мы не удивляемся незаконной дерзости, осмѣливающейся ругаться надъ правами собственности: все это вещи очень обыкновенныя въ Москвѣ; объ этомъ много говорится въ петербургскихъ журналахъ, объ этомъ бываетъ рѣчь и въ московскихъ журналахъ. Но мы, при всей привычкѣ къ подобнымъ явленіямъ, не можемъ надивиться одному: какъ могутъ быть на свѣтѣ такіе люди, которые не умѣютъ сдѣлать порядочно ни хорошаго, ни дурнаго дѣла.

Кто далъ право г. Гурьянову, помѣстивши, безъ позволенія авторовъ, пьесы, исказить ихъ пропусками и переправками своей фантазіи и орѳографическою безграмотностію? Не угодно ли полюбоваться его поправочками:

Скинь мантилью, ангелъ милый
И явись, какъ яркій день.
Ножку дивную продѣнь
Ночной зефиръ
Струитъ эфиръ... и т. д.

„Скажи, что смотришь на дорогу?“
Мой храбрый вопросилъ.
„Еще *попѣй*, ты слава Богу,
Друзей не проводилъ.
Къ груди поникнувъ головою,
Я *громко просвисталъ*,
„Гусаръ! ужь нѣтъ ее со мною!“
Сказалъ и замолчалъ.
Слеза повисла на рѣсницѣ
И канула въ покалъ.
Дитя, ты, плачешь о дѣвицѣ!“
Сказалъ и замолчалъ.

Съ чего вздумалось г. Гурьянову пропѣть одно и то же стихотвореніе Пушкина въ двухъ разныхъ частяхъ и на разные голоса? Въ отдѣленіи пѣсенъ простонародныхъ и хороводныхъ это стихотвореніе напечатано такъ:

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты,
Остались мнѣ одни страданья,
Плоды сердечной пустоты!
Подъ бурями судьбы жестокой
Увялъ цвѣтущей мой вѣнецъ?
Живу печальный, одинокой
И жду—придетъ ли мой конецъ.
Такъ позднимъ хладомъ пораженный,
Какъ бури слышенъ зимній свистъ;
Одинъ на вѣткѣ обнаженной
Трепещетъ запоздалый листъ!...

Въ отдѣленіи пѣсенъ любовныхъ это стихотвореніе напечатано такъ:

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты;
Остались мнѣ одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.
Безмолвно жребію послушный,
Влачу страдальческій вѣнецъ.
И жду, печальный, равнодушный,
Когда же придетъ мой конецъ

A propos: знаете ли, какія пьесы помѣщены въ отдѣленіи пѣсенъ застольныхъ, дружескихъ и круговыхъ?—«Вечерній звонъ» (Козлова). «Даруетъ небо человѣку» (изъ Бахчисарайскаго фонтана), «Мой другъ, хранитель-ангелъ мой» (Жуковскаго), «Небо, дай мнѣ длани» (Хомякова), «Свѣтитъ мѣсяцъ на кладбищѣ» (Жуковскаго). И знаете, между какими произведеніями? «Саша ангелъ какъ не стыдно»; «Пожалуйте, сударыня, сядьте со мною рядомъ», «Братья, рюмки наливайте» и пр. А сколько другихъ нелѣпостей! Стихотвореніе г. Шевырева—«Супруги» (военная пѣсня, помѣщенная въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1827) приписано Пушкину, подъ заглавіемъ «Свадьба», съ пропусками и безсмысленными искаженіями; нѣкоторыя пьесы напечатаны по шести разъ (разумѣется, съ варіянтами); большая часть

сборника состоитъ изъ старинныхъ сочиненій, отличающихся площаднымъ вкусомъ и дурными стихами. Для образчика выписываемъ куплетецъ изъ одной такого рода невинной пѣсенки:

Однажды я Лилету
Зефирами раздѣту
Забвенну сномъ—зрѣлъ здѣсь,
На ту красу взирая,
Я таялъ обмирая—
И... если бы не честь...

Какъ ни непріятно, ни отвратительно рыться въ подобномъ сорѣ, не положивши себѣ за непремѣнную обязанность преслѣдовать, литературнымъ судомъ, литературныя штуки всякаго рода, обличать шарлатанство и бездарность, я почелъ долгомъ выставить, предъ глазами публики, поступокъ г. Гурьянова. Если я этимъ не предупрежду другихъ подобнаго рода литературныхъ предпріятій, то, можетъ быть, спасу многихъ довѣрчивыхъ читателей отъ покупки и прочтенія дурной книги: въ такомъ случаѣ, моя цѣль достигнута и труды не пропали. Еще прибавлю, что эта книга напечатана на сѣрой дурной бумагѣ и украшена чудовищными картинами, отличающимися лубочною работою и площаднымъ вкусомъ.

НАЧЕРТАНІЕ РУССКОЙ ИСТОРІИ ДЛЯ УЧИЛИЩЪ.

Сочиненіе профессора Погодина. Москва. 1835.

Наша литература особенно бѣдна учебными книгами: истина не новая, даже очень старая, но мы все-таки повторяемъ ее, хотя нѣкоторые и почитаютъ это излишнимъ и несправедливымъ въ настоящее время, когда, по ихъ мнѣнію, множество вновь появившихся книгъ въ этомъ родѣ доказываютъ противное. Не хотимъ спорить объ этомъ: у всякого свой взглядъ на вещи, а на наши глаза множество

ничего не доказываетъ. Итакъ, наша литература очень бѣдна учебными книгами, и преимущественно по части исторіи. Причина этого заключается сколько въ трудности составленія хорошей учебной книги, столько и въ ложномъ понятіи, какое вообще имѣютъ у насъ касательно этого предмета. Здѣсь невольно подвертываются мнѣ подъ перо слова г. Шевырева: «Ахъ, эти бѣдныя дѣти! Чтò не годится для взрослыхъ, чтò боится критики—то все ссылается на подачу дѣтямъ. Ихъ невинность какъ будто бы должна оправдывать всѣ недостатки сочиненія». Замѣтьте, что г. Шевыревъ говоритъ это по поводу книги, изданной Жаненомъ, не примѣняя къ нашей литературѣ. Чтò же у насъ?... О, сердце обливается кровью при мысли о безтолковомъ учебникѣ и варварѣ педагогѣ, общими силами убивающихъ юные таланты и изъ дѣтей съ человѣческимъ организмомъ дѣлающихъ идіотовъ... Да и чего хорошаго можно ожидать отъ нашихъ учебныхъ книгъ, когда истинные ученые презираютъ заниматься ихъ составленіемъ, и когда ихъ дѣлаютъ шарлатаны и невѣжды?... Много-ли у нас учебныхъ книгъ, скрѣпленныхъ именемъ профессора или извѣстнаго ученаго? А за эти книги не должны браться даже и ученые по ремеслу; самый разительный примѣръ этого есть «Учебная Книга Русской Словесности» г. Греча—этотъ сборникъ устарѣлыхъ правилъ и дурныхъ примѣровъ, скорѣе способныхъ убить чувство вкуса и склонность къ изящному, чѣмъ развить ихъ. Такихъ примѣровъ много...

Г. Погодинъ предпринялъ вознаградить недостатокъ учебныхъ книгъ по части отечественной исторіи. Нельзя выразить того восхищенія, съ какимъ мы узнали объ этомъ намѣреніи, того нетерпѣнія, съ какимъ мы ожидали появленія этой книги, за прекрасное исполненіе которой ручалось имя г. Погодина. Но при всемъ нашемъ уваженіи къ г. Погодину, какъ къ человѣку и писателю, мы поставляемъ себѣ непремѣннымъ долгомъ сказать во всеуслыша-

ніе, что никогда не испытывали мы такого жестокаго разочарованія, никогда не обманывались такъ ужасно въ своихъ надеждахъ и ожиданіяхъ... Мы едва вѣрили глазамъ своимъ. Эта книга рѣшительно недостойна имени своего автора, отъ котораго публика всегда была въ правѣ ожидать чего-нибудь дѣльнаго и даже прекраснаго. Одно ея раздѣленіе на періоды, неосновательность котораго уже доказана г. Скромненкомъ, ясно показываетъ, что она составлена слишкомъ на скорую руку. Представьте себѣ: событія до Петра Великаго занимаютъ 249 страницъ—сколько же, вы думаете, занимаютъ событія отъ вступленія на престолъ Петра Великаго до смерти Александра Благословеннаго?—Страницъ, по крайней мѣрѣ, пятьсотъ, если не тысячу? — Нѣтъ—всего-на-все 64 страницы!... Мы слишкомъ далеки отъ того, чтобы думать, что г. Погодинъ не былъ въ состояніи написать не только порядочной, но хорошей учебной книги; мы скорѣе готовы подумать, что онъ не хотѣлъ этого сдѣлать, и что причина совершенной неудовлетворительности его сочиненія заключается въ крайней невнимательности и поспѣшности, съ какою оно составлялось. Это доказываетъ все: и отсутствіе хронологіи, безъ которой учебная книжка есть фантомъ или образъ безъ лица, и параграфы въ нѣсколько страницъ безъ перерыву, и самый языкъ, неправильный и необработанный, общія мѣста и неопредѣленность въ выраженіяхъ *).

*) Напримѣръ, что значатъ эти фразы: „Кромѣ Волкова прославился вскорѣ „Дмитревскій?“ Какъ и чѣмъ прославился? Не такъ ли точно, какъ прославляются герои Подновинскаго? Ибо что тогда были за цѣнители театра? „Дмитріевъ, Озеровъ, Батюшковъ, Мерзляковъ прославились своими сочиненіями.“ Но вѣдь своими же сочиненіями прославились и Сумароковъ и Херасковъ, и даже Тредьяковскій, и ими же прославились Шекспиръ, Байронъ, Шиллеръ. Признаемся откровенно, такія фразы хороши только у г. Кайданова. Къ чему эти безпрестанныя мѣстоименія „мы“? Развѣ оффи-

это доказываетъ, напримѣръ, и слѣдующее мѣсто: «Датскій принцъ Іоаннъ, братъ Христіана, былъ вызванъ въ Россію въ женихи Ксеніи, послѣ раздора съ Густавомъ, воевать съ Турками и изгнать ихъ изъ Европы, не оставляла Бориса».

Много, очень много можно было бы сказать о недостаткахъ Исторіи г. Погодина; но для этого слишкомъ тѣсны предѣлы простой библіографической статейки.

БИБЛІОТЕКА РОМАНОВЪ И ИСТОРИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ, *издаваемая книгопродавцемъ Ф. Ротганомъ, на 1834 годъ. Спб.*

У насъ часто слышатся жалобы на равнодушіе публики ко всему отечественному, и преимущественно на ея холодность къ русской литературѣ. Кто правъ, кто виноватъ: публика или тѣ, которые на все жалуются? Можетъ быть, ни то, ни другое. Но вотъ вопросъ: кто виноватъ — публика или литература? Это вопросъ важный, обширный; его изслѣдованіе привело бы къ самымъ любопытнымъ и поучительнымъ результатамъ. У меня давно вертится въ головѣ цѣлая статья на этотъ предметъ, и я очень жалѣю, что недостатокъ свободнаго времени не даетъ мнѣ возможности приняться за это дѣло. А статейка вышла бы прекурьезная! Но дѣлать нечего, и вмѣсто того, чтобы угощать обѣщаніями, скажу здѣсь мимоходомъ словца два объ этомъ вопросѣ, на который меня особенно наводитъ «Библіотека Романовъ» г. Ротгана. Съ одной стороны, возьмемъ въ соображеніе, много ли у насъ пишется и много ли годится для чтенія изъ того, что̀ пишется; съ другой стороны, подумаемъ о томъ: если наша публика равнодушна

ціальный слогъ, какимъ пишутся реляціи, приличенъ учебной исторической книгѣ? Mais ces pourquois ne finirons jamais...

къ отечественной литературѣ, то кто же даетъ нашимъ литераторамъ возможность превращать свои журнальныя статьи въ медвѣжьи шубы, казанскія сани и вороныя лошади, а свои романы въ домы и деревни? Кто же даетъ нашимъ книгопродавцамъ возможность издавать журналы, Энциклопедическіе Словари, Живописныя Обозрѣнія и Библіотеки Романовъ. Не эта ли русская публика, столько равнодушная и невнимательная къ отечественной литературѣ? Нѣтъ, воля ваша, а русская публика не только не равнодушна, но даже слишкомъ пристрастна къ своей литературѣ, и еслибы ея простодушная довѣрчивость не была иногда слишкомъ нагло обманываема, то думаю, что она была бы еще пристрастнѣе къ литературѣ. Но что̀ же дѣлать, если литература такъ жестоко издѣвается надъ нею? Точно такъ же нелѣпо обвиняютъ публику и въ холодности къ русскому театру. Но, Боже мой, кто же, какъ не эта публика наполняла театръ, когда на немъ играла чета Каратыгиныхъ? Сколько давки при покупкѣ билетовъ, какая тѣснота въ театрѣ!.. Но что̀ прикажете ей дѣлать въ театрѣ на обыкновенныхъ спектакляхъ? Слушать охриплый ревъ Мельпомены, или плоскія шутки Таліи и зѣвать?.. Нѣтъ, воля ваша, а я хочу заступиться за публику, хочу оправдать ее...

Теперь у насъ почти вся литературная дѣятельность производится по подпискѣ, и публика усердно помогаетъ господамъ антрепренерамъ. Дай Богъ! Но вотъ что̀ худо: бо̀льшая часть нашихъ затѣйщиковъ худо помнятъ это безцѣнное правило великаго нашего баснописца:

Услуга намъ при нуждѣ дорога,
Да за нее не всякъ умѣетъ взяться!

Въ наше время, когда романъ и повѣсть сдѣлались, въ умственной пищѣ, такою же необходимою и всеобщею потребностію, какую необходимую и всеобщую потребность составляетъ чай въ физической пищѣ, когда исторія, тоже

сдѣлавшаяся страстію вѣка, не только подала руку роману, но даже и сама превратилась въ романъ и начала появляться въ видѣ историческихъ записокъ или мемуаровъ,— въ наше время, говорю я, такимъ бы драгоцѣннымъ подаркомъ для публики была многотомная книга, состоящая изъ мемуаровъ, романовъ и повѣстей! И г. Ротганъ даритъ публику такою книгою. Необходимымъ достоинствомъ такой книги долженъ быть строгій выборъ сочиненій, входящихъ въ ея составъ, тѣмъ болѣе строгій, что есть изъ чего выбирать. И что̀ же выбралъ г. Ротганъ, какимъ произведеніемъ дебютировала его «Библіотека»? «Еленою», романомъ миссъ Эджевортъ!... Что̀ такое миссъ Эджевортъ? Горничная г-жъ Жанлисъ и Коттенъ, которая, наслушавшись ихъ мудрости, приглядѣвшись къ ихъ манерѣ, вздумала проповѣдовать въ XIX вѣкѣ ту мораль и разсказывать тѣ поучительные и скучные вздоры, надъ которыми смѣялись и въ XVIII вѣкѣ. Что̀ такое «Елена»? Длинное и скучное, убійственно скучное поученіе о томъ, что дѣвушка должна вести себя въ свѣтѣ съ крайнею осторожностію и благоразуміемъ, а пуще всего никогда не лгать и всегда говорить правду, и что за сіи добродѣтели оная дѣвица должна непремѣнно получить награду, т.-е. выйдти замужъ за богатаго человѣка. По долгу рецензента, я было старался въ нѣсколько пріемовъ прочесть убійственный романъ: но мое терпѣніе лопнуло на половинѣ третьей части. Пять частей, т.-е. 1301 страница или 54 печатныхъ листа!... Мнѣ пуще всего жаль бумаги, хотя эта бумага и походитъ на оберточную!... А добровольные мученики? Ну да Богъ съ ними: коль купили, такъ пусть читаютъ; вѣдь имъ надо же что-нибудь читать! За скучною и длинною «Еленою» слѣдуетъ тощій и забавный «Дебюро», родъ біографіи одного знаменитаго паяца, набросанной игривымъ перомъ балагура Жанена. Но и этой повѣсти не слѣдовало бы помѣщать въ «Библіотекѣ Романовъ»; она не имѣетъ у

насъ большаго значенія, ибо это есть насмѣшка надъ современнымъ французскимъ театромъ, да и къ тому же кромѣ ея есть много такого, что слѣдовало бы перевести. За «Дебюро» слѣдуютъ «Альбигойцы», романъ Матюрена. Матюрень странный писатель! Это смѣсь Вальтеръ-Скотта съ Левисомъ и отчасти съ Радклифъ. Его фантастическое воображеніе самую дѣйствительную жизнь превращаетъ въ родъ какой-то мистеріи, разыгрываемой совокупно людьми и чертями и дирижируемой судьбою. Несмотря на множество натяжекъ, подставокъ, множество ребяческихъ странностей, его романы имѣютъ непреодолимую прелесть. Начавши читать романъ Матюрена, вы не заснете спокойно, не дочитавъ его. И не знаю, съ чѣмъ можно сравнить впечатлѣніе отъ его романовъ? Это какой-то сонъ, тяжкій, мучительный, но вмѣстѣ съ тѣмъ сладкій, невыразимо сладкій! Кому не извѣстенъ его «Мельмотъ Скиталецъ», это мрачное, фантастическое и могущественное произведеніе, въ которомъ такъ прекрасно выражена мысль объ эгоизмѣ, этомъ чудовищѣ, жадно пожирающемъ наслажденія и, въ свою очередь, пожираемомъ наслажденіями? Въ «Альбигойцахъ» есть много хорошаго: рыцари, монахи, принцессы, еретики, колдовство, словомъ, средніе вѣка, со всѣми своими принадлежностями, изображены очаровательно, несмотря на множество недостатковъ, которыми отличается это произведеніе.

Я думаю еще, что одно изъ необходимѣйшихъ условій такого рода книги, какъ «Библіотека Романовъ» г. Ротгана, должно состоять въ томъ, чтобы всѣ переводы были сдѣланы съ подлинниковъ. Но у г. Ротгана все переведено съ французскаго. Неужели онъ не могъ найдти въ Петербургѣ переводчиковъ съ англійскаго?... Странно!... Потомъ, я думаю, что такъ же одно изъ необходимѣйшихъ условій такого рода книги должно состоять въ томъ, чтобы переводы были превосходны; но у г. Ротгана переводы очень посред-

ственны, а переводъ «Елены» очень плохъ. Наконецъ, мы думаемъ, что одно изъ необходимѣйшихъ условій такого рода книгъ должно состоять также и въ красивости и даже роскоши изданія; но изданіе г. Ротгана слишкомъ скромно. Перемѣшанная цифровка страницъ, неправильная разстановка знаковъ препинанія и вообще множество типографическихъ ошибокъ доказываютъ, что эта книга какъ будто дѣлается на фабрикѣ и хочетъ взять поспѣшностію, а не достоинствомъ. Не знаю, будетъ ли имѣть успѣхъ это литературное предпріятіе г. Ротгана; знаю только то, что если оно не будетъ имѣть успѣха, то не публика будетъ въ этомъ виновата...

ДОВМОНТЪ, КНЯЗЬ ПСКОВСКІЙ. *Историческій романъ XIII вѣка. Соч. А. Андреева. Москва. 1835. Двѣ части. Съ лубочною картиною и эпиграфомъ:*

Въ дни мирны быть во всемъ полезнымъ гражданиномъ,
Во дни военныхъ бурь быть Россомъ, Славяниномъ—
Вотъ свойство Россіянъ, отечества сыновъ!

Чудный романъ! Удивительный романъ! Я, признаться, не дочелъ его второй части, не потому, чтобы онъ показался мнѣ скученъ, вялъ, безтолковъ и бездаренъ; но потому, что я люблю хорошаго понемножку и всегда имѣю привычку дочитывать хорошія книги по листочку въ день, вмѣсто лакомства, вмѣсто конфектъ. Но, несмотря на то, что я остановился на половинѣ третьей главы второй части этого романа, я могу вполнѣ оцѣнить его и дать понятіе о его характерѣ и достоинствахъ. Характеръ и достоинства «Довмонта, Князя Псковскаго» составляютъ—историческая вѣрность, съ какою схваченъ духъ Руси въ XIII вѣкѣ, народность вообще, патріотизмъ, чистѣйшая нравственность и слогъ. Русь изображена какъ нельзя лучше: тутъ дѣва

на скалѣ крутояраго берега рѣки Москвы, при громѣ, молніи и завываніи яростнаго аквилона, произноситъ трагическій монологъ, закалывается кинжаломъ и упадаетъ въ пѣнистыя волны Москвы; тамъ удалой Налетъ, сдѣлавшійся атаманомъ разбойнической шайки, вслѣдствіе несчастной любви, совершаетъ великодушные подвиги въ родѣ Карла Моора; не правда ли, что

Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ?

Чувство патріотизма у почтеннаго автора доходитъ до nec plus ultra: всѣ Татары у него подлецы и трусы, которые бѣгаютъ толпами отъ одного взгляда русскихъ богатырей; Русскіе всѣ благородны, великодушны и храбры, ѣдятъ и дерутся, какъ истинные герои Владиміровыхъ временъ *). Даже иновѣрцы, служащіе Руси, отъ Литвина Довмонта до Черкеса Сайдака, отличаются храбростію, чистѣйшей нравственностію и превосходнымъ аппетитомъ. Что касается до нравственности—ею проникнутъ весь романъ, начиная съ заглавія до обвертки. Слогъ самый ученый, ибо преизобильно усѣянъ, словно веспушками на лицѣ, «сими» и «оными»; языкъ персонажей есть языкъ лучшаго общества.

ГРАММАТИЧЕСКІЕ УРОКИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Димитрія Каширина, старшаго учителя Пинскаго дворянскаго училища, нравственно-политическихъ наукъ дѣйствительнаго студента. Москва. 1835.

Мы долго добивались значенія и цѣли этой книжки и никакъ не могли добиться. Сколько мы могли понять, тутъ дѣло идетъ о грамматической реформѣ и точно въ такомъ

*) Рязанцы особенно храбры: у нихъ не только живые, но и мертвецы оказываютъ послѣднія усилія отчаяннаго мужества. (Ч. I, стр. 99).

же духѣ, какъ и у всѣхъ нашихъ грамматическихъ реформаторовъ. Перемѣнятъ терминъ, не перемѣнивши вещи, и думаютъ, что очень много сдѣлали. Напр., дѣло давно рѣшено, что буквы *ь*, *ъ*, *й* суть полугласныя, такъ нѣтъ: для послѣдней изъ нихъ г. Каширинъ выдумываетъ новое названіе—подручной или краткой; мѣстоименіе, этотъ терминъ, такъ правильно, такъ удачно составленный, такъ хорошо выражающій идею и значеніе этой части рѣчи, мѣстоименіе, къ которому мы такъ привыкли, такъ прислушались, мѣстоименіе г. Каширинъ перекрещиваетъ въ «лицесловіе» или «лицеуказаніе» и думаетъ, что онъ этимъ далеко подвигаетъ впередъ русскую грамматику. Странное дѣло, какъ можно придавать столько важности такимъ мелочамъ, какъ можно заниматься ими? Неужели наука ограничивается только этимъ? Неужели для человѣка, для его мысли, его чувства, не существуетъ другихъ, высшихъ интересовъ въ самой грамматикѣ? Неужели тотъ болѣе христіанинъ, кто вступаетъ въ церковь правою ногою, нежели тотъ, кто вступаетъ въ нее лѣвою?... Вѣдь были же такія времена, когда люди и объ этомъ спорили фанатически!

Съ удивленіемъ увидѣлъ я изъ этой первой тетради «Грамматическихъ уроковъ», что въ русскомъ языкѣ только пять гласныхъ буквъ: *а*, *о*, *у*, *і*, *э*, куда же дѣвались; *е*, *ы*, *я*, *ю*, *и*? Съ удивленіемъ увидѣлъ я, что частей рѣчи въ русской грамматикѣ десять; что числительныя прилагательныя (составляющія одно отдѣленіе съ прилагательными обстоятельственными) составляютъ особую часть рѣчи; что есть особенная часть рѣчи—глаголъ коренной (вѣроятно, *быть*) и пр. и пр., всего не перечтешь.

Мы желаемъ узнать отъ г. Каширина, какую принялъ онъ систему въ изложеніи грамматики, ибо изъ первой тетради, которой титулъ мы выписали, вмѣстѣ съ гражданскимъ титуломъ г. автора, мы этого не видимъ. Кажись, дѣло идетъ о буквахъ и словахъ, но зачѣмъ же тутъ вмѣша-

лось правописаніе—не понимаемъ. Что же касается до правописанія, то мы въ этомъ отношеніи вполнѣ согласны съ рецензентомъ «Библіотеки для Чтенія», который говоритъ, что наше правописаніе пестритъ страницу безъ всякой нужды прописными буквами и что «кланяться большими буквами извѣстнымъ званіямъ ни на что не похоже, потому что буквы не созданы для поклоновъ и должны стоять прямо». Въ самомъ дѣлѣ, развѣ прописныя буквы существуютъ въ произношеніи, развѣ они не суть дѣло условное? Если въ началѣ рѣчи и въ собственныхъ словахъ принято писать большія буквы, то зачѣмъ же писать ихъ въ словахъ нарицательныхъ? А развѣ королевство, профессоръ, генералъ и даже дѣйствительный студентъ, не такія же нарицательныя слова, какъ уѣздъ, округъ, ученикъ, солдатъ? По моему мнѣнію, такъ прилагательныя, происходящія отъ собственныхъ именъ, должно писать строчными буквами; вѣдь нарѣчія, происходящія отъ собственныхъ прилагательныхъ (по-русски, по-нѣмецки), обходятся же безъ прописныхъ буквъ.

ОТВѢТЪ КРИТИКАМЪ, *разсуждающимъ при* (объ?) *моемъ объявленіи: Краткая система русской грамматики, заключающая въ себѣ многія новѣйшія правила, и критическій разборъ другихъ грамматикъ и пр., по которой обучаясь легко можно изучать и грамматику употребительнѣйшихъ иностранныхъ языковъ; какъ-то: Французскаго, Латинскаго и Нѣмецкаго. Москва. 1835.*

Удивительные успѣхи оказываетъ у насъ литературная промышленность! Право, нельзя не подивиться ея ловкости, изворотливости и дѣятельности! Какая у ней смѣтливость! какое у ней чутье! Она знаетъ, когда надо пускать въ

оборотъ романы, когда повѣсти, когда драмы, когда учебныя книги! Этого мало, она знаетъ, когда и какія именно надо дѣлать учебныя книги! Она теперь принялась за грамматику! Бѣдная грамматика! Чего не дѣлаетъ она съ нею!

Г. Гуслистый выдаетъ себя за педагога; сперва онъ издавалъ разные букварн, способы выучивать дѣтей въ нѣсколько часовъ грамотѣ, но, видно, это невыгодно; теперь онъ прикинулся грамматическимъ реформаторомъ и грозится показать намъ истинную систему русской грамматики. Для этого онъ вывѣсилъ въ книжной лавкѣ Н. Н. Глазунова огромную программу, напечатанную крупными литерами разныхъ штрифтовъ; но и этого ему показалось мало: онъ выдумалъ, что у него есть враги, завистники, которые будто бы разобидѣли его систему еще до появленія ея на бѣлый свѣтъ. Я, никогда и ничего не слышавшій о системѣ г. Гуслистаго, ни о его врагахъ и завистникахъ, тщетно ломалъ себѣ голову, чтобы узнать, который изъ нашихъ журналовъ былъ такъ не самолюбивъ, такъ не уважителенъ къ самому себѣ, что обнаружилъ непріязнь и зависть къ г. Гуслистому. Наконецъ, къ крайнему удивленію моему, увидѣлъ, что г. Гуслистый сочинилъ себѣ непріятелей и завистниковъ, за неимѣніемъ настоящихъ. Что̀ за литераторъ, у котораго нѣтъ враговъ? Что̀ за книга, которой даже и не бранятъ?

Но что̀ за система г. Гуслистаго? Этого я никакъ не могъ понять; это что-то въ родѣ сфинксовой загадки, на которую едва ли найдется новый Эдипъ. И потому я не стану разбирать ее, а потѣшу васъ выпискою изъ брошюрки г. Гуслистаго; изъ этой выписки вы лучше узнаете, что̀ за система г. Гуслистаго и можетъ ли она возбудить непріязнь и зависть. Итакъ, слушайте:

„Вотъ задача, надъ рѣшеніемъ которой я теперь тружуся! вотъ основа моего сочиненія! — Не знаю, понравится ли это нашимъ лингвистамъ? Впрочемъ согласятся они, или нѣтъ, я на то мало

смотрю! Четыре года трудился я надъ сею идеею и отъ нее (я)? неотступлю. Четыре года! — Скажутъ: мало, очень мало!! — Конечно, не много, но я доказалъ, что могъ въ два часа найдти, а въ три мѣсяца издать то, чего другіе долго и даже очень долго не находили. Я указываю на мой способъ обученія чтенію. Да! смѣло могу гордиться симъ произведеніемъ. Его многіе еще не понимаютъ или не хотятъ понять, это меня не безпокоитъ, будетъ время, поймутъ и по неволѣ со мною согласятся. Ежели бы я въ силахъ былъ такъ отчетливо изложить грамматику, сію великую, необходимую науку народовъ, я былъ бы благодаренъ провидѣнію. Не принесъ бы 100 воловъ какъ Пиѳагоръ, но 100 дней пожертвовалъ бы Тому, отъ Котораго вся наша и мысль и воля и совершеніе ея. Но, признаюсь, при всемъ моемъ усиліи представить въ семъ отношеніи что-либо похожее на chef d'oeuvre, вижу высокую трудность и еще не напечатавши своей системы — готовъ оную перепечатать, но увѣренъ также, что перечернивши, опять буду чернить".

Чтȯ сказать на это?...

О ЖИЗНИ И ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ СИРА ВАЛЬТЕРА СКОТТА. *Сочиненіе Аллана Каннингама. Переводъ Дѣвицы Д..... Спб. 1385.*

Переводъ и изданіе этой книги принадлежатъ къ числу рѣдкихъ и утѣшительныхъ явленій въ нашей литературѣ. которыя бываютъ результатомъ мысли, исполняются con amore и съ толкомъ. Кому неизвѣстно великое имя Вальтеръ-Скотта, оглашавшее своимъ громомъ болѣе четверти вѣка, а теперь сіяющее для потомства кроткимъ и благотворнымъ свѣтомъ? Кто не знаетъ созданій этого громаднаго и скромнаго генія, который былъ литературнымъ Колумбомъ и открылъ для жаждущаго вкуса новый, неисчерпаемый источникъ изящныхъ наслажденій, который далъ искусству новыя средства, облекъ его въ новое могущество, разгадалъ потребность вѣка и соединилъ дѣйствительность съ вымысломъ, примирилъ жизнь съ мечтою, сочеталъ исто-

рію съ поэзію. Кто не читалъ и не перечитывалъ этихъ разнообразныхъ созданій, въ которыхъ средніе вѣка возстають, и движутся, и переходятъ передъ нами, дышущіе всею полнотою своей жизни, играющіе всѣми радужными и мрачными лучами своей волшебной фантасмагоріи? Кто, наконецъ, не жилъ въ этомъ роскошномъ и разнообразномъ мірѣ чудесныхъ событій, дивныхъ физіономій, начиная отъ фанатическихъ войнъ пуританскихъ до войнъ за вѣру въ Азіи, отъ колоссальной фигуры фанатика Бурлея до фантастическихъ образовъ Ричарда, Лудвига XI, Карла Смѣлаго? Боже великій! Что за дивный міръ, сколько портретовъ, сколько физіономій,

Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній!

О, это цѣлая и огромная панорама вселенной, въ которой движутся и толпятся всевозможныя явленія человѣческой жизни, заключенныя въ волшебныя рамы вымысла! И есть люди, которые сомнѣваются и отвергаютъ поэтическій талантъ Вальтеръ-Скотта, называя неестественнымъ и нелѣпымъ соединеніе исторіи съ вымысломъ... Стоятъ ли эти люди опроверженія?.. Какъ! стало-быть и большая часть драмъ Шекспира, Шиллера, Гёте, суть незаконныя чада ихъ воображенія, а ихъ творцы не художники, не поэты? Иначе, за что же такое предпочтеніе драмѣ предъ романомъ? За что эта монополія на исторію въ пользу драмы? Стало-быть, жизнь историческая не можетъ быть предметомъ поэтическаго представленія, такъ же, какъ и жизнь частная? Развѣ законы той и другой не тождественны? Развѣ народная жизнь образуется не изъ дѣйствія частныхъ интересовъ и побужденій, характеризующихъ человѣка? И потомъ, развѣ мы можемъ видѣть въ исторіи всѣ тайныя пружины и причины великихъ событій, часто теряющихся въ самыхъ частныхъ дѣйствіяхъ и побужденіяхъ? Въ исторіи мы видимъ сцену и декораціи; почему же роману не обнажать намъ

тайнъ закулисныхъ, имѣющихъ такое тѣсное отношеніе съ сценою? Вы не любите, чтобы нарушали историческую истину? Странное дѣло! Кто будетъ такъ нелѣпъ, чтобы не отличить истины отъ вымысла, или учиться исторіи по романамъ. Къ тому же, самъ историкъ болѣе или менѣе есть творецъ характеровъ историческихъ, ибо при всемъ своемъ стараніи быть вѣрнымъ фактамъ, каждый историкъ болѣе или менѣе придаетъ особенный оттѣнокъ каждому историческому лицу, сколько потому, что часто сами факты бываютъ недостаточны, темны, противорѣчащи, столько и потому, что всякій индивидуумъ имѣетъ свой собственный образъ воззрѣнія на предметы. Почему же поэту не позволено понять по своему то или другое историческое лицо и воспроизвести его въ художественномъ созданіи, сообразно съ своимъ о немъ понятіемъ, и обставить его обстоятельствами, частію истинными, но больше вымышленными, которые бы характеризовали его историческую и человѣческую личность?

Какъ ни нелѣпы сомнѣнія на счетъ законности художественнаго сочетанія исторіи съ вымысломъ, какъ ни безнравственны упреки, дѣлаемые Вальтеръ-Скотту въ безнравственности его созданій, но все это ничто предъ сомнѣніемъ въ поэтическомъ талантѣ автора «Пуританъ» и «Иваигое». Здѣсь было бы неумѣстно и безполезно распространяться объ этомъ вопросѣ давно уже рѣшенномъ европейскою, или, лучше сказать, всемірною славою Вальтеръ-Скотта. Авторитетъ не доказательство, скажете вы. Нѣтъ— я съ этимъ не согласенъ. Знаете-ли что̀? У народа есть какое-то чутье, столь вѣрное, что онъ никогда не обманывается ни въ своихъ любимцахъ, ни въ предметахъ своего равнодушія. Я не знаю изъ нашихъ русскихъ поэтовъ никого, чья бы слава и народность была такъ прочна, такъ безсмертна, какъ слава Пушкина и Грибоѣдова. Державина, Озерова, Жуковскаго, Батюшкова и нѣкоторыхъ другихъ

будутъ помнить записные литераторы, люди книжные: Пушкина и Грибоѣдова будетъ помнить и знать народъ. Сюда должно причислить еще Крылова. Правда, нашъ вѣкъ слишкомъ уменъ, важенъ, хитръ и лукавъ, слишкомъ занятъ высшими, человѣческими интересами, и не можетъ плѣняться ни простодушіемъ, ни затѣйливостію басни, не можетъ почерпать въ ней уроковъ мудрости; онъ смотритъ на нее, какъ на поэтическую игрушку, какъ смотрѣлъ прошлый вѣкъ на тріолеты, мадригалы и рондо; но для басни остается еще обширный кругъ почитателей: это народъ, масса народа. Съ постепеннымъ образованіемъ въ Россіи низшихъ и среднихъ классовъ народа, число читателей басень Крылова будетъ безпрестанно умножаться, и придетъ время, когда онѣ сдѣлаются ходячею философіею народа, въ полномъ смыслѣ этого слова, когда онѣ будутъ издаваться десятками тысячъ экземпляровъ; онѣ, а вмѣстѣ съ ними и слава Крылова, погаснутъ только съ жизнію народа. Вы скажете: но вѣдь авторитеты Тредьяковскаго, Сумарокова, Хераскова и другихъ были не меньше авторитетовъ Крылова, Пушкина и Грибоѣдова? Такъ—но педанты, толпа и чернь еще не народъ. Точно то же было и въ другихъ литературахъ: Нѣмецъ призналъ Гете и Шиллера своею національною славою; Франція апплодируетъ на улицѣ, когда видитъ Беранже; Джонъ Буль, скажете вы, заплатилъ семь съ половиною фунтовъ стерлинговъ за «Потерянный Рай». Такъ, но знаете ли что̀? у меня престранный и prenелѣпый вкусъ: я самъ не дорого бы далъ этому забытому народомъ и прославленному восьмнадцатымъ вѣкомъ поэту, котораго неестественная и напряженная фантазія изобрѣла порохъ и пушки еще прежде Адама и Евы и заставила дьяволовъ стрѣлять изъ этихъ пушекъ въ ангеловъ. Многіе находятъ въ этомъ удивительное величіе и исполинскую силу воображенія; но я (и очень многіе, если не всѣ) нахожу тутъ одну уродливость, которой истинный художникъ

никогда не могъ бы выдумать. Нѣтъ, воля ваша, а гласъ народа гласъ Божій, и народъ и вѣка самыя непогрѣшительные критики. На Вальтеръ-Скотта и народъ и народы и человѣчество давно уже возложили вѣнецъ поэтической славы: остается вѣкамъ и потомству скрѣпить опредѣленіе современниковъ—и это будетъ! Такъ какому ли нибудь самозванному барону удастся снять этотъ вѣнокъ съ лучезарной головы геніальнаго баронета?...

Переводчица сочиненія Аллана Каннингама о жизни и сочиненіяхъ Вальтеръ-Скотта, въ довольно обширномъ предисловіи, отстаиваетъ съ жаромъ поэтическую славу геніальнаго Шотландца отъ нападеній Барона Брамбеуса. Въ ея разсужденіи виденъ свѣтлый, образованный умъ и теплое чувство; мы прочли его съ живымъ удовольствіемъ, и оно показалось намъ лучше самой книги. Жаль только, что она сражалась съ почтеннымъ Барономъ не равнымъ оружіемъ, отчего и бой былъ очень не равенъ. Причина та, что она ошибочно поняла нападки Барона на Вальтеръ-Скотта и приняла его шутки и мистификаціи за дѣло. Баронъ Брамбеусъ человѣкъ очень умный, и надо умѣть понимать его, чтобъ быть въ состояніи съ нимъ сражаться. Да, я почитаю за шутки, очень милыя и остроумныя, его нападки на автора «Пуританъ», на юную Словесность, такъ же какъ почитаю за шутки критики г. О. О. на «Черную Женщину» г. Греча, «Мазепу» г. Булгарина, и въ то же время высоко цѣню критики того же лица на «Роксолану» г. Кукольника, рецензію на «Притчи Крумахера» и нѣкоторыя другія книги. Въ самомъ дѣлѣ, надо знать, когда человѣкъ говоритъ дѣло, когда шутитъ, и на дѣло надо отвѣчать серьёзно, а на шутки шутками. Посмотрите, какъ мило и тонко поступаетъ, въ этомъ случаѣ, г. Булгаринъ, заставляя бѣлорусскаго мужика защищать противъ Барона Брамбеуса свои любезныя «сіи» и «оныя»! И въ то же время, посмотрите, какъ неловко и

неуклюже начала воевать съ «Библіотекою для Чтенія» «С. Пчела», еще недавно ея постоянная и усердная партизанка. Но какъ бы то ни было, а предисловіе Дѣвицы Д....... написано умно и можетъ быть полезно для многихъ читателей. Жаль только, что она, возражая Барону со всѣмъ достоинствомъ и всею твердостію человѣка, чувствующаго правоту своего дѣла, слишкомъ смиренно обезоруживаетъ, на всякій случай, его гнѣвъ, давая ему замѣтить, что въ его книгѣ нѣтъ опальныхъ «сихъ» и «оныхъ». Теперь о самой книгѣ. Она довольно интересна, какъ всѣ книги, даже посредственныя, въ которыхъ содержатся какія-нибудь подробности о жизни великаго человѣка. Но книга все-таки посредственна, потому что г. Алланъ Каннингамъ человѣкъ очень не дальній въ литературѣ и, какъ кажется, принадлежитъ къ числу литературныхъ рыцарей печальнаго образа. Его критическіе взгляды на сочиненія Скотта довольно мелки и поверхностны, понятія о творчествѣ тоже очень не далеки. Впрочемъ онъ добрый человѣкъ и очень любитъ Вальтеръ-Скотта; да какъ и не любить: онъ имѣлъ благосклонность похвалить его сочиненіе, всѣми разруганное. Переводчица книги Каннингама обѣщаетъ еще перевести нѣсколько сочиненій о жизни горячо любимаго ею автора; мы отъ всей души желаемъ, чтобы она выполнила свое обѣщаніе.

Переводъ вообще очень хорошъ, хотя мѣстами и встрѣчаются неправильности и даже темнота въ слогѣ, какъ, напр., «В. С. въ 1813 году объявилъ (publia — издалъ?) Матильду Рокби», или: «Каждый день писалъ болѣе десяти печатныхъ листовъ», т. е. по цѣлой книгѣ? Это невозможно: вѣрно есть ошибка въ переводѣ. Впрочемъ это все мелочи, которыя ни мало не вредятъ достоинству перевода вообще, и я выставляю ихъ не для публики, а для переводчицы, чтобъ она обратила на нихъ свое вниманіе при своихъ слѣдующихъ переводахъ. Но вотъ о чемъ хочу я еще

замѣтить—о правописаніи. Это предметъ теперь очень важный въ нашей письменности. И въ самомъ дѣлѣ, посмоттите: съ одной стороны, «Библіотека для Чтенія», съ которою мы, въ этомъ отношеніи, совершенно согласны, производитъ въ языкѣ, и особенно въ правописаніи, реформу, съ другой безпрестанно появляющіяся грамматики, каждая по своему, также силятся произвести реформу. Чтó это значитъ? То, что намъ надоѣла разноголосица, что мы хотимъ согласиться хотя въ правописаніи. Давно бы пора! Спорный пунктъ больше всего о прописныхъ буквахъ. Кажись, дѣло очень ясно, и не о чемъ бы и спорить: такъ нѣтъ, наши литераторы упрямо держатся старины, даже тогда, какъ сами хлопочутъ изъ всѣхъ силъ о преобразованіи языка. Напримѣръ: вслѣдствіе какихъ причинъ, переводчица книги Каннингама ставитъ прописныя буквы въ началѣ словъ: геній, литература, литераторъ, искусство, поэзія, поэтъ, поэма, ода, драма, романъ, романистъ, драматикъ, океанъ (жизни) и пр. Мы знаемъ, что геній гораздо выше не только титулярнаго совѣтника, но и коллежскаго ассессора, мы знаемъ, что слова: поэзія, искусство, романъ, драма и пр. выражаютъ предметы священные для нашего чувства; но вѣдь геній такое же нарицательное слово, какъ и глупецъ, но вѣдь добродѣтель, слава, честь, храбрость, самоотверженіе также выражаютъ идеи, священныя для нашего человѣческаго чувства: зачѣмъ же въ словахъ: глупецъ, добродѣтель, самоотверженіе начальныя литеры пишутся маленькія? Собственное имя есть то, съ которымъ соединяется понятіе о какомъ-нибудь индивидуумѣ; Алексѣевъ много, но когда я говорю: я видѣлъ вчера Алексѣя, то разумѣю здѣсь извѣстное лицо, единственное въ мірѣ, представляю себѣ въ это время его образъ, черты лица и всѣ его особенности; также точно и съ словомъ: Пушкинъ, я разумѣю творца Онѣгина, одного въ мірѣ, но когда говорю: Байронъ былъ

генiй, то словомъ генiй означаю не индивидуальность, а принадлежность, аттрибутъ, какъ и словомъ: уменъ, высокъ, глупъ, низокъ. Если мы будемъ изъявлять свое уваженiе къ идеямъ, выражающимъ человѣческое достоинство, большими буквами, то наша печать должна превратиться въ какую-то пеструю и безобразную набойку, и здравый смыслъ требуетъ, чтобы для словъ, выражающихъ идеи низкiя, какъ-то: подлость, неблагодарность, коварство и пр., были придуманы особенныя буквы, или кривыя, или самыя маленькiя. Конечно, странно въ наше время съ важностiю разсуждать о такихъ мелочахъ, какъ стихотворные размѣры, октавы, или о большихъ и малыхъ буквахъ, и придавать этимъ вздорамъ какую-нибудь важность; но надо же и въ мелочахъ слѣдовать здравому смыслу; если есть опредѣленныя формы въ платьѣ, въ обращенiи, почему же не быть имъ и въ печати? Вамъ нравится человѣкъ, одѣвающiйся опрятно и со вкусомъ, соблюдающiй условiя вѣжливости и хорошаго тона: почему же вы не хотите позаботиться о томъ, чтобы ваша книга была напечатана опрятно, красиво, изящно; а если такъ, то зачѣмъ же вы безобразите ее, безъ всякой нужды, этою отвратительною пестротою, которая такъ непрiятно рябитъ въ глазахъ? Можно одѣться богато, но безвкусно; можно напечатать книгу великолѣпно и безвкусно. Нашъ вѣкъ любитъ во всемъ совершенство, и иностранныя книги, даже слишкомъ скромно изданныя, всегда отличаются какою-то важностiю, происходящею отъ вкуса, отпечатокъ котораго онѣ на себѣ носятъ.

КРАТКАЯ ГЕОГРАФIЯ ДЛЯ ДѢТЕЙ, *изданная по руководству Г-на Статскаго Совѣтника и Кавалера И. А. Гейма. Девятое изданiе. Москва. 1835.*

Эта крохотная книжечка принадлежитъ къ числу тѣхъ жалкихъ спекуляцiй и неудачныхъ компиляцiй, о которыхъ

не слѣдовало бы и упоминать, если бы онѣ не были въ высочайшей степени вредны. Мы не будемъ подкрѣплять своего мнѣнія неумѣстными доказательствами, мы не будемъ осыпать нашихъ читателей собственными именами и утомлять сухою ученостію; такъ какъ дѣло очень ясно и коротко, то мы опираемся на ихъ здравый смыслъ и спрашиваемъ ихъ: можно ли въ книжонкѣ, состоящей изъ шести печатныхъ листовъ, помѣстить описаніе цѣлаго земнаго шара, разсматриваемаго въ трехъ обширныхъ значеніяхъ? Географія есть по преимуществу наука обширная; краткость ея изложенія всего скорѣе дѣлаетъ ее недоступною для изученія, сообщая ей характеръ сухости, темноты и сбивчивости. Напротивъ, чѣмъ въ обширнѣйшемъ объемѣ излагается она, тѣмъ дѣлается занимательнѣе, живѣе, интереснѣе, понятнѣе и, слѣдовательно, доступнѣе для изученія. Господинъ компиляторъ начинаетъ, какъ видится, дурнымъ опредѣленіемъ географіи, изъ котораго не выводится раздѣленія науки на три части; на пяти листикахъ излагаетъ математическую, физическую географію и, сверхъ того, введеніе въ политическую; говоритъ, что «круглота земли доказывается неодинаковымъ временемъ восхожденія и захожденія солнца, лунными затмѣніями, морскими путешествіями и возвышеніемъ и пониженіемъ полярной звѣзды», не объясняя ни однимъ словомъ этихъ доказательствъ и забывая еще объ одномъ, т. е. различности звѣздъ, видимыхъ жителями сѣвернаго полушарія и ихъ антиподами; потомъ вычисляетъ земные круги, тоже ни однимъ словомъ не объясняя ихъ значенія. Въ политическомъ описаніи Россіи подробно распространяется о системѣ водныхъ сообщеній, что̀ можетъ имѣть мѣсто только въ обширной географіи, состоящей, по крайней мѣрѣ, изъ ста листовъ, и по необходимости опускаетъ важные предметы. Ну, господа защитники всего, что̀ дѣлается въ нашей литературѣ, какъ прикажете журналисту поступать съ такими явленіями книж-

наго міра? Молчать о нихъ? но это было бы подло, потому что учебная книга не романъ, и если дурно составлена, то дѣлаетъ вреда не меньше чумы или холеры. Говорить о ней правду, но кротко и вѣжливо,—невозможно, потому что кровь невольно кипитъ, а вѣжливый тонъ не будетъ понятенъ ни для компиляторовъ, ни для покупателей. Браниться? но это унизительно для рецензента и противно приличію. Чтò же остается дѣлать? рѣшите сами, а я, между тѣмъ, замѣчу вамъ еще объ одномъ обстоятельствѣ, такъ общемъ и обыкновенномъ въ нашей современной литературѣ. Благодаря просвѣщеннымъ усиліямъ правительства и духа времени, у насъ проходитъ уже наглое невѣжество, гордящееся своимъ безобразіемъ; жажда къ просвѣщенію замѣтна во всѣхъ классахъ, и поэтому учебныя книги сдѣлались самымъ выгоднымъ товаромъ для книжныхъ производителей. Какъ же пользуются эти производители этимъ направленіемъ общества? Какія употребляютъ они средства удовлетворить его настоящей потребности? Они сокращаютъ и искажаютъ учебныя сочиненія старинныхъ авторовъ: оно и лучше, вѣдь умершій авторъ не будетъ требовать удовлетворенія изъ гроба за нанесенное ему оскорбленіе! Обыкновенно они выбираютъ такое сочиненіе, которое было когда-то въ славѣ и уродуютъ его. Въ то время, когда иностранные журналы безпрестанно представляютъ результаты новѣйшихъ путешествій, когда многіе находятъ не вполнѣ удовлетворительными и не слишкомъ обширными творенія Бальби и Мальте-Брёна, наши компиляторы довольствуются господиномъ статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ И. А. Геймомъ.

ОПЫТЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ НѢКОТОРЫХЪ ТЕОРЕТИЧЕСКИХЪ ВОПРОСОВЪ. *Соч. Константина Зеленецкаго. Книжка первая. Москва. 1835.*

Мы не можемъ быть слишкомъ строги къ брошюркѣ г. Зеленецкаго, потому что всякое усиліе къ мышленію, всякое уваженіе къ высокимъ человѣческимъ предметамъ, невольно располагаютъ насъ въ пользу автора. Бездарный риѳмоплетъ, безталанный романистъ, въ нашихъ глазахъ, творенія гадкія, ненавистныя, вредныя и не заслуживающія никакой пощады; но люди обнаруживающіе какую-нибудь мыслительность, или, по крайней мѣрѣ, какую-нибудь любовь къ мыслительности, заслуживаютъ въ нашихъ глазахъ высокое уваженіе, когда хорошо исполняютъ свое дѣло, и снисхожденіе, когда обнаруживаютъ слабость мысли или дѣтскость въ сужденіяхъ. Мы не нашли въ книжкѣ г. Зеленецкаго никакихъ нелѣпостей, никакихъ вздоровъ, хотя въ то же время не нашли ничего новаго или заслуживающаго особенное вниманіе. Онъ разсуждаетъ о трехъ предметахъ: а) О мѣстѣ, занимаемомъ логикою въ системѣ философіи; б) О содержаніи и расположеніи географіи; в) О предметѣ и значеніи политической исторіи. Въ первомъ авторъ излагаетъ мнѣнія извѣстныхъ философовъ о значеніи логики какъ науки и доказываетъ, что логику не должно условливать метафизикою, какъ то думаетъ Шеллингъ, что ея не должно смѣшивать съ метафизикою, какъ то сдѣлалъ Гегель, но что лучше принимать ее въ томъ значеніи, которое придаетъ ей Кантъ, называя ее наукою чисто формальною; взглядъ Канта кажется автору болѣе подходящимъ къ истинѣ. Во второмъ разсужденіи, которое намъ кажется слабѣе всѣхъ, авторъ нападаетъ, отчасти справедливо, на преподаваніе въ Россіи географіи, и представляетъ свой планъ географіи, въ которомъ мы не нашли ничего

новаго, кромѣ того, что авторъ почитаетъ необходимымъ «этнографическое обозрѣніе человѣческаго рода» прежде изложенія политическаго раздѣленія племенъ человѣческихъ. Вотъ результатъ третьяго разсужденія: «Политическая исторія народа есть исторія его личности, есть изложенія основной его жизни, жизни той стихіи, которую проявить въ извѣстномъ періодѣ человѣчества суждено всему народу. Всеобщая политическая исторія, какъ исторія взаимно-отношеній народовъ, т. е. ихъ личностей, есть представитель жизни всѣхъ стихій человѣчества, во всѣ періоды его бытія».

Книжка г. Зеленецкаго порадовала насъ, какъ безкорыстное стремленіе къ мыслительности, до которой у насъ такъ мало охотниковъ и для которой у насъ такъ много самыхъ ожесточенныхъ враговъ. Но она глубоко огорчила и оскорбила насъ въ другомъ отношеніи, а именно, какъ доказательство, что у насъ еще не умѣютъ складно и общежительно выражаться на русскомъ языкѣ. Скажите, чего вы должны ожидать отъ какого-нибудь рифмача или дюжиннаго романиста, если человѣкъ, разсуждающій о Кантѣ, Шиллингѣ, Гегелѣ, о значеніи логики и исторіи, выражается языкомъ старопечатныхъ россійскихъ книгъ? Неужели грамматика мудренѣе философіи? Неужели умѣніе порядочно выразиться труднѣе умѣнія порядочно мыслить?

ТРИ СЕРДЦА. *Александра Долинскаго. Москва. 1835.*

Несносенъ мальчикъ, который, заложивъ руки въ карманы, принявъ на себя серьезный видъ, ходитъ большими шагами по комнатѣ и представляетъ изъ себя большаго; несносенъ мѣщанинъ во дворянствѣ, человѣкъ, рожденный въ пятнадцатомъ классѣ и добившись какъ-нибудь четырнадцатаго, и который подходитъ къ ручкѣ къ дамамъ, говоритъ съ барышнями о погодѣ, прибавляетъ ко всякому слову *съ*, требуетъ къ себѣ большой аттенціи и изо всего

этого заключаетъ, что онъ благородная особа; несносенъ лакей, которой павлинится передъ своею братьею, надѣвъ украдкой фракъ своего барина; но несноснѣе всего этого безталанный бумагомаратель, который пародируетъ знаменитыхъ писателей и суется туда же «подмѣчать первый яркій румянецъ на лицѣ дѣвушки и подслушивать первое біеніе сердца ея, первый исходъ ея».

„Кто бы, продолжалъ, Бетинъ,—смотря на эту малютку, не сказалъ, что одна изъ розъ этого сада вдругъ ожила! Проклятая шампанская зараза! Теперь я долженъ сидѣть въ этомъ карантинѣ, гдѣ судьба состроила заставу изъ трехъ бутылокъ, и я не могу пройти сквозь нее... не могу получить аудіенціи до тѣхъ поръ, пока не буду чистъ какъ правовѣрный мусульманинъ, который сроду не нюхалъ благословеннаго напитка! А до тѣхъ поръ сердце мое можетъ десять разъ превратиться въ пепелъ отъ этого чистилищнаго огня, который пылаетъ въ глазахъ ея... А эти волосы... клянусь всѣмъ, что каждый волосокъ ея прицѣпитъ на себя по десятку сердецъ нашихъ.... о тогда бѣда, если надѣнетъ шляпку; они задохнутся!"

Неужели въ этомъ пошломъ мадригальничаньи и есть что-нибудь остраго, умнаго, затѣйливаго, достойнаго вниманія образованнаго читателя?.. Правда, у г. Долинскаго говоритъ это пьяный пьянюшка; но, во-первыхъ, неужели все, что̀ можетъ взбрести въ голову пьяному дураку, должно доводиться до свѣдѣнія публики; а, во-вторыхъ, у г. Долинскаго и трезвые говорятъ не умнѣе пьянаго.

ПОКОЙНЫЙ МУЖЪ И ВДОВА ЕГО. *Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Ѳедора Кони. Москва. 1835.*

ИВАНЪ САВЕЛЬИЧЪ. *Московская шутка-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ. Ѳедора Кони. Москва. 1835.*

ЗАГОВОРЪ ПРОТИВЪ СЕБЯ, ИЛИ СОНЪ ВЪ РУКУ. *Сценическая бездѣлка въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ. Соч. Грав. Фонъ Бейера. Спб. 1835.*

Не все то легко, что̀ кажется легкимъ съ перваго взгляда. Ничего нѣтъ легче, какъ сочинить водевиль, и ничего

нѣтъ труднѣе, какъ сдѣлать водевиль. Очевидно, что тайна этого противорѣчія заключается въ талантѣ: есть онъ—и легко, нѣтъ его—и трудно, а, кажись, въ обоихъ случаяхъ нѣтъ ничего легче. Наши водевили могутъ служить лучшимъ доказательствомъ этой истины. Во-первыхъ, они по большей части суть передѣлки французскихъ водевилей, слѣдовательно, куплеты, остроты, смѣшныя положенія, завязка и развязка — все готово, умѣйте только воспользоваться. И что́ же выходитъ? Эта легкость, естественность, живость, которыя невольно увлекали и тѣшили ваше воображеніе, во французскомъ водевилѣ, эта острота, эти милыя глупости, это кокетство таланта, эта игра ума, эти гримасы фантазіи, словомъ, все это исчезаетъ въ русской копіи, а остается одна тяжеловатость, неловкость, неестественность, натянутость, два-три каламбура, два-три экивока—и больше ничего. Не будемъ строги къ нашимъ водевилистамъ, не будемъ требовать отъ нихъ особенной живости, большаго остроумія; но можемъ ли мы не требовать отъ нихъ естественности и здраваго смысла? Здравый смыслъ особенно вещь очень нужная: безъ него и водевилю такъ же нельзя обойдтись, какъ драмѣ или комедіи. И при этой-то нищетѣ даже въ здравомъ смыслѣ, при этой-то безталанности, сколько претензій, сколько важничанья! Вообразите себѣ, къ водевилю, вмѣсто предисловія, сцена изъ «Фауста»!.. Гдѣ же тутъ здравый смыслъ?.. Бумажная корона очень забавна на головѣ буфона, но золотая... Воля ваша, гг. водевилисты, а есть вещи, которыми не должно шутить!..

«Покойникъ мужъ» на сценѣ очень милъ, очень забавенъ; даже въ самомъ чтеніи (тотчасъ послѣ обѣда, особенно послѣ сытнаго обѣда) онъ забавенъ. Но «Иванъ Савельичъ»—воля ваша, г. авторъ, такъ не шутятъ добрые люди! Въ шуткѣ, какъ и во всемъ, здравый смыслъ важнѣе всего; но гдѣ же онъ, этотъ здравый смыслъ, въ

«Иванѣ Савельичѣ»? Старикъ дядя уходитъ спать, а его племянникъ и племянница затѣваютъ пиръ на весь міръ и думаютъ, что больной и добрый ихъ дяденька не узнаетъ объ ихъ проказахъ... И потомъ, этотъ дядюшка, играющій роль шута въ собственномъ домѣ, этотъ племянникъ и эта племянница, которыхъ характеръ и поступки такъ же естественны и возможны, какъ чудеса въ волшебныхъ сказкахъ—неужели все это можетъ служить забавою не только дѣтей, но даже взрослыхъ людей?. . А эти клеветы на общество (разумѣется, самыя невинныя и самыя незлонамѣренныя!)—неужели во всемъ этомъ есть здравый смыслъ?.. Конечно, никому не должно шумѣть изъ пустяковъ, никому не должно придавать большаго значенія малымъ вещамъ; смѣшонъ писатель, который снабжаетъ свои водевили и громкими предисловіями, и замысловатыми эпиграфами, и затѣйливыми заглавіями; смѣшонъ рецензентъ, который бы раскричался изъ-за водевиля, вмѣсто того, чтобы улыбнуться слегка и заставить другихъ улыбнуться слегка; но, господа, положимъ, что водевиль вздоръ, но вѣдь здравый-то смыслъ не вздоръ; положимъ, что изъ-за водевиля не должно горячиться, но вѣдь за искаженіе здраваго-то смысла нельзя не горячиться! Вы авторъ, слѣдовательно, вы требуете и похищаете мое вниманіе и мое время, а согласитесь, что досадно терять на вздоры то и другое.

И между тѣмъ «Иванъ Савельичъ» надѣлалъ много шуму и произвелъ своимъ появленіемъ великія событія въ нашей литературѣ. Во-первыхъ, онъ подалъ поводъ рецензенту «Библіотеки для Чтенія» написать предлинную рецензію и выказать въ ней весь блескъ этого удивительнаго остроумія, которому должно уступить остроуміе всѣхъ нашихъ водевилистовъ безъ исключенія; во-вторыхъ, онъ навлекъ, со стороны остроумнаго критика, несправедливое нарѣканіе на нашу Москву. Въ самомъ дѣлѣ,

Москва вишь виновата!

Москва, вишь, не шутитъ, а ругается. Бѣдная Москва! Какъ не вспомнить при сей оказіи этихъ стиховъ:

На Москву послалъ Богъ кару:
Безъ копѣечной свѣчи
Не бывать бы въ ней пожару.

Богъ судья г. Кони!...

«Заговоръ противъ себя, или сонъ въ руку» не водевиль, а, извольте видѣть, сценическая бездѣлка. Бездѣлки вообще очень милы, когда искусно сдѣланы; чѣмъ вещь миніатюрнѣе, тѣмъ больше она требуетъ и искусства и тонкости въ отдѣлкѣ. Но г. фонъ-Бейеръ не мастеръ на галантерейныя вещицы; его бездѣлка носитъ на себѣ слишкомъ рѣзкіе слѣды топора и скобеля. Я не говорю уже о томъ, что эта комедія нелѣпа въ высочайшей степени по своей завязкѣ и ходу, что она есть жалкое подражаніе старой пьесѣ «Романъ на большой дорогѣ»: все это еще куда-бъ ни шло. Но каково встрѣтить въ сценической бездѣлкѣ подобныя несценическія красоты:

Глядь: ваша матушка бѣжитъ въ ужасномъ горѣ.
„Представьте—говоритъ—здѣсь, право, воръ на ворѣ!
Ей-ей, дневный грабежъ! Какой-то тамъ пострѣлъ
Въ толкучемъ, на сорокъ рублей меня огрѣлъ;“

Прочтя комедію, въ которой есть подобные стишки, поневолѣ вспомнишь стишки изъ другой, тоже преострой комедіи:

Для барышей какихъ напуталъ ты комедью?
Вотъ здѣсь насъ четверо: кто дастъ полтину мѣдью.

III.

ЖУРНАЛЬНАЯ ВСЯЧИНА.

1.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ СТАРИНА.

Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ созерцать минувшее и сравнивать его съ настоящимъ. Всякая черта прошедшаго времени, всякій отголосокъ изъ этой бездны, въ которую все стремится и изъ которой ничто не возвращается, для насъ любопытны, поучительны и даже прекрасны. Какъ бы ни нелѣпа была книга, какъ бы ни глупъ былъ журналъ, но если они принадлежатъ къ сферѣ идей и мыслей, уже не существующихъ, если ихъ оживляютъ интересы, къ которымъ мы уже холодны—то эта книга и этотъ журналъ получаютъ въ нашихъ глазахъ такое достоинство, какого они, можетъ быть, не имѣли и въ глазахъ современниковъ: они дѣлаются для насъ живыми лѣтописями прошедшаго, говорящею могилою умершихъ надеждъ, интересовъ, задушевныхъ мнѣній, мыслей. Вотъ почему всякая книга, напечатанная у Гари, Любія и Попова, гуттенберговскими буквами, въ кожаномъ переплетѣ, порыжѣломъ отъ времени, возбуждаетъ все мое любопытство; вотъ почему, увидѣвши гдѣ-нибудь разрозненные нумера «Покоющагося Трудолюбца», «Аглаи», «Лицея», «Сѣвернаго Вѣстника», «Духа Журналовъ», «Благонамѣреннаго» и многихъ другихъ почившихъ журналовъ, я читаю ихъ съ какою-то жадностію и даже упоеніемъ. Не худо иногда напоминать старину въ пользу и поученіе настоящаго времени; не худо, къ слову и кстати, воскрешать черты прошедшаго, иногда для смѣха,

а иногда и для дѣла. Недавно попались мнѣ въ руки двѣ старинныя книги, одну изъ нихъ я зналъ когда-то наизусть: это знаменитая трагедія Сумарокова «Димитрій Самозванецъ»; другую увидѣлъ въ первый разъ: это переводъ Шекспирова «Юлія Цезаря» сдѣланный прозою, въ 1789 году, то есть почти за пятьдесятъ лѣтъ назадъ, когда на Руси о Шекспирѣ знали меньше, чѣмъ теперь о китайскихъ и индійскихъ поэтахъ, и когда въ самой Европѣ этотъ вѣнчанный царь поэтовъ почитался за пьянаго дикаря и варвара. Какъ первая книга показываетъ, что и въ старину было не меньше нынѣшняго этихъ посредственныхъ головъ, этихъ жалкихъ рутиньеровъ, которые не боятся ходить только по избитымъ и протоптаннымъ дорогамъ и вѣрятъ на слово то г. Вольтеру, то г. Буало; такъ вторая книга показываетъ, что и въ старину были головы свѣтлыя, самостоятельныя, которыя не почитали за пустой призракъ своего ума и чувства, даннаго имъ Богомъ, которыя своему уму и чувству вѣрили болѣе нежели всѣмъ авторитетамъ на свѣтѣ, любили мыслить по своему, идти наперекоръ общимъ мнѣніямъ и вѣрованіямъ, вопреки всѣмъ господамъ Вольтерамъ, Буалло, Баттё и Лагарпамъ, этимъ грознымъ и могучимъ божествамъ своего времени. Такіе факты драгоцѣнны для души мыслящей и сердца чувствующаго, и ихъ должно откапывать въ пыли прошедшаго и показывать настоящему. Поэтому-то мы представляемъ здѣсь «предисловія» изъ обѣихъ книгъ, какъ къ пресловутому «Димитрію Самозванцу», трагедіи Александра Сумарокова, такъ и къ переводу «Юліи Цезаря» безвѣстнаго переводчика. Первое покажетъ намъ въ Сумароковѣ плохаго литератора, бездарнаго и самохвальнаго стихотворца, безсильнаго и ничтожнаго мыслителя въ дѣлѣ искусства, хотя, въ то же время, человѣка съ здравымъ смысломъ и благороднымъ образомъ сужденія въ обыкновенныхъ предметахъ человѣческой мысли; а второе покажетъ человѣка, который своими поня-

тіями объ искусствѣ далеко обогналъ свое время и поэтому заслуживаетъ не только наше вниманіе, но и удивленіе.

Вотъ предисловіе Сумарокова къ «Димитрію Самозванцу».

Слово Публика, какъ нѣгдѣ и г. Вольтеръ изъясняется, не знаменуетъ цѣлаго общества; но часть малую онаго; то есть людей знающихъ и вкусъ имущихъ. Естьли бы я писалъ о вкусѣ Диссертацію: я бы сказалъ то, что такое вкусъ, и изъяснилъ бы оное; но здѣсь дѣло не о томъ. Въ Парижѣ, какъ извѣстно, невѣждъ не мало, какъ и вездѣ; ибо вселенная по большой части ими наполнена. Слово чернь принадлежитъ низкому народу: а не слово: Подлой народъ; ибо подлой народъ суть каторжники и протчія презрѣнныя твари, а не ремесленники и земледѣльцы. У насъ сіе имя всѣмъ тѣмъ дается, которыя не дворяня. Дворянинъ! великая важность! Разумной священникъ и проповѣдникъ Величества Божія, или кратко Богословъ, Естествословъ, Астрономъ, Риторъ, Живописецъ, Скульпторъ, Архитектъ и протч., по сему глупому положенію члены черни. О несносная дворянская гордость, достойная презрѣнія! Истинная чернь суть невѣжды, хотя-бы они и великія чины имѣли, богатство Крезово, и влекли бы свой родъ отъ Зевса и Юноны, которыхъ никогда не бывало, отъ сына Филлипова побѣдители или паче разорители вселенныя, отъ Іюлія Цесаря утвердившаго славу римскую, или паче разрушившаго оную. Слово Публика и тамо, гдѣ гораздо мало ученыхъ людей, не значитъ ничево. Людовикъ XIV далъ Парнасу золотой вѣкъ въ своемъ отечествѣ: но по смерти его вкусъ мало-по-малу сталъ изчезать. Не изчезъ еще; ибо видимъ мы онаго остатки въ Г. Вольтерѣ и во другихъ Французскихъ писателяхъ. Трагедіи и комедіи во Франціи пишутъ, но не видно еще ни Вольтера, ни Моліера! Ввелся новый и пакостный родъ слезныхъ комедій: ввелся тамъ; но тамъ не исторгнутся сѣмена вкуса Расинова и Моліерова: а у насъ по Театру почти еще и начала нѣтъ; такъ такой скаредный вкусъ, а особливо вѣку Великія Екатерины не принадлежитъ. А дабы не впустить онаго, писалъ я о таковыхъ драмахъ къ Г. Вольтеру: но они въ сіе краткое время вползли уже въ Москву, не смѣя появиться въ Петербургѣ: нашли всенародную похвалу и рукоплесканіе, какъ скаредно ни переведена Евгенія, и какъ нагло Актриса подъ именемъ Евгеніи Бакханту ни изображала: а сіе рукоплесканіе переводчикъ оныя драмы, какой-то подъячій, до небесъ возноситъ, соплетая зрителямъ похвалу и утверждая вкусъ ихъ. Подъячій сталъ судьею Парнаса, и утвердителемъ вкуса Московской Публики!—Конечно скоро представленіе свѣта будетъ. Но

не уже ли Москва болѣе повѣритъ подъячему, нежели Г. Вольтеру и мнѣ: и не ужели вкусъ жителей Московскихъ сходнѣе со вкусомъ сего подъячего! Подъячему сплетать похвалы вкуса Княжичей и Господичей Московскихъ, толь маловмѣстно, коль непристойно лакею хотя и придворному, мои пѣсни, безъ моей воли, портить, печатать и продавать, или противъ воли еще пребывающаго въ жизни автора противъ его Драмы, и за порчу собирать деньги или съѣзжавшимся видѣть Семиру, сидѣть возлѣ самого оркестра и грызть орѣхи, и думати, что когда за входъ заплачены деньги въ позорище, можно въ партерѣ въ кулачки биться, а въ ложахъ разсказывати исторіи своей недѣли громогласно, и грызть орѣхи; можно и дома грызть орѣхи; а публиковать газеты весьма малонужныя, можно и внѣ театра, ибо таковыя газетчики къ тому довольно времени имѣютъ. Многія въ Москвѣ зрители и зрительницы, не для того на позорища ѣздятъ, дабы имъ слушать не нужныя имъ газеты: а грызеніе орѣховъ не приноситъ удовольствія, ни зрителямъ ни разумнымъ, ни актерамъ, ни трудившемуся во удовольствіе Публики автору; его служба награжденія, а не наказанія достойна. Вы путешествовали, бывшія въ Парижѣ и въ Лондонѣ, скажите! грызутъ ли тамъ во время представленія драмы орѣхи; и когда представленіе въ пущемъ жарѣ своемъ, сѣкутъ ли поссорившихся между собою пьяныхъ кучеровъ, ко тревогѣ всего партера, ложъ и Театра. Но какъ то ни есть я жалѣю, что я не имѣю копіи съ посланнаго къ Г. Вольтеру письма, бывъ тогда въ крайней растройкѣ, и крайне боленъ, когда Князь Козловской отъѣзжавшій къ Г. Вольтеру по письмо ко мнѣ заѣхалъ: я отдалъ мой подлинникъ ниже ево на бѣло переписавъ; однако отвѣтное письмо сего отличнаго автора и слѣдственно и отличнаго знатока, нѣсколько моихъ вопросовъ заключаетъ: что до скаредной слезной комедіи касается. А ежели ни Г. Вольтеру ни мнѣ кто въ этомъ повѣрить не хочетъ; такъ я похвалю и такой вкусъ, когда щи съ сахаромъ кушать будутъ, чай пити съ солью, кофе съ чеснокомъ: и съ молебномъ совокупятъ панафеду. Между Таліи и Мельпомены различіе таково, каково между дня и ночи, между жара и стужи, и какая между разумными зрителями Драмы и между безумными. Не по количеству голосовъ, но по качеству утверждается достоинство вещи: а качество имѣетъ основаніе на истинѣ:

Достойной похвалы невѣжи не умалятъ:
А то не похвала, когда невѣжи хвалятъ.

Вотъ предисловіе къ переводу «Юлія Цезаря».

При изданіи сего Шекеспирова творенія почитаю почти за необходимость писать предисловіе. До сего времени еще ни одно изъ сочиненій знаменитаго сего Автора не было переведено на языкъ нашъ; слѣдственно и ни одинъ, изъ соотчичей моихъ, не читавшій Шекеспира на другихъ языкахъ, не могъ имѣть достаточнаго о немъ понятія. Вообще сказать можно, что мы весьма незнакомы съ Англинскою Литературою. Говорить о причинѣ сего почитаю здѣсь не кстати. Доволенъ буду, естьли вниманіе читателей моихъ не отяготится и тѣмъ, что стану говорить собственно о Шекспирѣ и его твореніяхъ.

Авторъ сей жилъ въ Англіи во времена королевы Елисаветы, и былъ одинъ изъ тѣхъ великихъ духовъ, коими славятся вѣки. Сочиненія его суть сочиненія драматическія. Время, сей могущественный истребитель всего того, что подъ солнцемъ находится, не могло еще доселѣ затмить изящности и величія Шекеспировыхъ твореній. Вся почти Англія согласна въ хвалѣ приписываемой Мужу сему. Пусть спросятъ упражнявшагося въ чтеніи Англичанина: каковъ Шекеспиръ?—Безъ всякаго сомнѣнія будетъ онъ отвѣтствовать: Шекеспиръ великъ! Шекеспиръ неподражаемъ! Всѣ лучшіе Аглинскіе Писатели, послѣ Шекеспира жившіе, съ великимъ тщаніемъ вникали въ красоты его произведеній. Милтонъ, Юнгъ, Томсонъ и прочіе прославившіеся творцы пользовалися многими его мыслями, различно ихъ украшая. Немногіе изъ писателей столь глубоко проникли въ человѣческое естество, какъ Шекеспиръ; немногіе столь хорошо знали всѣ тайнѣйшія человѣка пружины, сокровеннѣйшія его побужденія, отличительность каждой страсти, каждаго темперамента и каждаго рода жизни, какъ удивительный сей Живописецъ. Всѣ великолѣпныя картины его непосредственно Натурѣ подражаютъ; всѣ оттѣнки картинъ сихъ въ изумленіе приводятъ внимательнаго разсматривателя. Каждая степень людей, каждый возрастъ, каждая страсть, каждый характеръ говоритъ у него собственнымъ своимъ языкомъ. Для каждой мысли находитъ онъ образъ, для каждаго ощущенія выраженіе, для каждаго движенія души наилучшій оборотъ. Живописаніе его сильно, и краски его блистательны, когда хочетъ онъ явить сіяніе добродѣтели; кисть весьма льстива, когда изображаетъ онъ кроткое волненіе нѣжнѣйшихъ страстей; но самая же сія кисть гигантскою представляется, когда описываетъ жестокое волнованіе души.

Но и сей великой Мужъ, подобно многимъ, не освобожденъ отъ

колкихъ укоризнъ нѣкоторыхъ худыхъ критиковъ своихъ. Знаменитый Софистъ Вольтеръ силился доказать, что Шекеспиръ былъ весьма средственный Авторъ исполненный многихъ и великихъ недостатковъ. Онъ говорилъ: „Шекеспиръ писалъ безъ правилъ; творенія его суть и трагедіи и комедіи вмѣстѣ, или траги-коми-лирико-пастушьи фарсы безъ плана, безъ связи въ сценахъ, безъ единствъ, непріятная смѣсь высокаго и низкаго, трогательнаго и смѣшнаго, истинной и ложной остроты, забавнаго и безсмысленнаго, онѣ исполнены такихъ мыслей, которыя достойны мудреца, и притомъ такого вздора, которой только шута достоинъ; онѣ исполнены такихъ картинъ, которыя принесли бы честь самому Гомеру, и такихъ каррикатуръ, которыхъ бы и самъ Скарронъ устыдился". Излишнимъ почитаю теперь опровергать пространно мнѣнія сіи, уменьшеніе славы Шекеспировой въ предметѣ имѣвшія. Скажу только, что всѣ тѣ, которые старались унизить достоинства его, не могли противъ воли своей не сказать, что въ немъ много и превосходнаго. Человѣкъ самолюбивъ; онъ страшится хвалить другихъ людей, дабы, по мнѣнію его, самому симъ не унизиться. Волтеръ лучшими мѣстами въ трагедіяхъ своихъ обязанъ Шекеспиру; но не взирая на сіе, сравнивалъ его съ шутомъ, и поставлялъ ниже Скаррона. Изъ сего бы можно было вывести весьма оскорбительное для памяти Волтеровой слѣдствіе, но я удерживаюсь отъ сего, вспомня, что человѣка сего нѣтъ уже въ мірѣ нашемъ.

Что Шекеспиръ не держался правилъ театральныхъ, правда. Истинною причиною сему, думаю, было пылкое его воображеніе, не могшее покориться никакимъ предписаніямъ. Духъ его парилъ яко орелъ, и не могъ паренія своего измѣрить тою мѣрою, которою измѣряютъ полетъ свой воробьи. Не хотѣлъ онъ соблюдать такъ называемыхъ единствъ, которыхъ нынѣшніе наши драмматическіе Авторы такъ крѣпко придерживаются; не хотѣлъ онъ полагать тѣсныхъ предѣловъ воображенію своему, онъ смотрѣлъ только на Натуру, не заботясь, впрочемъ, ни о чемъ. Извѣстно было ему, что мысль человѣческая мгновенно можетъ перелетать отъ запада къ востоку, отъ конца области Моголовой къ предѣламъ Англіи. Геній его, подобно Генію Натуры, обнималъ взоромъ своимъ и солнце и атомы. Съ равнымъ искусствомъ изображалъ онъ и Героя и шута, умнаго и безумца, Брута и башмашника. Драмы его, подобно неизмѣримому театру Натуры, исполнены многоразличія; все же вмѣстѣ составляетъ совершенное цѣлое, не требующее исправленія отъ нынѣшнихъ театральныхъ Писателей.

Трагедія мною переведенная, есть одно изъ превосходныхъ его твореній. Нѣкоторые недовольны тѣмъ, что Шекеспиръ, назвавъ Трагедію сію „Юліемъ Цезаремъ", послѣ смерти его продолжаетъ еще два Дѣйствія; но неудовольствіе сіе окажется ложнымъ, естьли съ основательностію будетъ все разсмотрѣно. Цезарь умерщвленъ въ началѣ третьяго Дѣйствія, но духъ его живъ еще; онъ одушевляетъ Октавія и Антонія, гонитъ убійцъ Цезаревыхъ, и послѣ всѣхъ ихъ погубляетъ. Умерщвленіе Цезаря есть содержаніе Трагедіи; на умерщвленіи семъ основаны всѣ Дѣйствія.

Характеры, въ сей Трагедіи изображенные, заслуживаютъ вниманіе Читателей. Характеръ Брутовъ есть наилучшій. Французскіе Переводчики Шекеспировыхъ твореній говорятъ объ ономъ такъ. „Брутъ есть самый рѣдкій, самый важный и самый занимательный моральный характеръ. Антоній сказалъ о Брутѣ: вотъ мужъ! а Шекеспиръ, изображавшій его намъ, сказать могъ: „вотъ характеръ! ибо онъ есть дѣйствительно изящнѣйшій изъ всѣхъ характеровъ, когда-либо въ драматическихъ сочиненіяхъ изображенныхъ".

Что касается до перевода моего, то я наиболѣе старался перевести вѣрно, стараясь притомъ избѣжать и противныхъ нашему языку выраженій. Впрочемъ пусть разсуждаютъ о семъ могущіе разсуждать о семъ справедливо. Мыслей автора моего нигдѣ не перемѣнялъ я, почитая сіе для Переводчика непозволенымъ

Естьли чтеніе перевода доставитъ Россійскимъ Любителямъ Литературы достаточное понятіе о Шекеспирѣ; естьли оно принесетъ имъ удовольствіе: то Переводчикъ будетъ награжденъ за трудъ его. Впрочемъ онъ приготовился и къ противному. Но одно не будетъ ли ему пріятнѣе другаго?—Можетъ быть.—Октября 15, 1786.

Мы нарочно сохранили правописаніе авторовъ, впрочемъ, какъ ихъ правописаніе, такъ и языкъ, не слишкомъ далеко отстали отъ нашего времени; и теперь нѣкоторые «свѣтскіе» журналы горою стоятъ и отчаянно отстаиваютъ подъячизмъ въ языкѣ и не хуже какого нибудь Сумарокова кланяются большими буквами не только князьямъ и графамъ, но и литераторамъ, и геніямъ, и поэзіи, и читателямъ....

2.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ СОВРЕМЕННОЮ РУССКОЮ ЛИТЕРАТУРОЮ.

Было бы слишкомъ трудно и почти невозможно передать нашимъ читателямъ всѣ наблюденія, сдѣланныя нами въ послѣднее время надъ русскою литературою; но, не желая лишить ихъ удовольствія быть свидѣтелями такого интереснаго зрѣлища, мы хотимъ довести до ихъ свѣдѣнія хоть одинъ или два феномена, которые, безъ всякаго спора, любопытнѣе и поучительнѣе всѣхъ атмосферическихъ явленій, самыхъ необыкновенныхъ.

Итакъ, благословясь, приступаемъ къ дѣлу.

О МИРНОМЪ И ДРУЖЕЛЮБНОМЪ НАПРАВЛЕНІИ НАШЕЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.—Нашу журналистику обыкновенно упрекаютъ въ бранчивомъ тонѣ, духѣ неуваженія, неприличія и недружелюбія! И добро бы еще, еслибы подобныя обвиненія происходили со стороны только публики; нѣтъ, сами журналы безпрестанно обвиняютъ самихъ себя во всемъ этомъ. Но эта явная несправедливость.

Конечно, есть споры, ссоры и даже битвы, но гдѣ-жъ не бываетъ всего этого? За то, посмотрите, какіе умилительные, исторгающіе слезы восхищенія, примѣры непамятозлобія, доброжелательства, дружбы! Не на нашей ли памяти и не передъ нашими ли глазами одинъ журналъ превознесъ до небесъ одинъ драматическій талантъ, поставилъ его наравнѣ съ Байрономъ, Гёте, Шекспиромъ; и потомъ, давно-ли этотъ же самый драматическій талантъ былъ осмѣянъ, уничтоженъ, по поводу одной его драмы восточнаго содержанія, тѣмъ же самымъ журналомъ?—Наконецъ, давно ли этотъ драмматическій талантъ былъ принужденъ довольно неловко защищаться противъ вѣроломнаго журнала и хва-

лить самаго себя? И что-жъ?. Недавно, очень недавно, въ этомъ самомъ журналѣ была помѣщена цѣлая драма, столько же скучная, сколько и длинная, драма того же самаго автора. Какъ вамъ покажется этотъ рѣдкій примѣръ христіанскаго умѣнія прощать врагамъ?... Недавно одинъ «свѣтскій» журналъ, издаваемый въ Москвѣ, объявилъ съ какимъ-то торжествомъ и какою-то гордостію, что съ нимъ живутъ ладно, мирно и братски только «Литературныя Прибавленія къ Инвалиду», которыхъ никто не читаетъ и о которыхъ никто и знать не хочетъ. Потомъ, другой «свѣтскій» журналъ, издаваемый въ Петербургѣ *) подъ щитомъ знаменитаго и громкаго, но совершенно невиннаго въ этомъ изданіи имени, превознесъ до небесъ эти же самыя «Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду»; а этотъ плохенькій журналецъ въ восторгѣ отъ обоихъ «свѣтскихъ» журналовъ. Странное и удивительное зрѣлище! Журналы «свѣтскіе», журналы бонтонные, разодѣтые, раздушенные, обнимаются съ журналомъ неряхою, журналомъ самымъ нечистоплотнымъ, самымъ оборваннымъ, печатаемымъ на оберточной бумагѣ, отъ которой пахнетъ типографскими чернилами и подвальною сыростію... И это еще не примѣръ дружелюбія, столь рѣдкаго въ наше эгоистическое время!... И послѣ этого еще можно упрекать наши журналы въ духѣ вражды и недоброжелательства?...

ЖУРНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. — Къ числу самыхъ свѣжихъ новостей нашей журналистики принадлежитъ торжественное открытіе имени настоящаго редактора «Библіотеки для Чтенія»: это г. профессоръ Сенковскій, извѣстный своими прекрасными переводами арабскихъ сказокъ, помѣщавшихся въ разныхъ альманахахъ.

Онъ самъ объявилъ, что «всѣ, которые носили званіе

*) Московскій—„Наблюдатель“, петербургскій - „Современникъ“.

редакторовъ «Б. для Ч.», слишкомъ невинны въ ея недостаткахъ, чтобы отвѣчать за нихъ передъ публикою, и слишкомъ благородны, чтобъ «требовать для себя похвалы за достоинства, въ которыхъ они не имѣли никакого участія», что «весь кругъ ихъ редакторскаго дѣйствія ограничивался чтеніемъ третьей, послѣдней корректуры уже готовыхъ, оттиснутыхъ листовъ, набранныхъ въ типографіи по рукописямъ, которыя никогда не сообщались имъ предварительно». Это объявленіе для насъ очень важно: по крайней мѣрѣ, мы теперь знаемъ, вслѣдствіе какихъ «тягостныхъ трудовъ, неразлучныхъ съ званіемъ редактора «Б. для Ч.», отказался И. А. Крыловъ отъ редакторства этого журнала. Въ этой же (іюльской на 1836 годъ) книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» находится очень интересное извѣстіе о ея отношеніяхъ къ одному петербургскому журналисту, который... Но позвольте, мы разскажемъ этотъ любопытный фактъ словами самой «Библіотеки для Чтенія».

У насъ есть одинъ журналецъ свой, преданный намъ тѣломъ и душою, съ которымъ мы заключили формальный трактатъ, на весьма выгодныхъ для него условіяхъ, чтобы онъ: подъ видомъ литературныхъ замѣтокъ, или какъ-нибудь другимъ образомъ бранилъ „Библіотеку для Чтенія“ въ каждомъ своемъ листочкѣ: однажды этотъ журналецъ — ужъ не скажемъ который! какая нужда вамъ знать его имя? — въ исполненіе договора, изливъ всю свою желчь на наше изданіе, забранился изъ усердія до того, что напечаталъ, будто бы мы въ нынѣшнемъ году потеряли полторы тысячи подписчиковъ, и,—что-жъ вы думаете,—на другой день лишнихъ полторы тысячи человѣкъ подписалось на „Библіотеку для Чтенія“! Похвали же онъ хоть разъ, хоть въ шутку, мы бы навѣрное потеряли тысячи три читателей. Скажутъ, что это съ нашей стороны не хорошо, что мы поддѣваемъ публику. Что жъ дѣлать! Aide-toi, le ciel t'aidera, говоритъ пословица; надо пользоваться всѣмъ и брать у этакихъ журнальцевъ, что у нихъ есть. Въ ихъ лавочкѣ нѣтъ другаго товару, кромѣ брани: мы беремъ у нихъ брань, для себя, для своей пользы и своего удовольствія. Это позволительная сдѣлка.

Непосвященные въ таинства петербургской журналистики, мы не знаемъ, позволительная ли эта сдѣлка; впрочемъ, говоря выраженіемъ городничаго Сквозника-Дмухановскаго, «можетъ оно тамъ такъ и нужно».

Мы не ручаемся также и за достовѣрность этого факта, чтобы у какого бы то ни было журнала могло явиться полторы тысячи подписчиковъ въ одинъ день — и вслѣдствіе чего же? — брани журнальца, у котораго нѣтъ и полутора подписчиковъ и который самимъ литераторамъ извѣстенъ только по имени. Между тѣмъ для курьезу, мы какъ-то заглянули въ неопрятный листокъ «Литературныхъ прибавленій къ Инвалиду» тотчасъ послѣ прочтенія послѣдней книжки «Библіотеки для Чтенія» и вычитали тамъ извѣстіе объ одномъ отаитскомъ журналистѣ, будто бы переведенное изъ «Quarterly Review» — будто бы, говоримъ мы, потому что слогъ и манера этого извѣстія совсѣмъ не отзываются европеизмомъ, но ясно обнаруживаютъ нашу родную самодѣльщину. Вотъ оно, это извѣстіе:

Одинъ отаитскій журналистъ чрезвычайно загордился передъ своею собратіею, поднялъ носъ на 90 градусовъ, и сталъ точь-въ-точь индѣйскій пѣтухъ съ брыжжами, началъ обо всемъ судить и рядить, задирать тѣхъ, кто постарше его бабушки (*нечего сказать— важное преимущество*) и подтрунивать надъ тѣми, кто его умнѣе, выказывать свою ученость передъ тѣми, которые учились и прилежнѣе и основательнѣе. Надоѣло, наконецъ, такое хвастовство его товарищамъ. Вотъ они уговорились поколотить его. На бѣду его, въ одно воскресенье, когда сердитые на своего спѣсиваго собрата журналисты были навеселѣ отъ англійскаго джина, встрѣтились они съ нимъ въ королевской кокосовой рощѣ; одинъ началъ тузить его по головѣ, другой подъ сердце: журналистъ не охнулъ. И не чудно! — вѣдь у него мѣдный лобъ, а вмѣсто сердца природа сунула ему камень за пазуху. Тутъ одинъ старый газетчикъ (травленый волкъ!) догадался и ударилъ по карману: заревѣлъ скряга какъ быкъ, котораго рѣжутъ; откуда взялся голосъ у него. Ихъ обступила толпа зѣвакъ — и сцена кончилась всеобщимъ хохотомъ.

Откуда бы ни было получено это извѣстіе, оно во вся-

комъ случаѣ очень любопытно, и мы вѣримъ ему на слово. Только желательно бы знать: этотъ прибитый журналистъ и газетчикъ-травленый волкъ, кто-нибудь изъ нихъ не тотъ ли, о которомъ на Руси была сложена пѣсня на голосъ «Лишь только занялась заря», гдѣ между прочимъ сказано про него:

Одной рукой объемлетъ станъ,
Другою наровитъ въ карманъ?

Или не тотъ ли кто-нибудь изъ нихъ, о которомъ, тоже на Руси, была сложена другая очень забавная пѣсня, которой голосъ мы забыли, и изъ которой мы помнимъ только вотъ эти стихи:

Я жену продамъ,
Дѣтей такъ отдамъ!
. . . .
Мнѣ въ глаза наплюй,
По щекамъ отдуй,
По лицу трезвонь—
Лишь карманъ не тронь:
Въ немъ чувствительность,
Раздражительность...

Во всякомъ случаѣ, какъ битый журналистъ, такъ и журналистъ-травленый-волкъ, очень интересны, и къ нимъ обоимъ очень пристали эти стихи...

3.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Русская литература, столь бѣдная прошедшимъ и настоящимъ, очень богата будущимъ... Говорятъ, г. Кони готовитъ къ печатанію новый маленькій водевиль съ большимъ предисловіемъ.. Слышали мы также, что въ «Московскомъ Наблюдателѣ» будетъ помѣщено нѣсколько ма-

дригаловъ кн. Шаликова, нѣсколько критическихъ статей гг. Лихонина и Авенира Народнаго и много другихъ интересныхъ новостей... Дай-то Богъ!.. Но занимательнѣе всего давно уже извѣстное объявленіе о новомъ твореніи Ѳ. В. Булгарина: «Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ, ручная книга для Русскихъ всѣхъ сословій». Знаменитый нашъ правоописатель и романистъ, по примѣру отца всѣхъ романистовъ, великаго Шотландца, хочетъ замкнуть свое блистательное поприще большимъ историческимъ твореніемъ, и въ скромномъ своемъ объявленіи увѣряетъ, что всякій истинный патріотъ, не предатель и не ренегатъ, долженъ непремѣнно подписаться на его книгу, которая скоро выйдетъ, смотря по дѣятельности сотрудниковъ; и такъ какъ подписка на эту книгу безденежная, то, слышали мы стороною, г. Булгаринъ пріобрѣлъ уже до десяти тысячъ подписчиковъ... У насъ въ Москвѣ, А. А. Орловъ готовитъ полное изданіе своихъ романовъ.... Боже мой! сколько надеждъ, сколько сладостныхъ надеждъ!... Если онѣ исполнятся, пусть тогда ренегаты и безбородые Шиллинги и Гегели доказываютъ, что у насъ нѣтъ литературы!...

4.

ПРОСОДИЧЕСКАЯ РЕФОРМА.

Между тѣмъ какъ англичане съ такимъ участіемъ и уваженіемъ говорятъ о нашей новой обсерваторіи, между тѣмъ какъ Куперъ пишетъ сатиры на политическія теоріи, а г-жа Лебренъ—портреты знаменитыхъ людей XVIII вѣка,—и мы Москвичи не остаемся безъ дѣла. Въ первой іюльской книжкѣ «Московскаго Наблюдателя» громко возвѣщена реформа... въ русской просодіи. Авторъ остроумно рѣшаетъ нѣ-

которые затруднительные вопросы. Знаете ли отчего замолкли поэты на Руси?—«Ихъ нѣтъ», скажете вы. Неправда! это тишина передъ бурею: «они спятъ на лирахъ», а пока они спятъ, «Московскій Наблюдатель» навяжетъ имъ потихоньку другія струны, разбудитъ ихъ своими октавами, и они запоютъ... Васъ плѣняютъ стихи Пушкина! вы думаете, что они воспитали поэтическое чувство на Руси? стыдитесь! Они гладки, звучны; а это худо—они изнѣжили, разслабили нервы вашего слуха! Чтобы помочь этой бѣдѣ, явится переводъ «Освобожденнаго Іерусалима»—съ шумомъ и скрипомъ потянутся передъ вами неслыханныя октавы. Но не затыкайте ушей ради Бога! это для вашей же пользы! слухъ вашъ окрѣпнетъ такъ, что не только вынесетъ, полюбитъ стихъ Тредьяковскаго! вы избавитесь отъ многихъ горькихъ ощущеній, вы пріобрѣтете міръ наслажденій... подумайте... цѣлая «Телемахида»! Только потерпите: «терпѣніе горько, но плодъ онаго сладокъ»! Новое поколѣніе!—реформаторъ взываетъ къ тебѣ, откликнись на высокое званіе его октавою... Достойное новое поколѣніе, если оно займется преобразованіемъ нашей просодіи! въ нашъ вѣкъ какіе интересы могутъ быть выше? Смотрите! можетъ быть, явится эпическая поэма! Эманципація женскимъ стихамъ! Полно имъ ходить объ ручку съ мужскими! По восьми, по шестнадцати сливаются они въ хороводы и поютъ въ одинъ голосъ! Ждите эпической поэмы съ итальянскою просодіей! Новое поколѣніе! помоги!

5.

ВѢСТНИКЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ.

На будущій 1839 годъ въ Москвѣ издается новый журналъ, который ни мало не относится къ литературѣ и учености, но тѣмъ не менѣе найдетъ себѣ почитателей и цѣ-

пителей. Мы говоримъ о «Вѣстникѣ Парижскихъ Модъ». Въ доброе старое время наши почтенные старики, комики, нравоучители и нравоописатели, между прочими ужасными пороками губящими бѣдное человѣчество, съ особеннымъ ожесточеніемъ нападали на деспотическое владычество моды. О! тогда не то, что нынѣ, тогда отъ нашихъ писателей не было ни покоя, ни простора порокамъ, и если бы писанія этихъ почтенныхъ мужей не были забыты неблагодарнымъ человѣчествомъ, неблагодарными соотечественниками, то человѣчество и наше отечество теперь жили бы жизнію возрожденною и преображенною, пороки исчезли бы съ лица земли, въ мірѣ воцарился бы снова золотой вѣкъ Астреи, и наша счастливая планета превратилась бы въ цвѣтущую Аркадію. Правда, люди попрежнему подличали бы изъ выгодъ, унижались передъ «глыбами позлащенной грязи», торговали бы своими священнѣйшими чувствами, своими священнѣйшими обязанностями, попрежнему были бы холодны къ дѣлу религіи, общественнаго блага, искусства, и попрежнему были бы ревностны и пламенны въ дѣлѣ подлости, взяточничества: они не читали бы Шекспира, Вальтеръ-Скотта, Шиллера, Гете, Байрона, не знали бы «Юной словесности», но читали бы «Иліаду» въ періодѣ Гнѣдича, и «Энеиду» въ переводѣ Петрова, и «Освобожденный Іерусалимъ» въ переводѣ Мерзлякова, трагедіи Расина въ переводѣ Лобанова и идилліи Дезульера въ переводѣ Мерзлякова; не читали бы Пушкина, Грибоѣдова и не взяли бы въ руки Гоголя, но читали бы стихи Сумарокова, Хераскова и Петрова, романы дѣвицы Марьи Извѣковой и повѣсти Владиміра Измайлова, Карамзина и князя Шаликова; но они ложились бы спать въ десять часовъ, вставали бы въ пять, восхищались бы восхожденіемъ солнца, пили бы ключевую воду, дышали бы однимъ запахомъ розъ и лилій, плели бы изъ нихъ вѣночки для своихъ пастушекъ, не нюхали и не курили бы табаку и наслаждались бы цвѣту-

щимъ здравіемъ, румяные и томные, нѣжные и чувствительные: а во всемъ этомъ, согласитесь, большая выгода для человѣчества. Но, увы! почти всѣ наши писатели, особенно писатели добраго стараго времени, о которыхъ я говорю, отличаются слабостію здоровья и недолговѣчностію. И вотъ отчего люди и по сію пору еще не исправились, вотъ почему на свѣтѣ и по сію пору царствуютъ пороки я владычествуетъ ненавистная мода. Теперь совсѣмъ не то, теперь другое время, теперь люди спокойно смотрятъ на измѣнчивый ходъ нравовъ, обычаевъ, вкусовъ и, вооружившись мудрымъ правиломъ:

Къ чему напрасно спорить съ вѣкомъ?
Обычай деспотъ межь людей.

спокойно подчиняютъ себя тираніи моды. Да! теперь совсѣмъ другое время! Теперь презрятъ человѣка, который убилъ бы на паркетѣ свое человѣческое чувство и данный ему Богомъ талантъ, который очерствѣлъ бы для всего высокаго, гоняясь за мелочами и суетностію свѣтскихъ требованій; но теперь уже не презрятъ человѣка потому только, что онъ одѣтъ по модѣ, со вкусомъ и даже изысканно, что его манеры благородны, формы изящны, обращеніе деликатно, такъ же, какъ не презрятъ человѣка съ душею и сердцемъ, за то только, что онъ одѣтъ безвкусно, не по модѣ, или бѣдно, что его манеры грубы, обращеніе не ловко: ныньче о такомъ человѣкѣ скажутъ только: жаль, что обстоятельства лишили его свѣтской образованности! Теперь не уважатъ пустаго человѣка, безъ души и сердца, какого-нибудь глупаго фата, за одну элегантость его внѣшней жизни, за однѣ ничтожныя формы, безъ внутренняго сознанія своего достоинства; но теперь не поставятъ въ достоинство грубости, цинизма или вульгарности формъ и въ самомъ отличномъ человѣкѣ. Вслѣдствіе этого убѣжденія, мы нападки на моды причисляемъ къ числу этихъ жал-

кихъ и ничтожныхъ выходокъ, какъ и нападки на роскошь, на блескъ, и изящество цивилизованной жизни, условія которой такъ тѣсно соединены съ условіями высшей человѣческой жизни. Поэтому, мы желаемъ полнаго успѣха «Вѣстнику Парижскихъ Модъ», видя въ немъ необходимое явленіе нашей общественной жизни.

6.

ЖУРНАЛЬНАЯ ЗАМѢТКА.

Время полемики миновалось въ нашей литературѣ. Это сдѣлалось естественнымъ образомъ: публикѣ наскучилъ шумъ и крикъ, въ которомъ она ничего не понимала, а литература утомилась. Мы не желаемъ возвращенія этого шумливаго времени; мы всегда высказываемъ открыто и прямо свое сужденіе о томъ или другомъ литературномъ произведеніи и не отвѣчаемъ на упреки, дѣлаемые намъ будто бы за пристрастіе и несправедливость нашихъ сужденій. Въ самомъ дѣлѣ, не смѣшно ли бъ было возражать на эти обвиненія? Всякій судитъ по своему разумѣнію, всякій, если онъ честный человѣкъ, долженъ быть убѣжденъ въ справедливости своего сужденія, слѣдовательно, по одному чувству уваженія къ самому себѣ, никто не долженъ оправдываться въ своихъ литературныхъ дѣйствіяхъ, да своему дѣлу никто и не судья. Но когда, по поводу какого нибудь литературнаго дѣла, васъ упрекаютъ въ дѣлахъ совсѣмъ не литературныхъ, когда оскорбляютъ вашу личность человѣка и гражданина, то неужели вы должны молчать? А если будете отвѣчать, то неужели этимъ вы ведете полемику? И притомъ неужели одинъ журналъ будетъ пользоваться правомъ ругать своихъ противниковъ невѣждами, ренегатами, измѣнниками отечеству, а другіе не будутъ

имѣть права замѣтить этому журналу неприличность и неблагопристойность его выходокъ, не будутъ имѣть права сказать ему:

Послушай, врп, да знай же мѣру!...

Знаемъ, что есть журналы, которымъ совѣстно отвѣчать, какъ есть люди, съ которыми войдти въ какія-нибудь объясненія значитъ унизить себя въ собственныхъ глазахъ и въ общемъ мнѣніи. Презрительное молчаніе—лучшій отвѣтъ такимъ журналамъ и такимъ людямъ. Но что же прикажете дѣлать, если у насъ, въ литературѣ, нападающій непремѣнно правъ, если у насъ, въ литературѣ, молчаніе, хотя бы оно было слѣдствіемъ презрѣнія, почитается за безмолвное сознаніе или своего безсилія, или неправости своего дѣла! И притомъ, повторяю, я неуклонно слѣдую правилу, что въ своемъ дѣлѣ никто не судья, и потому положилъ себѣ за обязанность не отвѣчать ни на какія возраженія, если подобный отвѣтъ не поведетъ къ рѣшенію какихъ-нибудь истинъ и не будетъ достоинъ прочтенія людей мыслящихъ; но я не могу молчать, когда на меня клевещутъ, взводятъ небылицы и, наконецъ, ругаютъ нагло, называя ренегатомъ и тому подобными нелитературными названіями.

Дѣло вотъ въ чемъ: всѣмъ извѣстно и вѣдомо, что «Сѣверная Пчела» приходитъ въ крайне дурное расположеніе духа и выпускаетъ все свое мушиное жало, къ концу года, когда дѣло идетъ о подписчикахъ. Политика очень благоразумная и разсчетливая! Когда кончится подписка, тогда не дурно заговорить объ умѣренности, безпристрастіи, добросовѣстности, не худо по временамъ нападать на полемику, бранный тонъ рецензій и тому подобное. «Пчела» неуклонно слѣдуетъ этому благоразумному правилу; такъ поступаетъ она и теперь: мало того, что она бранитъ истинно-непріязненные ей журналы, она нападаетъ даже на тѣ, которымъ сама недавно падала до ногъ. Мало того, что она,

о чемъ бы ни говорила, всегда скажетъ какое-нибудь недоброе слово о «Телескопѣ» и «Молвѣ», она, о ужасъ! нападаетъ теперь, на кого бы вы думали? на «Библіотеку для Чтенія»!... Истинное осуществленіе басни Крылова о «Полканѣ и Барбосѣ»! Да и чему тутъ дивиться: развѣ этого не должно было ожидать? Развѣ этого уже и не бывало съ «Пчелою»? Развѣ подписчики не такая жирная кость, за которую бы нельзя было онымъ Орестамъ и Пиладамъ не пожалѣть зубовъ и нѣсколькихъ клочковъ шерсти?... О войнѣ или, лучше сказать, о нападкахъ «Пчелы» на «Библіотеку для Чтенія» (потому что «Библіотека для Чтенія» слишкомъ благоразумна и слишкомъ горда, чтобы вступить въ открытую войну съ «Пчелою»; она скорѣе пришибетъ ее мимоходомъ, á propos, какимъ-нибудь апологомъ), можетъ быть, поговорю особенно, по поводу нравоописательной и нравственно-сатирической статейки г. Булгарина, въ которой очень длинно и очень скучно описывается поѣздка знаменитаго романиста двадцатыхъ годовъ въ Бѣлоруссію, и въ которой очень много прекурьёзныхъ и премилыхъ вещицъ; а теперь обращаюсь къ настоящему вопросу.

Итакъ, «Пчела» къ концу нынѣшняго года стала особенно нападать на «Телескопъ» и «Молву»; намъ было это всегда очень пріятно, потому что подавало пищу для смѣха. Нѣтъ ничего забавнѣе и утѣшительнѣе, какъ видѣть безсильнаго врага, который, стараясь вредить вамъ, противъ своей воли служитъ вамъ. Разумѣется, мы смѣялись про себя, а въ журналѣ сохраняли презрительное молчаніе и оставляли доброй «Пчелѣ» трудиться для нашей пользы и нашего удовольствія. Недавно баронъ Розенъ поднесъ публикѣ, въ своемъ «Петрѣ Басмановѣ» новый огромный (не помню, который уже по счету) кубокъ воды прозаической; «Пчела» воспользовалась этимъ случаемъ отдѣлать «Телескопъ», въ особенности «Молву», а болѣе всего рецензен-

та, пишущаго въ томъ и другомъ журналѣ и пользующагося лестнымъ счастіемъ не нравиться журнальному насѣкомому. Я буду по порядку выписывать обвинительные пункты и отвѣчать на каждый особенно.

Первое обвиненіе состоитъ въ томъ, что будто бы въ «Телескопѣ» и «Молвѣ» «нѣкоторые знаменитые критики отъ времени до времени наѣзжаютъ изъ-за угла на нашу словесность съ опущенными забралами *), съ ужасными копьями, вырванными изъ гусиныхъ крыльевъ, съ кордонными щитами, на которыхъ красуются девизы неизвѣстныхъ рыцарей. Девизы замѣчательные и многозначущіе! Тутъ найдешь и А. и Б. и В., словомъ сказать: всю нашу азбуку, отъ аза до ижицы включительно. Девизы эти имѣютъ двоякую цѣль: во-первыхъ, они приводятъ въ трепетъ всѣхъ писателей, живыхъ и мертвыхъ; во-вторыхъ, за неимѣніемъ букваря, могутъ употребляться въ школахъ, для изученія складовъ и, такимъ образомъ, распространять просвѣщеніе, содѣйствовать успѣхамъ нашей словесности».

Не правда ли, что эти остроты очень злы и тонки? О, «Пчела» не любитъ шутить! Жаль только, что остроумный авторъ статейки немножко клевещетъ, т. е. говоритъ неправду. Въ «Телескопѣ» не было ни одной рецензіи, подписанной буквою; да и покуда въ немъ всѣхъ рецензій было двѣ, и подъ обѣими ими стоитъ полная моя фамилія. Въ «Молвѣ» всѣ рецензіи, за исключеніемъ весьма немногихъ, принадлежатъ тоже мнѣ; сперва я подъ ними подписывался—онъ—инскій, а теперь В. Б.; неужели въ этихъ В. Б. заключается вся русская азбука? Можетъ быть сотруднику «Пчелы» такъ померещилось: вѣдь у страха глаза велики. Все сказанное о неизвѣстныхъ рыцаряхъ, скрываю-

*) Что это за словесность съ опущенными забралами и прочими аттрибутами, которые придаетъ ей сотрудникъ „Пчелы", по неумѣнію ставить въ приличныхъ мѣстахъ запятыя?

щихся за русскою азбукою, скорѣе можно отнести къ «С. Пчелѣ», гдѣ подъ всѣми рецензіями, кромѣ писанныхъ г. Булгаринымъ и г. Скромненко, стоятъ буквы, только не всегда русскія; Z встрѣчается всего чаще.

Я никакъ не могу понять, что за ненависть питаютъ нѣкоторые литераторы къ безыменнымъ рецензіямъ. Какая нужда имъ до имени? Пройдетъ два-три года, всѣ рецензіи, которыми наполняются всѣ, безъ исключенія, наши журналы, канутъ въ Лету, вмѣстѣ съ безсмертными твореніями, на которыя онѣ пишутся. Если же то или другое твореніе истинно велико и безсмертно, то все-таки ему, а не рецензіи, не критикѣ на него, жить въ вѣкахъ. Конечно, есть люди, которые, написавши журнальную статейку, отъ души убѣждены, что они сдѣлали великое дѣло, такъ какъ Иванъ Ивановичъ, съѣвши дыню, бывалъ отъ души убѣжденъ, что онъ тоже свершилъ немаловажный подвигъ. Я не принадлежу къ числу такихъ людей, и смотрю по-философски какъ на свои, такъ и на чужіе журнальные труды, и потому не обращаю на имена никакого вниманія. Конечно, рецензенты «С. Пчелы» почитаютъ свои рецензіи безсмертными произведеніями ума человѣческаго и потому придаютъ именамъ большую важность. У всякаго свой взглядъ на вещи!...

Второе обвиненіе на неизвѣстныхъ рыцарей, или, лучше сказать, на меня, состоитъ въ томъ, что я осмѣлился усомниться въ существованіи русской словесности *). «Напрасно, говоритъ «Пчела», возражалъ имъ ученый, остроумный критикъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» **), что 12,000 русскихъ книгъ, означенныхъ въ каталогѣ нашей книжной торговли, никакъ нельзя счесть за 12,000 голланд-

*) Въ моихъ „Литературныхъ Мечтаніяхъ".

**) При разборѣ „Черной Женщины," г. Греча, или „Мазепы", г. Булгарина — не помню, право.

скихъ селедокъ, и что поэтому можно нѣсколько подозрѣвать существованіе русской литературы. Нѣтъ ея! кричатъ рыцари, и между тѣмъ сами безпрестанно повторяютъ: наша словесность, нашей словесности, нашу словесность. «Да о чемъ же вы кричите, господа? Неужто вы, по примѣру знаменитаго рыцаря печальнаго образа, нападаете на какого-нибудь великана-невидимку?»—Что̀ на это отвѣчать? 12,000 книгъ! Въ самомъ дѣлѣ, убѣдительное доказательство! И въ числѣ этихъ книгъ, изъ классиковъ—Симсона Полоцкаго, Кантемира, Третьяковскаго, Сумарокова, Майкова, Хераскова, Петрова, Николаева, Грузинцева, Майкова, и пр. и пр.; а изъ романтиковъ — Орлова, Кузмичева, Сигова, А. П. Протопопова, Глхрва, Гурьянова, и пр. и пр. И въ числѣ этихъ же книгъ, книги поваренныя, о истребленіи клоповъ и таракановъ; и въ числѣ этихъ же книгъ, безчисленное множество переводовъ... И потомъ, если изо всего этого останется №№ 500 хорошихъ книгъ, то сколько между ними будетъ условно хорошихъ, и сколько останется безусловно хорошихъ?.. Но довольно объ этомъ: мы не поймемъ другъ друга. Я не умѣю опредѣлять достоинства литературы вѣсомъ и счетомъ. Притомъ же, я отвергаю существованіе русской литературы только подъ тѣмъ значеніемъ литературы, которое я ей даю, а подъ всѣми другими значеніями вполнѣ убѣжденъ въ ея существованіи. Но въ этомъ пунктѣ мы еще менѣе поняли бы другъ друга, и потому оставляю этотъ вопросъ и обращаюсь къ другимъ.

«Нѣтъ у насъ словесности, да и критики нѣтъ!» повторяютъ хоромъ рыцари. Помилуйте! А Полевой, а критикъ «Библіотеки для Чтенія» *), а Булгаринъ, а Марлинскій, а

---

*) Критикъ „Библіотеки для Чтенія"? А какъ его имя? Или и онъ принадлежитъ къ числу безыменныхъ рыцарей?

Шевыревъ... Неужели вы ничего не читали изъ ихъ превосходныхъ разборовъ?» *).

Противъ этого я ничего не буду возражать. Замѣчу только, каковъ комплиментъ гг. Марлинскому и Шевыреву? А потомъ, каковъ комплиментъ г. Полевому? Да,

Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ!

«Давно ли знаменитый критикъ, краса московскихъ рецензентовъ, алмазъ «Молвы», А. или Б), не упомнимъ (полно, правда ли? мнѣ сдается, что очень помните!), совершенно уничтожилъ незаслуженную славу самозванца-писателя Марлинскаго и неопровержимо, наперекоръ всему свѣту, доказалъ, что у Марлинскаго нѣтъ ни идей, ни ума, ни чувства; что у него только есть потуги чувства, ходульки остроумія, калейдоскопическая игра мишурныхъ фразъ. Напрасно ученый, глубокомысленный, снисходительный Ж.

*) Въ самомъ дѣлѣ, я что-то плохо помню превосходные разборы г. Булгарина: у меня преслабая память. Виноватъ! я помню одинъ превосходный разборъ г. Булгарина—это разборъ VII главы „Онѣгина,“ разборъ, въ которомъ сей знаменитый г. критикъ прокричалъ паденіе Пушкина на двухъ языкахъ, русскомъ и французскомъ (совершенное паденіе! chûte complète!) и, какъ дважды-два—четыре, доказалъ, что оная VII глава „Онѣгина“ есть такой вздоръ, такая ничтожная и бездарная болтовня, въ сравненіи съ которою и „Евгеній Вельскій“ кажется чѣмъ-то дѣльнымъ. Да, этотъ превосходный разборъ точно превосходенъ; онъ дѣлаетъ г. Булгарину большую честь, свидѣтельствуя о его безпристрастномъ, благородномъ и независимомъ образѣ сужденія, и его высокихъ и глубокихъ понятіяхъ объ изящномъ, и становитъ его на ряду самыхъ превосходныхъ россійскихъ критиковъ. Если сотрудникъ „Пчелы,“ г. Пси, такіе разборы называетъ превосходными, то я могъ бы вспомнить и еще очень многіе превосходные разборы г. Булгарина. Но только, въ такомъ случаѣ, г. Пси напрасно называетъ превосходными разборы г. Полеваго: они рѣшительно дурны и ничтожны, если прототипомъ критики должны быть превосходные разборы г. Булгарина.

старался поощрить и поддержать возникающій, юный талантъ Марлинскаго. На Ж. напали остроумный В. и мудрый нашъ русскій Гегель, Д., и доказали, что А. совершенно правъ».—Я нарочно дѣлаю такія длинныя и точныя выписки: дѣла говорятъ сами за себя, и когда ребенокъ бросается на взрослаго человѣка съ топоромъ, то скорѣе всего можетъ ранить самаго себя этимъ тяжелымъ оружіемъ, которое слишкомъ ему не по силамъ. Остроуміе вещь прекрасная; но усиліе быть остроумнымъ очень опасно для того, кто прикидывается острякомъ. Я никогда не отнималъ у г. Марлинскаго ни идей, ни ума, потому что иногда встрѣчаю въ его сочиненіяхъ первыя, и всегда вижу много втораго; о чувствѣ—дѣло другое: здѣсь мы, т. е. я и мой противникъ, опять не поймемъ другъ друга, и потому я не хочу объ этомъ распространяться. «Потуги чувства», и подобныя имъ фразы, можетъ быть, очень хороши, только я не употреблялъ ихъ. Итакъ опять, въ одномъ обвинительномъ пунктѣ, двѣ клеветы. Посмотримъ, нѣтъ ли и третьей. Кто такой этотъ ученый, глубокомысленный, снисходительный Ж., который напрасно старался поощрить и поддержать талантъ г. Марлинскаго? Не знаю. Кто эти— остроумный В. и мудрый нашъ русскій Гегель Д., которые напали на Ж.? Это все я же. О, сотрудникъ «Пчелы» очень остроуменъ! Да, что̀ за перо у Ивана Ивановича! Но когда же была эта война за г. Марлинскаго? Рѣшительно никогда. Вѣрно, она приснилась остроумному Пси *).

«Давно ли извѣстный всей Россіи и даже всей Европѣ **)

*) Такъ подписался подъ этой роковою статьею мой остроумный противникъ.

**) Каково остроуміе! „Извѣстный всей Россіи и даже всей Европѣ!". Не случалось ли вамъ слышать брани кухарокъ или площадныхъ торговокъ: „Эка ты княгиня, эка ты графиня, эка краля какая!" Въ этомъ состоитъ иронія и сарказмъ черни. Какъ жаль, что эта иронія и сарказмъ площади переходитъ часто въ превосходные разборы „С. Пчелы."

Е., или нѣтъ, не Е., а Н. (неужто вы про него ничего не слыхали) *), доказалъ, что Державинъ былъ такой же романтикъ, какъ и Пушкинъ, и что причина этого скрывается въ его невѣжествѣ; что Карамзинъ писалъ по-дѣтски, плаксиво и растлительно, что цѣлые томы его «Исторіи»—одна риторическая шумиха; что Жуковскій не сынъ XIX вѣка, а прозелитъ; что въ Батюшковѣ мысли дѣтскія».

Да, эти мысли мнѣ принадлежатъ, и я не отпираюсь отъ нихъ, и готовъ защищать ихъ противъ всякаго, кромѣ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ рыцарей «С. Пчелы», потому что мы, т. е. я и они, не поняли бы другъ друга.

«Что Шекспиръ пьяный дикарь, Расинъ накрахмаленъ, Шатобріанъ крестный отецъ, а г-жа Сталь повивальная бабка юнаго романтизма. Мы вовсе не шутимъ: всѣ эти прелести напечатаны въ «Молвѣ».—М. г. онѣ напечатаны не въ одной «Молвѣ»; онѣ напечатаны и въ одной статьѣ высоко уважаемаго вами г. Марлинскаго. Но я не хочу отпаливаться отъ этой остроты: мнѣ васъ жаль, а лежачаго не бьютъ!..

«Давно ли этотъ же первоверховный критикъ Н. показалъ всю цѣну, весь геній Н., о которомъ до того никто и не слыхалъ»?

Понимаете ли вы эту остроту? Знаете ли вы кто этотъ Н., котораго превознесъ Н., и о которомъ дотолѣ никто не слыхалъ? Это г. Гоголь, котораго прекрасныя, поэтическія созданія подали мнѣ поводъ написать большую статью, помѣщенную въ VII и VIII №№ «Телескопа». Не вѣрите? Ну такъ вотъ вамъ и доказательство.—

«Нѣсколько завистливый Н. соединился съ У. **), и блестящимъ софистическимъ разборомъ затмилъ было достопи-

*) По крайней мѣрѣ, вы, мой остроумный противникъ, много, очень много про него слыхали.

**) Ужъ это не тѣ ли господа, которые въ „Библіотекѣ для Чтенія“ и „С. Пчелѣ“ разругали сочиненія г. Гоголя?..

ство П.; но всѣ наши геніи, философы, ученые, всѣ первостепенные таланты, и Ч. и Ц. и Ш. и Щ. и даже простодушный, безпечный Ы, горячо вступились за П. и доказали...» Позвольте на минуту прервать моего остроумнаго противника, и увѣдомить васъ, что вся эта война опять вымышленная, что весь этотъ наборъ словъ не что иное, какъ остроты моего остроумнаго противника, что весь этотъ наборъ буквъ означаетъ одного меня, нижеподписавшагося; дѣло еще только начинается, итакъ слушайте: «и доказалъ, что П. нашъ Байронъ, Шекспиръ, и что всѣ наши самозванцы литераторы, безпрестанно поражаемые московскими журналами, какъ-то: Баратынскій, Булгаринъ, Сенковскій, Гречъ, Пушкинъ, Крыловъ, Жуковскій, Загоскинъ, Лажечниковъ, Марлинскій, Масальскій, Ушаковъ, баронъ Розенъ, Калашниковъ, Козловъ, Михайловскій-Данилевскій, Давыдовъ, Погодинъ, Погорѣльскій, Полевой, Скобелевъ, Хомяковъ, Языковъ, Вельтманъ, однимъ словомъ, всѣ литературные торговцы (особенно петербургскіе), принуждающіе долготерпѣливую публику покупать по четыре тысячи ихъ жалкихъ издѣлій, не стоятъ ни одного мизинца геніальнаго П.»

Видите ли вы, что между этими литературными свѣтилами нѣтъ одного г. Гоголя?..

Всей русской читающей публикѣ извѣстно, что въ одной повѣсти г. Гоголя описанъ одинъ изъ тѣхъ офицеровъ, которые «любятъ потолковать объ литературѣ, хвалятъ Булгарина, Пушкина и Греча, и говорятъ съ презрѣніемъ, и остроумными колкостями объ А. А. Орловѣ» *). Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго или предосудительнаго — люди военные, они занимаются литературою между службою и отдыхомъ, имъ простительно ставить на одну доску Бул-

*) Этотъ-то офицеръ и былъ причиною того, что г. Гоголь выключенъ „Пчелою“ изъ списка великихъ русскихъ писателей.

гарина, Пушкина и Греча: но какъ ихъ построила въ одинъ фронтъ «С. Пчела»? Какъ? вотъ нашли чему удивляться! Своя рука владыка, а свой журналъ, что свой домъ: что хочу, то и дѣлаю въ немъ; кто мнѣ запретитъ объявить въ моемъ журналѣ, что я выше Шекспира, Шиллера, Гете, Байрона?... И вотъ извольте послѣ этого дорожить славою: Пушкинъ на одной доскѣ съ гг. Калашниковымъ, Ушаковымъ, барономъ Розеномъ! Полевой и Лажечниковъ на одной доскѣ съ гг. Масальскимъ, Погорѣльскимъ, Булгаринымъ и иными!.... Не правда ли, что мой антагонистъ очень ловокъ на комплименты, что къ нему нельзя примѣнить этихъ стиховъ:

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога.
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться?..

Я пропускаю нападки моего остроумнаго противника на высокія философическія сужденія объ изящномъ, о XIX вѣкѣ, объ идеяхъ, о требованіяхъ вѣка: я знаю, что всѣ эти предметы не по плечу извѣстнымъ и неизвѣстнымъ рыцарямъ «С. Пчелы». Въ чемъ не знаешь толку, чего не понимаешь, то брани: это общее правило посредственности. Бывали примѣры, что и посредственность толковала, какъ умѣла, объ этихъ же самыхъ предметахъ, но это было время, когда ее признавали за геніальность; это золотое время прошло, и посредственности ничего не остается дѣлать, какъ нападать на новыя идеи, называя ихъ вольнодумными и мятежными. Посредственность видитъ мятежника во всякомъ, кто выше ея, или кто не признаетъ его величія.

Мой остроумный противникъ обвиняетъ меня еще въ томъ. что я называю миссъ Эджевортъ горничною г-жъ Жанлисъ и Коттень; это правда: она точно ихъ горничная, щеголяющая въ обношенныхъ капотахъ, подаренныхъ ей ея госпожами.

Мой остроумный противникъ мимоходомъ даетъ знать, что для того, чтобы понравиться критикамъ, подобнымъ мнѣ, художники должны доказывать, въ своихъ сочиненіяхъ, что «измѣна дѣло не худое и даже похвальное». Вотъ какъ мило бранятся въ Петербургѣ, не по московскому! Нѣтъ, м. г., я глубоко убѣжденъ, что всякая измѣна есть дѣло гнусное, подлое, нечеловѣческое; я глубоко бы презрѣлъ человѣка, который бы, напримѣръ, изъ злобы къ Русскимъ, сперва леталъ бы подъ французскимъ орломъ, а потомъ бы перешелъ опять къ Русскимъ...

«Мы искренно любимъ всѣхъ достойныхъ русскихъ литераторовъ и отъ души радуемся каждому новому произведенію, обогащающему нашу родную словесность, которой якобы вовсе нѣтъ, да и быть не можетъ, какъ увѣряютъ нѣкоторые завистливые иностранцы, не знающіе вовсе Россіи, да еще (Богъ имъ судья!) ренегаты, безбородые юноши, доморощенные Гегели, Шеллинги».

Какъ! кто говоритъ, что у насъ нѣтъ литературы, тотъ ренегатъ? Кто находитъ въ своемъ отечествѣ не одно хорошее, тотъ тоже ренегатъ?... Стало быть Китайцы, Персіяне и другіе восточные варвары, которые презираютъ всѣхъ иностранцевъ и не видятъ никого выше и образованнѣе себя, только одни они не ренегаты?... Стало быть Петръ Великій былъ не правъ, давши пощечину одному переводчику, который, переведши книгу о Россіи, выпустилъ изъ нея все, что̀ говорилось въ ней дурнаго о Русскихъ?... И притомъ, м. г., какое вы имѣете право называть кого-нибудь ренегатомъ? Я могъ бы переслать эту посылку къ вамъ назадъ; но я не хочу этого сдѣлать, потому что человѣкъ, пользующійся гражданскими правами, не можетъ быть ренегатомъ, хотя бы онъ и не нравился мнѣ?... Нѣтъ, м. г., на святой Руси не было, нѣтъ и не будетъ ренегатовъ, т. е. этакихъ выходцевъ, бродягъ, пройдохъ, этихъ разстригъ и патріотическихъ предателей, кото-

рые бы, играя двойною присягою, попадали въ двойную цѣль, и, избавляя отъ негодяя свое отечество, пятнали бы своимъ братствомъ какое-нибудь государство.

Теперь, кто-жъ бы это былъ мой остроумный противникъ? «Я тотъ, восклицаетъ онъ, котораго знаетъ Русь, и кажется, любитъ, послику моихъ литературныхъ издѣлій расходилось по четыре тысячи экземпляровъ и болѣе». Еслибы мы вѣрили возможности голоса съ того свѣта, то подумали бы, что это взываетъ и гласитъ къ намъ тѣнь г. Матвѣя Комарова, московскаго жителя, переводчика «Маркиза Глаголя», «Жизни и дѣяній Картуша», автора «Никанора Несчастнаго Дворянина», «Милорда Англійскаго», «Жизни Ваньки Каина» и другихъ сочиненій, которыя разошлись по Россіи больше, нежели въ числѣ четырехъ тысячъ экземпляровъ; или тѣнь Курганова, знаменитый «Письмовникъ» котораго имѣлъ на Руси гораздо большій успѣхъ, нежели самъ «Иванъ Выжигинъ»; или тѣнь блаженнаго Михайла Ѳедорыча Меморскаго, котораго учебныя книжицы и теперь еще даютъ хлѣбецъ нѣкоторымъ спекуляторамъ... Изъ живыхъ писателей я ни одного не смѣю назвать авторомъ этой статейки, потому что, въ такомъ случаѣ, названный мною писатель имѣлъ бы право поступить со мною какъ съ публичнымъ клеветникомъ и нарушителемъ законовъ приличія и вѣжливости. Настоящій авторъ очень благоразумно поступилъ, что скрылъ свое имя.

Въ заключеніе желаю, чтобы урокъ, данный мною, неизвѣстнымъ юношею, знаменитому литератору, котораго сочиненія расходятся по четыре тысячи экземпляровъ и который теперь скрывается за буквою Пси, не остался безъ пользы. Скажу ему еще за тайну, что не удаются остроты тому, кто не остеръ отъ природы и, кто, сверхъ того, еще сердится. Напрасно вы, м. г., прикидываетесь хладнокровнымъ; вы горячитесь, сами не замѣчая этого; напрасно вы притворяетесь, будто не знаете настоящаго имени молодаго

философа Н.: по тону вашей статьи, очень замѣтно, что вы твердо знаете мое имя; напрасно вы увѣряете, что будто бы вы не читаете «Молвы» и даже не знаете, существуетъ ли она: вы читаете ее, вы знаете наизусть много изъ того, что̀ въ ней пишется, вы помните въ ней все гораздо лучше, нежели я, который, по слабости памяти, скоро забываетъ все, что̀ читаетъ написаннаго бо̀льшею частію великихъ писателей, исчисленныхъ вами, и что̀ пишетъ самъ. Прощайте, и умѣйте, если можете, забыть меня такъ же скоро, какъ я васъ забылъ, ибо, оканчивая послѣднее слово моей отповѣди, я уже забываю васъ, чтобы никогда объ васъ не помнить *).

---

*) Я еще забылъ упомянуть объ одной диковинкѣ, обрѣтающейся въ бранной статейкѣ „С. Пчелы", это—классико-романическое упоминовеніе объ Аполловѣ. „Этимъ способомъ, говоритъ мой противникъ, можно уронить, изуродовать сочиненіе самаго Аполлона, бога поэзіи, еслибы онъ вздумалъ ихъ напечатать и сошелся въ условіяхъ съ какимъ-нибудь книгопродавцемъ". Неправда ли, что этотъ намекъ на Аполлона совершенно въ классико-романтическомъ духѣ? Классическимъ онъ можетъ почесться потому, что теперь уже вышло изъ моды тормошить парнасскую и олимпійскую сволочь, а г. Пси еще не отстаетъ отъ этой похвальной привычки добраго стараго времени; романтическимъ этотъ намекъ можетъ назваться потому, что г. Пси—Аполлона, этого бога свободнаго и благороднаго искусства, какимъ представляли его себѣ простодушные Греки, дѣлаетъ романтикомъ, т. е. литературнымъ торгашемъ, заставляя его продавать книгопродавцамъ свои свободныя и творческія вдохновенія. Какое смѣлое воображеніе у г. Пси! Въ самомъ дѣлѣ, кому придетъ въ голову сдѣлать самого Аполлона литературнымъ торгашемъ и заставить его въ книжной лавкѣ смиренно продавать свою рукопись россійскому книгопродавцу, который съ важностію, приличною торговой особѣ, вымѣриваетъ эту тетрадь аршиномъ и кладетъ ее на вѣсы!... Какъ невольно иногда высказывается человѣкъ!...

IV.

ТЕАТРЪ.

1.

ОБЪ ИГРѢ Г. КАРАТЫГИНА.

Въ нашей вялой и прозаической жизни всякая новость возбуждаетъ всеобщее вниманіе и сильноз анимаетъ собою умы всѣхъ и каждаго. Къ числу такихъ новостей принадлежитъ вторичный пріѣздъ въ Москву знаменитыхъ петербургскихъ артистовъ Каратыгиныхъ. Кто не помнитъ, какъ засуетилась наша бѣлокаменная во время ихъ перваго пріѣзда, какая была давка у театра, какъ трудно было доставать билеты, какъ толковали и спорили объ игрѣ любимцевъ петербургской публики и въ аристократическихъ гостиныхъ и гостиницахъ, и въ плебейскихъ горницахъ и трактирахъ, и на улицахъ и перекресткахъ? Кто не помнитъ знаменитаго турнира, на которомъ было переломлено столько копій и pour и contre, во имя Каратыгиныхъ, П. Щ. и г. Шевыревымъ, и ареною котораго была «Молва». Кто не помнитъ какъ г. Шевыревъ, послѣ нѣсколькихъ упорныхъ и утомительныхъ схватокъ, оставилъ поле битвы и не кончилъ сраженія, обидѣвшись невѣжливостію своего хладнокровнаго и несговорчиваго противника, не хотѣвшаго поднять забрала своего шлема и провозгласить своего рода и имени? Оно, кажется, тутъ бы не на что̀ претендовать: вѣдь журнальные турниры совсѣмъ не то, что̀ рыцарскіе турниры. Благородные рыцари почитали предосудительнымъ для себя сражаться съ безымянными противниками, ибо вмѣняли въ безчестіе подвергать свое благородное тѣло невѣжливымъ ударамъ какого-нибудь плебея, и не видѣли

никакой для себя славы въ побѣдѣ надъ противникомъ незнатнаго рода и племени; но въ литературѣ геральдика вещь совершенно посторонняя, въ ней важны дѣла, а не имена. Но всѣмъ уже извѣстно, что г. Шевыревъ скрѣпу критическихъ статей именами ихъ авторовъ почитаетъ самымъ вѣрнымъ средствомъ для избѣжанія отъ навѣтовъ, коварства и недобросовѣстности критики, и крѣпко убѣжденъ, что критикъ, скрывающій свое имя, непремѣнно долженъ имѣть какіе-нибудь недобрые умыслы въ отношеніи къ своему противнику... Какъ бы то ни было, дѣло не о томъ... и потому я обращаюсь къ предмету моей статейки, подъ которой однако не подписываю полнаго моего имени, ибо хочу высказать мое мнѣніе, а не блеснуть моимъ именемъ, которое очень не важно и до котораго посему никому нѣтъ дѣла.

Итакъ, всѣмъ памятны шумъ и движеніе, произведенные прежнимъ пріѣздомъ въ Москву г-на и г-жи Каратыгиныхъ... Такое же ли точно дѣйствіе произвелъ теперешній ихъ пріѣздъ? Кажется, что нѣтъ. Правда, и теперь по утрамъ ужасная давка при раздачѣ билетовъ, и теперь ходенемъ ходитъ огромный Петровскій театръ отъ грома рукоплесканій нашей доброй и неслишкомъ взыскательной публики, и теперь въ той же самой «Молвѣ» вышелъ на арену таинственный П. Щ.; но рукоплесканія уже не такъ единодушны и дружны, уже часто они прерываются и заглушаются ропотомъ неудовольствія; но таинственный г. П. Щ. что-то рѣшительнѣе и рѣзче, хладнокровнѣе и насмѣшливѣе въ своемъ тонѣ, и пока еще не встрѣтилъ ни одного противника... Что̀ бы это значило?... Неужели г. Каратыгинъ, этотъ артистъ, такъ горячо любящій свое искусство, такъ глубоко и усердно изучающій его, вмѣсто того, чтобы идти впередъ, пошелъ назадъ и сдѣлался хуже?...

Нѣтъ, онъ все тотъ же, но уже не тѣ обстоятельства: къ нему присмотрѣлись, его разглядѣли, а прелесть новости

потеряла свою магическую силу. Вотъ и разгадка этой загадки. Въ искусствѣ есть два рода красоты и изящества, такъ же точно, какъ есть два рода красоты въ лицѣ человѣческомъ. Одна поражаетъ вдругъ, нечаянно, насильно, если можно такъ сказать; другая постепенно и непримѣтно вкрадывается въ душу и овладѣваетъ ею. Обаяніе первой быстро, но не прочно; второй медленно, но долговѣчно; первая опирается на новость, нечаянность, эффекты и нерѣдко странность; вторая беретъ естественностію и простотою. Марлинскій и Гоголь — вотъ вамъ представители того и другаго рода красоты въ искусствѣ. Я не отрицаю таланта въ г. Марлинскомъ и пока еще не вижу генія въ г. Гоголѣ; но хочу только показать разность между талантомъ случайнымъ, т. е. развившимся вслѣдствіе или обстоятельствъ жизни, или направленія, полученнаго съ дѣтства, и талантомъ самобытнымъ, независимымъ отъ обстоятельствъ жизни. Первый всему обязанъ образованіемъ, а безъ него ничего не значитъ; второму образованіе даетъ обширнѣйшій кругъ дѣйствія и возвышаетъ его взглядъ на природу, но не усиливаетъ его ни на волосъ. Шекспиръ и Вольтеръ — вотъ два драматурга, оба съ талантомъ, но одинъ невѣжда, а другой всезнайка—нужно ли тутъ слишкомъ распространяться?—Но изо всѣхъ признаковъ, которыми отличается талантъ природный отъ таланта случайнаго, для меня разительнѣе слѣдующій: талантъ самобытный всегда успѣваетъ, когда не выходитъ изъ своей сферы, когда остается вѣренъ своему направленію и всегда падаетъ, когда хватается не за свое дѣло, вслѣдствіе разсчета или системы; талантъ случайный берется за все и нигдѣ не падаетъ совершенно; г. Марлинскій во всѣхъ своихъ повѣстяхъ, какъ не разнообразны онѣ, одинаковъ и ровенъ—т. е. вполовину хорошъ, вполовину дуренъ; г. Гоголь вздумалъ написать фантастическую повѣсть à la Hoffmann («Портретъ»), и эта повѣсть рѣшительно никуда не годится.

Повидимому я отдалился отъ предмета моего разсужденія; но въ самомъ дѣлѣ, гораздо ближе къ нему, нежели какъ можно ожидать. У насъ два трагическихъ актера, г. Мочаловъ и г. Каратыгинъ; хочу провести между ними параллель. «Какое невѣжество! Каратыгинъ и Мочаловъ—fi donc! Можно ли помнить о Мочаловѣ, говоря о Каратыгинѣ?..» Не знаю, будутъ ли мнѣ сказаны подобныя слова; но я уже какъ будто слышу ихъ. У насъ это такъ натурально; мы такъ неумѣренны ни въ нашемъ удивленіи, ни въ нашемъ презрѣніи къ авторитетамъ. Теперь какъ-то странно и даже страшно произнести имя г. Мочалова, не имѣя намѣренія посмѣятся надъ нимъ, какъ смѣются надъ Александромъ Орловымъ, говоря о Вальтеръ-Скоттѣ. Но я думаю иначе, и если каждый, въ дѣлѣ литературы и искусства, можетъ имѣть свое мнѣніе, то почему же и мнѣ не имѣть своего, хотя мое скромное имя и не значится въ литературныхъ адресъ-календаряхъ?...

Всѣмъ извѣстно, что съ г. Мочаловымъ очень рѣдко случается, чтобы онъ выдержалъ свою роль отъ начала до конца, однакожъ все-таки случается, хотя и рѣдко, какъ, напр., въ роли Яромира въ «Прародительницѣ», въ роли Тасса и нѣкоторыхъ другихъ. Потомъ, всѣмъ извѣстно, что онъ можетъ быть хорошъ только въ извѣстныхъ роляхъ, какъ будто нарочно для него созданныхъ, а въ прочихъ по большей части бываетъ рѣшительно дуренъ. Наконецъ, всѣмъ также извѣстно, что, часто дурно понимая и дурно исполняя цѣлую роль, онъ бываетъ превосходенъ, неподражаемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оной, когда на него находитъ свыше геній вдохновенія. Теперь всѣмъ извѣстно, что г. Каратыгинъ равно успѣваетъ во всѣхъ роляхъ, т. е., что ему равно рукоплещутъ во всевозможныхъ роляхъ, въ роли Карла Моора и Дмитрія Донскаго, Фердинанда и Ермака, Эссекса и Ляпунова. По моему мнѣнію, въ декламаторскихъ роляхъ онъ бываетъ еще лучше,

и думаю, что онъ былъ бы превосходенъ въ роли Дмитрія Самозванца трагедіи Сумарокова, и во всѣхъ главныхъ персонажахъ трагедіи Хераскова и барона Розена... Какое же должно вывести изъ этого слѣдствіе?.. Что г. Мочаловъ талантъ низшій, односторонній, а г. Каратыгинъ актеръ съ талантомъ всеобъемлющимъ, Гёте сценическаго искусства? Такъ думаетъ бо̀льшая часть нашей публики, бо̀льшая часть, но не всѣ, и я принадлежу къ малому числу этихъ не всѣхъ. По моему вотъ что́: г. Мочаловъ талантъ невыработанный, односторонній, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильный и самобытный; а г. Каратыгинъ талантъ случайный, не призванный, успѣхъ котораго зависитъ отъ огромныхъ природныхъ средствъ, т. е. роста, осанки, фигуры, крѣпкой груди, и потомъ отъ образованности, ума, чаще смѣтливости, а болѣе всего смѣлости. Послушайте: если г. Мочаловъ могъ въ цѣлую жизнь свою ровно и искусно выдержать двѣ-три роли въ ихъ цѣлости, то согласитесь, что у него кромѣ чувства, которое можетъ быть живо и пламенно и не у художника, есть рѣшительный сценическій талантъ, хотя и односторонній; если онъ бываетъ гигантски великъ въ нѣкоторыхъ монологахъ и положеніяхъ, дурно выдерживая цѣлость и ровность роли, то согласитесь, что онъ обладаетъ чувствомъ неизмѣримо-глубокимъ. Почему же онъ не можетъ выдерживать цѣлости не только всѣхъ, но даже и большей части ролей, за которыя берется? Отъ трехъ причинъ: отъ недостатка образованности, соединеннаго съ упрямою невнимательностію къ искреннимъ совѣтамъ истинныхъ любителей искусства, потомъ отъ односторонности своего таланта и, наконецъ, отъ того, что онъ для эффектовъ не профанируетъ своимъ чувствомъ... Не правда ли, что послѣдняя причина кажется вамъ слишкомъ странною? Погодите—я объяснюсь прямѣе, для чего пока оставлю въ покоѣ г. Мочалова и обращусь къ г. Каратыгину.

Г. Каратыгинъ, какъ я уже сказалъ, берется рѣшитель-

но за всѣ роли, и во всѣхъ бываетъ одинаковъ, или, лучше сказать, ни въ одной не бываетъ несносенъ, какъ то не рѣдко случается съ г. Мочаловымъ. Но это происходитъ скорѣе не отъ всесторонности таланта, но отъ недостатка истиннаго таланта Г. Каратыгину нѣтъ нужды до роли: Ермакъ, Карлъ Мооръ, Димитрій Донской, Фердинандъ, Эдипъ—ему все равно, была бы роль, а въ этой роли были бы слова, монологи, а лучше всего возгласы и риторика: съ чувствомъ, безъ чувства, съ смысломъ, безъ смысла, повторяю, ему все равно! Я очень хорошо понимаю, что одинъ и тотъ же актеръ можетъ быть превосходенъ въ роляхъ: Отелло, Шайлока, Гамлета, Ричарда III, Макбета, Карла и Франца Моора, Фердинанда, Маркиза Позы, Карлоса, Филиппа II, Теля, Макса, Валленштейна и проч., какъ ни различны эти роли по своему духу, характеру и колориту; но я никакъ не могу понять, какъ одинъ и тотъ же талантъ можетъ равно блистать и въ бѣшеной, кипучей роли Карла Моора, и въ декламаторской надутой роли Димитрія Донскаго, и въ естественной, живой роли Фердинанда, и въ натянутой роли Ляпунова. Такой актеръ не то ли же самое, что̀ поэтъ готовый во всякій часъ, во всякую минуту проимпровизовать вамъ прекрасными стихами и буриме, и мадригалъ, и эпиграмму, и акростихъ, и оду, и поэму, и драму, и все что̀ зададутъ ему? Здѣсь я вижу не талантъ, не чувство, а чрезвычайное умѣніе побѣждать трудности, это умѣніе, которое такъ высоко цѣнилось французскими критиками XVIII вѣка, и которое такъ хорошо напоминаетъ дивное искусство фокусника, метавшаго горохъ сквозь игольное ушко.

Я сценическое искусство почитаю творчествомъ, а актера самобытнымъ творцомъ, а не рабомъ автора. Найдите двухъ великихъ сценическихъ художниковъ, геній которыхъ былъ бы совершенно равенъ, дайте имъ сыграть одну и ту же роль, и вы увидите то же да не то. И это очень ес-

тественно: ибо невозможно найдти даже двухъ читателей, съ равною образованностію и равною способностію принимать впечатлѣнія изящнаго, которые бы совершенно одинаковымъ образомъ представляли себѣ героя драмы. Они оба поймутъ одинаковымъ образомъ идею и идеалъ персонажа, но различнымъ образомъ будутъ представлять себѣ тонкія черты и оттѣнки его индивидуальности. Тѣмъ болѣе актеръ: ибо онъ, такъ сказать, дополняетъ своею игрою идею автора, и въ этомъ то дополненіи состоитъ его творчество. Но этимъ оно и ограничивается. Изъ пылкаго характера, созданнаго поэтомъ, актеръ, не можетъ и не имѣетъ права сдѣлать хладнокровнаго, и наоборотъ. Теперь, спрашиваю я, какимъ же образомъ дастъ онъ жизнь персонажу, если авторъ не далъ ему жизни, какимъ образомъ заставитъ онъ его говорить страстно, пламенно, изступленно, когда авторъ заставилъ его говорить натянуто, надуто, риторически? Отъ высокаго до смѣшнаго—только шагъ, и потому, при неудачномъ исполненіи, чѣмъ выше идея, тѣмъ каррикатурнѣе ея впечатлѣніе. Другое дѣло комедія. Тамъ актеръ является болѣе творцомъ, ибо иногда можетъ придать персонажу такія черты, о которыхъ авторъ и не думалъ. И вотъ почему нашъ несравненный Щепкинъ часто бываетъ такъ превосходенъ въ самыхъ плохихъ роляхъ. Онъ пересоздаетъ ихъ, а для этого ему нужно, чтобы онѣ были только что не безсмыслены. И это очень естественно, ибо здѣсь, если авторъ не вдохновляетъ актера, то актеръ можетъ вдохнуть душу живу въ его мертвыя созданія, потому что здѣсь нужно одно искусство, а не чувство, не душа *). Но въ драмѣ актеръ и поэтъ должны быть дружны,

*) Я здѣсь разумѣю однѣ смѣшныя или уже слишкомъ посредственныя роли, и не говорю о роляхъ высшей художественной комедіи, въ которой актеръ непремѣнно долженъ понять автора, чтобы успѣть. Доказательствомъ этого можетъ служить игра г. Щепкина въ «Венеціянскомъ Купцѣ» и «Матросѣ», гдѣ нѣтъ чисто вы-

иначе изъ нея выйдетъ презабавный водевиль. Въ ней роль должна одушевлять и вдохновлять актера, ибо и обыкновенный читатель, совсѣмъ не бывши актеромъ, можетъ потрясти душу слушателя декламировкою какого-нибудь сильнаго мѣста въ драмѣ. Искусство и здѣсь орудіе важное, но второстепенное, вспомогательное.

Я видѣлъ г. Каратыгина въ четырехъ роляхъ (не упоминаю о пустой роли, игранной имъ въ драмѣ: «Мужъ, Жена и Сынъ»): въ Ермакѣ, Ляпуновѣ, Эссексѣ (въ прошлый пріѣздъ его въ Москву), и Карлѣ Моорѣ (во второй разъ). Чтобы подкрѣпить мои мысли фактами, буду говорить о послѣдней. Ни въ одной роли онъ не казался мнѣ такъ рѣшительно дуренъ, такъ холоденъ, такъ натянутъ, такъ эффектенъ. Ни одного слова, ни одного монолога, отъ котораго бы забилось сердце, поднялись дыбомъ волосы, вырвался тяжкій вздохъ, навернулась бы на глазахъ восторженная слеза, отъ котораго бы затрепеталъ судорожно зритель, бросило бы его въ ознобъ и жаръ! Пробуждалось по временамъ какое-то странное чувство, похожее на чувство происходящее отъ страха, или отъ давленія домоваго; но это чувство было мимолетно, мгновенно, ибо, лишь только зритель начиналъ подчиняться его обаянію, какъ тотчасъ все оказывалось ложною тревогою, а актеръ спѣшилъ разрушить подобное впечатлѣніе или какимъ-нибудь изысканнымъ эффектомъ, или совершеннымъ отсутствіемъ чувства при крайнемъ усиліи возвыситься до чувства, въ чемъ, разумѣется, онъ уже нисколько не виноватъ. Какъ, напримѣръ, сыгралъ г. Каратыгинъ эту славную, потрясающую сцену, въ которой Карлъ Мооръ выводитъ отца своего изъ башни и выслушиваетъ ужасную повѣсть его заключенія?

сокаго и гдѣ много комическаго, но гдѣ, при всемъ томъ, со всѣмъ не до смѣха. То же доказываетъ его же игра въ чисто комической роли Фамусова, въ которой актеръ глубоко понялъ поэта, и, несмотря на свою отъ него зависимость, самъ является творцомъ.

онъ стремительно обратился къ спящимъ разбойникамъ: это движеніе и выстрѣлъ изъ пистолета были сдѣланы грозно и благородно, а вопль: «вставайте»! былъ превосходенъ; но что́ же онъ сдѣлалъ потомъ, какъ произнесъ лучшій монологъ въ драмѣ? Онъ (слушайте! слушайте!), онъ отвелъ за руки, на край сцены, троихъ изъ главныхъ разбойниковъ, и, обратившись къ одному и, помнится, сжавши его руку, сказалъ: «Посмотрите, посмотрите: законы свѣта нарушены!» къ другому: «Узы природы прерваны!» къ третьему: «Сынъ убилъ отца!» Оно и дѣльно—всѣмъ сестрамъ по серьгамъ, чтобъ ни одной не было завидно. Нѣтъ, не такъ произноситъ иногда этотъ монологъ г. Молчановъ: въ его устахъ это лава всеувлекающая, всепожирающая, это черная туча, внезапно разражающаяся громомъ и молніею, а не придуманныя заранѣе театральныя штучки. Въ одномъ только мѣстѣ этой драмы г. Каратыгинъ былъ не дуренъ, когда говорилъ: «Какъ величественно заходитъ солнце!... Въ юности моя любимая мысль была—жить и умереть подобно ему... Дѣтскія были мечты мои!» и то не потому, чтобы онъ придалъ этимъ словамъ особенное чувство, но потому, что произнесъ ихъ просто, безъ натяжки, безъ фарсовъ.

Зачѣмъ мы ходимъ въ театръ, зачѣмъ мы такъ любимъ театръ? Затѣмъ, что онъ освѣжаетъ нашу душу, завядшую, заплесневѣлую отъ сухой и скучной прозы жизни, мощными и разнообразными впечатлѣніями, затѣмъ, что онъ волнуетъ нашу застоявшуюся кровь неземными муками, неземными радостями, и открываетъ намъ новый, преображенный и дивный міръ страстей и жизни! Въ душѣ человѣческой есть то особенное свойство, что она какъ будто падаетъ подъ бременемъ сладостныхъ ощущеній изящнаго, если не раздѣляетъ ихъ съ другою душой. А гдѣ же этотъ раздѣлъ является такъ торжественнымъ, такъ умилительнымъ, какъ не въ театрѣ, гдѣ тысячи глазъ устремлены

на одинъ предметъ, тысячи сердецъ бьются однимъ чувствомъ, тысячи грудей задыхаются отъ одного упоенія, гдѣ тысячи *я* сливаются въ одно общее цѣлое *я* въ гармоническомъ сознаніи безпредѣльнаго блаженства?... Когда этотъ поэтическій Мооръ, этотъ падшій ангелъ, указываетъ на распростертаго безъ чувствъ старца мученика и не человѣческимъ голосомъ восклицаетъ: «о посмотрите, посмотрите—это мой отецъ!» когда онъ, въ награду за великодушный поступокъ своего товарища, возлагаетъ на него обязанность мстить за своего отца и, поднявъ руки къ небу. проклинаетъ изверга-брата: о! въ васъ нѣтъ души человѣческой, нѣтъ чувства человѣческаго, если при этомъ вы не обомрете, не обомлѣете отъ ужаснаго и вмѣстѣ сладостнаго восторга!... Но полное сценическое очарованіе возможно только подъ условіемъ естественности представленія, происходящей сколько отъ искусства, столько и отъ ансамбля игры. Но у насъ невозможенъ этотъ ансамбль, невозможна эта цѣлость и совокупность игры, ибо, у насъ, съ бѣшеными воплями г. Мочалова мѣшается ревъ и кривлянье гг. Орлова, Востокова, г-жи Рыкаловой и многихъ, многихъ иныхъ прочихъ. Что-жъ тутъ дѣлать? Остается смотрѣть внимательно на главный персонажъ драмы и закрыть глаза для всего остальнаго. Но ежели и актеръ, занимающій главное амплуа, не выдерживаетъ цѣлости,—тутъ что остается дѣлать?—Ловить эти немногія мѣста и благодарить художника за нѣсколько глубокихъ потрясеній, за нѣсколько сладкихъ минутъ восторга, которыя вы уносите, изъ театра, и память о которыхъ долго, долго носится въ душѣ вашей. Такъ смотрю я на игру г. Мочалова, этого требую я отъ игры его, нерѣдко получаю, и за это благодарю его. Напримѣръ, нынѣшнимъ годомъ на масляницѣ, я видѣлъ его въ роли Отелло: роль, какъ обыкновенно, была дурно выдержана, но за то было нѣсколько мѣстъ, отъ которыхъ я потерялъ свое мѣсто и не помнилъ и не

зналъ, гдѣ я и что я, отъ которыхъ всѣ предметы, всѣ идеи, весь міръ и я самъ слились во что-то неопредѣленное и составили одно цѣлое и нераздѣльное, ибо я слышалъ какіе-то ужасные, вызванные со дна души, вопли, и прочелъ въ нихъ страшную повѣсть любви, ревности, отчаянія—и эти вопли еще и теперь раздаются въ душѣ моей. Я даже понималъ, отъ чего такъ дурно была выдержана цѣлость роли: давали «Отелло», какъ и всегда, пошлой фабрики варвара-Дюсиса; а г. Мочаловъ въ своей игрѣ живетъ жизнію автора, и тотчасъ умираетъ, какъ скоро умираетъ авторъ. Чуть несообразность, чуть натяжка—и онъ падаетъ. Въ моихъ глазахъ этотъ недостатокъ искусства есть высочайшее достоинство, ибо служитъ вѣрнымъ ручательствомъ добросовѣстности артиста и неподдѣльности его чувства. Мнѣ хотѣлось бы посмотрѣть на г. Мочалова въ Шекспировскомъ «Отелло»...

Не таковъ г. Каратыгинъ; роли надутыя, неестественныя, декламаторскія суть торжество его; онъ заставляетъ забывать о нихъ несообразности и нелѣпости; тамъ гдѣ г. Мочаловъ насмѣшилъ бы всѣхъ, тамъ онъ особенно хорошъ. Возьму для примѣра «Ермака» г. Хомякова. Закрывши рукой имена персонажей, я могу съ наслажденіемъ читать эту пьесу, ибо это собраніе элегій и поэтическихъ думъ о жизни исполнено теплоты чувства и поэзіи. Еще съ большимъ наслажденіемъ я выслушалъ бы ихъ отъ г. Каратыгина, только не въ театрѣ, а въ комнатѣ. Но какъ пьеса драматическая, «Ермакъ» просто нелѣпость. Чтобы заставить насъ восхищаться имъ на сценѣ, надо сперва воротить насъ ко временамъ классицизма, къ этимъ блаженнымъ временамъ наперсниковъ, злодѣевъ, героевъ, фижмъ, румянъ, бѣлилъ и декламаціи. Но г. Каратыгинъ не побоялся взять на себя этой миссіи, и онъ не совсѣмъ ошибся въ своемъ разсчетѣ. Его всегдашнее орудіе—эффектность, граціозность и благородство позъ, живописность и красота движеній,

искусство декламаціи. Напрасно обвиняютъ его въ излишествѣ эффектовъ; его игра не можетъ существовать внѣ нихъ. Я думаю, онъ былъ бы очаровательно прекрасенъ въ роли «Димитрія Самозванца», и на вопросъ Шуйскаго:

Какая предстоитъ Димитрію бѣда?

мастерски бы отвѣтилъ:

Злая фурія во мнѣ смятенно сердце гложетъ;
Злодѣйская душа спокойна быть не можетъ!

Да, я увѣренъ, что театръ потрясся бы до основанія отъ грома рукоплесканій. И это очень вѣроятно, ибо позы, движенія и декламація г. Каратыгина менѣе зависятъ отъ содержанія и достоинства пьесы, чѣмъ отъ его удивительнаго искусства. Когда онъ бываетъ особенно хорошъ, когда онъ наиболѣе получаетъ рукоплесканій? Когда падаетъ въ ноги отцу, обнимаетъ его колѣна, бросается въ объятія къ женѣ, цѣлуетъ сына и, держа его на рукахъ, бѣгаетъ съ нимъ по сценѣ, бросается въ Иртышъ, когда уноситъ на плечахъ отравленнаго Скопина Шуйскаго, допрашиваетъ Фидлера и выбрасываетъ его въ окошко. Надобно замѣтить, что наша публика вообще очень смѣшлива: она смѣется, когда ужасный Шейлокъ точитъ ножъ о свой сапогъ, когда мстительный Жидъ въ грозныхъ словахъ изливаетъ ядъ ненависти своей къ христіянамъ, палачамъ его племени, она хохочетъ надъ страданіями бѣднаго, благороднаго Матроса. Сцена между Ляпуновымъ и Фидлеромъ должна бы разсмѣшить ее; но г. Каратыгинъ такъ благородно и граціозно выбросилъ за окно г. Усачева, что никто даже и не улыбнулся, кромѣ развѣ райка. Напротивъ, чудное дѣло! эта же самая публика рукоплещетъ отъ восторга каррикатурнымъ возгласамъ Ляпунова къ своему мечу, или, когда онъ такъ уморительно комически говоритъ Скопину: «Здорово, князь!» Г. Каратыгинъ вполнѣ разгадалъ нашу публику и

глубоко понялъ ея требованія: вотъ вамъ и причина, почему на нынѣшній разъ такъ много фарсовъ прибавилось противъ прежняго. Если же онъ иногда ужъ черезчуръ пересаливаетъ въ нихъ, такъ это оттого, что онъ испытываетъ, понравятся ли публикѣ его новыя выдумки.

Итакъ, какой же вообще характеръ игры его? Преодолѣвать трудности, дѣлать все изъ ничего. А для этого, разумѣется, нужны одни эффекты, одно искусство, обдуманность, предварительное изученіе роли, созданной не авторомъ, но актеромъ. Смотря на его игру, вы безпрестанно удивлены, но никогда не тронуты, не взволнованы. Искусство безъ чувства—это классицизмъ, холодный какъ зима, выглаженный какъ мраморъ, но плѣняющій искусно отдѣланными формами. Впрочемъ, можетъ быть я и неправъ, ибо на счетъ этого у меня свой образъ мыслей, въ которомъ меня цѣлый свѣтъ не переувѣритъ: я не понимаю, какъ могъ восхищать своею игрою Тальма, ибо не понимаю, какъ можно восхищаться трагедіями Корнеля, Расина, Вольтера, въ которыхъ отличался этотъ любимецъ Наполеона... Гдѣ нѣтъ истины, природы, естественности, тамъ нѣтъ для меня очарованія. Я видѣлъ г. Каратыгина нѣсколько разъ, и не вынесъ изъ театра ни одного сильнаго движенія; въ его игрѣ все такъ удивительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ поддѣльно, придуманно, изысканно. Г. Каратыгинъ—Марлинскій сценическаго искусства; у него есть талантъ, но талантъ, образованный силою воли, прилежнымъ изученіемъ, но не самобытный, не природный, какъ у г. Мочалова; талантъ ходить, говорить, разсчитывать эффекты, понимать, гдѣ и что̀ надо дѣлать, но не увлекать души зрителей собственнымъ увлеченіемъ, не поражать ихъ чувства собственнымъ чувствомъ... Пластика, граціозность движеній и живописность позъ составляютъ сущность балетовъ, а въ драмѣ суть средства вспомогательныя, второстепенныя. Чувствомъ можно замѣнить недостатокъ оныхъ, но никогда ими невозможно за-

мѣнить недостатокъ чувства. А чѣмъ восхищались еще три года назадъ тому жаркіе поклонники таланта г. Каратыгина? О, нѣтъ! давайте мнѣ актера-плебея, но плебея Марія, не выглаженнаго лоскомъ паркетности, а энергическаго и глубокаго въ своемъ чувствѣ. Пусть подергиваетъ онъ плечами и хлопаетъ себя по бедрамъ; это дерганье и хлопанье пошло̀ и отвратительно, когда дѣлается отъ незнанія, что̀ надо дѣлать; но когда оно бываетъ предвѣстникомъ бури, готовой разразиться, то что́ мнѣ вашъ актеръ-аристократъ!...

Я сказалъ все, что̀ хотѣлъ сказать. Почитаю нужнымъ замѣтить, что никогда не бывалъ за кулисами, никогда не находился ни въ какихъ отношеніяхъ съ гг. артистами, о коихъ сужу, и не знакомъ ни съ однимъ изъ прочихъ, и потому судилъ безъ всякихъ личныхъ предубѣжденій, безъ всякаго личнаго пристрастія, по моей совѣсти и разумѣнію. Легко можетъ статься, что мое мнѣніе будетъ очень не важно, какъ въ глазахъ артиста, такъ и въ глазахъ публики, но оно должно быть важно для меня, ибо тотъ недобросовѣстенъ, кто не дорожитъ своими мнѣніями, какъ человѣкъ, если не какъ литераторъ... Стыжусь и краснѣю, дѣлая эту пошлую оговорку; но что̀ же дѣлать, когда не только толпа, но и нѣкоторые изъ людей, руководствующихъ мнѣніями этой толпы, во всякомъ сужденіи, откровенно и рѣзко высказанномъ не въ пользу судимаго лица, видятъ навѣты, недобросовѣстность и недоброжелательство?

2.

БЕНЕФИСЪ Г. ЖИВОКИНИ.

Сынъ природы, *или ученье свѣтъ, а неученье тьма, комедія-водевиль въ 3 отдѣленіяхъ, взятая изъ романа Поль-де-Кока* (!!!). Покойникъ мужъ и его вдова, *комедія-водевиль въ 1 дѣйствіи Ѳ. А. Кони. Заимствована изъ французской комедіи.* Царство женщинъ *или свѣтъ наизворотъ, водевиль въ 2 дѣйствіяхъ переводъ съ французскаго г. Детаю и Ку-кова.* Маскарадъ, *разнохарактерный дивертисманъ и пр.* Бенефисъ г. Живокини.

Я давно уже не былъ въ театрѣ, разумѣется, по разнымъ недосугамъ; бенефисъ г. Живокини взманилъ меня. Въ самомъ дѣлѣ, г. Живокини артистъ съ истиннымъ талантомъ, и когда не кривляется для угожденія райку (я даю этому слову обширное значеніе), то его умная, обдуманная игра доставляетъ зрителямъ большое удовольствіе. Я разъ пять былъ на водевилѣ «Хороша и Дурна», и не откажусь еще быть двадцать разъ, и все для г. Живокини, хотя этотъ водевиль и всѣми актерами играется прекрасно. Итакъ, я прочелъ афишку и подумалъ: «Вечеръ наслажденія, добродушной веселости, благороднаго удовольствія! Гм!... но комедія-водевиль, передѣланная изъ неблагопристойнаго романа Поль-де-Кока?...» Однакожъ, подумалъ и пошелъ. Открывается занавѣсъ—и театръ исчезаетъ и уступаетъ свое мѣсто балагану... A propos! Не случалось ли вамъ когда-нибудь приглядываться къ шуткамъ паяцовъ и прислушиваться къ ихъ остроумнымъ шуткамъ? Мнѣ случалось, потому что я люблю иногда посмотрѣть на нашъ добрый народъ, въ его веселыя минуты, чтобы получить какія-нибудь данныя насчетъ его эстетическаго направленія. Те-

перь я могу удовлетворять моей наблюдательности и всегда и ближе, не дожидаясь Масляной и Пасхи и не ходя на Москву рѣку и въ Подновинское... Но пока еще не о томъ дѣло. Посмотрите: вотъ паяцъ на своей сценѣ, т. е. на подмосткахъ балагана; внизу, передъ балаганомъ тьма эстетическаго народа, ищущаго своего изящнаго, своего искусства; остроты буфона сыплются какъ искры отъ огнива; все смѣется добродушнымъ смѣхомъ; въ толпѣ видѣнъ Татаринъ. «Эй, кричитъ ему паяцъ, эй, князь, поди, я припеку тебѣ пукли!» Земля и небо потряслись отъ хохота. Какъ вамъ это покажется? Жуль Жапенъ говоритъ, что современный французскій театръ представляется въ лицѣ паяца Дебюро: гдѣ-жъ бы онъ сталъ искать нашего? Въ доброе старое время, въ это время холоднаго классицизма, пѣвучей декламаціи, въ это время царей, наперсниковъ, героевъ добродѣтели, злодѣевъ, опекуновъ, горничныхъ, любовниковъ,—въ это доброе старое время, говорю я, театръ понимали лучше. Идеи объ искусствѣ не было: цѣль была забава, но забава благопристойная, умная, благородная, приличная, забава людей образованныхъ. А теперь?... Теперь идея искусства только на журнальныхъ оберткахъ и афишахъ, но въ художественныхъ произведеніяхъ и на театрѣ ея и духу нѣтъ. Но мы все-таки въ выигрышѣ противъ нашихъ дѣдовъ: мы въ театрѣ какъ дома, нѣтъ! что я сказалъ! мы въ театрѣ, какъ... какъ... право, не знаю гдѣ!... Къ чорту приличіе, долой благопристойность! Это классицизмъ, а мы романтики. Зачѣмъ намъ Мольера?—онъ классикъ! Давайте намъ Поль-де-Кока—онъ романтикъ! Да, мы не хотимъ лицемѣрить, давай намъ жизнь, какъ она есть, безъ прикрасъ; природу нельзя украшать! давай намъ жизнь такъ, какъ она есть на площадяхъ, на рынкахъ, въ харчевняхъ, въ романахъ Поль-де-Кока и въ «Фантастическихъ Путешествіяхъ» Барона Брамбеуса!... «А что дѣлается на французскомъ театрѣ? Развѣ тамъ не даютъ водевилей,

содержаніе которыхъ вертится на...» говорите вы. Такъ, но тамъ въ самой неблагопристойности есть благопристойность, есть грація, которая хоть сколько нибудь выкупаетъ отсутствіе приличія. Помните ли вы басню Крылова: «Оселъ и Собака»?... Перенимать надо умѣючи. Итакъ, слава намъ! нашъ театръ уже не пародія на жизнь, а представленіе самой жизни, такъ какъ она есть, жизни нараспашку, безъ... слава намъ!... Сколько чудесъ было на бенефисѣ г. Живокини! Нѣтъ, никогда не забуду я бенефиса г. Живокини! никогда не забуду я, какъ г. Живокини жаловался королевѣ, что его... что его... лишили невинности, и кто же? дама, министръ внутреннихъ дѣлъ... Никогда не забуду я, какъ королева (г-жа Рѣпина) и ея министры обольщали на сценѣ мущинъ, совѣтовали имъ оставить застѣнчивость, приличную нѣжному мужскому полу... я думалъ, я ждалъ, что все до конца пойдетъ наизворотъ; къ несчастію, этого не было; видно, оставлено до слѣдующаго бенефиса г. Живокини. Итакъ, г. Живокини со слезами и съ стыдливостью (истинно аретинскою) жаловался на насиліе, а въ ложахъ хлопали, въ креслахъ хлопали, раекъ просто торжествовалъ и въ немъ точно былъ рай... И вотъ оно, то высокое и божественное искусство, которое возвышаетъ душу, волнуетъ сердце благородными, человѣческими ощущеніями, которое предображаетъ человѣческую жизнь и возноситъ нашу мысль къ идеѣ всеобщей жизни!... Милостивые государи, у насъ нѣтъ высокой комедіи, у насъ одна только комедія «Горе отъ Ума»; ну, на нѣтъ и суда нѣтъ; но если наши комики, водевилисты, не могутъ постигать высокаго комическаго, какъ постигалъ его Грибоѣдовъ, если они не могутъ клеймить ничтожество и эгоизмъ печатію позора, почему же бы имъ не издѣваться добродушно надъ нашею домашнею жизнію, нашими повседневными отношеніями, но смѣяться остро, умно и благопристойно?... Если у насъ только одна комедія, то давайте намъ хоть «Богатоновыхъ»,

«Добрыхъ Малыхъ» или «Ссору двухъ сосѣдовъ»: это все лучше...

3.

НЕДОВОЛЬНЫЕ, *оригинальная комедія въ 4 дѣйствіяхъ въ стихахъ, соч. М. Н. Загоскина.* Дивертисманъ, *вновь сочиненный (?) и поставленный г-жею Гюлленъ. Спектакль 2 декабря.*

Театръ былъ полонъ: ни одного пустаго кресла, ни одной пустой ложи; не говоримъ уже о прочихъ мѣстахъ. Самая внѣшность театра отзывалась какою-то бенефисною торжественностію; необыкновенное освѣщеніе, суетливость и давка въ дверяхъ, множество экипажей всѣхъ родовъ возвѣщали, что во внутренности должно произойдти что-то необыкновенное и важное...

Не знаю, недавняя ли и еще живая у всѣхъ въ памяти слава г. Загоскина, какъ романиста, обратила общее вниманіе на его новый драматическій трудъ, или рѣдкость новыхъ оригинальныхъ пьесъ, даваемыхъ на нашемъ театрѣ, произвела сильное движеніе въ публикѣ и возбудила ея участіе. Какъ бы то ни было, но съѣздъ былъ необыкновенный. Это насъ чрезвычайно радуетъ, какъ доказательство, что русская публика никогда и не думала быть холодною къ отечественной литературѣ и особенно къ театру, какъ изволятъ увѣрять въ этомъ люди, или совсѣмъ незнающіе нашей публики, или имѣющіе особенныя причины сердиться за ея холодность.

Подобно другимъ и мы спѣшили увидѣть новую комедію г. Загоскина, спѣшили увѣриться, выигралъ ли нашъ бѣдный театръ хоть что нибудь въ этой комедіи. Съ нетерпѣніемъ ожидали мы, когда поднимется занавѣсъ, и онъ поднялся, и мы увидѣли новую комедію г. Загоскина. Не-

смотря на то, что мы изъ третьяго акта узнали о завязкѣ и развязкѣ комедіи, мы просидѣли и четвертый актъ...

Цѣль комедіи г. Загоскина была осмѣять этихъ невѣждъ, старыхъ и молодыхъ, знатныхъ и незнатныхъ, которые, не будучи ни на что̀ способны и видя себя забытыми и неуважаемыми, обвиняютъ общественный порядокъ, находятъ все русское дурнымъ, все иностранное хорошимъ, не зная хорошо ни того, ни другаго; которые не замѣчаютъ успѣховъ цивилизаціи, просвѣщенія и добра въ своемъ отечествѣ; видя въ немъ хорошее, закрываютъ глаза, затыкаютъ уши и молчатъ или перетолковываютъ дѣло наизнанку; видя дурное, кричатъ, что̀ есть мочи. Вотъ «Недовольные» г. Загоскина; они очень возможны, они есть вездѣ, гдѣ только есть люди, потому что гдѣ люди, тамъ и эгоизмъ, а когда эгоизмъ оскорбленъ, онъ всѣмъ недоволенъ. Истинное достоинство молчитъ, хотя бы оно было и не оцѣнено и оскорблено; мелочное самолюбіе и ничтожество громко вопіютъ о сдѣланной имъ несправедливости, громко трубятъ о своихъ заслугахъ и своей важности. Если смотрѣть на предметъ съ этой точки зрѣнія, то нельзя не согласиться, что автору предстояло поле обширное, обѣщавшее богатую жатву. Посмотримъ, какъ онъ имъ воспользовался.

Итакъ, основная идея и цѣль комедіи г. Загоскина намъ очень нравится. Честь и слава художнику, который дѣлаетъ такое благородное употребленіе изъ своихъ дарованій; честь и слава художнику, который употребляетъ свой высокій, данный ему Богомъ талантъ на осмѣяніе невѣжества и эгоизма, на исправленіе общества! Но еще болѣе ему чести и славы, если эта благородная цѣль гармонируетъ съ направленіемъ его таланта, если она дружна съ его вдохновеніемъ, если она есть слѣдствіе его привычныхъ думъ, если она составляетъ религію его души и его творческаго генія, если она сливается съ его безцѣльною потребностію творить, словомъ если она у него не обдуманный разсчетъ, а

безсознательный порывъ... Только подъ этимъ условіемъ его цѣль будетъ цѣлью художника, а не ремесленника, не поставщика на заказъ литературныхъ произведеній; только подъ этимъ условіемъ его портреты будутъ живыя созданія, а не мертвыя копіи; только подъ этимъ условіемъ, невѣжество устыдится своего изображенія; въ противномъ же случаѣ, оно не узнаетъ себя въ немъ и будетъ надъ нимъ же издѣваться!..

Хорошая цѣль во всемъ похвальна; въ искусствахъ тѣмъ болѣе.

Но, въ послѣднемъ случаѣ, выполненіе этой цѣли—вотъ одно что составляетъ торжество поэта. Мы отдали полную справедливость благородной цѣли г. Загоскина; теперь посмотримъ, каково онъ выполнилъ.

То же самое чувство безпристрастія, которое заставило насъ отдать справедливую похвалу прекрасной цѣли автора, заставляетъ насъ, къ крайнему нашему неудовольствію, признаться, что выполненіе этой цѣли показалось намъ неудовлетворительнымъ. Прежде нежели представимъ наши доказательства, мы почитаемъ нужнымъ замѣтить, что нашимъ сужденіемъ будетъ руководствовать одна любовь къ истинѣ, что оно будетъ чуждо всякаго пристрастія, всякой личности. Мы ни въ какомъ случаѣ не смѣшаемъ г. Загоскина съ представителями литературной черни и будемъ умѣть говорить о его произведеніи съ должнымъ уваженіемъ къ нему, къ публикѣ и къ самимъ себѣ. Мы увѣрены, что какъ публика, такъ и многоуважаемый нами писатель, не сочтутъ нашей твердости, нашего убѣжденія, за невѣжливость или неуваженіе къ личности автора, хотя наше сужденіе будетъ и не въ его пользу. Мы всегда умѣли отдавать должную справедливость его литературнымъ заслугамъ. Мы уважаемъ его «Юрія Милославскаго», уважаемъ этотъ романъ за благородное чувство любви къ отечеству, которымъ онъ согрѣтъ, за степень таланта, съ которою онъ

выполненъ, хотя и видимъ въ немъ произведеніе слабое въ художественномъ отношеніи; мы уважаемъ его «Рославлева» за картины простонародной жизни, довольно удачно схваченныя, хотя и видимъ въ немъ еще и меньше художественности.

Мы уважаемъ даже его «Аскольдову Могилу» за хорошій языкъ, которымъ она написана, хотя и видимъ въ ней неудачную попытку. Итакъ, да не осуждаютъ насъ въ пристрастіи къ г. Загоскину!

Представьте себѣ, каково было наше удивленіе, когда мы въ первомъ актѣ «Недовольныхъ» узнали что-то знакомое намъ, хотя и давно забытое нами! Помните ли вы отрывокъ изъ комедіи г. Загоскина «Столичные Жители въ Провинціи», помѣщенный въ первой части «Московскаго Вѣстника» за 1829 годъ? Сначала мы подумали, что г. Загоскинъ, строго держась предписаній классицизма, писалъ свою комедію «Недовольные» цѣлыя шесть лѣтъ; но когда снова прочли напечатанный отрывокъ, то увидѣли, что въ «Недовольныхъ» онъ передѣланъ и переиначенъ. «Столичные Жители въ Провинціи» превратились въ «Недовольныхъ» и изъ провинціи переѣхали опять въ столицу. Тутъ нѣтъ ничего особенно худаго: автору не трудно перевести своихъ героевъ не только изъ какой-нибудь губерніи въ Москву, но даже изъ Іеддо въ Лиссабонъ—переѣздъ обойдется дешево, какъ ни великъ онъ. Но вотъ что̀ приводитъ насъ въ соблазнъ: мы доселѣ никакъ не думали, чтобы однажды созданное поэтъ могъ передѣлывать по своей прихоти, какъ хозяинъ можетъ перестроить по новому плану домъ, котораго прежнимъ планомъ онъ остался недоволенъ. Неужели творчество есть ремесло, фантазія на стругъ, которымъ можно помыкать, какъ угодно?.. Странно, и, однакожъ, въ отношеніи ко многимъ нашимъ авторамъ, это выходитъ такъ!..

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о содержаніи и харак-

терахъ комедіи. О ея планѣ, завязкѣ и развязкѣ, мы предоставляемъ себѣ поговорить подробнѣе въ другое время. Вотъ дѣйствующія лица комедіи: Князь Радугинъ, аристократъ, богачъ, промотавшій пять тысячъ душъ отъ того, что на Рождество ѣлъ свѣжую малину, а на Крещенье свѣжіе огурцы (маленькая гипербола!); онъ человѣкъ пустой и глупый до послѣдней крайности; онъ не способенъ ни къ какому дѣлу, ни къ какой службѣ, живетъ въ отставкѣ и сердится, что правительство не замѣчаетъ его великихъ талантовъ, его геніальности, и не даетъ ему мѣста, приличнаго его богатству, уму и знатности. У князя есть знакомый, Глинскій, второй томъ Сурскаго, близкая родня Холмину: этотъ человѣкъ олицетворенная ходячая мораль; онъ говоритъ не иначе, какъ сентенціями; вы не станете съ нимъ спорить, вы согласитесь съ нимъ во всемъ до послѣдняго слова, но смертельно соскучитесь, если проговорите съ нимъ хоть десять минутъ. Несмотря на его правильное сужденіе, на здравый образъ его мыслей, онъ немножно смѣшонъ, немножко bon homme, какъ всѣ люди, которые бросаютъ бисеръ передъ свиньями, которые съ важностію разсуждаютъ съ слѣпыми о цвѣтахъ, съ глухими о музыкѣ. Вотъ главныя лица комедіи: на нихъ вертится все ея зданіе. Князь Любскій, министръ, приглашаетъ Глинскаго вступить въ службу и предлагаетъ ему мѣсто своего товарища. Князь Радугинъ, давно уже просившій князя Любскаго о мѣстѣ, ожидалъ въ это время отвѣта отъ него; разумѣется, министръ прислалъ ему отказъ. Случилось же такъ, что судьбѣ, или, лучше сказать, автору угодно было сыграть престранную шутку.

Письмо министра къ Глинскому попалось въ руки князя Радугина, который показалъ его (третье дѣйствіе все происходитъ на водахъ) своимъ знакомымъ и началъ павлиниться, играя роль товарища министра. Только что уходитъ князь, какъ является Глинскій и говоритъ, что ему

попалось, по ошибкѣ въ адресахъ, письмо, принадлежащее князю, а его находится въ рукахъ князя. Вотъ вамъ завязка комедіи «Недовольные»: не правда ли, что она очень проста и естественна? Въ четвертомъ дѣйствіи, къ князю являются съ поклономъ люди, всегда надъ нимъ смѣявшіеся и сверхъ того поклявшіеся не подличать передъ нимъ. Забавнѣе всего ихъ предлоги, будто бы заставившіе ихъ заѣхать нечаянно къ князю: эти предлоги такъ же естественны, такъ же приличны людямъ хорошаго тона, какъ прилична ошибка въ адресахъ министерской канцеляріи. Повторяю, что простота и естественность составляютъ главное достоинство комедіи г. Загоскина. Что-жъ далѣе? Разумѣется, князь ломается, корчитъ изъ себя товарища министра, принимаетъ своихъ поклонниковъ въ халатѣ, обѣщаетъ имъ милости; поклонники расходятся съ самыми канцелярскими поклонами; человѣкъ докладываетъ о пріѣздѣ Глинскаго; князь говоритъ съ удовольствіемъ, что и этотъ моралистъ пріѣхалъ къ нему съ поклономъ и велитъ его принять; Глинскій является и выводитъ дурака изъ его сладкаго заблужденія. Въ это же время, повѣренный по дѣламъ князя докладываетъ ему, что его имѣніе описано за долги. Князь бѣсится и бранитъ Россію. Вы думаете, что онъ бранитъ ее за то, что въ ней нѣтъ списхожденія къ такимъ знатнымъ особамъ, какъ онъ, что въ ней передъ закономъ всѣ равны? — ничего не бывало! онъ бранитъ ее точно такъ, какъ дитя бьетъ вещь, о которую оно ушиблось, т. е. безъ всякаго резона, безъ всякой причины. Вы думаете, что Глинскій воспользуется этимъ, чтобы спросить его, неужели во Франціи законы протежируютъ должниковъ, а не кредиторовъ, и фактомъ докажетъ ему превосходство Россіи передъ Франціею, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта князя? — ни чуть не бывало! онъ говоритъ князю грубости, которыхъ никогда не позволитъ себѣ человѣкъ хорошаго тона. Князь говоритъ, что въ Россіи не-

возможно жить человѣку съ умомъ и душею, и этимъ оканчивается комедія. На первый случай, довольно о самой комедіи, скажемъ слова два о прочихъ дѣйствующихъ лицахъ. У князя Радугина есть теща, Анисья Дмитріевна Камская, что̀ прежде была Матреной Савишною Липскою; это лице хоть кого такъ поставитъ къ тупикъ; по своему происхожденію, своему богатству и положенію въ обществѣ, она кажется аристократкою; но по своему образу мыслей и выраженій, она очень похожа на этихъ торговокъ толкучаго рынка, которыя продаютъ ситцевыя рубашки, бумажные платки и бѣлевые носки.

Въ этомъ отношеніи даже знаменитая сваха Савишна въ «Черной Немочи», въ сравненіи съ нею, кажется аристократкою. Камская говоритъ, что ей придется «положить зубы на полку; пожалуй, не замай, съ души претъ»; видя, какъ посѣтители водъ пошли принимать ихъ, она говоритъ:

Ну, батюшки, пошли на водопой.

Она подсылаетъ своихъ лакеевъ вывѣдывать тайны чужихъ домовъ, чтобъ имѣть пищу для своихъ сплетней; шпіонъ ея, Аѳонька, хотѣлъ посмотрѣть, что̀ дѣлается въ домѣ у Волгиныхъ; тамъ былъ балъ, и хозяинъ дома, оставивъ гостей, вышелъ на улицу,

Какъ вдругъ съ наскоку
Брякъ въ щоку!
„Послушайте, за что?“
—А вотъ за что?—да хлысть въ другую...
. . . .
Ужь онъ каталъ, его каталъ!
Натѣшился, усталъ, —
Людишки привяли...

Камская бѣсится—

Ужь я жъ его, мерзавца, доканаю!

говоритъ она. Скажите, Бога ради, что все это значитъ? Неужели это картина нашего высшаго общества? Неужели эта картина снята съ него после «Горе отъ Ума», въ 1835 году?... Где виделъ г. Загоскинъ такія лица? И говорятъ еще, что комедіи Фонъ-Визина теперь уже анахронизмъ! Мы то же думали, пока не увидели «Недовольныхъ». Но поверимъ г. Загоскину въ существованіи такого рода «Недовольныхъ» — теперь другой вопросъ: зачемъ выводить ихъ въ комедіи? Разве для утешенія райка? И въ самомъ деле, раекъ такъ горячо хлопалъ разсказу Аѳоньки, какъ никогда не хлопалъ прошлый векъ разсказу Терамена. Въ «Горе отъ Ума» почти все лица гнусны, какъ люди, но все они естественны, все они люди, а не куклы, пляшущія по ниткамъ, дергаемымъ руками дирижера комедіи...

Потомъ у князя есть сынъ и дочь. О дочери мы не будемъ много говорить: это просто бездушная и притомъ устаревшая кокетка; это еще не беда: жаль только, что она походитъ немного на горничную. Но сынъ князя — лице, важное въ комедіи. Это мальчикъ, который заучилъ несколько модныхъ выраженій, подобныхъ следующему, которое удалось намъ упомнить:

....Когда никто изъ насъ не постигалъ
Ни любомудрія высокой цели,
Ни просвещенья светлый идеалъ.

Молодой князекъ былъ въ Париже, прекрасно говоритъ и пишетъ на многихъ языкахъ, и только одинъ русскій знаетъ плохо; онъ обожаетъ все европейское, ненавидитъ все русское, разумеется, не зная хорошо ни того, ни другаго; онъ служитъ, но очень нерадиво; три недели не является къ должности, получаетъ выговоръ отъ начальника, который, между прочимъ, советуетъ ему поучиться русской грамматике; князекъ отвечаетъ своему начальнику грубостями, выгоняется изъ службы съ худымъ аттестатомъ и

въ восторгѣ отъ того, что толпа не поняла его. Сверхъ того князекъ мотъ, картежный игрокъ, фатъ, волокита; онъ смѣется надъ роднымъ отцомъ и почти въ глаза называетъ его дуракомъ; словомъ, это человѣкъ безъ познаній, безъ правилъ, безъ души, безъ ума, безъ чести и совѣсти. Здѣсь явное преувеличеніе. Вѣрно, г. Загоскинъ слѣдовалъ тѣмъ эстетикамъ, въ которыхъ говорится, что идеалъ есть совокупленіе всѣхъ чертъ, разсѣянныхъ въ природѣ, въ одно лице, для выраженія той или другой идеи. Врутъ эти эстетики, и слѣдовать имъ опасно. Вообще у г. Загоскина любимая замашка—утрировать. Такъ, напр., въ своей повѣсти «Три Жениха» онъ представилъ либерала, который безпрестанно толкуетъ о правахъ человѣчества, вопіетъ противъ феодальнаго тиранизма, и который, въ то же время, держитъ своего мальчишку въ желѣзномъ ошейникѣ, бьетъ его не щадя, изъ своихъ рукъ, плетью, и который, наконецъ, такъ неосторожень, такъ простъ, что не умѣетъ скрыть своихъ варварскихъ поступковъ и позволяетъ застать себя на дѣлѣ... Увѣряемъ г. Загоскина, что молодые люди, подобные князю Владиміру Радугину, не существуютъ въ природѣ, что только подобные имъ были у насъ когда то, но что теперь и ихъ уже нѣтъ. Неужели у насъ нѣтъ ничего смѣшнаго, ничего порочнаго, что авторы принуждены прибѣгать къ выдумкамъ и небылицамъ? Нѣтъ, для Грибоѣдова общество представляло богатые матеріалы; теперь онъ не написалъ бы «Горе отъ Ума», но написалъ бы новую и вѣрную картину настоящаго общества и такъ же бы насмѣшилъ ею! Но вѣдь у Грибоѣдова былъ огромный талантъ, если не геній!..

Скучно, утомительно и безполезно говорить о другихъ персонажахъ: это все одно и то же, только въ разныхъ костюмахъ и съ разными именами. Въ Запяткинѣ, задушевномъ другѣ Владиміра Радугина, авторъ хотѣлъ представить

что-то въ родѣ Молчалина: это тотъ же подлецъ, только понаглѣе, а главная разница между ними та, что одинъ живой портретъ, а другой восковая фигура, безъ признака жизни и дурно слѣпленная. Княгиня Глафира Савишна Дутикова такъ глупа и нелѣпа, что совѣстно и говорить о ней. Ѳедосья Львовна Полкалова, какъ двѣ капли воды, похожа на г-жу Простакову Фонъ-Визина. Графъ Мишурскій, баронъ Турухмановъ—глупцы, тоже безъ малѣйшей тѣни естественности. Только Котомкинъ и камердинеръ князя Радугина, котораго имени мы не можемъ сказать, по причинѣ его дурнаго этимологическаго значенія—показались намъ естественными и вѣрными портретами, подобныхъ которымъ можно найти по крайней мѣрѣ въ провинціи. Анюта, что прежде была Наташей, изъ магазейной швейки превращена авторомъ въ компаньйонку, и очень неудачно.

Представленіе было лучше комедіи, и однакожъ не произвело на публику никакого впечатлѣнія. Всѣхъ лучше игралъ, разумѣется, г. Щепкинъ; если онъ походилъ не на князя, столичнаго жителя, а на Богатонова, провинціала въ столицѣ, это не его вина; всѣхъ хуже игралъ г. Живокини, который, представляя хотя и пустаго, но свѣтскаго человѣка, очень походилъ на сидѣльца овощной лавки. Послѣ камедіи, мы видѣли какой-то китайскій танецъ, а въ этомъ будто бы китайскомъ танцѣ видѣли разныя ломанья, кривлянья и русскія антраша въ присядку, видѣли круги, полукруги, прямые углы въ 90 градусовъ и тупые углы во 150 и болѣе градусовъ, описываемые ногами. Долго ли эти прямые и тупые углы будутъ наругаться надъ благопристойностію и требованіями вѣка?...

СПИСОКЪ КНИГЪ, ОТЗЫВЫ О КОТОРЫХЪ, ПО НЕЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ СВОЕЙ, НЕ ВОШЛИ ВЪ ЭТО СОБРАНІЕ.

1835 Молва. № 1. Домовой или Любовь стараго подъячаго.—Верескъ.—№ 5. Дворянскіе выборы.—№ 8. Не влюбляйся безъ памяти, водевиль Ѳ. Кони.—Мужъ въ каминѣ, водевиль его же.—№ 9. Подробныя свѣдѣнія о волжскихъ Калмыкахъ—№ 10. Сказаніе о побоищѣ великаго князя Димитрія Донскаго.—№ 12. Повѣсти для дѣтей, соч. г-жи Ренневиль.—Собраніе повѣстей, Беркеня.—Страсть къ должностямъ, комедія.—№ 14. Клятвопреступница.—Современныя повѣсти модныхъ писателей.—Достопамятный бракъ царя Іоанна Грознаго.—Тетрадь русской грамматики для Русскихъ.—№ 16. Похожденіе червонца.—Стихотворенія Баратынскаго.—№ 18. Рахиль соч. Евгенія Фоа.—Пещера смерти.—№ 19. Исторія Пугачевскаго бунта.—№ 21. Забавные анекдоты Полиньяка Финдюро.—№ 22. Свѣтославичъ, соч. Вельтмана.—№ 23. Два мужа, водевиль.—Женихъ-мертвецъ.—Добрыя дѣвушки. №№ 24, 25, 26. Краткая исторія города Казани.—№№ 27, 28, 29, 30. Ледяной домъ, с. Лажечникова.—Малороссійскія повѣсти Основьяненка.—Наськы Украинскы казкы.—Метода всеобщаго обученія Жакото.—Метода Жакото. Чтенія для умственнаго развитія дѣтей.—Артистъ, водевиль.—Вечера моей бабушки.—№№ 31, 32, 33, 34. Очерки сѣвера, соч. Ампера.—Карманный гомеопатическій лѣчебникъ.—Люди высшаго и низшаго круга.—№ 33. Кривой бѣсъ.—Тише ѣдешь, дальше будешь.—№ 36. Русская исторія для первоначальнаго чтенія, соч. Полеваго.—№ 37. Осужденный, повѣсть А. Крылова.—№ 38. Весенніе цвѣты.—Атаманъ бури.—№ 39. Сцены изъ петербургской жизни.—№ 40. Повѣсти Александра Никитина.—Горе отъ тещи, водевиль Григорьева.—Плачъ на кладбищѣ, соч. Кузмичева.—Сельскій колдунъ, его же.—Незаконнорожденный, пер. Протопопова.—№ 41. Нѣмецко-русскій словарь Брифа. Практическая русская грамматика.—Опытъ полнаго учебнаго курса русской грамматики.—№ 42. Библіотека романовъ, Роттана, ч. XIV, XV и XVI.—Эшафотъ, романъ Биньяна.—Свя-

щенная исторія.—Барановскій, романъ.—Валерій и Амалія.—№ 45. Записки о Петрѣ Великомъ, Вилліамса.—О распространеніи Россійскаго государства въ единодержавіе.—Стихотворенія Владиміра Бенедиктова.—№№ 46. 47. Валерія или слѣпая.—Новѣйшіе повѣсти и разсказы.—Сцены современной жизни.—Весенняя вѣтка.—№№ 48, 49. Осенній вечеръ.—№ 50. Исторія Яповіи.—№№ 51, 52. Подвиги русскихъ воиновъ въ странахъ кавказскихъ.—Поединокъ.—Цвѣты нравственности.—Авторскій вечеръ.—Дѣтскій театръ, Бор. Өедорова.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

1834

МОЛВА.

I.

КРИТИКА.

II.

БИБЛІОГРАФІЯ.

1835

ТЕЛЕСКОПЪ.

I.

КРИТИКА.

МОЛВА.

II.

БИБЛІОГРАФІЯ.

III.

ЖУРНАЛЬНАЯ ВСЯЧИНА.

IV.

ТЕАТРЪ.

